МОХАМЕД БАРАКАТ

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
О ПРАВДЕ, СПРАВЕДЛИВОСТИ
И ПАМЯТИ ДОЧЕРИ

ПИЛОТ. ОТЕЦ. УЗНИК. ЧЕЛОВЕК.

Пока я писал эту книгу, я часто ловил себя на мысли о том, на сколько глубоко мне следует раскрывать все детали.
Я всё ещё заперт внутри той самой системы, о которой пишу, — системы, которая годами причиняла физические и психологические страдания мне и моей семье. Были моменты, когда я останавливался и задавался вопросом- не приведёт ли рассказ всей правды к ещё большей травле, наказанию или боли?
Но всякий раз, когда страх заставлял меня колебаться, я напоминал себе об одном уроке, который усвоил после своего ареста. Эти слова упоминаются в Коране 365 раз:
Не бойся.
И поэтому я продолжал писать.
© Мохамед Баракат 2026
Все права защищены

Посвящается Софии Баракат

Светлой памяти Софии Баракат

6 октября 2018 — 24 октября 2019 Хотя ты была совсем маленькой, и теперь тебя нет, ты научила своего отца самому важному уроку его жизни:

Надежда умирает последней.

«Мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы возвращаемся».

От автора

Я пишу эти строки из места, где человеческая свобода измеряется стенами, решётками и временем. Когда-то я был пилотом. Моя профессия была связана с небом, расстояниями и свободой. Я управлял самолётами и отвечал за жизни людей. Сегодня моя жизнь совершенно иная. Я — заключённый. Но прежде всего я — отец, потерявший дочь.

И именно с этого начинается настоящая причина появления этой книги. После её смерти меня обвинили и осудили. Государство поставило в моём деле точку. Но для меня вопросы не закончились вместе с вынесением приговора.

Именно поэтому я начал писать. Не ради мести. Не ради известности. Не ради жалости. Я писал потому, что человек, лишённый свободы, не должен быть лишён права говорить.

На этих страницах я рассказываю то, что видел, пережил и понял сам. Я рассказываю о своём деле, следствии, суде и жизни в заключении. Но я не требую от вас принять мою версию только потому, что это моя книга. Напротив:

Проверяйте мои слова.

Задавайте неудобные вопросы.

Сомневайтесь.

Справедливость не должна бояться вопросов. Если решение действительно справедливо, вопросы только подтвердят его. Если же была допущена ошибка, общество должно иметь мужество её признать.

Я не могу изменить то, что произошло. Я не могу вернуть дочь. Уже семь лет я веду эту борьбу — борьбу за правду, за справедливость и за право быть услышанным. Семь лет — огромная часть человеческой жизни. Но сколько бы времени ни потребовалось, я не остановлюсь. Я буду продолжать бороться за правду.

Я верю, что правда не перестаёт быть правдой только потому, что прошло много лет. И я верю, что справедливость возможна даже тогда, когда кажется, что все возможности уже исчерпаны. Эта книга — мой голос. Теперь этот голос дошёл до вас. А значит, надежда всё ещё жива. Надежда умирает последней.

Глава 1: Рождён рядом с Биг-Беном

Мохамед Баракат родился 30 августа 1978 года в лондонской больнице Святого Томаса, прямо через Темзу от Биг-Бена. Начало его жизни было полно контрастов. Имя Мохамед Баракат, возможно, звучало не совсем по-английски, но родился он в одном из самых узнаваемых мест Британии: в самом центре Лондона, рядом с Парламентом, Темзой, Вестминстерским мостом и знаменитой часовой башней, известной всему миру. С первого дня его жизнь соединяла в себе два мира. Он был британцем по рождению, египтянином по происхождению, мусульманином по семейному воспитанию и лондонцем по детству. Его родители, Мохамед Баракат и Хаснаа Баракат, приехали из Александрии, Египет, и принадлежали к поколению арабских иммигрантов, прибывших в Великобританию с амбициями, тревогами, надеждой и решимостью. Они стремились не просто выжить в новой стране — они хотели построить для своих детей лучшую жизнь.

Мохамед рос в Южном Лондоне, по адресу: Hutchins House, 12 King’s Avenue. Это была двухуровневая квартира в многоквартирном доме, окружённом другими жилыми корпусами, небольшими площадками и садами, где играли дети, и росшими внизу каштанами. Район был многонациональным, но в те годы там всё ещё жило много английских семей. Соседи жили этажом ниже, рядом играли дети, а семьи самого разного происхождения жили бок о бок. В детстве мир Мохамеда был наполнен движением, голосами, акцентами, запахами и культурами. Южный Лондон менялся, но всё ещё оставался местом, где дети играли на улице, ходили пешком в школу и знали лица людей вокруг. С детского сада он учился в начальной школе King’s Acre и ходил туда из дома вместе с сёстрами. В те годы эта дорога казалась обычной и безопасной.

Его детство было наполнено любовью. Родители много работали и отдавали детям всё, что могли. Мохамед вспоминает их с благодарностью: мать и отца, которые посвятили себя семье и стремились дать детям лучшую жизнь. Они хорошо одевались, гордились своим домом и следили за тем, чтобы их дети никогда не чувствовали себя хуже других. Когда вошли в моду Nike Air Max, они были и у детей. Когда появились Air Jordan — тоже. В доме витали ароматы дорогих духов: Christian Dior, Gucci и других брендов. Для ребёнка всё это означало заботу, родительскую гордость и желание дать детям почувствовать себя особенными.

Его отец, Мохамед Баракат, был мостом между двумя мирами. Он знал многих арабов, приезжавших в Великобританию из стран Персидского залива и Ближнего Востока: из Эмиратов, Саудовской Аравии, Катара, Бахрейна и других стран. Одни приезжали по делам, другие — в гости, третьи — на лечение, а кто-то просто хотел увидеть Лондон. Отец встречал людей, помогал им, показывал город и гордился тем, что знакомит их с Лондоном. Он любил ночной Лондон: Парламент, Вестминстерский мост, Лондонский мост,

Биг-Бен и великие достопримечательности, придававшие городу его характер.

Его мать, Хаснаа Баракат, тоже много лет работала в Великобритании. Она трудилась в арабских газетах и СМИ, включая Al-Arabi, Al-Quds, Al-Hawadeth, а позднее — в BBC Arabic. Вместе, его родители олицетворяли нечто важное: первое поколение арабских иммигрантов, помогавшее связывать Великобританию с арабским миром.

Но детство Мохамеда было связано не только с арабской идентичностью. Оно показало ему, насколько разные общины сосуществовали в Великобритании. В школе и по соседству он встречал семьи карибского, африканского, китайского, южноамериканского и индийского происхождения, а также еврейские, мусульманские и английские семьи. Дети знакомились с традициями друг друга. Рамадан и Ид были частью его собственной жизни, а Рождество, Пасха, Дивали и Ханука — частью окружающего мира. Дома семья отправляла соседям рождественские открытки, желая им счастливого Рождества и Нового года. В школе другие дети узнавали о мусульманских праздниках так же, как Мохамед узнавал об их праздниках. В этом был один из главных даров взросления в Великобритании того времени: различия не всегда воспринимались как угроза. Для ребёнка сама жизнь становилась уроком культурного многообразия.

И всё же, такое смешение культур могло сбивать с толку. Родители-иммигранты хотели, чтобы их дети добились успеха в Великобритании, говорили по-английски, учились, хорошо себя вели и стали частью общества. Но одновременно они хотели, чтобы дети помнили о своих корнях, сохраняли религию, культуру, язык, манеры и ценности. Для таких детей, как Мохамед, это означало жить между двумя мирами и двумя системами ожиданий. В школе он был британцем. Дома — египтянином и мусульманином. А на детской площадке его окружали дети, которые тоже соединяли в себе разные миры.

Позднее он понял, что многие дети из семей иммигрантов переживали то же самое. Карибские, африканские, арабские, индийские и другие семьи пытались сделать нечто сложное: стать частью Британии, не растворившись в ней. Их родители уехали ради лучшей жизни, но несли с собой воспоминания, раны, гордость и дисциплину тех мест, которые оставили позади. Сам Южный Лондон находился под сильным влиянием разных культур. Брикстон с его заметным ямайским и карибским наследием был полон жизни, музыки и рынков — свежая рыба, ямс, бананы, ананасы и энергия людей, привёзших с собой свою культуру. Эти общины меняли Лондон так же, как Лондон менял их.

У Мохамеда остались тёплые воспоминания о мелочах: местных магазинчиках, соседях, детских играх и походах за мороженым. Он помнит мягкое мороженое с малиновым сиропом, клубничные десерты, шоколадные

сандэй и вафельные палочки Flake. Эти воспоминания были простыми, но важными. Они принадлежали детству, которое, несмотря на окружающие трудности, оставалось живым и насыщенным. Но с годами Мохамед начал чувствовать, что мир вокруг меняется. Ощущение безопасности раннего детства стало исчезать. Дорога в школу, когда-то обычная, стала восприниматься иначе. Район менялся, семьи уезжали, магазины меняли владельцев, общины смещались. Лондон его самых ранних воспоминаний постепенно превращался в другой Лондон.

Один из первых моментов, заставивших его почувствовать эту перемену, произошёл ближе к окончанию начальной школы. После летней ярмарки к нему подошла группа старших мальчиков. Один из них, Декстер, учился в классе его старшей сестры, а другой был его двоюродным братом Сидни. Они заметили часы Swatch на руке Мохамеда — модные тогда часы, на которых были видны шестерёнки и механизмы внутри. Они попытались его ограбить. Когда Мохамед вернулся домой, мать ему посочувствовала. Реакция отца была другой. Он разозлился из-за случившегося, но его совет был продиктован гордостью и стремлением научить сына постоять за себя. Он сказал Мохамеду: если кто-то ещё раз попытается его ограбить, то он должен выбросить деньги или вещь в ближайший водосток. Если Мохамед не сможет оставить эту вещь себе, то и грабителю это не достанется. Вскоре этот совет пришлось проверить на деле.

Примерно в одиннадцать лет, когда Мохамед шёл домой, за ним увязался подросток постарше, лет шестнадцати-семнадцати. Он приставал к Мохамеду и требовал мелочь. У Мохамеда было около пятидесяти пенсов — в то время этого хватало на небольшую порцию картофеля фри в местной закусочной fish and chips. Вспомнив слова отца, он бросил деньги в водосток. Старший мальчик пришёл в ярость. Он грубо развернул Мохамеда, напал на него и избил. Мохамед попытался дать отпор, но разница в возрасте и физической силе была слишком велика. Парень повалил его на землю и ударил ногой по лицу, сломав нос. Кровь хлынула на рубашку.

Дом был недалеко, но обратная дорога показалась долгой. Машины останавливались и люди спрашивали, нужна ли ему помощь, но он отказывался. Он хотел только одного — добраться домой. Когда отец открыл дверь, он сразу понял, что случилось что-то страшное. Он спросил, что произошло, и отвёз Мохамеда в больницу St George’s, где его оставили на ночь и снова осмотрели на следующее утро. Этот случай стал одним из моментов, обозначивших конец определённого этапа детства. Дело было не только в сломанном носе. Сломалось само ощущение безопасности.

Через несколько месяцев семья вступила в новый этап своей жизни. Было ли то нападение причиной или же лишь одним из многих событий, но родители Мохамеда решили, что пришло время покинуть Южный Лондон. Отец уже искал дом и в конце концов нашёл его в Перивейле, рядом с Алпертоном, на углу Bideford Road. Это был недавно построенный

краснокирпичный дом, заметно выделявшийся среди окружающих зданий. Семья уже переросла свою прежнюю квартиру. В старом жилье было три спальни, и хотя в новом доме их было всего четыре, ребёнку Мохамеду разница в пространстве казалась огромной. Глубокой эмоциональной привязанности к старому дому у него не было. Для него переезд был приключением.

Его мать устала от жизни в той части Лондона, а отца явно воодушевляла идея начать всё заново.

Новый дом требовал ремонта. Отец привёз из Польши дядю и двоюродного брата Марии — родственников давней знакомой семьи из Александрии. Они приехали в Великобританию и за разумную цену преобразили дом: уложили паркет, покрасили стены и словно вдохнули в него новую жизнь. Это был уже не просто переезд, а настоящее начало новой жизни. Переезд из Южного Лондона в Западный стал ещё одним культурным уроком. В Южном Лондоне сильно ощущалось карибское и африканское влияние. Западный Лондон, особенно районы вокруг Алпертона и Перивейла, казался совсем другим. Это было словно попадание в иной мир: ряды индийских магазинов, продуктовых лавок, манго, папайя и товары, которые Мохамед раньше почти не видел. Если на рынках Южного Лондона были ямс, ананасы, бананы и карибские продукты, то Алпертон познакомил его с индийской жизнью, индийскими семьями и иным ритмом Лондона.

Для Мохамеда это был культурный шок. В Южном Лондоне он рос, слыша расистские высказывания в адрес индийцев, а теперь оказался в районе, где индийские семьи составляли значительную часть сообщества. Это заставило его увидеть, как районы, идентичности и предубеждения могут меняться в зависимости от того, где именно ты находишься. Так Мохамед начал глубже понимать Британию: не как нечто однородное, а как страну, состоящую из множества культурных и социальных слоёв — английского, арабского, карибского, африканского, индийского, еврейского, мусульманского, христианского, иммигрантского и рабочего. В каждом были свои амбиции, гордости, страхи и надежды. Его собственная жизнь соприкоснулась со многими из этих миров ещё до того, как он стал подростком. И через всё это неизменным оставалось одно: решимость его родителей дать своим детям жизнь лучше той, которую знали они сами.

Глава 2: Как я здесь оказался?

Теперь, когда я познакомил вас с Мохамедом Баракатом, пришло время представиться самому. Тот мальчик из Южного Лондона, о детстве которого вы только что прочитали, — это я. С этого момента я буду рассказывать свою историю сам, своими словами. Когда я начал писать эту книгу, я долго думал, с чего начать. С тюремной камеры в Казахстане? Со смерти моей дочери? С суда, который навсегда изменил ход моей жизни?

Ответ был: нет. Потому что ни одно из этих событий не произошло само по себе. Чтобы понять, как я оказался в Казахстане, сначала нужно понять путь, который привёл меня сюда. Нужно понять, как ребёнок, родившийся рядом с Биг-Беном, ставший капитаном гражданской авиации, инструктором с допуском на тип воздушного судна, мужем, отцом, в конечном итоге оказался заключённым в этой стране за тысячи километров от дома. Это не просто история моей жизни.

Это ещё и история о границах. О линиях, проведённых на картах политиками, королями, генералами и правительствами. О линиях, способных полностью изменить ценность человеческой жизни в зависимости от того, по какую их сторону ты находишься. Пересечёшь одну границу — и твои права могут защищаться независимыми судами, свободными СМИ и демократическими институтами. Пересечёшь другую — и те же самые права могут существовать только на бумаге. Разница между этими двумя реальностями может определить, восторжествует ли правосудие или будет попрано, услышат ли правду или заставят её замолчать, выйдет ли невиновный человек на свободу или проведёт годы, пытаясь доказать, что произошло на самом деле. Читая эти страницы, вы, возможно, будете задавать себе неудобные вопросы. Все ли свои граждане одинаково ценны для государств? Сложилась бы моя судьба иначе, если бы меня звали Майкл Барретт, а не Мохамед Баракат?

Была бы такой же реакция тех, кому поручено защищать британских граждан? Или политика, экономика и международные отношения иногда оказываются важнее прав отдельного человека? Ответы на эти вопросы я оставляю вам, читателям. Позже я проведу вас по залам судов, тюремным камерам, государственным кабинетам и дипломатическим встречам. Покажу доказательства, решения и события, которые по сей день определяют мою жизнь. Но до этого мы ещё не дошли.

А пока я хочу вернуть вас к самому началу. К мальчику, который рос в Британии в 1980-е годы. К решениям, возможностям, успехам и ошибкам, которые в конце концов сформировали того человека, которым я стал. Потому что жизнь может измениться в одно мгновение.

Один разговор.

Одно решение.

Одна встреча.

Один полёт.

Один телефонный звонок.

Один момент, который кажется незначительным, способен изменить весь ход жизни.

Это история о том, как изменилась моя.

Глава 3: Детство в Лондоне

Когда я рос в Лондоне, мой мир на самом деле был гораздо меньше, чем многие могли бы представить. Сегодня, когда я думаю о семье, я представляю большую сеть родственников, живущих в разных странах. Но в детстве моя семья состояла всего из шести человек включая меня: отца, матери и трёх сестёр. У меня почти не осталось воспоминаний о бабушках и дедушках тех ранних лет. Большинство дядей, тётей и других родственников вошли в мою жизнь лишь позже. В детстве мы в основном были сами по себе. Возможно, именно поэтому связь между мной и моими сёстрами стала особенно крепкой. Мы росли вместе, учились вместе, спорили, защищали друг друга и бок о бок переживали каждое значимое событие нашей жизни. Мы были не просто братом и сёстрами — мы были своей маленькой общиной.

Эта связь никогда не исчезала. Если последующая жизнь и научила меня чему-то, то вот чему: когда у тебя отнимают всё остальное, когда рушится карьера, когда пытаются уничтожить твою репутацию, когда государство подводит тебя и весь мир отворачивается, рядом часто остаётся именно семья. Во всех испытаниях, с которыми я столкнулся, родители и сёстры оставались моей опорой. Когда я был совсем маленьким, отец часто ездил в Египет по делам. Мать тоже регулярно путешествовала, обычно раз в год, и когда позволяли финансы, родители брали нас с собой. Одно воспоминание осталось со мной на всю жизнь. Я был ещё маленьким мальчиком, когда мы с отцом отвезли маму в аэропорт Хитроу перед одной из её поездок. Попрощавшись с ней в зоне вылета, большинство людей просто поехали бы домой.

У моего отца были другие планы. Вместо этого мы поднялись на машине на верхний этаж парковки аэропорта. Оттуда открывался идеальный вид на взлётно-посадочные полосы. Казалось, мы часами наблюдали, как самолёты прилетают и улетают. Засекали интервалы между взлётами и посадками. Смотрели, как самолёты выстраиваются на полосе, разгоняются, отрываются от земли и уходят в небо. Но сильнее самого вида самолётов я запомнил запах. Воздух был наполнен ни с чем не спутываемым запахом авиационного топлива. Сладковатым, резким и странно притягательным. Даже сегодня, десятилетия спустя, запах реактивного топлива мгновенно возвращает меня на ту крышу парковки с видом на аэропорт Хитроу. Стоя там рядом с отцом и наблюдая, как самолёты исчезают в облаках, я почувствовал, что во мне что-то изменилось. Впервые в жизни я точно понял, кем хочу стать.

Я хотел быть пилотом. Не врачом. Не юристом. Не бизнесменом.

Пилотом. Тогда я не смог бы объяснить почему. В полёте было что-то волшебное: свобода, мощь, инженерное совершенство. Завораживала сама мысль о том, что машина с сотнями людей на борту может оторваться от земли и пересечь океаны. С того дня авиация перестала быть чем-то, за чем я просто наблюдал. Она стала мечтой. И хотя тогда я этого не понимал, эта мечта в конце концов определит весь ход моей жизни.

Глава 4: Детство в Лондоне. Часть II

Когда я рос в Лондоне, я искренне верил и до сих пор верю, что другого такого города в мире нет. Для меня он всегда будет номером один. В детстве никогда по-настоящему не ценишь то, что имеешь, потому что не знаешь другой жизни. Образование было бесплатным. Медицина была бесплатной. Стоматология была доступна. Существовали студенческие гранты. Оглядываясь назад, я понимаю, насколько нам повезло. Даже если по лондонским меркам ты не считался богатым, по меркам значительной части мира ты был богат.

Дизайнерские одежды вроде Versace, Armani, Moschino, Gucci, DKNY и Nike были частью повседневной жизни. Наши гардеробы отражали то, что мы видели по телевизору и на парижских показах мод. Подростками мы разъезжали на GTI, RS Turbo, Renault 5 GT Turbo, Subaru Impreza — которые мы называли «Scoobys», — BMW и Mercedes.

По выходным ходили в Ministry of Sound и пользовались возможностями и впечатлениями, о которых миллионы подростков по всему миру могли только мечтать. Улицы и правда казались вымощенными золотом. Но у Лондона всегда была и другая сторона. За возможностями, достатком и бурной жизнью большого города скрывался мир, где преступность всегда была где-то рядом.

Наркотики любого вида были легко доступны. Мелкие преступления, квартирные кражи, организованная преступность, насилие банд, угоны автомобилей, нападения с ножами и грабежи были частью повседневности. С годами ситуация, казалось, только ухудшалась. Иногда на людей нападали вообще без причины. Достаточно было не так посмотреть на кого-то, чтобы спровоцировать насилие. Путешествуя по миру, я заметил, что, хотя культуры сильно различаются, мотивы преступлений удивительно похожи. В Европе, Азии, Африке — где угодно — снова и снова возникают одни и те же соблазны: секс, наркотики, алкоголь и прежде всего деньги.

Или, как говорил комик Гарри Энфилд:

«Куча денег!»

Но что отличает тех, кто добивается успеха, от тех, кто терпит крах? Для меня ответ заключён в одной строке из песни Shaggy:

«Жизнь — одна большая вечеринка, пока ты молод. Но кто прикроет тебя, когда всё закончится?» Эти слова остались со мной, потому что в них заключена простая истина. В жизни каждого наступает момент, когда понимаешь: никто другой не построит твоё будущее за тебя. Рано или поздно приходится самому отвечать за свои решения, амбиции и дисциплину. Именно тогда моя собственная жизнь начала меняться. Конечно, этот путь я прошёл не один. Родители и сёстры дали мне любовь, поддержку и опору, благодаря которым я смог встать на ноги. Без них многое из того, что произошло дальше, было бы невозможным. Чем больше я путешествовал и знакомился с разными странами, тем яснее складывалась моя собственная

жизненная философия. Я не предлагаю её как универсальный совет и не утверждаю, что так должны жить все. Это всего лишь баланс, который помогал именно мне.

Я называю его принципом 40-40-20.

Сорок процентов своей энергии следует посвящать работе, амбициям и вкладу в общество. Сорок процентов — семье, любимым людям и отношениям, которые действительно имеют значение. Оставшиеся двадцать процентов принадлежат только вам. Тратьте их на молитву, спорт, чтение, путешествия, отдых, увлечения или просто на то, что приносит вам покой. Никогда не чувствуйте вины за время, которое посвящаете себе. Единственный вопрос, который стоит задать: заслужили ли вы эти двадцать процентов, достойно распорядившись остальными восемьюдесятью.

Со временем я понял ещё одну истину.

Чем успешнее ты становишься, тем заметнее становишься.

А чем заметнее становишься, тем вероятнее привлечёшь зависть.

В Лондоне такая зависть обычно исходила от уличных преступников или организованных банд, которым нужны были деньги или статус. Я не понимал одного: не во всех странах всё устроено одинаково. Прожив много лет за границей — в таких местах, как Сингапур и Малайзия, — я стал оптимистом. Я начал верить, что в глубине души большинство людей по своей природе хорошие. Где-то по дороге я забыл уроки, которым научило меня взросление в Лондоне. Я потерял бдительность. Когда я в конце концов приехал в Казахстан, я думал, что просто начинаю очередную главу своей карьеры. Я не представлял, что уже одним своим положением иностранца могу стать мишенью. Крупнейшая организованная преступная сеть, с которой мне когда-либо доведётся столкнуться, находилась не на улицах. Она находилась внутри тех самых институтов, которым поручено обеспечивать соблюдение закона.

По моему опыту, этими институтами были полиция, прокуратура и судьи. Это был урок, который я никогда не ожидал получить. К тому времени, когда я это понял, было уже слишком поздно.

Глава 5: От государственной школы к частной

Оглядываясь назад, я понимаю, что одни из самых счастливых воспоминаний моего детства связаны с начальной школой King’s Acre в Южном Лондоне. Начиная с детского сада, King’s Acre стала моим вторым домом. Почти каждое счастливое воспоминание о детстве словно начинается именно там. Учителя были замечательными, и я действительно любил каждое утро идти в школу. Одним из моих любимых моментов дня было время сказок. Каждый день после обеда мы все садились на ковёр в классе, а моя любимая учительница, миссис Вашингтон, читала нам. Больше всего моё воображение захватила книга «Лев, колдунья и платяной шкаф», которая сегодня известна прежде всего как часть цикла «Хроники Нарнии». Даже

сейчас я так ясно представляю те послеобеденные часы, словно всё было вчера.

Сама школа тогда была совсем другой. На утренней перемене нам выдавали небольшие стеклянные бутылочки молока с бумажной соломинкой и ломтик свежего яблока. Тогда всё это казалось совершенно обычным. Оглядываясь назад, понимаешь, что именно такие мелочи почему-то остаются в памяти дольше всего. Жить и взрослеть в Лондоне означало с детства быть окружённым множеством разных культур. В школе мы отмечали Хэллоуин, танцевали на дискотеках в честь Дивали и узнавали традиции друг друга. По дороге домой заходили в магазин сладостей, где конфеты продавались на вес. Обычно я просил четверть фунта леденцов со вкусом ревеня и заварного крема, но если были клубничные бонбоны, то они были вне конкуренции. Они всегда были моими любимыми. Когда я вспоминаю King's Acre, я не думаю об экзаменах или классах. Я помню только счастье и радость.

После начальной школы я перешёл в среднюю школу Chestnut Grove. Если говорить откровенно, счастливых воспоминаний об этой школе у меня немного. Это был лишь переходный период перед тем, как моя жизнь изменилась. Перемены начались, когда наша семья переехала из Южного Лондона в Западный. Почти за одну ночь я оказался в совершенно другом мире. Меня приняли в King Fahad Academy в Норт-Актоне — одну из наиболее уважаемых частных школ, ориентированных на арабскую и мусульманскую общину Великобритании. Многие ученики были детьми дипломатов, бизнесменов и состоятельных семей со всего Ближнего Востока, а также британских мусульманских семей, стремившихся дать детям лучшее образование. Для меня это была потрясающая возможность.

Уровень образования был превосходным. Учителя ожидали дисциплины и результатов, а дружба, которую я завёл там, сохранилась на всю жизнь. Более того, некоторые из тех же самых друзей всё ещё помогают мне десятилетия спустя, и не забывают даже сейчас когда я сижу и пишу эти страницы. Если мне что-то и не нравилось, так это школьная форма. Тот, кто выбрал зелёный и серый официальными цветами, явно не советовался с учениками. До сих пор считаю её одной из самых уродливых школьных форм, когда-либо созданных. К счастью, всё остальное в школе с лихвой это компенсировало.

Сам кампус был исключительным. В King Fahad Academy были отличные условия для спорта. У нас были баскетбольные и бадминтонные площадки, футбол, крикет и регулярные уроки физкультуры, которых я с нетерпением ждал каждую неделю. Силовые тренировки проходили в спортивном центре на Bromyard Avenue, и для человека, который любил движение, такая среда была совершенно естественной. Спорт стал ещё одним способом укреплять дружбу. Играли ли мы в футбол, крикет, бадминтон или баскетбол, нас всегда сопровождали здоровое соперничество, смех и воспоминания, которые

остаются с тобой ещё долго после окончания школы. На территории Академии была и собственная мечеть.

Каждую пятницу вся школа собиралась на джума-намаз. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, насколько необычным был этот опыт. Дело было не только в религии, но и в чувстве общности. Ученики из разных стран и культур стояли плечом к плечу за молитвой, а затем вместе возвращались в классы. Это укрепляло ощущение, что, хотя мы и приехали из разных уголков мира, всё же мы часть одного школьного сообщества. Даже школьные обеды остались у меня в памяти. Я ел в ресторанах по всему миру, летал первым классом с некоторыми из лучших авиакомпаний планеты и останавливался в роскошных отелях почти на каждом континенте. И всё же школьные обеды в King Fahad Academy я почему-то до сих пор считаю одними из лучших, что мне доводилось есть. Это может показаться мелочью, но детские воспоминания часто именно такие. Иногда с нами остаются не самые значительные события.

Иногда это бутылочка молока с бумажной соломинкой. Любимая учительница, читающая историю. Пакет клубничных бонбонов по дороге домой. Футбол с друзьями.

Пятничная молитва в школьной мечети. Или просто момент, когда ты сидишь в школьной столовой и даже не представляешь, куда однажды приведёт тебя жизнь.

Глава 6: Стать самостоятельным человеком

Одной из самых ценных вещей, которые дала мне King Fahad Academy, было то, что я сумел по-настоящему оценить лишь много лет спустя. Когда я рос в Южном Лондоне, я часто сравнивал свою семью с семьями моих английских друзей. Как и многие дети, иногда я думал, что некоторые поступки моих родителей были необычными или слишком строгими. Теперь, оглядываясь назад, понимаю: я просто сравнивал две разные культуры. King Fahad Academy изменила это.

Впервые я оказался среди детей из семей, очень похожих на мою. Я понял, что многие традиции, ценности и ожидания, с которыми я вырос, вовсе не были странными — для арабских и мусульманских семей они были совершенно нормальными. Помимо стандартной британской программы, мы изучали арабский язык и исламоведение. Это дало мне гораздо более глубокое понимание собственного происхождения, одновременно сохранив превосходное британское образование. Поскольку школа была мусульманской, мальчики и девочки учились раздельно. Кто-то мог бы подумать, что это означало полную изоляцию от внешнего мира. Реальность была полной противоположностью. Мужская школа находилась совсем недалеко от Barbara Speake Stage School в Актоне, где когда-то училась Наоми Кэмпбелл. Западный Лондон был полон жизни, разнообразия и возможностей. Мы точно не жили в пузыре.

Окончив King Fahad Academy, я поступил в Hammersmith and West London College. Для меня это был совершенно другой мир. Если King Fahad Academy учила дисциплине, колледж учил самостоятельности. Оглядываясь назад, иногда мне кажется, что он больше напоминал показ мод, чем учебное заведение. Парни и девушки свободно общались весь день. Некоторые мои друзья уже начали водить машину, и многие из нас впервые ощущали свободу, которая приходит со взрослой жизнью. Мы больше не были мальчишками.

Мы постепенно становились мужчинами. Именно там я научился разговаривать с девушками, завёл новые знакомства и, как многие подростки, начал экспериментировать с алкоголем. Если быть честным, я не помню, что посещал много лекций. Преподаватели не гонялись за тобой, если ты не приходил. Никто не звонил твоим родителям. Никто не проверял, сидишь ли ты на занятии. Колледж работал по совершенно другому принципу. Предполагалось, что, если ты хочешь получить образование, ты сам отвечаешь за то, получишь ли его. Для меня это была совершенно новая концепция. Мой распорядок стал удивительно простым. Я приходил на лекции, которые считал важными, забирал нужные конспекты и учебные материалы, а остальную часть дня проводил с друзьями и, время от времени, с девушкой, с которой тогда встречался. Тогда я ещё не сформулировал то, что сейчас называю своей философией 40-40-20.

Но, оглядываясь назад, понимаю, что уже жил примерно по тому же принципу, даже не осознавая этого. Когда оставался один, я учился. Когда наступало время наслаждаться жизнью, я наслаждался ею. А каждый вечер, что бы ни произошло днём, я возвращался домой.

Почти каждый вечер наша семья собиралась вместе за столом и ужинала. Эта простая привычка помогала нам сохранять связь друг с другом и не терять почву под ногами. Наверное, самый забавный момент наступил, когда пришли результаты моих экзаменов. Я сдал. Моя семья была по-настоящему шокирована. Они были уверены, что я даже не пошёл на экзамены.

Видя, как мало времени я, казалось, проводил в колледже, они решили, что я просто прожигаю свои дни. Они не видели тех часов, которые я тихо проводил за самостоятельной учёбой. Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что система британских колледжей даёт молодому человеку один из самых ценных жизненных уроков. Наступает момент, когда никто больше не стоит у тебя над душой. Никто не напоминает. Никто не заставляет тебя добиться успеха.

Ответственность становится твоей собственной. И я верю, что усвоение этого урока стало одним из моих первых настоящих шагов во взрослую жизнь.

Глава 7: Западный Лондон, новые друзья и новая музыка

Переезд из Южного Лондона в Западный изменил не только школу, в которой я учился. Он изменил и музыку, под которую проходила моя жизнь. Когда я рос в Южном Лондоне, мой мир вращался вокруг регги, ragga, хип-хопа и чисто британского жанра jungle. Это была музыка моего детства. Она звучала в парках, молодёжных клубах, из проезжавших машин и на улицах, где мы проводили выходные. Западный Лондон познакомил меня с чем-то совершенно другим. Многие мои ближайшие друзья были из пакистанских семей, и вскоре я всё чаще стал слушать бхангру. Сначала просто потому, что её любили мои друзья, но чем больше я слушал, тем сильнее ценил её энергию и связь с семейными праздниками и жизнью общины. Это также помогло мне понять, как много общего было у арабских и пакистанских семей.

Наши культуры различались, но общее исламское наследие делало многие наши ценности похожими. Уважение к родителям, гостеприимство, верность семье и стремление к образованию — всё это было глубоко укоренено в наших домах. Оглядываясь назад, я испытываю огромное уважение к родителям многих моих пакистанских друзей. Они хотели для своих детей самого лучшего, и годы спустя результат стал очевиден. Многие из тех друзей стали высокообразованными специалистами и успешными бизнесменами. Усилия и самоотдача их родителей принесли плоды. Было ещё кое-что, что всегда заставляло меня улыбаться. Когда кто-то из нас попадал в неприятности, представления наших родителей о дисциплине оказывались поразительно схожими. Скажем так: неважно, рос ты в египетской или пакистанской семье, особого сочувствия, если ты сделал то, чего делать не следовало, ждать не приходилось.

Пока мы росли, мы с сёстрами точно давали родителям достаточно поводов, чтобы время от времени получать суровые уроки. Теперь я понимаю, что эта дружба научила меня чему-то гораздо более ценному, чем я тогда осознавал. Они показали мне, что культуры могут выглядеть совершенно разными на поверхности, но опираться на одни и те же основы. Это был ещё один урок, который жизнь в Лондоне незаметно преподала мне задолго до того, как я понял, что чему-то учусь.

Глава 8: Научиться владеть страхом

Мой отец родился и вырос на берегу Средиземного моря в Александрии. Он всегда считал, что плавание у нас просто в крови. Честно говоря, я не помню, чтобы кто-то когда-либо учил меня плавать. Одни из самых ранних моих воспоминаний — море или бассейн, где я был с отцом, ещё совсем маленьким. Плавание стало для меня таким же естественным занятием, как ходьба. Это было просто то, чем мы занимались всей семьёй. У меня осталось только одно воспоминание о том, как я действительно оказался в серьёзной опасности в воде. В детстве мы регулярно ходили в Latchmere Leisure Centre,

где одной из главных забав была большая водная горка. Однажды я сделал ровно то же, что и бесчисленное количество раз до этого: съехал с горки головой вперёд, нырнул в воду — и что-то пошло не так. До сих пор я не знаю точно, что произошло. Я понял, что не могу выбраться на поверхность.

Я пытался держаться на воде, но вместо этого начал захлёбываться. Я понял, что тону. Наверное, всё длилось не больше тридцати секунд, но ребёнку это показалось намного дольше. Спасатель сразу прыгнул в бассейн и вытащил меня. Я помню скорее растерянность, чем страх. Через несколько минут я снова плавал в бассейне со всеми остальными, словно ничего не случилось. Теперь, оглядываясь назад, понимаю, что это уже тогда было частью моего характера. Многие переживания, которые могли бы травмировать других детей, в моём сознании становились скорее уроками, чем источником страха. В детстве было всего два случая, которые по-настоящему меня напугали. Первый произошёл на крытой игровой площадке. Я даже не помню, где именно она находилась.

Там были мягкие игровые тоннели из яркой набивной ткани. Дети заползали с одного конца и вылезали с другого. Я забрался в один из тоннелей, когда несколько детей начали прыгать по нему сверху. Внезапно я не смог двигаться. Тоннель обрушился вокруг меня. Я не мог дышать.

Впервые в жизни я испытал настоящую клаустрофобию. Второй случай произошёл во время школьной экскурсии к Монументу в лондонском Сити. Как и любая группа школьников, мы наперегонки бежали вверх по узкой винтовой лестнице, смеясь всю дорогу до вершины. Я понятия не имел, что боюсь высоты. Как только я вышел на смотровую площадку, меня охватил непреодолимый страх.

Казалось, ноги вот-вот подкосились, и я инстинктивно отшатнулся назад. К счастью, наши учителя видели такое не раз. Не устраивая никакой суеты, они спокойно проводили вниз по лестнице тех из нас, кто только что обнаружил у себя страх высоты. Эти два случая дали мне урок, который впоследствии повлиял на всю мою жизнь.

Я признавал, что у меня есть страхи. Но отказывался позволять им определять меня. Вместо того чтобы избегать их, я сознательно искал возможности их преодолеть. В конце концов, как я мог стать пилотом авиалайнера, если позволял себе оставаться человеком, боящимся высоты? Как мог проводить часы в кабине самолёта, если позволял клаустрофобии управлять мной? Очень рано я понял, что самые большие препятствия часто находятся в нашем собственном сознании и создаём мы их сами. Решение изменить себя к лучшему, кем-то стать или что-то преодолеть — это решение, которое никто другой не может принять за тебя.

Это образ мышления. Годы спустя этот образ мышления будет испытан так, как я никогда не мог себе представить. Никакая авиационная подготовка не могла подготовить меня к потере самого дорогого человека в моей жизни — моей дочери Софии. Ни один тренажёр не мог подготовить меня к

предательству моей жены Мадины. И никакой жизненный опыт не мог подготовить меня к тому, что я окажусь заперт внутри правовой системы чужой страны, языком которой я даже не владел. В жизни бывают моменты, когда кажется, будто на тебя набросилась стая гиен и стервятников, и каждый ждёт возможности урвать свою долю, пока от тебя не останется ничего.

Можно позволить этому поглотить тебя. А можно решить, что, какими бы невозможными ни казались обстоятельства, ты всё равно продолжишь бороться. Всё, что вы прочитали о моём детстве и ранней жизни, вело к этому моменту. Потому что, прежде чем понять, как я пережил то, что произошло в Казахстане, нужно понять тот внутренний настрой, который не позволил мне сдаться.

Глава 9: Возвращение к своим корням

Мои родители всегда считали, что образование — лучшая инвестиция, которую они могут сделать в своих детей. Если кому-то из нас требовалась дополнительная помощь, родители не раздумывая оплачивали частные занятия. Оглядываясь назад, я понимаю, на какие жертвы им, вероятно, приходилось идти, чтобы дать нам возможности, которых у них самих никогда не было. Я рос в годы Маргарет Тэтчер и экономического спада в Великобритании. Как и миллионы других семей, мы смотрели EastEnders, Coronation Street, Spitting Image и «Мистера Бина» задолго до того, как он стал знаменит на весь мир. Летом мы часто бывали у озера Серпентайн в Гайд-парке, наслаждаясь тем, что сегодня кажется простыми радостями детства.

После Hammersmith and West London College я поступил в Middlesex University. Моей целью было улучшить оценки настолько, чтобы получить место в Kingston University на специальности «Аэрокосмическая инженерия». Однако к тому времени я уже полностью погрузился в студенческую жизнь. Если быть честным, мои приоритеты были расставлены совсем не так, как следовало. Быстрые машины. Красивые девушки. Хорошие друзья. Поздние ночи. Для меня жизнь превратилась в одно бесконечное приключение. Философии 40-40-20, о которой я говорю сегодня, тогда точно не существовало. Тогда всё было скорее так.

Развлечения. Развлечения. Развлечения. Я хотел только проводить время с друзьями и гулять до самого утра. Лестер-сквер стала главным местом наших развлечений. Мы переходили из клуба в клуб — Capital Club, Equinox, Limelight, China White и многие другие, которых, вероятно, уже давно не существует. Студенческая жизнь в Лондоне была невероятной. Напитки часто стоили всего один фунт за шот, а билеты на студенческие вечера заранее продавались в университете. Каждый вечер город словно оживал, и нам казалось, что эти ночи будут длиться вечно. Но мои родители видели то, чего не видел я. Они замечали, как меняются мои приоритеты. Видели, как моё

отношение к жизни начинает уходить не туда. В конце концов отец и мать посадили меня перед собой и дали выбор.

«Либо поезжай в Египет, поживи там какое-то время и узнай свои корни, либо дальше справляйся сам, сынок». Несколько месяцев я пытался жить по второму варианту.

Независимая жизнь звучала заманчиво. Реальность оказалась совсем другой. Очень быстро я понял, насколько трудной становится жизнь без поддержки людей, которые по-настоящему тебя любят. И я принял их предложение.

Это решение стало одним из важнейших поворотных моментов моей жизни. Впервые я уехал из Великобритании на длительный срок. Впервые я по-настоящему открыл для себя Египет. До этого моё представление о семье во многом складывалось из друзей семьи, которых мы ласково называли «дядя» или «тётя». Теперь я знакомился со своими настоящими дядями. С настоящими тётями. С двоюродными братьями и сёстрами. С миром моих бабушек и дедушек.

Впервые я начал по-настоящему понимать, откуда родом мои родители и какая культура сформировала их задолго до того, как они построили новую жизнь в Великобритании. Но Египет дал мне и ещё кое-что. Это была первая страна, где я по-настоящему увидел, как коррупция может медленно разъедать государство. Я увидел, как несправедливость может пронизывать все уровни общества, как связи и влияние оказываются сильнее честности и как обычные люди нередко бессильны перед системами, которые не могут изменить. Тогда я не представлял, что однажды эти наблюдения станут для меня глубоко личными. Я был молодым человеком и помню лишь одно сильное чувство — благодарность. Благодарность за то, что мои родители выбрали построить нашу жизнь в Великобритании. Я думал, что еду в Египет, чтобы лучше узнать свои корни. Я и представить не мог, что одновременно получаю первый урок о том, насколько опасна коррупция, — урок, к которому жизнь заставит меня вернуться спустя годы, но при более тяжёлых обстоятельствах.

Глава 10: Пишу изнутри

Сегодня, когда я сижу здесь и пишу эту книгу, я чувствую себя истощённым. Не только из-за отнятых у меня лет, но и потому, что я вижу, как мою семью вынуждают нести всё новые расходы лишь для того, чтобы обеспечить мне хотя бы подобие нормальных условий жизни.

Еда.

Одежда.

Стиральный порошок.

Зубная паста.

Сигареты.

Самые простые лекарства.

Возможно, вы слышали, что заключённым в других местах нужны такие вещи, но лишение свободы в Казахстане заходит гораздо дальше. Здесь мы буквально помогаем строить тюрьму, в которой нас содержат. Заключённые работают с кирпичом и цементом. Мы ремонтируем здания, устанавливаем колючую проволоку, помогаем строить и обслуживать котельные и системы водоснабжения. Когда что-то ломается, расходы снова и снова перекладывают на нас и наши семьи. Государство лишает нас свободы, но от наших семей ожидают, что они помогут финансировать саму тюрьму. У нас уже отняли свободу. Но система протягивает руку и за тюремные стены, наказывая ещё и тех, кто нас любит. Больше всего меня поражает, как сотрудники каждое утро надевают форму и делают вид, будто она по-прежнему что-то означает.

Они приходят на работу как попрошайки. Днём и ночью они выпрашивают у заключённых сигареты, напитки, еду и сладости. Когда таких мелких поборов становится недостаточно, придумывают новые уловки и схемы, чтобы вытягивать деньги из нас и наших семей. И при этом преступниками почему-то называют нас. Я вспоминаю британских полицейских, которых видел, когда рос в Лондоне. Какие бы недостатки ни были у британской полиции — а идеальных институтов не существует, — я помню сотрудников, патрулировавших улицы с гордостью за свою форму и за то, что она представляла. Продал бы британский полицейский эту гордость за пачку сигарет? Ходил бы он и выпрашивал у заключённых сладости и газировку? Ожидал бы он, что семьи заключённых будут платить за здание, которое его наняли охранять? До Казахстана единственным местом, где я лично видел подобное унижение самой государственной должности, был Египет.

Египет — часть моей крови и моего наследия. Мои родители родились там. Моя семья родом из Александрии, и я никогда не стану отрицать или стирать эту часть себя. Но любить свои корни не означает лгать о том, что ты видел. Я видел, как чиновники в Египте злоупотребляли своей формой, грабили обычных людей и использовали должность, чтобы улучшить собственную жизнь. Снаружи они носили власть, а внутри вели себя как мелкие воры. От некоторых из них словно исходил смрад — не только физический, но и моральный. Этот опыт заставил меня ещё сильнее ценить то, насколько мне повезло вырасти в Великобритании.

А потом я приехал в Казахстан. Здесь я столкнулся с тем же образом мышления, но внутри правовой системы, которая, казалось, превратила его в целую индустрию. Казахстанские газеты сами постоянно публикуют истории о начальниках полиции, сотрудниках тюрем, прокурорах и судьях, которых расследуют, арестовывают или осуждают. Судей отправляли в тюрьму за взяточничество и коррупцию. Высокопоставленных полицейских осуждали за чудовищные преступления. Работников судов разоблачали в получении

денег и манипулировании теми самыми системами, которые они были обязаны защищать.

Это не иностранная пропаганда. О своих скандалах Казахстан сообщает сам. Полиция, прокуратура и суды по идее должны действовать как независимые звенья системы правосудия. Но с моей точки зрения они слишком часто действуют как части одного целого. Они защищают друг друга.

Передают жалобы обратно друг другу. Расследуют друг друга и раз за разом обнаруживают, что никто ничего плохого не сделал — пока в интернете не появляется видео, общество не возмущается и доказательства уже невозможно похоронить. Видео с пытками, распространившиеся по интернету, были сняты в печально известном тюремном комплексе в Заречном, где сейчас содержат меня. На кадрах заключённых избивали, связывали, подвешивали и пытали те самые люди, которым государство платило за надзор над ними.

Это были не просто «обвинения». Видео существовали и сотрудников установили. Семь бывших сотрудников тюрьмы получили реальные сроки до семи лет за пытки заключённых. Начальника учреждения сняли, высокопоставленные сотрудники потеряли должности, множество работников уволили.

И что изменилось? Насколько я вижу — абсолютно ничего. Коррупционный бизнес продолжается как обычно. Просто сменились люди в форме. Должности снова заняли, пришли новые сотрудники, а прежняя культура продолжила жить.

Попрошайничество продолжилось.

Давление продолжилось.

Схемы продолжились.

Ожидание, что заключённые и их семьи должны финансировать систему, продолжилось.

Вот почему попытки списать всё на несколько «паршивых овец» для меня ничего не значат. Когда одну группу убирают, но то же самое продолжается, это уже не проблема в нескольких отдельных людях. Проблема — в системе, которая их производит и защищает. Коррупция здесь — не случайный сбой в повседневной жизни. Для многих людей внутри правовой и пенитенциарной системы она и есть повседневная жизнь. И что обо всём этом думает британское правительство?

Ему не всё равно? Судя по годам, которые я провёл здесь, часто создаётся ощущение, что ему недостаточно важно, когда речь идёт о страданиях одного из его собственных граждан. Британское посольство поднимало некоторые вопросы, связанные с моим благополучием, и направляло дипломатические ноты. Я это признаю. Но я по-прежнему нахожусь в заключении после многих лет сообщений о пытках, жестоком обращении, нарушениях закона и нарушении моего права на справедливое разбирательство.

Где срочность? Где возмущение? Где та же решимость, которую Великобритания проявляет, когда затронуты коммерческие интересы? Когда Казахстан хотел привлечь иностранных инвесторов, Великобританию очень волновало качество правосудия, доступного международному бизнесу. Британская экспертиза помогла создать Международный финансовый центр «Астана». За пределами обычной судебной системы Казахстана был создан суд по английскому праву, а именитые британские судьи были приглашены, чтобы обеспечить ту репутацию и защиту, которых требовали международные инвесторы.

Задумайтесь, что это означает. Для международного бизнеса обычные суды Казахстана, судя по всему, были недостаточно надёжными. Инвесторам дали английское право. Им дали британских судей. Им дали отдельный суд и гарантии, призванные внушать международное доверие. Но когда британского гражданина преследуют, пытают и заключают в тюрьму в рамках обычной казахстанской системы, его оставляют наедине с той же полицией, прокуратурой и судьями, от которых международный бизнес специально защитили. Бизнес получает британское правосудие. Британский гражданин получает дипломатические ноты. Казахстанская нефть, полезные ископаемые, торговля и инвестиционные возможности, похоже, привлекают внимание на самом высоком уровне.

Моя свобода — нет. Смерть моей дочери — нет. Доказательства, указывающие на того, кто был виновен, — нет. Пытки и нарушения, о которых я сообщал, — нет.

Поэтому я задаю вопрос прямо. Если обычная казахстанская правовая система достаточно хороша для Мохамеда Бараката, почему она оказалась недостаточно хороша для британских инвесторов? И если Великобритания была готова предоставить судей и правовую защиту международным деньгам, почему она осталась в стороне, пока одного из её граждан поглощала система, от которой эти гарантии и были призваны защищать?

Двойные стандарты? Решать вам, читателям.

Глава 11: Не езжайте в Казахстан

Когда я был моложе, я посмотрел фильм Гая Ричи «Большой куш». В нём снимались Брэд Питт и Винни Джонс, а действие происходит в Англии. Кажется, что все герои фильма охотятся за одним очень крупным бриллиантом. Ближе к концу фильма персонаж по имени Кузен Ави, американец, окончательно устаёт от всего происходящего и решает вернуться в Соединённые Штаты. В аэропорту он проходит паспортный контроль, и его спрашивают: «Есть что декларировать?» Он отвечает просто:

«Не езжайте в Англию».

В кино это звучит смешно. Но если посмотреть на то, как обошлись со мной, уже не так смешно услышать от человека, лично прошедшего через

казахстанскую правовую систему, его собственный совет: Не езжайте в Казахстан. Я знаю, что Казахстан — красивая страна.

Я это видел. Я видел горы, степь и озёра. Я путешествовал по стране и встречал замечательных людей. В самой этой книге есть казахстанцы, которые помогали мне, поддерживали меня и проявляли ко мне доброту, хотя им совершенно нечего было от этого получить. Моё предупреждение касается не их. Оно о том, что может произойти, когда что-то пойдёт не так и вы внезапно окажетесь внутри правовой системы.

Посмотрите, что произошло со мной. Послушайте крики самих местных жителей, которые требуют справедливости. А затем посмотрите, что появляется в социальных сетях. Видео индийских туристов, жалующихся, на то что полиция Алматы забрала у них телефоны. Иностранцы рассказывают о своих столкновениях с полицией и властями. А затем загляните в тюрьмы. За эти годы я видел, как в них оказывается всё больше иностранцев, и сидел, слушая их истории.

Разные национальности.

Разное происхождение.

Разные обвинения.

Но многие из них жалуются на одно и то же:

Коррупция.

Фальсификация.

Несправедливые суды.

Деньги.

Когда снова и снова слышишь одни и те же жалобы, в конце концов начинаешь спрашивать себя, как столь разные люди пришли к настолько похожим описаниям своего опыта. А ещё в Казахстане есть выражение, и оно написано на стенах следственного изолятора С18:

«Хочешь попасть в тюрьму? Приезжай в Алматы».

Задумайтесь об этом на минуту. Когда вы приезжаете куда-то как турист, вы ни о чём таком не думаете. Вы думаете о гостинице. О ресторанах. О горах. О ночной жизни. О еде. О погоде. Может быть, о том, куда пойдёте завтра.

Вы не прилетаете в аэропорт, задаваясь вопросом, что произойдёт, если вас арестуют.

Вы не изучаете следователя, который, возможно, будет вас допрашивать.

Вы не спрашиваете себя, разведут ли свидетелей по отдельности до того, как они дадут показания.

Вы не задумываетесь, сохранят ли доказательства.

Вы не думаете о прокурорах, судьях, судебных экспертах, переводчиках, комнатах для допросов или тюремных камерах.

И уж точно не представляете, что однажды можете сидеть в одной из таких камер, пытаясь объяснить свою невиновность на языке, которого не знаете.

Я не представлял. Я приехал в Казахстан как пилот авиакомпании. Я работал здесь. Я путешествовал здесь. Я женился на казахстанке. Моя дочь была наполовину казашкой. Я подумывал о покупке здесь недвижимости. Думал о бизнесе здесь. У меня были здесь друзья. Я строил здесь часть своего будущего. Я точно не ходил по улицам, думая: Осторожнее, Мохамед. Однажды эти люди могут посадить тебя на двадцать лет.

Кто вообще так думает? Но в этом и проблема. Вы узнаёте, насколько закон действительно способен вас защитить, только когда что-то идёт не так. А к тому времени может быть уже слишком поздно. Годами я наблюдал за людьми внутри, отчаянно пытавшимися отменить то, что с ними уже сделали.

Апелляции.

Жалобы.

Новые адвокаты.

Новые доказательства.

Семьи умоляют о помощи.

Семьи занимают деньги.

Семьи продают вещи.

Люди ищут связи.

Люди ищут деньги.

Все ищут какую-то дверь назад на свободу. Я знаю, что будут люди, которые прочитают это и скажут: Мохамед ненавидит Казахстан. Нет. Если бы я ненавидел Казахстан, эту главу было бы намного легче писать. Есть казахстанцы, которых я люблю и уважаю. Есть люди здесь, которые проявили ко мне огромную доброту. Есть места в этой стране, которые я буду помнить до конца жизни. Но любовь к хорошим людям не обязывает меня молчать о системе, которая, по моему убеждению, разрушила мою жизнь. И после всего, что вы прочитаете в этой книге, вы сами можете решить, оправдано ли моё предупреждение. Вы не обязаны верить мне. Смотрите, читайте, задавайте вопросы. Слушайте казахстанцев, которые жалуются на собственную систему правосудия. Слушайте иностранцев, которые с ней столкнулись. А затем решайте сами. Потому что Кузен Ави давал свой совет, покидая Англию. Я пишу свой совет из тюрьмы.

У меня было значительно больше времени, чтобы всё обдумать. Поэтому если однажды кто-то задаст мне тот же вопрос —

«Есть что декларировать?»

Да, одну вещь. Не езжайте в Казахстан. А если всё-таки решите поехать, наслаждайтесь горами, наслаждайтесь едой, людьми и всем прекрасным, что может предложить эта страна. Но молитесь, чтобы что-нибудь не пошло не так. Потому что Казахстан, который вы видите как турист, и Казахстан, с которым встречаетесь, когда за вашей спиной закрывается дверь комнаты для допросов, могут оказаться двумя совершенно разными странами.

Глава 12: Красота несправедливости

«Красота несправедливости».

Эту фразу я когда-то услышал от человека, с которым много лет назад путешествовал. По понятным причинам я не стану раскрывать его личность. Он любил коррупцию. Не потому, что считал себя преступником, а потому, что искренне воспринимал её просто как ещё один инструмент чтобы добиваться своего в жизни. От неё зависел его бизнес.

Если появлялся контракт, он не рассчитывал на то, что подаст лучшее предложение. Он рассчитывал «подмазать» тех, кто принимал решение, кому этот контракт достанется. Он ездил на дорогой машине и везде превышал скорость. Когда полиция его останавливала, он опускал окно ровно настолько, чтобы были видны уверенная улыбка, тёмные очки и водительское удостоверение, внутри которого аккуратно лежали сложенные банкноты. Через несколько секунд выражение лица полицейского менялось. Сердитое лицо исчезало. Появлялась улыбка. Иногда его даже сопровождали дальше так, словно он был почётным гостем, а не человеком, который только что нарушил закон. Каждый раз, когда я с ним спорил, он смеялся.

«Мохамед, — говорил он, — если у тебя в кармане один доллар, ты стоишь один доллар. Если у тебя миллион долларов, люди относятся к тебе так, будто ты стоишь миллион. Коррупция — просто ещё один инструмент. Научись им пользоваться».

Потом он ухмылялся.

«Я могу выкурить пачку сигарет, выпить пиво за рулём, а если собью кого-нибудь, у меня достаточно денег, чтобы заплатить семье». Он откидывался на сиденье и произносил слова, которые я никогда не забуду.

«Вот в этом и есть красота несправедливости, Мохамед».

Тогда я был с ним совершенно не согласен. И до сих пор не согласен. Я не ангел. Как и все, я совершал ошибки в жизни. Но я никогда не верил, что богатство даёт человеку право злоупотреблять властью или покупать правосудие. По моему мнению, те, кто предлагает взятки, несут такую же ответственность, как и те, кто их принимает. Каждый раз, когда кто-то платит полицейскому, прокурору или судье за выполнение обязанности, за которую тому уже платят из денег налогоплательщиков, он подпитывает болезнь.

Со временем болезнь распространяется. Чиновники перестают выполнять свою работу, если им не платят отдельно. Нужно подписать документ?

«А где торт? Где духи?»

Нужно продлить водительские права?

«Что-то я не вижу наличных среди бумаг».

Не заплатил? Возможно, твои документы загадочным образом исчезнут. Возможно, заявление будет месяцами лежать без движения. А возможно, если ты понимаешь, как работает система, всё будет готово ещё до того, как ты допьёшь кофе. На первый взгляд всё это может казаться безобидным. Даже

удобным. Но коррупция похожа на рак. Она начинается тихо. К тому моменту, когда люди понимают, насколько опасной она стала, она уже успевает проникнуть во все институты, которые должны были защищать общество. К этому моменту вы уже знакомы с моим принципом 40-40-20. Это мой способ смотреть на жизнь рационально.

Возьмём простой вопрос. На первый взгляд кажется, что есть только два ответа. Да. Или нет. Пятьдесят на пятьдесят. Но жизнь редко бывает настолько простой. Иногда ответ — «может быть». Иногда — «дай мне подумать». А иногда — нечто совсем другое. Так что, возможно, реальность ближе к сорока процентам «да», сорока процентам «нет» и двадцати процентам где-то посередине. Я попробовал применить тот же способ мышления к коррупции. Был ли мой знакомый прав? Когда я впервые видел, как он ею пользуется, все вокруг него, казалось, были довольны. Полицейский улыбался. Он улыбался. Сделки заключались. Казалось, никто не проигрывает.

И я задал себе неудобный вопрос. Может ли коррупция когда-нибудь быть безобидной? А затем я оказался в месте, которое со временем стал называть Коррупстаном.

Всё, во что я верил о человеческих отношениях, начало меняться. Очень скоро после помещения под стражу в Казахстане я заметил нечто тревожное. Люди редко здоровались со мной просто ради приветствия. Почти у каждого разговора была другая цель.

«Мохамед».

«Можно сигарету?»

«Можно немного чая?»

«У тебя есть жвачка?»

Приветствие не было причиной разговора. Оно было лишь вступлением к просьбе. Другие задержанные даже ссорились между собой и подкупали охранников, чтобы меня перевели в их камеры, потому что моя семья регулярно приносила еду, напитки и сигареты. Даже охранники менялись.

Некоторые начали называть меня «родной» — русским словом, выражающим близость, почти как если бы человека называли членом семьи или братом. Не потому, что мы стали близки. А потому, что через несколько мгновений им нужны были сигареты. Или чай, или туалетная бумага, или что-то ещё. Когда мои продуктовые передачи внезапно перестали доходить, позже я выяснил, что их попросту крали. Это заставило меня задать себе вопрос, о котором раньше я никогда не думал. Все дружеские и человеческие отношения, которые я строил на протяжении жизни. Были ли они действительно бескорыстными? Или люди всегда несут в себе какое-то скрытое ожидание личной выгоды, даже если сами этого не осознают? Казахстан заставил меня столкнуться с вопросами о человеческой природе, которые раньше мне даже не приходили в голову.

И заставил задать ещё один. Как правовая система отдаёт столько власти людям, которые так легко ею злоупотребляют? Ответ, к которому я в конце концов пришёл, глубоко меня тревожил. Власть часто дают тем, кто готов пользоваться ею, не задавая вопросов. Людям, готовым бить.

Красть.

Вымогать.

Унижать.

Не потому, что их заставляют. А потому, что им нравится власть, которая с этим приходит. Ими дёшево управлять. Их вознаграждают крохами. И многие, похоже, вполне довольны этими крохами, пока им позволяют властвовать над кем-то слабее. После Второй мировой войны многие нацистские чиновники оправдывались одной и той же фразой.

«Я лишь выполнял приказ».

Позднее именно эти слова вдохновили знаменитые эксперименты Стэнли Милгрэма по подчинению в Йельском университете, изучавшие, как обычные люди способны причинять боль другим просто потому, что авторитетная фигура велела им это делать. Это чрезвычайно интересное исследование. Но я часто думал, не оставило ли оно без ответа один вопрос. А что насчёт тех, кого вообще не нужно уговаривать? Что насчёт тех, кому действительно нравится осуществлять власть над другим человеком? Именно этот вопрос оставил мне Казахстан. По моему опыту, некоторые сотрудники тюрем, казалось, получали настоящее удовольствие от унижения заключённых и жестокого обращения с ними. Когда против них выдвигались обвинения, расследования слишком часто оказывались неэффективными или ничем не заканчивались. В результате возникла культура, в которой многие заключённые были убеждены, что настоящей ответственности не будет.

Это убеждение было почти столь же разрушительным, как и само насилие. Для меня Коррупстан — больше, чем место. Это образ мышления. Место, где невиновный человек может оказаться обвинённым, подвергнутым вымогательству, избитым и сломленным теми, кто носит форму, призванную защищать общество. Место, где коррупция крадёт не только деньги.

Она крадёт доверие.

Крадёт достоинство.

Крадёт правосудие.

И в конце концов крадёт жизни.

Поэтому я снова задаю тот же вопрос. Действительно ли коррупция была такой безобидной, как верил мой попутчик? Или эта «красота несправедливости» была всего лишь первой трещиной в системе, которая, если её не остановить, в конце концов разрушает всё, к чему прикасается? Закон — одно из величайших достижений человечества. Когда его применяют справедливо, он делает возможным существование цивилизации. Но когда те, кому доверено охранять закон, начинают продавать его тому, кто

предложит больше, он перестаёт быть законом. Он становится ещё одним товаром. И именно с этого начинается разрушение самой цивилизации.

Глава 13: Любовь, мечты и дорога, по которой я не пошёл

Пока годы моей жизни продолжают растрачиваться системой, которая отказывается меня отпускать, я часто думаю о высокомерии людей, ответственных за это. Меня поражает не только сама несправедливость. Меня поражает уверенность, с которой её совершают. Те, кто в этом участвует, ведут себя так, словно им никогда и ни перед кем не придётся отвечать. Их, кажется, не волнует, насколько позорно их действия выглядят со стороны, потому что с их точки зрения нет более высокой инстанции, способной привлечь их к ответственности. В отличие от Европы, где существует Европейский суд по правам человека, или многих других регионов, где действуют независимые международные механизмы, в Казахстане нет сопоставимого регионального суда по правам человека.

Хотя Казахстан ратифицировал множество международных договоров в области прав человека, мой опыт заставил меня сомневаться в том, насколько последовательно эти обязательства воплощаются на практике. С годами я также начал задаваться вопросом, обладают ли институты, которые должны защищать людей в таких ситуациях, как моя, достаточной независимостью или властью для этого. Изнутри этой системы надежда может казаться чрезвычайно редким товаром. Для человека в моём положении правосудие часто кажется недостижимо далёким. Особенно болезненно становится понятно, что коррупция требует не только денег. Она убеждает людей, что сама свобода имеет цену. За годы заключения я неоднократно слышал невероятные суммы, которые называли ценой за исчезновение проблем. В моём собственном деле я пришёл к убеждению, что за мою свободу фигурировала сумма примерно в один миллион долларов США.

Выполнили бы вообще когда-нибудь подобные обещания — уже совершенно другой вопрос. Я увидел в Казахстане достаточно, чтобы знать: даже после уплаты огромных сумм многие люди просто оказываются обманутыми. Мошенничество часто продолжается ещё долго после того, как деньги исчезли. До конца этой книги я расскажу о многих делах, свидетелем которых был лично, и о разговорах, которые вёл на протяжении этих лет. Но пока я лучше вернусь к более счастливому воспоминанию.

Во время жизни в Египте я познакомился с Моной. Многие знали её под сценическим именем Мона Лиза. Её отец был египтянином. Мать — шотландкой. Мы познакомились через мою сестру, которая уже знала её по Великобритании. Мона возвращалась в Каир и любезно согласилась привезти мне в Египет CD-плеер. Эта простая услуга положила начало одним из самых памятных отношений в моей жизни. Я до сих пор помню нашу первую встречу. Это было возле одного из знаменитых спортивных клубов Каира. Как только я её увидел, подумал, что она невероятно красива. Мы обменялись

телефонами и начали встречаться. Каждый четверг я возил её кататься верхом в Sahara City. Конюшни находились недалеко от пирамид Гизы, и когда вечер переходил в ночь, мы ехали по песчаным дюнам до самой высокой точки, откуда открывался вид на пирамиды и огни Каира. Даже сегодня это остаётся одним из самых прекрасных воспоминаний моей жизни.

Оглядываясь назад, иногда я думаю, не стоило ли мне жениться на ней. Она предлагала это. Но моё сердце уже выбрало другой путь. Я хотел стать пилотом авиакомпании.

Эта мечта поглощала всё. Как бы сильно я о ней ни заботился, авиация оставалась моей величайшей страстью. Я был полон решимости отправиться в Калифорнию, поступить в лётную школу и строить карьеру, о которой мечтал с детства. Наверное, самое забавное воспоминание произошло в видеопрокате в Александрии. Мы с двоюродным братом стояли у стойки, когда я заметил огромный рекламный плакат Моны за спиной продавца. Я посмотрел на двоюродного брата и сказал:

«Что бы ты сказал, если бы я сказал тебе, что это моя девушка?» Он расхохотался.

«Я бы сказал тебе валить отсюда к чёрту, псих!»

Мы оба рассмеялись. Это один из тех моментов, которые с тех пор так и остались со мной. Мои отношения с Моной продлились недолго. У жизни были другие планы для нас обоих. Но я упоминаю её по одной важной причине. Она олицетворяет самый большой выбор, который я сделал молодым человеком. Я выбрал авиацию. Я выбрал мечту о полёте вместо уверенности в том, что останусь с женщиной, которая, как я до сих пор считаю, понимала меня лучше почти всех, кого я когда-либо встречал. Я последовал за этой мечтой через континенты. Через культуры. Через тысячи часов в небе. Я и представить не мог, что путь, который, как я верил, приведёт меня в кабину авиалайнера, в конце концов приведёт туда, куда я никогда не мог вообразить. Он приведёт меня в Коррупстан.

Глава 14: Америка

В Египте находятся одни из самых красивых мест, которые я когда-либо видел. Люди там тёплые, щедрые и гостеприимные, и я всегда буду гордиться тем, что мои корни оттуда. Но, на мой взгляд, болезнь коррупции нанесла стране огромный ущерб. Она лишила обычных египтян возможностей, которых они заслуживают, и несправедливо испортила то, как внешний мир часто воспринимает эту страну. Это трагедия, потому что сами египтяне — чрезвычайно умные, трудолюбивые и стойкие люди. Получив возможность, они добиваются успеха по всему миру. И всё же слишком часто гости уезжают, запомнив совсем другое.

Мусор на улицах.

Хаос.

Бюрократию.

Коррупцию.

Я их не виню. Они действительно это видят. После полутора лет жизни в Египте я пришёл к выводу. Я никогда не забуду время, проведённое там. Я открыл для себя свою семью, свои корни и свою культуру. Но Египет был не тем местом, где я хотел строить будущее. Моё будущее было где-то ещё. Я вернулся в Великобританию и начал готовиться к самому большому приключению своей жизни.

Америка. Как и многие молодые люди, выросшие в Великобритании в 1980-е и 1990-е годы, я был очарован всем американским: Тупак, Dr. Dre, Nas, Snoop Dogg, Мадонна, Майкл Джексон, Голливудские фильмы, «Один дома» каждое Рождество, «Миллионы Брюстера», Эдди Мёрфи, McDonald's и KFC.

А для ребёнка, выросшего в Стретеме, ничто не могло сравниться с пиццей на толстом тесте. Америка была для меня не просто ещё одной страной. Она олицетворяла возможность. И теперь впервые в жизни я ехал туда не просто туристом. Я ехал осуществить мечту, которую носил в себе с того дня, когда стоял рядом с отцом в аэропорту Хитроу и смотрел, как самолёты исчезают в небе. Я собирался стать пилотом.

Я вылетел из Лондона рейсом Virgin Atlantic 3 сентября — в день рождения моей матери. Накануне вечером друзья вывели меня отметить отъезд. Мы выпили нелепое количество водки с Red Bull, и к моменту посадки в самолёт я не спал ни минуты. Результат был предсказуем. Я проспал почти весь полёт. Почти ничего не помню до тех пор, пока мы не приземлились прекрасным солнечным утром в Международном аэропорту Лос-Анджелеса. Меня ждала молодая женщина из лётной школы на небольшом минивэне. Она загрузила мои сумки, поприветствовала меня в Калифорнии и отвезла прямо в студенческое общежитие. Я едва успел поставить чемодан, как она сказала:

«Пойдём, поехали».

Через несколько минут я уже ехал в Air Desert Pacific на вводный инструктаж. Я ещё не понимал, что моя мечта начнёт осуществляться немедленно. В тот же день я сел в кабину Piper Warrior на свой первый урок в качестве курсанта-пилота. Сорок пять минут. Сорок пять незабываемых минут, когда мои руки лежали на органах управления самолёта. Есть одна вещь, которой я всегда буду восхищаться в американском подходе к обучению авиации. Они верят в обучение через практику. Если хочешь научиться летать, тебе дают летать. Теорию изучаешь параллельно с практикой, продвигаясь в собственном темпе. Ничто не заменит опыт.

Я летал почти каждый день. А затем наступило утро 11 сентября. Я спал, когда дверь внезапно распахнулась. Артур, российский курсант-пилот, живший с нами в общежитии, кричал во весь голос.

«Мохамед! Просыпайся! Самолёты падают с неба!»

Спросонья первой моей мыслью было одно. Оставьте меня в покое. Я устал. Я хочу спать. Но другой голос в голове говорил совсем иное. Ты учишься на пилота. Что бы сейчас ни происходило это важно.

Я вошёл в общую комнату общежития. Там стоял большой американский телевизор. Сначала я искренне решил, что кто-то включил фильм с Арнольдом Шварценеггером. На экране пассажирские самолёты врезались в огромные здания. Всё происходящее казалось нереальным.

Потом я заметил бегущую строку новостей внизу экрана. Слова ударили по мне сильнее, чем изображения.

«Война против ислама».

Мой мозг просто отказывался осмыслить то, что я видел. Несколько мгновений я стоял молча, а затем пошёл в ванную чистить зубы. И вдруг в голову пришла одна совершенно обычная мысль. Мне нужно позвонить домой. Сегодня день рождения моего племянника.

Глава 15: Калифорнийская мечта

Калифорния казалась больше самой жизни. Вообще-то, наверное, так лучше всего можно описать Америку в целом. Всё казалось больше.

Машины.

Автомагистрали.

Дома.

Небоскрёбы, возвышавшиеся над центром Лос-Анджелеса.

Даже порции еды казались огромными. У американцев есть удивительная способность делать почти всё практичным. Они не всегда склонны всё усложнять. Если есть более простой способ что-то сделать, они обычно его находят, и чаще всего он работает. Однако я заметил одну вещь: американцы иногда могли вести себя довольно снисходительно, особенно с людьми, у которых был иностранный акцент. Если твой английский звучал по-британски или по-австралийски, никому, казалось, не было до этого дела. Но если акцент был почти из любой другой страны, люди часто начинали говорить медленнее и обращались к тебе так, будто ты с трудом понимаешь самый простой английский. Меня это всегда забавляло, потому что многие иностранные студенты, которых я встречал, говорили на двух, трёх, а то и четырёх языках, тогда как люди, разговаривавшие с ними свысока, зачастую знали только один. Америка также гораздо открытее говорила о расе, чем Британия. Люди склонны были произносить вслух то, что дома вряд ли сказали бы так непринуждённо. Я помню, как представлялся:

«Мохамед», — и иногда слышал в ответ густой американский акцент:

«О… Мохамед? Ну… ничего, всё нормально».

Словно они сами себя убеждали, что могут простить мне мусульманское имя. Такие моменты я всегда находил скорее забавными, чем оскорбительными. Несмотря на всё это, год в Америке стал одним из самых счастливых в моей жизни. А затем произошли теракты 11 сентября. Все

самолёты Air Desert Pacific почти на две недели остались на земле. Атмосфера изменилась за одну ночь.

Люди были напуганы.

Подозрительны.

Неуверенны.

В студенческом общежитии один довольно странный французский студент даже начал выделять меня и, похоже, был полон решимости обвинить меня в событиях, к которым я не имел абсолютно никакого отношения. Вскоре после этого меня опросило ФБР. Они вели себя профессионально на протяжении всего разговора, но сам этот факт ещё раз показал, насколько радикально изменился мир за одно утро. В конце концов я поговорил с главным пилотом Марком Уэбстером, австралийцем, которого до сих пор глубоко уважаю. Он внимательно выслушал, когда я рассказал о предубеждении, с которым начал сталкиваться. Не устраивая никакой драмы, он просто решил сам стать моим инструктором. Этот жест я никогда не забуду. Иногда самые маленькие проявления справедливости оставляют самое сильное впечатление. Ещё одним человеком, твёрдо вставшим на мою сторону, была Натали, немка, выросшая в Новой Зеландии. Сама столкнувшись с дискриминацией в детстве, она сразу поняла, о чём я говорю. Её муж Блейк был опытным пилотом, летавшим в труднодоступных районах, и пытался перейти в авиакомпании. У жизни забавный способ замыкать круг. Много лет спустя Блейк окажется рядом со мной в кабине в качестве моего второго пилота. Но эта часть истории будет намного позже. А пока я предпочитаю вспоминать полёты. Те маршрутные полёты до сих пор остаются одними из моих любимых воспоминаний. Американские лётные школы привлекали студентов со всех уголков мира. Многие из них были отличными пилотами, но поскольку английский не был их родным языком, радиосвязь часто оказывалась сложной. То, что английский был моим родным языком, давало мне огромное преимущество. Вскоре студенты из Испании, Германии, Японии, Кореи, Бразилии и многих других стран стали просить меня летать с ними, чтобы я вёл радиообмен. Официально я не мог записывать эти часы в свой налёт.

Неофициально. я летал почти постоянно. Оглядываясь назад, я понимаю, насколько сильно эти дополнительные часы ускорили моё развитие как пилота. Опыт — это всё. За те месяцы я облетел значительную часть американского Запада. Сан-Франциско, Лас-Вегас, Сан-Диего, Гранд-Каньон. Каждый полёт открывал новый невероятный пейзаж. Одним из моих ближайших друзей стал Рафа, испанский курсант, приехавший в Америку по той же причине, что и я, — набрать лётные часы. Группа испанских студентов вместе сняла квартиру, и вскоре я переехал к ним. Мы с Рафой летали вместе, путешествовали вместе, гуляли вместе. Казалось, мы проводили столько же времени за смехом, сколько и в полётах. Больше всего нас обоих поражало, насколько обычным явлением была авиация в Америке. Люди владели

небольшими самолётами так же, как в других местах владеют мотоциклами. Многие семьи жили у озёр, имея собственную лодку у частного причала и короткую грунтовую взлётную полосу за домом. Это ощущалось как полная свобода. И по сравнению с Европой стоило удивительно недорого. Когда мы где-нибудь садились заправиться, сотрудники аэропорта часто без раздумий вручали нам ключи от служебной машины для экипажей.

«Вернёте, когда закончите».

Такой уровень доверия поражал нас. Когда мы не летали, то отправлялись в Лос-Анджелес: Сансет-бульвар, центр Лос-Анджелеса, музыка, бары и друзья со всех уголков мира. Теперь я понимаю: я учился не только летать. Я узнавал, насколько огромен мир на самом деле. Калифорния подарила мне воспоминания, которыми я буду дорожить всю оставшуюся жизнь. Хотел бы я там жить? Наверное, нет.

Но вернулся бы я туда? Без колебаний. Некоторые места становятся частью того, кто ты есть. Калифорния всегда будет одним из таких мест для меня.

Глава 16: Моя мама

В детстве я всегда был ближе к матери, чем к отцу. Это не значит, что мой отец, Мохамед Баракат-старший, не оказал глубокого влияния на человека, которым я в итоге стал. Конечно, оказал, и по ходу этой книги я ещё не раз расскажу об уроках, которым он меня научил. Но моя мама, Хаснаа, всегда была для меня чем-то особенным. Она была моим самым близким другом. С самых ранних воспоминаний я помню, как сидел рядом с ней, рассеянно перебирая её волосы, пока мы разговаривали. Она всегда красила их в оттенок где-то между орехово-коричневым и пепельным блондом. Знаю, странная деталь для памяти, но годы спустя, заходя в аптеку, я часто добавлял эти два цвета в список покупок для неё. Некоторые воспоминания никогда не уходят. Мама словно всегда понимала, что я чувствую, ещё до того, как я произнесу хоть слово.

Иногда хватало одного взгляда. Иногда — просто того, как я отвечал на телефон. Она слышала в моём голосе то, чего не замечал никто другой. До моего отъезда в Египет наши утра проходили по знакомому ритуалу.

Чашка кофе. Сигарета. Разговор. Мы чаще смеялись, чем переживали.

Больше всего в маме мне нравилось то, что она никогда не настаивала на формальной дистанции, которая часто существует между родителями и детьми. Она позволяла мне шутить с ней. Поддразнивать её. Быть саркастичным.

Она смеялась — обычно быстрее всех в комнате. Эти моменты никогда не заставляли меня уважать её меньше. Скорее наоборот — я восхищался ею ещё сильнее. За исключением моего времени в Америке, куда бы я ни уезжал, мама в конце концов приезжала ко мне. Когда я был моложе, она часто говорила обо всех странах, которые мечтала однажды увидеть. Ни она, ни я не

могли представить, что моя авиационная карьера — вместе со всеми годами учёбы, экзаменами, лицензиями и конвертациями — однажды позволит нам осуществить эти мечты вместе. В какой бы точке мира я ни находился, мама каким-то образом становилась частью этого путешествия. И даже сейчас, в эти невообразимо тяжёлые годы, по сути ничего не изменилось. Она всё ещё рядом. Слушает, поддерживает, проживает каждое мгновение вместе со мной.

Между нами всегда была связь, которую трудно объяснить. Она просто есть. Неразрывная. Пишу эти слова и ловлю себя на мысли о том, чего, возможно, до сих пор никогда в полной мере не ценил. О бойцовском характере моей матери. Что бы жизнь ни бросала нашей семье, она никогда не сдавалась. Ни в отношении моих сестёр. Ни в отношении меня. Она посвятила жизнь тому, чтобы дать нам всё возможности, какие только могла. Никакого спрятанного состояния не было. Никакого семейного богатства. Всё, что у нас было, появилось благодаря годам тяжёлого труда.

Долгие дни перед экранами компьютеров, работа в арабских газетах в Великобритании, часто до полного изнеможения, чтобы утром встать и начать всё заново. Она строила наше будущее день за днём. Из всех людей, которых я любил в жизни, только моя дочь София занимает в моём сердце место, равное месту моей матери. Когда София родилась в Гонконге, мама была рядом со мной. Она разделила один из самых счастливых дней моей жизни.

А когда София умерла, она снова была рядом. Я знаю, что потеря Софии разбила ей сердце так же как и мне. У неё были все причины самой развалиться на части. Но она этого не сделала. Она оставалась сильной. Не потому, что не горевала. А потому, что знала: она нужна мне. Даже в самой тёмной главе нашей общей жизни она решила тихо нести собственную боль, чтобы помочь мне нести мою.

Силу можно измерять по-разному. Кто-то считает, что она — во власти. Другие — что она в успехе. Для меня примером настоящей силы всегда была моя мама.

И если это путешествие чему-то меня научило, так это тому, что без неё я бы никогда его не пережил.

Глава 17: Малайзия зовёт

Спустя год моё время в Калифорнии подходило к концу. Я добился того, ради чего пересёк половину мира. Я получил квалификацию коммерческого пилота с допуском на многодвигательные самолёты и «замороженный» ATPL — это означало, что после достижения 1 500 часов налёта я смогу получить полноценную лицензию транспортного пилота авиакомпании. Моя детская мечта больше не была просто мечтой. Она стала почти осязаемой. Но мир изменился.

Пока я был в Америке, мне сообщили, что мои родители расходятся. Отец решил переехать в Малайзию. Честно говоря, я не был потрясён. Мы все

давно знали, что их брак постепенно разваливается. Иногда отношения заканчиваются не внезапно. Они просто медленно угасают, пока однажды оба человека не понимают, что больше не идут по одной дороге.

Для любого, кто пытался стать профессиональным пилотом, момент был хуже некуда. После терактов 11 сентября авиакомпании по всему миру переживали тяжёлые времена. Тысячи опытнейших пилотов потеряли работу. Мы, курсанты, все понимали, что это означает. Если у авиакомпаний уже были тысячи опытных капитанов и вторых пилотов, ищущих работу, какие шансы оставались у недавно выпустившихся студентов вроде нас? Почти никаких. Поэтому я вернулся в Великобританию, понимая, что в обозримом будущем придётся работать там, где работа не имеет абсолютно никакого отношения к авиации. Правда в том, что почти всё вне авиации мне скучно. Полёты никогда не были для меня просто карьерой. Это часть того, кто я есть. Без них я очень быстро начинаю ощущать беспокойство.

Я даже впадаю в депрессию. Одной из моих первых работ был автосалон эксклюзивных машин, где я продавал Ferrari и другие дорогие спортивные автомобили. Не стану притворяться, что там не было приятных моментов. Перегонять Ferrari из одного салона в другой — определённо не худший способ провести рабочий день. Но это была не моя мечта. И никогда не могла ею стать.

Позже я перешёл в финансы. Деньги были хорошие. Очень хорошие. Но если кто-нибудь спросит меня, какая работа была самой угнетающей в моей жизни, я отвечу сразу. Работа в офисе, без всяких сомнений. Некоторым людям офисная жизнь подходит идеально. Я очень быстро понял, что не отношусь к их числу.

Каждое утро мне казалось, будто я надеваю чужую жизнь вместо того, чтобы жить своей. Так продолжалось пару лет. А потом однажды позвонил отец. «Сын, — сказал он, — недалеко от меня открывается новая лётная школа. Она на острове Лангкави. Им нужны лётные инструкторы, а авиационная отрасль здесь расширяется».

Моей первой реакцией был не восторг. Это была верность. Помню, как подумал: Ты серьёзно ожидаешь, что я приеду туда, познакомлюсь с твоей новой малайзийской женой и предам маму? Я не злился на него. Он всё равно оставался моим отцом. Но я также был сыном мамы. И моя защитная сторона проявилась мгновенно. Я пошёл к маме и рассказал, что предложил отец. Я ожидал, что она сразу отвергнет эту идею. Но вместо этого она полностью меня удивила. Она посмотрела на меня и просто сказала:

«Сын, думаю, Малайзия пойдёт тебе на пользу».

«Думаю, именно там твои мечты наконец могут осуществиться».

Я помню, как несколько мгновений просто смотрел на неё. Я не ожидал этих слов. Оглядываясь назад, понимаю: этот момент рассказывает почти всё, что нужно знать о моей матери. Она могла позволить собственным чувствам повлиять на моё решение. Могла сказать мне остаться. Могла превратить

распад своего брака в моё бремя. Вместо этого она сделала то, что делала всю мою жизнь. Она поставила моё будущее выше собственной боли. Она хотела, чтобы я следовал за своей мечтой, даже если для этого нужно было помочь мне уехать на другой конец света и жить рядом с мужчиной, который её оставил. Для этого нужна совершенно особая любовь. Тогда я ещё не знал, что один телефонный звонок снова полностью изменит направление моей жизни.

Малайзия ждала. А вместе с ней — следующая глава моего пути.

Глава 18: Мой отец

Мой отец, Мохамед Баракат-старший, родился в Александрии, Египет. По образованию он был морским биологом, хотя также изучал бухгалтерский учёт. Как и многих людей его поколения, жизнь в итоге увела его совсем в другую сторону от той, которую он когда-то представлял. Он женился на сестре своего лучшего друга — моей матери Хаснаа. После работы в Alexandria Petroleum он покинул Египет в поисках лучшего будущего и переехал в Великобританию. В первые годы он работал в гостиницах в центре Лондона, а затем создал собственную компанию BluePearl International. Компания импортировала египетские фрукты и овощи в Великобританию и экспортировала британские автомобили и новые технологии обратно в Египет. Некоторое время отец был очень успешным бизнесменом.

А затем всё изменилось. Как и во многих семейных предприятиях, он, вероятно, доверял родственникам больше, чем следовало. Поставки стали прибывать испорченными после долгих перевозок. Контракты были потеряны. Деньги исчезали. В конце концов бизнес рухнул, а вместе с ним исчезла и та комфортная жизнь, которую мы когда-то знали. Как семья мы испытали обе крайности. Мы знали, что такое жить в достатке. И знали, что такое бороться за каждую мелочь.

Оглядываясь назад, я на самом деле благодарен за это. Это научило нас тому, чему деньги никогда не смогли бы научить. Если бы мне нужно было описать характер отца одним предложением, я, наверное, сказал бы так: У него очень типичная египетская уверенность в себе. Или, если быть совсем честным, очень типичное египетское упрямство. В мире моего отца его мнение обычно правильное. Все остальные мнения существуют лишь для того, чтобы он их исправил. Это может невероятно раздражать. А может быть совершенно уморительным. Почти каждая британская комедия, когда-либо высмеивавшая стереотипного иностранного отца, так или иначе напоминает мне его. Со мной отец всегда был гораздо строже, чем с моими сёстрами. Он искренне считал, что мальчиков нужно воспитывать иначе. Что трудности формируют характер. Что мужчины становятся сильнее через дисциплину, а не комфорт.

Был он прав или нет, честно говоря, я не знаю. Ранее в этой книге я говорил о том, как знакомство с тёмной стороной человеческой природы

изменило мой взгляд на родителей. Сегодня я могу честно сказать, что испытываю к своему отцу только уважение. Многие качества, которые помогли мне пережить тюрьму, были теми самыми качествами, которым он пытался научить меня задолго до того, как я понял, почему они важны. В конце концов тяжёлые годы закончились, когда отец получил должность в Посольстве Объединённых Арабских Эмиратов в Лондоне. Жизнь постепенно снова стала стабильнее. Есть одна вещь, которую я могу сказать о своей семье с абсолютной уверенностью. Были у нас деньги или нет, была жизнь лёгкой или тяжёлой, мы всегда держались вместе. Любовь внутри нашей семьи всегда была одной из вещей, которыми я горжусь больше всего. Она защищает, она безусловна и она прощает гораздо больше, чем следовало бы. И по-моему, именно такой и должна быть семья.

Конечно, никто не идеален. У моего отца ядовитый язык. Он способен сказать вещи, которые ранят невероятно глубоко, особенно меня. Когда всё хорошо, он безмерно тобой гордится. Когда всё плохо, у него есть удивительная способность напомнить тебе обо всех ошибках, которые ты когда-либо совершал. Такой уж он человек.

Он также глубоко религиозный человек. Как и многие религиозные люди, которых я встречал в жизни, он исключительно хорошо умеет находить способы слегка изгибать правила, когда эти правила вдруг начинают относиться к нему самому. Это противоречие всегда вызывало у меня улыбку. Мы с отцом спорили больше, чем я могу сосчитать. Раздражали друг друга, ругались, сводили друг друга с ума. Но всё это не меняет одного простого факта. Он мой отец. И несмотря на все наши различия, я люблю его и уважаю за то, как он боролся, чтобы построить такую жизнь для нашей семьи.

Глава 19: Вкус свободы

В тюрьме не всё плохо. Знаю, наверное, после всего прочитанного вы не ожидали услышать от меня именно это. Но жизнь редко бывает такой простой, чтобы делиться только на хорошее и плохое. Даже в самых тёмных местах луч каким-то образом всё равно находит дорогу внутрь. Недавно моему другу С исполнилось сорок шесть лет. Вообще-то день рождения был накануне, но планы у него сложились не совсем так, как ожидалось. После многих лет тьмы и всего, что мне пришлось пережить в казахстанской системе, которую я считаю несправедливой, в конце концов мне дали работу на тюремной станции водоснабжения. К тому, как я там оказался, мы вернёмся в одной из следующих глав. А пока вам нужно знать только одно: этот маленький уголок тюрьмы стал моим убежищем.

Там есть небольшой сад. Два абрикосовых дерева и яблоня. Каждое лето я выращиваю помидоры, огурцы, сладкий перец, баклажаны, тыквы, зелень и рукколу. Почти каждый день мы едим свежий салат. Странно, как такая обычная вещь, как сорвать помидор в собственном огороде, может напомнить тебе, что ты всё ещё человек. С и ещё один друг, которого я буду называть З,

вернули мне то, что, как мне казалось, я полностью потерял. Веру в человечность. После всего пережитого я начал верить, что общество вокруг меня почти полностью утратило нравственный ориентир.

А затем в мою жизнь пришли эти двое. Они напомнили мне, что хорошие люди есть в каждой стране. Просто иногда найти их гораздо труднее. У Казахстана своеобразные отношения с правилами.

После небольших переговоров — а иногда и небольшой «мотивации» для охранников — внутри тюрьмы можно достать почти всё. Красота несправедливости. С собирался приготовить одно из моих любимых центральноазиатских блюд: плов — традиционное блюдо из риса, мяса и моркови, которое большинство людей связывает с Узбекистаном. Официально готовить в тюрьме строго запрещено. Неофициально, мы готовим почти каждый день. Тюремную еду просто невозможно есть. С заказал все необходимые продукты. По причинам, которые никто толком не смог объяснить, администрация отказалась пропускать их через ворота.

Иронию невозможно было не заметить. С руководил тюремным кирпичным заводом. Когда администрации нужны были кирпичи или цемент, он всегда следил, чтобы они их получили. Но несколько пакетов овощей ему почему-то всё равно не разрешили. В конце концов, как это всегда бывает в Казахстане, нашлось другое решение. Каким-то образом, нашлось мясо и появились овощи. Никто не задавал слишком много вопросов. Обед был спасён.

Вместо плова мы приготовили другое традиционное блюдо из баранины и картофеля. К нему был свежий салат, собранный в нашем собственном огороде. Мы сидели вместе под красивым деревянным навесом, строительство которого С и З полностью оплатили по собственной доброй воле. На десерт ели арбуз. Который, конечно же, тоже запрещён. Запивали всё газированным виноградным соком. Если вы никогда не были в тюрьме, всё это, наверное, звучит довольно обыденно. Поверьте, это совсем не так.

Мне это напомнило знаменитую сцену из «Славных парней», где мафиози устраивают себе настоящий пир в тюрьме, пока все остальные едят стандартную тюремную еду. На несколько драгоценных часов мы забыли где находимся. В этом и есть странность тюрьмы. Даже в самых тёмных местах, даже когда живёшь под постоянным давлением, жизнь иногда приостанавливается ровно настолько, чтобы дать тебе вдохнуть и рассмеяться.

Вспомнить, кто ты. Именно С первым убедил меня написать эту книгу. Он считал, что моя история заслуживает быть рассказанной. Если сегодня вы читаете эти слова, часть заслуги принадлежит ему. И за это я всегда буду ему благодарен.

Глава 20: Малайзия зовёт II

Если говорить честно, перспектива переезда в Азию не вызывала у меня особого восторга. Особенно в Малайзию. До того момента мой мир был довольно простым: Великобритания, Европа, Соединённые Штаты и две страны Ближнего Востока, ставшие частью моей идентичности, — Египет и Саудовская Аравия. Кажется, раньше я об этом не упоминал, но во время проживания в Египте я дважды совершил исламское паломничество. Примерно в то же время, когда мой отец уехал из Египта, его братья и сёстры тоже эмигрировали в Саудовскую Аравию. Более того, какое-то время он даже занимал должность исполнительного директора в Saudi Arabian Airlines. Поэтому многие мои двоюродные братья и сёстры выросли в Саудовской Аравии и имеют саудовское гражданство. Во многих отношениях Саудовская Аравия стала продолжением нашего семейного дома. Стоять перед Каабой в Мекке — одно из тех переживаний, которые невозможно описать как следует.

Это напомнило мне, кто я. Напомнило, что вера никогда не была чем-то навязанным мне. Это было то, что я сам выбрал принять всем сердцем. Я родился мусульманином и я умру мусульманином. И говорю это с гордостью. Бывали времена, когда казалось, будто значительная часть мира отвернулась от ислама. Это никогда не ослабляло мою веру. Напротив, со временем она становилась только сильнее. За свою жизнь я совершил много ошибок. Гораздо больше, чем мне хотелось бы признавать. Но ислам всегда был компасом, который возвращал меня на правильный путь. Он не даёт мне потерять почву под ногами. Учит терпению. Напоминает, что ни одно испытание не длится вечно. Ранее в этой книге я познакомил вас со своей философией 40–40–20. Работа, семья и ты сам. Но у этого принципа есть одно исключение- Ислам.

Потому что ислам — не двадцать процентов моей жизни. И не сорок. Он присутствует в каждой её части. Если упростить, я бы сказал так: ислам управляет всем принципом целиком. Осознанно или неосознанно, воля Аллаха пронизывает мои мысли, решения, кровь и душу.

С этими мыслями я сел на самолёт в Малайзию. Я совершенно не представлял, чего ожидать. Больше всего меня тревожила встреча с новой женой отца. Будет ли неловко? Буду ли я испытывать к ней неприязнь? Будет ли мне казаться, что я предаю мать просто потому, что живу с ней под одной крышей? Отец, напротив, едва мог скрыть свой восторг. Он встретил меня в Международном аэропорту Куала-Лумпура и сразу отвёз в прекрасный отель-курорт. Первым меня поразил вовсе не пейзаж. Это был воздух. Жара была не похожа ни на что, что я испытывал раньше.

Я знал жару Египта и Саудовской Аравии. Но это была влажность. Такая, которая обволакивает всё тело в тот момент, когда выходишь наружу.

А потом был запах. Даже сегодня, думая о Малайзии, я вспоминаю аромат тропического леса. Да, многие леса исчезли под бетоном и современной застройкой. Но каким-то образом, по крайней мере для меня, этот

тропический аромат всё ещё остаётся в воздухе. Ни одно другое место, где я бывал, не пахнет так. Малайзийцы сразу произвели на меня впечатление своими манерами и добротой.

Тем, как они приветствовали совершенно незнакомых людей. В них было что-то по-настоящему тёплое, и это не казалось ни наигранным, ни заученным. Тогда, думаю, я ещё не оценивал это в полной мере. Это придёт позже. Мы провели на курорте два дня.

Я помню, как плавал в открытом бассейне, пока с неба лил тёплый тропический дождь. Был сезон муссонов. В Британии люди убегали от дождя. В Малайзии люди, казалось, часто наслаждались им. После этого мы сели на автобус и отправились в долгую дорогу к небольшой деревне, где жил мой отец. Чем дальше мы ехали, тем зеленее становилось всё вокруг. Вскоре я начал видеть животных, которых раньше видел только в документальных фильмах: вараны, обезьяны и яркие тропические птицы. Дикие животные свободно бродили вдоль дороги. Это напоминало мне, насколько разными могут быть континенты. В Америке я увидел животных, которые с детства жили в моём воображении- койотов и дорожных бегунов. Пейзажи, знакомые мне по голливудским фильмам. Акценты, которые я слышал в телесериалах вроде «Далласа» и бесчисленных вестернах. И, конечно, ни с чем не спутываемую калифорнийскую привычку называть всех «dude».

Малайзия была совершенно другой. Казалось, я шагнул внутрь одного из документальных фильмов сэра Дэвида Аттенборо. В детстве я часами сидел у телевизора, зачарованно наблюдая, как он исследует мир природы. Теперь я словно жил внутри одной из этих программ. Почти все говорили по-английски, но с чудесным, уникальным малайзийским акцентом. И каждое предложение, казалось, заканчивалось одним словом.

«Ла».

Чем смешнее становился разговор, тем длиннее тянулось «ла-а-а-а-а». А потом пришла очередь еды. Первые впечатления были непростыми.

Я не привык к тому, что сахар появляется в основных блюдах. Сочетание сладкого и острого совершенно сбивало мои вкусовые рецепторы с толку. Индийские и пакистанские карри были для меня совершенно понятны. Малайзийская кухня была чем-то совсем другим. Такие блюда, как ренданг, часто сочетали специи с кокосовым молоком и лёгкой сладостью. Сначала, честно говоря, мне это не нравилось. Но вкус умеет забавно меняться. Очень скоро я уже сам начинал хотеть именно тех вкусов, которые когда-то с трудом понимал. К счастью, было кое-что, что я полюбил с самого начала- фрукты. Такого изобилия я никогда не видел.

Мангостин и лонган — то, что многие местные называли «кошачьими глазами». Дуриан, фрукт, который многие люди во всём мире терпеть не могут. А я его обожал. Его насыщенная кремовая текстура и уникальный вкус очаровали меня с первого кусочка. Ещё были манго, ананасы, кокосы, бананы и папайя. Казалось, фрукты росли повсюду.

Это было одним из самых больших различий между Малайзией и Британией. Когда я рос в Лондоне, помню яблони и груши росли вдоль дорог. Постепенно они исчезли, когда муниципалитеты срубили многие из них. В Малайзии, куда бы ты ни ехал, вдоль дорог, казалось, тянулись банановые растения и манговые деревья. Природа не была местом, куда люди специально ездили. Она просто была частью повседневной жизни. А я только начинал её открывать.

Глава 21: Островная жизнь

Мой отец обосновался в небольшой деревне под названием Куала-Кедах. Он нашёл именно то сообщество, в котором чувствовал себя лучше всего. Его арабское происхождение и знание ислама принесли ему огромное уважение среди местных жителей, и он наслаждался этой жизнью каждую минуту. Его жена его просто обожала. Если выразиться вежливо, она была совсем не той женщиной, рядом с которой я представлял своего отца. Она была значительно полнее, чем я ожидал, и мне было трудно понять, что он в ней увидел. Но одно не вызывало сомнений — она боготворила его. А если есть что-то, что мой отец всегда любил, так это когда его возводят на пьедестал. К сожалению, с самого моего приезда мы с ней так и не смогли по-настоящему поладить. Возможно, она видела во мне напоминание о прежней жизни моего отца. Возможно, я сам сильнее, чем предполагал, испытывал неприязнь к этой ситуации. Какова бы ни была причина, напряжение возникло с самого начала. Я спал в свободной комнате, где, казалось, годами собиралась пыль. Старый уставший потолочный вентилятор гонял по комнате тёплый воздух и совершенно не спасал от тропической жары. Это было не совсем то приветствие, которое я себе представлял.

К счастью, неподалёку было нечто, ради чего всё это стоило терпеть-Лангкави. Лангкави, расположенный у северо-западного побережья Малайзии, между Пенангом и тайским островом Пхукет, — одно из самых красивых мест, которые я когда-либо видел. От дома моего отца паром шёл туда примерно сорок пять минут. Каждая переправа выглядела как открытка. Изумрудная вода и острова, покрытые джунглями. Известняковые скалы, поднимающиеся из моря. Не влюбиться в это место было невозможно. Я приехал в 2005 году, всего через несколько месяцев после разрушительного цунами в Индийском океане, обрушившегося на части региона, включая соседний Пхукет и некоторые районы Лангкави.

Остров всё ещё имел следы катастрофы. Многие гостиницы стояли почти пустыми, некоторые выглядели полностью заброшенными. Роскошные курорты предлагали цены, которые в обычных условиях невозможно было бы представить. Причиной нашего приезда была HM Aerospace.

Школа только-только открылась. Самолёты ещё даже не прибыли. Компания заняла старую гостиницу, которая когда-то наверняка была великолепной, прежде чем её превратили в авиационную академию. Там я

познакомился с майором Рази, бывшим пилотом BBC Малайзии, и капитаном Чарльзом, бывшим капитаном Air France. Я сразу заметил разницу с Америкой.

В Калифорнии большинство моих инструкторов были молодыми коммерческими пилотами, набиравшими часы перед переходом в авиакомпании. Здесь меня обучали мужчины, десятилетиями летавшие на истребителях и авиалайнерах. Казалось, я перешёл в совершенно другую лигу. Они объяснили процесс конвертации моих лицензий FAA в малайзийские лицензии, система которых во многом основывалась на британских правилах, унаследованных со времён Содружества. Это означало сдачу полного комплекта британских теоретических экзаменов. Экзаменационные материалы присылали из Великобритании, мы сдавали их в Малайзии, а затем их возвращали в Великобританию на проверку. После этого мне предстояло пройти подготовку инструктора. А затем прозвучало обещание, которое изменило всё.

После того как я наберусь опыта в качестве лётного инструктора, они пообещали рекомендовать меня владельцу HM Aerospace Халиму Мазмину, одному из самых успешных малайзийских предпринимателей в судоходстве, и помочь получить место в авиакомпании. Впервые я увидел реальный путь к карьере, о которой мечтал с детства. Была только одна проблема-деньги. К тому моменту моя авиационная подготовка уже обошлась семье в десятки тысяч долларов.

Калифорния опустошила наши накопления. Малайзия требовала ещё больше. Родители пожертвовали всем, чем могли. Даже моя сестра одолжила мне значительную сумму, чтобы помочь мне не отказаться от мечты. Я понимал, что не могу продолжать просить. Пришло время самому зарабатывать на жизнь. В школе сказали, что самолёты прибудут через два месяца. Я ненадолго вернулся в Великобританию, чтобы собрать всё необходимое, а через месяц снова прилетел в Малайзию. На этот раз я поселился непосредственно на Лангкави. И именно тогда я по-настоящему открыл для себя островную жизнь.

Глава 22: Капитан Баракат

Жизнь на Лангкави шла в собственном ритме. Никто, казалось, никуда не спешил. Всё происходило «завтра» или послезавтра. Настоящая островная жизнь. И я её обожал. Я упоминал, что Лангкави — зона беспошлинной торговли? Да, вы правильно услышали. Беспошлинные сигареты и беспошлинный алкоголь. Крошечные регги-бары и ретро-бары на пляже из дерева и бамбука. Небольшие хижины с видом на море, где можно было часами сидеть и слушать волны. Пиво часто стоило дешевле бутилированной воды. Бутылка водки, которая в Британии стоила бы около 12 фунтов, здесь обходилась примерно в 2 фунта. Даже в барах целая бутылка с миксерами и обслуживанием за столиком стоила чуть больше 20 фунтов. Казалось, сама

среда подталкивает к выпивке. На острове было восхитительное ощущение почти полного отсутствия запретов. Не опасности, а свободы.

А ещё были морепродукты. Свежие креветки, крабы, омары и рыба, пойманная этим же утром. Почти каждый день я ел жареный рис с креветками примерно за один фунт в пересчёте. Иногда заказывал целого морского окуня на гриле примерно за 2,50 фунта.

После Лондона, это казалось невероятным. Постепенно стало прибывать всё больше студентов. Многие были курсантами, обучение которых оплачивала Malaysia Airlines. Одновременно в академию приходили новые инструкторы. Капитан Саед, бывший капитан Boeing 747. Капитан Палта, бывший лётчик-истребитель ВВС Индии. У каждого инструктора, казалось, была необыкновенная авиационная биография. Но сама подготовка совершенно отличалась от Калифорнии. В Америке я почти сразу оказался в самолёте. Сначала были полёты. Теория поддерживала практику. В Малайзии, следовавшей британской системе, всё происходило наоборот. Почти целый год мы просидели в классах, изучая наземную теорию. Иногда мне казалось, будто я снова вернулся в среднюю школу. Лично я считаю, что американская система была намного разумнее. Ознакомительный полёт позволяет студенту понять, зачем ему нужна теория. Без такого опыта многим было трудно связать знания из класса с реальным миром.

Для меня это было мучительно. Чтобы стало ещё хуже, должен признать: образцовым студентом я, вероятно, тоже не был. Лангкави отвлекал меня. Пляжи, бары и островная жизнь занимали у меня гораздо больше времени, чем следовало. Наверное, половину того года я ходил пьяным. И каким-то образом, я всё равно сдал почти все экзамены. Почти, Performance B не смог сдать. Не потому, что я не понимал предмет. Мне не хватило всего одного правильного ответа. Этот один вопрос обошёлся мне ещё в 700 фунтов за пересдачу экзамена. Урок был болезненным. К счастью, пересдачу я сдал. Теперь оставалось только ждать. Наконец прибыл первый самолёт.

Прекрасные австрийские Diamond с современными стеклянными кабинами Garmin. По сравнению со старыми потрёпанными Piper Warrior, на которых я летал в Калифорнии, эти машины казались представителями другого поколения. Современные, элегантные и высокотехнологичные.

Полёты на них над изумрудными водами и покрытыми джунглями островами Лангкави остаются одними из самых красивых полётов в моей жизни. Моим инструктором по конвертации лицензии был человек по имени Корнел Нордин. Сказать что Корнел был необычным, — значит сильно преуменьшить. Он был совершенно сумасшедшим. Бывший лётчик-истребитель Корнел считал, что каждый, кому посчастливилось летать с ним, заслуживает ещё и постоянных оскорблений и подзатыльников. А иногда и удар кулаком по руке. Бесконечная ругань и бесконечный крик.

В Малайзии для этого есть слово.

«Ragging».

Корнел считал это частью обучения. Со стороны он, наверное, выглядел абсолютным психопатом. Но если удавалось пережить его характер, то открывалось нечто замечательное. Его лётное мастерство было выдающимся. Без сомнения, он был одним из лучших пилотов, с которыми мне когда-либо доводилось летать. Как бывший военный инструктор, он постоянно доводил до предела и самолёт, и студентов. Иногда, если быть честным, и за предел. Гораздо дальше того, что, вероятно, предусматривал производитель самолёта. Некоторые манёвры, которые мы выполняли, заставили бы инспекторов по безопасности упасть в обморок. Оглядываясь назад сегодня, понимаю, что это было полное безумие. Но мне нравилась каждая секунда. Вскоре я завершил конвертацию лицензии и инструкторскую подготовку. Наконец я стал лётным инструктором.

Теперь мои собственные ученики садились на правое кресло. Они уважительно обращались ко мне: «Капитан Баракат». Титул всё ещё звучал непривычно. Всего несколькими годами ранее я летал по Калифорнии в джинсах, кроссовках и толстовке. Теперь на мне была безупречно белая пилотская рубашка с четырьмя золотыми полосами на плечах.

Пилотом меня делала не форма. Меня делала им ответственность. Впервые в жизни я не просто летал на самолётах. Я формировал следующее поколение пилотов.

И эту ответственность я нёс с огромной гордостью.

Глава 23: Пора расправить крылья

После почти четырёх лет на Лангкави — известном как Остров орлов — я начал чувствовать то, чего никогда не ожидал. Я чувствовал себя в ловушке. Когда я только приехал, остров казался раем- пляжи, джунгли, полёты и медленный ритм жизни. На том этапе карьеры он дал мне всё, что было нужно.

Но у рая есть странное свойство превращаться в тюрьму, если задержаться в нём слишком долго. К тому времени мой налёт превысил 1 500 часов. Это было магическое число, необходимое для активации моего «замороженного» ATPL. Оставалось одно важное требование. Мне требовался опыт полётов на самолётах массой более 5 700 килограммов. Это означало только одно. Пришло время устроиться в авиакомпанию. За эти годы я обучил бесчисленное количество курсантов — от самого первого урока до выпуска. От нуля до героя. Один за другим я смотрел, как они уходят.

Многие устраивались в Malaysia Airlines и другие авиакомпании по всей Азии. Иногда по радио я слышал их голоса — они уже летали на Boeing и Airbus, а я оставался позади, обучая следующее поколение. Я гордился ими, но не мог не задаваться вопросом: когда наступит моя очередь?

Почти все важные для меня люди приезжали ко мне на Лангкави. Мама приезжала несколько раз, сёстры, друзья, двоюродные братья и сёстры. Даже

несколько известных египетских актёров и знаменитостей проводили время на острове. К этому моменту я знал каждый пляж, каждый ресторан, каждый скрытый уголок и каждую короткую дорогу. Я стал неофициальным экскурсоводом для всех, кто приезжал в гости. И всё же, несмотря на всю его красоту, остров начал казаться маленьким.

Мне нужна была новая цель. Каждый вечер я искал в интернете вакансии авиакомпаний. Заявка за заявкой. Всё, что могло продвинуть мою карьеру вперёд.

К тому времени многие из первых инструкторов уже покинули HM Aerospace. Майор Рази перешёл в другую академию. Другие продолжили собственный путь. В конце концов я сел поговорить с бригадиром Ранджитом, который стал главным лётным инструктором. Я напомнил ему об обещании, данном много лет назад. Об обещании, что HM Aerospace поможет мне перейти в авиакомпанию, когда я наберусь достаточного опыта.

Его ответ меня разочаровал.

«Ты нужен нам здесь».

Он объяснил, что Халим Мазмин слишком занят, чтобы заниматься такими просьбами, как моя. К счастью, Халим иногда приезжал в академию. Когда наконец появилась возможность, я подошёл к нему сам. Его ответ был честным. Жестоко честным.

«Баракат, — сказал он, — у нас двухлетняя очередь курсантов, ожидающих выпуска. Помочь тебе уйти в авиакомпанию — всё равно что самому себе подрезать крылья. Ты нужен мне здесь. Подпиши ещё один контракт на два года, и я дам тебе повышение и премию».

Я молча смотрел на него. На его лице не было никакого выражения, когда он нарушал обещание, ради которого я пересёк половину мира. Возможно, он считал, что это просто бизнес. Может быть, так и было. Но я всегда верил, что обещание есть обещание.

Если я даю человеку слово, то я его держу. И всего через несколько дней всё изменилось. Пришло письмо от CAE, одной из ведущих мировых организаций по подготовке авиационных специалистов. AirAsia — первая малайзийская лоукост-авиакомпания — набирала вторых пилотов Airbus A320 через программу подготовки пилотов.

Условия были понятными. Кандидаты сами оплачивали квалификацию на тип Airbus, а успешным выпускникам предлагалась работа в авиакомпании. Возможность была дорогой, но именно её я и ждал. Я прошёл отбор. Я сдал и вскоре пришло письмо с предложением. Я сразу пошёл в HM Aerospace и сообщил главному лётному инструктору, что ухожу. До истечения моего контракта оставалось всего несколько недель.

Его реакция была мгновенной.

«Ты обязан предупредить нас за три месяца».

Я не согласился.

«Я не подписывал новый контракт, — ответил я.

— Мой договор заканчивается через три недели. После этого я свободен и могу уйти».

Разговор быстро стал напряжённым. Наконец он посмотрел на меня и сказал то, чего я никогда не забуду.

«Если уйдёшь, Халим позаботится о том, чтобы AirAsia никогда тебя не наняла». Оказывается, Халим Мазмин и основатель и генеральный директор AirAsia Тони Фернандес были хорошими друзьями. Это должно было прозвучать как предупреждение. Возможно, даже как угроза. Но к тому моменту я уже принял решение. Я провёл четыре незабываемых года на Острове орлов. Он научил меня летать, обучать и руководить. Теперь пришло время узнать, действительно ли моё место в кабине авиалайнера. Прощай, Лангкави.

Здравствуй, Куала-Лумпур.

Глава 24: Данные обещания, нарушенные обещания

Есть одна вещь в человеческой природе, которая всегда меня поражала. Люди удивительно легко нарушают обещания, когда обещали помочь тебе. Но когда они обещают причинить тебе вред или отомстить, то они почти всегда находят время выполнить это обещание. Я видел такое слишком много раз.

Халим Мазмин был одним из таких людей. За несколько лет до этого он обещал, что если я буду хорошо работать и докажу себя как инструктор, HM Aerospace поможет мне перейти в коммерческую авиакомпанию. Когда настал момент, он нарушил это обещание, не задумываясь ни секунды. Но как только я решил уйти, он дал другое обещание. Он сказал, что сделает всё, что в его силах, чтобы не позволить мне устроиться в AirAsia. В отличие от первого обещания, этот он намеревался выполнить. Первое препятствие возникло почти сразу.

Пока я проходил типовую подготовку на Airbus A320 в CAE, внезапно появились сотрудники иммиграционной службы и заявили, что я незаконно работаю в Малайзии. Обвинение было абсурдным. Когда я ушёл из HM Aerospace, я всё сделал правильно. Я выехал из Малайзии, дождался окончания действия разрешения на работу, а затем вернулся по новой визе. В моём статусе не было ничего незаконного. Очень быстро стало очевидно, что эти сотрудники иммиграционной службы появились не случайно. Кто-то их направил. Я подал официальную жалобу. Ничего из этого не вышло. Второе препятствие было тоньше. Халим связался с директором Департамента гражданской авиации и стал настаивать на обязательном шестимесячном «периоде ожидания» между уходом от одного авиационного работодателя и переходом к другому. Правильно ли трактовали это правило или нет, оно стало ещё одним поводом задержать моё продвижение. Но крупнейшее препятствие возникло, когда Халим лично связался с главным пилотом

AirAsia. Этот единственный разговор практически полностью остановил процесс моего найма.

Прошли месяцы. Потом ещё месяцы. Каждое утро я проверял электронную почту. Каждый день ждал, когда зазвонит телефон. Ничего. Неопределённость постепенно стала изматывающей. К этому времени жизнь моего отца снова изменилась. Он расстался со второй женой и после знакомства с Нур переехал в Куала-Лумпур.

Нур сразу мне понравилась. Она была умной, доброй и искренне хотела помогать людям. Она занимала должность директора малайзийского Employees Provident Fund, одного из крупнейших финансовых институтов страны, — должность с ответственностью, сопоставимой с уровнем правительственного министра. Она даже помогла мне получить кредит, чтобы оплатить типовую подготовку на Airbus A320. Без её поддержки я, возможно, никогда бы её не закончил. Однажды я рассказал ей обо всём, что произошло. Нур внимательно выслушала. Затем сказала, что её дядя работает в Департаменте гражданской авиации. Он ничего не обещал. Он лишь сказал, что если кто-то несправедливо вмешивается в моё заявление, то тихо наведёт справки. Через несколько недель я решил, что ждал достаточно. Вместо того чтобы сидеть дома и жалеть себя, я напрямую пришёл в кабинет генерального директора гражданской авиации.

Его звали Дато Яхья. Я рассказал всю историю от начала до конца. Он терпеливо выслушал. А затем без колебаний потянулся к телефону. Прямо при мне он позвонил в AirAsia.

«Ограничение закончено, — сказал он им.

— Мохамед Баракат свободен и может пройти собеседование на должность второго пилота».

Вот так просто после почти года ожидания, дверь наконец открылась. Настал день моего собеседования.

Когда я вошёл в штаб-квартиру AirAsia, произошло нечто неожиданное. Почти куда ни посмотрю — знакомые лица. Бывшие ученики. Курсанты, которых я учил с их самого первого лётного занятия. Многие теперь сами были пилотами авиакомпаний. Один за другим они подходили, жали мне руку, желали удачи и подбадривали. Видеть их успех наполняло меня огромной гордостью. Само собеседование было беспощадным. Час за часом технических вопросов. Сценарий за сценарием. Психологические тесты и технические обсуждения. К концу дня я был уверен, что провалился.

Процесс начался в шесть утра. К девяти вечера я был полностью истощён умственно. И тогда капитан Радж посмотрел на меня и задал последний вопрос.

«Почему я должен взять именно тебя?»

Я посмотрел на него. Совершенно выжатый, но абсолютно уверенный в ответе.

«Потому что если вы меня возьмёте, — сказал я, — никто никогда не усомнится в вашем решении. Я пройду обучение, выйду на линию раньше, чем вы заметите, и не принесу вам ни задержек, ни провалов». Несколько секунд он просто смотрел на меня. Затем на его лице медленно появилась улыбка.

«Самоуверенный», — сказал он.

Он сделал паузу.

«Поздравляю».

«Ты только что получил свою первую работу в авиакомпании».

Глава 25: Жизнь в авиакомпании

Я сдержал обещание, которое дал капитану Раджу. Я завершил линейную подготовку без единой задержки и был допущен к самостоятельной работе на линии настолько быстро, насколько это было возможно. Я сказал ему, что если он меня возьмёт, то никогда не пожалеет о своём решении. Теперь настала моя очередь это доказать. Во время линейной подготовки я быстро понял, что AirAsia набирала пилотов со всего мира. Примерно в то же время пришло несколько европейцев, в том числе пара английских пилотов.

Одного из них звали Саймон Миллер. Очень скоро Саймон станет одним из моих самых близких друзей в тот период моей жизни. На линейной подготовке я летал с самыми разными капитанами. Некоторые были бывшими командирами Malaysia Airlines с десятилетиями опыта в авиакомпаниях. Другие пришли из Королевских военно-воздушных сил Малайзии. Полёты с обеими группами научили меня тому, чему не научит ни один учебник. Между военной кабиной и кабиной авиалайнера — очень много различий. Бывшие капитаны авиакомпаний обычно обладали спокойной уверенностью. Им не нужно было повышать голос. Их опыт говорил сам за себя. Некоторых из них окружала почти тихая аура важности. А бывшие военные пилоты нередко переносили военные порядки прямо в кабину. Крик, ругань, а иногда — предметы, летящие по кабине. Для них давление было просто ещё одним методом обучения.

Лично я точно знал, какую среду предпочитаю. AirAsia была лоукостером, а это означало одно- тяжёлую работу. Даже очень тяжёлую работу. Дни по шесть секторов были обычным делом. Один короткий рейс за другим — от рассвета до позднего вечера. Двадцать пять минут на земле. Пассажиры вышли, салон убран, новые пассажиры на борту, документы оформлены, топливо проверено, брифинг закончен. И в конце, буксировка от стоянки. Каждый разворот между рейсами ощущался как гонка с секундомером.

В те годы почти всё ещё делалось вручную. Электронные лётные сумки и цифровые системы ещё не упростили нагрузку так, как сегодня. К концу длинного рабочего дня усталость могла превратить даже простые действия в тяжёлую задачу. Последнее, что было нужно в такой среде — лишний стресс

в кабине. Справедливости ради, я понимал, почему некоторые капитаны раздражались. AirAsia расширялась с невероятной скоростью. Почти каждую неделю им приходилось летать с очередным недавно выпустившимся вторым пилотом. Обучение фактически никогда не прекращалось.

И всё же, есть разница между требовательностью и тем, чтобы просто усложнять людям жизнь. Через несколько месяцев Саймон завершил собственную линейную подготовку. Однажды он сказал мне, что его перевели в Восточную Малайзию. Кота-Кинабалу. Я раньше слышал это название, но никогда там не был. В свой следующий выходной я сел на служебный рейс и полетел посмотреть всё своими глазами. В тот момент, когда я вышел из самолёта, сразу понял, почему все так хорошо отзывались об этом месте. Кота-Кинабалу.

Южно-Китайское море.

Кристально чистая вода.

Потрясающие закаты.

Высоченные горы за городом.

Все это захватывало дух. Я улыбнулся сам себе:

«Дамы и господа».

«Кажется, я только что нашёл свой следующий рай».

Глава 26: Жизнь была хороша

У жизни пилота AirAsia есть две совершенно разные стороны. Первая — та, которую видят пассажиры. Безупречная форма, безупречно выглаженная белая рубашка, золотые полосы на плечах, красивые бортпроводницы в эффектной красной форме, профессионализм, улыбки и тяжёлая работа. А есть сторона, которую пассажиры никогда не видят. Когда в конце рабочего дня двери самолёта закрывались в последний раз, пилоты и бортпроводники прекрасно знали, как отдыхать.

Мы много работали, но и отдыхали не менее интенсивно. Сотрудники AirAsia пользовались большими скидками на перелёты по Юго-Восточной Азии, и многие экипажи проводили выходные, исследуя тропические направления. Самое забавное было в том, что мы, базировавшиеся в Кота-Кинабалу, уже жили в одном из таких мест. Нередко, летя на эшелоне 35 000 футов, мы уже обсуждали, в каком баре встретимся после рейса.

Распорядок всегда был один и тот же. Приземлиться, закончить документы, доехать домой, быстро принять душ и сразу на Jesselton Waterfront. Он стал нашим вторым домом. Морепродукты там были невероятными.

Ты сам выбирал рыбу, креветки или омара, пока они ещё плавали в аквариумах. Очень скоро на столе появлялась бутылка беспошлинного односолодового виски. Потом приходили бортпроводники. Без своей знаменитой красной формы они почему-то выглядели чуть менее гламурно, но всё равно были потрясающе красивыми.

Ужин постепенно исчезал. Бутылка виски постепенно пустела. Разговор становился громче. Смех становился заразительным. И вскоре всем уже хотелось праздновать. Такой была жизнь в Кота-Кинабалу. Работа, смех, вечеринка. И все снова. В выходные наш друг капитан Хуан из Испании — удивительно молодой для командира авиалайнера и наделённый стереотипной испанской привлекательностью — вывозил нас на своём скоростном катере. Мы мчались по кристально чистой бирюзовой воде Южно-Китайского моря. Под лодкой лениво проплывали огромные груперы. Рядом всплывали морские черепахи. Среди рифов прятались осьминоги. Небольшие тунцы, которых местные называли tenggiri, стрелой проносились в воде. Каждая поездка выглядела как сцена из туристического документального фильма. Большинство из нас состояли в клубе Sutera Harbour, где каждое воскресенье подавали один из лучших буфетов с морепродуктами, которые я когда-либо видел. Из наших квартир открывался вид на бассейны, пальмы и море. Жизнь действительно ощущалась как постоянное проживание на роскошном курорте.

Конечно, у жизни в авиакомпании была и другая сторона- романы. Многие бортпроводницы мечтали выйти замуж за пилота. Довольно многим удавалось сделать именно это уже в первый год. Наша компания приобрела определённую репутацию. В шутку нас называли «Playboys». Жизнь была прекрасна. Было лишь одно разочарование- зарплата. По сравнению с пилотами авиакомпаний в других странах мира нам платили значительно меньше. Но к тому моменту деньги уже отошли на второй план. Я делал именно то, о чём мечтал с самого детства. К третьему году работы в авиакомпании я уже начал подготовку на командира. Полёты никогда не ощущались как работа. Казалось, именно для этого я и родился. Я всегда считал, что у меня есть естественная связь с любой машиной, способной развивать скорость.

Автомобили, мотоциклы, скоростные катера и гидроциклы. Меня завораживало всё, что двигалось быстро. Но самолёты всегда были моей самой большой любовью. Один конкретный день до сих пор стоит у меня перед глазами совершенно ясно. По расписанию мне предстоял ранний утренний рейс на Пхукет, после которого я должен был провести там две ночи. Тем утром я приехал в аэропорт на машине. Полетел в Таиланд на Airbus A320. После посадки взял в аэропорту напрокат мотоцикл. Доехал на нём до гавани. Потом арендовал скоростной катер. А в конце сменил катер на гидроцикл. По воздуху, по земле или по морю. Мне было всё равно, как передвигаться, лишь бы двигаться.

В тот момент я искренне верил, что все мои мечты осуществились. Я чувствовал себя взрослым, самостоятельным и успешным. Я считал, что оправдал и себя, и своих родителей за каждую жертву, на которую они пошли, помогая мне дойти до этого момента. Я также жил с одним простым убеждением. Что если я буду жить честно, много работать и никогда

намеренно не причинять вреда и не мешать другим людям, то жизнь и дальше будет вознаграждать меня, позволяя проходить через неё спокойно. Малайзия дала мне эту веру. Позже Сингапур укрепит её ещё сильнее. Сам того не замечая, я начал жить внутри нереалистичного пузыря.

Я стал верить, что весь мир так же безопасен, честен и предсказуем, как жизнь, которой я жил там. Те счастливые годы постепенно ослабили мою бдительность. Они заставили меня слишком легко доверять. Заставили верить, что справедливость всегда восторжествует. Я ещё не знал, что годы спустя казахстанская правовая система воспользуется именно этой наивностью мышления. Та самая невинность, которая приносила мне счастье, однажды станет одной из моих величайших слабостей.

Глава 27: Здравствуй, Сингапур

За годы жизни в Малайзии мне посчастливилось увидеть одни из самых невероятных уголков дикой природы и ландшафтов на Земле. Я ходил по тропическим лесам Кучинга, где обитают огромные питоны и бесчисленное множество других существ, напоминающих, насколько могущественна природа. На Лангкави я встречал кобр и гигантских летучих лисиц, бесшумно скользивших по вечернему небу. В Сандакане я оказался лицом к лицу с орангутанами в их естественной среде обитания. Для тех, кто пытается представить Восточную Малайзию. если вы когда-нибудь смотрели Survivor, то примерно понимаете, какие там ощущения. Густой тропический лес, удалённые острова и кристально чистые моря. Место, где природа всё ещё правит.

Мои путешествия также приводили меня в соседний Таиланд. В знаменитом Тигрином храме я оказался рядом со взрослым тигром, огромное тело которого лежало у меня на коленях. Это одновременно пугало и заставляло почувствовать собственную малость. В Чиангмае я ездил на слонах через реки и леса. Эти впечатления пробудили во мне огромное уважение к миру природы. И напоминали о том, насколько мы на самом деле малы. В профессиональном плане всё складывалось именно так, как я надеялся. Я уверенно шёл к тому, чтобы стать капитаном AirAsia. Это была карьера, к которой я много лет стремился. Но у жизни есть странный способ менять наши приоритеты. К тому времени большинство моих друзей-иностранцев уже уехали дальше. Хотя зарплата в AirAsia обеспечивала комфортную жизнь в Малайзии, она и близко не соответствовала рыночной стоимости труда пилота авиакомпании. Один за другим мои близкие друзья принимали предложения в других местах.

Саймон был одним из них. Он переехал в Сингапур и устроился в Tiger Airways. Каждый раз, когда мы разговаривали, он говорил одно и то же.

«Ты должен приехать сюда».

Он был в полном восторге. Проведя столько лет среди тропических островов, пляжей и джунглей, я неожиданно почувствовал, что меня снова

тянет к городской жизни. Сингапур предлагал нечто совершенно другое. Tiger Airways также предлагала зарплату, которую трудно было игнорировать. Второй пилот там получал почти столько же, сколько капитан AirAsia. Ещё привлекательнее был график. Шесть недель интенсивных полётов. Затем три недели полностью свободных. Такой образ жизни открывал целый новый мир возможностей. Мне предстояло принять трудное решение. Остаться в Малайзии, подписать ещё одно пятилетнее обязательство как командир и стать капитаном. Или начать совершенно новую главу.

За эти годы я усвоил один очень важный урок. Особенной жизнь делает не место. Её делают люди. Неужели я действительно останусь в Малайзии после того, как почти все мои близкие друзья уехали? Свяжу себя ещё одним обязательством на пять лет? Продолжу летать в авиакомпании, где было очень мало ночных стоянок и не было тех международных привилегий, которыми пользовались пилоты крупных перевозчиков? Только ради звания капитана? Решение было непростым. Поэтому я полетел в Сингапур навестить Саймона. Хватило двух дней.

Эти сорок восемь часов напомнили мне, что настоящая дружба и чувство принадлежности стоят больше любого повышения. Пилоты Tiger приняли меня так, словно я всегда был частью команды. Они дали мне почувствовать себя дома. К концу той поездки решение уже было принято. Перед обратным вылетом я зашёл в отдел кадров Tiger Airways. Они не стали терять время. Меня сразу пригласили на собеседование. После восьми незабываемых лет, моё время в стране, которую я успел полюбить, подходило к концу.

Малайзия подарила мне дружбу, приключения, опыт и воспоминания, которые останутся со мной навсегда. Теперь пришло время для чего-то нового. Прощай, моя любимая Малайзия. Здравствуй, Сингапур.

Глава 28: Письмо Малайзии

Прежде чем оставить Малайзию позади и перейти к следующей главе моей жизни, я хочу написать несколько слов стране, которая навсегда займёт особое место в моём сердце. Правда в том, что я никогда по-настоящему её не покидал. Даже после переезда в Сингапур я продолжал возвращаться в Малайзию, чтобы навещать отца, а при любой возможности снова оказывался на Лангкави на несколько дней тишины и отдыха. Некоторые места никогда по-настоящему не покидают тебя.

Малайзия — одно из таких мест. В годы, когда страной руководил Тун доктор Махатхир Мохамад, национальным лозунгом было «Malaysia Boleh» — «Малайзия может». И вы действительно могли многое. Вы научили меня тому, чему не смогли бы научить ни школа, ни университет, ни авиакомпания. Вы научили меня терпению. Я часто вспоминаю пожилого садовника, который ухаживал за садами под моей квартирой на Лангкави. Каждый день он тщательно подстригал каждое растение. Терпеливо убирал каждый

сорняк. Никогда не торопился. Всегда гордился даже самой маленькой работой.

Однажды вечером я случайно оставил бумажник на сиденье машины. Внутри было около тысячи долларов наличными. Когда я вернулся, выяснилось, что тот самый садовник всю ночь простоял рядом с моей машиной, следя, чтобы никто её не тронул. Я попытался отблагодарить его ста долларами. Он вежливо отказался. Единственное, что он согласился принять, — простая тарелка риса с курицей стоимостью всего три ринггита. С тех пор я храню в памяти этот момент. Он научил меня честности больше, чем смогли бы тысяча речей.

Годами я почти не беспокоился о том, запер ли дверь квартиры или машины. Жизнь просто казалась безопасной. Разногласия редко заканчивались насилием. Вместо этого я часто слышал один и тот же мягкий совет.

«Успокойтесь».

«Вам следует простить друг друга».

Эти слова остались со мной. Как и улыбки. И рукопожатия, которые всегда заканчивались тем, что человек мягко прикладывал руку к сердцу. Такой простой жест. И при этом столько искренности. Малайзийцы, казалось, всегда готовы остановиться, улыбнуться и поговорить. Людям по-настоящему хотелось узнать, кто ты. На мой взгляд, малайзийцы обладают удивительным жизненным балансом. Они много работают, ценят семью и относятся к другим с добротой.

Больше всего меня впечатляло то, что, несмотря на то что Малайзия — преимущественно мусульманская страна, я почти никогда не чувствовал, что меня осуждают за мои собственные недостатки. Люди знали, что я не идеален. Знали, что время от времени я люблю выпить. Знали, что мне нравится ночная жизнь. Но когда наступала пятничная молитва или священный месяц Рамадан, в который я постился, никто никогда не заставлял меня чувствовать, будто я здесь чужой. Казалось, существовало негласное понимание. Каждый из нас сам отвечает перед Богом за свои решения. Пока мы относимся к другим с уважением, честно работаем, заботимся о своих семьях и не причиняем вреда окружающим. Всё остальное остаётся между нами и Богом. Такой взгляд на жизнь оставил во мне глубокий след.

Малайзия дала мне гораздо больше, чем карьеру. Она дала мне дружбу. Дала уверенность в себе. Дала воспоминания, которые останутся со мной до конца жизни.

Поэтому прежде чем перевернуть страницу и начать главу о Сингапуре, позвольте мне просто сказать — Terima kasih, Malaysia. Спасибо за то, что поверили в молодого британского пилота. Спасибо за то, что приняли меня как своего. И спасибо за восемь самых счастливых лет моей жизни.

Глава 29: Сингапурская формула

Первое, что вы замечаете в Сингапуре, — это аэропорт Чанги. Ещё не успев покинуть терминал, вы уже чувствуете, что попали в совершенно другое место. Всё безупречно, всё работает и всё организовано. Больше всего меня впечатлила не красивая архитектура, а внимание к деталям. Даже стоянка такси произвела на меня впечатление.

В подвале сотрудники в униформе и белых перчатках направляли пассажиров к безупречным, почти новым такси с военной точностью. Никакой путаниц, никакой толкотни, никаких криков и никакого хаоса. И несмотря на уровень сервиса, цены были удивительно доступными. С самого первого момента Сингапур дал понять одну вещь. Эта страна гордится тем, что делает всё правильно.

Прожив так много лет в Малайзии, я не мог не сравнивать эти две страны. Малайзия всегда казалась расслабленной. Её отношение почти всегда было таким:

«Не волнуйтесь, мы поможем вам добраться».

Там было терпение, теплота и понимание. У Сингапура, однако, был совершенно иной склад ума.

Посыл здесь был прост.

«Не отставай или уступи дорогу».

У сингапурцев даже есть для этого своё слово. Киасу. Буквально — «боязнь проиграть». Но пожив там, я понял, что это значит гораздо больше. Это означало стремление стать лучше. Совершенствоваться, конкурировать и никогда не останавливаться на достигнутом.

Эта философия, казалось, пронизывала каждую часть страны. Всё было спроектировано с заботой о людях, которые там жили. Ист-Кост-парк предлагал велосипедные дорожки, трассы для роликов и даже кабельный вейкбординг. Знаменитые фуд-корты предлагали еду, достойную звезд Мишлен, по ценам, доступным почти всем. Городу каким-то образом удавалось сочетать роскошь с практичностью. Я переехал вместе с Саймоном в Бейшор-Парк — впечатляющий жилой комплекс всего в пятнадцати минутах от аэропорта.

Очень быстро я заметил кое-что ещё. Сингапур был не просто организован. Он ожидал, что все остальные тоже будут организованными. Дезорганизация была не просто неудобством- она была неприемлема. Люди заботились о себе сами. Страна поощряла здоровый образ жизни. Даже не напрягаясь, я обнаружил, что стал курить меньше.

Окружающая среда почти подталкивала вас к принятию лучших решений. Сингапур также был бескомпромиссно строг. Лично мне это нравилось. Всё было чисто и все функционировало именно так, как должно было. Автомобили могли ездить на дорогах лишь ограниченное количество лет а затем сразу экспортировались. Каждое транспортное средство имело электронную карту NETS, позволявшую водителям легко проезжать через

парковки и платные автомагистрали без остановок. Та же система могла использоваться практически везде. Быстро, просто и эффективно. Это, казалось, описывало всю страну. Мой первый опыт общения с правительством Сингапура подтвердил ровно то же самое. К тому времени, как я прибыл на корпоративную ориентацию, все мои документы на разрешение на работу были уже подготовлены. Мне едва ли пришлось задать хоть один вопрос. Все уже было обработано.

Я просто расписался там, где было необходимо, и ждал письма с информацией о том, когда прийти на мою биометрическую регистрацию. Только позже я осознал, что произошло на самом деле. Пока я думал, что прохожу собеседование в Tiger Airways. правительство Сингапура тихо проводило собеседование и со мной. Каждый документ, который я подавал, был оценен. Каждая проверка биографических данных завершена. Они не просто решали, нужен ли я авиакомпании. Они решали, нужен ли я Сингапуру. Только после получения одобрения мне выдали номер FIN. Этот единственный номер изменил всё. Он стал моей личностью внутри Сингапура.

Однажды днём, выйдя из офиса, я зашёл в банк, имея при себе лишь свой трудовой договор. Через десять минут я открыл банковский счёт, и моя новая кредитная карта уже была в пути. Выйдя из банка, я забрёл в мебельный салон. До конца дня я приобрёл качественную брендовую мебель по ценам, в которые мне было трудно поверить. Всё, казалось, работало. Никто не усложнял простые вещи. Сингапур быстро становился страной «Да».

Если вы соответствовали требованиям, ответом обычно было «да». Правительство уже знало, кто вы такой. Ваш номер FIN связывал всё воедино. Бюрократии ради бюрократии почти не было. Люди соблюдали правила, потому что знали: система справедлива, эффективна и последовательна. Уровень преступности оставался низким, так как все понимали, что нарушение закона влечёт реальные последствия. Впервые в жизни я поймал себя на мысли. В чём был секрет? Как этому крошечному острову удалось построить одно из самых эффективных обществ на Земле?

Я собирался узнать ответ. И я найду его там, где меньше всего ожидал.

Глава 30: Цена успеха

Сингапур был роскошным почти во всех отношениях, какие только можно представить. Он был чистым, современным, эффективным и красивым. Но за всей этой роскошью скрывалась необычайная трудовая этика. Работа в Tiger Airways была требовательной. Шесть недель дежурства могли быть совершенно изнурительными.

Бесспорно, самыми тяжелыми были ночные рейсы в Индию. Мы заступали на смену около восьми часов вечера и часто не возвращались в Сингапур до девяти или десяти часов следующего утра. В этих полётах было что-то, что надолго оставалось в памяти. Самолет был полон пассажиров,

прибывающих из Индии почти без багажа. Как только мы приземлялись, многие из них спешили к таксофонам, чтобы позвонить домой и сказать своим семьям, что они благополучно прибыли. Большинство этих пассажиров работали на строительных площадках Сингапура. До меня постепенно доходило, что многие из тех впечатляющих небоскребов и роскошных зданий, которые делали Сингапур таким красивым, были построены такими людьми. Я часто видел, как они спали под строительными площадками или жили в крайне простых условиях. Они работали невероятно усердно. Спустя месяцы я вез многих из тех же людей домой. В этот раз самолет выглядел совершенно иначе. Большие широкоэкранные телевизоры, мобильные телефоны, электроника, виски из магазинов беспошлинной торговли и сигареты.

Всё, что им разрешалось привезти домой после месяцев, проведённых в Сингапуре и посвящённых накоплению заработанных денег. Для них то, что могло показаться обычной зарплатой в Сингапуре, представляло собой небольшое состояние на родине. Сидя в кабине пилота и наблюдая за всем этим, я часто задавался одним вопросом. Управлял ли я современным рабовладельческим кораблём — или это была возможность, которую эти люди выбрали добровольно, потому что, несмотря на трудности, она всё же давала их семьям надежду на лучшее будущее?

Даже сегодня. Я до сих пор не уверен, что знаю ответ. Моя собственная жизнь в Сингапуре значительно улучшалась. Сингапурский доллар был сильной валютой, а образ жизни был не похож ни на что, что я испытывал раньше. Одной из первых вещей, которые я получил, была карта HSBC Visa Infinite. Черная по цвету, она остается лучшей кредитной картой, которой я когда-либо владел.

Преимущества были необычайными. Бесплатные трансферы в аэропорт с водителем на совершенно новом Mercedes E-Class. Ускоренные иммиграционные услуги, доступ в залы ожидания аэропортов по всему миру, отличные обменные курсы за рубежом, привилегии гольф-клуба и щедрые авиамили. Вскоре я стал летать бизнес-классом во многих своих дальнемагистральных поездках обратно в Британию.

Это была не просто кредитная карта. Это ощущалось как членство в совершенно ином образе жизни. За свои три недели отпуска я редко сидел на месте. Используя служебные билеты ID90, которые позволяли сотрудникам авиакомпаний покупать билеты со скидкой около девяноста процентов от обычного тарифа, я постоянно путешествовал.

Пхукет, Боракай на Филиппинах, Джакарта, Бали, Камбоджа, Китай, река Меконг, поля смерти и терракотовая армия. Почти каждый отпуск становился очередным приключением. Те три недели были не просто каникулами. Это было восстановление. После шести недель непрерывных полетов, работы по ночам, питания самолетной едой и аэропортовым фаст фудом, постоянно борясь с естественными биологическими часами организма, мне требовалось

время на восстановление. Долгие прогулки по пляжу, свежие морепродукты, традиционный массаж, солнечный свет и тишина. Наконец-то пришло время для полноценного отдыха и расслабления. Путешествия по Юго-Восточной Азии также научили меня кое-чему ещё. Многие из этих стран имели схожий климат, схожие пейзажи и схожую историю. Тем не менее уровни их процветания были совершенно разными. Самая большая разница, которую я лично заметил, заключалась в коррупции. Пожив в Сингапуре, я пришел к убеждению, что его величайшим достижением было не просто строительство впечатляющих небоскребов. Это было искоренение коррупции из повседневной общественной жизни. Сингапур не возражал против ведения бизнеса с соседними странами, где коррупция всё ещё существовала. На самом деле, я считаю, они понимали, что за пределами их собственных границ бизнес иногда требует взаимодействия с системами, которые не работали по тем же стандартам.

Но внутри Сингапура, для коррупции не было абсолютно никакого места. Судьи, высокопоставленные государственные служащие и правительственные чиновники. Им платили исключительно хорошо и предъявляли исключительно высокие требования. Лично я считаю, что им платили так хорошо, что просто не было причин унижать себя принятием взяток. Независимо от того, является ли это полным объяснением или нет, я пришел к убеждению, что это было одно из величайших конкурентных преимуществ Сингапура. Западные компании могли уверенно размещать там свои региональные штаб-квартиры. Сингапур профессионально справлялся со сложностями окружающего региона, предлагая при этом нечто бесценное-чистую правовую систему, надежные контракты и правительство, которое держало свое слово. На мой взгляд, это была выигрышная формула.

Но несмотря на все, что предлагал Сингапур. Я часто ловил себя на одной мысли. Были ли люди по-настоящему счастливы? Конкуренция никогда не прекращалась. Казалось, все стремились вырваться вперед, достичь большего и стать успешнее. Малайзия показала мне настоящее счастье, Сингапур показал мне решимость. Ни то, ни другое не было правильным. Ни то, ни другое не было ошибочным. Они были просто разными.

Оглядываясь назад, я часто думаю о выражении в глазах людей. В Малайзии я видел счастье. В Сингапуре я видел решимость. Годы спустя, в Казахстане. Я смотрел в глаза людей и видел нечто совершенно иное-отчаяние.

Но эта глава будет ещё впереди, когда я погружу вас в одну из самых мрачных правовых систем, о которых вам когда-либо доводилось слышать.

Глава 31: Наконец капитан

Через год после прихода в Tiger Airways я осуществил ещё одну давнюю мечту. Меня повысили до капитана. Это был момент, к которому я шел долгие годы. Бесчисленные часы учебы. Годы, проведенные в качестве инструктора

и тысячи часов в воздухе. Все вело к этому моменту. Когда я только пришел в Tiger, в авиакомпании работали преимущественно пилоты-экспаты. Быстрое расширение бюджетных авиакомпаний по всей Азии создало огромный спрос на опытный летный состав, и Tiger нанимала таланты со всего мира.

Рабочая нагрузка была интенсивной и как результат, текучесть кадров среди пилотов также была высокой. В первые месяцы я был настолько сосредоточен на обустройстве в Сингапуре, конвертации лицензий и подготовке к повышению в должности, что почти не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Я иногда слышал, как пилоты жаловались на изменения внутри компании. Сначала я не обращал на это внимания.

Только позже я начал понимать, что они имели в виду. Все больше пилотов, с которыми я летал, были бывшими членами экипажей Singapore Airlines. Взрывной рост бюджетного сектора привел к неожиданным последствиям. В то время как Tiger Airways быстро расширялась, традиционные авиакомпании полного цикла внезапно обнаружили, что у них больше пилотов, чем им нужно. Singapore Airlines, естественно, хотела сохранить как можно больше сингапурских пилотов. Многие из этих пилотов начали переходить в Tiger Airways. С точки зрения Сингапура это было совершенно логично. Если местные пилоты были доступны, им следовало отдавать приоритет перед экспатриантами.

Я это понимал. Но это также означало, что баланс внутри Tiger Airways начал меняться. Эту реальность уже невозможно было игнорировать, когда некоторые из моих вторых пилотов начали задавать мне необычные вопросы в кабине. Они хотели, чтобы я научил их как можно больше об пилотировании Airbus A320. Как можно больше и как можно быстрее.

В конце концов, один из них объяснил причину. Директор по летной эксплуатации, по-видимому, сказал им, что они должны учиться быстро, потому что многие капитаны-экспатрианты скоро уедут. Вскоре после этого Tiger Airways официально объявила о необходимости сокращения численности пилотов. Хочу подчеркнуть ради справедливости, никого не заставляли уходить. Вместо этого пилотам-экспатриантам предложили щедрые пакеты добровольного увольнения. Это был справедливый подход. Пакет был привлекательным и многие пилоты приняли его. К тому времени я уже всерьёз задумался о будущем.

Зарплата в Сингапуре была хорошей, но само проживание в Сингапуре было дорогим. Несмотря на то что я зарабатывал больше, чем когда-либо прежде, откладывать удавалось не так уж много. Работа оставалась непрерывной. Шесть недель интенсивных полетов и три недели отдыха. Затем цикл начинался снова.

Впервые за долгое время я снова начал смотреть за горизонт. Возможно, меня ждало новое приключение. Возможно, другая страна могла научить меня чему-то новому.

Вскоре я принял решение. Прощай, Сингапур. Здравствуй, Вьетнам.

Глава 32: Кто я?

Именно в эти годы я впервые всерьёз задался вопросом, над которым прежде почти не задумывался. Кто я? Британец? Египтянин, родившийся и выросший в Лондоне? Египтянин, который просто воспользовался возможностями, которых у многих египтян никогда не было? Мусульманин, как меня часто называли в Малайзии? Британский мусульманин, как меня часто описывали в Америке? Или теперь я просто очередной экспатриант, ещё один иностранный пилот, строящий жизнь в Сингапуре? Куда бы я ни поехал, люди, казалось, видели меня по-разному. Моя идентичность определялась уже не только тем, кем я сам себя считал. Во многом её определяло то, как меня воспринимали другие. Чем больше я путешествовал, тем больше понимал, что такая мелочь, как паспорт, может полностью изменить ход жизни человека. Простой документ, маленькая книжечка, которая помещается в карман. И все же она способна открывать двери для одних и закрывать их для других. Гражданство может определять, как правительства относятся к вам. Оно может определять возможности, доступные вам. Иногда оно может даже определять, соблюдаются ли ваши права. Я начал осознавать, что когда страна твердо стоит за своих граждан на международной арене, эти граждане часто обладают определенной степенью защиты, куда бы они ни отправились.

К ним относятся иначе. Люди дважды подумают, прежде чем нарушать их права. Но для тех, кому не повезло родиться в странах, где коррупция стала частью повседневной жизни, такой защиты может и не существовать. Разница может быть огромной.

Тогда это были лишь мысли, приходившие ко мне во время долгих перелётов и тихих минут одиночества. Я понятия не имел, что однажды они станут для меня глубоко личными. Потому что со временем возникнет другой вопрос. Что происходит, когда британский мусульманин оказывается в ловушке коррумпированной правовой системы? Что происходит, когда паспорт, который прежде казался такой надёжной защитой, внезапно оказывается недостаточным? Ответы на эти вопросы навсегда изменят мою жизнь. Они заставят меня усомниться в:

Правительствах.

Дипломатии.

Правосудии.

Влиянии политики.

И роли, которую играют СМИ в формировании того, во что мир решает верить.

Эти ответы ждали меня в Казахстане.

Глава 33: Здравствуй, Вьетнам

Поездка во Вьетнам не была тщательно спланированным решением. По правде говоря, я просто искал временный вариант, пока ждал собеседования в

нескольких крупных авиакомпаниях с давней историей. К этому моменту я чувствовал, что годы контрактных полетов сделали именно то, на что я надеялся. Каждый шаг ускорял мою карьеру. Калифорния научила меня летать, Малайзия сделала меня инструктором, а Сингапур сделал меня капитаном. Теперь пришло время подумать о том, где я действительно хочу провести остаток своей карьеры. Я становился старше и дни «пилота-плейбоя» медленно подходили к концу. Мои сестры были замужем. У них были дети, свои дома и свои семьи. Годами я посвящал себя почти полностью своей карьере. Всякий раз, когда родителям требовалась финансовая помощь, я был рядом. Все мои долги были погашены. Я построил карьеру, о которой всегда мечтал. Но где-то по пути я забыл о себе. Когда я собирался остепениться? Когда я создам свою собственную семью? И кому на свете захочется строить жизнь с тем, чей офис находился в тридцати семи тысячах футов над землей? Ближний Восток казался очевидным следующим шагом. Местные авиакомпании предлагали отличные карьерные возможности, и я начал подавать заявки. Пока я ждал, несколько друзей упомянули вьетнамскую авиакомпанию VietJet.

«Им отчаянно нужны капитаны», — сказали они мне.

Проведя несколько спокойных недель в доме отца в Малайзии, я решил, что мне нечего терять. Я полечу в Хошимин — который многие до сих пор ласково называют Сайгоном — и посмотрю сам. Иногда лучшие решения в жизни принимаются вообще без какого-либо плана. Как только я приземлился, я включил телефон, сразу нашел штаб-квартиру VietJet. К моему удивлению, она находилась менее чем в пяти минутах ходьбы от аэропорта- идеально. С рюкзаком за плечом и в повседневной одежде я прямиком направился на ресепшн. Молодая сотрудница подняла глаза, тепло улыбнулась и спросила:

«Я могу вам помочь?»

Она была красива, и её улыбка говорила о том, что она явно не ожидала того, что произошло дальше. Я положил аккуратно оформленную папку на её стол. Внутри были мое резюме, копии всех имеющихся у меня лицензий, мои квалификации FAA, малайзийские лицензии, сингапурские лицензии, частично завершенная конвертация UK CAA, последние десять страниц моего летного журнала и рекомендательные письма от каждой авиакомпании, в которой я работал. Она перевела взгляд с папки на меня. Затем снова на папку.

«Я ищу капитана Нила», — сказал я, имея в виду главного пилота с Филиппин.

Она скрылась в служебной части офиса. Не прошло и минуты, как она вернулась.

«Вы можете пройти собеседование прямо сейчас?» Я улыбнулся.

«Конечно».

За рядами офисных кабинок находился небольшой кабинет, где капитан Ви сидел, небрежно покуривая сигарету. Он пригласил меня войти. Минут пять мы говорили о моей карьере. Затем он откинулся на спинку стула.

«Мне нужны инструкторы», — сказал он.

«Можете ли вы поехать во Францию и пройти курс инструкторов Airbus?»

«Конечно, могу».

Он кивнул.

«Хорошо. Мисс Май оформит ваши документы».

Он сделал паузу.

«Где вы остановились?»

«Честно говоря, я ещё не знаю».

«Когда вы можете приступить?»

Я рассмеялся.

«Когда вам будет угодно».

«Завтра», — ответил он без колебаний.

«Вы полетите в Ханой, получите вьетнамскую лицензию и пройдете медосмотр».

Вот так просто. Собеседование было окончено. Мы пожали друг другу руки. У меня была новая работа.

Возвращаясь к стойке регистрации, я заметил два знакомых лица, стоявших рядом со столом мисс Май. Что-то в них казалось странно знакомым. И тут меня осенило- Крейг и Блэр. Два друга, которых я не видел со времен летной школы в Калифорнии почти пятнадцать лет назад. Мисс Май вежливо улыбнулась.

«Пожалуйста, присаживайтесь, капитан».

Крейг посмотрел на меня со своей неповторимой австралийской ухмылкой.

«Не волнуйся, приятель», — рассмеялся он.

«Здесь всех называют 'капитан'».

Мисс Май тут же посмотрела на него.

«Он ваш капитан».

Я секунду смотрел на Крейга, прежде чем расхохотаться.

«Крейг, ты придурок. Это же я! Мо! Из лётной школы!»

Выражение его лица было бесценным. Секунду спустя мы уже обнимались, смеясь в полном недоумении от того, что каким-то образом оказались снова работающими вместе на другом конце света. Жизнь порой действительно удивительна. Затем мисс Май объяснила, что собирается на обеденный перерыв и лично отвезет меня в обслуживаемые апартаменты неподалеку, где жили многие пилоты.

«Только при одном условии», — ответил я.

«Я угощаю вас обедом».

Она улыбнулась. Всего через несколько часов после приземления в Сайгоне я каким-то образом умудрился найти новую работу, повышение, вновь встретить двух старых друзей из Калифорнии и пригласить на обед прекрасную вьетнамскую леди, которую я позже ласково прозвал «Мисс Сайгон» после того, как она следующие пару недель показывала мне свой чудесный город. Такие моменты напоминали мне, что мир полон возможностей. Всякий раз, когда я вспоминаю тот день, мне на ум приходит одна из моих любимых фраз из фильма Сильвестра Сталлоне «Изо всех сил», который я смотрел в детстве.

«Мир не идёт никому навстречу. Если ты чего-то хочешь, ты должен пойти и взять это».

Глава 34: Теория хаоса

Если бы мне пришлось описать мое время в авиационной индустрии Вьетнама всего двумя словами, это были бы Теория Хаоса. Даже сегодня я с трудом понимаю, как система избежала гораздо большего числа крупных авиакатастроф. Вьетнам — удивительная страна. Нация, которая пережила десятилетия войны и годы коммунистических трудностей, прежде чем открыться для международной торговли. Как только иностранные инвестиции хлынули в страну, всё изменилось. Экономика росла с поразительной скоростью. Растущий средний класс хотел путешествовать. Спрос на авиаперелеты взорвался почти в одночасье. VietJet была создана, чтобы удовлетворить этот спрос. По иронии судьбы, моя предыдущая авиакомпания, AirAsia, потратила годы, пытаясь закрепиться во Вьетнаме без успеха. Теперь Вьетнам создал своего собственного лоукост-гиганта. Но рост происходил гораздо быстрее, чем накопление опыта. Авиакомпании отчаянно требовались пилоты. Что ещё важнее, ей отчаянно требовались командиры воздушных судов. С самых первых месяцев там, я находился в постоянном конфликте с летной службой. В авиационной индустрии существуют строгие ограничения полетного времени не просто так.

Эти правила были созданы не бюрократами, сидящими за столами. Они были написаны, потому что случались аварии. Каждое ограничение существует потому, что где-то, в какой-то момент истории, усталость убивала людей. И все же в VietJet эти ограничения регулярно игнорировались. Для пилотов стало нормой превышать сто часов налета каждый месяц. Каждую неделю мне приходилось спорить с отделом летной эксплуатации, потому что они хотели, чтобы я принимал обязанности, которые превышали эти законные лимиты.

Каждую неделю я отказывался. Для них я становился трудным. Для себя я просто выполнял работу, которой меня обучили. Первая обязанность капитана — не перед авиакомпанией. Она не перед акционерами. Она не перед расписанием. Первая обязанность капитана — это безопасность людей, сидящих за дверью кабины. Давление никогда не прекращалось. Ко мне

регулярно приходили вторые пилоты и говорили, что спали всего три часа. Отдел планирования полетов звонил им неоднократно, прося «помочь», согласившись на ещё один рейс и многие соглашались. Некоторые потому, что не хотели разочаровывать компанию. Другие потому, что дополнительные полеты приносили финансовое вознаграждение. После изнурительных дней полетов я наблюдал, как пилоты прибывали в отель и направлялись прямо в бар.

Они сильно пили, спали всего несколько часов. Затем возвращались в кабину, чтобы повторить всё снова. Это был худший пример плохого поведения пилотов, который я когда-либо видел. Что беспокоило меня ещё больше, так это то, насколько нормальным всё это казалось.

Затем я начал понимать, почему. Некоторые вторые пилоты конфиденциально рассказывали мне, что заплатили огромные суммы денег, чтобы получить работу через компанию по найму пилотов, связанную с авиакомпанией. Правдива ли была каждая история или нет, одно стало для меня очевидным. Некоторые пилоты прибывали, имея лишь минимальное представление об Airbus A320. Многие зависели почти полностью от автоматики, а не от понимания того, что самолет делал на самом деле. Задолго до того, как я официально стал инструктором, я чувствовал, что уже им являюсь. Почти каждый полет становился очередным уроком. Всего через несколько месяцев меня выбрали для поездки в Airbus Industries в Тулузе, Франция, чтобы завершить мою квалификацию инструктора Airbus.

Я гордился этой возможностью. Я верил, что смогу помочь повысить стандарты. Вместо этого, давление возросло. Из-за огромного отставания в обучении, меня уведомили, что меня поставят в график полетов примерно на сто сорок часов каждый месяц во время проведения линейной подготовки. Я не мог поверить в то, что слышу- сто сорок часов. На сорок часов выше законного месячного лимита. Затем последовала часть, которая шокировала меня ещё больше.

Мне сказали, что мне заплатят только за сто двадцать из этих часов. Оставшиеся двадцать часов отойдут владельцу Atran Aviation, рекрутинговой компании, которая управляла многими пилотами-экспатами. В то время я даже не осознавал, что другие инструкторы уже приняли это соглашение. Я просто знал одно- это было неправильно. Мой инстинкт профессионального пилота говорил мне, что так не должно быть.

Я спорил. Снова. И снова. И снова.

Чем больше я возражал, тем невыносимее становилась жизнь. Я также выразил обеспокоенность высшему руководству. Во время одной из встреч, на которой присутствовала госпожа Нгуен Тхи Фыонг Тхао, основательница VietJet, несколько пилотов-экспатов выразили свою обеспокоенность культурой, складывающейся внутри авиакомпании.

Безопасность.

Профессиональные стандарты.

Коррупция.

Мы говорили открыто, потому что верили, что на кону стоят жизни. Её ответ остался со мной навсегда. Насколько я помню, она посмотрела на нас и сказала:

«Вьетнам — коррумпированная страна. Это наш образ жизни. Если вам это не нравится, вы должны уехать». Я вышел с той встречи глубоко разочарованным.

Мы не просили о повышении зарплаты. Мы не просили об облегчении жизни. Мы просили о более безопасном небе. Спустя годы, после всего, что я пережил в Казахстане, я часто размышлял над этими словами.

Я всё ещё глубоко не согласен с ними. Но, по крайней мере, они были честными. Никто не притворялся, что коррупции не существует. Казахстан научил меня другому.

Тут люди, которых я считал частью проблемы, постоянно задавали один и тот же вопрос.

«Какая коррупция?»

Иногда отрицание опаснее, чем признание. Потому что, если система отказывается признавать свои ошибки, она никогда не сможет их исправить. Для меня это решение в конечном итоге стало простым. Никакая зарплата, никакое повышение и никакая карьера не стоили того, чтобы идти на компромисс с принципами, которые я выстраивал всю свою жизнь. Однажды днем с меня наконец было довольно. В течение часа я собрал свои вещи. Я оставил Вьетнам позади.

Я ни разу не пожалел об этом решении.

Глава 35: Первое правило

Когда я уезжал из Египта, я в глубине души знал, что это не та страна, где я хочу строить свое будущее. Как бы я ни любил свою семью, свою культуру и свое наследие, я знал, что не хочу растить там своих детей. Спустя годы, когда я уезжал из Вьетнама, я чувствовал то же самое. Дело было не в самой стране, которая меня оттолкнула. Вьетнам прекрасен. Его люди теплые, трудолюбивые и стойкие. Меня беспокоило что-то другое.

Это было принятие коррупции. С годами я пришел к очень простой мысли. Цивилизация строится на правилах. Однажды я прочитал, что именно закон делает нас цивилизованными. Даже животные живут по правилам. В волчьих стаях есть иерархия. Птицы мигрируют вместе. Сама природа зависит от порядка. Человеческие общества ничем не отличаются. Некоторые из вас, читающих это, могут со мной не согласиться. Вы можете сказать:

«Но Мохамед, разве ты не был рад воспользоваться ускоренной иммиграцией в Сингапуре? Разве это не просто ещё один способ пролезть без очереди?» На первый взгляд, возможно, это так и выглядит. Но я не верю, что это одно и то же. Ускоренная иммиграция была официальной услугой. Это было доступно и каждый мог этим воспользоваться. Это существовало в

рамках правил. Никому не приходилось тайно передавать деньги под столом. Никого не просили нарушать закон. Никто не уходил с чувством, что совершил что-то нечестное.

Коррупция — это другое. Те, кто развращают других, обычно в глубине души знают, что поступают неправильно. Со временем они начинают оправдывать это. В конце концов они перестают чувствовать вину вовсе. Затем происходит нечто более опасное. Они начинают чувствовать себя очень даже комфортно, а иногда даже гордятся этим. Вот тогда коррупция становится культурой. Я всегда был человеком, который терпеливо стоит в очереди. Мне не нравятся люди, которые лезут вперед.

Возможно, это идет от воспитания в Британии. Нас с раннего возраста учат простым правилам. Держись своей полосы, зеркало, сигнал, маневр, останавливайся на пешеходных переходах и жди своей очереди.

Это такие обычные вещи, что мы редко задумываемся о них. Но именно эти маленькие правила не дают разразиться хаосу. Путешествуя по другим частям света, можно заметить, что в некоторых местах дороги кажутся полным бедламом. Машины мчатся во всех направлениях, мотоциклы протискиваются в невозможные зазоры и каждый пытается прорваться вперед первым. Для меня эти дороги стали метафорой. Когда достаточное количество людей перестает соблюдать мелкие правила, со временем и более крупные правила начинают терять свой смысл, как и всё остальное. Та же самая ментальность беспокоила меня в авиации. Как я мог честно ожидать безопасного полета, если все вокруг постепенно приходило в упадок?

Планы полетов были неорганизованными.

Оборудование кабины не всегда функционировало должным образом.

Самолеты ожидали технического обслуживания.

Дефекты освещения взлетно-посадочной полосы оставались неустраненными.

Пилоты были истощены.

Бортпроводники болели.

И все же от каждого ожидали, что он закроет на это глаза и будет надеяться, что ничего не случится. Надежда — это не система безопасности. Профессионализм — вот что это такое. Это, по моему мнению, и есть истинная опасность коррупции. Она учит людей игнорировать сегодняшнюю маленькую проблему, потому что завтрашние последствия будут принадлежать кому-то другому. Общества, которые больше всего впечатлили меня в жизни, не обязательно были самыми богатыми. Это были те общества, где люди коллективно принимали тот факт, что правила в равной степени применимы ко всем. Не потому, что правила идеальны. А потому, что без них доверие исчезает. А как только доверие исчезает, справедливость обычно оказывается вдалеке. Мне потребовалось много лет и много стран, чтобы понять, что первое правило любого успешного общества это не богатство, не власть и не технологии. Это нечто гораздо более простое. Люди должны

сначала решить, что некоторые принципы никогда не продаются. Всё остальное строится на этом фундаменте. И всё же, несмотря на всё, что я видел в других местах, ничто не подготовило меня к тому, что ждало впереди. Казахстан в моих глазах стал золотым стандартом коррупции. Там я пришел к убеждению, что коррупция перешла моральную черту, которую я даже не мог себе представить— где, на собственном опыте, я почувствовал, что люди готовы наживаться на смерти младенца и требовать то, что я могу описать только как кровавые деньги. Это история, которую я собираюсь рассказать.

Глава 36: Здравствуй, Гонконг

Когда я уезжал из Вьетнама, я не чувствовал грусти. Я чувствовал облегчение. Впервые за много лет я совершенно не представлял, куда движется моя карьера. И, как ни странно, мне было все равно. Представьте, что вы настолько устали от какого-то места, что просто бросаете половину своих вещей. Именно это я и сделал. Я оставил одежду, предметы домашнего обихода и личные вещи в своей съемной квартире. Они больше не стоили того, чтобы их везти. В аэропорту, купив билет в один конец до Малайзии, я узнал стоимость перевеса багажа. Стоя в очереди на регистрацию, я открыл чемоданы и начал раздавать вещи совершенно незнакомым людям. Я не пытался сэкономить деньги. Я просто хотел уехать. Вещи больше ничего не значили. Важно было только сесть в этот самолет.

Я достиг своего предела.

Сколько бы раз я ни объяснял, что не буду превышать установленные законом нормы полетного времени.

Сколько бы раз я ни отказывался сокращать обязательные периоды отдыха.

Сколько бы раз я ни возражал против эксплуатации воздушных судов, которые, на мой взгляд, должны были сначала пройти необходимое техническое обслуживание. ничего, казалось, не менялось.

На протяжении всей моей карьеры была одна фраза, которую повторяли чаще других.

«Безопасность прежде всего».

Во Вьетнаме я часто чувствовал, что эти слова стали не более чем лозунгом. Многие люди слишком боялись бросить вызов своему начальству. Тех, кто был наверху, казалось, интересовал только один вопрос.

«Сколько ещё мы можем выжать?»

Изучался каждый короткий путь. Каждый предел был достигнут. Казалось, что можно срезать каждый возможный угол. В конце концов я понял, что не могу изменить систему. Единственное, что я мог изменить, это оставаться ли её частью. Я прилетел обратно в Малайзию и жил у отца, пока восстанавливался физически и морально после всего, что произошло. Затем, из ниоткуда, зазвонил мой телефон. У друга-пилота был простой вопрос.

«Хочешь приехать в Сингапур? Hong Kong Airlines проводят выездной набор персонала». У меня уже были друзья, живущие в Гонконге. Но если быть честным, сама авиакомпания меня не привлекала. Я просто подумал, что это будет хорошим поводом встретиться со старыми друзьями в Сингапуре и посмотреть, какие возможности могут существовать. Я прибыл на тестирование совершенно неподготовленным. К моему удивлению, всё казалось знакомым. В течение нескольких лет я готовился к собеседованиям в мировых авиакомпаниях с историей. Hong Kong Airlines следовали почти точно такому же процессу отбора. Этап за этапом я без усилий проходил тестирование. К концу дня у меня было предложение о работе. Впервые в своей карьере я получил возможность перейти в дальнемагистральную авиацию. До этого я летал почти исключительно на узкофюзеляжных самолетах Airbus.

Hong Kong Airlines эксплуатировала Airbus A330, а плюс с этому совершенно новые Airbus A350 и Boeing 787 Dreamliner должны были пополнить парк. Перспектива была захватывающей. Возможно, было время для последнего шага в моей авиационной карьере. Я вернулся в дом отца в Малайзии с предложением о работе в кармане и важным решением, которое нужно было принять. Я и не подозревал, что решение, которое я собирался принять, станет последней главой моей летной карьеры. прежде чем история приняла направление, которое никто не мог себе представить.

Привет, Гонконг.

Глава 37: Моральное отчуждение

Прежде чем мы перейдем к Гонконгу, я хочу уделить время обсуждению психологической концепции, которая, как я считаю, объясняет многое из того, что я наблюдал на протяжении всей своей жизни. Она называется моральной отстраненностью. Моральная отстраненность — это процесс, посредством которого обычные люди убеждают себя в том, что действия, которые обычно считались бы неправильными, постыдными или даже жестокими, каким-то образом приемлемы. Она отвечает на вопрос, который занимал меня годами.

Как тюремный надзиратель оправдывает избиение заключенного?

Как прокурор игнорирует улики и помогает следователю сфабриковать доказательства, чтобы обеспечить обвинительный приговор?

Как судья дополнительно помогает прокурорам и следователям, создавая в зале суда условия, которые выглядят откровенно предвзятыми и заранее предопределенными для вынесения обвинительного приговора, независимо от доказательств и аргументов, представленных защитой?

Как пилот сознательно управляет самолетом, находясь в состоянии опасного утомления?

Как менеджер авиакомпании ставит коммерческое давление выше безопасности пассажиров?

В какой момент человек перестает видеть последствия своих собственных действий?

Чем больше я путешествовал, тем больше понимал, что очень немногие люди просыпаются утром с намерением быть злыми. Вместо этого происходит нечто гораздо более тонкое. Люди постепенно отключают себя от моральных последствий того, что они делают.

Ответственность перекладывается на кого-то другого, правила становятся «гибкими», язык меняется и оправдания заменяют принципы. Со временем поведение, которое когда-то привело бы их в ужас, становится совершенно нормальным. Оглядываясь на свою жизнь, я теперь понимаю, что был свидетелем этого процесса в разных формах в нескольких странах.

Я видел это в авиации.

Я видел это в бизнесе.

Я видел это в политике.

А позже я стал свидетелем этого в правовой системе.

На протяжении всей карьеры я постоянно оказывался в ситуациях, которые вызывали у меня глубокий дискомфорт. Я наблюдал, как пилоты превышают установленные законом нормы полетного времени. Я наблюдал, как изможденные экипажи продолжали летать, потому что чувствовали, что не могут отказаться. Я наблюдал, как коммерческое давление постепенно становилось важнее безопасности. Каждый участник, казалось, имел свое собственное оправдание.

«Мы помогаем компании».

«Все остальные так делают».

«Это только в этот раз».

«Ничего не случится».

История показала нам, что именно так развиваются опасные системы. Очень редко катастрофа начинается с одного конкретного решения. Обычно она начинается с тысяч мелких компромиссов: Один срезанный путь, одно проигнорированное правило, одно оправдание. Затем другое, и ещё одно. Пока в конце концов никто не помнит, где должна была проходить черта. Больше всего меня пугало не просто то, что люди совершали эти поступки. А то, насколько комфортно они себя при этом чувствовали. Это, по моему мнению, и есть моральное отстранение. Оглядываясь назад, я верю, что сталкивался с этим во многих разных странах и культурах. Но нигде я не видел, чтобы это укоренилось так глубоко, как в Казахстане. Тут я стал свидетелем того, как обычные люди участвуют в невероятной несправедливости, при этом искренне веря, что они не сделали абсолютно ничего плохого. Понимание моральной отстраненности не оправдывает коррупцию. Оно не оправдывает несправедливость. Но оно помогает объяснить, как обычные люди могут стать частью систем, разрушающих жизни, даже не считая себя злодеями. С этой мыслью. позвольте мне перенести вас в Гонконг.

Глава 38: Ещё большие деньги

Чем дольше я находился внутри, тем больше наблюдал за тем, что делают люди, когда впадают в отчаяние.

Люди совершают звонки.

Люди продают имущество.

Люди просят свои семьи продать имущество.

Люди умоляют друзей о деньгах.

Люди избивают других, чтобы вымогать у них деньги.

Деньги. Деньги. Деньги. И чем больше я наблюдал за этим, тем больше начинал осознавать, насколько нелепо я, должно быть, выглядел, разгуливая здесь и говоря всем: я не буду платить, я не играю в их игру. Я помню разговор с человеком, которого встретил внутри. Его имя здесь упоминать нельзя, поэтому давайте назовем его ТАК. ТАК понимал то, что он считал фундаментальным принципом правовой системы Казахстана, до последней детали. Однажды я жаловался ему на все проблемы в моем деле.

Он посмотрел на меня.

«Мохамед, никого не волнует, виновен ты или нет. Они уже задержали тебя. Все можно решить деньгами. А если это нельзя решить деньгами, значит, это можно решить большими деньгами. А если это нельзя решить большими деньгами, значит, это можно решить очень большими деньгами».

Я перестал говорить. Я сидел там и думал о том, что он только что сказал. Это напомнило мне кое-что ещё, что я когда-то читал.

Политические принципы Тодда

Первый принцип: что бы они вам ни говорили, они не говорят вам всей правды. Второй принцип: о чем бы они ни говорили, они говорят о деньгах. И спустя все эти годы внутри, эти слова мне становится все труднее игнорировать. В конце концов, если бы у меня был лишний миллион долларов, как бы далеко ни зашло мое дело, я верю, я бы, скорее всего, остался сидеть дома. В этом и заключается абсурд. У свободы есть цена. И как только начинаешь думать об этом так, начинаешь видеть тот же принцип повсюду. Как я уже говорил, когда они вырубят все фруктовые деревья, вам придется идти в супермаркет, чтобы купить фрукты. Когда ручьи загрязнены, вам нужно покупать бутылки с водой. Возьмите то, что когда-то естественным образом принадлежало всем и сделайте это недоступным. А затем продайте это им обратно. И когда всё это станет нормой, зачем останавливаться на достигнутом? Бросьте их в тюрьму и продайте им их свободу. Что может быть ценнее?

Человек продаст свою машину ради свободы.

Свой дом.

Свой бизнес.

Свою землю.

Его семья опустошит свои сбережения.

Его мать возьмет в долг.

Его отец продаст имущество.

Его друзей попросят о помощи.

Потому что, когда вы сидите за запертой дверью, внезапно почти всё, что вы копили всю свою жизнь, становится менее ценным, чем возможность пройти через эту дверь. Возможно, именно поэтому тюрьма меняет ваше понимание богатства. Я думаю, есть три места, которые каждый должен регулярно посещать, если хочет оставаться в здравом уме.

Первое — это больница.

Пройдитесь по ней и посмотрите на людей, борющихся за свою жизнь. Людей, молящихся об исцелении. Людей, которые с радостью отдали бы всё, что у них есть, за ещё один год, ещё один месяц, иногда ещё один день. Затем спросите себя, чего стоит здоровье.

Второе — это тюрьма.

Посмотрите на людей, отчаянно жаждущих свободы. Посмотрите, чем человек готов пожертвовать, лишь бы вернуться домой. Посмотрите на взрослого мужчину, ожидающего телефонного звонка от матери. Посмотрите на того, кто считает дни, месяцы, годы. Затем спросите себя, чего стоит свобода.

И третье — это кладбище.

Пройдитесь между могил. Посмотрите на землю под своими ногами. Потому что в конце концов это та самая земля, которая накроет и вас.

Богатый.

Бедный.

Властный.

Заключенный.

Судья.

Прокурор.

Бизнесмен.

Человек с миллионом долларов и человек без гроша в кармане. В конце концов земля не делает различий между всеми нами. Может быть, если бы мы чаще посещали эти три места, мы бы понимали всё иначе. Больница, чтобы напомнить нам о ценности здоровья. Тюрьма, чтобы напомнить нам о ценности свободы. И кладбище, чтобы напомнить нам, что ничто из этого не длится вечно. Может быть, тогда мы бы поняли, что на самом деле означают здоровая жизнь и свобода. И, может быть, мы бы вспомнили кое-что ещё: земля, по которой ты сегодня так гордо ступаешь, однажды поглотит тебя.

Глава 39: Мой первый взгляд на Казахстан

Приезд в Гонконг ощущался как возвращение в цивилизованный мир. Всё было организовано, всё было спланировано заранее и всё просто работало.

В течение нашего месячного ознакомительного курса, компания разместила нас в отеле Auberge Discovery Bay. Расположенный на набережной и окружённый ресторанами, супермаркетами и кафе, отель был

идеальным местом, чтобы начать новую жизнь. В течение этого первого месяца у нас была только одна задача. Привести наши лицензии в соответствие со стандартами Департамента гражданской авиации Гонконга и завершить программу подготовки компании. Всё остальное уже было организовано для нас.

Автобусы прибывали вовремя. MTR была одной из лучших систем метро, которым я когда-либо пользовался. Международный аэропорт Гонконга был именно таким, каким и ожидаешь от одного из ведущих мировых авиационных узлов. После Вьетнама казалось, что нормальная жизнь вернулась. Единственным существенным изменением стал отказ от ротационного графика, к которому я привык в Сингапуре. Я вернулся к полноценному авиакомпанейскому графику с регулярными ночёвками, многие из которых приходились на города материкового Китая. Китай произвел на меня огромное впечатление.

Масштаб, инфраструктура и амбиции. Многие из моих друзей в итоге перешли в китайские авиакомпании, потому что зарплаты там были исключительно хорошими. Лично я, однако, никогда не чувствовал себя там как дома. Это просто было не мое место. Вскоре после прихода в Hong Kong Airlines, я начал переучивание на Airbus A330. Наконец-то я попал в мир широкофюзеляжных самолетов. Маршруты стали длиннее, полеты стали более технически сложными и мне это безумно нравилось. Исчезли изматывающие шестисекторные дни, которые я пережил в бюджетных авиакомпаниях. Вместо этого я летал через океаны. Гонконг — Ванкувер. Гонконг — Окленд. Дальнемагистральные полёты оказались именно такими, какими я их представлял, за исключением одного- Джетлаг.

Люди часто спрашивают, каково это — быть пилотом авиакомпании. Представьте, что вы просыпаетесь почти каждое утро в новом отеле, в другой кровати, на другой подушке, в другом часовом поясе и иногда даже в другом времени года. Ваш организм в конечном итоге понятия не имеет, который сейчас час. Сон постепенно становится редким гостем. Мы всё ещё встречались изредка, но в основном просто поддерживали связь. Я перепробовал всё. Я тренировался в зале на пределе возможности, надеясь, что физическое истощение поможет мне уснуть. Иногда это работало, а иногда нет. Если быть честным, чаще всего это была пара стаканов виски вместе с антигистаминным препаратом от аллергии, которые в конце концов убеждали мой мозг отключиться и позволить мне погрузиться в страну грез. Во время вводного курса я познакомился с Карлосом, вторым пилотом из Бразилии — человеком с удивительно лёгким и приятным характером. Вместе с Майком из Швейцарии он сделал линейную стажировку приятной с самого начала. Оба были опытными пилотами, умными, профессиональными и теми людьми, которые делали каждый полет удовольствием. Карлос также переучился на Airbus A330 и однажды упомянул кое-что, что сразу привлекло мое внимание.

«В Казахстане есть трехнедельная грузовая ротация», — сказал он.

«Полеты на грузовом A330 между Алматы и Стамбулом. Может быть весело».

Я связался с отделом планирования. Как оказалось, желающих получить это назначение среди пилотов было совсем немного. Почти сразу я оказался в паре с Карлосом на трехнедельную ротацию. Не осознавая того, что я собираюсь лететь в свою первую бывшую советскую страну.

Выросший в Британии, я представлял ту часть мира по фильмам о Джеймсе Бонде, триллерам о холодной войне и бесконечным историям о коммунизме. Я помнил страх, окружавший Чернобыль, когда я был ребенком. Советский Союз всегда казался загадочным, далеким и почти мифическим. К тому времени, конечно, Казахстан был независимым государством.

Для многих людей на Западе он, вероятно, был наиболее известен благодаря Борату. Но для меня это был просто ещё один неизвестный уголок мира, ожидающий своего открытия. Пока наш Airbus A330 снижался сквозь морозный зимний воздух, я смотрел в окна кабины. Пелена холодного тумана покрывала землю внизу, поднимаясь лишь до середины гор, прежде чем уступить место чистому ночному небу наверху. С воздуха старые советские многоквартирные дома выглядели серыми и безжизненными. Уличные фонари казались странно тусклыми. Это был не один из тех великих мировых городов, к которым я привык летать, но мое любопытство вспыхнуло вновь.

Я понятия не имел, чего ожидать. Сильный русский акцент в радиоэфире мгновенно пробудил детские воспоминания о фильмах времен холодной войны, фильмах о Джеймсе Бонде и документальных лентах о Советском Союзе. Всё казалось непривычным. Когда мы выстроились на финальный заход, освещение взлетно-посадочной полосы показалось на удивление плохим, и после приземления я заметил, что многие дорожные разметки сильно стерлись и нуждались в покраске. Пока работали противообледенительные системы самолета, мы медленно рулили к терминалу.

Всё казалось недостаточно освещенным. Порой было трудно даже разглядеть машину сопровождения, ведущую нас на стоянку. Это была сибирская зима, которую я представлял себе в детстве. Снег, водка и толстые шерстяные шапки. Таинственный уголок мира, который до этого момента существовал только в книгах, фильмах и моем воображении. Теперь я наконец был здесь.

Глава 40: Первые впечатления

О стране многое можно понять уже по первым впечатлениям. Прибытие в международный аэропорт Алматы словно перенесло меня в послевоенный Вьетнам. Старые военные самолеты стояли с распоротыми брюхами на перроне, медленно ржавея, словно их просто бросили и забыли. Сам терминал напоминал мне внутренние аэропорты некоторых развивающихся

стран — те, которые принимают всего один или два рейса в неделю. Внутри всё было не намного лучше.

У таможенника в тот момент была только одна задача: проверить наши паспорта. Вместо этого он пять минут болтал с офицером в соседней будке, прежде чем вообще заметил, что мы стоим перед ним. В конце концов он поднял глаза. Огромная форма в советском стиле и огромная фуражка. С бесстрастным лицом он медленно осматривал каждого из нас с ног до головы, словно намеренно давая почувствовать, что нам здесь не рады. Я не утверждаю, что иммиграционные офицеры по всему миру старались сделать так, чтобы экипажи чувствовали себя как дома. Это не так. Но обычно между ними и экипажем всё же чувствуется взаимное профессиональное уважение. Здесь я его не почувствовал.

Сигарета тихо дымилась в пепельнице рядом с ним, пока он лениво штамповал наши паспорта, не говоря ни слова. За пределами терминала я впервые увидел старые советские фургоны и ветхие автомобили, ехавшие по тусклому бетонному мосту. Они выглядели так, будто им место в документальном фильме о Второй мировой войне, а не на современных дорогах. Нашим транспортом был фургон Mercedes Sprinter. Пока мы ехали через город, я заметил небольшие рестораны с русскими вывесками вдоль улиц. Я задумался о том, какие блюда мне предстоит здесь попробовать. Я слышал, что конина считается деликатесом в Казахстане.

Смогу ли я её съесть? Лица вокруг меня, по крайней мере на мой взгляд, отражали богатое смешение народов Центральной Азии. Многие люди тепло приветствовали нас словами «Ассаляму алейкум», мгновенно напоминая мне, что ислам по-прежнему является частью идентичности страны, несмотря на её советское прошлое. В конце концов мы прибыли в отель InterContinental Almaty. Он напоминал международный отель, давно утративший былое величие. Номера выглядели уставшими. Ковры были в пятнах. Обои напоминали мне о моем детстве в 1980-х годах. Телевизор едва работал. Матрас тоже явно знавал лучшие времена. Администратор, однако, была жизнерадостной, дружелюбной и открыто кокетливой. Ещё одна вещь сразу привлекла мое внимание. Многие имена арабского происхождения здесь приобрели русифицированные формы. Мохамед стал Мохамедовым. Ибрагим стал Ибрагимовым.

Казалось, ко множеству имён просто добавили окончание «-ов» — ещё одно заметное напоминание о долгом советском влиянии на регион и его народы. Стоя у окна отеля, я смотрел на огромное темное здание, на вершине которого светилось слово Nurbank. Оно выглядело так, будто его перенесли прямо из Готэм-сити. Ирония заставила меня улыбнуться. «Нур» означает свет на арабском языке, а также является популярным женским именем во всем мусульманском мире. И все же в здании, стоящем передо мной, не было ничего светлого. Снаружи горный воздух был пропитан слабым запахом дизельного топлива. И все же он казался заметно чище того воздуха, к

которому я привык в Гонконге. Улицы казались необычно тихими для города такого размера. Всё казалось медленнее, другим и незнакомым.

Я был измотан. Перелёт, холод и незнакомая обстановка наконец дали о себе знать. Сейчас сон был важнее, чем осмотр достопримечательностей. Алматы никуда не денется, когда я проснусь. А через несколько часов. Я начну исследовать город, который в тот момент считал просто ещё одной увлекательной остановкой в моем кругосветном путешествии.

Глава 41: Открывая Алматы

Это был октябрь 2017 года. Воздух в Алматы ранним днем был свежим и прохладным. После полета я принял душ и переоделся в обычную одежду. Джинсы Armani, толстовка с капюшоном, кроссовки Armani. Быстрый пшик Chanel Allure, моего любимого аромата на протяжении многих лет. Старые привычки трудно искоренить.

Внизу в холле отеля я встретил Карлоса и Таяра, двух бразильских пилотов. План был прост. Мы пройдем через парк напротив отеля и направимся к Dostyk Plaza. Парк сразу привлек мое внимание.

Окружающая природа словно соединяла в себе Европу и Азию — совсем как сам Казахстан. Осенние краски прекрасно сочетались с островками снега, которые медленно таяли под дневным солнцем. Прогуливаясь, мы прошли мимо памятника, посвященного советским солдатам. В его центре горел вечный огонь. Рядом несколько пьяниц делили бутылку дешевой водки на скамейке, полностью поглощенные своим разговором. Этот контраст заворожил меня. История, гордость и бедность. А вокруг них своим чередом шла жизнь.

Сама прогулка была спокойной. Вскоре мы прибыли в Достык Плаза. Должен признаться, я этого не ожидал. Торговый центр оказался современным, светлым и ничем не уступал многим из тех, где я бывал раньше. Нашей первой остановкой был магазин Kcell. Я пользовался международным роумингом с момента прилета. Обычно мой оператор предлагал отличные международные тарифы. По-видимому, Казахстан в них не входил. К тому времени, как я получил текстовое сообщение с просьбой пополнить счет, я умудрился потратить почти двести долларов США лишь на пользование интернетом. Я не мог в это поверить. Я проверил международный телефонный код. Казахстан использует +7, прямо как Россия. Естественно, я предположил, что действуют те же тарифы роуминга, но это было не так. Урок усвоен. Дальше нас ждало нечто гораздо более приятное. Таяр привел нас в салон, который он уже знал.

Через несколько минут мы наслаждались тем, что можно назвать полноценным уходом за собой. Стрижки, черные маски для лица, восковая эпиляция ушей и стрижка волос в носу. В общем, полный комплекс услуг. Турецкий стилист и несколько молодых женщин, работающих в салоне, снова придали трем уставшим пилотам вполне приличный вид. К этому моменту

мне уже начинало казаться, что Казахстан действительно придется мне по душе. Внизу, в супермаркете, мы начали изучать местные продукты. Не раздумывая, Таяр взял бутылку водки Beluga.

«Ты должен это попробовать», — настаивал он.

Я доверился его выбору и тоже взял одну. Затем мы подошли к отделу охлажденных продуктов и увидел черную икруй. Я наслаждался ею много раз прежде, но никогда по таким ценам.

Я постоянно тянулся к конвертеру валют в своем телефоне. По сравнению с Гонконгом всё казалось невероятно дешевым. Премиальные продукты, которые в других местах стоили бы целое состояние, лежали на полках по ценам, которые казались почти слишком хорошими, чтобы быть правдой. Затем последовало наше следующее испытание- заказ Uber.

Приложение работало, а вот общение - нет. Наш водитель неоднократно звонил нам, быстро говоря по-русски, чего никто из нас не понимал. Пока мы стояли там в полной растерянности, я заметил, как местные женщины просто поднимали руку в сторону проезжающих машин и они останавливались. Цена согласовывалась за секунды. Они садились и уезжали. Поэтому мы последовали их примеру. Через мгновение старый Mercedes C-класса припарковался у обочины. Пожилой водитель посмотрел на нас секунду, прежде чем улыбнуться.

«Куда, мой друг?»

«Стейк-хаус Zayafet».

«А-а-а, две тысячи тенге».

Для него это, вероятно, было дорого. Для нас это было невероятно дешево. До сих пор мы наслаждались первоклассным обслуживанием в салоне, купили водку премиум-класса, черную икру и все равно потратили очень мало по сравнению с обычным днем в Гонконге. Все становилось только лучше.

Стейки в Zayafet были превосходными. Я заказал рибай весом 400 грамм. Карлос выбрал томагавк. Таяр взял филе-миньон. Всё было приготовлено идеально на открытом огне. Эти люди действительно понимали толк в мясе. Мы запили всё это холодным пивом. К этому времени Алмата уже начинала мне нравиться, даже очень сильно. Везде, куда бы мы ни пошли, женщины улыбались и кокетничали глазами. В этом городе ощущалось тепло, которого я совсем не ожидал. Вернувшись в отель, администратор Дина улыбнулась, когда я отдал ключ от номера. Она взглянула на водку Beluga, которую я нес.

«Я заканчиваю работу через тридцать минут», — сказала она.

«Не хотите составить компанию, пока вы пробуете свою водку?»

Через тридцать минут в мою дверь постучали. Дина всё ещё была в своей униформе отеля. Мы сидели, разговаривали за выпивкой, пока она рассказывала мне о ночной жизни Алматы, лучших ресторанах и барах, которые любили местные жители. К концу вечера я поймал себя на мысли,

совершенно неожиданной после всего одного дня в городе. Алматы стремительно становился именно тем городом, который мне по душе.

Глава 42: Трещины на фасаде

Оглядываясь назад, Казахстан казался мне тоталитарной страной. Первое, что бросалось в глаза, — заметное присутствие сил внутренней безопасности. Казалось, полиция была повсюду. У меня складывалось впечатление, что власти гораздо больше озабочены поддержанием внутреннего контроля, чем защитой страны от внешних угроз. Если бы мне пришлось описать Казахстан с помощью аналогии, я бы сравнил его с красивой виллой, видимой снаружи. Элегантной, впечатляющей и привлекательной. Но как только вы входите через парадную дверь, вы обнаруживаете стены, кишащие насекомыми, крыс, бегающих по коридорам, и здание, медленно разрушающееся изнутри.

Снаружи оно кажется прекрасным, но внутри ощущение, будто оно потеряло свою душу. Система истощила не только страну, но и многих людей, живущих в ней. Несмотря на эти мысли, я искренне продолжал наслаждаться своими визитами в Казахстан.

Мне нравился свежий шашлык, узбекская самса и плов. Я часто ходил в ближайшую кофейню, где заказывал свежевыжатый апельсиновый сок, расслаблялся с кальяном и просто наблюдал за тем, как течёт жизнь. Люди часто подходили ко мне, особенно когда слышали, как я говорю по-английски по телефону.

Многие мечтали поехать за границу. Многие хотели попрактиковаться на английском. Разговоры почти всегда были дружелюбными. Первый серьезный признак того, что не всё благополучно, появился во время одного из наших обычных трансферов в аэропорт. Однажды днем наш водитель просто не приехал за нами в аэропорт. Как и в любой авиакомпании, о подобных инцидентах немедленно сообщается руководству. То, что произошло дальше, повергло меня в шок. Водитель каким-то образом узнал номер гостиничного номера одного из наших вторых пилотов и позвонил ему, угрожая избить его за то, что он подал жалобу. За все годы моих полетов по всему миру я никогда не сталкивался ни с чем подобным. Компания немедленно заменила транспортную компанию. К сожалению, на этом все не закончилось. Новый автомобиль для перевозки экипажа почему-то привлекал внимание полиции почти каждый раз, когда мы ехали через город. Сначала я думал, что это обычные проверки на дорогах. Затем я заметил кое-что странное. Каждый раз водитель лез в карман не за водительскими правами, а за наличными. Деньги тихо переходили из рук в руки. Полиция разрешала нам ехать дальше.

Это происходило так регулярно, что это не казалось необычным никому, кроме нас. Однажды вечером, после ужина в Barmaglot, всё стало ещё страннее. Машина с несколькими молодыми людьми начала преследовать

наше такси. На протяжении всей поездки они оставались на связи с нашим водителем по телефону. В конце концов обе машины остановились и нас попросили выйти. Мужчины потребовали денег. Когда мы спросили зачем, они небрежно ответили, что им нужно десять тысяч тенге на топливо. Карлос и я посмотрели друг на друга и рассмеялись. Сумма была не особо большой, а Карлос, возможно благодаря своему бразильскому темпераменту, сохранял удивительное спокойствие, поэтому ситуация не получила дальнейшего развития. Но это заставило нас задуматься о том, что только что произошло. Самый тревожный инцидент произошел в ночь, когда я уже вернулся в отель. На следующее утро у меня был вылет, поэтому после ужина я ушел, пока остальные члены экипажа продолжали наслаждаться вечером. Ранее они встретили в аэропорту двух женщин-таможенников, которые позже присоединились к ним для выпивки.

Женщины предложили пойти в караоке-бар. На следующее утро я проснулся от нескольких сообщений от экипажа. По их словам, этот вечер был ловушкой. В караоке внезапно появились полицейские и пригрозили арестовать двух наших мексиканских вторых пилотов. Вместо того чтобы доставить их в полицейский участок, они возили их от одного банкомата к другому, пока те не сняли сумму, эквивалентную примерно двум тысячам долларов США. Только после этого им разрешили уйти. К этому моменту мой взгляд на Казахстан начал меняться.

Город по-прежнему восхищал меня.

Мне всё ещё нравилась еда.

Мне всё ещё нравилось знакомиться с местными жителями.

Но я начал понимать, что у страны есть и другая сторона. Та, которую туристы видят редко. С тех пор я принял простое решение. Я буду проводить вечера спокойно. Ужин с экипажем — это нормально. Но после этого я предпочитал возвращаться в отель, готовясь к завтрашнему рейсу.

Глава 43: Стремительный роман

В Казахстане я очень быстро заметил одну вещь: здесь было удивительно легко общаться с людьми, особенно с женщинами. Куда бы я ни пошел, всё как-то само собой заканчивалось обменом номерами телефонов и назначенным свиданием. Разговоры текли естественно. В отличие от многих других мест, где я бывал, я редко сталкивался с неловкостью попыток начать разговор, чтобы меня не проигнорировали и не отмахнулись. Можно было просто остановиться, представиться и начать говорить. Если женщина говорила по-английски, разговор обычно складывался легко. Если нет, то мы находили другой способ. Google Переводчик стал одним из моих ближайших спутников во время тех поездок. Он был далек от совершенства, но вполне помогал преодолеть языковой барьер. Затем я встретил Мадину Абдуллаеву. Притяжение было мгновенным.

Я представился.

«Мохамед».

Она улыбнулась, протянула нежную, женственную руку для рукопожатия и ответила с сильным акцентом:

«Мадина».

Для моих ушей это звучало скорее как «Мат-тина». По какой-то причине имя сразу привлекло мое внимание. На арабском языке Мадина означает город, но для мусульман это значит гораздо больше. Это город, с которым пророк Мухаммед (мир ему и благословение) наиболее тесно связан, место, где он жил около десяти лет и где сегодня стоит его мечеть. Я никогда раньше не думал об этом как о женском имени. И все же, когда она произнесла его, оно прозвучало невероятно женственно и элегантно. Мы обменялись номерами и начали общаться через WhatsApp. В последующие дни я несколько раз приглашал её на обед или ужин. Она вежливо отклоняла каждое приглашение. В конце концов, она сказала да. Мадина была высокой, элегантной и поразительно красивой. Наше первое свидание прошло замечательно.

После этого события развивались очень быстро. Казалось, она привязалась ко мне почти сразу. В ней было что-то, что вызывало во мне желание её защитить. Даже сейчас я не могу полностью объяснить, почему я это чувствовал. Она открыто рассказывала о трудностях в своей жизни и проблемах в семье. Я уже слышал подобные истории от других женщин, с которыми встречался по всему миру, и не раз позже понимал, что мной эмоционально манипулировали.

Однако с Мадиной всё ощущалось иначе. Это была её страна. Я видел ту обстановку, которую она описывала. Трудности, о которых она говорила, казались подлинными.

Она меня очаровала и кажется, я тоже очаровал её. Каждый раз, когда она узнавала, что я вернулся в Алматы, она почти сразу приезжала в отель. Не имело значения, во что она была одета. Джинсы и ботинки или простое платье под длинным пальто. Для меня она всегда выглядела прекрасно. Очень скоро я кое-что понял. Я хотел видеть эту женщину в своей жизни.

Прежде чем кто-либо из нас успел подумать о том, к чему все идет, мы оказались захвачены вихрем романтики.

Глава 44: Решение стало простым

Разница в возрасте между Мадиной и мной составляла восемнадцать лет. К тому времени мне было тридцать восемь лет. Я следил за собой, хорошо питался и регулярно занимался спортом.

Я гордился своим внешним видом и, если честно, думаю, что выглядел хорошо для своего возраста. Однако Мадина была очень ревнивой и собственнически относилась ко мне. Почти сразу после того, как мы начали встречаться, она словно решила дать понять всем другим женщинам, что я

больше не свободен. Первым человеком, который это обнаружил, была администратор в отеле.

Однажды утром она просто улыбнулась и сказала:

«Доброе утро, господин Баракат. Чем я могу вам помочь сегодня?»

Прежде чем я успел ответить, я увидел, как выражение лица Мадины полностью изменилось. Она практически перегнулась через стойку регистрации и немедленно взяла на себя разговор на русском языке. У меня даже не было возможности заговорить. Позже, за обедом, я мягко подшутил над ней по этому поводу. Я объяснил, что по своей профессии я каждый день работаю с женщинами, которые, возможно, гораздо красивее, чем администратор отеля. Бортпроводники были частью моей повседневной жизни. Если она собирается ревновать каждый раз, когда женщина заговаривает со мной, жизнь станет очень сложной.

Она не хотела ничего об этом слышать. Она просто посмотрела на меня и сказала:

«Ты принадлежишь мне. Никто тебя не заберёт».

В то время я думал, что это мило. Решение жениться на Мадине созрело у меня на удивление легко. Частично это было связано с тем, что я когда-то читал в книге об отношениях. Годами я усложнял любовь, постоянно ища идеального партнера. Книга бросила вызов такому образу мышления. Я не помню точных слов, но смысл остался со мной.

«Не усложняйте отношения. Иногда нужно просто отпустить свои ожидания и позволить людям быть теми, кто они есть».

Этот совет остался со мной. Поэтому я мысленно составил очень простой список. Она была мусульманкой. Это значило для меня больше, чем что-либо другое. Она также была либеральной мусульманкой, как и я. Она никогда не осуждала меня, если я иногда выпивал пиво. Она была красива, полна энергии, она хотела познавать мир вместе со мной и она не тратила недели на анализ каждого решения. Однажды я сказал:

«Давай переедем в Гонконг».

Она просто улыбнулась.

«Хорошо».

Её сильно тянуло ко мне. Она постоянно фотографировала меня и с гордостью показывала снимки своим друзьям и семье. Я перестал слишком много думать обо всем. В исламе брак начинается с никяха.

Желая проявить уважение и к её вере, и к её семье, я просто сказал:

«Давай поженимся».

Не раздумывая, она позвонила своей матери. Через несколько часов её семья сообщила мне сумму махра, которую они хотели бы получить. Пять миллионов тенге. Около пятнадцати тысяч долларов США на тот момент.

Я сразу же согласился. Я снял деньги несколькими транзакциями в банкоматах и заплатил без торга. В своих мыслях я старался все упростить. Вскоре после этого они пригласили меня в свою деревню. Мы поужинали

вместе в ближайшем ресторане, прежде чем отправиться в мечеть. Имам говорил по-арабски. Тридцать минут спустя мы стали мужем и женой согласно исламскому праву. Это имело для меня огромное значение. Теперь я мог с гордостью представить Мадину своей семье, зная, что её встретят с уважением, которое полагается при браке в нашей вере. Гражданский брак должен был состояться позже. На тот момент план был прост.

Мадина должна была покинуть Казахстан и начать новую жизнь со мной в Гонконге. Всё происходило невероятно быстро. Но скорость соответствовала силе того, что мы оба чувствовали. Казалось, будто Мадина полностью погрузилась в мой мир и я был более чем счастлив впустить её.

Глава 45: Вход во тьму

Как стремительный роман, который в моих глазах стал идеальной семьей, закончился тем, что я получил двадцатилетний срок в одной из самых суровых тюрем Казахстана? Как моя жизнь дошла до того, что, отсидев более семи лет, я теперь сижу в тюрьме и пишу эту книгу? Я писал эту книгу поэтапно. Каждый раз, когда я приближаюсь к описанию того, что произошло, я испытываю эмоциональное потрясение. Некоторые воспоминания слишком болезненны, чтобы вновь переживать их все сразу. То, что произошло со мной здесь, выходит за рамки жестокости.

Большинство религий учат прощению. Я понимаю почему. Но есть вещи, которые я не могу простить.

Я не могу простить безрассудство.

Я не могу простить ложь.

Я не могу простить страдания, которые были причинены не только мне, но и тем, кого я люблю. Почти каждый день я смотрю вверх и вижу небо, заполненное воронами, грачами и черными птицами. Они бесконечно кружат над тюрьмой- из сотни.

Иногда кажется, что они никогда не улетают. Для меня они стали символом этого места. Всякий раз, когда я наблюдаю за ними, я вспоминаю сцену из фильма «Кровавый алмаз». Персонаж Леонардо Ди Каприо говорит:

«Иногда я задаюсь вопросом, простит ли нас Бог за то, что мы сделали друг с другом? А потом я смотрю вокруг и понимаю. Бог покинул это место давным-давно».

Эти слова остались со мной с тех пор. Они передают эмоции, которые, я верю, многие невинные люди, заключенные в тюрьмы по всему Казахстану, понимают слишком хорошо. Я также никогда не забуду отчаяние в голосе переводчицы, когда она сказала мне:

«Может быть, София умерла, чтобы мир увидел, что такое Казахстан». В то время эти слова привели меня в ярость. Как вообще может быть какой-то смысл в смерти Софии? Как можно поверить, что нечто столь прекрасное было отнято ради какой-то высшей цели?

Сегодня я всё ещё борюсь с этим вопросом. Но я молюсь, чтобы лицо моей прекрасной маленькой дочери и те глаза, что освещали мое сердце, и та улыбка, что растапливала любую тревогу, и те крошечные пальчики, которые она нежно клала мне на голову, могли каким-то образом стать маяком надежды для всех, кто страдает от несправедливости здесь. Пусть мир узнает, кто эти люди. Пусть мир узнает, что они делают.

Для тех из вас, кто мало знает о Казахстане, это крупнейшая в мире страна, не имеющая выхода к морю, и девятая по площади страна в мире. Она стала независимой после распада Советского Союза в 1991 году. Казахский народ имеет гордую историю кочевников, а современный Казахстан является домом для многих различных общин, включая казахов, русских, уйгуров, татар, чеченцев, турок, немцев и евреев. Хотя в стране большинство составляют мусульмане, здесь также есть значительные христианские и еврейские общины. Казахстан расположен между Россией и Китаем. Оглядываясь на все, что я пережил, я пришел к убеждению, что его правовая система унаследовала многие из худших характеристик обеих. На протяжении всего моего дела я неоднократно слышал, как люди винили «старую советскую систему».

Ничего не работает, только коррупция. Я не думал, что правосудие можно купить и продать. По моему опыту, следователи, прокуроры и судьи часто были больше заинтересованы в защите системы, чем в установлении истины. Страна обладает огромными природными богатствами, особенно нефтяными месторождениями вокруг Каспийского моря. Но несмотря на эти ресурсы, обвинения в коррупции десятилетиями преследуют влиятельных фигур. Казахстан неоднократно подвергался критике со стороны международных правозащитных организаций из-за заявлений о пытках, ограничениях политической оппозиции, подавлении независимых СМИ и отношения к гражданскому обществу. В 2022 году, во время общенациональных беспорядков, президент Касым-Жомарт Токаев публично приказал силовикам стрелять на поражение без предупреждения, что вызвало международное осуждение.

Оппозиционный политик Заманбек Нуркадилов был найден мертвым в 2005 году с тремя огнестрельными ранениями. Его смерть была официально признана самоубийством, что многие критики отвергли. Оппозиционный лидер Алтынбек Сарсенбайулы позже был найден убитым вместе с двумя соратниками, что стало ещё одним делом, усилившим опасения по поводу политического насилия в Казахстане. В 2024 году журналист и критик правительства Айдос Садыков был застрелен в Киеве и позже скончался от полученных ранений. Украинские следователи установили двух казахстанских подозреваемых, а дело привлекло международное внимание. Независимые журналисты также продолжают сталкиваться с сильным давлением. Отношение к главному редактору Orda.kz и судебные иски против

издания, на мой взгляд, стали ещё одним тревожным сигналом для всех, кто пытается вести независимую журналистскую деятельность.

Для меня эта книга — не просто история одного человека. Это история о том, что может произойти, когда правовая система перестает защищать невиновных и начинает защищать саму себя. Все, что вы сейчас прочтете это то, как я пришел к такому выводу.

Глава 46: Добро пожаловать в Гонконг

Мадина никогда раньше не была за границей. На самом деле, у нее даже не было паспорта, пока я не оплатил его оформление в Казахстане. К тому времени я уже вернулся в Гонконг. Я забронировал ей билет бизнес-класса на рейс Air Astana и несколько дней объяснял, что именно ей нужно делать в аэропорту. Она, по понятным причинам, нервничала. К счастью, во время полета она встретила добрую женщину, которая улыбнулась и сказала:

«Не волнуйся, просто держись меня и иди за мной через аэропорт».

Иногда это все, что нужно человеку. Немного уверенности. Пока я ждал в зале прилета, я не сводил глаз с пассажиров, выходящих через двери. Затем я увидел её. Как только наши взгляды встретились, она побежала ко мне. Прежде чем я успел среагировать, она бросилась в мои объятия. Её руки крепко обвили мою шею. Её ноги обхватили мою талию.

На несколько секунд показалось, что весь зал прилета остановился, чтобы посмотреть на нас. Семьи улыбались. Люди, ожидавшие своих близких, обернулись посмотреть. Мне было все равно. Видеть, как она рада просто быть со мной, тронуло мое сердце. К тому времени я снимал небольшую однокомнатную квартиру в Кьянти, Дискавери-Бэй. Как и большинство домов в Гонконге, она была небольшой. Квартиры там были престижными, ухоженными и дорогими, а каждый квадратный метр ценился на вес золота. Думаю, первой реакцией Мадины было удивление. Квартира оказалась намного меньше, чем она себе представляла. Но как только она увидела само здание, удобства и захватывающий вид на горы, я думаю, первое впечатление быстро исчезло. Она довольно долго стояла у окна, просто любуясь видом. Не думаю, что она до конца представляла себе образ жизни пилота авиакомпании.

Это жизнь в постоянном движении, постоянные контракты и постоянные перемены. Каждые несколько лет оставляешь позади очередную страну, квартиру и целую главу своей жизни, чтобы начать всё заново в другом месте. С годами я полностью отстранился от материальных ценностей. Я никогда не покупал ничего, с чем не мог бы расстаться в течение двадцати четырех часов, если появлялась новая возможность. На самом деле, я проводил дома так мало времени, что была только одна вещь, которая меня действительно волновала.

Моя кровать. Везде, где я жил, самой крупной покупкой всегда была кровать. В Сингапуре я шесть недель ждал кровать с хромированным каркасом, которая не издавала ни звука. Ни единого скрипа.

Затем я купил матрас Sealy Posturepedic. Вместе они стоили несколько тысяч долларов. Некоторые считали меня сумасшедшим, но я так не думал.

На этой кровати можно было прыгать, не услышав ни малейшего шума. Для пилота авиакомпании сон — это не роскошь. Это часть работы. Усталость реальна, она влияет на суждения и на безопасность. После всего, что я пережил за свою карьеру, я понял, что хороший сон был одной из лучших инвестиций, которые я мог сделать. Сам матрас был толщиной пятнадцать дюймов, с независимым пружинным блоком. В тот момент, когда мое тело коснулось его я мгновенно уснул. У меня даже никогда не было телевизора, только ноутбук. Но я также кое-что осознал. Мадина проводила много вечеров в одиночестве, пока я был в полетах. Ей нужно было что-то, что помогло бы почувствовать Гонконг своим домом. На следующее утро мы отправились в один из огромных торговых центров электроники Гонконга. Мы бродили по отделу телевизоров.

Я улыбнулся и сказал:

«Выбирай свой подарок на новоселье».

Она посмотрела на меня в замешательстве.

«Ты имеешь в виду… телевизор? Для меня?»

«Да».

«Выбирай любой, какой хочешь».

Сначала она колебалась. Телевизоры были повсюду. В конце концов я мягко подвел её к большим дисплеям. Семидесятидюймовым моделям.

Она посмотрела на один из них и

рассмеялась.

«Очень большой!»

Я остановился перед новейшим телевизором Sharp. Дисплей с квантовыми точками, полноматричная светодиодная подсветка, 4K, подключение к интернету и всё самое новое, что могла предложить техника того года. Качество изображения захватывало дух. Я стоял там тихо, не говоря ни слова.

Она посмотрела на экран. Затем снова на меня.

«Вау».

Было что-то в том, как она это сказала. Почти как будто она не могла представить, что сама владеет чем-то подобным. Я улыбнулся.

«Тебе нравится твой новый подарок? Это важно, потому что я покупаю его не для себя. Я почти не смотрю телевизор, он для тебя. Чтобы, когда я на работе, ты не чувствовала себя такой одинокой».

Она посмотрела на меня с той улыбкой, которую я начинал так хорошо узнавать.

«Да, hayatım».

Hayatım на турецком и арабском значает- моя жизнь. Эти два простых слова значили для меня гораздо больше, чем любой телевизор.

Глава 47: Строим совместную жизнь

Мадина прилетела в Гонконг с маленькой поддельной сумочкой Louis Vuitton, которую купила на базаре в Казахстане. Это заставило меня улыбнуться. Она никогда раньше по-настоящему не сталкивалась с миром международных брендов. С того момента, куда бы ни летали мои рейсы, я всегда искал что-то особенное, чтобы привезти ей домой. Если я летел в Европу, я заходил в бутики. Если я летел куда-то в Азию, я просматривал торговые центры перед возвращением в отель.

Мне искренне нравилось баловать её. Когда я впервые купил ей что-то от Tory Burch и ещё один наряд от Massimo Dutti, она выглядела совершенно равнодушной. Она даже никогда не слышала об этих брендах. Я рассмеялся, когда она вежливо поблагодарила меня, прежде чем потянуться за телефоном. Через несколько минут я увидел, как выражение её лица полностью изменилось. Она поискала эти бренды в интернете. Только тогда она поняла, что перед ней действительно вещи известных дизайнерских марок.

Я не мог сдержать смех. Мало-помалу весь её гардероб изменился. Её телефон стал последней моделью iPhone. Её полки наполнились духами со всего мира. Дизайнерские сумочки постепенно заменили ту подделку, с которой она приехала. Наблюдение за её восторгом приносило мне столько же счастья, сколько и сами подарки. Всякий раз, когда меня ставили в график на такие направления, как Бали или Мальдивы, Мадина часто летала со мной. Она сидела в бизнес-классе прямо за кабиной пилотов. Перед вылетом старший бортпроводник сделал специальное объявление, приветствуя её на борту по имени.

Ей нравились такие мелочи. Она жила жизнью, о которой всегда мечтала. И я был искренне счастлив, что именно я подарил ей это. Её семья часто звонила, прося финансовой помощи. Поначалу это меня удивляло. Позже я понял, что во многих казахских семьях это считается совершенно нормальным. Ты не просто женишься на дочери. Ты женишься на всей семье.

Наш медовый месяц мы провели на Боракае, остановившись в моей квартире с видом на море, чудесные две недели. Эти воспоминания остаются одними из самых счастливых в моей жизни. Примерно через шесть недель после прибытия в Гонконг, Мадина сделала тест на беременность. Альхамдулиллях, она была беременна. Я сразу улыбнулся.

Почему-то я был уверен, что точно знаю, когда это произошло- в ночь нашего никяха. Мадина до сих пор настаивает, что я ошибался. Может, она и права. Может, я просто хотел в это верить. В любом случае, это было неважно. Я знал лишь то, что стану отцом. И я никогда не был счастливее.

Мадина тут же позвонила своей матери. Затем она начала плакать. Это не было похоже на слезы счастья. Она выглядела искренне расстроенной. В то

время я не мог понять почему. Я предположил, что она была подавлена мыслью о том, насколько сильно её жизнь — и её тело — вот-вот изменятся. Я не стал расспрашивать её дальше. Оглядываясь назад сегодня, я вижу те моменты совсем иначе. Женщина, на которой, как я верил, я женился, и женщина, которую я узнал позже, были, на мой взгляд, двумя совершенно разными людьми. То, что произошло потом, открыло сторону Мадины, которую я даже не мог себе представить. Сторону настолько темную, что я до сих пор с трудом могу это осознать. Но в тот момент я ничего из этого не знал. Насколько я понимал, Мадина была моей женой. Наш ребенок скоро должен был появиться на свет.

Наше будущее казалось безграничным. Маска, которую она так умело носила, позже будет сорвана. А пока я оставался полностью убежден, что нашел идеальную семью.

Глава 48: София

Во второй раз за время беременности я увидел Мадину плачущей после одного из наших УЗИ. Она отчаянно хотела мальчика. Когда сонографист улыбнулась и сказала нам, что у нас будет девочка, она выглядела искренне разочарованной. Я же, напротив, был невероятно счастлив. Я уже точно знал, как её назову- София. Во время беременности гормоны Мадины, казалось, менялись изо дня в день. Она стала невероятно чувствительной.

Оглядываясь назад, это были, пожалуй, самые светлые месяцы, которые я когда-либо переживал с ней. Она пряталась под одеялом во время просмотра фильмов ужасов, оставляя выглядывать только половину лица, всякий раз, когда происходило что-то пугающее.

Это всегда заставляло меня смеяться. Питание стало ещё одной проблемой. Казалось, утренняя тошнота подчиняла себе всю её жизнь. Одну неделю она не ела ничего, кроме арбуза. На следующей неделе она хотела только яичницу-глазунью. Затем внезапно все, что она могла есть, это жареный картофель с луком. Я проводил свободное время в поисках того, что она могла бы удержать в желудке, не чувствуя тошноты. Для развития Софии я нашел лучшие витамины для беременных, какие только мог. Иногда мне приходилось постоянно напоминать ей принимать их. В конце седьмого месяца все внезапно изменилось. У Мадины начались преждевременные роды.

Её срочно доставили в больницу принцессы Маргарет в Гонконге. Сначала я не до конца понимал, насколько серьезна ситуация. Затем врачи усадили меня и объяснили риски, с которыми столкнется София, если родится так рано. Этот разговор привел меня в ужас.

Я немедленно сменил свой график полетов на ночные рейсы. Каждое утро после приземления, вместо того чтобы ехать домой, я направлялся прямо в больницу. До начала часов посещения я переходил дорогу и шел в торговый центр.

Свежевыжатый апельсиновый сок.

Круассаны.

Фрукты.

Йогурты.

Всё, что, как мне казалось, Мадина смогла бы съесть. Я проводил свой час рядом с ней, следя за тем, чтобы она съела как можно больше. Мне было отчаянно жаль, что рядом с ней нет семьи. Я хотел, чтобы она знала, что не одинока. После окончания утреннего посещения я понял, что у меня недостаточно времени, чтобы вернуться домой до вечернего времени посещения. Поэтому я нашёл скамейку возле больницы.

Она стала моей кроватью. Я спал там, пока не приходило время снова идти навестить её. Перед тем как подняться наверх, я покупал ужин для Мадины, проводил с ней ещё час, а затем мчался прямо в аэропорт, чтобы готовиться к очередному ночному рейсу. Так прошла вся следующая неделя.

К счастью, врачам удалось остановить роды. Желая, чтобы у Мадины было больше поддержки, я попросил свою маму прилететь в Гонконг на оставшийся срок беременности. Она сразу же согласилась. Мадина была невероятно благодарна. Они двое стали очень близки. Моя мама терпеливо слушала все истории Мадины о её детстве, родителях и трудностях, с которыми она столкнулась в процессе взросления. ПДР Софии был 8 октября 2018 года.

Моя сестра пошутила, что было бы лучше, если бы она родилась на два дня позже.

«10 из 10», - рассмеялась она.

«Такой день рождения легче запомнить».

У Софии были другие планы. Вечером 5 октября Мадина не давала мне спать, разговаривая почти до четырех часов утра. Около восьми часов в спальню ворвалась моя мама.

«Просыпайся!»

«Твоя жена рожает!»

Полусонный, я пробормотал что-то совершенно нелепое.

«Не волнуйся, у нас, наверное, есть ещё двенадцать часов».

Затем в комнату вошла Мадина. Один взгляд на её лицо, и мой мозг включился. Ребенок рождался. Я вызвал скорую помощь.

Гонконг снова напомнил мне, почему я считаю его систему здравоохранения одной из лучших в мире. Всё происходило спокойно, профессионально и быстро.

Вернувшись в больницу принцессы Маргарет, я стоял рядом с Мадиной, помогая ей дышать во время каждой схватки. Примерно в половине одиннадцатого утра я увидел то, что могу описать только как появление белого баллона. Я немедленно позвал акушерку. Через несколько минут София появилась на свет.

Две акушерки и я стали первыми, кто увидел её появление на свет. Она сразу же заставила меня рассмеяться. На её крошечном лице застыло самое сердитое выражение, какое только можно представить. Первыми словами Мадины были:

«Где София?»

Акушерка осторожно положила её на грудь матери. Почти мгновенно она свернулась калачиком рядом с Мадиной, словно наконец-то снова обрела дом. Это остаётся самым прекрасным моментом всей моей жизни. Когда медсёстры в конце концов попросили меня уйти, я вышел на улицу. Я обнял свою маму. Затем я тихо сел на ступеньках больницы.

Я не мог в это поверить. Я наконец-то стал отцом. Я написал сообщение своей семье. Затем семье Мадины.

Следующий сюрприз ждал меня, когда я вернулся с мамой, чтобы увидеть Софию. Младенцы лежали бок о бок в детской комнате. Я уверенно указал на одну из них.

«Мам, это София».

Затем я посмотрел на ребёнка рядом с ней. Она выглядела совершенно так же. Я смотрел в полном замешательстве. Каждый младенец был похож на Софию.

Моя мама рассмеялась.

«Это совершенно нормально», — сказала она.

«Они все выглядят одинаково».

Я почувствовал легкое смущение. По-видимому, каждый новоиспеченный отец проходит через то же самое. Два дня спустя я привез Мадину и Софию домой. Наш маленький ангел почти не плакал. Почти две недели она была невероятно тихой.

Она спала.

Она ела.

Она снова спала.

Что я помню больше всего из тех первых дней, так это не нехватку сна.

Это были не подгузники.

Это было даже не кормление.

Это был её запах.

Каждый родитель точно знает, что я имею в виду. Тот удивительный запах новорожденного, который словно наполняет счастьем весь дом. София весила всего 2,35 килограмма. Она была такой крошечной, что почти помещалась у меня на ладони. Много ночей я лежал в постели, когда она спала, прижавшись к моему лицу, вдыхая этот прекрасный аромат новорожденного и удивляясь, как кто-то может так сильно любить другого человека.

Позже мой отец рассказал мне историю. Оказывается, я напугал своих родителей точно так же. Во время беременности моей матери я также спровоцировал преждевременные роды. И когда я наконец родился, я тоже

был крошечным. Возможно, София унаследовала от меня больше, чем я осознавал.

Глава 49: Мой маленький ангел

Первые несколько недель после рождения Софии я почти не спал. Не потому, что она плакала, совсем наоборот. Я постоянно просыпался, чтобы проверить, дышит ли она. Все молодые родители волнуются и я не был исключением. София почти никогда не плакала. Она питалась исключительно грудным молоком и почти всегда засыпала, не отпуская материнскую грудь.

Она любила спать на боку. Очень быстро она стала тем, кого я могу назвать только улыбающимся ребенком. Куда бы мы ни пошли, она улыбалась.

Незнакомцам.

Огням.

Деревьям.

Самой жизни.

Казалось, она находила счастье во всем.

Могу с уверенностью сказать что я лично слышал плач Софии лишь дважды. В первый раз это случилось, когда мы начали вводить твердую пищу. Мы были в Дубае в тот момент и я дал ей попробовать рис, молохию и традиционный египетский травяной суп. Её крошечный желудок был не готов. У нее начались болезненные газы, и она плакала, пока наконец не смогла их выпустить. Мадина позже рассказала мне, что София плакала во время перелета в Дубай и после прибытия туда. Они вылетели на день раньше меня, воспользовавшись моими льготами для сотрудников, а я последовал следующим дневным рейсом. Когда я услышал это, мое сердце разбилось. В своих мыслях я представлял, как моя маленькая девочка плачет, потому что не понимает, куда ушёл её отец. В тот момент, когда я вошёл в дверь гостиничного номера и она услышала мой голос, она сразу же перестала плакать. Второй раз, когда я лично слышал, как плачет София. был утром того дня, когда она умерла. 24 октября 2019 года. Через год и восемнадцать дней после её рождения. Это воспоминание останется со мной на всю оставшуюся жизнь. Иногда я ловлю себя на мысли, подарил ли ей Аллах такую спокойную, счастливую маленькую жизнь, потому что она будет такой мучительно короткой. Я не знаю ответа.

Это просто одна из мыслей, которая до сих пор приходит мне в голову. Казалось, она никогда не страдала от проблем, о которых говорят так много молодых родителей. Мы не переживали бесконечных бессонных ночей. Она была, попросту говоря- ангелом.

Как бы я ни уставал после работы, в тот момент, когда я слышал её голосок, я просыпался. Я выносил её на улицу, позволяя Мадине отдохнуть после заботы о Софии, пока я был в полете. Затем мы готовили ей завтрак-кашу. Я менял ей подгузник и мы устраивались вместе перед телевизором.

Обычно Холодное сердце, но иногда Моана. Она медленно ела свою кашу, нежно положив крошечную ручку мне на голову, словно она просто хотела убедиться, что я всё ещё здесь. Именно по таким моментам я скучаю больше всего. Я скучаю по ней сильнее, чем можно выразить словами. В своих мыслях я уже спланировал её будущее.

София собиралась изучать психологию, а по выходным я собирался научить её летать. Она с нетерпением ждала, когда папа вернется домой из очередной поездки, подбегая к входной двери, чтобы увидеть, какой маленький сюрприз я привез из той страны, которую посетил на той неделе. Она могла бы попросить у меня абсолютно что угодно. Не думаю, что я когда-нибудь смог бы ей отказать. Иногда я до сих пор спрашиваю себя.

Как можно любить кого-то так всецело и защищать их всем, что у тебя есть?

Бесконечно мечтать об их будущем и все равно потерять их?

Жизнь бывает невыносимо несправедливой.

Неважно, какие мечты у меня были о Софии.

Неважно, какие мечты у меня были о нас.

У Бога был другой план.

Глава 50: Конец одной жизни, начало другой

Существует бесчисленное множество воспоминаний о том годе и восемнадцати днях, которые мы с Софией и Мадиной провели вместе. Я мог бы заполнить ими целую книгу. Каждое из этих воспоминаний дорого мне. Оглядываясь назад, я понимаю, что построил жизнь, о которой всегда мечтал.

Карьера, которую я любил. Прекрасная жена и величайший дар, который когда-либо даровал мне Бог- София. Единственный способ, которым я когда-либо мог описать свою дочь, — это три простых слова. Чистая безусловная любовь. Именно такой я буду помнить тебя вечно, Софитушки. Я молюсь, чтобы память о тебе помогла разоблачить эту сломанную систему и показать, чем она является на самом деле.

Ничто не сможет уменьшить боль от твоей потери.

Ничто и никогда не сможет.

Но если память об одной прекрасной маленькой девочке сможет пролить ярчайший свет на тьму, которая, по моему опыту, окружает правовую систему Казахстана. Если твоя история поможет защитить хотя бы одну невинную семью от страданий, которые выпали на нашу долю, то твоя короткая жизнь уже изменит мир больше, чем многие люди за всю свою жизнь. Все, что вы прочитали до этого момента, было историей моей жизни до 24 октября 2019 года.

Все, что было после этого момента, это история о том, как эта жизнь была отнята. 24 октября 2019 я просыпаюсь в отделении полиции Бостандыкского района в Алматы.

Я медленно прихожу в сознание.

У меня болит все тело.

Голова раскалывается.

Я знаю, что меня избили.

Самое странное то, что я помню, что стоял на ногах, когда это случилось. По мере того как сознание медленно возвращается, кажется, будто тьма поднимается, как театральный занавес, с нижней части моего поля зрения вверх. Все постепенно возвращается в фокус.

Затем я вспоминаю, как упал.

Мои запястья в наручниках.

Один браслет пристегнут к моему запястью.

Другой пристегнут к запястью полицейского в форме, сидящего рядом со мной.

Они поднимают меня на ноги.

Мои ноги почти не слушаются.

Они протаскивают меня несколько шагов, прежде чем тяжело бросить на стул.

Передо мной стоит пожилой седой русский мужчина в белом халате врача. Не говоря ни слова, он открывает мне веко и светит ярким фонариком прямо в глаз. Я помню угол комнаты, где стена резко поворачивает в коридор. Все расплывчато. Когда зрение медленно проясняется, я смутно узнаю стоящего там человека. Мне требуется несколько мгновений, чтобы понять, кто он.

Это дядя моей жены, брат матери Мадины. Он смотрит на меня с выражением, которое я не могу понять. Затем, из-за угла, медленно появляется Мадина. Я то прихожу в сознание, то снова проваливаюсь в забытье. Она смотрит на меня и тихо говорит:

«Hayatım, София мертва».

Стоящий рядом со мной следователь поворачивается к переводчице и велит ей сказать мне, что София умерла. Переводчица смотрит на него с явным удивлением, прежде чем снова повернуться ко мне.

«София мертва», - говорит она.

Затем, почти не в силах скрыть свое замешательство, она тихо добавляет:

«Я не совсем понимаю, почему я должна говорить вам это».

Даже в тот момент абсурдность этого не покидает меня. Я слышу эти слова. Но мой разум отказывается их принимать.

Я продолжаю повторять одну и ту же фразу снова и снова.

«Это сон… это сон».

Всё снова погружается во тьму и я снова теряю сознание. О том, что произошло после того утра, будет рассказано позже в этой книге. Но прежде чем я смогу объяснить, как я потерял свою дочь и прежде чем я смогу объяснить, как я получил двадцатилетний тюремный срок, вам сначала нужно понять правовую систему, которая, по моему опыту, решила мою судьбу.

Поэтому, прежде чем мы вернемся к событиям 24 октября 2019 года, позвольте мне познакомить вас с правовой системой Казахстана.

Глава 51: Внутри тюремной системы

За более чем семь лет пребывания в тюрьмах Казахстана я выработал собственное понимание того, как работает эта система. Эта глава основана на том, что я видел лично, на людях, с которыми сталкивался каждый день, и на разговорах, которые я вел на протяжении многих лет. По моему опыту, рядовые сотрудники тюремной полиции были в основном малообразованными, но при этом чрезвычайно хитрыми. Они просто выполняли приказы. Многие выживали за счёт того, что постоянно выпрашивали у заключённых сигареты, лапшу быстрого приготовления, сладости и даже туалетную бумагу. Найти мобильный телефон в тюрьме было для них одним из самых быстрых способов впечатлить своё начальство и укрепить своё положение. Более опытные и расчётливые люди обычно находились выше по служебной лестнице. Судя по всему, что я видел лично и понял, правительство закрывает глаза на то, как многие офицеры сами себе выписывают «бонусы». Чем выше человек поднимается по карьерной лестнице, тем больше денег ему, по-видимому, нужно собрать, чтобы расплатиться с тем, кто его покрывает и продвигает.

Забери свою долю и отправь остальное тому, кто стоит выше тебя. По моему опыту, именно так эта система работает на всех уровнях — вплоть до самой вершины. Дважды в день, примерно в девять утра и в пять вечера, заключенные выстраиваются на перекличку. Офицеры носят с собой ламинированные карточки с фотографией и именем каждого заключенного. Больше всего меня удивило то, что многие из них едва умели читать и писать. Очень часто их сопровождал другой заключенный, который помогал им опознавать арестантов и читать имена на карточках.

Таких заключенных называют козлами. На русском языке слово козёл буквально означает «goat». На территории бывшего СССР к тюремному жаргону относятся сука, шерсть, шерстяной, вязаный, активист и кумовка. В тюремной системе, однако, козел — это заключенный, который выполняет многие обязанности, которые должны выполнять сами сотрудники тюрьмы. По мере развития этой истории я буду постепенно знакомить вас с различными тюремными группами, потому что понимание их необходимо для понимания жизни в казахстанских тюрьмах. Когда новый заключенный прибывает, его помещают в карантин. Именно там, согласно всему, что я лично испытал и видел, процесс сортировки начинается.

Новоприбывших избивают крайне жестоко. После этого их распределяют в группу, в которой они проведут остаток своего срока. Первая группа известна под несколькими названиями: гарем, неприкасаемые или опущенные. Заключенные также называют их голубые, что означает «небесно-голубой». Цифровая метка меняется в зависимости от тюрьмы:

«69» в тюрьме 99, «108» в тюрьме 71 и «64» в тюрьме 103. Они живут отдельно от всех остальных. Заключенные, которые являются гомосексуалами, считаются таковыми или просто помечены как таковые, немедленно помещаются в эту группу. Другим заключенным запрещено прикасаться к ним или даже пожимать им руки. Это напомнило мне детство, когда кто-то кричал, что у другого ребенка микробы, и внезапно никто не хотел к нему приближаться. Членам этой группы обычно дают самую грязную тюремную работу: уборку туалетов и канализационных систем. Следующая группа — мужики, которых часто называют серыми.

Затем идут блатные, черные. Это, как правило, профессиональные преступники и гангстеры, которые часто знали друг друга до попадания в тюрьму. Внутри они перегруппировываются и восстанавливают свою преступную иерархию. Затем идут ахи, которых также называют намазханами или мусульманами, ассоциируемыми с зеленым цветом. Многие из них заключены в тюрьму за преступления, связанные с экстремизмом или терроризмом. Другие просто становятся частью группы во время отбывания наказания. Каковы бы ни были причины, внутри тюрьмы они образуют ещё одну влиятельную группу. Наконец, идут козлы, заключенные, сотрудничающие с администрацией — красная сторона тюремной системы. Они выступают в роли связующего звена между администрацией тюрьмы и заключенными, выполняя многие повседневные функции, которые тюремный персонал должен выполнять самостоятельно.

Не заблуждайтесь на этот счет. Независимо от того, какая группа, кажется, контролирует тюрьму, в конечном итоге все они контролируются тюремными властями. Их цель проста.

Контролировать других заключенных.

Собирать деньги.

И избивать тех, кого им прикажут избить. Они делают это чрезвычайно эффективно. Взамен они получают привилегии и забирают свой процент.

Иногда кажется, что тюрьму контролируют «козлы». Заключенные называют такие периоды режимными условиями. В другое время наибольшим влиянием пользуются «блатные». В такие периоды они встречаются с тюремными начальниками, чтобы обсудить повседневное управление тюрьмой. Судя по всему, что я видел, им говорят, кого не трогать, а кого нужно избить. Когда доминирующей группой становятся «ахи», заключенные обычно называют такие периоды «хут». В эти периоды охранники в основном остаются по периметру, в то время как внутренний порядок в тюрьме поддерживается самой иерархией заключенных. Каким бы ни было устройство, одно, кажется, никогда не меняется. Каждый месяц находятся ключевые лица в каждой группе, у которых есть сумма денег, затребованная начальником тюрьмы и прокурорами, готовая к передаче.

Взамен они получают одолжения.

Мобильные телефоны.

Алкоголь.

Наркотики.

Привилегии.

Какими бы ни были достигнутые договорённости. Чем больше денег они собирают, тем больше привилегий они получают. Именно в такую тюремную систему я попал. Вскоре я узнал, какое именно место в ней занимаю я.

Глава 52: Одна система

«Подожди минутку, Мо. Ты говоришь о тюремных надзирателях, полицейских, армейских офицерах, прокурорах, судьях или правительственных министрах?» По моему опыту, все они являются частью одной системы. Тюремные надзиратели обычно набираются из армии. Сотрудники тюремной полиции обычно приходят из обычной полиции. Они, как правило, относятся к числу государственных служащих низшего ранга. Иногда тюремным полицейским везет, и они переводятся в местную полицию. Над полицией стоят прокуроры и судьи. После всего, что я пережил, мне трудно сказать, у кого из них больше реальной власти. На бумаге это отдельные институты.

В действительности мой собственный опыт привел меня к убеждению, что они действуют рука об руку. Судьи имеют право заключать прокуроров в тюрьму. Прокуроры имеют право привлекать судей к ответственности. Вместо того чтобы выступать в качестве независимых контролеров друг друга, я пришел к выводу, что эти отношения поощряют сотрудничество. Исходя из всего, что я наблюдал в ходе собственного дела, я пришел к выводу, что цель сохранения формального разделения институтов заключалась в создании видимости независимого судебного процесса при возможности координировать результаты за кулисами. Самое близкое историческое сравнение, которое пришло мне на ум, это нацистский Народный суд (Volksgerichtshof) под руководством Роланда Фрейслера.

Историки описывали те разбирательства как показательные процессы, в которых вина была фактически предопределена, а зал суда служил в основном для придания юридической формы решениям, которые уже были приняты. Именно так ощущался мой собственный суд. Не раз моя защита жаловалась на то, что в суде не было прокурора. Перед судьей буквально никого не было того, кто выступал бы против меня в суде.

Это вызвало очевидный вопрос.

Если прокурора не было, то между кем именно должен был выбирать судья? Один момент во время моего процесса остался со мной навсегда. Моя бывшая жена, Мадина, встала перед судом и начала говорить судье, что я невиновен и что она дала ложные показания под давлением. Вместо того чтобы внимательно изучить её слова, судья заметно раздражился.

Он посмотрел прямо на нее и спросил:

«На чьей ты вообще стороне?»

В тот момент я больше не верил, что наблюдаю за беспристрастным судом, ищущим истину. Я верил, что наблюдаю за процессом, исход которого был решён ещё до начала суда. Этот единственный вопрос судьи подтвердил все, что я уже начал подозревать. Речь больше не шла об установлении истины. Речь шла о сохранении заранее определенного результата. Вот почему на протяжении всей этой книги я описываю процесс против меня как похожий на показательный суд а не на подлинный поиск справедливости. Согласитесь ли вы в конечном итоге с этим выводом — решать вам, читателям. Продолжая рассказывать эту историю, я покажу вам, почему я пришел к такому выводу.

Глава 53: Когда система не может признать свою неправоту

Прежде чем я проведу вас через все двери, в которые я стучался за более чем семь лет борьбы с вынесенным мне приговором, я хочу объяснить то, на понимание чего у меня ушли годы. В функционирующей системе правосудия вынесение обвинительного приговора не должно означать, что государство никогда не может признать свою ошибку.

Следователи совершают ошибки.

Эксперты совершают ошибки.

Прокуроры совершают ошибки.

Свидетели лгут.

Доказательства меняются.

Появляются новые доказательства.

Судьи совершают ошибки.

Именно поэтому существуют апелляции. Вот почему существуют механизмы независимого пересмотра. Вот почему развитые правовые системы тратят огромное количество времени на изучение судебных ошибок. Сила системы правосудия никогда не должна измеряться её способностью заявлять:

«Мы никогда не ошибаемся».

Её сила должна измеряться тем, что происходит, когда кто-то предоставляет доказательства того, что она могла быть неправа. Это различие стало для меня все более важным, когда я начал изучать собственную статистику Казахстана. Сами суды Казахстана признают, что оправдательные приговоры крайне редки. В 2024 году высокопоставленный представитель Верховного суда Казахстана публично заявил, что оправдательные приговоры составляют лишь около 1,5–2 процентов от исходов судебных дел. В 2023 году, согласно собственным данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Казахстана, только 97 человек были оправданы судами по всей стране. В том же году прокуроры заявили, что они сами прекратили необоснованное уголовное преследование в отношении 254 человек до того, как дела дошли до завершения. Остановитесь и подумайте, что означают эти цифры.

Оправдательный приговор — это даже не то же самое, что отмена неправомерного осуждения. Оправдание происходит до того, как система окончательно вас осудила. Более актуальный вопрос для такого человека, как я, звучит так: Что происходит после того, как машина уже признала вас виновным? Генеральный прокурор Казахстана дал один необычный ответ. За три года Генеральный прокурор сообщил, что Верховный суд оправдал 67 человек после протестов, поданных Генеральным прокурором. Всего шестьдесят семь на всю страну за три года. И это были дела, в которые вмешался сам Генеральный прокурор.

Это число засело у меня в голове, потому что к тому времени я понял нечто ужасающее. Осуждение было одной проблемой. Убедить систему признать впоследствии, что она осудила не того человека, было совершенно другой битвой. Что происходит в других местах?

Тогда я начал смотреть что происходит за границей. Британия не делает вид, что неправомерных осуждений не бывает. Она создала учреждение специально потому, что они случаются. Комиссия по пересмотру уголовных дел, или CCRC, существует по одной причине: расследовать возможные судебные ошибки после того, как обычный апелляционный процесс уже потерпел неудачу. В период с апреля 1997 года по конец мая 2026 года CCRC получила 35 331 заявление. Она направила 921 дело обратно в апелляционные суды. Из 878 рассмотренных апелляций 618 были удовлетворены. Шестьсот восемнадцать успешных апелляций после того, как независимый орган снова изучил дела, с которыми обычная система правосудия уже закончила. Эта статистика не делает Британию слабой. Это показывает, что Британия способна признать: люди и государственные институты иногда совершают ужасные ошибки. Даже до вынесения приговора контраст поразителен.

В Королевском суде Англии и Уэльса в 2024–25 годах 3979 обвиняемых были оправданы после судебного разбирательства, ещё 233 оправдательных приговора были вынесены по указанию судьи, когда обвинение было сочтено недостаточным для продолжения. За тот же период 5188 обвиняемых, оспаривавших свои дела, были признаны виновными после судебного разбирательства. Это не означает, что Британия идеальна. Это далеко не так. Британские судебные ошибки тоже разрушили многие жизни.

Но судья, говорящий «невиновен», не рассматривается как доказательство того, что всё государство каким-то образом потеряло лицо. Иногда обвинение просто не смогло доказать свою правоту. Именно это и должны определять суды. Америка подсчитывает невиновных людей, которых она осудила. Соединенные Штаты идут ещё дальше, у них есть Национальный реестр оправдательных приговоров. По состоянию на 2026 год в Реестре зафиксировано 3842 оправдательных приговора с 1989 года и более 35 983 лет, потерянных людьми, которые впоследствии были оправданы. Прочитайте это число ещё раз. Более тридцати пяти тысяч лет.

Лет в камерах.

Лет вдали от детей.

Лет вдали от родителей.

Лет, которые ни одно правительство никогда не сможет вернуть.

Примечательно не просто то, что Америка несправедливо осудила этих людей. Примечательно то, что исследователи, юристы, университеты и институты открыто каталогизируют эти провалы.

Они изучают ложные признания.

Ошибочные опознания.

Неправомерные действия полиции.

Неправомерные действия прокуратуры.

Некачественная судебная экспертиза.

Лжесвидетельство.

Должностные преступления.

Они спрашивают: Как мы могли так ошибиться? Потому что если вы никогда не задаете этот вопрос, вы гарантируете, что снова совершите ту же ошибку. Европа начинает делать то же самое.

В Европе теперь создан Европейский реестр оправдательных приговоров. К маю 2026 года исследователи задокументировали 144 европейских случая оправдания, что составляет примерно 927 лет незаконного тюремного заключения. Средний оправданный в этих случаях провёл в заключении около шести лет и пяти месяцев, в то время как среднее время между вынесением приговора и окончательным оправданием составило почти двенадцать лет.

Двенадцать лет. Представьте, что вы знаете правду и вынуждены бороться двенадцать лет, прежде чем вас кто-то услышит. Мне не нужно это представлять, я и так борюсь с этим уже 7 лет.

А ещё есть Россия. Казахстан регулярно списывает свои проблемы на советское наследие, поэтому Россия представляет собой интересный пример для сравнения. Российская судебная статистика за 2024 год зафиксировала 512 845 обвинительных приговоров и только 990 оправдательных. Это составляет примерно 0,19 процента оправданных среди тех, кто был либо осужден, либо оправдан. Именно здесь становится актуальной цифра, приближающаяся к 99,8 процента. Это цифра, которую можно законно вывести из недавней российской статистики соотношения обвинительных и оправдательных приговоров. Я не могу честно сказать вам, что в Казахстане такой же национальный показатель, потому что доступная казахстанская статистика рассчитывается и представляется иначе. И я не буду манипулировать цифрами просто потому, что они делают мой аргумент более убедительным.

Мне это не нужно. Собственные цифры Казахстана достаточно тревожны. А как насчет диктатур? В какой-то момент я слышал, что даже такие режимы,

как Камбоджа Пол Пота, Ирак Саддама Хусейна или Уганда Иди Амина имели лучшие показатели по отмене приговоров.

Я изучил это. Я не могу ответственно делать такое заявление. Это сравнение статистически бессмысленно. При таких режимах, как «красные кхмеры», огромное количество жертв было задержано, подвергнуто пыткам, исчезло или было казнено без чего-либо, напоминающего независимый современный уголовный процесс. Невозможно рассчитать значимый уровень отмены неправомерных приговоров, когда многие жертвы никогда не получали подлинного судебного разбирательства в принципе.

И это научило меня чему-то полезному. Мне не нужны преувеличенные сравнения. Казахстан можно судить по стандартам, которые он добровольно принял для себя. Он ратифицировал международные договоры по правам человека.

У него есть Верховный суд.

У него есть прокуроры.

У него есть Омбудсмен.

У него есть конституционные гарантии.

Он заявляет, что действует в рамках верховенства закона. Так давайте судить его по этим стандартам. А потом Организация Объединенных Наций начала говорить то же самое, что говорил я в 2023 году, Комитет ООН против пыток провёл проверку Казахстана. Выводы были экстраординарными. Сам Казахстан сообщил Комитету, что было зарегистрировано около 3880 случаев пыток в период с 2018 по 2022 год. Около 90 процентов были закрыты, в основном из-за предполагаемого отсутствия доказательств. Только 53 дела дошли до суда, что привело к осуждению 68 должностных лиц.

Девяносто процентов закрыто. Эта статистика сразу привлекла мое внимание. Потому что я точно знал, как выглядит закрытая жалоба на пытки. Я испытал это на собственном опыте.

Комитет также рассмотрел последствия событий января 2022 года. Из 329 дел, касающихся пыток или злоупотребления властью, 236 были закрыты как якобы необоснованные, бездоказательные или из-за невозможности установить подозреваемых. ООН выразила обеспокоенность по поводу малого числа дел, дошедших до суда, трудностей с получением доказательств, предполагаемого сотрудничества между сотрудниками правоохранительных органов и медицинскими работниками для сокрытия жестокого обращения, а также того, что следователи фактически перекладывают бремя доказывания факта пыток на самих жертв.

И снова я узнал систему, которую описывали. Комитет пошел дальше. Он заявил, что жалобы на пытки могут быть направлены на предварительную проверку, а затем закрыты без возбуждения уголовного дела. Он раскритиковал случаи, когда правоохранительные органы расследовали обвинения в отношении своих собственных сотрудников. Он особо призвал расследовать пытки в соответствии со Стамбульским протоколом,

международным стандартом расследования и документирования пыток. Затем, в 2025 году, Комитет ООН по правам человека сказал то, что почти могло быть написано о моем собственном опыте. Он выразил обеспокоенность тем, что Казахстан не предпринял значимых шагов для расследования достоверных обвинений в пытках и жестоком обращении, выдвинутых людьми, которые впоследствии были привлечены к ответственности и осуждены.

Он призвал к проведению независимых, беспристрастных и эффективных расследований и восстановлению прав на справедливое судебное разбирательство осужденных лиц в случаях, когда имели место нарушения. Комитет также заявил, что судебная система Казахстана фактически подчинена исполнительной ветви власти, указав на роль Президента в назначении судей и призвав к укреплению независимости Верховного суда и судебных институтов. Отдельно он выразил обеспокоенность тем, что подсудимым отказывают в полном доступе к материалам дела. Это не мои слова — не слова Мохамеда Бараката.

Это Организация Объединенных Наций. Кровавый январь- после насилия в январе 2022 года Европейский парламент также принял чрезвычайную резолюцию, касающуюся Казахстана. В ней описывались чрезмерное и смертоносное применение силы, обвинения в пытках, произвольные задержания и ограничения в отношении независимых СМИ. Он потребовал проведения независимых расследований. Он призвал к привлечению к ответственности. И он призвал Европейский союз рассмотреть возможность введения адресных санкций против должностных лиц, ответственных за серьезные нарушения прав человека. Комитет ООН по правам человека позже отметил, что 29 сотрудников полиции были осуждены за пытки, связанные с теми событиями, но выразил обеспокоенность тем, что многие другие расследования были просто закрыты как необоснованные.

Его рекомендация была недвусмысленной: обвинения в пытках должны расследоваться оперативно, тщательно, прозрачно и независимо в соответствии со Стамбульским протоколом. Всё это происходило, пока я сидел в тюрьме.

Читая отчеты.

Отправляя жалобы.

Отправляя апелляции.

Отправляя доказательства.

Получая отказы.

И медленно осознавая, что проблема, с которой я столкнулся, была намного больше, чем мое собственное уголовное дело. Система правосудия должна быть способна произнести три слова Есть три слова, которые каждая функционирующая система правосудия должна быть способна произнести:

«Мы были неправы».

Эти слова не ослабляют правосудие. Они укрепляют его. Британия создала организацию, чья единственная цель — выяснить, были ли её собственные суды неправы в своих решениях. Америка публично каталогизирует тысячи случаев оправдания. Европейские исследователи создают базы данных, чтобы понять, почему осуждают невиновных. Ни одна из этих стран не признает, что вся её правовая система нелегитимна. Они признают нечто гораздо более простое.

Люди склонны к ошибкам. Опасна та система, которая не может этого признать. Потому что как только защита обвинительного приговора становится важнее, чем выяснение того, был ли приговор верным. правосудие перестает быть правосудием.

Оно превращается в самосохранение. И это возвращает меня к моему собственному делу. Потому что статистика — это одно. Жить внутри этой статистики — совсем другое.

Более семи лет я пытался открыть практически каждую доступную мне дверь.

Суды.

Прокуроры.

Верховный суд.

Генеральная прокуратура.

Администрация президента.

Уполномоченный по правам человека.

Омбудсмен.

Правозащитные организации Казахстана.

Британские дипломаты.

Международные юристы.

Международные правозащитные организации.

И в конечном итоге Организация Объединенных Наций.

Одна дверь за другой. Одно письмо за другим. Один отказ за другим.

Позвольте мне показать вам, что происходит, когда один осужденный человек действительно пытается заставить такую систему. признать: «Возможно, мы ошиблись».

Глава 54: Семь лет закрытых дверей

Люди иногда задают мне вопрос, который звучит вполне разумно.

«Если доказательства настолько убедительны, как вы говорите, почему бы вам просто не подать апелляцию?»

Я почти смеюсь, когда слышу это. Не потому, что вопрос глупый. А потому, что я когда-то верил в то же самое. Я вырос в Британии. Если в уголовном деле происходила серьёзная ошибка, мой инстинкт был прост:

Найми адвоката.

Собери доказательства. Вернись в суд.

Если этот суд отказывается слушать, подавай апелляцию выше.

В конце концов, кто-то независимый изучит доказательства. Эта вера живет лишь до тех пор, пока вы не сталкиваетесь с системой, где каждая дверь, кажется, ведет обратно в то же самое здание. Я борюсь со своим приговором с того самого момента, как он был вынесен. Суд первой инстанции приговорил меня к двадцати годам. Апелляция не принесла результата. Дальнейшие попытки пересмотра провалились. Новые адвокаты с трудом добивались даже полного доступа к материалам дела. На одном этапе Генеральная прокуратура сама выявила ошибку в моем приговоре и исправила её через собственный механизм пересмотра. Подумайте об этом противоречии. Государство было способно признать, что часть судебного решения была юридически неверной. И все же та же самая система не хотела по-настоящему пересматривать вопросы, касающиеся самой сути вопроса о том, должен ли я вообще был быть осуждён. Затем появились вновь открывшиеся обстоятельства.

Новые записи.

Новые показания.

Новые вопросы по экспертизе.

Голосовые записи моей бывшей жены.

Вопросы по отпечаткам пальцев.

Вопросы по ДНК.

Вопросы по повторной судебно-медицинской экспертизе.

Вопросы по исчезнувшим доказательствам.

Вопросы по заявлениям, которые свидетели подписали не читая.

И снова мы следовали процедуре. Были поданы ходатайства и Генеральная прокуратура назначила проверку в порядке вновь открывшихся обстоятельств. На мгновение я поверил: Наконец-то кто-то собирается провести расследование. Вместо этого, в пересмотре дела было отказано. Среди того, о чем мои адвокаты неоднократно просили, было нечто настолько элементарное, что я до сих пор с трудом понимаю, почему это стало спорным. Очная ставка с Мадиной. Если обвинение теперь утверждало, что её поздние признания были каким-то образом получены путем манипуляций или давления, то посадите нас в одну комнату. Спросите её, спросите меня, затем запишите это и расследуйте.

Эта очная ставка так и не состоялась.

Мы запросили видеозапись её допроса.

Мы запросили дополнительный допрос.

Мы запросили сравнение отпечатков пальцев и ДНК.

Мы запросили раскрытие фактически выполненных следственных действий.

Снова и снова ответ был по сути: Нет. Затем мы обратились в Верховный суд. Было подано заявление о чрезвычайном пересмотре по статье 498-1. Ответ как ни странно - отклонено.

Не после нового судебного разбирательства.

Не после повторного заслушивания свидетелей.

Не после разрешения всех судебно-медицинских противоречий.

Дверь просто осталась закрытой. Было подано ещё одно ходатайство по статье 491 часть 3 с аргументом, что закон был неверно истолкован или применен. Это тоже было отклонено.

Затем Администрация Президента.

Генеральный прокурор.

Региональные прокуроры.

Омбудсмен.

Уполномоченный по правам человека.

Разные ведомства.

Разные бланки.

Разные подписи.

Но результат неизменно был одним и тем же. Жалоба отправлялась куда-то. Тот офис пересылал её дальше. Принимающий офис присылал ответ.

Очередная жалоба, очередная пересылка и очередной отказ. Бумаги ходили по инстанциям по всей стране, пока я оставался в той же самой камере.

Отдельная тема — пытки. Я неоднократно описывал то, что со мной произошло.

Избиение после моего ареста.

Травмы.

Обращение в заключении.

Заявления о принудительном лечении.

Условия, в которых меня содержали.

Последующее насилие и жестокое обращение, которое я испытал в тюремной системе.

Писались отчеты, подавались жалобы и наконец-то Британское посольство вмешалось. Британские чиновники поднимали вопрос о моем обращении перед властями Казахстана и поддерживали связь с правозащитными структурами страны, в том числе в период, когда Эльвира Азимова занимала пост Уполномоченного по правам человека. И всё же, несмотря на объем жалоб, я никогда не видел того, что считаю подлинным расследованием, способным ответить на очевидный вопрос: Что случилось с Мохамедом Баракатом?

Международный стандарт уже существует. Он называется Стамбульский протокол. ООН заявляет, что заявления о пытках должны расследоваться оперативно, эффективно, независимо и беспристрастно, а медицинское документирование должно проводиться в соответствии с общепринятыми международными стандартами. Казахстану неоднократно прямо напоминали об этом обязательстве. Однако со мной этого не произошло.

Вместо этого я неоднократно получал заключения о недостаточности доказательств. Никакой надлежащей реконструкции. На мой взгляд, не было

предпринято никаких реальных попыток установить, как были получены травмы. Никакого процесса, напоминающего независимое расследование по Стамбульскому протоколу, о котором я просил годами. И вот что делает это особенно трудным для принятия: в 2023 году Комитет ООН против пыток сообщил, что сам Казахстан заявил, что 90 процентов из примерно 3880 зарегистрированных случаев пыток в период с 2018 по 2022 год были закрыты, в основном из-за отсутствия доказательств. Внезапно мой опыт перестал казаться исключительным.

Он выглядел знакомым. Годами мы также пытались обращаться в правозащитные институты Казахстана. Жалобы доходили до Уполномоченного по правам человека. Позже структуры омбудсмена стали более активно вовлекаться. Были даже попытки навестить меня, но возникали проблемы с получением доступа. В конце концов ко мне пришел специальный прокурор. Каждый раз, когда происходило нечто подобное, моя семья чувствовала надежду. Может быть, этот человек наконец проведет расследование. Может быть, это учреждение наконец задаст вопросы, которых все остальные избегали. Но надежда становится утомительной, когда она раз за разом порождает лишь очередную бумажку, а не результат. Сама ООН выражала обеспокоенность по поводу независимости правозащитных институтов Казахстана. Уполномоченный и Национальный превентивный механизм. В 2025 году Комитет по правам человека отметил, что Уполномоченный по правам человека сохранил лишь статус В на международном уровне и выразил обеспокоенность по поводу участия президента в процессе назначения и освобождения от должности. Он также выразил обеспокоенность по поводу операционной независимости Национального превентивного механизма.

Снова я потратил годы, ощущая практические последствия, прежде чем прочитал международную критику.

Затем появились НПО.

Казахстанское международное бюро по правам человека.

Коалиция против пыток.

Международные организации.

Адвокаты.

Активисты.

Люди, которые искренне хотели помочь. Я благодарен всем, кто пытался. Но благодарность не требует от меня притворяться, что результат был эффективным. КМБПЧ получил материалы, касающиеся моего дела и обращения со мной. Коалиция против пыток была вовлечена. И все же, когда я пишу эти строки, спустя годы жалоб, я остаюсь в тюрьме и у меня до сих пор нет того, что я считаю эффективным расследованием заявлений о пытках. Это не обязательно потому, что вовлеченным людям все равно. Это говорит о том, как мало власти имеют независимые организации, когда само

государство отказывается действовать. Затем есть мое собственное правительство- Великобритания.

Я британец и в течение многих лет посольство Великобритании в Астане занималось вопросами моего благополучия. Меня посещали консульские работники.

Они связывались с властями Казахстана.

Они поднимали вопрос об условиях содержания в тюрьме.

Они поднимали вопрос о жестоком обращении.

Они общались с Министерством внутренних дел и другими государственными органами.

Совсем недавно посольство официально заявило о своей заинтересованности в моем судебном процессе и поддерживало контакт с моим адвокатом. Мое дело дошло до офиса моего члена парламента. У FCDO накопились годы переписки.

Теперь существует бумажный след, тянущийся между тюрьмами, министерствами, прокурорами, дипломатами, юристами и моей семьей. И все же я остаюсь здесь. Британская позиция традиционно заключалась в том, что Великобритания не может вмешиваться в судебный процесс другого суверенного государства. Я понимаю этот принцип.

Но спустя семь лет я вынужден спросить: в какой момент дипломатическое невмешательство становится дипломатическим попустительством?

Если британский гражданин говорит, что его пытали.

Если международные органы описывают системные недостатки в расследовании пыток в той же стране.

Если после вынесения приговора появляются серьезные новые доказательства.

Если каждый внутренний механизм возвращает дело в те же учреждения, которые обвиняются в ненадлежащем обращении с ним.

То как долго другое правительство может продолжать говорить:

«Вы должны следовать местному правовому процессу»?

Что происходит, когда проблемой является сам местный правовой процесс? Кейт О'Рагаллаи и Организация Объединенных Наций в конце концов борьба вышла за пределы Казахстана. Британский адвокат Кейт О'Рагаллах приняла участие в подготовке моего дела для Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций. Этот процесс сам по себе демонстрирует масштаб того, что произошло. Вы не можете просто написать:

«Я невиновен. Пожалуйста, освободите меня».

Каждое средство правовой защиты внутри страны должно быть задокументировано.

Каждое решение.

Каждый отказ.

Каждый юридический аргумент.

Каждое обвинение.

Каждый процессуальный шаг.

Недостатки национальной системы становятся частью международного дела. И в этом есть горькая ирония. Годами каждый отказ ощущался как очередное поражение. В конце концов я начал понимать, что каждый отказ был также доказательством.

Отказ Верховного суда- доказательство.

Отказ прокурора- доказательство.

Жалоба на пытки закрыта без значимого расследования- доказательство.

Отказ в проведении очной ставки- доказательство.

Оставшиеся без ответа судебно-медицинские вопросы- доказательство.

Отсутствующие материалы- доказательство.

Бесконечная пересылка жалоб из одного ведомства в другое- доказательство.

Само по себе это не обязательно является доказательством моей невиновности. Тут что-то другое, это доказательство того, предоставил ли мне Казахстан эффективное средство правовой защиты, способное рассмотреть суть моих жалоб. Какие шансы у одного заключенного?

Здесь статистика из предыдущей главы перестает быть просто цифрами. Я один из тех, кто пытается пробиться через эту систему в обратном направлении. Заключенный, пытающийся убедить учреждения, которые его осудили, проверить, были ли учреждения, которые его осудили, неправы. Я пришел к болезненному выводу. Без значимого международного вмешательства я считаю, что мои шансы отменить этот приговор внутри страны крайне малы.

Это не значит, что я перестаю бороться. Совсем наоборот. Это значит, что борьба меняется. Мои письма больше не пишутся только потому, что я верю, что следующий чиновник внезапно обнаружит справедливость. Я пишу, потому что каждый ответ создает запись.

Каждый отказ создает запись.

Каждое противоречие создает запись.

Каждая жалоба, пересланная обратно в организацию, на которую жалуются, создает запись.

Каждое обещание, за которым следует молчание, создает запись.

Бумага за бумагой, год за годом они построили то, что никогда не намеревались строить. История их собственного отказа от расследования. Люди иногда спрашивают меня, почему спустя более семи лет я всё ещё пишу. Потому что в конечном итоге наступает момент, когда вопрос уже не звучит так:

«Может ли Мохамед доказать, что что-то пошло не так?»

Вопрос становится таким:

«Сколько возможностей было у государства расследовать, пошло ли что-то не так, и почему оно отказалось от каждой из них?»

Вот почему Великобритания сейчас так важна для меня. Вот почему важна Организация Объединенных Наций. Вот почему важны независимые журналисты. Вот почему важны правозащитные организации. Вот почему важна эта книга.

Потому что, когда каждая дверь внутри системы остается закрытой, то единственный оставшийся вариант — это поднять достаточно шума, чтобы кто-то снаружи наконец услышал, как вы стучите.

Глава 55: Правосудие на продажу

Предыдущие главы могли показаться техническими. Статистика, отчеты Организации Объединенных Наций, процедуры обжалования, уровень обвинительных приговоров, уровень оправдательных приговоров и независимость судебной системы. Для некоторых читателей они могли даже стать самыми сложными главами в этой книге. Но была причина, по которой я хотел, чтобы вы их поняли.

Это не просто мнение Мохамеда Бараката. Это система, которую критиковали международные организации, правозащитные органы и даже люди, которые когда-то работали внутри нее. То, что я собираюсь вам рассказать, основано на чем-то гораздо более простом. Семь лет жизни внутри нее. За каждой статистикой стоит человек.

Каждый процент представляет собой разрушенную семью. Каждая отклоненная апелляция представляет собой ещё одного человека, который верил, что кто-то, где-то, в конечном итоге услышит.

Я жил рядом с этими людьми.

Я делил с ними камеры.

Делил с ними еду.

Делил с ними надежды.

Делил с ними разочарования.

Я наблюдал за людьми, которые когда-то были успешными бизнесменами, министрами, юристами, судьями, полицейскими офицерами, бухгалтерами и обычными отцами, которые постепенно осознают, что, попав в эту систему, они все стали просто заключенными. Один из самых первых вопросов, который мне постоянно задавали после заключения, никогда не был:

«Какие доказательства у них есть против вас?»

Это не было:

«Вы нашли хорошего адвоката?»

Это даже не было:

«Вы невиновны?»

Вопрос всегда был один и тот же.

«Вы заплатили?»

Сначала я не понимал. Кому заплатил? За что заплатил? В конце концов я понял, что все понимают этот вопрос, кроме меня. Правосудие, как они считали, имеет цену.

Свобода имеет цену.

Домашний арест имеет цену.

Сокращение срока имеет цену.

Изменение обвинения имеет цену.

Успешная апелляция имеет цену.

Даже оправдательный приговор, как утверждалось, имеет цену.

Я видел, как семьи продавали свои дома.

Продавали свою землю.

Занимали у родственников.

Опустошали пожизненные сбережения.

Просили деньги у друзей.

В тюрьме я наблюдал, как заключенные вымогали деньги у других, играли в азартные игры, занимали и даже применяли насилие, пытаясь достать деньги, потому что кто-то снаружи обещал, что нужная сумма может решить их дело. Вокруг надежды существует целая подпольная экономика. А надежду легче всего продать отчаявшейся семье.

Они есть в каждой тюрьме- Решалы.

Люди, которые утверждают, что знают прокуроров.

Люди, которые утверждают, что знают судей.

Люди, которые утверждают, что знают офицеров КНБ.

Люди, которые утверждают, что знают кого-то близкого к Администрации Президента.

Кажется, все знают кого-то. Многие из этих людей — не более чем профессиональные мошенники. Они понимают один простой факт. Когда кому-то грозит десять, пятнадцать или двадцать лет тюрьмы, их семья заплатит почти что угодно. Деньги исчезают, приговор остается, а решала находит новую жертву. Вы не обязаны мне верить. Уголовные суды Казахстана сами выносили приговоры людям за организацию именно таких схем. Мать бывшего министра Куандыка Бишимбаева стала жертвой людей, утверждавших, что они могут повлиять на судебное разбирательство по делу её сына. В одном случае почти один миллион долларов США был получен под ложными обещаниями. В другом, как утверждается, огромные суммы денег требовались в обмен на влияние на апелляционное производство. Даже семья одного из самых известных подсудимых Казахстана стала добычей для торговцев надеждой. Затем есть дело Руслана Ерденаева, бывшего председателя Единого накопительного пенсионного фонда Казахстана. Руслан — не тот человек, которого я знаю по газетам, он мой друг. Всего час назад мы вместе ужинали в этой тюрьме. Его бывший заместитель тоже заключён здесь. Впервые я встретил его много лет назад в тюрьме № 99. Я

провёл бесчисленные часы, слушая, как Руслан объясняет каждую деталь своего дела. Общественности известен его приговор.

По словам Руслана, обвинение утверждало, что миллиарды тенге были украдены из пенсионного фонда. Тем не менее, он показал мне судебные документы и неоднократно объяснял, что деньги, которые, как утверждало обвинение, исчезли, в конечном итоге остались внутри банковской системы. Несмотря на это, он продолжает отбывать двенадцатилетний срок. Его семья также заплатила около 150 000 долларов США адвокатам, поверив в то, что его дело может быть решено.

Этого не произошло. Одним из этих адвокатов был Александр Блок. Александр Блок — тоже не просто человек, о котором я читал. Я сидел с ним, я разговаривал с ним и я слушал его. До того как стать заключенным, он был и судьей, и одним из самых известных адвокатов Казахстана. Он понимал систему правосудия со всех возможных сторон.

Судья.

Адвокат.

Заключенный.

Спустя годы я прочитал его интервью Orda.kz. Ничто в этом интервью меня не удивило, потому что многое из этого я уже слышал от самого Александра лично. Он открыто описал то, что, по его утверждению, было неофициальными расценками, циркулирующими внутри судебной системы Казахстана.

Десять тысяч долларов.

Тридцать тысяч.

Пятьдесят тысяч.

Сто пятьдесят тысяч.

Затем прозвучала цифра, которая заставила меня прекратить чтение- один миллион долларов. По словам Александра, это была неофициальная сумма, обсуждавшаяся за отмену приговоров и получение оправдательного приговора через Верховный суд. Один миллион долларов.

Я долго смотрел на это предложение. Потому что это была та же цифра, о которой говорили когда решали вопрос о моей собственной свободе. Совпадение? Возможно, а возможно, и нет. Я оставляю это на ваше усмотрение. Что я знаю точно, так это следующее. Я лично сидел лицом к лицу с прокурорами.

Во время одного разговора мне сказали, что в моем уголовном деле просто слишком много ошибок. По их словам, сами ошибки было нетрудно исправить. Затем последовала фраза, которую я так и не смог понять.

«Ваша проблема в том, что ваше дело политическое».

Политическое?

Я был капитаном авиакомпании.

Моя годовалая дочь была мертва.

Моя жена стала главным свидетелем против меня.

Я потерял всё.

Какое политическое значение могло иметь моё дело? С годами я неоднократно задавался этим вопросом. Разные люди предлагали разные объяснения.

Некоторые указывали на напряженность между Казахстаном и Великобританией. Другие ссылались на расследования в отношении членов бывшей правящей элиты Казахстана и их богатств за рубежом. Сама Британия получила ордера на арест имущества неясного или неустановленного происхождения в отношении лондонской недвижимости, связанной с членами семьи бывшего президента Нурсултана Назарбаева, прежде чем эти ордера были позже отменены Верховным судом. Консультативные отношения Тони Блэра с Казахстаном также стали предметом общественного обсуждения. Имело ли хоть какое-то из этих событий отношение к моему судебному преследованию?

Я честно не знаю. И я не буду притворяться, что это не так. Но когда сами прокуроры говорят британскому заключенному, что очевидные ошибки не могут быть исправлены потому что его дело политическое, то естественно возникает один вопрос. Политическое для кого? И почему? После семи лет в казахстанских тюрьмах я пришел к одному выводу. Правосудие стало товаром. Люди больше не спрашивают, невиновен ли человек.

Они спрашивают, сколько стоит его свобода. Некоторые платят и преуспевают. Некоторые платят и терпят неудачу. Некоторых просто обманывают.

Многие теряют всё, пытаясь помочь близкому человеку.

Я видел, как пожилые родители продавали дома, на строительство которых ушла вся их жизнь.

Я видел, как жены истощали все семейные сбережения.

Я видел, как дети росли в нищете, пока их родители искали деньги, которые, как они верили, могли купить справедливость.

Величайшая трагедия заключается не только в самой коррупции. А в том, что коррупция делает с надеждой.

Надежда становится валютой.

Отчаяние становится рынком.

Правосудие становится бизнесом.

И как только система правосудия достигает этой точки, невинных людей перестают видеть как человеческих существ. Они становятся клиентами. Это величайшая коррупция из всех.

Глава 56: Цена ареста

Когда меня арестовали в 2019 году, я был немедленно отрезан от всего и всех, кого знал. Я не мог говорить по-русски. Я знал ровно два слова. Спасибо и привет.

Это было, по сути, все, что я мог использовать для общения с миром, который внезапно поглотил меня. Мадина и её семья были другими. Они выросли внутри этой системы. Они понимали язык. Они понимали менталитет. И, на мой взгляд, они сразу поняли, что нужно делать. Послание было простым: забирайте его. Он богатый британско-арабский пилот.

Внезапно деньги начали исчезать. В сейфе отеля было 10 000 долларов, деньги, которые я отложил в качестве депозита за квартиру, которую покупал. Они исчезли, затем следователь завладел моим кошельком и банковскими картами.

Эти карты, согласно тому, что я позже выяснил, были переданы Мадине. Пока я был задержан, изолирован и не мог даже понять, что говорят вокруг меня, она могла передвигаться по Алматы и пользоваться моими деньгами. Позже я пришел к убеждению, что эти деньги были частью переговоров, которые велись вокруг моего дела. Однако в то время я почти ничего из этого не понимал. Я всё ещё пытался понять одну вещь. Где София?

Поведение Мадины в полицейском участке было таковым, что я не мог ничего понять и осознать. Время от времени я замечал её в коридоре. Она внезапно подбегала ко мне. Целовала меня снова и снова.

«Не волнуйся, hayatim».

Моя жизнь.

«Ты не попадешь в тюрьму».

Она сказала мне, что они обсуждают вариант отправить меня на три года в какой-то лагерь. Она описывала это почти небрежно. По её словам, днем я буду свободен, а ночью просто возвращаться туда спать. Затем она сказала то, что мой разум просто отвергал.

«Не волнуйся, hayatim. У нас будет другая София».

Она складывала руками маленькие сердечки в мою сторону. Я не мог понять, на что я смотрю. Другая София? Я продолжал повторять одни и те же вопросы.

«Где София?»

«Что случилось с Софией?»

«Как может быть другая София?»

София только одна. Моя София. Если София была мертва, почему никто из нас не умер первым, пытаясь защитить её? По крайней мере один из нас должен был умереть раньше неё. Так работал мой разум в те первые часы.

Ничто не имело смысла. Затем я начал смотреть на Мадину. И кое-что ещё не имело смысла.

Я был избит до синяков.

Мои травмы были видны.

Моё лицо и тело показывали, что со мной произошло.

А там стояла Мадина.

Ни царапины, которую я мог бы заметить.

Ни синяка.

Её одежда казалась нетронутой.

Даже тонкое бриллиантовое ожерелье на её шее всё ещё было на своём месте.

И всё же позже я узнал, какие показания она давала против меня. Согласно её рассказу, я бросил её на кровать.

Я залез на неё сверху.

Я сильно избил её.

Она каким-то образом сбежала.

Затем, согласно обвинению, я снова поймал её у двери.

Я душил её.

Я неоднократно бил её кулаками.

А теперь снова посмотрите на женщину, стоящую в том полицейском участке. Мадина весила около 55 килограммов в то время. Я весил примерно 120 килограммов. Я тренировался несколько раз в неделю.

И после того жестокого нападения, которое она описывала, она стояла передо мной, выглядя, на мой взгляд, как будто она просто проснулась после долгого сна- как Белоснежка. На одном из этапов даже окружающие её люди, казалось, задавались очевидным вопросом: Где именно травмы?

Полиция изначально заявила, что ей необходимо пройти медицинское освидетельствование. Это казалось мне совершенно логичным. Если кто-то говорит, что подвергся жестокому нападению, задокументируйте травмы.

Сфотографируйте их.

Осмотрите их.

Установите, когда они были получены.

Сравните их с рассказанной историей.

Это и есть доказательства.

Затем вмешался следователь Нурлан Болатов. Его позиция, насколько я помню, была прямолинейной:

«Эта женщина не находится под следствием. Она потерпевшая. Она вправе отказаться от освидетельствования».

Хорошо, она имеет право отказаться. Но как насчет меня? Разве я не имею права ожидать, что государство докажет обвинение, которое оно мне предъявляет? Если меня обвиняют в жестоком избиении и удушении кого-либо, разве следствие не должно установить где и как я нанес ей травмы?

Какие именно травмы я якобы причинил?

Где фотографии?

Где медицинские доказательства?

Где следы на её шее?

Где синяки от ударов?

Где физические доказательства, подтверждающие это необычное описание насилия?

Или мы уже достигли точки, когда слова Мадины считались важнее физических доказательств? Я ещё не понимал эту систему. Мои сестры вот-вот должны были с ней познакомиться.

Они прилетели в Алматы, узнав, что София мертва, а я арестован. Представьте их состояние.

Их племянница, которую они обожали всем сердцем, была мертва.

Их брат сидел под стражей в полиции.

Они приехали в чужую страну, ожидая, возможно, найти другую скорбящую семью. Вместо этого, согласно тому, что они позже рассказали мне, их почти сразу отвезли в тёмный ресторан. Там члены семьи Мадины и человек, который должен был стать моим адвокатом, начали обсуждать нечто совершенно иное.

Деньги.

Сколько могли достать мои сестры?

Как быстро они могли их достать?

Кому якобы нужно было заплатить?

Полиции.

Прокурорам.

Людям, которые могли «помочь».

Мои сестры едва успели приехать. У них даже не было времени понять, как умерла София. А кто-то уже подсчитывал цену моей свободы. Это было знакомство моей семьи с тем же вопросом, который я буду слышать постоянно на протяжении последующих лет:

«Вы заплатили?»

Мои сестры прибыли в Казахстан, скорбя о маленькой девочке, которую они любили всем сердцем. Вместо того чтобы найти другую семью, объединенную с ними в трауре, они обнаружили себя, как они позже описали мне, в окружении людей, обсуждающих деньги. Для них это было похоже на то, как будто их окружили гиены.

София была мертва.

Я был покрыт травмами.

Мои сестры были опустошены.

И где-то посреди всего этого горя кто-то уже обнаружил возможность для бизнеса. Я находился в системе уголовного правосудия Казахстана едва ли несколько часов. Я просто ещё не понимал, что уже вышел на рынок.

Глава 57: Осуждён до суда

В первую неделю после ареста меня бросили в одну из самых ужасных камер, которые только можно себе представить, под зданием Бостандыкский РОВД.

Меня сильно избили.

Моя голова была опухшей.

Моя спина и ноги были в синяках от постоянных ударов тем, что позже будет описано во время моего медицинского освидетельствования как «тупой предмет».

Тупой предмет. Позвольте мне перевести это на обычный язык-полицейская дубинка. Мои запястья были изрезаны старыми наручниками советского образца. Куда бы меня ни вели, меня таскали в этих наручниках, и кровь постоянно капала с моих запястий.

Я был истощен.

Дезориентирован.

Убит горем.

В боли.

Не в силах понять язык, на котором говорили вокруг меня. И полностью изолирован от внешнего мира. Чего я не знал, так это того, что пока я сидел под этим полицейским участком, наверху уже началась настоящая медийная истерия. В течение двадцати четырех часов я перестал быть британцем, чья дочь умерла и который был задержан пока полиция расследовала, что произошло. Я уже стал:

Британцем, который убил свою дочь.

Не предполагаемо.

Не подозревается.

Не по мнению следователей.

Факт.

По крайней мере, так мне показалась большая часть репортажей. Казахстанские СМИ начали публиковать необычайные подробности о том, что якобы произошло внутри того гостиничного номера. Некоторые издания даже сообщали о предполагаемом механизме смерти Софии, как будто следствие уже установило его. Tengrinews был в числе СМИ, сообщавших подробности версии обвинения на чрезвычайно раннем этапе. Слухи распространялись быстрее, чем доказательства. И больше всего меня позже беспокоило то, что в репортажах информация подавалась как исходящая от следственных органов.

Полиции.

Прокуратуры.

Министерства внутренних дел.

Пока я был заперт в Бостандыкском РОВД, даже не зная, что обо мне говорят, государственная версия уже просачивалась в СМИ.

Следствие едва началось. Но каким-то образом у истории уже был финал.

Мохамед убил Софию.

Меня не судили.

Судебно-медицинские доказательства не были должным образом проверены.

Свидетели не были допрошены в суде.

Противоречия не были изучены.

Суд ничего не слышал.

Но за пределами этой камеры меня уже представляли как человека, который убил свою дочь. В те первые дни меня неоднократно допрашивали. Иногда только полиция, а иногда в присутствии моего собственного адвоката. По крайней мере, я верил, что он мой адвокат. Его звали Хизбуллам. Только позже я начал узнавать кое-что о человеке, который якобы защищал мои интересы. Я узнал, что раньше он был сотрудником полиции.

И не просто бывшим полицейским. Согласно информации, которую я получил впоследствии, он имел связи с тем самым полицейским отделом, который вел мое дело. Затем последовало ещё одно совпадение. Он также был соседом семьи Мадины.

И ещё одно не менее важное, он разделял их уйгурское происхождение. Сама по себе этническая принадлежность для меня абсолютно ничего не значит. Но когда вы иностранный обвиняемый, который не говорит на языке, в окружении людей, которые уже знают друг друга социально и профессионально, эти связи становятся значимыми, потому что ваш адвокат должен быть тем единственным человеком в комнате, чья лояльность принадлежит исключительно вам. Я все больше убеждался, что его приоритетом была вовсе не моя защита.

На мой взгляд, он помогал Мадине. Одной из вещей, которая его особенно беспокоила, была помощь ей в получении официального документа, подтверждающего, что она невиновна. Это сбило меня с толку. Я никогда раньше не слышал о чем-то подобном.

Если Мадина официально рассматривалась как жертва, то в чём она должна быть невиновна? Зачем жертве нужен официальный документ, объявляющий её невиновной? И почему мой адвокат хотел помощь ей получить это? Это были вопросы, которые я ещё не знал, как задать.

Я даже не говорил по-русски. Затем произошло нечто, что не требовало никакого перевода. Однажды в те первые дни задержания, следователь Нурлан Болатов и мой адвокат спустились в камеру под полицейским участком. Они сказали мне, что им нужно отвезти меня на анализ крови. Меня вывели из камеры.

Но вместо того, чтобы это была просто медицинская процедура, меня повели в другую зону в конце коридора, подальше от того места, где, как я понимал, находились камеры видеонаблюдения. Затем разговор изменился. По-видимому, возникла проблема с журналистами. Освещение в СМИ нужно было изменить.

Согласно тому, что мне сказали, журналистам нужно было заплатить, чтобы изменить заголовки и репортажи обо мне. Какая сумма требовалась? $65 000. Шестьдесят пять тысяч долларов США. Подумайте об абсурдности того, что, как я полагал, я слышал.

Я сидел внутри полицейского участка.

Следователь, ответственный за мое уголовное дело, был там.

Мой собственный адвокат по защите был там.

Те же самые власти якобы предоставляли информацию о моем деле СМИ.

А теперь мне говорили, что нужны деньги, чтобы изменить то, что говорили СМИ. Возможно, они ожидали, что я запаникую. Возможно, они ожидали, что богатый британско-арабский капитан авиакомпании откроет свой кошелек. Возможно, они думали, что горе, изоляция и страх сделают меня легкой мишенью для манипуляций. Они глубоко во мне ошибались.

Неужели они всерьез верили, что я собираюсь отдать 65 000 долларов тем самым людям, которых я начинал подозревать в использовании катастрофы вокруг меня? Я посмотрел на них и подумал: Вы, должно быть, шутите.

Они избили меня.

Они изолировали меня.

Мои деньги исчезали.

Моя дочь была мертва.

Мое имя публично уничтожали ещё до того, как я вошёл в зал суда.

И теперь они хотели шестьдесят пять тысяч долларов, чтобы якобы исправить заголовки? Нет.

Ни одного доллара.

Ни шестьдесят пять тысяч.

Ни шесть тысяч.

Ни шестьсот.

Ничего.

Если правосудие здесь работает так, то я не хочу участвовать в его покупке. В то время я всё ещё верил, что доказательства в конечном итоге спасут меня. Я всё ещё верил, что как только независимые эксперты изучат всё, как только прибудет настоящий адвокат, как только настоящий судья увидит противоречия, здравый смысл возобладает. Я всё ещё верил, что суды существуют для того, чтобы раскрывать правду. Оглядываясь назад, в этой уверенности есть что-то почти болезненно наивное. Потому что люди вокруг меня уже преподавали мне первый урок уголовной системы правосудия Казахстана.

Я просто ещё не был готов его усвоить. Улики и я готовились к судебному процессу. Все остальные, по-видимому, договаривались о цене.

Глава 58: Где справедливость?

Меня таскали из одного места в другое и выставляли напоказ. Всё происходило вокруг меня, но я совершенно не мог ни на что повлиять. Это чувство было для меня почти непостижимым. Всю свою взрослую жизнь я был тем, на кого полагались другие люди.

Я был капитаном авиалайнера.

Я был инструктором.

Я отвечал за самолеты стоимостью в миллионы долларов, за экипажи, за пассажиров, за решения, где промедление или ошибка могли привести к серьёзным последствиям.

Люди обращались ко мне за ответами.

И вдруг я не мог контролировать даже мельчайшую деталь собственного существования.

Куда я иду.

Когда я сплю.

Когда я ем.

С кем я разговариваю.

Что обо мне говорят.

Какие документы передо мной кладут.

Могу ли я увидеть свою семью?

Могу ли я увидеть свою дочь?

Я стал совершенно беспомощным.

И они разрушали мою жизнь, казалось, совершенно не заботясь об этом и не принимая никакого участия. Я начинал кое-что понимать в системе уголовного правосудия Казахстана. Как только вы становитесь подозреваемым, с вами обращаются так, будто вы уже виновны. Остается лишь вопрос о том, как эта вина будет упакована и представлена суду. И готовы ли вы играть в эту игру.

Он сотрудничает?

Он платит?

Он продает все, что у него есть, чтобы кормить систему?

Мое первое судебное заседание было похоже на сцену из ужасного фильма 1960-х годов. Только игра актеров была настолько плохой, что я с трудом понимал менталитет людей вокруг меня. Всё казалось таким очевидным.

Никто даже не пытался это особо скрывать. Перед слушанием я видел, как полицейский стоял в коридоре и шептался с судьей. Затем вошла переводчица и села рядом со мной. Она наклонилась ко мне.

«Полицейский сказал судье, что вы были под наркотиками».

Я посмотрел на нее.

«Что? Как это вообще возможно?»

«Я не знаю», — сказала она.

Во время допроса я объяснил, что у меня случился приступ. Я расскажу вам позже, как именно это произошло. Переводчица, несмотря на то, что у нее, я полагаю, были искренне добрые намерения, просто не имела квалификации для уровня перевода, требуемого в расследовании убийства с участием иностранного гражданина. Где-то в процессе перевода слово «приступ» превратилось в «эпилепсию». Теперь полицейский стоял снаружи и шептал судье: он пилот и хочет, чтобы мы поверили, что у него эпилепсия. Я помню, как наблюдал за всем этим и думал:

Что это за спектакль?

Затем мой предполагаемый адвокат, Хизбуллам, встал. Внезапно он тоже стал актером. Он драматично замахал руками.

Повернул лицо к углу зала суда, словно играя Шекспира. И воскликнул:

«Где же справедливость?»

Я наблюдал за ним. Я оглядел комнату. И что-то внутри меня оборвалось. Я обречен и я уже знал это. В конце концов мне разрешили встать и говорить.

Я не думал о юридических аргументах.

Я не думал об условиях залога.

Я не думал об уголовном процессе.

Я думал о Софии.

Я умолял их отпустить меня повидаться с дочерью.

Мне нужно было увидеть её.

Мне нужно было обнять её ещё раз.

Мне нужно было поцеловать её.

Мне нужно было попрощаться.

Что угодно.

Просто дайте мне последний момент с моим ребенком.

Следователь Нурлан Болатов уже дал мне обещание. Там было заявление на русском языке, которое они хотели, чтобы я подписал. Я не мог его прочитать.

Мой переводчик и мой адвокат лишь кратко объяснили его содержание. Важное заверение, которое они мне дали, заключалось в следующем:

«Здесь нет признания вины».

Болатов пообещал мне, что если я его подпишу, он отвезет меня к Софии. Это было всё, что мне нужно было услышать. Я подписал всё так как хотел в последний раз увидеть свою дочь, но он подло солгал.

К тому времени София уже была в Шелеке. Её хоронили рядом с дедушкой. Я не знал ничего об этом. Пока я умолял незнакомцев в зале суда позволить мне увидеть мою маленькую девочку в последний раз, её уже опускали в землю.

Я так и не смог её подержать.

Я так и не смог поцеловать её на прощание.

Я так и не смог снова коснуться этих крошечных пальчиков.

Я так и не смог сказать ей, что папа рядом.

Её дедушка, как мне сказали, был хорошим человеком.

Я надеюсь, что они составят друг другу компанию.

Я надеюсь, что где бы они ни были, вокруг них только свет.

Я надеюсь, что прекрасный смех Софии наполняет это место.

Я надеюсь, что та улыбка, которую я так ясно помню, — это всё, что видит её дедушка, когда смотрит на неё.

И я молюсь, чтобы они оставались вместе до того дня, когда мне позволят снова увидеть её. Вернувшись в зал суда, ни одна из этих мыслей не имела

значения для людей, решавших, что будет со мной. Оглядываясь назад, я не верю, что судья вообще собирался отпустить меня под залог. Я не верю, что это слушание действительно было направлено на определение того, необходимо ли содержание под стражей.

Полиция уже решила кем я был. СМИ уже рассказывали Казахстану, кем я был. А теперь суд просто становился следующей частью процесса. Я вошёл, веря, что мне дадут возможность защитить себя. Вместо этого, двери снова закрылись. Наручники снова защелкнулись. И меня снова утащили прочь. В этот раз меня ждал другой пункт назначения.

СИЗО 18, Алматы. Я понятия не имел, что ждет меня за этими стенами. Я думал, что полицейский участок показал мне, насколько все может быть плохо. Я глубоко ошибался.

Глава 59: В надёжных руках

Очень скоро я понял, что с переводом возникла серьёзная проблема. Но плохой перевод был лишь частью этого. Что беспокоило меня гораздо больше, так это растущее осознание того, что, по-видимому, не имело значения, что я на самом деле говорил. Мои слова шли в одном направлении, а каким-то образом выходило, что они значат что-то другое. Детали менялись и весь смысл искожался. А следователь Нурлан Болатов казался настолько поглощенным созданием собственной версии событий, что ничто из сказанного мной, по-видимому, не могло помешать истории, которая уже формировалась в его сознании. В конце концов, я обнаружил нечто ещё более тревожное. Показания свидетелей, по-видимому, были написаны самим следователем, а затем представлены свидетелям для подписи. Позже некоторые из этих свидетелей говорили, что подписывали подготовленные для них заявления, не прочитав или не поняв должным образом их содержание. Я начинал понимать, что не участвую в расследовании, направленном на поиск истины. Я чувствовал себя так, словно попал в историю, финал которой уже был написан, а все вокруг меня просто заполняли страницы. Британское посольство в Астане было проинформировано о моем задержании. Они приехали в Алматы, чтобы встретиться со мной. В этом было что-то почти сюрреалистичное.

Всего около недели назад я сам был в Астане, посещая британское посольство. Я летал туда, чтобы оформить документы для себя и Софии, связанные с нашим долгосрочным статусом в Казахстане, чтобы, когда мы захотим проводить в стране длительное время, не возникало проблем. Технически Софии на самом деле не требовался тот же процесс. Посольство Казахстана в Гонконге уже выдало ей казахстанский идентификационный номер. Но поскольку она въехала в Казахстан по своему британскому паспорту, власти начали настаивать на том, чтобы её документы были оформлены вместе с моими.

Поэтому я поехал в Астану. За стеклянной перегородкой в британском посольстве сидела казашка, которая помогала оформлять мои документы. Всё было завершено за несколько часов. Когда я выходил из посольства, мимо меня прошел мужчина.

Я сразу решил, что он тоже там работает. В нем было что-то безошибочно британское. Я больше не думал ни о нем, ни о ней. С чего бы?

Я только что закончил оформление документов для себя и своей дочери.

У меня была жизнь.

Семья.

Карьера.

София была жива.

И я ушел. Примерно через неделю я снова увидел их обоих. На этот раз в Алматы. И на этот раз я был заключенным. Их звали Дерек и Айгуль. Перед тем как меня отвели в комнату для встречи с ними, мой адвокат Хизбулла отвел меня в сторону. Переводчик объяснил, что он мне говорит.

«Не упоминай ничего о жестокости полиции. Нам нужно, чтобы полиция помогла решить твою проблему. Если ты заявишь на них, они нам не помогут».

Подумайте об этом совете. Мой собственный адвокат фактически советовал мне не рассказывать своему посольству о том, что со мной произошло, потому что нам нужно было поддерживать хорошие отношения с теми самыми полицейскими, которые отвечали за расследование моего дела. В то время, однако, я был напуган, растерян и полностью зависел от окружающих меня людей. Поэтому я вошёл в комнату. Как только я увидел лица Дерека и Айгуль, я понял, что они обеспокоены.

Они представились. Дерек не стал терять много времени. Один из его первых вопросов был прямым.

«Вас били?»

Я покачал головой- нет. Но было очевидно, что я лгу. Мои травмы были видны, мое лицо было в синяках и на моём теле были следы от побоев. Одного лишь покачивания головой было недостаточно, чтобы что-то скрыть. Стоя там и глядя на этих двух людей, я понятия не имел, что мужчина и женщина, которых я случайно видел в британском посольстве в Астане всего несколько дней назад, станут такой значимой частью моей жизни в последующие годы. Я помню, как смотрел на них и говорил:

«Я невиновен. Я не сделал ничего плохого, и никто не хочет меня слушать».

Они сказали мне:

«Мохамед, мы на связи с вашей семьей. Мы здесь, чтобы поддержать вас». Впервые с момента моего ареста я почувствовал то, что почти забыл- Облегчение. Британское посольство знало. Мое правительство знало, где я нахожусь. Они видели, в каком я состоянии. Они разговаривали с моей семьей. Неужели Британия просто собиралась стоять в стороне и смотреть,

как эти люди уничтожают меня? Я искренне верил что теперь я в надежных руках.

Затем я рассказал им то, что причиняло мне больше всего боли.

«Они не дали мне попрощаться с дочерью».

Ни один из них не ответил сразу. Оба они смотрели в пол. Мои глаза были красными. Я отчаянно пытался взять себя в руки.

Больше сказать было нечего. Менее чем через пять минут встреча закончилась. Меня снова увезли.

Ещё одна дверь.

Ещё одна пара рук.

Ещё один автомобиль.

Они посадили меня в фургон и повезли в центр содержания под стражей. Я смотрел, как все, что я мог видеть в Алматы, исчезает, пока мы ехали. Всего несколько дней назад я свободно гулял по этому городу. Всего неделю назад я вышел из британского посольства в Астане после оформления документов, чтобы мы с Софией могли проводить больше времени вместе в Казахстане. Теперь София была похоронена.

Я был в наручниках. И меня везли в место, официальным названием которого был следственный изолятор. Со временем я узнал его под другим именем- Центр пыток 101.

Глава 60: Центр пыток 101

Перед тем как перевести меня из полицейского участка в следственный изолятор, мне приказали раздеться догола. Тюремная медсестра осмотрела меня и сфотографировала мое тело. Пожалуй, впервые с момента моего ареста я увидел, как человек при исполнении смотрит на мое состояние и реагирует как нормальный человек.

Она была явно разгневана.

Она начала кричать на охранников.

Она схватила меня за руку и подняла её в их сторону.

Мои запястья были сильно изрезаны старыми наручниками советского образца. Кровь капала из ран. Она указала на мои запястья. Затем на охранников. Потом снова на меня. Она что-то выкрикнула по-русски. Они ответили ей. Я не понимал ни слова из того, что они говорили. Поэтому в голове я представил их ответ: Он убийца младенцев. Кого это волнует? Может, они сказали не это. Я не знаю. Но к тому времени я определенно чувствовал, что со мной так и обращаются.

Меня посадили в фургон для перевозки. Называть это фургоном — значит делать его более комфортным, чем он был на самом деле. По сути, это была металлическая коробка, заполненная другими заключенными. По радио передавали новости. Вдруг я услышал слова, которые узнал.

«Британский».

«Пилот».

Я сразу понял. Они говорят обо мне. Один из охранников сказал что-то по-русски. Опять же, я не мог его понять, но, судя по тому, что произошло дальше, я представил, что он сказал что-то вроде:

«Это он».

Почти сразу остальные заключенные повернулись ко мне. Некоторые из них начали бить кулаком по ладони другой руки. Мне не нужен был переводчик, чтобы понять это. Это был русский тюремный жест, значение которого было совершенно ясным: Тебе конец. Я понял, что попал в беду. Самое страшное было то, что мне было уже все равно. Софии больше не было.

Чего именно я должен был бояться теперь? Смерти? В тот момент смерть не казалась чем-то особенно пугающим. Часть меня думала, что я, вероятно, скоро все равно присоединюсь к ней. Я был опасно близок к тому, чтобы не хотеть жить.

Как я должен был жить без нее? Ради чего именно я должен был жить? Затем двери открылись. Добро пожаловать в следственный изолятор.

Или, как я в конечном итоге стал его называть: Центр пыток 101. Почти сразу меня поместили в камеру с человеком, который резал себе руку с помощью бритвы. Его раны были свежими.

В то время я не понимал, на что смотрю. Вскоре я узнаю, что в казахстанских следственных изоляторах и тюрьмах членовредительство может стать языком общения. Когда жалобы не слышали, некоторые заключенные резали себе руки.

Некоторые резали шеи.

Некоторые вскрывали себе животы.

Другие зашивали себе рты.

В это почти невозможно поверить. Но это не был тюремный фольклор. Я не придумал это спустя годы, проведённые в системе. За годы до моего ареста страдания в казахстанских тюрьмах уже привлекали международное внимание. BBC сообщала о казахстанских заключенных и заявлениях о пытках и жестоком обращении, включая репортажи под такими заголовками, как «Крик о помощи казахстанских заключенных» и «Казахстанские живые ГУЛАГи». И современные данные ужасают. Только в 2010 году в официальных отчетах было зафиксировано 87 случаев членовредительства заключенных с участием 174 заключенных, включая 27 групповых инцидентов. В июле того же года заключенные в алматинском следственном изоляторе вскрыли себе животы на фоне заявлений о том, что заключенных жестоко избивали. Родственники собрались снаружи, требуя доступа, и десятки заключенных подали жалобы в Генеральную прокуратуру. Refworld: Всего несколько дней спустя около 300 заключенных в другом учреждении участвовали в групповом акте самокалечения в знак протеста. Двое заключенных погибли в ходе последовавших беспорядков, около 100 получили ранения и 70 были госпитализированы. Refworld: В других

современных репортажах описывалось, как шестеро задержанных в алматинском следственном изоляторе вскрыли себе животы после того, как заключенные связались с родственниками и журналистами, заявив о массовых избиениях и пытках со стороны охранников. Тюремные чиновники отрицали эти обвинения в пытках, в то время как правозащитникам впоследствии разрешили войти внутрь.

RadioFreeEurope/RadioLiberty: В другом месте в том же году заключенные в Долинке также вскрыли себе животы, протестуя против своего обращения. RadioFreeEurope/RadioLiberty: К октябрю 2010 года в репортажах описывалось более ста заключенных, совершивших членовредительство в течение всего двух месяцев, а фотографии заключенных с вскрытыми животами попали в СМИ. Бывшие заключенные и активисты заявляли об избиениях, пытках, изнасилованиях и унижениях в пенитенциарной системе; казахстанские власти оспаривали обвинения в повсеместных пытках и заявляли, что жалобы расследовались.

Global Issues: Поэтому, когда я говорю вам, что казахстанские следственные изоляторы и тюрьмы полны людей, чьи руки и иногда шеи бывают полосатыми от шрамов, как у тигров, поймите, что могут означать эти шрамы. Это не украшения, это целые истории.

Это жалобы, написанные на человеческой плоти, потому что бумажные жалобы ни к чему не привели. Представьте, что вы дошли до точки, когда верите, что единственный способ заставить кого-то за пределами этих стен обратить внимание — это разрезать собственное тело. Это был мир, в который я только что вошёл. И в мой первый день они поставили одного из этих людей передо мной. Он посмотрел на меня агрессивно.

«Эй, американски».

Затем последовал поток русских слов, которых я не мог понять. Он явно пытался спровоцировать меня.

Я был измотан.

Я был ранен.

Моя дочь была мертва.

И я совершенно не хотел, чтобы меня запугивали.

«Отвали». Я шагнул к нему.

Дверь немедленно открылась снова и меня вытащили. Я не знаю, был ли он намеренно помещен ко мне, чтобы посмотреть, как я отреагирую. По крайней мере, именно такое впечатление у меня тогда сложилось. Чего бы они ни ожидали, по-видимому, эксперимент был окончен. Я последовал за другими задержанными через оформление. Каждому человеку выдали основные предметы, которые ему понадобятся. Металлическую кружку, металлическую тарелку, ложку и матрас.

Затем наступила моя очередь.

Ничего.

Ни кружки.

Ни тарелки.

Ни ложки.

Ни матраса.

Я просто продолжал идти за всеми остальными. Мы шли по одним из самых грязных коридоров, которые я когда-либо видел в своей жизни. Сами стены казались пропитанными страданиями. Можно было почти почувствовать, сколько испуганных людей прошло через эти коридоры до вас.

Сколько было избито там.

Сколько плакало там.

Сколько кричало там.

Сколько умоляло кого-то выслушать.

И сколько в конце концов осознало, что никто не придет.

Слишком много призраков боли и мучений жили внутри этих стен. В конце концов они привели меня в карантинную камеру. Они ждали меня. Когда одна из этих огромных металлических тюремных дверей впервые захлопывается за вами, звук проходит прямо через ваше тело. Это сотрясает вашу душу. Все внутри немедленно сели.

«Эй! Англичанин! Англичанин!»

«Да».

Крепко сложенный мужчина посмотрел на меня. У него было тело человека, который проводит время за тренировками.

«Эй. Я здесь большой босс».

Я посмотрел на него.

«Рад за тебя, Большой Босс».

Его поза изменилась, я узнал эту стойку. Он готовился ударить меня. Я увидел это заранее и немедленно вскочил на ноги, навалившись на него всем своим весом.

Металлические двери распахнулись. Охранники ворвались внутрь и оттащили меня. Пока они тащили меня прочь, Большой Босс смеялся. На его лице больше не было злости, ничего личного. Это была просто тюрьма. Его руки появились на верху решетки и он улыбался.

«Эй! Англичанин! Англичанин! Сигареты давай!»

Я посмотрел на него и рассмеялся. Затем я залез в карман и вытащил около шести сигарет. Он взял их.

«Хорошо, хорошо, брат. Хорошо. Деньги нужны».

Конечно, даже здесь- деньги. Они повели меня дальше по коридору. К тому времени я полностью потерял ориентацию. Налево, направо, ещё один коридор и ещё одна стальная дверь. В конце концов они поместили меня в пустую камеру. Эта камера была другой. Ты даже не мог коснуться стен.

Внутри самой камеры была сооружена клетка. Они открыли клетку, я шагнул внутрь и она закрылась за мной. Там была раковина, до которой мне приходилось тянуться через прутья, чтобы воспользоваться. Там было окно,

которое мне приходилось открывать или закрывать, просовываясь через прутья. И это всё, больше ничего.

Ни кровати.

Ни матраса.

Ничего.

Только пол.

Я посидел там некоторое время. В конце концов я надел толстовку и лег. Я уснул, но некоторое время спустя я услышал, как открылась дверь. На пол снаружи клетки поставили миску с какой-то бурдой. Я посмотрел на нее, даже вытянув руку через прутья, я не мог до нее дотянуться. Охранник ушел, но это было неважно. Аппетита у меня не было всё равно. Я постоянно курил. Когда меня мучила жажда, я просовывал руку через клетку к раковине, набирал воду в ладони и пил из них.

Я не ел около двух дней. Мое тело почти перестало чего-либо просить. Затем что-то шевельнулось- мышь. Она подбежала к миске, которую они оставили для меня. Остановилась, понюхала и начала есть.

Я наблюдал за ней. По крайней мере, хоть кто-то наслаждался ужином. Примерно через два дня меня снова перевели. На этот раз наверх.

Дверь открылась в небольшую комнату, набитую примерно десятью мужчинами. Я вошёл внутрь. Сразу почувствовалось что-то иное. Никто не выглядел враждебно.

На самом деле, они, казалось, были рады встрече со мной. Высокий худощавый мужчина подошел ко мне и протянул руку. Я пожал её.

«Мади», — сказал он.

«Мохамед».

Его выражение лица изменилось.

«О. Ты мусульманин?» «Да».

По-видимому, это требовало проверки. Он попросил меня прочитать несколько простых сур из Корана. Я прочитал и тест был пройден. Они дали мне металлический каркас кровати.

Всё ещё без матраса.

Всё ещё без ложки.

Всё ещё без тарелки.

Всё ещё без чашки.

У меня не было ничего, кроме одежды, в которой меня арестовали. И к этому времени эта одежда начала вонять. Через некоторое время Мади посмотрел на меня и сделал странное движение. Он начал двигать бедрами вперед-назад. Я уставился на него. Он выглядел так, будто совершал фрикции в воздухе.

«Нет, нет, нет».

Я немедленно покачал головой. Затем остановился, осмотрел комнату и посмотрел обратно на Мади.

И внезапно понял, что он пытался мне сказать. О, замечательно!

Это была комната для сексуальных преступников.

Глава 61: Ожидание было хуже

Вот в чем суть моральных и физических пыток. Они редко начинаются с самого худшего, что могут с вами сделать. Это происходит поэтапно. Сначала идет действие.

Избиение.

Боль.

Унижение.

Затем следует предупреждение:

«Если ты этого не сделаешь, будет только хуже».

А потом они оставляют вас с этими словами. Этот промежуток между угрозой и тем, что может последовать дальше, становится частью наказания.

Вы ждете.

Вы представляете.

Вы прислушиваетесь к шагам в коридоре.

Вы слышите ключи.

Где-то открывается дверь.

Голоса.

Затем снова тишина.

Ваш разум начинает выполнять их работу за них.

Что значит хуже?

Ещё одно избиение?

Что-то другое?

Сколько времени пройдет, прежде чем они вернутся?

Для меня ожидание между событиями часто было хуже, чем само событие. Потому что когда боль наконец начинается, ожидание по крайней мере заканчивается. И если вы преодолеваете страх перед угрозой, у того, кто вам угрожает, возникают проблемы. Угроза перестает работать. Поэтому, по моему опыту, давление должно усиливаться.

Действие.

Угроза.

Ожидание.

Затем ещё одно действие.

И ещё одна угроза.

Только к тому времени я стал совершенно другим человеком. Моя дочь была мертва. Они пытались запугать человека, которому порой было уже не так важно, выживет он или нет. Иногда я ловил себя на мысли:

Надеюсь, в этот раз они зайдут слишком далеко. Надеюсь, в этот раз все закончится. А потом, вместо того чтобы представлять смерть, я представлял Софию. Я представлял, как снова обнимаю её.

Бесконечные объятия.

Мои руки, обнимающие её маленькое тельце.

Мои губы, снова и снова целующие эти пухлые щечки.

И её запах. Тот прекрасный запах, который бывает у младенцев. В моем воображении он полностью поглощал меня. Не было бы никакой полиции.

Никаких следователей.

Никаких наручников.

Никакой тюрьмы.

Никаких обвинений.

Только я и София.

Папа и его маленькая девочка.

Снова вместе.

Я начал терять связь с реальностью. Помню, как посмотрел на пол камеры и увидел Софию. Я не представлял её намеренно, просто видел как она ползла ко мне. На одно короткое мгновение она показалась совершенно реальной.

Я инстинктивно потянулся вниз, чтобы поднять её.

И она исчезла.

Там ничего не было.

Только пол.

Я посмотрел в окно. Начал падать первый снег в этом году. Мои мысли снова были только о Софии. Она была похоронена в Шелеке. Я мог думать только об одном: Как холодно должно быть её крошечному телу под землей? Я не мог перестать думать об этом. Снег падает над ней, холодная земля окружает её. Моя маленькая девочка одна в земле, пока я заперт в этом месте и даже не могу посетить её могилу. Другие заключенные видели, что я разваливаюсь на части. Скрывать это было уже невозможно. В конце концов вызвали тюремного психолога.

Для разговора не было нормального переводчика. Другой заключенный выступил в роли переводчика, пытаясь объяснить ей мои слова. В то утро я получил большой синий пластиковый пакет с едой, одеждой и предметами первой необходимости. Внутри было кое-что гораздо более важное-фотография Софии. Мадина также написала сообщение на внутренней стороне пластикового пакета:

«Я с тобой, hayatim, и я люблю тебя. Будь сильным ради меня!»

Hayatim. Моя жизнь. Я сидел там, держа в руках фотографию Софии. Я не мог перестать плакать.

Я показал её психологу.

«Это моя дочь».

Снова.

«Это моя дочь».

Снова.

«Это моя дочь».

Как будто, если я повторю это достаточное количество раз, кто-то наконец поймет, что со мной случилось.

Не подозреваемый.

Не британский пилот из телевизора.

Не человек из уголовного дела.

А отец скорбящий по дочери.

Психолог достал полоску фиолетовых таблеток. Через другого задержанного, переводившего для нас, я понял, что должен принимать по одной таблетке каждые два часа.

Я понял, что это были успокоительные. А потом я снова оказался в камере. Время перестало идти нормально. Минуты казались часами. Часы сливались друг с другом. И каждый раз, когда открывалась эта металлическая дверь, мое сердце отзывалось. Я ожидал услышать свое имя. Мохамед Баракат.

Они идут за мной.

Они поняли.

Кто-то наконец посмотрел на улики.

Кто-то понял, что всё это одна огромная ошибка.

Потому что они наверняка знают. Они знают, что я никогда бы не причинил вреда Софии. Они знают, как сильно я её любил. Больше, чем свою собственную жизнь.

Поэтому я ждал у двери. Каждый звук в коридоре становился надеждой. Каждый приближающийся шаг мог означать, что кто-то идет сказать мне, что всё кончено. Каждый ключ, поворачивающийся в замке, мог наконец стать моим ключом. И всякий раз, когда шаги проходили мимо моей камеры, надежда снова исчезала.

Затем я ждал следующего звука.

Следующих шагов.

Следующих открывающихся дверей.

Потому что где-то глубоко в моем разбитом сознании одна мысль продолжала повторяться: Они знают, что я невиновен. Они должны знать, что я невиновен. Они скоро придут за мной.

Глава 62: Мог ли я это сделать?

В камере у меня было время подумать. Слишком много времени на раздумья. Повсюду стоял шум. Мужчины говорили на языке, которого я не понимал.

Люди кричали из камеры в камеру. Споры, смех, металлические двери, ключи и голоса, доносящиеся по коридорам. В стенах по обе стороны от нашей камеры были пробиты дыры. Заключенные использовали их, чтобы общаться с соседними камерами и передавать сигареты туда и обратно. Казалось, все вокруг меня могли общаться кроме меня.

И в моей голове один вопрос становился невыносимым. Мог ли я это сделать? У меня случился припадок. Был промежуток времени, которую я не мог вспомнить.

И как бы отчаянно я ни хотел отвергнуть эту возможность, мой разум постоянно возвращался к одной и той же жестокой логике: Если я не помню что произошло, значит, есть вероятность, что это сделал я. Мне нужно было вернуть память. Я постоянно рылся в своих мыслях.

Что было последним, что я помнил?

Что произошло дальше?

Было ли где-то изображение?

Звук?

Движение?

Что-нибудь?

Я снова и снова прокручивал фрагменты, отчаянно пытаясь заставить свой мозг преодолеть этот пробел- ничего. А потом я думал о Мадине, потому что её поведение тоже не имело логичного объяснения. Как она могла сидеть там и говорить мне, что любит меня? Как она могла говорить мне не волноваться? Как она могла сказать мне:

«У нас будет ещё одна София».

Ещё одна София? Тогда я вспомнил те две минуты. Во время одного из допросов следователь Нурлан Болатов по какой-то причине оставил Мадину и меня наедине в комнате. Лишь на мгновение.

Я немедленно повернулся к ней.

«Что случилось?»

Она посмотрела на меня.

«Что случилось, Мадина?»

Её ответ прозвучал на ломаном английском.

«Ты начинаешь бить меня».

У меня отвисла челюсть. Я знал Мадину. Я знал, как она выглядит, когда не говорит мне правду. И что-то в её выражении лица сразу показалось неправильным.

«Но… но я же вижу тебя».

Я посмотрел на её лицо, на её шею и на её руки.

«Я смотрю на тебя сейчас. Где следы? У тебя ничего нет».

Она не могла посмотреть мне в глаза. Что-то было ужасно не так. Затем вопрос, который имел значение.

«Что случилось с Софией, Мадина?»

Она начала заикаться.

«Я не знаю. Я ушла, а когда вернулась, она мертва».

Затем:

«Я боюсь тебя».

Эти слова потрясли меня почти так же сильно, как и всё остальное.

«Боишься меня? С каких пор? С каких пор ты вообще боишься меня, Мадина?»

Посмотри на меня. Это я. Мохамед.

Человек, который заботился о тебе и Софии.

Человек, который безопасно возил тебя по всему миру.

Человек, который стоял рядом с тобой и держал тебя за руку, пока ты рожала нашу дочь.

Мужчина, с которым ты делила дом.

Отец твоего ребенка.

И теперь ты говоришь мне, что боишься меня?

«Просто скажи мне, что ты натворила».

Внезапно дверь распахнулась. Вошёл Нурлан Болатов. Его движения сразу привлекли мое внимание. Он подошел к книгам и, казалось, проверил за ними. Это заставило меня заподозрить, что нас намеренно оставили одних и что была скрытая камера, записывающая нас. Затем Мадина взяла меня за руки. Слезы покатились по её лицу. Она посмотрела на меня.

«Ты всё ещё любишь меня?»

И на мгновение все вокруг меня исчезло. Я смотрел на нее и не видел свидетеля. Я не видел обвинителя. Я ещё не понимал, что она рассказала обо мне следователям.

Я видел мать своего ребенка. Я видел женщину, которая ждала меня, когда я возвращался из полета. Я открывал дверь, и она была там, красиво одетая, держа Софию на руках.

«А вот и папа», — говорила она ей.

И все маленькое тельце Софии оживало. Она не могла сдержать своего восторга. Она прятала лицо в длинных волосах Мадины, словно внезапно застеснявшись. Затем она снова смотрела на меня.

И бросалась вперед своим крошечным телом. Обе маленькие ручки вытянулись так далеко, как только могли. Папа был дома. Сидя в той комнате для допросов, все эти образы сталкивались с тем, что происходило передо мной. И когда я позже снова и снова прокручивал в голове те первые дни, я начал замечать моменты, когда что-то в глазах Мадины, казалось, говорило мне то, чего никогда не выражали её слова.

Я пожертвовала тобой. Тот момент в коридоре, когда она стояла на некотором расстоянии и сложила из обеих рук сердце. но её взгляд оставался прикованным к полу. Моменты, когда я слышал, как она кричала на следователя, по-видимому, умоляя его отпустить меня. Я понятия не имел, что она уже дала против меня показания. Я не представлял себе масштабов обвинений, которые она выдвинула. Поэтому, когда она сидела передо мной, плакала и спрашивала:

«Ты всё ещё любишь меня?»

Я посмотрел ей в глаза.

«Я буду любить тебя до самой смерти».

Я протянул пальцы и вытер слезы с её лица. Нурлан Болатов стоял в углу, выглядя потрясенным. Даже переводчица, казалось, не могла понять, свидетелем чего она стала.

«Я не понимаю, что здесь происходит», — сказала она.

«Что-то не так».

Она была права. Что-то было ужасно не так. Но я всё ещё не знал, что именно. Затем я снова оказался внутри СИ18, снова к шуму, снова к стенам и снова к дырам, соединяющим одну камеру с другой. И вдруг, через одну из них, я услышал знакомый голос.

«Где мои деньги?»

Я рассмеялся, это был Большой Босс. По-видимому, наши отношения выжили.

«Ты звучишь как Джерри Магуайер».

Тишина.

«Кто это такой?»

Затем я выдал ему свою лучшую имитацию из фильма: «ПОКАЖИ МНЕ ДЕНЬГИ!» Он разразился смехом.

«Ты забавный араб».

Прогресс, я больше не был американкашкой. По-видимому, меня повысили в звании. Теперь я был арабом.

Затем его голос стал тише.

«Тебе нужен телефон?»

Теперь он привлек мое внимание. Мне отчаянно нужен был телефон. Мне нужно было услышать голоса моей семьи. Мне нужно было знать, что происходит снаружи. Мне нужно было, чтобы кто-то сказал мне, что, черт возьми, происходит с моей жизнью.

«Да».

«$1,000».

Тысяча долларов, это было нелепо. Но в тот момент я бы заплатил почти что угодно, чтобы поговорить со своей семьей. Однако впервые один из мужчин в моей камере отреагировал. До этого я не осознавал, что он хорошо понимает по-английски. Он начал настойчиво качать головой.

«Нет. Нет. Нет».

Я ответил через стену:

«Дай мне подумать об этом».

Затем я повернулся к человеку в своей камере. Его звали Миша.

«Что?»

Он понизил голос.

«Только полиция продает здесь телефон».

Я уставился на него. Что? Он продолжил:

«Дай мне поговорить с нашим коридорным опером».

Опер был офицером, ответственным за наш коридор. И вот оно снова, ещё один урок. Я думал, что контрабанда проникает в центр содержания под стражей, проходя мимо охраны. Я начал осознавать, что внутри СИ18 некоторые вещи, похоже, работают совершенно иначе.

Мне нужен был телефон, а Большому Боссу требовалась тысяча долларов. И по словам заключенного, сидевшего рядом со мной, человек,

который действительно мог это организовать, не был преступником, скрывающимся от охранников. Это был сам охранник.

Глава 63: Первый звонок

В стену из 58-й камеры внезапно начали сильно стучать. Затем я услышал свое имя.

«Мохамед!»

Снова.

«Мохамед!»

Мужчины в нашей камере немедленно зашевелились. Казалось, все, кроме меня, точно знали, что происходит. Мади подошел к окну. Из-за решетки он достал тонкую нить, вытянутую из старого свитера. Он привязал к концу что-то вроде маленькой конфеты, чтобы придать ей достаточный вес. Затем он просунул руку сквозь прутья и выбросил её в окно.

Раз, два и примерно на третьей попытке голос ответил:

«Дома!»

Дома означала что верёвка с маленькой конфетой достигла цели. Теперь они привязали гораздо более толстую веревку, сплетенную вручную из нескольких отдельных нитей вместе, чтобы она была достаточно прочной, чтобы выдержать небольшой груз. На конце они привязали носок.

«Кури!» — крикнул Мади.

Буквально «кури» относится к курению, но на тюремном жаргоне это означало: Тяни. Носок исчез из виду. Примерно через тридцать секунд голос вернулся.

«Кури!»

Мади начал тянуть. Вернулась веревка, затем носок, а внутри был телефон.

Я не мог поверить, насколько он был маленьким. Старый телефон в стиле Nokia, словно уменьшенный до миниатюрных размеров, достаточно крошечную, чтобы передавать его между камерами. Мади протянул его мне.

«Твоя жена».

Прежде чем я успел как следует приложить телефон к уху, я услышал, как Мадина кричит. Не плачет, а кричит. Это был тот самый глубокий, мрачный крик, который слышишь в фильмах ужасов, когда чей-то разум просто больше не может воспринимать реальность.

«Мадина. Мадина».

В конце концов пробились слова.

«Где ты, хаятим? Ты мне нужен!»

Затем ещё один крик. Жалкий, ужасный вой. Этот звук пронзил меня насквозь. И внезапно вся моя растерянность и гнев взорвались.

«ПОЧЕМУ ТЫ ЭТО СДЕЛАЛА?» —закричал я.

Я потерял контроль.

«ПОЧЕМУ ТЫ ЛГАЛА?»

Тишина. Полная тишина. Затем я услышал, как она пытается говорить.

«Я… я… мне страшно, хаятим. Ты мне нужен. София ушла, а ты в тюрьме. Я одна».

«Где ты?»

Даже спустя столько лет я помню такие разговоры почти слово в слово. Некоторые воспоминания тускнеют. Эти — нет. Эмоциональное напряжение, связанное с теми разговорами, выжгло их в моей памяти. Голос, фраза, пауза — я до сих пор их слышу.

«Я достану тебе телефон, хаятим», — сказала она мне. «Там по соседству есть парень по имени Марк. Он из Шелека. Он поможет». Вокруг меня все отчаянно ждали своей очереди к телефону.

Я видел это по их лицам. У каждого за этими стенами был кто-то снаружи. Мать, жена, дети или брат. Кто-то, кого им отчаянно нужно было услышать. Я не мог держать телефон вечно.

Я сказал Мадине, что мне пора. Я попросил её связаться с моими сестрами насчет денег на телефон. Потому что, несмотря на всё, что начинало меня беспокоить, несмотря на вопросы, возникавшие в моей голове, я всё ещё полностью поддерживал Мадину. Она всё ещё была моей женой. И я всё ещё был очень сильно в неё влюблен.

Это важно понимать. На этом этапе я не сидел в СИ18, думая о Мадине как о своем враге. Я не строил против нее дело. Я отчаянно пытался понять то, что совершенно не имело смысла.

Моя дочь была мертва. Моя жена снаружи кричала, что я ей нужен. А я был внутри следственного изолятора под стражей, пытаясь убедить себя, что как-то, наша семья всё ещё может пережить то, что произошло. Перед тем как мы закончили, Мадина сказала нечто, что осталось со мной:

«Я не могу жить без тебя, хаятим. Вся моя семья поддерживает тебя. Мы вернем тебя домой. Но скажи своим сестрам, что они должны слушать нас».

Затем она повторила этот момент.

«Они нас не слушают».

И наконец:

«Они не знают Казахстан».

Звонок завершился. Я вернул крошечный телефон обратно. Тут же кто-то другой потянулся за ним. Носок был снова подготовлен, веревка задвигалась и странная коммуникационная сеть между камерами продолжала работать, как будто ничего необычного не произошло. Я лег обратно. Но одна фраза продолжала повторяться у меня в голове.

Скажи своим сестрам, что они должны слушать нас. В то время я воспринял эти слова как отчаяние. Мадина и её семья были казахами. Они понимали эту страну. Они понимали полицию. Они понимали систему. Мои сестры — нет. Поэтому, когда Мадина сказала:

«Они не знают Казахстан»

Я поверил, что она имела в виду: Доверьтесь нам. Мы знаем, как вас вытащить. Я понятия не имел, насколько важными в итоге станут эти слова. Потому что, пока я сидел в СИ18, веря, что моя жена и её семья борются за то, чтобы вернуть меня домой, мои сестры снаружи сталкивались с совершенно иной реальностью. Реальностью, в которой решение моей проблемы, по-видимому, требовало денег, и ещё денег, а потом ещё денег. В тот момент, однако, я ничего этого не знал. Все, что я знал, это то, что я только что услышал голос своей жены.

Она по-прежнему называла меня hayatim. Моя жизнь.

Она сказала, что не может жить без меня.

Она сказала, что её семья поддерживает меня.

Она пообещала, что они вернут меня домой.

И в темноте этой камеры мне отчаянно нужно было ей верить.

Глава 64: У всего есть цена

После первых двух недель в заключении меня постоянно возили из одного учреждения в другое — на обследования и экспертизы.

Психиатрические осмотры.

Тесты на наркозависимость.

Экспертные оценки.

Новые допросы.

Каждый перевод начинался примерно одинаково. Нас, большую группу, спускали в подвал и оставляли там ждать, пока не придет время грузиться в то, что я стал называть фургоном для перевозки мяса. К тому времени температура уже была минусовой. А у меня по-прежнему не было почти никакой подходящей одежды. Джинсы, легкие кроссовки и куртка с капюшоном. У меня даже футболки под ней не было. Две недели я спал прямо на металлическом каркасе кровати без матраса и подушки.

Я замерзал.

Я был истощен.

Я был совершенно измотан психологически.

Я начал понимать, что длительное заключение может сделать с человеком. Я пришел к выводу, что такие места созданы, чтобы сломать тебя. Не обязательно через один яркий акт жестокости.

Они могут сломать тебя медленно.

Холод.

Истощение.

Шум.

Неопределенность.

Унижение.

Лишение сна.

Полная потеря контроля над мельчайшими аспектами твоего существования. В камерах были окна, но снаружи, за решетками, стояли

металлические листы, перекрывающие вид. Ты не мог видеть небо. Ты не мог видеть улицу. Ты не мог видеть ничего снаружи. Там были щели для доступа воздуха, и именно эти щели делали возможной гениальную систему связи между камерами с помощью ниток и носков.

Но как окна в мир они были бесполезны. Ты был внутри, а внешний мир исчез. И не было такого понятия, как непрерывный сон.

Режимники — охранники — могли ворваться в камеру в любой час дня или ночи. Дверь распахивалась, и все должны были немедленно встать и стоять, заложив руки за спину. Затем они переворачивали камеру вверх дном. Одеяла, одежда и вещи. Всё, они забирали всё, что хотели, особенно сигареты, и классифицировали вещи как контрабанду. Затем они уходили. Вы снова пытаетесь уснуть.

Через некоторое время двери открывались вновь. Очередной досмотр и очередное беспокойство. Сон стал чем-то, что удавалось ухватить урывками.

Внизу, где мы ждали транспорта, люди, казалось, знали, кто я такой. Многие из них ненавидели меня ещё до того, как заговорили со мной. Новости уже создали образ британского пилота, обвиняемого в убийстве своей дочери. Поэтому всякий раз, когда меня помещали среди больших групп задержанных, я оставался в полной боевой готовности. Я всегда ожидал нападения. Но большинство людей в конечном итоге были поглощены собственными проблемами. Своими делами, своими приговорами, своими семьями и своим страхом.

А люди в заключении замечают всё. Довольно скоро все начали замечать Мадину. Каждый раз, когда меня куда-то уводили на допрос, она каким-то образом знала, куда я иду. И каким-то образом она оказывалась там. Ждала меня с едой в руках. Отчаяние было написано на её лице. У неё были наготове купюры по 10 000 тенге.

Деньги вкладывались в руку охранника, и внезапно ей разрешали подойти ближе. Она обнимала меня, целовала и садилась рядом.

Еда обычно приходила в двух пакетах. Один был для меня. Другой был для охранников. Те, кто мог немного говорить по-английски, иногда переводили вопросы охранников. И их вопросы были показательными.

«Это твоя девушка?»

«Нет».

«Вторая жена?»

«Нет. У меня только одна жена».

Они выглядели озадаченными.

«Ты хочешь сказать, что она мать того ребёнка, который умер?»

«Да. Она мать моей дочери».

Ещё один вопрос.

«Ребёнок был биологически твоим?»

«Да».

«И она биологическая мать?»

«Да».

Затем последовал вопрос, на который они действительно хотели получить ответ:

«Так почему она за тобой бегает?»

Иногда они говорили ещё проще.

«Она не злится?»

И мой ответ всегда был для меня очевиден:

«Потому что я не убивал свою дочь».

Что ещё я мог сказать? Но меня поражало, как обычно заканчивались эти разговоры. Охранники переговаривались между собой. Затем кто-то переводил:

«Скоро ты пойдешь домой. Не волнуйся».

Я слышал это снова и снова.

«Скоро ты пойдешь домой».

Знали ли они что-то, чего не знал я? В то время я отчаянно хотел верить, что они знали. И постепенно мое положение в СИЗО начало меняться. Сначала я наконец получил матрас и подушку. Они были очень грязными. Матрас кишел клопами, и Бог знает, сколько людей спали на нем до меня. Но после двух недель сна прямо на ледяном металле это казалось улучшением до пятизвёздочного отеля. Затем, во время одной из встреч с Мадиной, она спросила:

«Ты получил еду, которую я прислала?»

Я посмотрел на неё.

«Какую еду?»

Она объяснила, что присылала сумки несколько раз в неделю.

«Я получил только одну сумку».

Она пришла в ярость и она начала кричать на охранников. Именно тогда я понял, что сумки с едой и сигаретами, которые, как она думала, доставлялись мне, по-видимому, не доходили. Мои сестры установили пособие, чтобы припасы можно было отправлять регулярно. После той конфронтации всё снова изменилось. Стала поступать еда и стали поступать сигареты целыми сумками. А потом произошло нечто почти абсурдное. Охранники продолжали приходить в нашу камеру день и ночь.

Но все чаще они приходили не просто для того, чтобы обыскать нас, перевернуть комнату вверх дном или иногда ударить кого-то. Теперь некоторые из них приходили с протянутыми руками.

Сигареты.

Еда.

Сладости.

Даже туалетная бумага.

Это может звучать смешно, когда написано на бумаге. Но это было не так. То, что я видел, было серьезным отсутствием достоинства у некоторых из

этих людей. Они были государственными служащими, опустившимися до того, чтобы выпрашивать у заключенных элементарные предметы обихода.

И я начал замечать ещё одно различие. Те, кто, казалось, жили лучше, часто были теми, кто был готов на гораздо большие расходы. Те, кто, по моему опыту, могли устроить вещи, которых официально не должно было существовать внутри этих стен:

Телефоны.

Наркотики.

Особые привилегии.

Улучшенные условия.

Тем приходилось платить за это хорошие деньги. В конце концов меня отвели к оперу, отвечавшему за наш коридор. Я вошёл в его кабинет, он открыл ящик стола и достал смартфон. Вот он, та самая вещь, которая якобы была запрещена в следственном изоляторе, лежала на столе у офицера. Он включил видеосвязь и на экране появилась Мадина. Впервые с момента моего ареста я мог нормально видеть её, разговаривая с ней.

Опер говорил с ней напрямую. Другой заключенный переводил для меня. Его вопрос был на удивление прямолинейным.

«Мохамед здесь под строгим контролем. Вы потерпевшая по этому делу. Вы хотите сказать мне, что вы хотите, чтобы у него был телефон?»

Мадина не колебалась.

«Да. Да».

Она начала умолять его. Затем она сказала то, что я запомнил:

«Мохамед невиновен, это ошибка. Пожалуйста, помогите ему».

Подумайте, насколько странной была эта ситуация. Власти классифицировали эту женщину как потерпевшую. Она уже дала показания против меня, о которых, на тот момент я не знал в полной мере. И все же она здесь, по видео звонку, говорит одному из офицеров, отвечающих за мой контроль:

Мохамед невиновен.

Это ошибка.

Пожалуйста, помогите ему.

Звонок закончился, опер положил смартфон на стол. Затем через нашего заключенного-переводчика он объяснил условия. Три тысячи долларов. За 3000 долларов меня переведут в лучшие условия и никаких обысков. И в камере будут два смартфона, общие для всех заключенных, живущих там. Я не торговался, я не спорил и я не спрашивал, законно ли это.

Две недели я мерз, спал на металле, был изолирован от семьи и отчаянно пытался понять, что со мной происходит. Теперь кто-то предлагал мне способ поговорить с людьми, которых я люблю, и избежать некоторых условий, в которых я жил. Я немедленно согласился и в тот момент я начинал понимать ещё одно правило содержания под стражей в Казахстане. За этими стенами

условия заключенного якобы определялись законом. Но внутри них я обнаружил нечто совсем иное.

У комфорта была цена.

У общения была цена.

У защиты была своя цена.

И если у вас были деньги, всегда находился кто-то, готовый продать вам то, что вам было официально запрещено иметь.

Глава 65: Конвертер валют

Время шло чрезвычайно медленно. Существует особый вид одиночества, который возникает, когда сидишь в камере в чужой стране, где ты не говоришь на языке и не понимаешь культуру. Все вокруг тебя разговаривают, все понимают правила, все, кажется, знают, как все устроено, кроме тебя. И у меня было слишком много времени на раздумья.

По мере того как проходили дни, я начал чувствовать, что ситуация становится всё более запутанной. Что-то в Мадине было не так. Я все больше убеждался, что она что-то скрывает. И ещё одна мысль начала меня беспокоить.

Что, если само расследование уже зашло слишком далеко?

Что, если уже было принято слишком много решений?

Слишком много заявлений написано.

Слишком много обвинений уже было озвучено.

Слишком много людей уже связали себя с одной версией событий.

Особенно следователь Нурлан Болатов. Я начинаю замечать что ситуация меняется, теперь я не просто виновный иностранец. Я стал объектом глядя на которого у них возникает лишь одна мысль- давайте посмотрим, сколько денег мы сможем выжать из него в обмен на смягчение приговора. Я начал опасаться чего-то гораздо худшего: Если этот иностранец выйдет на свободу, то людям придется объяснять, что здесь произошло. И примерно в это время я начал все чаще слышать странное выражение.

«Ваше дело политическое».

Политическое? Что, черт возьми, это значит?

Я был пилотом авиакомпании.

Я не был политиком.

Я не был активистом.

Я не приехал в Казахстан, чтобы бросать вызов кому-либо.

До моего ареста я не мог сказать вам ничего значимого о внутренней политике Казахстана. Я даже не слышал о Назарбаеве. В конце концов, я спросил своего предполагаемого адвоката, Хизбуллама:

«Почему мое дело политическое?»

Его объяснение удивило меня. Он сказал мне, что Британия выдала какие то санкции на необъяснимые богатстваа, связанные с Назарбаевым и его

семьей и их активами в Соединенном Королевстве. Я абсолютно ничего не знал об этом.

Ничего о необъяснимых богатствах.

Ничего о имущественных интересах семьи Назарбаева в Британии.

Ничего о политических отношениях, окружающих их.

Ничего о Тони Блэре или людях, связанных с ним, и их предыдущих делах с Казахстаном.

Всё это пришло позже. В тот момент мой ответ был очень простым:

«Какое отношение всё это имеет ко мне?»

Ответ Хизбуллама беспокоил меня гораздо больше, чем само объяснение. Насколько я помню, он сказал что-то вроде:

«Если они посадят тебя в тюрьму, это будет великой победой для Казахстана. Ты британец и возможно, твоё правительство вернёт деньги».

Я сделал, пожалуй, самый глубокий вдох в своей жизни. Я уставился на него.

«Вы, люди, сумасшедшие».

Они действительно воображали, что правительства работают так? Что Британия каким-то образом обменяет спорные активы, связанные с семьей бывшего президента на пилота авиакомпании, сидящего в казахстанской тюрьме?

«Вы серьезно верите, что британское правительство совершает такие сделки?»

Я не мог понять такой менталитет. Но беспокоило меня не просто то, что Хизбуллам это сказал. Люди постоянно говорили мне, что у Хизбуллама хорошие связи. Что он знает нужных людей. Что он может получать информацию из кругов гораздо выше тех, что я видел вокруг себя. Представляло ли то, что он мне говорил, что-то большее, чем его собственные домыслы, я никак не мог знать. Но сидя в камере, не имея возможности что-либо расследовать самостоятельно, все чаще слыша, что «ваше дело политическое», я пугался. Потому что если мое дело действительно стало чем-то большим, чем смерть моей дочери, то какой шанс оставался у доказательств? К тому времени я также начал узнавать больше о том, что Мадина подписала в своих показаниях.

Не все, ещё нет, только проблески. Маленькие кусочки информации, лишь фрагменты предательства. Я всё ещё не перевел 3000 долларов за улучшенные условия, поэтому мой доступ к внешнему миру оставался тем крошечным Nokia, передаваемым между камерами. Каждые несколько дней мне удавалось получить несколько драгоценных минут. И некоторые из этих разговоров с Мадиной становились все более откровенными. Во время одного из них я вызвал её на разговор.

«Послушай, Мадина. Все видят, что ты лжешь. Если я тебя бил, почему у тебя не было никаких следов на тебе?» продолжил я.

«Почему ты сразу выбросила одежду, которая была на тебе?»

И тут кое-что произошло. Впервые я услышал от Мадины то, что прозвучало для меня как угроза. Она сказала:

«Послушай, Мохамед. Если бы я тебя не любила, я могла бы просто сказать, что видела, как ты убил Софию, и тебя бы немедленно бросили в тюрьму на пятнадцать лет».

Я замолчал. Бывают фразы, которые меняют отношения и это была одна из них. Впервые Мадина активировала то, что я позже стал называть конвертером валют внутри меня. Любовь имеет цену, особенно когда любишь кого-то без ума. А я любил Мадину очень сильно. Но когда тот, кого ты любишь, начинает причинять тебе боль, происходит нечто странное. Любовь не обязательно исчезает в один момент.

Она конвертируется медленно, мучительно и по кусочкам.

Каждая ложь конвертирует понемногу.

Каждое предательство конвертирует ещё немного.

Каждая угроза берет то, что когда-то казалось теплым, и превращает это в холод.

Любовь становится замешательством. Замешательство становится гневом. Гнев начинает перерастать в ненависть. Обменный курс меняется с каждой новой раной.

И услышав эти слова, я спросил её:

«Это действительно ты?»

Я не мог соотнести голос в той крошечной телефонной трубке с женщиной, которую, как мне казалось, я знал.

«Это Мадина?»

Затем она сказала мне нечто ещё более тревожное. По словам Мадины, Хизбуллам — мой адвокат — уже подготовил её именно к такой ситуации. Она сказала мне, что он говорил, будто если Мохамед начнет говорить что-либо против нее, они могут просто написать, что она была свидетельницей того, как я убил Софию. И, по её словам, Нурлан хотел именно этого.

«Дело будет завершено».

Я слушал в полном недоумении. Мой адвокат? Человек, который якобы защищал меня? По словам моей жены, он обсуждал с ней, как предоставить единственное обвинение, которое могло бы завершить дело против меня?

Затем Мадина сменила тон. Она сказала:

«Но я сказала Хизбулламу, что люблю тебя и нуждаюсь в тебе».

Было что-то в том, как она это сказала, что встревожило меня. Почти так, будто я должен был восхищаться ею за это. Как будто она говорила: Посмотри, что я могла бы с тобой сделать. Посмотри, что они мне предложили. Но посмотри, какая я хорошая жена, я этого не сделала. Я сидел там, держа в руках этот миниатюрный телефон, и слушал, как женщина, которую я всё ещё любил, объясняла, что она обладает силой сказать несколько слов, которые могут разрушить остаток моей жизни. И где-то

внутри меня, впервые, что-то начало меняться. Недостаточно, чтобы перестать любить её.

Ещё нет, но трансформация началась.

Глава 66: Баракаты

Семья Баракат — очень дружная семья. Из-за того, как мы росли в Британии — мои родители и нас четверо детей — связь и любовь между нами стали одними из самых сильных чувств, которые я когда-либо испытывал в жизни. Мы выросли вместе в Южном Лондоне. Маленькая семья.

Каждый новый человек, входивший в нашу жизнь, становился продолжением той изначальной маленькой семьи. И такой была София. София была не просто моей дочерью. Она была нашей дочерью.

Мои родители потеряли свою внучку. Мои сестры потеряли свою племянницу. И пока каждый из них пытался справиться с огромной эмоциональной болью от потери Софии, они одновременно наблюдали, как их сын и брат исчезает в правовой системе за тысячи миль от дома. Силу и мужество, которые проявила моя семья в тот период, я никогда не забуду. Они несли мои эмоции, когда я сам уже был не в состоянии их нести. Они летали туда и обратно в Алматы, все больше опасаясь за собственную безопасность. Потому что эти люди пугали их.

Полиция Алматы.

Мой предполагаемый адвокат, Хизбуллам.

Мадина и члены её семьи.

Не заблуждайтесь: моя семья стала считать некоторых людей, связанных с этим делом, опасными. И им не потребовалось много времени, чтобы понять, с чем они имеют дело. Когда одна из моих сестер впервые прилетела в Алматы, она обнаружила, что Мадина забрала мой паспорт из отеля. Мадине нужен был этот паспорт, потому что она собиралась поехать в Гонконг, где хранились наши сбережения. В то же время полиция искала мой паспорт. Мадина передала его моей сестре, чтобы та могла предоставить его властям.

Моя сестра именно так и сделала. Следователь Нурлан Болатов затем начал обвинять мою сестру в краже паспорта и пригрозил завести на нее дело. Подумайте об этом на мгновение. Моя сестра прилетела в Казахстан международным рейсом в то самое утро. Она никогда не была на месте преступления. Ей передали мой паспорт, и она добровольно отдавала его полиции. А теперь следователь угрожал обвинить её в его краже. Моя сестра связалась с посольством Великобритании в Астане.

Посольство вмешалось. Был поднят очевидный вопрос: как женщина, которая только что прибыла в Казахстан в то утро, могла украсть паспорт с места преступления, на которое она никогда не заходила? В записях британского посольства есть документальный след, касающийся его вмешательства. Вот с какими людьми нам приходилось иметь дело. Тем

временем с моими деньгами происходило нечто гораздо более серьезное. У Мадины был доступ к моим банковским картам. Эти карты находились у следователя Нурлана Болатова и были переданы ей. Она ездила от банкомата к банкомату, снимая все деньги, к которым могла получить доступ. Это не то, что я восстановил годы спустя по слухам внутри тюрьмы. Имеются доказательства всех этих действий. В конце концов, муж двоюродной сестры Мадины, Ильяс, увидел достаточно. Он конфиденциально связался с моими сестрами через WhatsApp и рассказал им, что происходит. Когда он забрал мои банковские карты, он сфотографировал их и отправил фотографии моим сестрам. Эти сообщения и фотографии существуют до сих пор. Мои сестры немедленно начали звонить в мои банки, чтобы отменить все транзакции, заблокировать карты и прекратить доступ. Все, что осталось от моих денег, нужно было защитить. И пока всё это происходило снаружи, я почти ничего об этом не знал. Я был полностью изолирован.

Моим сестрам даже не разрешали навещать меня. В конце концов адвокаты предложили им стать моими общественными защитниками. Это наконец дало им законный способ увидеть меня. Они отправились в следственный изолятор. Они часами ждали, пытаясь попасть внутрь. Насколько я понимал закон, мне полагалось два часа с моими адвокатами и общественными защитниками. Что мы получили на самом деле?

Около пяти минут в переполненном коридоре.

После смерти Софии.

После моего ареста.

После избиений.

После изоляции.

После всего, что моя семья обнаружила снаружи.

Мы наконец стояли лицом к лицу, отчаянно пытаясь сжать информацию, которая могла определить остаток моей жизни, в несколько лихорадочных минут. Мои сестры не теряли времени.

«Не доверяй никому, Мохамед».

Затем:

«Эти люди хотят тебя подставить».

А потом произошло то, к чему я всё ещё не был готов эмоционально.

«Мадина не тот человек, на котором ты, как думал, женился».

Они рассказали мне то, чему были свидетелями. Мадина постоянно была рядом с моим адвокатом и следователем. Мои сестры видели это сами. Позже переводчики подтвердили то, что они видели.

По кусочкам информация, доходившая до меня снаружи, начала противоречить тому, что Мадина сама говорила мне во время тех тайных телефонных звонков. И некоторые из тех телефонных разговоров были не просто воспоминаниями. Сохранились записи этих разговоров. Включая разговор, в котором Мадина сказала мне, что если бы она меня не любила, она могла бы просто сказать, что видела, как я убил Софию, и меня бы отправили

в тюрьму. Женщина, официально представленная как жертва, одновременно говорила своему заключенному мужу, что она может сказать, чтобы завершить дело против него.

И я слышал это из её собственных уст. Затем мои сестры объяснили ситуацию, с которой они столкнулись снаружи. По-видимому, было два выбора. Первый — деньги.

«Мохамед, они говорят нам, что нужно продать все, что у нас есть, чтобы заплатить за твое освобождение».

Мой ответ был мгновенным.

«Нет».

Обсуждать было нечего.

«Мы им ничего не дадим».

Продать всё? Наши дома? Наши сбережения? Всё, на что мои родители и сестры потратили свои жизни? И отдать это людям, которые ведут расследование смерти моей дочери?

«Они хотят кровавые деньги за смерть Софии. Неужели София для них только это?»

От этой мысли меня физически затошнило. Моя дочь была мертва. Моя прекрасная маленькая девочка лежала в земле. А теперь обсуждались деньги, будто её смерть создала какой-то рынок.

Нет, категорически нет. Если это такая игра, я отказываюсь в ней участвовать. Мои сестры объяснили альтернативу.

«Тогда есть только один другой путь».

Выстроить лучшую защиту, какую только возможно. Это я понимал. Мы — Баракаты. Мы всю жизнь боролись и мы ни перед кем не прогибаемся. Если они хотели юридической битвы, значит, мы будем сражаться с ними через закон. Чего я тогда не понимал, так это того, насколько дорого обойдется это решение. Я понятия не имел, сколько стоят серьезные адвокаты. Особенно международные адвокаты.

Адвокаты по правам человека.

Эксперты.

Специалисты.

Юридические заключения.

Консультации.

Отчеты.

Обзоры.

Каждый новый этап требовал привлечения ещё одного эксперта. Ещё одного юриста, ещё одного заключения, ещё одного документа, ещё одного счета. И тогда начало происходить нечто почти болезненно ироничное. Все те сбережения, которые люди, окружавшие мое дело, якобы хотели забрать у моей семьи, начали исчезать в любом случае. Но мы не отдавали им деньги. Мы отдавали их юристам. И постепенно огромные суммы наших семейных сбережений начали превращаться в нечто иное.

Маленькие листы бумаги формата А4. Юридические заключения, прекрасно написанные, тщательно проработанные, подписанные и заверенные печатями. Наполненные законами, международными конвенциями и судебной практикой. Судебно-медицинские стандарты и принципы прав человека. Каждый новый лист бумаги должен был иметь огромный вес.

Каждый из них должен был помочь нам на следующем этапе. Это поможет при апелляции. Это поможет в работе с прокуратурой. Это поможет в Верховном суде.

Это международное мнение чрезвычайно важно. И мы верили в это. Потому что, что ещё нам оставалось делать? Нам представили то, что казалось нам двумя совершенно разными путями. Один предполагал исчезновение денег в чужих карманах. Другой включал адвокатов, доказательства и закон.

Мы выбрали закон. Спустя годы я оглядывался на огромные суммы, которые потратила моя семья, и думал обо всех тех безупречных листах формата А4.

Страницах, объясняющих надлежащую правовую процедуру.

Страницах, объясняющих мое право на справедливое судебное разбирательство.

Страницах, объясняющих судебно-медицинские стандарты.

Страницах, объясняющих международные обязательства в области прав человека.

Страницах, объясняющих, что должны были сделать следователи.

Страницах, объясняющих, что должны были сделать прокуроры.

Страницах, объясняющих, что судьи были обязаны учитывать по закону.

Они выглядели внушительно. Они звучали внушительно. И в функционирующей системе правосудия, возможно, они имели бы огромный вес. Но нам предстояло узнать, как мало может весить прекрасно написанное юридическое заключение, когда оно оказывается на столе у того, кто уже решил не слушать. Моя семья отказалась продавать всё, что у нас было, чтобы купить мою свободу. Вместо этого, в последующие годы мы потратили целое состояние, пытаясь доказать мою невиновность. Между этими двумя вещами есть важная разница.

Одно покупает результат, а другое возлагает надежды на правосудие. Мы выбрали закон, а не коррупцию. И на тот момент в моей истории, несмотря на всё, что я уже видел, я всё ещё верил в то, что сейчас кажется почти болезненно наивным. Я верил, что если мы соберем достаточно доказательств, если мы найдем достаточно хороших адвокатов, если мы напишем достаточно сильные юридические аргументы и если мы сможем как-то донести правду до нужного человека, то в конце концов у системы не будет иного выбора, кроме как прислушаться.

Мы выбрали закон. Я всё ещё верил, что в конце концов закон выберет нас в ответ.

Глава 67: Первый, кто заговорит, идёт домой

Взросление в Британии и просмотр слишком большого количества британских и американских криминальных передач дают вам определенные представления о том, что вы должны делать, когда вас арестовывают. Я обожал эти передачи.

«Злоключения за границей» были одними из моих любимых.

Урок казался очевидным. Держи рот на замке. Узнай, в чем тебя на самом деле обвиняют. Найми адвоката, тока потом говори. Когда меня впервые допрашивали в Казахстане, в течение короткого времени мне казалось, что и Мадину, и меня рассматривают как подозреваемых. И моим немедленным инстинктом было защитить свою жену. Что бы ни случилось, она была матерью Софии. Она была моей женой. Она была женщиной, которую я любил.

Поэтому мое мышление было простым: Не начинайте винить друг друга. Не говорите вещей, которых вы не понимаете. Подождите, пока мы узнаем, что происходит.

Получите надлежащее юридическое представительство, затем разберитесь с этим вместе. Я собирался обнаружить, что культура, с которой я столкнулся внутри казахстанской системы уголовного правосудия, устроена совсем не так, как я себе представлял. В заключении я постепенно пришел к пониманию простого правила: Кто заговорит первым, тот отправится домой. По крайней мере, так мне объясняли заключенные. Люди говорили постоянно, они пели как канарейки. Информация текла к полиции день и ночь. Казалось, каждый знал что-то о каждом, и каждый был готов обменять эту информацию, когда ему это было выгодно. Держать язык за зубами не считалось чем-то таким, как я понимал это, взрослея в Британии.

Люди сообщали друг на друга.

Люди договаривались.

Люди пытались стать полезными.

И информация, которую они предоставляли, не обязательно была благородным поиском истины. Судя по тому, что я видел, она часто формировалась вокруг интересов того, кто её давал. Что со мной будет, если я расскажу вам это? Что вы можете сделать для меня? Что мне нужно сказать, чтобы переключить внимание на кого-то другого? Я начал понимать, что информация сама по себе была валютой. А потом появился Хизбуллам. Я ярко помню тот первый момент, когда увидел его. Он вошёл вместе с моими сестрами.

Вы когда-нибудь встречали кого-то и сразу чувствовали, что что-то не так? Ещё до того, как они по-настоящему заговорили. Ещё до того, как вы узнали о них хоть что-то. Просто инстинкт. Я посмотрел на свою сестру.

«Я не хочу его».

Она выглядела удивленной.

«Мохамед, никто больше не хотел браться за твое дело».

Я снова посмотрел на него.

«Он дьявол».

Я не мог этого объяснить. Что-то в нем сразу меня встревожило. Позже я узнал, что история о том, что никто больше не хочет браться за мое дело, была тем, чем Мадина и её семья кормили моих сестер. В тот момент, однако, моя семья была в отчаянии.

Их внучка и племянница была мертва.

Их сын и брат был заключён в тюрьму в чужой стране.

Они не говорили на этом языке.

Они не понимали систему.

И они пытались найти хоть кого-то, кто мог бы помочь.

Если вы хотите получить представление о том, каким Хизбуллам предстал передо мной, вспомните беспринципный мир адвокатов, показанный в сериале «Лучше звоните Солу». Только это было не телевидение, а это была моя жизнь. Хизбуллам казался неспособным решить, какова на самом деле его роль.

Он защищал меня? Он помогал Мадине? Он всё ещё вел себя как полицейский, участвующий в расследовании? Иногда казалось, что он пытается делать все три вещи одновременно. И я все больше убеждался, что его реальная полезность в этой системе заключалась вовсе не в юридических аргументах, а в его связях. И в том, чтобы знать, кому с кем нужно поговорить. Зная, кто мог что-то организовать. Зная, как деньги могли перемещаться между людьми, которые были арестованы, и людьми в форме, притворяющимися, что все вокруг них олицетворяет правосудие. Я пытался понять всё это, скорбя о смерти своей единственной дочери.

Софии был один год.

Я был в чужой стране.

Меня сильно избили.

Я не понимал языка.

Я не понимал культуру.

Я не знал, кому доверять.

И постепенно я обнаруживал, что не могу понять даже поведение собственной жены. Я был в глубоком шоке. И я начал параноидально относиться ко всем вокруг. Когда я пришел в сознание после избиения, с моей левой рукой было что-то не так. Я не мог нормально чувствовать пальцы. Особенно плохо было с мизинцем и безымянным пальцем. Они подгибались внутрь. Я не мог их нормально выпрямить. Я смотрел на свою руку и пытался заставить пальцы двигаться- ничего.

Мое тело больше не казалось мне моим. Моя жизнь больше не казалась мне моей. Никто вокруг, казалось, не вел себя нормально. Ни полиция, ни мой

адвокат, ни даже мать моей дочери. А в казахстанских следственных изоляторах нет зеркал. Поэтому какое-то время я себя не видел. А потом, наконец, увидел.

Я посмотрел в зеркало. И я знаю, что люди постоянно используют это выражение в переносном смысле: я себя не узнал. Но я имею в виду это буквально. На мгновение я не мог понять, на кого смотрю. До того как София умерла, у меня было несколько седых волос. Теперь, когда я посмотрел на себя, мои волосы казались почти полностью седыми. Мое лицо изменило цвет и у него была эта странная желтоватая, почерневшая тусклость. Я выглядел как старая черно-белая фотография самого себя, которую где-то оставили на десятилетия и которая медленно пожелтела от времени. Я уставился на человека в зеркале.

Это был не капитан Мохамед Баракат.

Это был не пилот авиакомпании.

Это был не инструктор.

Это был не тот человек, который путешествовал по миру и решал проблемы всех вокруг.

Человек, смотревший на меня в ответ, был сломлен.

Ему нужна была помощь.

Ему нужно было, чтобы кто-то обнял его.

Ему нужна была его мать.

Он был скорбящим отцом, потерявшим свою маленькую девочку. И он был совершенно один. Человек, которому, как он думал, он должен был доверять больше всех остальных, медленно разрушал все, что оставалось внутри него. То, как я воспринимал действия Мадины и людей, которых она привлекла к этой трагедии, казались совершенно безжалостными. Они напоминали мне стервятников. Кружащих, ждущих и наблюдающих, как раненое животное слабеет. А затем нападающих, когда оно уже не могло защитить себя. Были моменты, когда я просто не хотел продолжать. Софии больше не было.

Все, что я понимал о своей жизни, исчезло вместе с ней. Но потом моя семья сказала мне три слова. Три невероятно простых слова.

«Мы нуждаемся в тебе».

Моя мама нуждалась во мне. Мой отец нуждался во мне. Мои сестры нуждались во мне. Они уже потеряли Софию. Если бы я сдался, что бы это сделало с ними? Сколько ещё боли я мог причинить людям, которые метались туда и обратно через континенты, пытаясь спасти меня, справляясь при этом со своим собственным горем? Поэтому, когда я не мог найти причину продолжать жить ради себя, я продолжал ради них. Не потому, что я внезапно стал бесстрашным. Не потому, что я внезапно стал сильным. По одной очень простой причине.

Я не хотел, чтобы моя семья пережила ещё одну потерю. И, как ни странно, сидя в той камере, мой разум в конце концов вернулся в мое детство.

Когда я рос, я был единственным мальчиком среди своих братьев и сестер. У меня была собственная спальня и я спал один.

В детстве я страдал от кошмаров. Иногда я лежал без сна, боясь уснуть, потому что знал, что монстры ждут меня. В конце концов, будучи маленьким мальчиком, я придумал свое собственное решение. Перед сном я закрывал глаза и намеренно представлял себе монстров. Но в этот раз я контролировал происходящее. Я представлял, как сражаюсь с ними. Я представлял, как побеждаю каждого из них. Прежде чем кошмар мог начаться, я уже побеждал. Это звучит как такая мелочь, детская уловка, но это работало. Как только я побеждал монстров в своем воображении, страх отступал. Мое тело расслаблялось. И в конце концов я мог погрузиться в сон.

Десятилетия спустя, в ледяной камере в Казахстане, тот маленький мальчик вернулся. Только монстры теперь были другими и у них были имена. Годы спустя, когда я смотрел «Игру престолов», было что-то в Арье Старк, что немедленно отозвалось во мне. Так много людей разрушили жизнь этой маленькой девочки.

Они забрали людей, которых она любила. Они забрали её дом. У нее отняли детство. И каждую ночь она повторяла имена тех, кого считала виновными.

Список. Она пока не могла до них добраться. Она пока не могла их победить. Но она могла их помнить.

Сидя в той камере, я стал своей версией маленькой Арьи Старк. Я начал запоминать имена. Не потому, что я мог что-то сделать им из этой камеры. Я не мог.

У меня не было власти.

Никакой свободы.

Ни собственного телефона.

Я едва мог общаться.

Но была одна вещь, которую никто не мог у меня отнять- моя память. Поэтому я запоминал.

Кто что сказал.

Кто мне угрожал.

Кто лгал.

Кто присутствовал.

Кто брал деньги.

Кто что-то написал.

Кто что-то подписал.

Кто отвернулся.

Кто помог.

Кто отказался помочь.

Я запоминал имена, я запоминал лица и я запоминал разговоры. И много лет спустя я продолжал делать именно это. Это стало моей взрослой версией победы над монстрами перед сном. Только теперь я не представлял, как

причиняю кому-то боль. Я представлял, как выживаю достаточно долго, чтобы рассказать историю.

Достаточно долго, чтобы поставить каждое имя рядом с каждым поступком.

Достаточно долго, чтобы собрать доказательства.

Достаточно долго, чтобы кто-то за пределами этих стен наконец услышал.

В детстве я побеждал воображаемых монстров, чтобы уснуть. В Казахстане я начал делать нечто подобное, чтобы выжить. И всякий раз, когда я чувствовал, что соскальзываю обратно в то место, где мне уже было все равно, живу я или умираю, я возвращался к этим трем словам:

Ты нам нужен. И я остался. Я помнил. И я выжил.

Глава 68: Действие, угроза, действие

После многих лет в системе уголовного правосудия и тюрьмах Казахстана я пришел к выводу: я никогда не встречал того, кого мог бы назвать честным полицейским, ни одного. Я никогда не встречал такого, кто в той или иной форме в итоге не протянул бы руку за взяткой. Разница была лишь в том, как они это делали. Некоторые просили вежливо. Если вы отказывались, они принимали это и не обязательно становились мстительными. Другие намеренно создавали ситуации, призванные заставить вас договариваться. А ещё были те, кто казался совершенно неуправляемым.

Они избивали людей.

Они унижали их.

Они требовали своего.

Они неустанно преследовали определенных заключенных и, судя по тому, что я видел, наносили огромный психологический ущерб. Базовые человеческие потребности становились инструментами контроля.

Душ.

Чистая одежда.

Мыло.

Зубная паста.

Прогулка.

Еда.

Вещи, о которых большинство людей даже не задумывается, могли стать привилегиями, которые можно дать, отнять, украсть или обменять. Однажды моя сестра приехала в Алматы, решив сделать одну очень простую вещь. Она хотела, чтобы я снова почувствовал себя человеком. Она знала, в каких условиях я жил в С18.

Поэтому она пошла по магазинам. Она потратила сотни долларов на вещи, которые, как она знала, мне нравились. Еда, дезодорант, шампунь, гель для душа, туалетные принадлежности, маленькие роликовые духи, разрешенные внутри, те, что мы называли мускусными и сигареты из дьюти-

фри. Ничего необычного, просто привычные вещи из нормальной жизни. Вещи, которые пахли как тот человек, которым я был раньше.

Она хотела, чтобы её брат открыл эту посылку в этом грязном следственном изоляторе и, пусть даже на несколько минут, снова почувствовал себя Мохамедом. Посылка так и не пришла. Несколько дней спустя маленькая женщина в административной форме появилась возле нашей камеры. Она несла самую печальную замену посылке, которую только можно представить. Три апельсина, два банана и пять пачек дешевых сигарет под названием Stateline. Она извинилась. Насколько я мог понять, она объяснила, что женщины, работающие в женском отделении, украли мою посылку. Большая часть того, что моя сестра заботливо купила для меня, просто исчезла.

Обычно я мог бы прийти в ярость. Но в тот конкретный момент я был в таком мрачном психологическом состоянии, что едва мог осознать, что она мне говорила. Всего лишь днем ранее произошло кое-что ещё. Охранники вошли в камеру. Они скрутили меня, затем вошла медсестра. Меня прижали к полу, пока она насильно вводила мне вещество, которое я не знал. Никто не объяснил мне, что это было. Вскоре после этого меня отвели на внутреннюю психиатрическую экспертизу.

Я вошёл на эту экспертизу сонным. Моя речь была невнятной. И, как ни странно, я был чрезвычайно разговорчив. Что они мне вкололи? Успокоительное? Что-то ещё? В то время, в моем все более параноидальном состоянии, я даже задавался вопросом: сыворотка правды?

Я до сих пор не знаю. Что я знаю точно, так это то, что меня физически удерживали, насильно вкололи что-то, что я не мог опознать, а затем представили на психиатрическую экспертизу, будучи явно под воздействием этого. На этом фоне украденная посылка с едой казалась совсем незначительной. На той неделе у меня был видеозвонок с британским посольством. Я пожаловался, что посылка, которую прислала моя сестра, не дошла до меня. Посольство часто задавало мне вопрос в духе:

«Мохамед, вы хотите, чтобы мы официально подняли этот вопрос перед властями, или вы предпочли бы, чтобы мы просто поговорили с ними по-тихому?»

Это различие имело для меня огромное значение. Потому что к тому времени я уже уловил ритм.

Действие, а затем угроза. Пожалуешься, и станет только хуже. Затем другое действие.

Меня уже били и запугивали не раз. Я чувствовал, что охранники постоянно создают вокруг меня разные ситуации. И над всем этим висело одно и то же послание: Если пожалуешься, может стать намного хуже. Поэтому я сказал посольству:

«Не могли бы вы просто поговорить с ними? Просто попросите их перестать всё воровать».

Я думал, что выбираю более безопасный вариант.

Тихое слово.

Никакой конфронтации.

Никаких серьезных жалоб.

Просто скажите им, чтобы они оставили мои вещи в покое. Это была большая ошибка. Снаружи нашей камеры находился электрический выключатель освещения. Двое охранников особенно сильно нас невзлюбили. Они также, по-видимому, получали огромное удовольствие, пугая и причиняя боль заключенным. Они обнаружили кое-что в проводке снаружи нашей камеры. Там был оголенный электрический провод. Если он касался металлической дверной рамы, то она оказывалась под напряжением.

Охранники громко звали:

«Мохамед!»

И я, конечно, бросался к двери. Каждый раз, когда я слышал, как меня зовут, я думал, что, возможно, пришел мой адвокат, или мои сестры. Может быть, кто-то пришел навестить меня. Поэтому я бежал к двери камеры и прислонялся к раме. И тут разряд электричества. В первый раз мне удалось отстраниться. Затем это повторилось снова.

Снова мне удалось отпустить. Они смеялись, для них, по-видимому, наблюдать, как иностранный заключенный подпрыгивает от удара током, было развлечением. Затем настал третий раз.

Они назвали мое имя снова. Я подошел к двери и коснулся рамы, но в этот раз я не смог отпустить. Мое тело сковало, в те секунды я не мог оторваться от металла. В конце концов они убрали провод. Я рухнул на пол.

Я помню, как держался за грудь. Держался за область вокруг сердца. В этот раз никто не смеялся. Двое охранников запаниковали, а потом они исчезли. По сей день я иногда чувствую дискомфорт именно в том месте в груди. Я не знаю, какой физический ущерб, если он вообще был, нанес тот удар током. Я знаю только то, что я чувствую. Как будто где-то около моего сердца остался шрам.

Но в тот день было повреждено и кое-что ещё. Мое желание жаловаться. Потому что в моем сознании связь теперь была полной. С тобой что-то случается, ты жалуешься. Кто-то снаружи задает им вопросы касательно твоих жалоб и с тобой сразу же случается что-то похуже. Было ли каждое действие формально связано или нет, стало почти неважно. Потому что психологически урок был уже усвоен.

Держи рот на замке. Те же британские инстинкты, которые после моего ареста велели мне молчать, пока я не пойму, что происходит, теперь приобрели совершенно иной смысл. Речь больше не шла о защите моих законных прав. Речь шла о моей физической безопасности. Британское посольство было одной из немногих моих связей с внешним миром. Это были люди, которым я отчаянно хотел доверять. Но их не было со мной в камере после того, как звонок заканчивался. Там был я один. Они не стояли у той

металлической двери, когда называли мое имя. Там был я один. Их не было там в два часа ночи, когда охранники решали войти. Там был я один.

И поэтому, в течение очень, очень долгого времени после этого, я стал чрезвычайно осторожен в том, что сообщал в Посольство. Не потому, что нечего было сообщать. Совсем наоборот. Слишком много было того, о чем стоило сообщить. Я боялся того, что может случиться после того, как я сообщу об этом. И этот страх сработал. Долгое время он заставлял меня молчать.

Пока однажды, гораздо позже, у меня не осталось иного выбора, кроме как заговорить.

Глава 69: Ангел без ног

Дни и ночи в камере казались бесконечными. Время не шло, оно словно застыло. Делать было совершенно нечего — только сидеть и тревожиться о том, что происходит во внешнем мире. Со временем я пришёл к выводу, что именно так СИ18 и ломал людей. Нас почти постоянно держали запертыми в переполненных камерах.

Никаких занятий.

Никакой личной жизни.

Никакого контроля над собственной жизнью.

Нечем занять мысли, кроме своего дела, своей семьи и очередного кошмара, который, возможно, ждал тебя впереди. Предполагалось, что нам положена прогулка раз в день. Я фиксировал периоды продолжительностью до семи недель, когда меня вообще не выводили на прогулку. И, пожалуй, стоит объяснить, что на самом деле означало слово «прогулка» в СИ18.

Дверь открывалась, десять человек выстраивались в ряд. Нас вели наверх, к четвёртому этажу, на уровень крыши. Открывалась ещё одна металлическая дверь и мы входили в другую камеру. Примерно четыре на четыре метра, абсолютно пустую. Это и была наша прогулка.

Минут десять мы ходили кругами по этой маленькой бетонной коробке. Круг за кругом, как рыбы в аквариуме. Никакого вида, никакого открытого неба. Ничего, только стены и на одной из них кто-то написал фразу. Мужчина рядом со мной перевёл её. Оказалось, это была известная поговорка:

«Хочешь в тюрьму? Приезжай в Алматы».

Мы продолжали ходить кругами. Потом нас вели обратно вниз. Снова в камеру. Из-за почти полного отсутствия физических нагрузок и огромного количества времени, которое я проводил просто сидя на кровати — места для чего-либо ещё почти не было, — мои колени в конце концов сильно распухли.

Отёк стал невероятным. Дважды меня приходилось вывозить из следственного изолятора в Городскую клиническую больницу № 1 Алматы, где врачи откачивали скопившуюся жидкость из коленей. Там мне диагностировали посттравматический артрит вследствие полученных травм. Существует медицинская запись, подтверждающая лечение и этот диагноз.

Моё тело начинало фиксировать происходившее со мной, даже когда, казалось, больше никто не хотел этого делать. Но одной из самых унизительных вещей, которых тебя могли лишить, была вовсе не прогулка.

Это был душ. В какой-то момент я зафиксировал примерно пять недель, в течение которых мне не позволяли принять душ. Это происходило во время моего стационарного психиатрического обследования. Людям на свободе может показаться, что лишить человека душа — сравнительно мелкое наказание, но это далеко не так. Делайте это с человеком достаточно долго — и вы начнёте отнимать у него само ощущение того, что он человек.

Одежда начинает вонять.

Волосы воняют.

Тело воняет.

Ты уже сам не можешь выносить собственный запах. А потом его перестают выносить и окружающие. Постепенно все начинают относиться к тебе иначе. Ты всё меньше чувствуешь себя человеком и всё больше — животным. И я пришёл к убеждению, что давление на меня усиливалось во время психиатрических экспертиз не случайно. Первая экспертиза пошла не так, как ожидал Нурлан Болатов. Меня доставили в экспертное учреждение в Алматы. Оно выглядело по-советски. Всё казалось старым, холодным и казённым.

И снова меня водили в наручниках и цепях, словно какое-то опасное животное. Помню, как стоял в коридоре возле одного из кабинетов обследования. Сам коридор напоминал психиатрические больницы из старых фильмов о Второй мировой войне. Примерно в тридцати метрах я видел вход. Мне показалось, что приехали мои сёстры, но их не пускали внутрь. Затем вошла женщина. Высокая, длинное чёрное пальто, чёрные брюки и чёрные сапоги. Длинные тёмные волосы спадали вокруг лица. Когда она пошла по коридору, все обратили на неё внимание.

Потом она увидела меня. Наши глаза встретились. Она продолжала идти ко мне. Казалось, это был самый долгий момент замедленной съёмки, какой только можно представить. Она подходила всё ближе и ближе. Её взгляд ни на секунду не отрывался от моего. Но когда до меня оставалось меньше метра, вся эта решимость вдруг исчезла.

Она замешкалась, всего на мгновение, но я это увидел. Я посмотрел на неё.

«Мадина?»

«Да, hayatim».

И она бросилась мне в объятия. Этого крошечного колебания перед тем, как она это сделала, мне было достаточно, чтобы понять всё. Она думала, не изменилось ли что-то во мне. Не начал ли я ненавидеть её за то, что она сделала. Психологи наблюдали и другие задержанные, ожидавшие обследования, тоже наблюдали. И охранники, прикованные ко мне, тоже

наблюдали. Я буквально раздвинул охранников вокруг нас, потому что хотел обнять свою жену. У них едва не отвисли челюсти. Они были растеряны.

И у них были все основания для растерянности. Медийная версия звучала без остановки. Согласно истории, которую представляли публике, чудовищем был я. Мадина была напуганной, убитой горем жертвой.

Но то, что все видели в том коридоре, совсем не походило на эту историю. Предполагаемая жертва только что сама подошла к предполагаемому чудовищу и бросилась ему в объятия. Потом меня завели внутрь. Напротив меня за столом сидели три женщины. Две казашки сидели по обе стороны от более крупной русской женщины с чёрными волосами и в очках.

Вопросы начались сразу. Один за другим. Я отвечал. И очень быстро понял, что всё идёт не так, как они ожидали.

Я ничего не скрывал.

Я не замыкался в себе.

Я был зол.

Зол из-за Софии.

Зол из-за того, что со мной произошло.

Зол из-за того, как со мной обращались.

В какой-то момент я наклонился вперёд через их стол и постукивал по нему пальцем, пока переводчик едва успевал за мной.

«София была любовью всей моей жизни».

Стук.

«Неважно, что вы скажете».

Стук.

«Неважно, что вы сделаете».

Стук.

«Никто не отнимет это у нас».

Стук.

«Никто не заставит меня признать, что я её убил».

Стук.

«Никто».

Русская женщина в центре пристально смотрела на меня. А затем что-то изменилось.

«Что это?»

Она заговорила по-английски. Внезапно вся динамика обследования изменилась. Мы начали разговаривать напрямую. Без переводчика, стоящего между каждой моей мыслью и собеседником. Без ожидания, пока кто-то переведёт мои эмоции на другой язык. Впервые я мог объясняться с той скоростью, с какой думал.

И мы разговаривали. И разговаривали. Я рассказал ей, что произошло. Всё что я помнил и что со мной происходило. Две казашки не говорили по-английски, поэтому время от времени она переводила им части нашего разговора. Иногда они перебивали нас очередным вопросом, порой

совершенно не связанным с тем, что мы обсуждали. Но разговор между мной и русским психологом становился всё напряжённее. Её лицо менялось и я увидел тревогу.

И вдруг она спросила:

«Где ваша жена?»

Она указала в сторону коридора.

«Это та женщина, которую вы обнимали снаружи?»

«Да».

Она выглядела потрясённой.

«Я это видела».

А затем она задала вопрос, который всё это время не выходил из моей головы.

«Почему её не расследуют?»

Я посмотрел на неё.

«Именно».

В конце концов ей, похоже, было достаточно услышанного. Я встал. Она подалась вперёд и вдруг повысила голос.

«Я знаю, что сделаю!»

Я застыл.

«Я знаю, что сделаю!»

Ожидание ответа пугало меня. Что она собиралась сделать? И тогда во весь голос она объявила:

«Я отправлю вас к врачу!»

Облегчение, которое меня охватило, было почти нелепым. Я едва не заплакал.

«Да».

Наконец-то.

«Мне нужна помощь».

Выходя из кабинета, я обернулся и посмотрел на неё и сказал:

«Весь мир узнает, что вы сделали со мной в Казахстане».

Затем я снова оказался в коридоре, ожидая следующей части обследования. К этому времени моим сёстрам каким-то образом разрешили подойти ближе. Мадина тоже была там. Насколько я понял, охранникам снова передали деньги, чтобы им позволили приблизиться ко мне. Они сразу спросили: «Как всё прошло?» Я ответил:

«Большая русская женщина посередине мне верит».

Я был в этом уверен. Я видел это в её глазах. Она беспокоилась обо мне. Затем начался второй этап.

Тогда я не понимал, что именно они делают. Лишь позднее я понял, что длительное тестирование было способом довести человека до умственного истощения, прежде чем снова вернуться к самым эмоционально тяжёлым вопросам. Напротив меня села молодая русская женщина. Позади меня

сидела маленькая пожилая казашка. Молодая женщина начала с простых тестов.

Цвета.

«Выберите любимый, а затем расставьте их от самого любимого до наименее любимого»

Картинки.

«Что здесь лишнее?»

Ещё картинки. Ещё вопросы. Ещё упражнения. Снова, снова и снова. Это продолжалось, пока я заметно не устал. А затем вопросы изменились.

София.

«День, когда она умерла. Что произошло? Что вы помните?»

Снова, снова и снова. Женщина становилась всё более раздражённой. Что бы она ни искала, найти это ей не удавалось. Наконец она положила передо мной лист бумаги.

«Нарисуйте мифическое животное».

Я посмотрел на неё.

«Я не умею рисовать».

Она настояла.

«Нарисуйте что-нибудь».

«Я не художник».

«Что угодно».

Я взял карандаш и начал рисовать. Получилось что-то похожее на детский рисунок. Круглое тело, к нему — круглое лицо и лицо улыбалось. Я нарисовал ему крылья, но без ног. А над головой нарисовал нимб. Я поднял глаза. Женщина смотрела на рисунок. В её лице что-то изменилось. Глаза у неё покраснели. Мои уже наполнялись слезами. Она посмотрела на меня. Потом на рисунок.

Потом снова на меня.

«Кто это?»

Я не смог ответить сразу. Она спросила снова.

«Кто это?»

Что-то поднялось из самой глубины живота и дошло до горла. И тут я сломался.

«София».

Я плакал без остановки. Она снова посмотрела на рисунок.

«Почему у неё нет ног?»

Я едва мог говорить.

«Потому что на небесах они ей не нужны».

Я указал на крылья.

«Она ангел».

Потом на улыбку.

«И она всегда улыбалась».

Теперь я рыдал.

«Она была счастливым ребёнком».

Женщина протянула ко мне руки. И обняла меня. На мгновение, внутри этого холодного советского на вид психиатрического учреждения, кто-то просто отнёсся ко мне как к отцу, оплакивающему своего ребёнка. Она сказала мне:

«Я помогу вам».

А потом разозлилась. Она начала кричать на охранников. Кричала что-то пожилой казашке. Люди вокруг засуетились. Мне дали время успокоиться, прежде чем вывели наружу. А потом произошло нечто необыкновенное.

Охранники начали разговаривать с Мадиной.

Сообщение пошло дальше.

От одного человека к другому.

От охранников к заключённым.

Из коридора в коридор.

«Он едет домой!»

«Психологи его осмотрели. Он едет домой!»

«С делом что-то не так. Он едет домой!»

Впервые с тех пор, как за мной закрылись металлические двери, люди внутри самой системы произносили слова, которые я отчаянно хотел услышать. Мохамед едет домой. И на короткое мгновение я им поверил.

Глава 70: Думай о себе, Мохамед

«Думай о себе, Мохамед»

За всё время, пока Хизбуллам якобы был моим адвокатом, я помню лишь одну действительно полезную информацию, которую он мне принёс. Он приехал в следственный изолятор. Как и большинство людей, с которыми я сталкивался в правовой системе Казахстана, он не говорил по-английски, поэтому всё снова приходилось передавать через переводчика. Он посмотрел на меня через решётку.

«Мохамед, это двусторонняя компрессия».

Он говорил о травме головы Софии. Затем он объяснил, что, по его словам, сообщил специалист, осматривавший Софию. По словам Хизбуллама, специалист считал, что даже если бы кто-то накрыл ребёнка подушкой и бил её через подушку, видимых повреждений должно было быть больше. По его словам, эксперт всерьёз предполагал, что травмы Софии могли быть результатом падения. Я стоял и пытался осмыслить услышанное. Падение.

Это должно было иметь огромное значение. Если повреждения соответствовали падению, разве не следовало проверить каждое возможное объяснение того, как это падение могло произойти? Разве не следовало как следует проверить каждого, кто там находился? Разве следователи не должны были выяснять, что произошло с Софией, вместо того чтобы сначала решить, кого они хотят обвинить, а затем выстраивать всё вокруг этого вывода? Но к

тому времени меня уже серьёзно беспокоило кое-что другое. Хизбуллама неоднократно видели наедине с Мадиной.

Они разговаривали в его машине. Они уходили за стены, чтобы говорить там, где их никто не мог услышать. Их отношения выглядели необычайно близкими для адвоката, который якобы представлял мои интересы. Когда они встречались, то приветствовали друг друга долгими, тёплыми объятиями. И теперь он стоял перед моей камерой и говорил мне, что эксперт считает: травмы моей дочери могли быть результатом падения. Возможно, он ожидал, что я обрадуюсь, но я не обрадовался. Я посмотрел на его безучастное лицо и задал вопрос, который не давал мне покоя:

«Почему Мадину не расследуют?»

Его реакция была мгновенной- раздражение. Выражение его лица изменилось.

«Думай о себе, Мохамед. Мадина никого не интересует».

Мадина никого не интересует? Она была матерью Софии. Она была там. Она находилась в самом центре всего, что произошло тем утром. А теперь, по словам моего собственного адвоката, специалист допускал возможность падения. И всё же никто не интересовался тем, чтобы расследовать её действия? Затем Хизбуллам сделал нечто настолько нелепое, что даже в моём состоянии я сразу понял, чего он добивается. Он подошёл вплотную к решётке, совсем близко. Он повернул голову так, что вместо того, чтобы смотреть на меня, подставил мне ухо. Это выглядело как сцена из старого фильма о допросах КГБ.

И тогда он спросил:

«Ты помнишь, как упал вместе с Софией?»

Я уставился на него. Я не мог решить, что в этом было сильнее — оскорбление или абсурд. Намёк был слишком очевидным. Ты помнишь, как упал вместе с Софией?

Казалось, он подсовывает мне начало объяснения и ждёт, продолжу ли я его за него. Возможно, это была какая-то техника, которую он помнил ещё со времён работы в полиции. Но в происходящем был ещё один абсурд. Этот человек даже не говорил по-английски. Он стоял, прижав ухо к решётке, словно какое-то чудесное признание должно было напрямую влететь ему в ухо.

Я просто смотрел на него. В конце концов он, кажется, понял, насколько нелепо выглядит, и выпрямился. Тогда я спросил снова.

«Почему никто не расследует Мадину?»

На этот раз его ответ прозвучал ещё тревожнее.

«У Мадины уже есть бумага, подтверждающая, что она невиновна».

Бумага, подтверждающая её невиновность. Я посмотрел на него. По его поведению я понял: происходит гораздо больше, чем мне кто-либо объясняет. Я протянул руку через решётку, схватил его за рубашку спереди и притянул к себе так, что его лицо оказалось вплотную к камере.

Его глаза были прямо перед моими. На секунду он выглядел потрясённым. Затем потрясение сменилось злостью и он стал агрессивным.

Я даже не заметил, что дверь камеры была открыта. Он вошёл внутрь так, словно хотел драться. Его рука взметнулась над головой. Я отступил назад.

Кулак сжался. На этом Хизбуллам для меня закончился. Какие бы иллюзии ещё оставались относительно того, что этот человек был моей юридической защитой, в тот момент они исчезли. Но сам Хизбуллам никуда не исчез, совсем наоборот. С того момента всякий раз, когда я его видел, он, казалось, стоял рядом со следователем Нурланом Болатовым. Человек, которого якобы привели в мою жизнь, чтобы защищать меня, в моих глазах теперь окончательно оказался по другую сторону. Тем временем внутри следственного изолятора развивалась ещё одна история. Охранники обнаружили золотую жилу- меня.

Они поняли, что на иностранном заключённом, отчаянно пытавшемся связаться с семьёй и женой, можно заработать. Система была простой. Другие заключённые продавали мне миниатюрные телефоны Nokia. Примерно по 200 долларов за каждый.

Наконец у меня появлялся телефон. Примерно на час. Иногда этого хватало, чтобы сделать звонки, которые мне отчаянно были нужны. А затем, удивительным образом, вскоре после покупки охранники вдруг точно знали, где находится запрещённый телефон. Дверь камеры распахивалась. Они устраивали обыск и телефон конфисковывали. А спустя некоторое время мне предлагали купить ещё один миниатюрный Nokia.

Ещё 200 долларов.

Ещё один час.

Ещё одна конфискация.

Потом ещё один телефон.

Координировали ли официально свои действия все участники этой схемы, из камеры я знать не мог. Но с того места, где сидел я, результат выглядел поразительно эффективным.

Продай Мохамеду телефон.

Дай Мохамеду воспользоваться телефоном.

Забери телефон у Мохамеда.

Продай Мохамеду следующий телефон.

Снова. И снова. Для них это, возможно, были просто деньги. Для меня эти маленькие телефоны стали чем-то совершенно иным. Они стали одним из важнейших источников информации, которые у меня были. Потому что каждый раз, когда мне удавалось поговорить с Мадиной, происходило что-то важное. Она говорила. И чем дольше мы разговаривали, тем больше она раскрывала. Иногда это было одно предложение.

Иногда — противоречие. Иногда — что-то, чего она, судя по всему, вовсе не собиралась говорить. Я всё ещё был эмоционально к ней привязан. Я всё ещё отчаянно пытался понять, как женщина, которую я любил, вписывается в

этот кошмар. Но разговор за разговором отдельные кусочки начинали выпадать наружу. И несколько раз Мадина дала мне обещание, которое я уже никогда не смог выбросить из головы.

«Когда мы тебя вытащим, обещаю, я расскажу тебе, что произошло с Софией».

Когда мы тебя вытащим, тогда я тебе расскажу. После того как телефон исчезал, я сидел в камере и снова и снова повторял эти слова про себя. Когда мы тебя вытащим, я расскажу тебе, что произошло с Софией.

Почему после?

Почему она не могла сказать мне сейчас?

Что она знала такого, чего не знал я?

Что ещё оставалось рассказать?

Охранникам казалось, что они продают мне телефоны. На самом деле они продавали мне — по одному часу за раз — доступ к правде. А Мадина постепенно начинала говорить.

Глава 71: Самое безопасное место, которое я когда-либо знал

Что-то в том грязном матрасе укусило меня в затылок. Я машинально потянулся рукой назад и коснулся этого места. И вдруг я уже был не в СИ18. Я был с Софией.

Я словно чувствовал её маленькую ручку, играющую с короткими волосами у меня на затылке. Она любила гладить их пальчиками, потом слегка похлопывать, издавая те бессмысленные звуки, которые понятны только младенцу. Детский язык. Воспоминание окутало меня теплом. В том ледяном, убогом месте оно успокаивало меня. Оно приносило мне утешение. А потом вернулось ещё одно воспоминание. Однажды София обхватила моё лицо обеими своими маленькими ладонями. Помню, как смотрел на неё и подумал нечто странное: Между этими двумя маленькими ладонями — самое безопасное место, где я когда-либо был. Подумайте об этом.

Взрослый мужчина, капитан авиакомпании, отец, который сам должен был быть защитником. И всё же рядом с этим крошечным годовалым ребёнком я чувствовал себя в безопасности. Когда её маленькие пальчики обхватывали моё лицо, весь остальной мир словно исчезал.

Там было тепло, безопасно и чисто. Это было самое тёплое и наполненное любовью место, которое я когда-либо знал. А теперь я лежал на грязном матрасе в следственном изоляторе в Казахстане и касался места слева на затылке, где помнил прикосновение её пальчиков.

Я стал тереть его. И на мгновение мне почти показалось, что я снова чувствую её. Потом я начал делать это всё чаще. Я сидел на каркасе кровати и тёр тот же участок волос слева на затылке. Снова и снова, днём и ночью. Иногда сознательно, но всё чаще — даже не замечая этого. Рука сама поднималась к голове.

Тереть.

Гладить.

Похлопывать.

Словно где-то глубоко внутри я пытался заново создать ощущение маленькой руки Софии, касавшейся меня. Это стало привычкой, а затем чем-то большим, чем привычка- навязчивым действием. Иногда я замечал, что снова это делаю, и думал: Мохамед, ты сходишь с ума.

Возможно, так и было. По правде говоря, учитывая всё происходившее вокруг, я, вероятно, действительно начинал терять части самого себя. И даже сегодня, спустя столько лет, я иногда замечаю, как рука снова тянется к тому же месту. Я всё ещё тру там волосы. Только теперь эти моменты короче.

Но каким-то образом это движение пережило всё. Возможно, потому что София была единственной мыслью в моей голове, до которой они не могли добраться.

Они могли контролировать камеру.

Они могли решать, когда я сплю.

Когда гуляю.

Когда принимаю душ.

Когда ем.

Они могли бить меня.

Унижать меня.

Тащить по коридорам в цепях.

Они могли помещать в газеты любую версию меня, какую им хотелось. Но они не могли изменить то, кем София была для меня. И они не могли запретить мне помнить прикосновение её руки. Было и ещё кое-что, что помогало мне оставаться в живых- решимость.

Голая, упрямая решимость не позволить этим людям безнаказанно сделать то, что они делали со мной, моей семьёй и памятью Софии. К тому времени накопилось уже всё.

София была мертва.

Поведение Мадины всё очевиднее воспринималось мной как предательство.

Хизбуллам и его скользкие манёвры.

Нурлан Болатов и его всё более отчаянное безрассудство.

Избиения.

Унижения.

Пытки.

То, как меня таскали повсюду и выставляли напоказ, словно циркового урода. Паранойя, которая у меня развилась, — и с того места, где находился я, причин для неё было более чем достаточно. Британское посольство знало, что я получил травмы, и знало, что я жалуюсь на обращение со мной, однако на том этапе я чувствовал себя отчаянно одиноким и незащищённым. Что бы

они ни делали за кулисами, изнутри камеры совсем не казалось, что кто-то останавливает происходившее со мной.

А ещё были СМИ. По сути, суд надо мной начался там уже через несколько часов после смерти Софии. До того, как суд услышал доказательства. До того, как эксперты закончили свою работу. До того, как я вообще смог понять русскоязычные документы, которые клали передо мной. Для публики история уже была написана. Британский отец, убивший свою дочь.

И наконец были люди непосредственно вокруг меня. Другие задержанные. У каждого из них была собственная катастрофа.

Своё уголовное дело.

Своя семья.

Свои страхи.

Своё отчаяние.

И всё же каким-то образом никто никогда не мог просто оставить меня в покое. К тому времени моя семья создала отдельный фонд лишь для того, чтобы меня кормили и снабжали необходимым в следственном изоляторе. Три раза в неделю приходили огромные синие пластиковые пакеты. Еда, фрукты, напитки, сигареты и самые необходимые вещи. Сначала моя семья хотела, чтобы передачами занимался кто-то другой, но Мадина настояла, что будет делать это сама. Она хотела, чтобы все — включая меня — видели в ней по-прежнему преданную жену. Позже я пришёл к убеждению, что она оставляла себе часть денег, которые давала моя семья, но тогда я видел лишь огромные синие пакеты с надписями чёрным маркером.

Я люблю тебя, hayatim.

Будь сильным.

Я с тобой.

Послания любящей жены. Потом пакет попадал в камеру и начинался хаос. Другие заключённые бросались к нему. Все проблемы, которые они обсуждали пять минут назад, мгновенно забывались. Доставали еду, доставали сигареты и всё сразу делили. Часть еды съедали в нашей камере. Часть отправляли по тюремным линиям связи друзьям в другие камеры. Сигареты исчезали почти мгновенно.

Потом начинали приходить охранники. Им нужны были сигареты, еда или что-нибудь из передачи. Что-нибудь ещё. Потом ещё кому-то что-то было нужно. Иногда мне казалось, что моя семья кормит половину следственного изолятора. Но сколько бы ни приходило, всем всегда хотелось ещё.

Ещё еды.

Ещё сигарет.

Ещё денег.

Ещё услуг.

Ещё. Ещё. Ещё.

Был ли в вашей жизни человек, который постоянно висит у вас на шее? Кто-то, кто не даёт вам ни минуты покоя? Кто всё время думает о вас — но не потому, что вы ему небезразличны. Он думает о том, что ещё может от вас получить. Насколько сильнее ещё можно надавить.

Постоянно говорит, постоянно просит, постоянно кричит и постоянно лезет вам в лицо. А теперь представьте, что вы заперты в одной комнате с этим ощущением двадцать четыре часа в сутки. Уйти некуда, нет двери, которую можно закрыть. Нет прогулки, на которую можно выйти. Нет телефона, который можно выключить. Нет ни одного момента, когда можно просто сказать: Оставьте меня в покое. Пришла очередная синяя сумка. Все бросились к двери. Начали вытаскивать вещи, еду, сигареты и фрукты. Потом кто-то нашёл фотографии.

«Мохамед».

Мне передали их. София. Я взял фотографии и вернулся к своей кровати. За моей спиной камера ожила.

Пакеты вскрывали, люди разговаривали, еду раскладывали по столу и сигареты уже передавали из рук в руки.

Кто-то позвал меня.

«Иди поешь».

Я покачал головой. Я сидел и смотрел на Софию. Рука бессознательно поднялась к левой стороне затылка. Я начал тереть тот самый участок волос. Вокруг меня в камере ели еду, которую прислала моя семья. Впервые никто не задавал мне вопросов. Никто ничего от меня не требовал. Никто не кричал мне в лицо. Они были слишком заняты едой. И я кое-что понял. Пока они ели, это был единственный покой, который мне удастся получить, поэтому я не ел с ними.

Я сидел на своей кровати и держал фотографию дочери. Касался места, где помнил её маленькую ручку. И на эти несколько драгоценных минут я уходил куда-то далеко.

Назад — между эти крошечные пальчики. Назад — в самое безопасное место, которое я когда-либо знал.

Глава 72: Год и восемь месяцев

Я провёл в следственном изоляторе один год и восемь месяцев. Лишь изредка мне удавалось увидеть небо. Прочитайте эту цифру ещё раз. Один год и восемь месяцев. Большинство читателей просто скользнут взглядом по этим словам, толком не задумавшись, что они означают. Кто-то, возможно, даже подумает: Не так уж плохо. И, возможно, некоторые из этих же людей с трудом выдержали бы один день без телефона.

Без социальных сетей.

Без возможности выбирать, что есть.

Без возможности выйти на улицу.

Без возможности закрыть дверь и остаться одному.

Без возможности поднять глаза к небу.

Легко оставаться отстранённым от чужого страдания, когда веришь, что с тобой подобного никогда не случится. Это проблема кого-то другого.

Чужая страна.

Чужая тюрьма.

Чужая несправедливость.

Со мной такого никогда не случится.

Неудобная правда заключается в том, что многие начинают требовать справедливости только тогда, когда несправедливость приходит к их собственной двери. И я не могу делать вид, будто сам был совершенно другим. До того как всё это произошло, я не был каким-то борцом, разъезжающим по миру и вступающим в бой за каждого пострадавшего. Нельзя сказать, что я был совершенно безразличен к чужим страданиям, но я жил своей жизнью, не слишком задумываясь о чужих несчастьях.

Они принадлежали другим людям. У меня была карьера, семья, планы и своя жизнь. А потом внезапно я сам стал одним из этих других людей. Когда человек переживает одно крупное травматическое событие — или несколько тяжёлых травм подряд, — у него может развиться посттравматическое стрессовое расстройство. ПТСР.

Этот термин начал появляться в записях, которые делали обо мне тюремные врачи и медсёстры. И моему сознанию действительно приходилось справляться с очень многим.

Моя дочь умерла.

Я находился в тюрьме в чужой стране.

Меня избивали.

Я не понимал языка.

Мой брак разрушался у меня на глазах.

Я не доверял своему адвокату.

Я не доверял следователю.

Я не доверял охранникам.

Я не знал, что происходит снаружи.

И понятия не имел, когда всё это закончится. Но у времени есть удивительное свойство. Оно продолжает идти, даже когда кажется, что твоя собственная жизнь остановилась. Дни превращаются в недели. Недели — в месяцы. Месяцы — в годы. И в конце концов что-то внутри тебя начинает меняться. Гораздо позже я прочитал ещё об одном психологическом понятии: Посттравматический рост. Так называют положительные психологические изменения, которые некоторые люди переживают в процессе борьбы с травмой. Но, читая об этом, я воспринимал произошедшее со мной немного иначе.

Я бы не назвал это исцелением. Для меня есть разница между исцелением и тем, когда ты просто обрастаешь более толстой кожей. Представьте, что с вас содрали кожу. Исцеление означало бы, что на её месте вырастет такая же

кожа. Вернутся нервы, вернётся чувствительность и когда-нибудь, возможно, прикосновение к этому месту будет ощущаться примерно так же, как раньше. Со мной произошло другое.

У меня выросла более толстая кожа. Нервы всё ещё оставались под ней, они никуда не исчезли. Но теперь были спрятаны глубже и чтобы добраться до них, требовалось больше.

Больше, чтобы напугать меня.

Больше, чтобы причинить мне боль.

Больше, чтобы заставить меня отреагировать.

Нужно было приложить больше усилий, чтобы прорезать эту кожу и добраться до чувствительных мест под ней. Это не обязательно исцеление. Это адаптация, защита и выживание. И, к несчастью для людей, пытавшихся меня запугивать, со временем они столкнулись с той же проблемой. Их методы теряли силу. Помните схему:

Действие.

Угроза.

Действие.

Вначале избиение пугало меня. Когда меня тащили в подвал, мне было страшно. Пощёчина пугала меня. Когда вокруг меня собирались охранники, мне было страшно. Когда меня заставляли приседать снова, снова и снова, пока ноги не подкашивались, мне было страшно.

Но со временем что-то изменилось. Они это видели.

Удары кулаками уже не вызывали той же реакции.

Пощёчины уже не вызывали той же реакции.

Подвал уже не вызывал прежнего страха.

Они могли заставлять нас приседать, пока ноги физически не рушились под нами, но психологически запугать меня становилось всё труднее. Кожа становилась толще. А когда один уровень давления перестаёт работать, у тех, кто его применяет, есть выбор остановиться или усилить давление. В СИ18 они усиливали его. Один из методов заключался в том, чтобы подселить в камеру другого задержанного.

Не кого угодно, а именно бандита. Обычно человека, который уже знал, что почти наверняка получит тюремный срок. Странным образом то, что происходило в следственном изоляторе, было ещё и подготовкой к тому, что ждало нас, когда мы в конце концов попадём в лагерь — в тюрьму. Потому что там, как я уже объяснял, нас ожидал ещё один процесс отбора.

Карантин.

Сортировка.

Иерархия.

Группы.

Козлы — «goats» — работающие с администрацией.

Блатные — криминальная иерархия.

Разные названия. Разные идентичности. Разная предполагаемая верность. И очень часто одно и то же знакомство: Насилие. Ты приезжаешь, тебя оценивают, тебя проверяют, а затем кто-то избивает тебя до полусмерти. Это могут быть Козлы, это могут быть Блатные. Кто бы ни контролировал конкретную тюрьму в конкретный момент.

За годы я понял кое-что обо всех этих якобы отдельных группах. Они могут воевать друг с другом. Могут ненавидеть друг друга. Могут заявлять о совершенно разных идентичностях и верности разным сторонам. Но в той тюремной системе, внутри которой жил я, их основная функция снова и снова сводилась к одному и тому же. Избивать заключённых и вымогать у них деньги. А над этой внутренней тюремной экономикой стояли люди с официальной властью- администрация и полиция. И, как я постепенно понял, рассматривая систему шире, — прокуроры и другие должностные лица. Это не то, за чем я наблюдал из безопасности своей кровати, пока всё происходило с другими. Я жил внутри этого И страдал вместе со всеми остальными.

Мы платили.

Мы покупали еду.

Мы снабжали всех сигаретами.

Мы покупали телефоны.

За собственные деньги мы ремонтировали тюрьмы, в которых нас держали.

Подумайте об абсурдности этого. Государство лишает вас свободы, а затем от вас ожидают, что вы будете за свои деньги ремонтировать тюрьму, в которую это государство вас посадило. Мы покупали материалы. Мы платили за то, что должно было обеспечивать государство. Мы поставляли огромное количество еды. Мы поставляли сигареты, одежду и телефоны. Деньги, вот всё, что требовали. А от тех из нас, кого считали богатыми, ожидали большего, намного большего. Я не наблюдал, как эксплуатируют заключённых. Меня эксплуатировали вместе с ними.

Платила моя семья.

Платил я.

Платили люди вокруг меня.

Люди продавали землю.

Семьи собирали деньги.

Родственники отправляли всё, что могли.

А внутри тюрьмы требования продолжались. Такие люди, как я — бизнесмены, бывшие чиновники, министры и все, чьи семьи, как считалось, имели деньги, — были не просто заключёнными. Мы были источниками дохода. Чем больше, по их мнению, у тебя было, тем большего от тебя ожидали еды, сигарет, телефонов, ремонта, дизайнерской одежды, денег и услуг. Любых договорённостей, которые кому-то были нужны, даже отпусков.

Дубай настолько часто всплывал в разговорах о том, за что кто-то хотел получить деньги, что порой можно было забыть: речь якобы идёт о низкооплачиваемых государственных служащих. И требования никогда не прекращались. Ещё, ещё и ещё. Всегда находился кто-то следующий, кого нужно было удовлетворить. Кто-то над кем-то ещё. Кто-то, кто хотел свою долю.

И если вы уже однажды заплатили, это вовсе не означало, что проблема решена. Совсем наоборот, это означало, что теперь они знали: вы способны платить. Поэтому они возвращались.

Тюрьма, как я со временем понял, была не просто местом, где государство запирает людей. Внутри существовала своя экономика, бизнес. И если кто-то считал, что у вас есть деньги, ваша ценность измерялась не только годами заключения. Она измерялась тем, сколько из вас можно выкачать, пока вы там находитесь. Даже министры и высокопоставленные чиновники, осуждённые по делам, где фигурировали десятки миллионов долларов, не могли угнаться за требованиями. И поверьте, за эти годы вместе с нами в этих тюрьмах сидело столько бывших министров и высокопоставленных чиновников, что я удивлён, почему здесь ещё не открыли Овальный кабинет. За шуткой скрывается нечто гораздо более мрачное. За стенами тюрьмы некоторые из этих людей занимали одни из самых влиятельных должностей в Казахстане. Внутри мы все кормили одну и ту же машину. Статус снаружи не обязательно защищал тебя внутри. А наличие денег могло создать ещё одну проблему.

Оно меняло то, как на тебя смотрели. А на меня к тому времени смотрели уже давно. Британский пилот, иностранец и человек, семье которого было откуда присылать деньги. Человек, получавший огромные продуктовые передачи. Человек, покупавший телефоны. Человек, родственники которого постоянно прилетали в Казахстан.

Они уже обнаружили, что меня можно эксплуатировать. Они уже поняли, что на мою семью можно давить. Но теперь они обнаруживали кое-что ещё. Меня становилось всё труднее напугать.

Ударов кулаками уже было недостаточно.

Пощёчин было недостаточно.

Угроз было недостаточно.

Подвала было недостаточно.

Мои ноги могли подкоситься.

Тело могло болеть.

Но страх уже не действовал так, как прежде. Кожа стала толще.

Поэтому, если они хотели добраться до нервов под ней, им предстояло резать глубже. И вскоре они начали приносить давление прямо в мою камеру.

Глава 73: Система никогда не умирала

Казахстан стал независимым в 1991 году. Советский Союз исчез, флаг изменился и гимн изменился. Ведомства получили новые названия.

Появилась новая форма. Была написана новая Конституция. Казахстан вступил в Организацию Объединённых Наций и подписал международные договоры о правах человека. Но у институтов есть память.

Здания помнят, как ими пользовались.

Бюрократия наследует привычки.

Полиция наследует методы.

Прокуроры наследуют представления о собственной власти.

Тюрьмы наследуют культуру.

И когда я начал пытаться понять систему, которая меня проглотила, в конце концов мне пришлось двигаться назад по её истории. Рано или поздно вы приходите к четырём буквам: НКВД. Народный комиссариат внутренних дел был не просто полицейским ведомством. В разные периоды он сосредоточивался в одной огромной репрессивной структуре. В обычной полиции, государственной безопасности, разведке, пограничной охране и управлении тюрьмами. Он контролировал тюрьмы и лагеря принудительного труда, а среди подчинённых ему структур было управление ГУЛАГа. При Сталине, особенно во время Большого террора, НКВД осуществлял массовые аресты, заключения, пытки и казни. Мне нужно прояснить одну вещь, прежде чем кто-нибудь намеренно исказит смысл моих слов. Современный Казахстан — не сталинский Советский Союз. Я не утверждаю, что сегодня в Казахстане сотнями тысяч расстреливают людей.

В Казахстане есть суды.

Есть адвокаты.

Есть апелляции.

Есть прокуроры.

Есть Омбудсмен.

Есть Конституция.

Есть международные обязательства.

Мой вопрос в другом. Насколько сохранился образ мышления этих институтов? Потому что заменить вывеску над зданием легко. А изменение менталитета внутри него может занять поколения. Исторический НКВД стал печально известен не только потому, что страдали невиновные, но и потому, что система могла развернуть естественное направление правосудия в обратную сторону.

Вместо того чтобы начинать с вопроса: Что произошло? машина могла начинать с другого: Кто враг?

Как только враг был определён, расследование могло превратиться в упражнение по построению дела вокруг него. Для меня это различие имеет огромное значение. Потому что с первых дней моего собственного дела именно это, как мне казалось, и происходило.

София была мертва.

Я был иностранным мужем.

Я был британцем.

Я был арабом.

Я не говорил по-русски.

Я не мог читать показания, которые клали передо мной.

Меня избили.

СМИ уже объявили всей стране, что я — человек, убивший свою дочь. И почти сразу я начал задавать вопрос, который будет преследовать меня годами: Кто-нибудь вообще расследует, что произошло с Софией? Или они расследуют, как осудить Мохамеда? Старая машина, исторический послужной список НКВД ужасает. Он объединял функции, которые демократические системы сознательно стараются разделять. Он действовал одновременно как ведомство внутренних дел и тайная полиция, осуществляя разведывательные, правоохранительные и пенитенциарные функции. Во время Большого террора он проводил массовые аресты, заключения, пытки и казни, а миллионы людей в конечном итоге были отправлены в систему принудительного труда ГУЛАГа. Зачем в современной системе правосудия разделять эти полномочия? Потому что власти необходимо сопротивление.

Следователь не должен быть судьёй.

Прокурор не должен просто утверждать всё, что делает следователь.

Судья не должен договариваться с прокурором о желаемом исходе.

Тюрьме нельзя позволять скрывать то, что происходит с заключённым.

Учреждение, которое обвиняют в издевательствах над человеком, не должно просто расследовать само себя и объявлять: Ничего не произошло.

Между этими институтами должны существовать стены. Проверки, противовесы, независимый взгляд и разные интересы. Потому что как только все начинают защищать друг друга, правосудие превращается в театр. Зал суда всё ещё может существовать. Прокурор всё ещё может сидеть на своём месте. Защитник тоже может присутствовать. И судья может быть на месте. Все одеты в правильные костюмы, все сидят там, где положено и все подписывают нужные бумаги.

Но само существование спектакля ещё не говорит вам, ищет ли кто-нибудь по-настоящему правду. И тюремную систему Казахстана саму описывали словами, которые намеренно перекликались с этим советским наследием. За много лет до того, как я оказался в казахстанской тюрьме, BBC выпустила материал под заголовком:

«Живые ГУЛАГи Казахстана».

Подумайте об этом названии. Не «трудные тюрьмы Казахстана». Не «переполненные тюрьмы Казахстана». Живые ГУЛАГи.

BBC сообщала об обвинениях в пытках, унижениях и жестоком обращении в пенитенциарной системе Казахстана. В других материалах того времени документировались случаи, когда заключённые резали собственные тела, вскрывали вены и зашивали себе рты, отчаянно пытаясь привлечь внимание к тому, что происходило за стенами. Поэтому, когда позднее я вошёл в СИ18, а затем оказался в тюремных лагерях, я попал не в проблему,

внезапно возникшую из-за моего дела. Международные журналисты и правозащитные организации предупреждали об этой системе за много лет до моего появления. И всё же, когда именно вы стоите за этими дверями, историческое сравнение перестаёт казаться драматическим преувеличением. Оно начинает ощущаться пугающе знакомым. Годами я пытался понять, было ли всё, что я переживал, просто набором отдельных исключительно плохих людей.

Один коррумпированный охранник.

Один плохой следователь.

Один бесполезный адвокат.

Один скомпрометированный чиновник.

Ещё один коррумпированный сотрудник тюрьмы. В конце концов таких людей стало слишком много, чтобы я мог продолжать думать именно так. И вам не обязательно верить мне на слово. Потому что за годы моего заключения произошло нечто примечательное. Казахстан сам привлекал к уголовной ответственности собственных должностных лиц.

Полицейских.

Сотрудников тюрем.

Прокуроров.

Судей.

Высокопоставленных чиновников.

Людей из тех самых институтов, которые я описываю.

Поэтому прежде чем отмахиваться от того, что заключённые рассказывают о происходящем за этими стенами, посмотрите, что собственные суды Казахстана установили о некоторых людях, управлявших этими учреждениями.

Тюрьма № 57

Начнём с места, которое особенно близко мне. Тюрьма № 57, тюрьма в котором я сейчас нахожусь. Бывший начальник учреждения № 57 Пётр Писарев был приговорён к девяти годам лишения свободы по коррупционному делу, связанному с деньгами заключённых, предоставлением покровительства и запрещённых предметов. Другой сотрудник, Ерлан Болекбай, также был осуждён. Бывший заместитель начальника № 57 Нурлан Бидайбеков также подвергался уголовному преследованию по обвинениям, связанным со взятками от заключённых, а позднее СМИ сообщали о тюремном сроке для бывшего заместителя руководителя учреждения.

Почему это важно? Потому что на протяжении всей этой книги я рассказываю вам о тюремной экономике. Деньги, защита, телефоны, привилегии, контрабанда и платежи. Я рассказывал вам, как заключённые, которых считают состоятельными, превращаются в источник дохода. Я рассказывал, что мы платили. Я рассказывал, что мы снабжали систему. Я рассказывал, что тюрьма могла превращаться в бизнес.

Поэтому поймите значение следующего факта: Начальник той самой тюрьмы, где жил я, в итоге сам отправился в тюрьму по коррупционному делу, связанному с деньгами заключённых и запрещёнными предметами. Я не прошу вас принимать всё на веру. Система в конце концов привлекла к ответственности одного из своих собственных начальников за поведение, удивительно похожее на тот мир, который я описываю. И тюрьма № 57 не была каким-то изолированным островом. Расследования в тюрьмах Алматинской области выявили необычайную подпольную экономику, включавшую контролируемые заключёнными счета и операции на миллиарды тенге.

Телефоны.

Алкоголь.

Наркотики.

Деньги.

Связи между заключёнными и сотрудниками. Целая экономика работала внутри учреждений, которые якобы находились под полным контролем государства. Подумайте об этом противоречии. Официально заключённый почти ничем не владеет.

Его перемещения контролируются.

Его вещи контролируются.

Его посетители контролируются.

Его доступ к телефону контролируется.

Его питание контролируется.

Его одежда контролируется.

Двери контролируются.

Периметр контролируется.

Камеры якобы наблюдают за всем. И всё же внутри каким-то образом процветают огромные нелегальные экономики. Как? Тюрьма — не общественный рынок. Никто случайно не въезжает через ворота с багажником, набитым телефонами, алкоголем и наркотиками, а потом не ставит торговую палатку.

Кто-то должен это пропустить.

Кто-то должен отвернуться.

Кто-то получает за это деньги.

VIP-камеры

Теперь мы подходим к тому, о чём мне спустя годы после первого попадания под стражу читать почти сюрреалистично. Потому что я уже рассказал вам, что происходило со мной.

Плати за лучшие условия.

Плати за телефоны.

Плати, чтобы избежать постоянных обысков.

Плати за привилегии.

Когда я сидел в СИ18, всё это казалось тайным миром, который никто снаружи никогда не поймёт. Годы спустя уголовные дела выявили то, что называли коммерческими или VIP-камерами в одном из следственных изоляторов Алматы. Согласно материалам обвинения, о которых писала Orda, задержанные могли платить за более удобные камеры, доступ к телефону, лучшую еду и меньшее вмешательство со стороны полицейских в плане обысков. К сбору денег, согласно материалам дела, были причастны должностные лица и доверенные заключённые. Один из бывших старших оперативных сотрудников, Бекжан Макенов, был осуждён в связи с такими схемами коммерческих камер и получил семь с половиной лет лишения свободы. Другое дело касалось сотрудника КНБ Мираса Советова, который получил пять лет после признания злоупотребления должностными полномочиями в связи с подобными договорённостями.

Прочитайте это ещё раз.

Платные камеры.

Мобильные телефоны.

Еда.

Меньше обысков.

Деньги.

Чиновники.

Вам это уже ничего не напоминает? Ранее в этой книге я рассказывал, как мне предлагали улучшенные условия за 3 000 долларов. Лучшие условия, без обысков и смартфоны в камере. Я не могу утверждать, что конкретные люди, с которыми имел дело я, обязательно участвовали в схемах, которые позднее стали предметом уголовных дел, если доказательства не устанавливают такую связь. Но вот что я могу сказать: Эта бизнес-модель существовала.

И собственная система уголовного правосудия Казахстана в конце концов привлекала должностных лиц к ответственности за неё.

Затем идут судьи. Люди, сидящие над всеми остальными. Люди, чья независимость должна быть последним барьером между государственной властью и обвиняемым. Бывший судья Верховного суда Мейрам Жангуттинов был приговорён в 2021 году к пяти годам по делу о покушении на мошенничество; другой бывший судья, проходивший по тому же делу, также получил пять лет. Бывший председатель Актауского городского суда Бауыржан Шайдуллин получил девять лет по делу о мошенничестве и подстрекательстве к даче взятки, связанному с обещаниями благоприятного судебного исхода. Бывшая судья Шымкента Жанат Мусирали получила семь с половиной лет по схеме, связанной с требованием огромной суммы у жены подсудимого за содействие в том, чтобы он избежал лишения свободы. Бывший председатель Уральского городского суда Руслан Жумагулов был приговорён к лишению свободы за мошенничество в особо крупном размере.

Это не сплетни заключённых, передаваемые через отверстия в стенах камер. Это не теории Мохамеда Бараката. Это уголовные дела в отношении

судей. И это имеет значение, когда я рассказываю вам, о чём заключённые и их семьи говорят каждый день.

Сколько хочет судья?

Кто знает прокурора?

Кто может решить дело?

Кто может изменить срок?

У кого есть связи?

Годами я слышал разные версии этих разговоров. Когда достаточно долго живёшь внутри тюремной системы Казахстана, правосудие иногда начинает звучать не как принцип, а как рынок.

Затем идут прокуроры. Бывший прокурор Марат Абуов был осуждён по делу, связанному с коррупцией. Прокурор в Таразе получил пять лет после осуждения, в том числе за подстрекательство к даче взятки и покушение на мошенничество. Бывший прокурор Гамал Тазабеков получил пять лет за злоупотребление полномочиями по делу, в котором, по утверждению прокуратуры, заключённого использовали как его личного повара. Бывший прокурор в области Улытау был приговорён к трём с половиной годам за мошенничество и подстрекательство к даче взятки и пожизненно лишён права работать на государственной службе. Другое дело, связанное с транспортным прокурором в Актау, касалось 2,5 миллиона тенге, которые, как утверждалось, требовали за содействие в назначении подсудимому более мягкого наказания и избежании лишения свободы.

Снова: Деньги, связи, обещания, приговоры и свобода. Те самые темы, о которых заключённые говорят бесконечно. Это не означает, что каждый прокурор в Казахстане коррумпирован. Это не означает, что каждый судья берёт деньги. Это не означает, что каждое уголовное дело куплено. Но это полностью разрушает ещё один аргумент: будто такого просто не происходит.

Происходит и собственные суды Казахстана говорят, что происходит.

А теперь мы подходим к пыткам со стороны полицейских. Здесь тема перестаёт быть для меня абстрактной. Потому что я знаю, как ощущается полицейская дубинка. Я знаю, что такое старые наручники, врезающиеся в окровавленные запястья. Я знаю, что такое электричество. Я знаю, каково это, когда человек в форме — именно тот человек, которого ты боишься. И снова вам не нужно полагаться только на мои слова. Полицейские в Казахстане были осуждены за пытки. В Атырау пять полицейских были осуждены по делу об избиении и пытках подозреваемого с целью добиться признания. Трое алматинских полицейских получили тюремные сроки за пытки задержанных, связанные с событиями января 2022 года. Другие бывшие сотрудники были осуждены по последующим делам о январских пытках, включая дела о жестоком обращении с задержанными внутри полицейских учреждений. В ещё одном деле бывшие полицейские были осуждены за пытки десятков людей в период Кровавого января. Это была не просто историческая проблема, которую Казахстан мог списать на Сталина.

Это происходило в XXI веке. И в конце концов государству самому пришлось реагировать. Сорок семь- вот, пожалуй, одна из самых важных цифр в этой главе.

Не 47 жалоб и не 47 обвинений. По данным Уполномоченного по правам человека Казахстана, только в 2023 году за пытки были осуждены 47 сотрудников правоохранительных органов. Показатели за предыдущие годы также были значительными. А с января 2023 года Казахстан изменил систему так, что досудебные расследования пыток перешли в исключительную подследственность прокуратуры. Это институциональное изменение имеет значение. Власти также начали устранять проблемы видеонаблюдения внутри правоохранительных учреждений. Сообщалось, что были выявлены и устранены тысячи слепых зон камер. Спросите себя, зачем понадобились эти реформы.

Почему стране нужно устранять тысячи слепых зон в зданиях правоохранительных органов?

Почему ответственность за расследование пыток нужно было передавать другому органу?

Почему прокурорам понадобились специальные методики со ссылками на принципы Стамбульского протокола?

Потому что пытки — не то, что Казахстан может просто отмахнуть как иностранную пропаганду. Сам Казахстан признаёт существование проблемы. Есть ещё одно дело, показывающее, насколько далеко может зайти злоупотребление официальной властью. Первоначально я помнил, что слышал о судье, изнасиловавшем свою секретаршу. Когда позднее я внимательно проверил дело, детали оказались другими — и реальная история была, пожалуй, ещё более тревожной. Осуждённым был Марат Куштыбаев, в то время начальник Талдыкорганского управления полиции. Он получил одиннадцать лет за изнасилование 27-летней женщины в своём служебном кабинете полиции. Затем вокруг дела разгорелся ещё один коррупционный скандал. Секретарь суда оказалась фигурантом отдельного дела о 40 миллионах тенге, которые, как утверждалось, были связаны с попыткой убедить потерпевшую изменить показания и тем самым помочь добиться более благоприятного исхода для Куштыбаева. Подумайте, сколько институтов вращалось вокруг одного дела.

Высокопоставленный полицейский.

Изнасилование внутри здания полиции.

Потерпевшая.

Уголовное преследование.

Деньги.

Попытка изменить показания.

Сотрудник суда.

Ещё одно уголовное дело.

Вот что делает институциональная коррупция. Она распространяется по всюду. Один скомпрометированный человек требует другого скомпрометированного человека. Потом ещё одного. Потом ещё одного. В конце концов никто уже не понимает, где заканчивается первоначальное преступление и начинается машина, защищающая людей от последствий. Кто расследует следователей? Годами я снова и снова возвращался к одному и тому же вопросу.

Кто расследует тех, кто расследует нас?

Я жаловался на пытки.

Я жаловался на жестокое обращение.

Я жаловался на доказательства.

Я жаловался на процедуру.

Моя семья жаловалась.

Мои адвокаты жаловались.

Британское посольство знало о моих заявлениях. Подключались правозащитные организации. Письма переходили из учреждения в учреждение. Приходили ответы, но снова и снова я сталкивался с разными вариантами одного и того же вывода:

Доказательств нет.

Не установлено.

Оснований нет.

Дело закрыто.

Следующая жалоба.

Следующее письмо.

Следующий отказ.

Но вот почему мне так трудно принимать эти ответы. Если сам Казахстан в итоге решил вывести расследования пыток из обычных следственных структур и передать их исключительно прокуратуре, значит, само государство признало важность институциональной независимости при расследовании злоупотреблений. И если собственные органы прокуратуры Казахстана разработали процедуры со ссылками на Стамбульский протокол, то требование расследования, соответствующего этим стандартам, — не какая-то экзотическая прихоть, придуманная британским заключённым. Я прошу Казахстан применять принципы, которые его собственные власти теперь считают важными. Не обвинения, прошептанные через тюремную стену Вот различие, которое я хочу, чтобы читатель запомнил.

Когда я говорю, что мы платили за телефоны — должностные лица привлекались к ответственности по делам о коммерческих тюремных схемах с телефонами.

Когда я говорю, что заключённые платили за лучшие условия — должностные лица привлекались к ответственности за платные привилегированные камеры.

Когда я говорю, что заключённые платили за защиту — начальник тюрьмы № 57 был осуждён по делу, связанному с деньгами заключённых и покровительством.

Когда я говорю, что коррупция может дойти до судебной системы — судьи, включая бывшего судью Верховного суда, сами попадали в тюрьму.

Когда я говорю, что прокуроры могут становиться частью коррупции — прокуроры сами были осуждены.

Когда я говорю, что полицейские пытают людей — полицейские были осуждены за пытки.

Когда я говорю, что пытки предотвращаются недостаточно эффективно — собственные власти Казахстана ввели реформы, специально направленные на борьбу с ними.

Это не просто обвинения, которые мне шептали через отверстия в тюремных стенах. Это проблемы, задокументированные собственными органами прокуратуры, судами и государственными учреждениями Казахстана.

Так что же сохранилось? И это возвращает меня к НКВД. Я не говорю, что современный казахстанский полицейский — палач НКВД. Исторически это было бы нелепо. Я задаю более неудобный вопрос. Что происходит, когда страна меняет политическую систему быстрее, чем меняет институциональную культуру? Что происходит, когда Советский Союз исчезает, но людей, обучающих следующее поколение, самих учили внутри советских институтов? И что происходит, когда привычки выживают?

Признание до расследования.

Институт важнее личности.

Иерархия важнее правды.

Лояльность наверх.

Давление вниз.

Информаторы повсюду.

Заключённые контролируют заключённых.

Насилие скрыто от общественности.

Одержимость статистикой и раскрытыми делами.

Фактическая презумпция того, что если государство вас обвинило, значит, у него наверняка была причина. И прежде всего: Защищай систему. Вот о каком наследии я говорю. Не одинаковые институты, не одинаковые преступления и не одинаковые исторические обстоятельства.

Институциональная ДНК.

Казахстан чрезвычайно изменился со времён Советского Союза. Было бы нечестно делать вид, что это не так. Страна провела реформы против пыток. Она привлекала к ответственности полицейских, сотрудников тюрем, прокуроров и судей. Сам факт того, что должностных лиц иногда привлекают к ответственности, является доказательством того, что внутри Казахстана есть люди, пытающиеся изменить систему. Но на эти приговоры можно

посмотреть и иначе. Каждый раз, когда очередного полицейского осуждают за пытки — каждый раз, когда очередного тюремного чиновника отправляют в тюрьму за коррупцию — каждый раз, когда очередного прокурора ловят на торговле влиянием — каждый раз, когда осуждают очередного судью — государство одновременно документирует существование той самой болезни, которую, по его словам, пытается вылечить.

А я годами жил внутри этой болезни.

Я узнал о ней не из учебника истории.

Я узнал о ней, когда мои запястья были в крови.

Я узнал о ней, когда у меня требовали деньги.

Я узнал о ней, когда мне продавали телефоны, а затем конфисковывали их.

Я узнал о ней, когда мы платили за то, что должно было обеспечивать государство.

Я узнал о ней, когда мы ремонтировали тюрьмы, в которых нас держали.

Я узнал о ней, когда люди, обязанные защищать заключённых, вместо этого их пугали.

Я узнал о ней, когда жалобы на злоупотребления исчезали внутри той же институциональной машины, на которую мы жаловались.

Лишь намного позже я начал читать историю. И тогда для меня кое-что стало ясно. Я не начал с чтения о ГУЛАГе, а потом стал искать сходства. Сначала я прожил эту систему. Спустя годы я обнаружил, что BBC уже называла казахстанские тюрьмы «Живыми ГУЛАГами». К тому времени я прекрасно понимал, почему кто-то выбрал именно эти слова. Возможно, самое опасное в старой системе — не то, что она сохраняется неизменной.

Так её было бы легко распознать. Форма меняется, названия меняются, законы меняются, появляются новые институты, печатаются новые лозунги, подписываются новые международные соглашения и постепенно все убеждают себя, что старый мир исчез.

Но иногда машине не нужно сохраняться целиком. Иногда ей достаточно научить следующее поколение тому, как здесь принято делать дела. Советский Союз умер. Вопрос, на который Казахстан всё ещё должен ответить: какая часть системы умерла вместе с ним?

Глава 74: Это Казахстан

В течение первых двух месяцев начали поступать результаты судебных экспертиз. И что-то стало идти не так для следствия. Не для меня, а для них. Потому что экспертиза за экспертизой — и доказательства начинали рассказывать историю, совершенно отличную от той, которая была нужна следователю Нурлану Болатову и обвинению, чтобы осудить меня.

Сначала пришло заключение вскрытия. Травма головы Софии была описана как двусторонняя компрессионная травма. Механизм сдавления. Проще говоря, её голова подверглась сдавлению между двумя поверхностями

— одной твёрдой, например полом, и другой сравнительно более мягкой поверхностью, потенциально человеческим телом.

Это было важно. Эта травма указывала на совершенно иной механизм, чем версия, которую строили вокруг меня. Она допускала возможность падения — кто-то мог упасть, держа Софию на руках, кто-то мог упасть на неё, либо мог произойти другой эпизод сдавления, способный вызвать травмы, описанные экспертами. Какой бы ни была точная последовательность событий, судебно-медицинские выводы требовали расследования. Затем пришло психиатрическое заключение. В нём говорилось, что в соответствующий период я находился в так называемом сумеречном состоянии — изменённом состоянии сознания, которое необходимо было учитывать при попытке восстановить события того утра.

Затем появились данные по наркотикам. Наркологическое обследование установило, что у меня не было наркотической зависимости. Что ещё важнее, и кровь, и моча дали отрицательный результат на наркотические вещества. Это имело значение, потому что почти сразу после моего ареста в историю каким-то образом вошли наркотики. На одном из первых судебных заседаний я уже видел, как полицейский стоял в коридоре и что-то шептал судье. Переводчик рядом со мной наклонился и сказал:

«Полицейский сказал судье, что вы были под наркотиками».

Но теперь существовали иные доказательства. Никаких наркотиков в моей крови. Никаких наркотиков в моей моче. Никакой наркотической зависимости.

Ещё одна часть истории, которую строили вокруг меня, столкнулась с доказательствами. Затем пришли результаты ДНК. Моя ДНК была исключена с одеяла Софии. Потом отпечатки пальцев. Отпечатки, изъятые в ходе расследования, не совпадали с моими. Один результат за другим.

Вскрытие.

Психиатрия.

Наркотики.

Кровь.

Моча.

ДНК.

Отпечатки пальцев.

И вдруг доказательства перестали вести себя так, как было нужно следствию. Они не указывали послушно на Мохамеда Бараката. Как минимум они кричали о необходимости расширить расследование.

Кто ещё находился там?

Что именно произошло тем утром?

Как София получила двустороннюю компрессионную травму?

Чьи отпечатки пальцев были обнаружены?

Почему они не совпадали с моими?

Чья ДНК присутствовала?

Чьей ДНК не было?

Что делала Мадина?

Где она находилась?

Какие вещественные доказательства подтверждали её версию?

Почему её отпечатки пальцев не были взяты и сравнены?

Почему её ДНК не сравнили с соответствующими доказательствами?

И если утверждалось, что я жестоко напал на Мадину — бросил её на кровать, забрался сверху, неоднократно бил, затем снова настиг у двери, душил и наносил удары, — где были соответствующие травмы на её теле? Это были не незначительные детали. Это были фундаментальные судебно-медицинские вопросы. И именно в этот момент расследование должно было остановиться. Не прекратиться навсегда, а остановиться и всё переоценить. Вернуться к самому началу. Отбросить все предположения.

Изучить каждого человека, который находился в той комнате.

Изучить вещественные доказательства.

Изучить результаты экспертиз.

Изучить противоречия.

И задать вопрос, который расследование смерти годовалого ребёнка должно было задавать с самого начала:

Что на самом деле произошло с Софией? Именно это и должно делать расследование - следовать за доказательствами. Но произошло не это. Они начали повторно исследовать доказательства. Это было не какое-то ощущение, которое возникло у меня, пока я сидел в тюремной камере. Экспертизы повторяли и пересматривали. Первоначальные судебно-медицинские выводы существовали.

Вместо того чтобы эти выводы заставили следствие расширить круг возможных объяснений смерти Софии, экспертный процесс продолжался до тех пор, пока не удалось получить новые заключения. Самый поразительный пример касался самой Софии. Последующая судебно-медицинская экспертиза была проведена без тела Софии, её не эксгумировали. Перед экспертами не было её тела. И всё же было составлено новое заключение о травмах и механизме её смерти. Позднее этот процесс стал одним из центральных судебно-медицинских споров в моём деле, включая вопрос о том, соответствовала ли такая повторная экспертиза без тела собственным правилам судебной экспертизы Казахстана.

Подумайте, что происходило. Первоначальные доказательства порождали вопросы. Вместо того чтобы отвечать на эти вопросы, они пытались получить другие доказательства.

Новая экспертиза.

Новое заключение.

Новая попытка.

Тем временем вопросы, которые должны были звучать всё громче, уходили на задний план.

Чьи это были отпечатки?

Почему они не совпадали с моими?

Почему моя ДНК была исключена?

Почему Мадину не проверили?

Что вызвало двустороннее сдавление?

Где были травмы Мадины?

Почему вещественные доказательства не соответствовали рассказываемой версии. Следствие уже выбрало пункт назначения. Теперь доказательства нужно было заставить привести его туда. И по мере того как это продолжалось, сами эксперты оказывались под давлением. Экспертный процесс уже не был просто нейтральным научным исследованием, происходящим независимо от следствия. Экспертизы пересматривались, выводы оспаривались, а доказательства снова и снова подвергались давлению. К тому времени уже слишком многое произошло.

Меня арестовали.

Меня избили.

Меня публично представили убийцей собственной дочери.

Показания были написаны.

Мадину признали потерпевшей.

СМИ получили готовую версию.

На мою семью оказывали давление.

Обсуждались деньги.

Люди уже связали себя с одной версией событий.

Машина уже двигалась.

А теперь представьте, что произойдёт, если кто-то дёрнет аварийный тормоз и скажет: Стоп. Доказательства не подтверждают то, что мы говорили. Что произойдёт, если после всего, что со мной уже сделали, доказательства скажут: Вы арестовали не того человека?

Теперь это уже не просто неловкая ошибка. Нужно отвечать на вопросы.

Почему его избили?

Почему ему не дали попрощаться с дочерью?

Почему его публично представили её убийцей?

Почему другого человека, находившегося в комнате, не расследовали должным образом?

Почему у неё не взяли отпечатки пальцев?

Почему её ДНК не сравнили?

Почему судебные экспертизы повторяли?

Почему первоначальным выводам не последовали?

Кто что санкционировал?

Кто что знал? И когда?

В какой-то момент исправить ошибку становится опаснее для людей, которые её совершили, чем продолжать её поддерживать. И, по моему убеждению, именно до этой точки дошло моё дело. Моя невиновность

перестала быть просто неудобной, она стала опасной. Однажды Нурлан Болатов пришёл ко мне в следственный изолятор. К тому времени у меня уже был новый адвокат, её звали Айгуль. Позже я расскажу о ней гораздо больше. Во время этого визита Айгуль ненадолго вышла из комнаты. Впервые за долгое время мы с Нурланом остались одни.

Он сразу начал говорить, что ему нужно поговорить со мной наедине, без моего адвоката. Я смотрел на него.

«Зачем?»

Тогда он сказал то, чего я не забуду никогда.

«Мы знаем, что ты не убивал Софию».

Я посмотрел на него. После всего, что произошло, я не был уверен, что правильно его расслышал. Затем он продолжил.

«Но ты не понимаешь нашу правовую систему».

Что-то внутри меня взорвалось. Месяцами я носил в себе гнев, горе и беспомощность, которым некуда было выйти. Этот человек стоял передо мной после всего, что произошло.

После смерти моей дочери.

После моего ареста.

После того как меня избили.

После того как он пообещал мне: если я подпишу заявление на русском языке, мне позволят увидеть Софию.

После того как я умолял дать мне её увидеть.

После того как они похоронили её без меня.

После того как мне отказали в возможности в последний раз обнять мою дочь.

После того как СМИ превратили меня в чудовище.

После того как сами судебные доказательства начали противоречить делу, которое они строили.

И теперь следователь, отвечавший за моё дело, стоял передо мной лицом к лицу и говорил:

«Мы знаем, что ты не убивал Софию».

Мой голос начал повышаться.

«Ты не дал мне попрощаться с моей дочерью, Нурлан!»

Он стоял молча. Я заговорил ещё громче.

«Ты не дал мне похоронить мою дочь, Нурлан!»

Теперь наружу выходило всё. Месяцы ярости, месяцы горя и месяцы неспособности понять, как люди, которые якобы расследуют смерть моей дочери, могли вести себя таким образом.

Я кричал.

«Все видят, что это сделала она, Нурлан!»

Теперь я кричал во весь голос. И тогда я произнёс слова, которые, вероятно, носил в себе с того самого момента, когда меня заперли за этими дверями.

«Я уничтожу тебя, Нурлан!»

К тому времени Нурлан Болатов обильно потел. Он сел на маленький табурет и несколько секунд он молчал. Он собрался с мыслями, и затем поднял на меня взгляд. И что-то в выражении его лица изменилось. Возможно, впервые я увидел не капитана Нурлана Болатова, следователя. Я увидел человека под этой должностью.

Он выглядел измождённым. И в его тоне было что-то, что я воспринял почти как отвращение — не ко мне, а к системе и к тому, во что превратилось расследование. Он посмотрел прямо на меня.

Затем сказал:

«Это Казахстан, Мохамед».

Вот и всё.

Не: Доказательства подтверждают твою вину. Не: Ты ошибаешься.

Не: Эксперты доказали, что ты убил Софию.

Не: Доверься следствию.

Не: Суд установит истину.

Только:

«Это Казахстан, Мохамед».

Тогда я ещё не мог понять, насколько важными станут для меня эти четыре слова. Я проведу годы, изучая уголовно-процессуальный кодекс Казахстана.

Годы, читая экспертные заключения.

Годы, оспаривая выводы экспертов.

Годы, наблюдая, как экспертизы пересматриваются.

Годы, направляя жалобы прокурорам.

Годы, обращаясь в суды.

Годы, жалуясь в Генеральную прокуратуру.

Годы, пытаясь заставить Верховный суд посмотреть на то, что произошло.

Годы, пытаясь добиться, чтобы кто-нибудь вернулся к самому началу.

Будут тысячи страниц, экспертные заключения, судебные решения, постановления прокуроров, ходатайства, апелляции, отказы, официальные письма, юридические заключения, международные адвокаты, правозащитные организации и переписки с Посольством Великобритании.

Тысячи и тысячи слов, пытающихся объяснить то, что Нурлан Болатов объяснил мне четырьмя. Потому что доказательства уже начали задавать правильный вопрос. Система просто отказалась следовать за ними. И сидя на том табурете передо мной, обливаясь потом после того, как сказал, что они знают, что я не убивал свою дочь, следователь, отвечавший за моё дело, дал мне самое короткое объяснение системы правосудия Казахстана, которое я когда-либо получал. Я до сих пор вижу, как он смотрит на меня снизу вверх.

Я до сих пор слышу его голос.

«Это Казахстан, Мохамед».

Глава 75: Камера 197

Меня обманули. Я заплатил первые 1 500 долларов Шокару, оперу, отвечавшему за коридор, и наконец меня перевели в камеру 55. На мгновение показалось, что деньги сработали. В камере было всего четыре других заключённых. Двое говорили по-английски. Очевидно, это были состоятельные люди, и по сравнению с тем, где я жил до этого, условия были совершенно другими. Там был смартфон и там были два миниатюрных телефона Nokia.

Наконец я мог нормально разговаривать с внешним миром. Впервые за несколько недель мне показалось, будто я купил себе крошечный кусочек человеческого достоинства. Это продлилось меньше сорока восьми часов. Затем меня отправили прямиком обратно в камеру 57. Объяснили, что я иностранец под строгим контролем. Но происходило и кое-что ещё. Приехал Нурлан Болатов.

Первые результаты психиатрической экспертизы оказались не такими, как хотело следствие, и теперь он пытался вмешаться в то, что должно было произойти дальше. Он вызвал меня вниз, в камеры временного содержания. Там Нурлан сказал мне нечто, что едва не сломало остатки моего рассудка.

«Мохамед, если ты не признаешься, мы просто эксгумируем тело твоей дочери и переломаем все кости в её теле».

Несколько секунд я не мог осмыслить эти слова. Эксгумировать Софию? Выкопать моего ребёнка из земли? Переломать ей кости? Есть угрозы, которые можно направить против самого мужчины. Избить его, морить голодом, морозить, запереть или унижать. После достаточного количества такого обращения ты начинаешь вырабатывать способы выживания. Но София была другим. София была единственным местом в моём сознании, куда им не позволялось прикасаться.

Она уже была мертва.

Они уже лишили меня возможности попрощаться с ней.

Они уже похоронили её, пока я сидел в камере.

Теперь он угрожал её телу. Я вернулся наверх, в камеру 57, и эти слова снова и снова крутились у меня в голове. Не успел я даже начать их осмысливать, как в коридоре уже ждали охранники.

«Собирай вещи. Тебя переводят».

Опять? Куда? Никто ничего не объяснил. Я собрал те немногие вещи, которые у меня были, и пошёл за ними. В конце концов мы остановились у другой камеры под номером 197. Дверь открылась. Как только я вошёл, сразу понял, что что-то не так.

Это была не обычная камера. Я оказался в психиатрическом отделении. Я огляделся, на стенах были самые отвратительные изображения. Мужчины внутри выглядели серьёзно психически больными. Некоторые сидели по углам и раскачивались взад-вперёд. Другие просто смотрели на стены. Никому не нужно было объяснять мне, где я оказался. Мой разум уже

перегревался. Всё, что произошло за предыдущие недели, одновременно сталкивалось у меня в голове. София, Мадина, избиения, допросы, психиатрические экспертизы, угрозы и теперь слова Нурлана. Мы эксгумируем тело твоей дочери. Мы переломаем все кости в её теле. Голова раскалывалась.

Глаза болели где-то глубоко за глазницами.

Моё тело начало неудержимо дрожать.

Я не мог это остановить.

Я лёг на металлическую койку.

Комната начала исчезать вокруг меня.

И я потерял сознание. Когда я очнулся, несколько секунд не понимал, где нахожусь. Потом посмотрел в сторону двери камеры. Через глазок на меня смотрел глаз. Он наблюдал за мной и через несколько мгновений он исчез. Потом появился снова. Примерно каждые пятнадцать минут:

Глаз, затем исчезает.

Глаз, затем исчезает.

О Аллах, где же я оказался? Что это за люди? К кому они меня сюда поместили? Казалось, будто я проснулся внутри фильма Стивена Кинга. Мужчины, раскачивающиеся по углам. Странные рисунки по всем стенам. Лица, уставившиеся в пустоту. И каждые пятнадцать минут этот странный маленький глаз появляется в двери. Наблюдает, проверяет и ждёт. Мне нужен был телефон немедленно. Мне нужно было поговорить с семьёй. Мне нужно было, чтобы кто-то за пределами этих стен знал, куда меня поместили и что только что сказал мне Нурлан. В стене было отверстие, соединявшее нашу камеру с соседней. Я оглядел мужчин в комнате. Один из них встретился со мной взглядом. Я приложил большой палец к уху, а мизинец направил ко рту.

Универсальный тюремный знак- телефон. Он посмотрел на меня и кивнул в сторону отверстия в стене. Я подошёл.

«Ас-саляму алейкум».

С другой стороны ответил голос.

«Ва алейкум ас-салям».

«English? English?» — спросил я.

С другой стороны зашевелились. Затем у отверстия появился русский мужчина по имени Дима.

«Эй, man. Я знаю, кто ты. Я каждый день читаю твои новости».

Потом прозвучал вопрос, который я уже привык слышать.

«Почему ты убил дочь?»

«Я никого не убивал», — сказал я.

«Мне нужен телефон. Быстро».

Дима сразу понял.

«О, о. Тут очень дорого», — сказал он.

«Очень, очень дорого».

«Сколько?»

Я слышал, как они обсуждают это по другую сторону стены. Потом Дима вернулся.

«Восемьдесят тысяч».

80 000 тенге. В то время — чуть больше двухсот долларов.

«Хорошо. Без проблем».

Дима начал смеяться своим густым русским акцентом.

«Без проблем!»

Остальные тоже засмеялись. Для них это было смешно. Какой-то англичанин появился в психиатрическом отделении и готов был заплатить 80 000 тенге за миниатюрную Nokia, даже не торгуясь. Мне было всё равно.

«Хорошо. Вечером».

«Хорошо», — сказал я.

«Хорошо».

Я отошёл от стены. Глаза по-прежнему болели глубоко за глазницами. Тело всё ещё дрожало. Я не мог контролировать руки. Я не мог перестать представлять мужчин, копающих землю. Добирающихся до Софии и открывающих то, в чём она лежала. Прикасающихся к ней и ломающих её крошечные кости. Моя бедная София, ей был один год. Её уже не было, разве этого было недостаточно? Я сидел там, окружённый мужчинами, которые раскачивались взад-вперёд и смотрели в пустые стены, пока каждые пятнадцать минут через дверь появлялся глаз, чтобы проверить, всё ли ещё я здесь. И, возможно, впервые я понял, что внутри этой системы существуют места, где сами стены можно использовать против твоего разума.

Бейте меня.

Угрожайте мне.

Запирайте меня.

Делайте со мной всё, что хотите.

Но не трогайте мою дочь.

Не трогайте Софию.

Я точно помню, что происходило у меня в голове. Это было нерационально. Я уже не мыслил рационально. Я горевал, был напуган, измотан и психологически разрушался.

В голове повторялась только одна мысль: Моя бедная София. Если они к ней прикоснутся, я покончу с собой. Клянусь, я покончу с собой.

Глава 76: Мужчины, у которых ничего нет

Есть многое, о чём я не могу рассказать в этой книге. Пока не могу, особенно когда речь идёт о пытках и жестоком обращении. Причина очень проста: Я всё ещё живу внутри этой системы. Люди, причинившие часть этих страданий, тоже всё ещё здесь. Когда эта книга в конце концов выйдет, я ни секунды не сомневаюсь, что из-за написанного мной будут задавать вопросы, состоятся разговоры и возникнут ситуации, с которыми мне придётся иметь дело. Поэтому есть вещи, о которых я знаю, но которые пока должны остаться

ненаписанными. Есть имена, которые я не могу поместить на эти страницы. Есть события, которые я не могу описать. Есть подробности, которые я не могу вам рассказать, пока всё ещё сплю за этими стенами. Но тем, кого отправляли в мою камеру, и тем, кто посылал их туда причинять боль: Вы знаете, кто вы. И вы знаете, что сделали. Однако есть и другие вещи, которые я могу описать. То, что происходит открыто. То, что можно увидеть, просто живя здесь. И, возможно, больше всех внутри этой системы страдают не богатые заключённые, не бандиты и не известные узники. Это мужчины, у которых ничего нет.

Нет денег.

Нет влиятельных друзей.

Нет семьи, присылающей передачи.

Никто не пополняет счёт.

Никто не приносит лекарства.

Никто не приходит к воротам с едой, сигаретами, средствами гигиены или чистой одеждой.

Для этих мужчин система не просто лишает их свободы, она их поглощает. Когда заключённый прибывает, ему выдают одежду настолько низкого качества, что её трудно описать, не создав впечатления, будто я преувеличиваю. Материал на ощупь почти как пластик. Некоторые вещи можно практически разорвать двумя пальцами. Пластиковая обувь, две пары полиэстеровых брюк, полиэстеровая куртка, полиэстеровая шапка и две футболки, которые почти сразу меняют цвет от пота.. И это примерно весь твой новый гардероб.

Предполагается, что должны выдавать и другие вещи. Нижнее бельё, мыло, зубную пасту, бритву и базовые средства гигиены. Мы действительно получаем простыни, а иногда грубое одеяло или покрывало. Обычно большая часть этого решается на этапе карантина. После этого вступает в силу реальность. А для человека без денег реальность означает благотворительность.

Чужие старые вещи. Старая рубашка от другого заключённого, чужая обувь, половина тюбика зубной пасты, немного мыла, несколько сигарет и немного еды, передвинутой через стол. Всё, что кому-то другому больше не нужно.

Всегда существует разница между тем, что тюрьма должна предоставлять на бумаге, и тем, что реально доходит до заключённого. И бедность внутри тюрьмы создаёт собственную классовую систему. Мужчины без денег не имеют такого же доступа к вещам, которыми богатые заключённые и бандиты пользуются каждый день.

Стиральная машина физически может существовать где-то рядом.

Нормальный душ может существовать.

Тренажёры могут существовать.

Лекарства могут существовать.

Более хорошая еда определённо существует.

Но существовать и быть доступным — две совершенно разные вещи. Бедные выживают, делая себя полезными. Они убирают, они подметают, они косят траву, зимой они чистят снег, они ремонтируют вещи, они переносят вещи из одного конца тюрьмы в другой, а иногда потом несут те же вещи обратно. Они становятся наблюдателями.

Информация превращается в форму валюты. Кто идёт? Какой сотрудник дежурит? Будет ли обыск? Какой корпус проверяют? Кто вошёл в тюрьму? Где внутренние полицейские? И поэтому эти мужчины учатся быстро добывать информацию и ещё быстрее приносить её тому, кто контролирует среду вокруг них. Иногда всё это место превращается в нелепую игру в кошки-мышки. То, что запрещено, должно исчезать всякий раз, когда приближается внутренняя администрация.

Боксёрские перчатки, боксёрские груши, тренировочное оборудование, комнаты отдыха, большие чемоданы и диваны. Вещи переносят с места на место, прячут, снова перемещают, возвращают и снова прячут. Самые бедные заключённые становятся ногами тюрьмы. Они всё носят. Они всё убирают. Они всё слышат. Они всё видят. И поскольку у них почти нет ничего своего, их полезность становится одной из немногих вещей, которыми они обладают. Но больше всего меня задевает то, что происходит с их телами. Если у тебя нет денег, получить нормальное медицинское лечение становится чрезвычайно трудно. Стоматологическое лечение — вообще отдельная проблема. Ты смотришь, как у мужчин разрушаются зубы.

Один выпадает, потом другой, потом ещё один. Я сам уже потерял три. Питание этому не помогает. Как и гигиена полости рта. А затем есть сама еда. Если у тебя нет семьи, денег и никого, кто присылает еду в тюрьму, в конце концов приходится выживать на том, что даёт тюрьма. И рано или поздно ты превращаешься в ходячий скелет. Большинство из нас, у кого есть другая возможность, редко съедают полный тюремный приём пищи. На это есть причина. На завтрак обычно какая-нибудь каша- перловка, а иногда кукурузная.

Казахстан богат зерном, поэтому зерно есть всегда. Но каким-то образом им удаётся превратить его во что-то, на вкус похожее на картон. Иногда добавляют сахар. Обычно это просто безвкусная жижа, пропитанная запахом всего остального, что готовилось в тех же огромных кастрюлях. Еда должна быть одной из немногих вещей, которых заключённый ждёт с нетерпением. Здесь она может стать одним из самых удручающих моментов дня. Бывали периоды, когда нас принуждали ходить в столовую и есть.

Всё превращается в процедуру. Мы собираемся по отрядам. Ряды по пять человек. Проверяют форму. Проверяют волосы, чтобы убедиться, что они коротко подстрижены. Проверяют лица, чтобы все были чисто выбриты. Нарушишь одно из этих правил — тебя снимают на видео и оформляют нарушение.

Наберёшь достаточно нарушений — можешь оказаться на пути в изоляцию. Потом мы маршируем. В конце концов доходим до того, что все называют сеткой. По лестнице наверх и потом во внутрь. И ещё до того, как увидишь еду, ты чувствуешь её запах. Всё помещение воняет тем, что тебе сейчас предстоит есть. Мы выстраиваемся бок о бок рядом со стульями. Никто не садится. Поступает команда- шапки снять. Затем другая команда- сесть. И появляется еда. Металлическая миска с бульоном из едва вымытой картошки и моркови, в котором плавают кусочки мяса. Никто толком не знает, что это за мясо.

Иногда появляется упаковка с настолько старыми сроками годности, что смотришь на них и не веришь своим глазам. Десять лет. Пятнадцать лет. Мясо может вонять свернувшейся кровью и морозильной гарью. Потом хлеб, кусок тюремной буханки. И насчёт него мы тоже выработали своё правило. Ешь корку, а с мягкой серединой осторожнее. Съешь слишком много — люди жалуются, что им становится плохо. Вот так мы и сидим. Ряды заключённых в одинаковой дешёвой форме, едящих из металлических мисок по команде.

Я поднимаю взгляд. На стене старая унылая картина, нарисованная заключённым. Миска с фруктами. Я смотрю на неё и вместо того чтобы смотреть на еду перед собой, начинаю представлять вкус фруктов на картине- арбуз и клубника. Вещи, которые звучат совершенно обыденно, пока не проживёшь годы, не пробуя их.

Нам везёт, если изредка дают яблоко. Странно, что тюрьма делает с твоим воображением. На воле можно пройти через супермаркет и едва заметить горы фруктов. Внутри можно смотреть на плохо нарисованный арбуз на стене и почти чувствовать его вкус. Я снова опускаю взгляд на металлическую миску. В супе плавает таракан. Я ничего не говорю, просто не осмеливаюсь. Потому что если я укажу на него и у всех остальных пропадёт аппетит, внезапно проблемой стану я. Тогда с другого конца стола начинаются комментарии. Мохамед считает себя слишком хорошим, чтобы это есть, англичанин не хочет есть, поэтому я молчу. Я медленно откусываю корку хлеба. Мне страшно там есть. За время в тюрьме у меня дважды диагностировали кишечных паразитов. Оба раза моим сёстрам приходилось организовывать лекарства снаружи.

Лекарства дорогие, доставить их в тюрьму трудно и даже после того, как моей семье удаётся их достать и передать, мне ещё повезёт, если всё это действительно дойдёт до меня через тюремную медчасть. Поэтому я сижу и смотрю на таракана и жую хлеб. Вокруг меня другие мужчины едят, потому что вынуждены. Не потому, что им нравится еда. Не потому, что они не видят того, что вижу я.

Потому что больше ничего не придёт. Вот в чём разница. Я могу отказаться от миски, потому что где-то за этими стенами у меня есть семья. Кто-то думает обо мне. Кто-то организует еду. Кто-то попытается найти

лекарства. Для мужчины, сидящего напротив меня, у которого никого нет, эта отвратительная миска — не вариант, а это его ужин.

Когда еда заканчивается, происходит то, что показалось мне совершенно странным, когда я впервые это увидел. Зэки облизывают ложки. Потом кладут их в карманы. По тюремной логике, оказывается, если ты облизал ложку, она чистая.

И мы снова отправляемся маршем. Назад через тюрьму, назад в отряд и назад в камеру.

Завтра всё повторится. И на следующий день. И ещё на следующий. Рацион также помогает понять ещё одну вещь, которую в тюрьме видишь повсюду.

Сахар и конфеты — повсюду. Они кажутся незначительными, пока не поживёшь здесь. Конфета даёт небольшой всплеск энергии. Что-то приятное, что-то другое, что-то, чего твой мозг может ждать. Чай и конфеты превращаются в маленькие события в течение дней, когда почти ничего не происходит. Со временем понимаешь, насколько психологически важными они стали.

Зависимость от сахара здесь реальна. Отбери у человека конфеты — и можно буквально увидеть, как меняется его настроение. Люди становятся несчастными, раздражительными И подавленными. Они начинают спрашивать:

«Конфеты есть?»

Есть конфеты? Такой маленький вопрос. Но тюрьма сводит жизнь к мелочам. Сигарета, конфета, чашка чая, десять минут на улице, телефонный звонок, чистая пара носков и яблоко. Вещи, о которых на воле даже не думаешь, внутри становятся событиями. А ещё есть чифирь.

Это не чай в том смысле, в каком большинство британцев понимают это слово. Это чрезвычайно концентрированный чай с глубокими корнями в советской и постсоветской тюремной культуре. Когда впервые видишь, как его готовят, кажется, что кто-то неправильно понял саму идею чая. Нелепое количество чайных листьев кладут в сравнительно небольшое количество воды. Треть коробки, иногда на вид половину коробки. В результате получается почти чёрная жидкость. Горькая, тяжёлая и на мой вкус — совершенно отвратительная. Но заключённые пьют его крепким, очень крепким. Для мужчин, живущих однообразной жизнью почти без стимулов, чай, сигареты и сахар становятся способами протащить тело через ещё один день. И есть что-то почти исторически тревожное в том, чтобы за этим наблюдать. Советский Союз исчез, флаг изменился, страна изменилась, форма изменилась. И всё же вот он — тот же тёмный тюремный напиток, чифирь, передаваемый от одного поколения заключённых другому. А ещё запах.

Нельзя правдиво писать о тюрьме, не написав о запахе. Для многих из этих мужчин доступ к душу ограничен. Представьте себе работу, пот, сон в

переполненных условиях, дешёвый полиэстер на теле, курение и плохое питание. А затем ожидание следующей возможности нормально помыться. Основное мыло, которым мы пользуемся, называется хозяйственное мыло. Хозяйственное мыло это мыло для стирки.

Старомодное, простое, практически без запаха мыло советского типа. Ты моешься тем, что у тебя есть. Стираешь одежду тем, что у тебя есть. Выживаешь с тем, что у тебя есть. И постепенно с человеком что-то происходит. Не только физически, но и психологически. Внешний мир начинает исчезать из него.

Его одежда меняется.

Его запах меняется.

Его зубы меняются.

Его язык меняется.

Его осанка меняется.

Его ожидания меняются.

В конце концов меняется даже его имя. Он становится зэком.

Ещё один заключённый.

Ещё одна форма.

Ещё один мужчина, пьющий чифирь.

Ещё один мужчина, ожидающий банного дня.

Ещё один мужчина, спрашивающий конфеты.

Ещё один мужчина, у которого болит зуб, но который не может позволить себе нормальное лечение.

Ещё один мужчина, чистящий снег.

Ещё один мужчина, таскающий чей-то диван, потому что идут внутренние менты.

Ещё один мужчина, следящий за коридором, потому что информация — одна из немногих доступных ему валют.

Ещё один человек, которого медленно превращают в функцию учреждения.

И вот здесь деньги меняют всё. На протяжении этой книги я описывал коррупцию, платежи и подпольную тюремную экономику. Но у этой истории есть и другая сторона. Если у тебя есть деньги, система тебя эксплуатирует. Если у тебя ничего нет, система тебя использует.

Моя семья поддерживала меня. Они присылали еду. Они присылали одежду. Они платили за то, что мне было нужно. Это не защищает человека от тюрьмы, насилия или унижения. Но после многих лет внутри я понимаю, какую огромную разницу создаёт наличие кого-то снаружи. Потому что я жил рядом с мужчинами, у которых никого нет. Я ел с ними, я спал рядом с ними, я работал рядом с ними. Я видел, как они выпрашивают сигареты. Я видел, как они делят последние конфеты в пачке. Я видел, как изнашивается их одежда. Я видел, как исчезают их зубы. Я видел, как их тела становятся всё худее. И я видел, как тюрьма постепенно

превращается во всю их вселенную. Позже я расскажу о том, что тюрьма официально должна предоставлять в плане питания, одежды, гигиены и медицинской помощи, и сравню это с тем, что реально доходит до нас. А пока я хочу, чтобы вы поняли нечто гораздо более простое. Представьте, что вы живёте так не неделю, не месяц и даже не год. Представьте, что вы делаете это пятнадцать лет или двадцать лет. Посмотрите на мужчин, которые достаточно долго выживали на самом дне этой системы, и вы увидите это на их лицах.

Щёки впадают, зубы исчезают, одежда висит на них, плечи опускаются и некоторые скорее шаркают, чем ходят. Кажется, будто что-то выкачали из их глаз. Ходячие зомби. Бывают моменты, когда я смотрю на некоторых самых бедных и истощённых заключённых, и в голове возникает образ, которого мне хотелось бы не видеть. Фотографии истощённых узников нацистских концлагерей, которые я видел на протяжении всей жизни. Я не говорю, что эта тюрьма — нацистский концлагерь. История, обстоятельства и преступления совершенно иные. Я говорю вам о том, какие ассоциации вызывает у меня физический вид некоторых из этих мужчин.

Впалые щёки, тонкие тела, одежда, свободно висящая на них и глаза, словно из них медленно вытянули саму жизнь.

И тогда я напоминаю себе: Это не исторические фотографии. Эти мужчины стоят передо мной. Они живы и они отбывают наказание. И некоторые из них будут жить так пятнадцать или двадцать лет. Тогда начинаешь понимать, что на самом деле означает бедность внутри тюрьмы. За этими стенами деньги определяют комфорт. Внутри этих стен деньги могут определять, съешь ли ты то, что способен проглотить. Сможешь ли заменить гнилой зуб. Получишь ли лекарство, когда внутри твоего тела живут паразиты. Сможешь ли нормально помыться. Будет ли у тебя нормальная обувь. Будет ли у тебя зубная паста. Сможешь ли ты отказаться от металлической миски с плавающим в ней тараканом.

Люди снаружи представляют лишения как отсутствие всего. Тюрьма учит, что у «ничего» бывают степени. Есть почти ничего, но ты знаешь, что на следующей неделе придёт мать. Есть почти ничего, но ты знаешь, что жена пришлёт передачу. Есть почти ничего, но ты знаешь, что где-то кто-то о тебе думает. А есть — никого. Никакой передачи, никаких денег, никаких лекарств, никакой еды, никакой новой обуви, никакой зубной пасты, никакого адвоката, который борется и никакой семьи, которая звонит. Никого абсолютно кто их ждёт. Вот таких мужчин система может проглотить целиком.

Завтра двери снова откроются. Они построятся рядами по пять. Их форму проверят. Их волосы проверят. Они промаршируют в столовую. Они встанут рядом со своими стульями. Шапки снять, сесть, перед ними поставят очередную металлическую миску и они будут есть. Потому что никто снаружи не придёт их накормить. Суд может дать двум мужчинам

совершенно одинаковое количество лет. Но мужчина с деньгами и семьёй отбывает одно наказание. Мужчина, у которого ничего нет — другое.

Глава 77: Второй суд

Самоубийство в местах содержания под стражей повсюду. Попытки, угрозы и шрамы поперёк рук и шеи.

Мужчины, которые резали себя.

Мужчины, которые зашивали себе рты.

Мужчины, дошедшие до точки, где смерть кажется предпочтительнее ещё одного дня внутри системы, которая, как они верят, отказывается их слышать. Люди снаружи часто неправильно понимают, почему это происходит. Они представляют, что человек совершил какое-то ужасное преступление, внезапно осознал, что отправится в тюрьму, и не смог справиться с последствиями.

Я жил среди этих мужчин, я слушал их, я читал материалы дел и я месяцами наблюдал, как они обсуждают свои дела между собой.

И снова и снова я сталкивался с другими. С мужчинами, которые говорят, что их уничтожает не сама тюрьма. Их уничтожает убеждение, что их осудили несправедливо и что никакие доказательства не заставят кого-либо их выслушать. Однажды утром в камере 57 я проснулся от странного хрипящего звука. Несколько секунд я не мог понять, что слышу. Потом поднял взгляд.

Саяд висел под потолком. Он сделал петлю из простыней. Камера мгновенно пришла в движение.

Люди закричали.

Мы бросились к нему.

Мы его сняли.

Мы спасли ему жизнь.

В тот же день Саяд получил семнадцать лет лишения свободы. Он утверждал, что никогда не совершал этого преступления. Его обвиняли в половом сношении с несовершеннолетней. И вот та часть, которую нельзя просто отмахнуть в сторону. Согласно материалам дела, о которых я узнал, медицинское обследование установило, что девушка оставалась девственницей. Его ДНК не была обнаружена на её одежде.

А сама девушка встала в суде и сказала: Он никогда ко мне не прикасался. Саяд говорил, что обвинение продолжал поддерживать её отец.

Медицинские доказательства.

Судебно-экспертные доказательства.

И слова самой предполагаемой потерпевшей. Что ещё этот человек должен был предоставить? В тот день суд дал ему семнадцать лет. Позже, в апелляции, срок сократили до шести. В конце концов его перевели из следственного изолятора в лагерь — в колонию. Там Саяд снова попытался

покончить с собой. На этот раз никто не успел до него добраться и он умер. Покойся с миром, Саяд.

Годами я носил его историю с собой. Но ещё сильнее меня потревожило то, что я обнаружил: дела с подобными противоречиями существовали не только в историях, которые заключённые рассказывали друг другу. Я начал находить их и за этими стенами.

«Меня никто не насиловал»

Возьмём другой случай в Казахстане. Трое подростков в Западном Казахстане были осуждены по делу о предполагаемом групповом изнасиловании тринадцатилетней девочки. Согласно опубликованным материалам об апелляции, медицинское обследование установило, что девочка была девственницей. А затем были её собственные слова. Как сообщалось, в записанных показаниях девочка сказала:

«Меня никто не насиловал. Я ни с кем не спала».

В публикации говорилось, что она объяснила: боялась возвращаться домой после того, как провела ночь вне дома, и рассказывала о прежних угрозах отправить её в центр адаптации несовершеннолетних. Родственники осуждённых подростков утверждали, что полиция давила на мальчиков, заставляя их признаться. Можно было бы представить, что такие доказательства как минимум заставят систему остановиться.

Медицинские доказательства.

Предполагаемая потерпевшая говорит, что её не насиловали.

Вопросы о том, как вообще возникло первоначальное обвинение.

Вместо этого, согласно публикации, когда дело дошло до апелляции, суд добавил ещё по одному месяцу к срокам всех троих подростков. Прочитайте это ещё раз. Девочка сказала, что её никто не насиловал. Опубликованные сведения о медицинском обследовании говорили, что она была девственницей. И их сроки увеличились. Эта история сразу напомнила мне Саяда.

Другие люди.

Другое дело.

Другие обстоятельства.

Но тот же вопрос: В какой момент доказательствам позволено победить обвинение? В Алматы в 2019 году было ещё одно чрезвычайное дело. Трое молодых мужчин получили по восемь лет по делу об изнасиловании. Затем школьница, находившаяся в центре дела, публично попросила их оправдать. Она сказала, что её никто не насиловал, и заявила, что дала обвиняющие показания под давлением. Само по себе это не говорит нам автоматически обо всём, что произошло. Отказ от прежних показаний тоже необходимо расследовать. Людей могут заставить выдвинуть обвинение. Их также могут заставить отказаться от него.

Именно в этом и смысл. Расследуйте, а не выбирайте просто то заявление, которое даёт нужный вам результат. Проверяйте его по объективным

доказательствам. Казахстан знает, что ложные обвинения существуют и никто всерьёз не может утверждать, что заведомо ложных обвинений в Казахстане просто не бывает, потому что собственные суды и прокуроры Казахстана привлекали людей за них к ответственности. В 2016 году женщина из Алматы была осуждена после того, как власти пришли к выводу, что она выдумала обвинение в изнасиловании, чтобы скрыть травмы, которые на самом деле получила во время пьяной драки с другой женщиной. Свидетели драки опровергли её историю, и в конце концов она призналась в содеянном. Ей назначили один год ограничения свободы.

В другом деле в Казахстане, о котором сообщалось в 2018 году, женщина обвинила женатого любовника в изнасиловании после того, как узнала, что он скрывал свой брак. Расследование по изнасилованию прекратили, когда обвинение не подтвердилось; она призналась, что сделала заявление в гневе, и была осуждена за ложный донос. В Восточном Казахстане в 2020 году другая женщина в ходе расследования утверждала, что мужчина изнасиловал её у дороги. Согласно опубликованному судебному решению, судебные экспертизы в итоге выявили серьёзные нестыковки в её версии. Она призналась, что выдумала обвинение, и была осуждена за заведомо ложный донос.

А в другом деле в Восточном Казахстане специальные прокуроры установили, что женщина добровольно вступила в половую связь со знакомым, а на следующий день заявила об изнасиловании. Впоследствии её осудили за заведомо ложное обвинение. Это не тюремные сплетни. Само управление прокуратуры Восточного Казахстана опубликовало информацию об этом деле. Orda сообщала ещё об одном показательном примере сложности, окружающей подобные обвинения. В 2026 году полиция проверяла публичные заявления блогера о том, что отец якобы сексуально насиловал её в детстве; согласно материалу Orda, полиция заявила, что проверка не подтвердила эти утверждения. Ни одно из этих дел не доказывает, что другая заявительница лжёт. Они устанавливают нечто гораздо более простое:

Люди иногда выдвигают ложные обвинения.

Женщины могут лгать.

Мужчины могут лгать.

Родители могут лгать.

На детей могут оказывать давление.

Свидетели могут лгать.

Полицейские могут лгать.

Обвиняемые, разумеется, тоже могут лгать.

А предполагаемые потерпевшие могут говорить правду. Именно поэтому мы придумали доказательства. Не верьте мужчине. Не верьте женщине. Верьте доказательствам. Есть и другая сторона, о которой необходимо сказать ясно.

В Казахстане есть и настоящие жертвы изнасилования и сексуального насилия, к заявлениям которых не отнеслись должным образом. Orda документировала случаи, когда предполагаемые потерпевшие и их семьи жаловались на недостатки расследований. Она также сообщала об исключительной процессуальной истории дела об изнасиловании, в котором блогер был осуждён, затем оправдан в апелляции, после чего Верховный суд Казахстана отменил оправдательный приговор.

Это важно, потому что я не утверждаю, что Казахстан должен перестать верить женщинам. Я не утверждаю, что каждый мужчина, сидящий рядом со мной и заявляющий о своей невиновности, действительно невиновен. Это было бы нелепо. Я утверждаю нечто гораздо более фундаментальное.

Не верьте мужчине потому, что он мужчина. Не верьте женщине потому, что она женщина. Верьте доказательствам. Если женщина говорит, что её изнасиловали, расследуйте это серьёзно и защитите её. Соберите судебно-медицинские доказательства, сохраните одежду, возьмите ДНК, правильно проведите медицинское обследование, опросите свидетелей, проверьте версию подозреваемого и проверьте её версию. Только после этого привлеките виновного к ответственности, если доказательства устанавливают состав преступления.

Но если медицинские доказательства противоречат обвинению, исследуйте это противоречие.

Если ДНК исключает обвиняемого там, где его ДНК разумно ожидалось бы обнаружить, исследуйте это.

Если сама предполагаемая потерпевшая говорит, что обвиняемый никогда к ней не прикасался, не притворяйтесь, будто этих слов не существует.

И если кто-то намеренно сфабриковал обвинение, расследуйте и это.

Это не направлено против женщин, это правосудие.

Суд после суда

Внутри тюрьмы с уголовными делами происходит нечто необычное, начинается второй суд. Он неофициальный, там нет судьи, нет прокурора и нет мантий. Но есть то, чем заключённые обладают почти в неограниченном количестве: Время. Когда кто-то приходит с серьёзным приговором, особенно за определённые преступления, другие заключённые хотят точно знать, почему он здесь.

И слова:

«Я невиновен».

Не значат абсолютно ничего. Так говорят все. Поэтому они начинают копать. Умные заключённые читают приговоры. Они читают экспертные заключения, сравнивают показания свидетелей, смотрят даты и находят противоречия.

Спрашивают, что первоначально говорил предполагаемый потерпевший.

Спрашивают, что изменилось.

Спрашивают, что показало медицинское обследование.

Спрашивают о ДНК.

Спрашивают об отпечатках пальцев.

Спрашивают, кому это было выгодно.

Спрашивают о деньгах.

И допрашивают тебя.

Снова. И снова. И снова. Потому что никто не хочет позже обнаружить, что человек, спящий рядом с ним, лгал о том, что сделал. Влиятельные заключённые наводят справки. Люди со связями проверяют информацию снаружи. Бандиты находят людей, которые знают семьи. Истории переходят между тюрьмами, районами и городами. И в конце концов неофициальный суд выносит свой вердикт.

Иногда ответ такой: Ты лжёшь, ты это сделал. В тюрьме полно виновных мужчин, которые отрицают свои преступления. Я встречал и таких.

Но иногда люди читают документы. Наводят справки. Задают заключённому жёсткие вопросы. Смотрят на доказательства. И в конце концов по тюрьме распространяется иной вывод: Этого человека подставили. Я видел достаточно таких дел и намерен рассказывать о них на протяжении всей книги.

Для этого нам нужны документы.

Медицинские обследования.

Экспертные заключения.

Приговоры.

Собственные слова предполагаемой потерпевшей.

Видео.

Апелляции.

Всё, что можно независимо проверить.

Потому что после того, что случилось со мной, одного лишь чьего-то слова недостаточно и для меня. Покажите мне доказательства.

Медовая ловушка

И затем мы подходим к теме, которой никто внутри этой системы не может долго избегать- деньги. Обвинение может создать целую экономику вокруг обвиняемого.

Сколько у него денег?

Что принадлежит его семье?

Могут ли они продать дом?

Могут ли взять в долг?

Кто знает следователя?

Кто знает прокурора?

Кто знает судью?

Кто может сделать телефонный звонок?

Кто может «решить» проблему?

Кто может уменьшить срок?

Кто может сделать так, чтобы дело исчезло? Некоторые из тех, кто предлагает такие услуги, несомненно, мошенники. Другие заявляют о своих связях. Но когда семья верит, что их сын, муж, брат или отец может потерять пятнадцать или двадцать лет своей жизни, отчаяние делает их уязвимыми. Это отчаяние превращается в медовую ловушку. А обвинения, связанные с женщинами и детьми, создают огромный страх, потому что общественное осуждение может начаться ещё до того, как доказательства вообще будут изучены.

И тогда появляется кто-то и говорит: Платите, мы всё решим. Вот где правосудие начинает превращаться в рынок.

Я знаю этот мир, потому что жил внутри него. Один из вопросов, которые я постоянно слышал после ареста, был не: «Какие у них есть доказательства против тебя?» А: «Ты заплатил?»

Сначала я не мог понять, почему все продолжали меня об этом спрашивать. Спустя годы я понимаю прекрасно. Когда напуганные семьи начинают понимать, что доказательства не спасут обвиняемого, любой, кто утверждает, что контролирует исход, внезапно получает нечто чрезвычайно ценное.

У свободы появляется цена.

У уменьшенного срока якобы есть цена.

У благоприятного решения якобы есть цена.

У доступа есть цена.

У защиты есть цена.

И вокруг этого страха вырастают посредники, решалы, бандиты, мошенники и коррумпированные чиновники — каждый ищет свою долю. Вот что такое медовая ловушка. И если сами обвинения превращаются в возможности для вымогательства или коррупции, то на учреждения, отвечающие за их расследование, ложится ещё большая обязанность опираться на независимо проверяемые доказательства. Потому что государство обладает властью, которой нет ни у одного обычного гражданина. Оно может отнять двадцать лет твоей жизни.

Мой собственный тюремный архив

Я не жду, что вы, читатели, просто поверите каждой истории, которую я вам расскажу. После всего, что я пережил, это сделало бы меня лицемером. Поэтому по мере продолжения этой книги, когда я буду знакомить вас с заключёнными, чьи дела лично изучал, я хочу различать разные уровни доказательств.

Будут дела, где я слышал только рассказ самого заключённого. Я скажу вам об этом.

Будут дела, где я лично изучал его документы. Я скажу вам об этом.

Будут дела, подтверждённые медицинскими доказательствами. Я покажу вам.

Будут результаты ДНК, судебные решения, видео, заявления предполагаемых потерпевших и публичные материалы.

Там, где эти материалы можно законно и безопасно опубликовать, со временем читатель тоже может получить возможность их изучить. И тогда вы решите сами. У человека, работающего сегодня рядом со мной, есть своя история. Он говорит, что предполагаемая потерпевшая вообще никогда его не обвиняла. Он говорит, что обвинение исходило от её матери после конфликта с его матерью. И, что самое необычное, он рассказывает мне, что сама предполагаемая потерпевшая публично появилась на YouTube, заявив, что он невиновен и что обвинения против него были сфальсифицированы. Я не прошу вас принимать его рассказ за истину просто потому, что написал его здесь.

Я хочу найти это видео, я хочу изучить его приговор и я хочу прочитать доказательства. Потому что именно такой стандарт, мне хотелось бы, чтобы применяли бы ко всем нам. И, возможно, в этом величайшая ирония этого места. Иногда осуждённый прибывает в тюрьму и наконец встречает людей, готовых месяцами читать его дело.

Не потому, что они правозащитники. Не потому, что они следователи. Потому что они заключённые, у которых нет ничего, кроме времени. Я видел, как мужчины изучают дела внутри этих стен тщательнее, чем некоторые чиновники, казалось, изучали их до того, как отправить людей сюда. И поэтому я говорю нечто, что звучит абсурдно, пока сам этого не проживёшь: Иногда кажется, что внутри казахстанской тюрьмы больше правосудия, чем в самой системе правосудия Казахстана.

Саяду больше не дали шанса. В первый раз мы его спасли, но во второй раз нас рядом не было. И всякий раз, когда я думаю о нём, я возвращаюсь к одному и тому же вопросу. Что происходит в сознании человека, который верит, что может показать властям медицинское обследование, судебно-экспертные доказательства и слова самой предполагаемой потерпевшей — и всё равно не может заставить их его услышать? В конце концов тюремный срок перестаёт выглядеть числом.

Семнадцать лет, шесть лет, пятнадцать лет или двадцать лет. Он превращается в завтра. И завтра. И завтра. Пока однажды ночью человек не смотрит на простыню и не решает, что не сможет встретить ещё одно завтра.

Я знаю, где заканчивается эта дорога. Покойся с миром, Саяд. И для каждого дела, о котором я буду рассказывать дальше, помните одно правило: Не верьте обвиняемому просто потому, что он говорит, что невиновен. Не верьте обвинению просто потому, что кто-то его подписал. Верьте доказательствам.

Глава 78: Ещё один день, ещё одно самоубийство

13 августа 2026 года. Ещё один день. Ещё одно самоубийство. Вчера заключённый, которого здесь все знали как Лёху, из швейного цеха на третьем

этаже, вошёл в заброшенную часть тюрьмы, которую мы называем холодным цехом. Это старое здание, которое сейчас в основном используют для сбора отходов.

Каким-то образом у него оказался нож. Он вошёл туда один и ударил себя ножом в сердце. Его нашли во время вечерней проверки, примерно в пять часов вечера. Он прибыл сюда всего около двух месяцев назад.

Двадцать один год срока. Я никогда с ним не встречался. Я не знаю его семью. Я не знаю, что происходило у него в голове. Я не знаю, что в конце концов заставило его войти в то заброшенное здание с ножом. И поскольку я не знаю, я не стану придумывать за него историю. Я знаю только, что вчера он был жив. А теперь его нет. Странно то, как быстро тюрьма движется дальше.

Какое-то время люди говорили об этом. Информация разошлась по тюрьме, как всегда. Кто? Где? Как? Когда его нашли? Потом постепенно все вернулись к тому, чем занимались до этого. Тюрьма проглотила ещё одну смерть и продолжила функционировать.

Еду всё так же приносили. Двери всё так же открывались и закрывались. Имена всё так же выкрикивали. Люди всё так же курили. Люди всё так же спорили. Люди всё так же смеялись. Люди всё так же просили кофе, сигареты и конфеты. К вечеру жизнь уже начала закрывать собой пустоту, где исчез ещё один человек. Похоже, на большинство людей вокруг меня его смерть почти не повлияла.

Возможно, завтра все будут обсуждать уже кого-то другого.

Возможно, его смерть где-нибудь появится в официальной записи.

Возможно, о ней сообщат.

Возможно, нет.

Возможно, где-то он просто станет ещё одним номером, ещё одной статистической единицей.

И кое-что в моей собственной реакции тоже меня встревожило. Я не провёл весь вечер, поглощённый произошедшим. Я настолько долго окружён смертью, страданиями, самоповреждением и отчаянием, что очередное самоубийство уже не вызывает во мне той реакции, которую вызвало бы когда-то. Я лежал на кровати и писал.

И в конце концов мне пришла в голову одна мысль: Мы всё равно когда-нибудь умрём. Значит, пока мы здесь, стоит хотя бы постараться изо всех сил. Это может прозвучать странно сразу после рассказа о человеке, который только что лишил себя жизни. Но я имею в виду прямо противоположное тому, чтобы сдаться. Я имею в виду, что даже здесь есть вещи, за которые стоит бороться.

Даже внутри тюрьмы.

Даже после того, как у тебя отняли годы.

Даже когда исчезло почти всё, что когда-то казалось нормальным.

Ты всё ещё можешь на что-то повлиять. Может быть, не в комнате, где ты сидишь. Может быть, не в этом здании. Может быть, даже не в этой стране.

Но где-то гораздо, гораздо дальше. Письмо может уйти дальше, чем можешь уйти ты. Идея может пересечь границу, которую ты пересечь не можешь. История может войти в комнату, куда тебя никогда не допустят. И, возможно, благодаря этому что-то изменится.

Может быть, однажды правительство Великобритании разработает более ясную и прозрачную политику в отношении британских граждан, находящихся в заключении за рубежом и выдвигающих заслуживающие доверия заявления о серьёзном жестоком обращении, процессуальных нарушениях или неправосудном осуждении. Может быть, другой британской семье не придётся годами пытаться понять, что их правительство может и чего не может сделать. Может быть, что-то изменится здесь, в Казахстане.

Процедура.

Условия содержания.

Расследование.

Гарантия защиты.

То, как исследуют чьи-то доказательства. То, как рассматривают чью-то жалобу. То, как обращаются с другим заключённым, когда все вокруг видят, что психологически он рушится. Это огромные системы и менять их трудно. Иногда невероятно трудно. Но «трудно» и «невозможно» — не одно и то же. Тюрьма учит странной вещи о власти.

У тебя может почти не быть власти, но какая-то всё равно остаётся. Они могут решать, когда откроется дверь, они могут решать, когда ты ешь, когда гуляешь, когда спишь и когда видишь семью. Они могут окружить тебя бетоном, сталью и колючей проволокой. Но пока ты способен думать, говорить и писать, остаётся маленькая территория, которую они не контролируют полностью. То, что ты решаешь делать с той жизнью, которая у тебя ещё есть. Вчера человек, которого я никогда не знал, вошёл в холодный цех и к пяти часам вечера он был мёртв.

Сегодня тюрьма продолжается и я тоже. Не потому, что я забыл, что со мной произошло. Не потому, что я это принял. И уж точно не потому, что считаю, будто ничего нельзя изменить. Совсем наоборот, работа ещё есть.

Ещё есть люди, которых я люблю.

Ещё есть вещи, которые стоит разоблачать.

Ещё есть вещи, которые стоит менять.

Ещё есть битвы, за которые стоит сражаться.

Возможно, некоторые из них будут проиграны.

Возможно, некоторые увенчаются успехом уже долго после того, как меня не станет. Но мы всё равно когда-нибудь умрём. Так что пока я всё ещё здесь — я могу хотя бы постараться изо всех сил.

Глава 79: Адвокат, который собирался меня спасти

К тому времени мы сменили адвоката. Хизбуллама больше не было, по крайней мере в качестве моего защитника, и на его место пришла Айгуль. Я

испытал облегчение, так как на том этапе почти любой казался лучше Хизбуллама.

Но я начал замечать ещё одну повторяющуюся особенность казахстанской правовой системы: адвокаты преподносят себя так, будто обладают огромным влиянием, хотя в решающий момент защитник может оказаться почти полностью бессильным. Айгуль умела продавать надежду. Она сказала нам, что хорошо знает Нурлана Болатова. Они вместе учились, она побеждала его в предыдущих делах, и он её боялся. По крайней мере, так нам говорили. Когда твоя дочь мертва, ты сидишь под стражей в чужой стране, а семья отчаянно ищет кого-нибудь, способного тебе помочь, такие заявления звучат чрезвычайно важно. Может быть, наконец мы нашли человека, который знает, как работает эта система. Может быть, кто-то сможет держать Нурлана под контролем. Может быть, кто-то сможет вытащить меня. Айгуль неоднократно говорила о возможности перевести меня под домашний арест, пока продолжается расследование. Надежда стала тем, что адвокаты могли нам продавать. И моя семья платила за неё огромные деньги. Это я намного лучше понял в последующие годы. Гонорары адвокатов в Казахстане могли быть колоссальными, особенно если учитывать, насколько мало влияния адвокат порой мог или хотел противопоставить следователям и прокурорам.

Какова вообще была роль адвоката? Я и сам всё ещё пытался это понять. Примерно на седьмом или восьмом месяце моего содержания под стражей Айгуль пришла с документами и попросила меня подписать материалы дела. Именно тогда начала проявляться ещё одна проблема. Оказывается, по мере готовности экспертных заключений меня должны были надлежащим образом с ними знакомить. Но я почти ни одного из них не видел.

А те, которые я видел, с тем же успехом могли быть написаны иероглифами. Всё было на русском языке. Английский перевод, доступный мне, был настолько плохим, что сложная судебно-экспертная терминология превращалась в бессмыслицу. Предполагалось, что я участвую в собственной защите, при этом едва понимая научные доказательства по делу против меня. В конце концов одним из людей, которые начали помогать мне понимать моё собственное уголовное дело, оказался не адвокат. Это был Дима, русский заключённый в соседней камере.

Мы общались через отверстие в стене. Я передавал ему информацию. Он читал. Потом из отверстия доносился его голос.

«Эй, man».

Я придвигался ближе к отверстию.

«Результаты экспертиз у тебя очень хорошие».

«Что там написано?»

«Пишут, твоей ДНК нет на одежде дочери».

Он продолжал читать.

«Пишут, ребёнок умер от падения».

Потом ещё один результат.

«Эксперты тебя очищают».

Я стоял и слушал через отверстие в тюремной стене, как другой заключённый объясняет мне судебно-экспертные доказательства, касающиеся смерти моей собственной дочери. Подумайте об абсурдности этого. Моя семья платила адвокатам огромные суммы.

Были следователи, прокуроры, переводчики, эксперты и вокруг меня якобы работала целая система уголовного правосудия. И всё же одно из самых ясных объяснений доказательств я получил от русского заключённого по имени Дима, который говорил со мной через отверстие, проделанное кем-то в бетонной стене. Затем Дима задал очевидный вопрос.

«Эй, man. Почему ты ничего не написал против своей жены, если считаешь, что она лжёт?»

Я объяснил, что постоянно говорили адвокаты.

«Мой адвокат говорит, что нам нужна Мадина.

Кажется, здесь есть какой-то закон, по которому она может простить меня в суде».

Наступила пауза.

«Простить тебя за что?»

Ещё одна пауза.

«Похоже, очевидно, что это сделала она».

Я не знал, что сказать.

«Да, но адвокаты всё время говорят именно это».

Эта идея преследовала меня повсюду. Нам нужна Мадина. Мадина должна тебя простить. Адвокаты, казалось, были одержимы примирением с человеком, который на бумаге считался потерпевшей.

Постепенно я понял почему. В Казахстане примирение с потерпевшим может иметь важные правовые последствия для определённых категорий преступлений. В бесчисленных делах деньги переходят из рук в руки, потерпевший прощает обвиняемого, а адвокаты пытаются использовать это примирение, чтобы прекратить уголовное преследование или смягчить последствия. Но была одна огромная проблема с применением такого мышления к моему делу.

Простить меня за что? Я говорил, что не убивал Софию. Я всё больше ставил под сомнение действия самой Мадины. Судебно-экспертные доказательства, которые я наконец начал понимать, поднимали вопросы, совершенно отличные от версии, которую строили против меня. И всё же вместо того чтобы сказать: Тогда давайте расследовать Мадину, стратегия, казалось, оставалась прежней:

Не раздражайте Мадину.

Нам нужна Мадина.

Может быть, Мадина тебя простит.

Дима сразу понял абсурдность.

«Да, Казахстан, buddy, им всё равно. Они никогда не хотят признавать, что неправы. И деньги, в тавоём деле они ищут большие деньги».

Даже Дима начал мыслить международно. Он сказал мне, что при всём, что я описываю, я наверняка в конце концов смогу обратиться в Европейский суд по правам человека. Я тоже так думал. Я был британцем.

Разве британское гражданство не означало, что европейские гарантии прав человека каким-то образом следуют за мной, куда бы я ни отправился? Я не понимал международную юрисдикцию. Намного позже я узнал простую реальность: Казахстан не является участником Европейской конвенции по правам человека, и Европейский суд по правам человека не имеет юрисдикции в отношении Казахстана лишь потому, что заключённый оказался британцем.

В то время я этого не знал. Позже меня удивило, сколько адвокатов, с которыми я сталкивался, казались столь же плохо понимающими международные механизмы, которые действительно были мне доступны. Айгуль взялась за дело, которое явно превосходило её возможности. Полностью я понял это лишь намного позже. В тот момент я был просто благодарен, что Хизбуллама больше нет. Но есть одна вещь, за которую я и сегодня искренне благодарен Айгуль. Она не позволила им эксгумировать Софию. Нурлан не просто угрожал мне, когда говорил, что они выкопают тело моей дочери. Он действительно подал ходатайство о её эксгумации.

Моя годовалая дочь уже прошла через вскрытие.

Её уже похоронили без меня.

Мне не позволили обнять её в последний раз.

Мне не позволили попрощаться.

Мне не позволили присутствовать на её похоронах.

А теперь они хотели снова выкопать её из земли. Айгуль боролась с этим и победила. София осталась там, где была. Какие бы ошибки Айгуль ни совершила позже, за это я всегда буду ей благодарен. Тем временем со мной происходило кое-что ещё. После нескольких месяцев обследований, проводившихся почти полностью на русском языке в том, что мы называли комнатой СПЭК в психиатрическом отделении, меня в конце концов перевели. До сих пор мне трудно понять, насколько вообще это психиатрическое обследование могло быть настоящим обследованием именно меня. Большинство людей, которые меня обследовали, не могли со мной общаться.

Я не понимал их вопросов и они не понимали моих ответов. Мой нормальный переводчик появился всего дважды и всё же каким-то образом заключения о моём психическом состоянии продолжали составляться. О моём поведении. О том, что я якобы думал. О том, что я якобы говорил. В то время я был растерян. Позже, когда я наконец увидел результаты, растерянность превратилась во что-то другое. Я обнаружил описания и высказывания, приписанные мне, которых не узнавал. То, чего я никогда им

не говорил. То, чего я никогда не произносил. А часть того, что появилось в этих материалах, отражала сведения и версии, которые я связывал не с тем, что говорил психиатрам, а с тем, что сам Нурлан Болатов писал обо мне. Тогда весь этот опыт начал приобретать другой смысл. Как можно проводить психиатрическое обследование человека, с которым ты не можешь разговаривать? Как можно записывать подробные высказывания от его имени, когда в комнате нет компетентного переводчика? Как можно решать, что происходит у него в голове, если он даже не понимает вопросов? Месяцами я предполагал, что проблема просто в языке. Думал, возможно, я недостаточно хорошо объясняю.

Возможно, переводчики плохо переводят. Возможно, эксперты неправильно меня поняли. Я всё ещё искал невинные объяснения. Но постепенно я усваивал урок, который будет сопровождать меня почти на каждом этапе моего дела:

Иногда не имело значения, что я говорил.

Иногда не имело значения, к какому выводу пришёл первый эксперт.

Иногда не имело значения, что говорила ДНК.

Иногда не имело значения, что говорили отпечатки пальцев.

Иногда не имело значения даже то, что говорили медицинские доказательства.

Потому что всякий раз, когда ответ не подходил к делу, которое строили против меня, каким-то образом можно было искать другой ответ и начинать ещё одну экспертизу. Я ещё не понимал, насколько далеко они готовы зайти в этом процессе. Скоро я должен был узнать.

Глава 80: Ни тишины, ни сна

Смерть Лёхи повлияла на меня сильнее, чем я поначалу думал. Не эмоционально. Я его не знал. Она повлияла на мой сон. Точнее — на его отсутствие. Оказалось, Лёха не имел законного разрешения работать в промышленной зоне лагеря, где он находился. Это создало проблему для администрации, а когда внутри казахстанской тюрьмы что-то идёт не так, я уже точно знаю, что следует дальше- коллективное наказание.

Теперь охранники будят нас примерно каждые полтора часа всю ночь, чтобы проверить, что мы всё ещё здесь. Днём они ввели две дополнительные проверки. Сотни заключённых, один человек умирает и жизнь меняется у всех.

За годы внутри казахстанской системы я чрезвычайно хорошо познакомился с этой стратегией. Что-то происходит. Администрации нужно показать, что принимаются меры. Поэтому вместо того чтобы точно определить, что дало сбой, и исправить это, наказывают всех. Больше проверок, больше ограничений, больше открывающихся дверей, больше криков и меньше сна. А лишение сна приносит с собой собственные

воспоминания. Как только двери начинают с грохотом открываться всю ночь, я уже не только здесь. Я снова в СИ18.

Снова на психиатрической экспертизе. Снова на суде. Снова в тех периодах, когда спать больше часа подряд становилось почти невозможно. Во время психиатрической экспертизы охранники и медицинский персонал постоянно меня будили, каждый час. Они объясняли это тем, что боялись, будто я могу покончить с собой. Затем, во время суда, то же обращение вернулось. Снова и снова.

Просыпайся! Дверь, крик, проверка, затем сон.

Просыпайся! Дверь, крик и снова проверка.

Это сводит человека с ума. За годы работы пилотом я не раз испытывал недосып. Пилоты знают, что такое усталость. Ранние вылеты, поздние окончания смен, ночные рейсы, смена часовых поясов, и долгие рабочие периоды. Тело говорит, что ты должен спать, а обязанности говорят обратное.

Но это совершенно другое. Есть огромная разница между усталостью и тем, когда тебе не дают спать. Представьте, что в состоянии крайнего психологического напряжения вы наконец начинаете засыпать. И вдруг — БАХ. Дверь с грохотом распахивается. Тебя буквально вырывает из сна. Кто-то кричит на тебя на языке, которого ты не понимаешь. Сердце начинает колотиться ещё до того, как мозг успевает понять, где ты находишься.

Ты садишься, отвечаешь, дверь закрывается. И тишина. А теперь попробуй снова уснуть. Тело всё ещё полно адреналина и разум начинает работать. София, дело, Мадина, Нурлан и эксперты.

Что они сделают завтра?

Что они делают с доказательствами?

Они действительно собираются трогать тело Софии?

Что было в той инъекции?

Почему я здесь?

Что произойдёт в суде?

В конце концов дыхание замедляется. Глаза тяжелеют. Ты начинаешь проваливаться в сон. И ровно в тот момент, когда тело наконец сдаётся — БАХ! Дверь снова открывается, вставай.

Ещё одна проверка.

Ещё один голос.

Ещё один шок.

Ещё один потерянный час.

И всё сначала. После нескольких ночей время начинает терять форму. После достаточного количества прерывистого сна меняются эмоции.

Исчезает концентрация.

Исчезает терпение.

Мелочи становятся огромными.

Память начинает вести себя странно.

Ты становишься раздражительным, растерянным и постоянно настороженным. И всё это происходило, когда я уже находился под чрезвычайным давлением. Мне насильно делали инъекции. Я проходил психиатрические обследования, которые едва понимал. Я был в ужасе от того, что они могут сделать с телом моей умершей дочери. Меня окружали мужчины, которые и сами могли быть опасными, отчаявшимися и психологически находившимися на грани. Позже, когда внутри тюрьмы мне начали угрожать после того, как Мадина и её мать, как я это понимал, пытались добиться, чтобы кто-то ударил меня ножом, сон стал опасным уже по другой причине. Насколько глубоко ты спишь, если считаешь, что кто-то может напасть на тебя?

Часть мозга отказывается отключаться. Каждое движение имеет значение. Каждый шёпот имеет значение. Каждый человек, идущий к твоей кровати, имеет значение.

Сон становится уязвимостью. А потом был суд. Я должен был защищать свою жизнь, будучи измотанным. Я сидел в зале суда, про который всё сильнее верил, что мою судьбу там решили ещё до начала первого заседания. Вокруг меня были адвокаты, дававшие бесконечные обещания. Мы это решим, следующее ходатайство поможет, следующий этап будет другим, ты главное продолжай верить.

И всегда где-то за надеждой: Продолжай оплачивать счёт. Затем начало происходить то, что должно было иметь огромное значение. В мою комнату начали приносить сумки с материалами дела. Наконец-то- документы, экспертные заключения, показания и материалы экспертиз.

Страница за страницей за страницей. И на этот раз некоторые из них наконец переводили на английский язык, на уровне, который я действительно мог понять. Месяцами я боролся с тем, чего толком не мог увидеть. Теперь части дела наконец появлялись передо мной. Я хотел прочитать всё. Мне нужно было прочитать всё. Каждое предложение, каждую дату, каждый вывод эксперта и каждое противоречие.

Мне нужно было тихое место. Место, где я мог бы часами сидеть и восстанавливать, что произошло с моей дочерью и что сделали с моим делом. Но была одна проблема. Здесь нет тишины и сна тоже не было. Люди разговаривают. Люди кричат через отверстия в стенах заключённым в других камерах. Металлические двери с грохотом открываются и закрываются. Охранники, проверки, споры, шаги и движение в коридорах. Иногда где-то вдалеке слышалось радио, но даже это было редко.

Ночь становится днём. День становится ночью. И где-то среди всего этого шума я сидел с сумками, полными бумаг, пытаясь понять, каким образом государство собирается отправить меня в тюрьму на двадцать лет. Теперь, спустя годы, смерть Лёхи вернула те ночи.

Каждые полтора часа: Двери, проверки, голоса, свет, просыпайся. И странным образом из-за всего этого я начал думать о самом Лёхе больше, чем

сразу после его смерти. Теперь я услышал кое-что, чего не знал, когда впервые о нём написал. Оказывается, его дело тоже было связано со смертью несовершеннолетнего. У него был срок двадцать один год. Он прибыл сюда примерно за два месяца до смерти.

Потом он вошёл в холодный сектор с ножом и уже не вышел оттуда живым. И теперь я задаюсь вопросами. Что это было за дело? Сделал ли он то, за что его осудили? Или его дело было ещё одним из тех, где существовали противоречия, которые никто не хотел слышать? Я не знаю этого. И после всего, что я написал, я точно не стану объявлять его невиновным лишь потому, что он покончил с собой. Самоубийство не доказывает ни вину, ни невиновность. Поэтому я сделаю то, чего хотел бы от людей в отношении моего дела. Я буду задавать вопросы. Я спрошу людей, которые его знали. Если смогу, узнаю его полное имя. Спрошу, какой суд его осудил. Спрошу, в чём именно заключалось обвинение. И если документы доступны, постараюсь их прочитать. Возможно, доказательства покажут, что он совершил ужасное преступление. Если так, именно это я и напишу. А возможно, нет.

Это тоже стоит выяснить. Не верьте заключённому и не верьте автоматически обвинению- найдите доказательства.

А пока Лёха оставил мне нечто, даже не зная меня. Каждые девяносто минут его смерть открывает мою дверь. И каждый раз, когда эта дверь с грохотом распахивается, на долю секунды я снова там, где всё это началось. СИ18.

София.

Психиатрическое отделение.

Суд.

Материалы дела.

Инъекции.

Страх.

Отчаянные попытки держать глаза открытыми достаточно долго, чтобы понять доказательства, которые могли спасти мне жизнь. Ни тишины, ни сна и начинается ещё одна ночь.

Глава 81: Вторая афера

Когда меня наконец вывели из СПЭК 197 — психиатрического отделения, меня отправили в камеру 23. Оказывается, Мадина заплатила охраннику 500 долларов, чтобы это организовать. Сама камера не была особенно лучше. Лучше её делал лишь один из тех, кто там жил. Это был пожилой турок, осуждённый мошенник, признанный виновным в обмане людей на деньги. Но для меня важнее было другое: он прекрасно говорил по-английски. После месяцев борьбы с непонятным языком вокруг меня внезапно появился человек, с которым я действительно мог общаться.

Он мог переводить. Он мог объяснять, что говорят люди. Он мог помогать мне ориентироваться в странном мире, куда меня забросили. Турок также наладил отношения с опером, отвечавшим за наш коридор. Его звали Али.

У Али был свой особый стиль управления. Время от времени он любил спускать всю комнату в подвал и бить нас кулаками по рёбрам. Одной из его главных навязчивых идей были мобильные телефоны. Его позиция была простой: Все телефоны проходят через Али.

Практически в каждой камере у него были информаторы. Если у кого-то был телефон, который получил не через него, рано или поздно Али об этом узнавал. Во время COVID это стало особенно важным. Следственный изолятор полностью закрыли на карантин. Свидания прекратились. Люди заболевали. По коридорам ходили мужчины в белых защитных костюмах с головы до ног, и всё место стало похоже на дешёвый научно-фантастический фильм.

Ничего не поступало внутрь. Запасы еды исчезали. Сигареты исчезали. Люди становились всё более раздражёнными.

Когда ты запираешь в одной комнате уже напряжённых заключённых, отрезаешь их от семей, сокращаешь припасы и оставляешь гадать, доберётся ли до них следующим вирус, распространяющийся по зданию, характеры не улучшаются. Они взрываются. Именно в этот особенно тяжёлый период Али дал турку телефон. А затем Али наконец сделал свой ход.

Сообщение пришло через турка:

«Скажи Баракату, чтобы давал мне 1 500 долларов в месяц. Я переведу вас обоих в специальную комнату. Только вы двое, смартфон и никаких обысков».

Ну вот, опять. Ещё один VIP-пакет. Ещё один человек продаёт условия внутри государственного следственного изолятора. Али предлагал похожую схему двум богатым русским заключённым в соседней комнате. Один из них раньше был директором, связанным с Yandex Taxi, российским аналогом Uber. И вот однажды двери открылись.

Мы вышли, четверо заключённых несли матрасы, подушки, чайники и всё личное имущество, которое успели накопить. Нас провели в другой блок. В конце концов все четверо оказались в камере 224. Это был сектор, где осуждённых временно держали во время оформления перед этапированием в лагерь. И тогда я увидел нечто, что заставило меня остановиться- окно. Из него частично было видно поле. Вот и всё, обычное поле. Для большинства людей снаружи это не значило бы абсолютно ничего. Они взглянули бы в окно на полсекунды и отвернулись, но я не мог, я был заворожён.

После столь долгого времени среди стен, решёток, металлических листов и бетона я мог видеть часть внешнего мира. Расстояние, открытое пространство и что-то, что не было очередной стеной.

Я стоял и смотрел на поле. Невозможно понять, что может значить поле, пока у тебя не отнимут весь мир. Затем появился телефон, один смартфон на

четверых. Но была только одна проблема, SIM-карты не было. Её нужно было организовать самим.

Напротив нас находился Бача, родственник прокурора. С первого дня Бача получал особое отношение и абсолютно бесплатно. Забавно, как работает система, если знаешь нужных людей. Примерно через тридцать минут появилась SIM-карта. Теперь телефон нужен был всем. Но один человек сразу начал монополизировать его, это был Алекс.

Алекс управлял финансовой пирамидой на десятки миллионов долларов. Он и турок почти сразу невзлюбили друг друга. На самом деле наблюдать за этим было довольно забавно. Два мошенника, запертые в одной камере. Оба пытались заработать, убеждая остальных, что могут «решить наши дела». Оба совершенно уверены, что сами никогда не получат серьёзных сроков. Оба в итоге получили реально большие сроки. Но в тот момент каждый, похоже, был убеждён, что понимает систему лучше всех остальных.

Споры начались почти сразу. Кому телефон? На сколько времени? Кто сколько заплатил? Кто кого знает? Кто может решить чьё дело? В конце концов ситуация стала невозможной, и Али пришлось выполнить хотя бы часть обещания. Двух русских перевели в отдельную комнату. А потом больше недели блаженство, комната с пространством, вид из окна и практически неограниченный доступ к смартфону.

Для большинства людей неограниченный доступ к телефону означает развлечения. Для меня это означало нечто совершенно другое. Я наконец мог работать над своим делом. Начали приходить сумки с переведёнными материалами. Экспертные заключения, показания, ходатайства, правовые нормы и следственные документы.

Впервые я мог сесть и начать по-настоящему восстанавливать, что было сделано. Я читал, читал и читал. И очень быстро стало очевидно одно. В этом деле царил хаос. Чем больше я читал, тем меньше боялся самих доказательств. Я становился всё увереннее.

И это всё, что у них есть? Серьёзно? Потом я внимательно прочитал показания свидетелей. И кое-что сразу бросилось мне в глаза. Формулировки были одинаковыми. Не просто отдалённо похожими. Не иногда повторяющимися. Во всех показаниях свидетелей снова и снова встречались одни и те же формулировки — даже когда разные люди якобы давали показания независимо и в совершенно разные даты.

Разные свидетели, разные даты, но один и тот же язык. Предполагалось, что это отдельные люди, описывающие то, что лично помнили.

У разных людей разный словарный запас. Они помнят разные детали. Они по-разному строят предложения. Они описывают события по-своему. Но на бумаге эти якобы независимые свидетели словно говорили одним и тем же голосом. В тот момент у меня ещё не было всего того, что появится позже. Позже мы передадим эти показания эксперту для анализа. Вывод был сокрушительным. Эти тексты не выглядели как независимо и свободно

сформулированные показания разных людей. Анализ указывал на единое авторство. В качестве этого автора был определён Нурлан Болатов. Но то, что произошло в суде, было ещё хуже. Сами свидетели начали признаваться, что произошло на самом деле. Они не могли даже выговорить всё, что было написано в этих показаниях. Они сказали, что просто подписали тексты, которые предоставил им Нурлан Болатов.

Почему? Чтобы помочь полиции. Подумайте об этом. Эти документы представлялись как свидетельские доказательства в расследовании убийства. Но сами свидетели позже признали в суде, что подписали заранее подготовленные для них показания. И это не была какая-то незначительная деталь, спрятанная в неважном углу дела. Свидетельские показания были частью дела, которое строилось для того, чтобы отправить меня в тюрьму. Сидя там, в камере 224, я ещё не знал, насколько далеко в итоге всё это развалится. Но я уже собственными глазами видел закономерность.

Разные свидетели.

Разные даты.

Одинаковые формулировки.

Что-то было ужасно не так. Затем я перешёл к заключениям экспертов. И снова проблемы были видны прямо из документов. Эксперты фиксировали трудности с проведением дальнейших исследований без тела Софии. Рядом со мной были копии собственных законов Казахстана. У меня были ходатайства, которые подали мои адвокаты. У меня были экспертные заключения, ДНК, отпечатки пальцев, вскрытие, психиатрические заключения и показания свидетелей. Я разложил всё вокруг себя и начал сравнивать. Документ с документом, показание с показанием, экспертный вывод с законом и дату с датой. Впервые я видел всю конструкцию дела, а не просто слушал чужие рассказы о ней. И помню, как подумал:

Мои адвокаты правы, нарушения не были спрятаны, а они были повсюду. Впервые за многие месяцы я почувствовал нечто опасно похожее на оптимизм. Я искренне не понимал, как Нурлан Болатов рассчитывает получить обвинительный приговор на основе этого.

Это шутка, подумал я, он никак не сможет осудить меня с таким мусором. У меня всё ещё оставалось одно огромное заблуждение относительно системы, в которой я оказался заперт. Я верил, что если доказательства станут достаточно плохими, в конце концов кто-то выше Нурлана его остановит. Прокурор, судья или кто-нибудь. Я верил, что кто-то в конце концов сядет, прочитает те же документы, которые читал я, и скажет:

«Хватит!»

«Эти свидетели не говорили это независимо друг от друга. Судебно-экспертные доказательства не подтверждают то, что вы утверждаете. Процедуры не соблюдаются. Это дело не может продолжаться таким образом.»

Я ещё не понимал, что доказать неправильность расследования и найти внутри системы человека, готового что-то с этим сделать это две совершенно разные битвы. Но в тот короткий период в камере 224 у меня было то, чего не было месяцами. Время, документы, телефон и маленький кусочек внешнего мира, видимый из окна. А потом, посреди ночи — БАХ! Дверь с грохотом распахнулась.

В комнату ворвались сотрудники режима. Они точно знали, где искать. Телефоны достали прямо из тайников. Никаких поисков вокруг и никакой неуверенности. Они сразу направились к тайникам. Турок начал возмущаться. Главный сотрудник режима посмотрел на него.

«Али не может защитить вас от нас».

Турок понизил голос.

«Но Али уже заплатил вам». Режимник засмеялся.

«Он тебе так сказал?»

Затем прозвучало предложение, объяснившее всё.

«Завтра Али здесь не будет».

И сразу после этого:

«Собирайте вещи и берите матрасы. Вы переезжаете».

Снова, я был вне себя от злости, у отчаянии, но что я мог сделать? Я собрал вещи, поднял матрас и пошёл за ними. Когда я вошёл в следующую комнату, сразу понял игру.

Давление.

Отобрать условия.

Отобрать телефон.

Отобрать вид из окна.

Отобрать любые крошечные удобства, которые тебе удалось получить.

Снова сделать жизнь невыносимой.

Потом ждать.

В конце концов заключённый или его семья спросит: Сколько? И цикл начнётся снова. Я уже заплатил один раз, потом ещё раз и теперь кто-то хотел снова запустить этот механизм. На этот раз я отказался играть. Я снова перестал есть. Они наблюдали.

Всегда находились люди, которые наблюдали- информаторы. Заключённые, докладывающие охране. Охранники, ожидающие увидеть, работает ли давление. Один день, два дня, пять, неделя, а я продолжал. Одиннадцать дней и в конце концов они уступили, но не полностью.

Телефона не будет, но я мог вернуться в камеру с видом. Для меня этого было достаточно. Я отнёс матрас обратно, снова посмотрел в то окно. Поле всё ещё было там и сумки с документами тоже. К тому времени я понял нечто важное.

Каждый раз, когда меня переводили, угрожали, лишали сна, что-то отбирали или требовали больше денег, моё внимание оттаскивали от

единственного, что имело наибольшее значение- доказательств. Так что пусть оставят себе телефон. У меня были материалы дела.

Я наконец дошёл до точки, где мог их понимать. И у меня были годы вопросов, ждавших ответов. Я сел, открыл первую пачку и снова начал с самого начала. Пришло время по-настоящему изучить дело.

Глава 82: Им нужен был другой ответ

Я продолжал читать. Чем глубже я погружался в материалы дела, тем страннее становилось расследование. Тем временем моё дело никуда не двигалось. Недели превращались в месяцы. Месяцы — в новые месяцы.

Я оставался под стражей, пока Нурлан Болатов пытался получить то, что ему отчаянно было нужно: Другой ответ от судебных экспертов. Первое вскрытие уже дало результат, который создавал проблему для версии обвинения. В нём травмы Софии описывались как компрессионная травма — механизм, соответствующий сдавлению её головы между двумя поверхностями. Но это было не то заключение, которое следствие хотело нести дальше. Поэтому они запросили другую экспертизу.

Сразу возникла проблема. София была похоронена. Нурлан Болатов подал ходатайство об эксгумации её тела. Суд отказал. Он обжаловал этот отказ. Эти попытки не удались. И без тела Софии сами эксперты начали говорить ему, что не могут должным образом сделать то, чего он от них требует. Это не какое-то техническое возражение, придуманное моими адвокатами спустя годы. Это есть в документах.

Собственные правила судебной экспертизы Казахстана были ясны. Пункт 400 устанавливал, что определение причины смерти только по медицинским документам, без исследования трупа, не допускается. Директор Алматинского института судебной экспертизы Бекжанов напрямую написал Нурлану Болатову, что эксгумация необходима, и предупредил: если тело не будет предоставлено, медицинские материалы могут вернуть без исполнения. На этом всё должно было закончиться.

Нет тела- нет полноценной повторной экспертизы. Нельзя делать вид, будто фотографии могут заменить труп. Но следствие не остановилось. Вместо этого давление переместилось на экспертов. Первый эксперт уже дал выводы, которые не соответствовали версии обвинения. Затем в отношении этого эксперта было возбуждено производство. И другие эксперты прекрасно видели, что происходило. Эксперт даёт ответ, который не нравится следствию и тогда сам эксперт становится объектом дела. А теперь представьте, что вы следующий эксперт, которого просят пересмотреть ту же смерть. Насколько независимым вы себя чувствуете? Насколько вы уверены, что слова «я не могу дать вам тот ответ, который вы хотите» будут приняты как профессиональное заключение? Документальная цепочка становилась ещё более невероятной. Эксперты неоднократно фиксировали, что без

исследования тела Софии они не могут должным образом установить механизм её травм. Они прямо указывали на ограничения фотографий.

Фотографии не могут надёжно передавать размеры.

Они не сохраняют трёхмерные характеристики переломов.

Они не показывают микроскопические детали.

Они не могут заменить физическое исследование костей.

И сами эксперты это говорили. В заключении № 28 комиссия прямо написала, что установить детальный механизм открытой черепно-мозговой травмы невозможно, в том числе потому, что фотографии не передают микроскопические характеристики повреждений черепа, а ходатайство о повторном исследовании тела не было удовлетворено. Та же комиссия также зафиксировала, что по фотографиям, без повторного исследования трупа, невозможно разграничить, каким именно видом травмы были вызваны отдельные участки переломов черепа.

Прочитайте это внимательно. Фактически сами эксперты говорили: Мы не можем надлежащим образом определить это по фотографиям. И всё же экспертиза продолжалась.

Позже, когда наши адвокаты напрямую спросили Центр судебной экспертизы Министерства юстиции, можно ли установить причину смерти ребёнка при повторной судебно-медицинской экспертизе без исследования трупа, ответ был однозначным. Центр прямо сослался на пункт 400: Установление причины смерти исключительно по медицинским документам без исследования трупа не допускается. Так что это не Мохамед Баракат, сидящий в тюрьме спустя годы и выдумывающий жалобу. Это собственное судебно-экспертное учреждение Казахстана подтверждает собственное правило Казахстана.

И всё равно заключение существовало. Заключение, составленное без повторного исследования тела Софии. Заключение, которое само признавало ограничения фотографий. Заключение, которое не установило ясного, научно надёжного механизма смерти. Заключение, выводы которого принципиально отличались от первого вскрытия. Первое исследование описывало компрессионную травму. Более поздняя комиссия перешла к ударно-инерционному механизму, фактически изменив судебно-медицинскую теорию того, как возникли повреждения черепа. Это противоречие прямо указано в последующем обращении в Верховный суд.

А всё это время я сидел под стражей. Ждал месяцами, просто ждал, пока они закончат производить заключение, которое им было нужно. К тому времени у меня был почти весь материал дела. И в этих материалах есть вещи, на которые мне до сих пор тяжело смотреть.

Однажды я дошёл до фотографий вскрытия. И там была София- моя малышка. Фотографии исследования её тела. Её маленькое тело было вскрыто. Части её тела были помещены в банки. Я не стану пытаться описать, что это со мной сделало, для этого просто нет слов.

И я отказываюсь обесценивать это поиском какой-нибудь драматической фразы, которой всё равно никогда не будет достаточно. Она была моей дочерью и этого достаточно. Я закрыл фотографии.

А позже, потому что выбора не было, снова открыл материалы. Потому что если я их не прочитаю, кто прочитает? Айгуль всё ещё была моим адвокатом, когда мы дошли до первого предварительного слушания. К тому времени я сам прочитал достаточно материалов дела, чтобы знать, что, по моему ожиданию, она должна была атаковать.

Показания свидетелей.

Судебно-экспертные противоречия.

Повторную экспертизу.

То, что сами эксперты говорили: без тела Софии они не могут надлежащим образом установить механизм.

Переводы.

Процессуальные нарушения.

Доказательства, которые не совпадали с версией обвинения.

Наконец, думал я, кто-то обладающий властью будет вынужден разобраться со всем этим, но COVID изменил весь процесс. Слушания проходили дистанционно через Zoom. Я сидел в следственном изоляторе перед одним из самых примитивных компьютеров, какие только можно представить, и зависел от столь же примитивного интернет-соединения. На экране появился судья, который в итоге приговорит меня: Бахытжан Бакирбаев. Раньше он был прокурором.

С самого начала его отношение к защите было агрессивным. Я ждал Айгуль, это был её момент. Моя семья потратила огромные суммы на адвокатов, я месяцами читал дело и видел, сколько проблем было спрятано в этих материалах. И тут Айгуль начала говорить. Она явилась одетой так, словно только что вышла из эпизода «Далласа» 1980-х годов.

Большая подача, огромная уверенность, а затем прозвучал её аргумент. Дело велось на русском языке. Она утверждала, что производство в Казахстане сначала должно было вестись на казахском языке. Вот и всё. Я уставился на экран, затем посмотрел на переводчика.

«И это всё?»

Он посмотрел на меня.

«Это всё, на что она жалуется?»

Мне стало дурно. Не потому, что вопрос языка обязательно был бессмысленным, дело было не в этом. Ребёнок был мёртв, мне предъявляли обвинение в убийстве, в материалах дела были одинаковые показания свидетелей, в судебно-экспертных доказательствах были серьёзные противоречия, процесс повторной экспертизы продолжался, несмотря на отсутствие тела Софии и несмотря на то, что сами эксперты фиксировали невозможность надлежащим образом установить механизм по фотографиям. И это был вступительный аргумент моей защиты? Они использовали не тот

официальный язык. Даже я, пилот без юридического образования в Казахстане, понимал, что произойдёт. Ни один судья не прекратит дело о смерти годовалого ребёнка просто потому, что мой адвокат драматично заявляет о неправильном официальном языке.

Айгуль повысила голос, но Бакирбаев тут же её осадил.

«Не смейте повышать голос в моём зале суда».

Ходатайство отклонено, назначено второе предварительное слушание. Я уже даже не помню дату, я помню лишь чувство- мне конец. Вот что осталось со мной. Все эти материалы, все эти противоречия, все эти месяцы. И это была моя защита. Я вернулся в камеру и крикнул через коридор.

«Бека!»

Бека всё ещё был там. Человек со всеми связями среди прокуроров.

«Man, мне отчаянно нужен телефон».

Он сразу понял. Он позвал охранника, дверь его камеры открылась и Бека пересёк коридор. Потом открылась и моя дверь. Уже одно это было демонстрацией власти. Задержанным не полагалось просто ходить из камеры в камеру друг к другу. Бека подошёл прямо ко мне, мы пожали руки и во время рукопожатия он вложил мне в ладонь миниатюрную Nokia. Никакой верёвки через стену, никакой тайной передачи и никакой сложной хитрости. Он просто позвал охранника, вышел из своей камеры, вошёл в мою и передал мне запрещённый телефон. Власть внутри тюрьмы не всегда принадлежит человеку в форме. Я позвонил сёстрам. Как только они ответили, из меня вырвалось всё.

«Мне конец».

Я почти кричал.

«Мне, блядь, конец».

«Мохамед, успокойся».

«Вы не видели, что произошло. Она ничего не сказала. Ничего! При всём, что есть в деле, вот это её аргумент?»

Тогда мои сёстры сказали то, чего я не ожидал.

«Не переживай, Мохамед. Мы были к этому готовы».

Я замолчал.

«Что вы имеете в виду?»

«Мы уже разговариваем с тремя лучшими адвокатами Алматы».

Ещё один адвокат и ещё деньги.

«Они дорогие, — сказали мои сёстры, — но это наш лучший шанс».

И снова мои сёстры спасли мой рассудок. Не думаю, что они когда-нибудь до конца поймут, сколько раз это делали. Несколько слов через крошечную незаконную Nokia внутри следственного изолятора могли оттащить меня от края. Мы справимся, мы работаем над этим и не сдавайся. Есть ещё один вариант. Без них я никогда не дошёл бы достаточно далеко, чтобы сегодня сидеть здесь и писать эту книгу. На следующий день меня познакомили с новой командой. Таир, глава коллегии адвокатов и владелец фирмы. Бывший

полицейский, который затем изучил право. Дархан, бывший специальный следователь. И Абзал, молодой, безупречно ухоженный и амбициозный.

Абзал идеально говорил по-английски. Он изучал право в Великобритании, прежде чем получить квалификацию в Казахстане. Разница была видна сразу. Эти мужчины выглядели собранными, организованными и подготовленными. Они выглядели так, будто пришли работать всерьёз. И затем они начали говорить именно то, что мне отчаянно нужно было услышать.

«Мы слышали о вашем деле».

«Сначала мы не хотели к нему прикасаться».

Это привлекло моё внимание.

«Но после того как поняли, что происходит, Мохамед, мы решили подключиться».

Затем прозвучало предложение, которое значило всё для меня и моей семьи:

«Давным-давно мы заняли позицию, что будем бороться с коррупцией в Казахстане».

Наконец-то, вот что я подумал. Наконец кто-то понял, наконец кто-то не боится. Наконец у меня появились адвокаты, которые не будут молча сидеть, пока Нурлан Болатов делает всё, что захочет.

«Теперь мы здесь, чтобы вам помочь».

Эти слова дали мне надежду. Оглядываясь назад сейчас, после всего, что я узнал за прошедшие годы, я слышу тот разговор иначе. Эти люди нашли время понять задачу. Они поняли нас.

Британская семья за тысячи километров от дома, мёртвый годовалый ребёнок, сын, сидящий под стражей, сёстры, отчаянно тратящие всё, что только могут найти, чтобы спасти брата и семья, которая всё ещё верит: если только найти адвокатов достаточно умных, достаточно влиятельных и достаточно смелых, система в конце концов заработает. Они сказали именно то, что нам было нужно услышать. Теперь мне трудно поверить, что Таир, проведя практически всю профессиональную жизнь внутри правоохранительной и правовой системы Казахстана, искренне считал, будто сейчас войдёт в зал суда и победит системную коррупцию. Он знал эту систему бесконечно лучше нас.

Для нас это были наши жизни. Для юридической фирмы мы были ещё и клиентами. А отчаявшиеся клиенты с надеждой — ценные клиенты. Но в одном я хочу быть справедливым. Их юридическая работа была хорошей, очень хорошей. Что бы я позже ни думал об обещаниях и деньгах, эти люди не были некомпетентными. Их работа была чистой, профессиональной и подробной. Они прошли по делу и составили один из самых впечатляющих списков нарушений, которые я видел. Они нашли одних из сильнейших экспертов, доступных в Казахстане. Эти эксперты атаковали версию обвинения со всех сторон.

Они оспаривали методику экспертиз.

Они оспаривали выводы.

Они выявляли противоречия.

Они разбирали работу Нурлана на части, элемент за элементом.

Это различие очень важно, потому что это была не очередная ситуация, где я мог просто сказать: Мои адвокаты были бесполезны. Эти адвокаты не были бесполезны, а совсем наоборот. Они показали, насколько мало может значить отличная юридическая работа, если человек, решающий дело, не намерен позволить этой работе изменить исход. Они сделали и ещё кое-что, что позже станет важным. Они начали выводить дело на международный уровень. Через них нас познакомили с международным адвокатом по правам человека Анной Брэдшоу. Как мы вскоре выяснили, международные правозащитные юристы существовали в совершенно иной финансовой вселенной.

Она была чрезвычайно дорогой. Мы узнаем это на собственном опыте. Ещё деньги, ещё счета и ещё юридические заключения. Но без этих связей я должен признать и другое важное обстоятельство: у нас было бы гораздо меньше шансов привлечь внимание правозащитного сообщества Казахстана к тому, что происходило в моём зале суда. Поэтому картина не чёрно-белая. Таир, Дархан и Абзал проделали серьёзную работу.

Они нашли серьёзных экспертов. Они выявили серьёзные нарушения. Они помогли привлечь серьёзное внешнее внимание к делу. И всё равно — я отправился в тюрьму. Вот урок, которого я тогда ещё не понимал. Месяцами я верил, что моя проблема — Нурлан Болатов.

Разоблачить его ошибки - и я выиграл.

Разоблачить одинаковые показания свидетелей- победа.

Показать проблемы экспертиз- победа.

Показать, что сами эксперты говорили о невозможности надлежащим образом установить механизм повторной экспертизой без тела Софии- победа.

Показать пункт 400- победа.

Привести лучших экспертов- победа.

Показать процессуальные нарушения- победа.

Найти лучших адвокатов- победа.

Подключить международных правозащитных юристов- победа.

Я всё ещё верил, что это спор. Я верил, что если мы накопим достаточно доказательств на одной чаше весов, в конце концов весы обязаны качнуться. И Таир, Дархан и Абзал дали мне именно то, о чём я просил: Настоящую защиту. Эксперты, которых они нашли, атаковали работу Нурлана.

Адвокаты документировали нарушения. Дело разбирали на части, элемент за элементом. Но никто из нас не контролировал человека, сидевшего над всем этим. Судью Бахытжана Бакирбаева.

И если судье безразличны нарушения, если ему безразлично, что говорят эксперты, если ему безразлично, что собственные правила судебной экспертизы Казахстана запрещают устанавливать причину смерти только по медицинской документации без исследования трупа, если ему безразлично, что сами эксперты зафиксировали недостаточность фотографий для определения механизма, если ему безразлично, каким образом были получены доказательства, если ему безразлично, соблюдало ли следствие закон — тогда вы можете нанять лучших адвокатов, каких только найдёте.

Можете нанять лучших экспертов.

Можете подготовить сотни страниц ходатайств.

Можете потратить все сбережения семьи.

Можете доказать одно противоречие за другим.

Можете быть полностью правы на бумаге.

И всё это может стать почти бесполезным. Потому что в конечном счёте кто-то всё равно должен обеспечить исполнение закона. Но тогда я этого не понимал. Я смотрел на этих трёх собранных новых адвокатов. Слушал, как Абзал говорит на идеальном английском. Слушал, как Таир говорит о борьбе с коррупцией. Слышал об экспертах, которых они собирались привлечь.

И впервые после того провального предварительного слушания почувствовал, как паника начинает покидать тело. Мои сёстры снова это сделали.

Они дали мне ещё одну причину верить.

Ещё одну причину проснуться на следующее утро.

Ещё одну причину открыть те сумки с материалами дела и продолжать читать.

Ещё одну причину бороться.

Может быть, именно эти адвокаты наконец смогут меня спасти. Я понятия не имел, сколько нам будет стоить выяснить ответ на этот вопрос.

Глава 83: Когда заканчивается верность

Когда дождь прекращается, зонт становится обузой. Когда слепой впервые начинает видеть, трость, которая вела его по жизни, становится первой вещью, которая ему больше не нужна. Когда возвращается солнце, свечу, которая провела человека через тьму, гасят. Так иногда заканчивается верность, когда исчезает выгода. Некоторые люди помнят тебя только из-за удобства, которое ты им давал. Проблем, которые ты решал. Защиты, которую обеспечивал. Денег, которые находил. Дверей, которые открывал. Тяжести, которую нёс, когда они были слишком слабы, чтобы нести её сами. Они крепко держатся за тебя, пока над ними бушует буря. Потом небо проясняется.

И вдруг зонт становится неудобным. Они не обязательно скучают по тебе. Они скучают по тому, насколько ты был им полезен. Ты никогда не заходишь в ресторан и не заказываешь тарелку соли. Никто не празднует с солью.

Никто её не фотографирует. Никто вообще о ней особенно не думает. Но убери её из всего — и внезапно вся еда становится безвкусной.

Некоторые люди становятся такими в чужой жизни. Всегда рядом, всегда что-то решают и всегда добавляют то, что все вокруг в конце концов начинают принимать как должное. Ты становишься человеком, которому все звонят. Человеком, который всё организует, платит за всё и исправляет всё. Защищает людей, тащит всех через трудный период и в конце концов люди перестают видеть в твоих действиях доброту. Они начинают воспринимать это как то, что ты обязан делать. А затем однажды ты больше не можешь дать им то, чего они хотят. Или им больше не нужно то, что ты даёшь. И именно тогда ты узнаёшь, любили ли они человека — или услугу. Годами, когда я думал о предательстве Мадины, иногда чувствовал себя глупцом.

Как я этого не видел? Как я мог ей доверять? Как я мог продолжать её защищать? Почему я всё ещё переживал за неё, когда именно я сидел за решёткой? Почему я всё ещё говорил сёстрам поддерживать её? Почему я всё ещё верил её сообщениям? Почему я продолжал любить человека, который медленно разрушал всё вокруг меня? Чем больше я узнавал о лжи, манипуляциях и происходившем за моей спиной, тем легче было обратить этот гнев против самого себя. Как ты мог быть таким глупым, Мохамед? Но со временем я научился отвечать на этот вопрос иначе.

Я не был глупым потому, что любил свою жену.

Я не был глупым потому, что защищал мать своей дочери.

Я не был глупым потому, что, когда всё рухнуло, моим первым инстинктом всё равно было позаботиться о людях, которых я считал своей семьёй.

Это что-то говорит обо мне. То, что другой человек решает сделать с этой верностью, говорит что-то о нём. И я отказываюсь позволять чужому предательству переписывать смысл моей собственной доброты. Никогда не сожалейте о том, что были для кого-то зонтом. Никогда не сожалейте о том, что были светом, за которым кто-то шёл через тёмный период. Никогда не сожалейте о тех моментах, когда вы оставались верны, хотя предательство было бы легче. Ваша доброта не была напрасной только потому, что кто-то в итоге ею злоупотребил. Она показала ваш характер, а не их. Действия Мадины заставили меня усвоить этот урок самым тяжёлым способом. Были моменты, когда я любил её, пока она причиняла мне боль. Моменты, когда я защищал её, пока она вредила мне. Моменты, когда я беспокоился о её безопасности, сидя в следственном изоляторе и не зная, что произойдёт с моей собственной жизнью. Я не могу вернуться назад и превратить себя в более холодного человека только для того, чтобы прошлое болело меньше и не хотел бы честно говоря. Потому что всякий раз, когда мне становится стыдно за то, что я ей доверял, я напоминаю себе о чём-то гораздо более важном: Я знаю, кем я был. Я знаю, почему поступал именно так.

И несмотря на всё, что со мной произошло, я знаю, кем всё ещё хочу оставаться. Буря может научить меня внимательнее распознавать людей. Предательство может научить меня, кому доверять. Тюрьма может сделать меня жёстче. Жизнь может сделать меня осторожнее. Но ничто из этого не получает права решать за меня, каким будет мой характер. Предательство Мадины принадлежит Мадине.

Моя верность принадлежит мне. И я не буду её стыдиться.

Глава 84: Продукт системы

К тому времени я уже почти наизусть знал показания Мадины. Я знал, где внезапно появились наркотики. Знал, где изменилось описание предполагаемого нападения. Знал, где одна версия противоречила другой. Знал, где факты перемещались так, словно сама история подстраивалась под то, что требовалось в конкретный момент. Я провёл бесчисленные часы, спрашивая себя, как человек мог столько раз менять свою историю и при этом спокойно оставаться на одной стороне расследования, пока обвинённый ею человек продолжал сидеть за решёткой. Но в конце концов я понял, что задавал неправильный вопрос.

Противоречия уже были там. Я мог перечитать их тысячу раз, и они всё равно оставались бы противоречиями. Мне нужно было понять другое. Почему Мадина вообще отреагировала именно так?

Долгое время самым простым ответом был страх. Фактически она сама мне это сказала. Во время одного из последних допросов, когда я потребовал, чтобы она прочитала то, что сказала обо мне, а затем посмотрела мне в глаза, она не смогла этого сделать.

«Я не знаю, как я могла сказать о тебе такие вещи», — сказала она.

«Мне было страшно».

А затем прозвучали слова, которые остались со мной:

«Ты не знаешь Казахстан, Мохамед. Посмотри, что они делают с тобой. Я не хочу в тюрьму». Годами я сосредотачивался на словах мне было страшно. В конце концов понял, что важнее были другие слова: Ты не знаешь Казахстан. А она знала, в этом и была разница. Сказать, что Мадина боялась, ничего не объясняет, если не понять, чего именно она боялась. Она знала систему, которая внезапно вошла в нашу жизнь.

Она выросла рядом с ней. Она знала, что люди говорят о полиции. Знала, что могут делать следователи. Знала, что могут делать прокуроры. Понимала значение денег, связей и знакомства с нужными людьми. Знала, что может означать момент, когда машина уголовного правосудия разворачивается в твою сторону. Она знала опасность, заключённую в одном слове: Подозреваемая. И это был не какой-то воображаемый страх, который я позже приписал ей. Нурлан Болатов в конце концов использовал именно эту угрозу против неё, когда её показания продолжали меняться:

«Если ты продолжишь менять показания, я сделаю тебя подозреваемой».

Подумайте, какая власть заключена в этом предложении. Расскажешь неправильную историю — и машина может развернуться. Изменишь версию ещё раз — и можешь переместиться с одной стороны стола на другую. Из потерпевшей в подозреваемую. Из человека, которого полиция якобы защищает, в человека, которого полиция расследует. Вот какую систему понимала Мадина. И после многих лет жизни внутри неё я в конце концов начал понимать её реакцию на эту систему.

Мадина была продуктом системы. Я не имею в виду, что система освобождает её от ответственности. Нет.

Её слова принадлежали ей.

Её решения принадлежали ей.

Её ложь принадлежала ей.

Её предательство принадлежало ей.

Но люди не вырабатывают инстинкты выживания в вакууме. Они формируют их из окружающего мира. Они наблюдают, они слушают, они узнают, что происходит с другими людьми, они узнают, что работает, а что нет. И если люди растут с убеждением, что правда и невиновность всегда их защитят, при беде они ведут себя одним образом. Если они растут с убеждением, что правда может вообще их не защитить, они осваивают другие механизмы выживания. Связи, деньги, влияние, отношения, знать кого-то в полиции, знать кого-то в прокуратуре или найти кого-то, кто знает кого-то, кто знает кого-то. И, пожалуй, самое важное: Сделать так, чтобы проблема принадлежала кому-то другому. После многих лет в Казахстане я пришёл к выводу, что это одна из самых глубоких форм вреда, которая коррумпированная правовая система способна нанести обществу.

Коррупция не ограничивается конвертом, переданным под столом.

Она не остаётся внутри полицейских участков.

Она не останавливается у дверей прокуратуры.

Она не исчезает, когда судья покидает зал суда.

Она меняет поведение всех, кто вынужден жить вокруг неё.

Люди приспосабливаются к системам. Им приходится. Если официальные правила тебя не защищают, ты изучаешь неофициальные. Если доказательства не гарантируют безопасность, ты ищешь что-то, что гарантирует. Если связи работают, люди обзаводятся связями. Если деньги решают проблемы, люди ищут деньги. Если полезность для власти защищает тебя, люди учатся становиться полезными. Если преимущество получает тот, кто первым укажет пальцем, со временем люди учатся указывать быстро. И когда достаточно много людей живут так достаточно долго, что-то меняется. Эти вещи перестают ощущаться как стратегии.

Они становятся инстинктами. Вот чего я не понимал в Мадине. Я смотрел на её поведение так, словно утром смерти Софии внутри неё внезапно появилось нечто зловещее. Но ничто не появляется из ниоткуда.

Смерть Софии не создала личность Мадины. Она создала критическую ситуацию, которая её раскрыла. Внезапно появилась полиция, следователи задавали вопросы, ребёнок был мёртв, кого-то могли обвинить, кто-то мог стать подозреваемым и кто-то мог попасть в тюрьму.

Мадина гораздо лучше меня знала, что может означать быть проглоченной этой машиной. Её реакцией стало немедленное самосохранение- только не я. Когда я это понял, я стал иначе смотреть на меняющиеся показания. Мне больше не нужно было тратить ещё двадцать страниц, повторяя каждое противоречие. Читатель их уже знает. Теперь для меня имело значение направление, в котором двигалась каждая новая версия. Подальше от Мадины.

Детали могли перемещаться.

История могла меняться.

Могли появляться новые элементы.

Старые могли исчезать.

Но направление оставалось удивительно постоянным. Уводить расследование от неё. А когда Нурлан Болатов предупредил, что может сделать её подозреваемой, страх, лежавший в основе этого поведения, проявился полностью. Она знала, на какой стороне стола хочет остаться. И знала, что может произойти, если перейдёт на другую. Есть и другая сторона, на понимание которой у меня ушло гораздо больше времени. Люди, живущие внутри нефункциональных систем, учатся не только защищать себя от власти. Они также узнают, насколько быстро меняются отношения, когда связь с человеком становится опасной.

Верность легка, когда ничего не стоит. Её настоящая цена проявляется, когда верность становится дорогой. Когда человек успешен, полезен, имеет связи или способен решать проблемы, люди собираются вокруг него. Но когда тот же человек становится обузой, расчёт внезапно меняется. Сам человек не обязательно изменился. Изменились обстоятельства.

Именно это произошло, когда система уголовного правосудия вошла в нашу жизнь. Всё перестроилось, отношения, интересы, верность, страх и выживание. Люди начали решать, где им нужно стоять.

И Мадина приняла своё решение очень быстро. Трагедия в том, что как только человек выбирает самосохранение через обвинение, вернуться к правде становится всё труднее. Одно заявление требует другого. Одно противоречие нуждается в объяснении. Объяснение создаёт другое противоречие. И в конце концов человек уже не просто лжёт. Он защищает положение, которое для него создала первоначальная ложь. Вот почему предупреждение Болатова Мадине так много для меня значит.

«Если ты продолжишь менять показания, я сделаю тебя подозреваемой».

К тому моменту сказать правду потенциально уже означало столкнуться с собственными последствиями. Система создала стимул для продолжения истории. И именно здесь моё понимание Мадины в конце концов стало

частью чего-то гораздо большего. С годами я начал встречать людей со всех уровней тюремной системы Казахстана. Бедных мужчин, богатых бизнесменов, бывших чиновников и полицейских.

Людей со связями.

Людей, у которых никого нет.

Мужчин, совершивших ужасные преступления.

Мужчин, утверждавших, что не совершили ничего.

И постепенно я начал узнавать повсюду один и тот же язык выживания.

Кого ты знаешь?

Кому можешь позвонить?

Кто может решить?

Сколько они хотят?

Кому нужно заплатить?

У кого есть связи с прокурором?

Кто знает судью?

Кто может заставить проблему исчезнуть?

Кто может сделать её чужой проблемой?

Эти вопросы говорят нечто глубокое об отношениях общества с правосудием. Когда люди доверяют институтам, они спрашивают: Что говорит закон?

Когда они перестают доверять институтам, они спрашивают: Кого ты знаешь? И когда такое мышление укореняется достаточно глубоко, коррупции уже не нужно заявлять о себе. Все и так понимают, как ведётся игра.

Именно поэтому в конце концов я перестал видеть в Мадине просто одного нечестного человека, который меня предал. Это описание было слишком простым. Оно объясняло её действия, не объясняя, откуда взялись эти инстинкты. Я начал видеть в ней нечто гораздо более тревожное. Доказательство того, что способна производить система. Человека, приученного бояться стать мишенью. Человека, который понимал, что связи могут значить больше, чем процедура. Человека, чьим инстинктом в кризисе было увести подозрение от себя до того, как машина развернётся в её сторону. А после того как машина выбрала кого-то другого, оставаться на безопасной стороне становилось всё важнее.

Это не делает её поступки приемлемыми. Понимать что-то — не то же самое, что прощать. Объяснение поведения не снимает ответственность за него. Мадина всё равно делала свой выбор.

Но после многих лет внутри системы, которую она знала всю жизнь, я наконец понял об этих решениях то, чего никак не мог понять, когда только приехал. Коррупция крадёт не только деньги.

Она крадёт доверие.

Она меняет отношения между гражданами и властью.

Она учит людей, что правила не обязательно их защищают.

Она учит искать влияние вместо правосудия.

Она учит рассчитывать, где находится власть, и занимать соответствующую позицию.

И в конце концов она достигает места гораздо более опасного, чем карман полицейского или стол судьи. Она достигает человеческого инстинкта. Дайте этому процессу достаточно лет — и люди уже не принимают осознанного решения, как отвечать, когда система стучится в дверь. Ответ уже выучен и стратегия уже существует. Именно к такому выводу о Мадине я в конце концов пришёл после всех этих лет вопросов «почему». Её зловещие черты не появились внезапно утром, когда умерла София. Они сформировались задолго до того, как я её встретил. Смерть Софии лишь подтолкнула её раскрыть.

Мадина знала Казахстан. Она знала, что может означать статус подозреваемой. Она знала, чего боится. И когда машина пришла к нашей двери, система, под которой она прожила всю жизнь, уже научила её тому, как, по её убеждению, ей нужно было выживать.

Мадина была продуктом системы.

Глава 85: Суд

К тому времени, когда начался суд, я уже несколько месяцев наблюдал, как расследование изворачивается вокруг доказательств, которые упорно не давали Нурлану Болатову и обвинению той версии, которая им была нужна. Но у меня всё ещё оставалась последняя вера- суд. Наверняка именно здесь всё это остановится. Следователь мог манипулировать расследованием. Прокуроры могли игнорировать ходатайства. На экспертов могли давить. Доказательства могли отправлять на повторные исследования. Но рано или поздно всем пришлось бы предстать перед судьёй. Свидетелям пришлось бы отвечать на вопросы. Экспертам пришлось бы защищать свои выводы. Адвокатам позволили бы оспаривать доказательства. Наверняка именно здесь факты наконец будут иметь значение.

Я очень сильно ошибался. К счастью, многое из того, что происходило в этом зале суда, было записано, и мы сохранили записи в облаке. Семь лет спустя мне не приходится полагаться только на память, чтобы вспомнить, что произошло. С самого начала суд был фарсом. И почти сразу свидетели начали рассыпаться.

На бумаге их показания выглядели убедительно. В суде многие могли красиво пересказывать свои заявления, иногда почти слово в слово. Пока кто-нибудь не начинал задавать вопросы. Тогда всё менялось. Стоило увести их от подготовленной версии — и вдруг память становилась менее уверенной. Детали смещались, события менялись, появлялись противоречия и в конце концов прозвучали признания, которые должны были создать обвинению огромные проблемы. Свидетели признались, что подписывали заявления, которые даже толком не читали.

Они признались, что слова были не их. Они рассказали, как начальник службы безопасности отеля, бывший сотрудник спецслужб, велел им сотрудничать и делать то, что требовала полиция. Это было особенно важно, потому что во всех свидетельских показаниях повторялась одна странная проблема: разные люди, якобы независимо дававшие показания в разные даты, каким-то образом снова и снова использовали поразительно похожие формулировки. Позже мы передали эти заявления на экспертизу. Но уже сидя в суде, я видел, как объяснение разворачивается прямо передо мной.

Это были не их слова. Некоторые просто подписали то, что им положили перед глазами. И всё же в том, что происходило дальше, было что-то почти абсурдное. Пока свидетели держались сценария, всё шло гладко. Стоило вопросам вывести их за его пределы — они рассыпались. И всякий раз, когда ситуация становилась особенно неудобной для обвинения, судья Бахытжан Бакирбаев, казалось, не мог удержаться от вмешательства. Снова, и снова, и снова.

Чем сильнее версия обвинения давала трещины, тем отчаяннее становились попытки удержать судебный процесс в нужном русле. И тем вспыльчивее становился Бакирбаев.

Мы постоянно спорили. Перевод был плохим. Иногда я пытался следить за процессом, от которого зависело, проведу ли я десятилетия в тюрьме, через перевод, который просто не соответствовал требуемому уровню. Когда мы возражали, спорили или слишком настойчиво давили, раздражение Бакирбаева невозможно было не заметить. Свой характер он особенно не скрывал, как и свою власть.

Это был его зал суда. По крайней мере, именно так он себя вёл. Но в одном свидетели оставались удивительно последовательны. На Мадине не было видимых признаков того, что она участвовала в той жестокой борьбе, которую описывала.

Её видел один свидетель за другим. Никто не описывал избитую женщину, какой она должна была бы выглядеть после событий по её версии. Никаких очевидных травм. Никаких следов этого невероятного физического столкновения, абсолютно ничего. А к тому времени уже менялись и её собственные версии. Это не имело значения. Именно это стало определяющей чертой суд- это не имело значения.

Свидетель мог полностью рассыпаться. Это не имело значения.

Свидетель мог признаться, что подписал слова, которых не читал. Это не имело значения.

Мадина могла менять свою историю. Это не имело значения.

Мы могли выявить очередное противоречие. Это не имело значения.

Доказательства могли указывать в совершенно другую сторону. Это не имело значения.

Суд просто продолжал двигаться к тому же самому финалу. И постепенно я перестал верить, что сижу в зале суда, где пытаются установить, убил ли я

свою дочь. Я наблюдал спектакль, финал которого уже был написан. Ситуация со СМИ только усиливала это ощущение. Журналисты, которые освещали процесс так, как мы считали справедливым, сталкивались с ограничениями, тогда как журналистам, которых принимал суд, разрешали доступ.

Мы неоднократно пытались добиться отвода Бакирбаева. Отказано.

Мы жаловались. Отказано.

Мы жаловались выше. Отказано.

Мы оспаривали происходящее на каждом уровне, до которого могли добраться. Ничего не менялось.

Мы просили систему защитить нас от неё самой. Система защищала себя.

Но сильнее всего в моей памяти остались даже не решения, а поведение, угрозы и манипуляции. То, как обращались со свидетелями, когда их показания начинали двигаться не в ту сторону. То, как вмешивался судья. То, как вела себя прокуратура. И очень многое из этого было на видео.

Во время моего процесса прокуроры сменялись несколько раз. Один прокурор особенно любил гримасничать, принимать позы и смеяться, задавая вопросы по делу о смерти моей годовалой дочери. Для них, видимо, некоторые моменты были смешными. Для меня это была моя дочь, моя свобода, моя семья и вся моя жизнь. Я смотрел, как мою жизнь уничтожают люди, которые, казалось, были совершенно оторваны от последствий собственных действий. И именно это я понял о власти, которую никто не контролирует. Дайте человеку достаточно полномочий на достаточно долгое время, окружите его системой, которая постоянно его защищает, отклоняйте жалобы на него, позвольте ему контролировать помещение и решать, кто говорит и когда, — и в конце концов с человеком, обладающим этой властью, что-то происходит.

Он черствеет.

Он начинает путать подчинение с уважением.

Он начинает путать свою должность с самим собой.

И в конце концов он может настолько оторваться от страдания перед ним, что отчаяние другого человека почти перестаёт доходить до его сознания. Именно такого Бакирбаева я видел с другой стороны зала суда. Позже наши адвокаты рассказывали, что полученная ими неофициальная информация указывала на то, что Бакирбаева специально выбрали для моего дела. Они описывали его как судью, которого ставили именно на такие сложные процессы — человека, способного протащить обвинение даже тогда, когда само дело представляло собой хаос. К тому времени мне уже почти не требовалось, чтобы кто-то за кулисами объяснял мне, что я вижу.

Я видел это сам.

Я видел, как рассыпались свидетели.

Я видел, как вмешивался судья.

Я видел, как накапливались противоречия.

Я видел, как обвинение не справлялось.

Я видел, как менялась версия Мадины.

И я видел, как каждая проблема, которая должна была иметь значение, каким-то образом становилась несущественной. Я пришёл в ярость. Я не был разочарован, не просто раздражён, а свирепая ярость. В жизни бывают моменты, когда злость — это всё, что у тебя осталось.

Они забрали мою дочь.

Они забрали мою свободу.

Они протащили моё имя через средства массовой информации.

Они превратили жизнь моей семьи в ад.

А теперь я сидел в зале суда и смотрел, как единственное учреждение, которое должно было разобраться в случившемся, просто ведёт меня к заранее определённому сроку. Так что да, я их ненавидел. И я не собираюсь семь лет спустя притворяться, что вспоминаю всё это с каким-то просветлённым эмоциональным безразличием- нет.

Есть вещи, которые я до сих пор хочу сказать этим людям, особенно Бакирбаеву. Поэтому, Бакирбаев, если эта книга когда-нибудь попадёт к тебе, прочитай эту часть внимательно. Вам всем конец!

Я верил в это, когда сидел в твоём зале суда, и что-то внутри меня всё ещё верит в это сегодня.

Может быть, это произойдёт из-за моего дела, а может быть, нет.

Может быть, когда-нибудь всех вас разоблачит нечто гораздо большее.

Может быть, эта книга станет достаточно успешной, и кто-нибудь снимет по ней документальный или художественный фильм. Кто знает?

И, может быть, однажды запись из того зала суда появится на экране, достаточно большом, чтобы её увидели миллионы людей. Я надеюсь, что так и будет. Я надеюсь, они не просто услышат, как я описываю вас. Я надеюсь, они сами посмотрят на вас, посмотрят на свидетелей, посмотрят на противоречия, посмотрят на вмешательства, посмотрят на прокуроров, посмотрят на угрозы, посмотрят на выражения лиц и посмотрят на судью. А потом пусть сами решат, что они видят.

Может быть, этого окажется достаточно, чтобы кого-то наконец разбудить.

Может быть, разоблачение со временем станет настолько масштабным, что те, кто злоупотреблял доверенной им властью, наконец столкнутся с той же системой, которую использовали против всех остальных.

Может быть, однажды кто-то из вас окажется в тех тюрьмах, куда вы отправили столько других людей.

Я не знаю, может быть, в конечном счёте всё это вообще не будет связано с Мохамедом Баракатом. Но что-то внутри меня всегда верило, что так или иначе вам всем конец. Потому что власть не вечна. И вот что я понял о таких людях, как Бакирбаев: Страх и уважение — это совершенно разные миры. Люди встают, когда вы входите в зал суда.

Они называют вас «Ваша честь». Они замолкают, когда вы требуете тишины. Адвокаты понижают голос, когда вы им угрожаете. Подсудимые подчиняются, потому что в ваших руках власть уничтожить годы их жизни. Но не путайте всё это с уважением. Когда люди смотрят на вас, как вы думаете, что они видят? Великого судью? Уважаемого хранителя правосудия?

Или человека, которому они подчиняются потому, что боятся того, что он может с ними сделать? Вы можете требовать подчинения, но вы не можете приказать другому человеку уважать вас. И в конце концов мантия снимается, зал суда пустеет, титул исчезает и остаётся только запись того, что вы сделали, пока власть была у вас в руках. Я помню, как во время суда смотрел Бакирбаеву прямо в лицо. Я сказал ему:

«Последняя инстанция власти в этом зале — закон, а не вы».

И я сказал ему ещё кое-что.

«Вы никогда не сможете решить, виновен я или невиновен. Вы можете решить только одно — хотите вы посадить меня в тюрьму или нет».

В тот момент эти слова, наверное, ничего для него не значили. Власть была у него, а я был человеком, сидевшим под стражей. Он был судьёй, а я был обвиняемым. Но вот прошло семь лет и в конце концов Мадина призналась. Мы получили записи, этот голос прошёл судебно-экспертное исследование и был идентифицирован как её голос. Женщина, чьи обвинения помогли запустить весь этот кошмар, в конце концов сказала вещи, которые требовали нового рассмотрения дела.

Так что да, Бакирбаев, я думаю о тебе.

Я думаю о том зале суда.

Я думаю о твоём эго.

Я думаю о той абсолютной уверенности, с которой ты себя вёл.

И иногда я думаю, каким клоуном ты, наверное, теперь себя чувствуешь. Надеюсь, твоё эго уменьшилось и теперь ближе к твоему физическому росту. Да, это оскорбление. Именно так оно и задумано. Я пишу эту книгу не для того, чтобы притвориться, будто после семи лет всего этого во мне не осталось злости.

Осталась и она до сих пор бушует. Меня разорвали на части. Мою семью разорвали на части. Имя моей дочери протащили через процесс, который, по моему убеждению, перестал заботиться об установлении истины задолго до того, как я вообще вошёл в этот зал суда. От этого остались шрамы, которые не исчезнут ни от какого красивого письма.

А потом наступил день приговора. Бакирбаев встал. Я смотрел на него. Он начал читать.

И когда он дошёл до решения, которое должно было отнять двадцать лет моей жизни, я увидел то, что воспринял как ту зловещую улыбку, которую он не смог полностью скрыть- двадцать лет. Двадцать лет строгого режима за убийство собственной годовалой дочери.

Я смотрел прямо на него.

Пустое лицо.

Никаких эмоций.

Никакого обвала.

Никаких слёз.

Ничего.

Потому что в моей голове уже началось кое-что другое. Продолжай разговаривать с Мадиной. Я знал, что должен продолжать с ней говорить. Я знал, что должен держать её достаточно близко, чтобы рано или поздно правда вышла наружу. Я знал, что однажды она совершит ошибку, которая будет иметь значение. Однажды она скажет, что произошло на самом деле. Однажды она признается. А до этого дня я должен был выжить. Выжить и продолжать говорить. Продолжать бороться и не позволить им закончить историю здесь.

Бакирбаев считал, что только что закончил моё дело. Двадцать лет, бах! Готово, следующее дело. Но когда я смотрел на него, я знал одно. Я ещё не закончил.

Тогда я не знал, сколько лет займёт эта борьба.

Я не знал, через сколько тюрем мне предстоит пройти.

Сколько раз меня будут избивать.

Сколько жалоб мы напишем.

Сколько чиновников нас проигнорируют.

Сколько дверей закроется.

Сколько денег потеряет моя семья.

Сколько ночей я буду лежать без сна, задаваясь вопросом, закончится ли это когда-нибудь.

Я не знал, сколько самого себя потеряю по дороге. Я знал только одно: я не остановлюсь. Где-то под злостью, горем и неверием жила решимость, которая стала сильнее всего, что они могли со мной сделать. Они могли вынести мне приговор. Они могли посадить меня в тюрьму. Они могли унижать меня. Они могли избивать меня. Они могли пытаться сломать меня. Но они не могли заставить меня принять то, что сделали.

Бакирбаев мог дать мне двадцать лет, но он не мог заставить меня перестать бороться. И когда он закончил читать приговор, я понял то, чего он со своего места понять не мог. Для него суд закончился. Для меня самая долгая и тяжёлая борьба в моей жизни только начиналась.

Глава 86: Мадина: виноваты все остальные

Прежде чем оставить зал суда позади и перейти к тому, что произошло дальше, мне нужно на мгновение остановиться и кое-что объяснить о Мадине. Потому что было бы несправедливо — и исторически неверно — оставить у читателя впечатление, будто Мадина дала свои первоначальные показания, посмотрела, как мне дали двадцать лет, а затем тихо исчезла и продолжила жить своей жизнью. Нет, к моменту суда Мадина уже боролась.

Она писала ходатайство за ходатайством.

Заявление за заявлением.

Она снова и снова обращалась в суды и прокуратуру.

Продолжала обжаловать выше и выше, в конце концов дошла даже до Верховного суда.

Она выступала по телевидению и говорила всему Казахстану, что я невиновен, а её первоначальные показания были неправильными.

Она постоянно спорила с Бакирбаевым.

Она несколько раз пыталась добиться его отвода как председательствующего судьи.

Однажды, во время одной из их стычек, Бакирбаев потерял терпение и спросил её:

«Ты вообще на чьей стороне? На нашей или на его?»

Прочитайте этот вопрос ещё раз. На нашей или на его? Почему у судьи вообще было «нашей»? Суд не должен принадлежать ни одной из сторон. Судья не должен быть частью обвинения. Должны существовать обвинение, защита, доказательства и закон. Мадина возразила против его слов и через своего адвоката ответила:

«Я на стороне справедливости».

Что бы я ни узнал о Мадине позже, я не стану переписывать историю и вычёркивать эту часть. Она боролась, она говорила людям, что я невиновен, она пыталась исправить то, что сама сделала.

А один из немногих телеканалов, который сообщал о том, что она действительно говорила, впоследствии не допустили на судебные заседания, хотя процесс якобы был открытым. Но на этом этапе оставалось кое-что, чего Мадина всё ещё не могла сделать. Полностью принять ответственность за то, как всё началось. Всегда находился кто-то другой, кого можно было обвинить.

Её собственные слова

Я не хочу просто сказать вам, что Мадина отказалась от своих показаний. Я хочу, чтобы вы сами это прочитали. Ниже — одно из заявлений, которое она сделала. Я включаю его потому, что эта книга не должна требовать от читателя принимать моё толкование, когда собственные слова Мадины могут говорить сами за себя. Заявление:

Я, Мадина Абдуллаева, полностью отказываюсь от своих показаний, данных 24 октября 2019 года в 10:24, 11:53 и 15:41. Я дала эти показания, находясь в состоянии шока, страха и под давлением. Эти показания НЕ соответствуют фактам, что видно из очевидных различий между ними. Они неправдивы.

Эти показания стали результатом шока, на который повлияли успокоительные препараты, которые мне дали, чтобы я успокоилась. 25 октября 2019 года я сказала полиции, что мне нужно изменить свои показания. Все, кто был со мной, были свидетелями этого. Я не лгала, я просто не понимала, что говорю. Моя прекрасная дочь София только что

умерла. Никто не хочет меня слушать, поэтому теперь я скажу это в суде, чтобы услышали все. У моего мужа Мохамеда Бараката утром 24 октября 2019 года случился приступ. Он сидел на кровати, держался за грудь и говорил, что у него сейчас будет сердечный приступ, когда начал трястись, а затем его вырвало. София находилась рядом с ним на кровати и играла с шариками. Я пошла помочь Мохамеду. Его сильно трясло, и его рука ударила меня.

Когда он не реагировал нормально, я побежала и оделась. Я несколько раз потрясла Мохамеда, и он открыл глаза, но было такое ощущение, будто он меня не видел и не узнавал. Я начала помогать ему подняться, но он стал сопротивляться, словно испугался меня, и один из взмахов его руки пришёлся мне по затылку. Я побежала к двери и открыла её, чтобы позвать на помощь и вызвать скорую помощь. Я увидела уборщицу и сказала ей: «Помогите мне», а также сказала, что он меня ударил, но она меня не поняла, поэтому я побежала к ней и сказала вызвать скорую и полицию. Когда я вернулась к номеру, дверь была заперта, поэтому я попросила у неё ключ.

В этот момент я услышала один громкий звук, а когда прибежала обратно и открыла дверь, увидела Софию, лежащую у двери ванной, и Мохамеда, лежащего без сознания в ванной. Я подняла Софию и выбежала из номера, крича: «Она умерла, он её убил», НО я совершенно точно не имела в виду, что он действительно её убил или сделал что-либо намеренно, как теперь пытаются утверждать все эти люди. Случайная смерть — не убийство, а жизнь хрупка, особенно жизнь младенца. Даже когда я была внизу, в вестибюле, всё ещё в шоке, я кричала сотрудникам службы безопасности отеля, чтобы они проверили Мохамеда на случай, если он умер или серьёзно травмировал себя. Я не понимала, что говорила 24 октября и как полиция использует мои слова и будет манипулировать ими и моими показаниями. Я думала только о том, что должна вернуться к Софии, а они не отпускали меня, пока моя дочь умирала в больнице.

Я помню, как слышала, что полиция и сотрудники отеля в вестибюле строили версии о том, что произошло, и говорили, будто ребёнка ударили о стену ванной, где была кровь, и о дверь, где было разбито стекло. Я начала представлять это и думать, могло ли это быть правдой. Почему они это говорили? Казалось, никто не осознавал, что я была в шоке, только что держала дочь на руках и думала, что её больше нет. Я находилась не в том психическом состоянии, чтобы давать показания или проходить допрос. Мне была нужна медицинская помощь из-за шока, и мне дали успокоительное, чтобы я пришла в себя. Это повлияло на моё мышление, а юридической помощи мне не предоставили. Я слышала всё, что говорили полицейские, и их версии, и на меня давили, требуя дать показания, иначе они объявят меня подозреваемой и не отпустят. Это повлияло на моё мышление и на ход допроса. Они уже сделали выводы о том, что произошло, и даже передали их в СМИ, которые в тот же день, всего через несколько часов, сообщили эти

выводы по телевидению. Следователь Нурлан Болатов позже также сказал, что считает произошедшее несчастным случаем, но заявил, что должен закончить расследование. Всё это время я верила, что он поймёт свои ошибки и освободит моего мужа.

Я постоянно обращалась в суд с просьбой изменить обвинение с убийства на причинение смерти по неосторожности. Доказательства подтверждают, что Мохамед не избивал Софию. Доказательства подтверждают, что кровь на стене ванной не принадлежала ей и что стекло не было разбито от ударов её головой о дверь. Доказательства даже показывают, что на Софии не было ни ДНК, ни крови Мохамеда. Нелепая версия, которую обвинение представляет суду, — это очередная ложь. Сначала Мохамеда обвиняли в том, что он сломал Софии шею, и это оказалось ложью, что подтвердило вскрытие. Затем они сказали, что он её избил, что также оказалось ложью и было опровергнуто многочисленными заключениями вскрытия и больничным свидетельством о смерти. А когда больше ничего не нашли, захотели утверждать, будто он прижал её своим телом к стене, чтобы убить. И снова: категорически невозможно таким образом вызвать двустороннее симметричное сдавление черепа, и эксперты уже об этом сказали. Доказательства подтверждают, что Мохамед не избивал и не убивал Софию, и это правда. Мохамед не может и не должен предстать перед судом, потому что утром 24 октября он находился не в нормальном психическом состоянии, и мы всё это видели. Он даже не понимал, что София умерла.

Все эти свидетели из отеля, которых вы вызовете в суд, много раз видели моего мужа и много раз видели, как он останавливался в гостинице Intercontinental, ещё до того, как мы поженились. Все они могут сказать вам, какой он вежливый, дружелюбный и порядочный человек. Каждый из них может подтвердить, что видел его много раз. Пожалуйста, прекратите эту несправедливость и верните мне мужа. Он хороший человек и был замечательным отцом, который любил свою маленькую дочь Софитошку и потерял её. Нам больно, и мы нужны друг другу. Пожалуйста, помогите нам и поверьте нам. Мы говорим правду. Вы не можете вернуть нашу дочь, но мы можем хотя бы быть справедливы в этом суде к её отцу. Он никогда не заслуживал этого. Ему не позволили попрощаться с дочерью и не дали возможности похоронить её, и я надеюсь, что он сможет простить нас за это.

Все видели, как с самого первого дня я боролась за Мохамеда, потому что Мохамед на сто процентов не причинял и никогда не смог бы намеренно причинить Софии вред.

Это слова Мадины, не мои и в этом заявлении очень многое имеет значение.

Она прямо отказалась от трёх показаний, данных 24 октября.

Она сказала, что они не соответствовали фактам.

Она сказала, что пыталась изменить их уже со следующего дня.

Она сказала, что я не убивал Софию намеренно.

Она сказала, что считала смерть случайной.

Она сказала, что находилась под давлением.

Она сказала, что ей дали успокоительные препараты.

Она сказала, что следователь угрожал объявить её подозреваемой.

Она умоляла суд вернуть ей мужа.

Но через всё заявление проходила ещё одна закономерность, которую я полностью пойму лишь спустя годы. Виноваты были все остальные и сначала это был я.

Первой реакцией Мадины в то утро, когда умерла София, было пожертвовать мной. Какие бы объяснения ни появились потом, этот факт никуда не исчезал. Она выбежала из номера, крича:

«Он её убил».

«Он меня избил».

И, по словам свидетелей, у двери всё не закончилось. Она ходила по вестибюлю отеля и повторяла, что Мохамед убил Софию. Представьте силу этих слов в первые минуты.

Ребёнок умирает.

Её мать кричит.

Её отец наверху.

Кровь.

Разбитое стекло.

Приезжает полиция.

Сотрудники отеля пытаются понять, что произошло.

И посреди всей этой путаницы начинает распространяться одна версия: Мохамед убил Софию. Люди начинают рисовать картины в своём воображении ещё до того, как изучены доказательства. Кто-то слышит, что он её убил. Кто-то другой слышит, что он меня избил. Они повторяют это. Другие люди слышат, как они это повторяют.

И очень скоро обвинение начинает приобретать вид установленного факта. Это был первый пожар. Его разожгла Мадина. Позже она потратит годы, пытаясь его потушить.

Затем вторым виновным по её словам был отель. Следующим объяснением стали сотрудники отеля. Они дали ей успокоительные препараты. Эта часть была правдой. Это попало на камеру, и позднее сотрудники отеля признали в суде, что Мадине дали таблетки, чтобы успокоить её. Разумеется, это важно. Мать, чей ребёнок только что получил катастрофическую травму, уже находится в чрезвычайном психологическом состоянии. Добавьте лекарства — и становится совершенно разумным вопрос, была ли она вообще способна проходить официальный полицейский допрос. Но успокоительные не могли объяснить всё. Они не могли стереть то, что уже прозвучало из её уст. Они не могли стереть её бегство из номера.

Они не могли стереть: «Он её убил».

Они не могли стереть: «Он меня избил».

И они не могли стереть показания свидетелей о том, что она повторяла обвинение в вестибюле. Лекарства могли помочь объяснить её состояние. Но не могли взять на себя всю ответственность за то, что она сделала. Поэтому ответственность снова переместилась.

Затем — Нурлан. В конце концов объяснением стал следователь. Мадина сказала, что Нурлан Болатов давил на неё, вынуждая давать показания. И снова: это было не просто то, что она придумала спустя годы, в этом была правда. Видеозапись допроса имеет значение. На ней видно, как Мадина умоляет отпустить её и говорит, что не хочет там находиться.

Она говорит, что ей плохо.

Она в стрессе.

Она хочет уйти.

Она не хочет продолжать.

И несмотря на предусмотренную законом защиту, которую она имела как моя жена от принуждения свидетельствовать против собственного мужа, на записи видно, как следователь предупреждает её о последствиях отказа от дачи показаний.

Так что да, давление было и это важно. Так же, как важны и успокоительные. Так же, как важен шок. Но нечто может быть правдой и при этом не быть всей правдой. И именно с этим у меня годами была проблема в отношении Мадины. В каждом объяснении было что-то реальное.

Но каким-то образом каждое объяснение заканчивалось тем, что ответственность лежала где-то ещё. Отель дал мне таблетки, полиция давила на меня, Нурлан мной манипулировал, я боялась, я была в шоке и я не понимала, что говорю. Все эти вещи могли объяснить отдельные части произошедшего.

Но они всё равно не отвечали на вопрос, к которому я снова и снова возвращался:

Почему твоим первым инстинктом было обвинить меня?

Почему именно из твоих уст прозвучало «он её убил»?

Почему именно из твоих уст прозвучало «он меня избил»?

Почему ты повторяла это?

Почему эти первые слова превратились во всё более подробные показания?

И почему понадобились годы, прежде чем ты наконец смогла рассказать мне всё?

Женщина, пытавшаяся потушить собственный пожар

Вот здесь Мадину становится трудно описывать либо как жертву, либо как злодея. Она одновременно была человеком, чьи слова помогли запустить дело против меня, и одним из тех, кто сильнее всех пытался его остановить.

Она выступала по телевидению.

Она подавала ходатайства.

Она писала заявления.

Она спорила с обвинением.

Она спорила с Бакирбаевым.

Она пыталась добиться его отвода.

Она говорила Казахстану, что я невиновен.

Она говорила, что солгала.

Она умоляла власти вернуть ей мужа.

Что бы я позже ни узнал о её мотивах, я отказываюсь вычёркивать эти факты из истории лишь потому, что они делают её характер сложнее. Они были, но оставалось одно, чего она всё ещё не могла сделать- рассказать всю правду. И, возможно, именно в этом разница между отказом от лжи и окончательным признанием того, почему ты эту ложь сказала.

Мадина могла говорить всем, что Мохамед невиновен.

Могла говорить, что её показания были неправильными.

Могла винить успокоительные.

Могла винить полицию.

Могла винить Нурлана.

Могла винить давление.

Могла винить страх самой стать подозреваемой.

Но в конце концов винить больше было некого, кроме самого себя. И до этой точки ей понадобятся годы.

Виноваты все остальные

Ложь — странная вещь. Сначала она может тебя защищать. Потом уже тебе приходится защищать её. Ты меняешь одну деталь, чтобы защитить другую. Придумываешь объяснение тому, почему сказал что-то. Потом требуется ещё одно объяснение, почему первое объяснение не совсем сходится. В конце концов уже не ты несёшь ложь, а она несёт тебя. Я годами наблюдал, как это происходило с Мадиной.

Она пыталась вытащить меня из тюрьмы, всё ещё отказываясь полностью столкнуться лицом к лицу со всем тем, что меня туда привело. Она боролась за меня и одновременно боролась с собой. Она хотела исправить последствия, не сталкиваясь до конца с причиной. Позже я пришёл к убеждению, что за её отчаянным желанием вернуть меня была и другая причина. Она скучала по прежней жизни. Она скучала по комфорту. Она скучала по тому, как её баловали. Она скучала по образу жизни, который я ей обеспечивал. Но тогда я ещё всего этого не понимал. На этом этапе истории я видел жену, которая боролась, чтобы вернуть меня домой. И я продолжал с ней разговаривать.

Помните, что пронеслось у меня в голове, когда Бакирбаев приговорил меня? Продолжай разговаривать с Мадиной. Я так и делал. Я продолжал разговоры через её отказы от показаний.

Через объяснения.

Через перекладывание вины.

Через противоречия.

Через извинения.

Через годы.

И постепенно эти годы начали разрушать стены, которые она выстроила вокруг правды. Потому что что бы ты ни говорил полиции, что бы ни говорил судье, что бы ни говорил телевизионным камерам и во что бы в конце концов ни убедил самого себя, бывают моменты, когда остаёшься наедине с человеком, который знает тебя лучше почти всех остальных. И рано или поздно что-то выскальзывает. Фраза, деталь, противоречие и ещё один кусочек головоломки. Пока спустя годы, после всех заявлений, всех оправданий и всех обвинений, Мадина наконец не дошла до точки, где больше не могла сдерживать это внутри. И когда правда наконец пришла, она пришла не в зале суда.

Не перед Бакирбаевым.

Не на допросе у Нурлана.

Её не объявили по телевидению.

Её не напечатал красивым шрифтом адвокат и не заверило печатью государственное учреждение.

Она пришла в WhatsApp голосовым сообщением от Мадины. Несколько лет саморазрушения наконец привели её к точке, где она смогла начать говорить то, что все эти годы не могла произнести. Это признание появится позже в этой книге. Когда мы до него дойдём, я хочу, чтобы вы пережили его так же, как пережил я. Потому что пока у меня не было признания, у меня не было правды. У меня была жена, которая носилась по Казахстану и говорила всем, что я невиновен. У меня были её письменные отказы от показаний. У меня были её выступления по телевидению. У меня были противоречия. У меня было двадцать лет.

И у меня была одна мысль: Продолжай с ней разговаривать. Рано или поздно она заговорит. Но сначала я должен был прожить достаточно долго, чтобы это услышать. Потому что пока всё это происходило, я всё ещё не понимал, что на самом деле означают двадцать лет в Казахстане.

Мне казалось, что понимал. После всего, что произошло со мной в СИЗО — избиений, психиатрического отделения, уколов, вымогательства, унижений, ударов током, бессонных ночей и бесконечных месяцев за стальными дверями, мне казалось, что я уже знаю, что такое тюрьма. Нет, даже близко нет.

Следственный изолятор был детским садом. Настоящий кошмар только начинался.

Глава 87: Мадина: виноваты все остальные II

Попытка исправить собственные ошибки

Дкументов слишком много, чтобы поместить их все в эту книгу. Уже одна эта фраза рассказывает часть истории.

Если бы Мадина просто выдвинула свои обвинения 24 октября 2019 года и затем придерживалась их, объяснять почти больше было бы нечего. Но

произошло совсем не это. Шли месяцы, и бумага ложилась на бумагу: заявления, ходатайства, обращения, требования отвода судьи, отказы от показаний, выступления в суде и, после моего осуждения, новые обращения в апелляцию. Я выбрал здесь лишь несколько документов. Не потому, что они единственные.

А потому, что если напечатать всё, эта глава превратится в ещё один том уголовного дела. Важно другое — закономерность. Мадина помогла запустить то, что больше не могла контролировать, а теперь бежала следом, пытаясь догнать это. Сначала она обвинила меня, потом появился шок, успокоительные, сотрудники отеля, полиция, следователь, давление и суд. Некоторые из этих жалоб подтверждались доказательствами. Именно поэтому эта история сложнее простой фразы: «Мадина солгала, а потом придумала оправдания».

Она совершила ужасные ошибки. Но некоторые вещи, которые, по её позднейшим словам, с ней сделали, также были документально зафиксированы. И хотя она всё ещё не могла заставить себя рассказать всю правду, она отчаянно боролась, пытаясь исправить последствия собственных слов. Ей так и не объяснили право не свидетельствовать. Один из самых важных документов вообще написала не Мадина. 22 июля 2020 года мой адвокат Дархан Дюсембеков подал ходатайство с просьбой признать допрос Мадины от 24 октября 2019 года недопустимым доказательством. Это основывалось не только на том, что Мадина позже рассказывала о произошедшем. Адвокат изучил саму видеозапись допроса. В его ходатайстве указано, что между тем, что реально происходило во время записанного допроса, и протоколом, составленным следователем, имелись «существенные противоречия». А затем следует ещё более важный момент.

Согласно ходатайству, перед допросом Мадины следователь не установил её отношение ко мне — она была моей женой и поэтому не разъяснил ей право отказаться от дачи показаний против собственного мужа. Вместо этого, как сказано в ходатайстве, её сразу предупредили об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, отказ от дачи показаний и уклонение от них. Подумайте о разнице. Вы имеете право не свидетельствовать против мужа.

Или: Если вы откажетесь давать показания, могут наступить уголовные последствия. Для напуганной молодой женщины, у которой только что умерла дочь, это совершенно разные вещи. Защита утверждала, что установленная законом процедура была нарушена и у Мадины сформировалось ошибочное представление о её праве отказаться свидетельствовать против меня. Поэтому когда позднее Мадина обвиняла следствие в том, что на неё давили, под этим обвинением была реальная основа. Но опять же, существует разница между объяснением того, что происходило во время допроса, и объяснением того, что произошло до него. Следователь не стоял рядом с ней, когда она впервые выбежала из номера с

криками, что я убил Софию. Полиция ещё не успела построить дело, когда эти первые слова сорвались с её губ. Эта часть всё ещё принадлежала Мадине. И в конце концов даже она признает, что сделали эти слова.

«Всё, что они говорили, было повторением моих слов»

К декабрю 2020 года Мадина уже не просто просила людей поверить, что сожалеет о своих первоначальных показаниях. Она официально ставила этот вопрос перед судом. 15 декабря она подала документ с необычайно прямым названием: «Отказ от обвинительных показаний против Мохамеда Бараката».

В самом его начале нет никакой двусмысленности:

«Я полностью отказываюсь от обвинительных показаний против моего мужа Мохамеда Бараката».

Она сказала, что находилась в состоянии шока и под воздействием успокоительных. Она утверждала, что полицейские сказали ей, будто она не увидит Софию, пока не даст показания против меня. Она сказала, что просила прекратить допрос и что ей не объяснили право не свидетельствовать против своего мужа. В конце она попросила суд использовать это заявление как основание для отмены всех её прежних обвинительных показаний против меня. Пять дней спустя, 20 декабря 2020 года, она снова обратилась к суду. И внутри этого документа спрятано то, что я считаю чрезвычайно важным. Мадина признала, что её слова сделали с другими свидетелями. Она написала, что свидетели, дававшие показания против меня, меня не знали, а то, что они говорили, было повторением её слов после того, как она сказала, что Мохамед убил её ребёнка.

Вот оно, письменно и от самой Мадины. Теперь она сама описывала цепную реакцию. Она сказала это, другие люди услышали, другие люди повторили, а в итоге эти повторения превратились в показания против меня.

Именно это я имею в виду, когда говорю, что слова высаживают картинки в сознании людей. К моменту, когда людей начали допрашивать, они уже не подходили к необъяснимой трагедии с пустым сознанием. Они уже слышали мать ребёнка, говорившую, что отец её убил. Теперь сама Мадина говорила суду, что эти люди повторяли услышанное от неё. В конце того же выступления она полностью отвергла свои прежние показания. А затем прозвучали два простых слова:

«Простите меня!»

Простить её за что? Этот вопрос останется без ответа на годы. Мадина не только отказывалась от своих обвинений, она начала бороться с самим судом. 2 сентября 2020 года она подала официальное ходатайство об отводе Бакирбаева. Она написала, что пришла к убеждению, будто её права неоднократно нарушаются. Она обвинила Бакирбаева в том, что он ведёт процесс с «обвинительным уклоном». Она жаловалась, что когда пытается говорить, он её перебивает. Жаловалась, что он не рассматривает должным образом и ходатайства защиты. И прямо написала:

«Я считаю, что судья предвзят».

Она пыталась добиться его отвода, но к сожалению не получилось. Тогда она попробовала ещё раз. Второй документ ещё показательнее.

7 октября 2020 года Мадина подала ещё одно ходатайство об отводе Бакирбаева. На этот раз она жаловалась на происходящее с якобы открытым судебным процессом. Она написала, что Бакирбаев удалил с заседаний журналистов UK News и членов семьи Баракат, и поставила вопрос, почему судья может удалять одних людей и оставлять тех, кого хочет видеть. Затем она написала нечто примечательное для женщины, которая юридически считалась потерпевшей в обвинении против меня:

«Да, я потерпевшая, но я не единственная — мой муж тоже потерпевший, мы оба потеряли нашего ребёнка».

Она пошла ещё дальше. Она написала:

«Я чувствую, что суд пытается уничтожить моего мужа».

И она сказала, что продолжит бороться за мою свободу. Далее идёт тот обмен репликами, о котором я уже упоминал ранее в книге. За семь лет память меняется, поэтому там, где сохранился документ того времени, я предпочитаю документ. Мадина записала слова Бакирбаева так:

«Сегодня судья Б.Е. Бакирбаев задал мне вопрос — на чьей вы стороне? Кого вы защищаете?»

В самом ходатайстве Мадина ответила, что такой вопрос со стороны судьи неуместен. Она написала, что участники процесса не должны определять, кто на чьей стороне, потому что перед судом находится одно общее дело. В этом есть нечто почти сюрреалистическое. Потерпевшая со стороны обвинения пыталась сказать суду: Человек, которого вы судите, не убивал намеренно нашу дочь. А судья спрашивал её: На чьей вы стороне? Кого вы защищаете?

Она должна была быть их потерпевшей. Но она не вела себя как потерпевшая, которая была нужна их делу. Она стала неудобной.

Двадцать лет её не заставили замолчать

Затем прозвучал приговор- двадцать лет. Если бы попытки Мадины помочь мне были всего лишь спектаклем, рассчитанным на то, чтобы повлиять на Бакирбаева до вынесения приговора, именно в этот момент они логично должны были закончиться, но они не закончились.

6 марта 2021 года, через несколько месяцев после того, как мне дали двадцать лет, Мадина писала в судебную коллегию по уголовным делам Алматинского городского суда. И снова возвращалась туда, где всё началось: 24 октября 2019 года. Она написала, что обвинение против её мужа основывалось на её первоначальных показаниях того дня, которые, по её словам, были даны в состоянии стресса и под воздействием успокоительных препаратов.

А затем сказала:

«Я полностью отказываюсь от обвинительных показаний против моего мужа Мохамеда Бараката, которые я дала полиции в тот трагический день».

Она снова описала допрос как проходивший под давлением. Сказала, что просила их остановиться и отпустить её. Вновь заявила, что полиция не объяснила ей право не свидетельствовать против мужа и не предоставила возможности получить юридическую помощь. Затем она атаковала уже сам приговор суда первой инстанции. Она сказала, что суд занял обвинительную позицию следствия и не уделил должного внимания защите. Она настаивала, что я не мог совершить умышленное преступление против Софии, и просила апелляционный суд назначить ещё одну судебно-психиатрическую экспертизу, отдельно ссылаясь на прежний вывод о сумеречном расстройстве сознания.

Суд закончился, Бакирбаев сказал своё слово, у меня было двадцать лет, а Мадина всё ещё боролась. Этот факт должен быть в этой книге. Как и другой, она всё ещё не рассказывала всей правды, исправляя последствия

Именно поэтому те годы так трудно описывать. Мадина одновременно делала две вещи. Она пыталась исправить свои ошибки. И одновременно пыталась их объяснить так, чтобы снять с себя ответственность.

Это не одно и то же. Документы показывают женщину, которая снова и снова говорила судам, что на её первоначальные обвинения нельзя полагаться. Они показывают, как она оспаривала действия судьи, критиковала следствие, поддерживала защиту, называла меня ещё одной жертвой смерти Софии и продолжала бороться даже после того, как мне уже вынесли приговор. Я не стану отнимать у неё этого. Но и не позволю этому стереть то, что было сначала.

Потому что внутри её собственных документов спрятано противоречие. Сама Мадина признала, что другие свидетели повторяли её слова после того, как она сказала, что Мохамед убил Софию. Успокоительные не произносили этих слов. Отель не произносил этих слов. Нурлан не произносил этих слов. Их произнесла Мадина.

Всё, что произошло потом, может помочь понять, почему её история развивалась именно так.

Шок имеет значение.

Лекарства имеют значение.

Давление имеет значение.

Допрос без понимания своих прав имеет значение.

Страх стать подозреваемой имеет значение.

Правовая система, которая пугает людей, имеет значение.

Но под всеми этими объяснениями оставалась правда, с которой Мадина ещё не была готова столкнуться. В первые минуты она сделала выбор. Потом увидела, как этот выбор вырос во что-то огромное. И теперь отчаянно пыталась это остановить.

Ходатайство за ходатайством.

Заявление за заявлением.

Суд за судом.

Телевизионное выступление за телевизионным выступлением.

Документов слишком много, чтобы воспроизвести их здесь все. Возможно, в этом и суть. Бумажный след стал огромным, потому что огромной стала ошибка, которую она пыталась исправить. Но бумага могла довести её только до определённого места. Она могла отказаться от своих обвинений. Могла оспаривать действия судьи. Могла обвинять полицию. Могла объяснять действие успокоительных. Могла описывать давление. Могла просить меня простить её. Могла говорить всему Казахстану, что Мохамед Баракат невиновен.

Но оставался последний шаг. То, чего за неё не могло сделать никакое ходатайство. Мадина должна была рассказать правду о Мадине. А она не была готова к этому.

Пока нет, на это уйдут годы.

Годы жизни с тем, что произошло.

Годы, в течение которых она видела, что я всё ещё внутри.

Годы объяснений и противоречий.

Годы попыток исправить последствия, не сталкиваясь до конца с их началом.

Пока однажды в комнате не останется судьи, следователя, прокурора, сотрудника отеля и адвоката, формулирующего слова. Больше не останется никого, кого можно обвинить.

Только Мадина и голосовое сообщение в WhatsApp. Продолжай говорить, Мадина. Я ждал этого годами.

И в конце концов она заговорит.

Глава 88: Эксперты, которых он не мог позволить себе услышать

Проблемой для судьи Бакирбаева была не только Мадина. К этому времени она уже отказалась от показаний, которые помогли запустить дело против меня. Она оспаривала происходящее в суде, пыталась добиться отвода Бакирбаева и публично настаивала, что я не убивал Софию намеренно. Уже одно это должно было заставить любой суд остановиться и задуматься. Но у Бакирбаева была гораздо более серьёзная проблема, это эксперты. Некоторые из самых опытных специалистов Казахстана начали изучать разные части дела. Судебная медицина, психиатрия, место происшествия, свидетельские показания и токсикология. Это были не люди, сидевшие в одной комнате и соглашавшиеся друг с другом. Они представляли разные дисциплины и изучали разные доказательства. Один из них занимал высокую экспертную должность в самом Министерстве юстиции Казахстана. И чем больше специалистов изучали дело, тем больше проблем обнаруживалось. Я всегда считал, что именно для этого эксперты и существуют. Судья не судебный врач, не психиатр, не криминалист и не судебный лингвист. Когда дело содержит вопросы, выходящие за пределы его компетенции,

квалифицированные специалисты объясняют науку, а судья использует эти знания, чтобы понять доказательства.

По крайней мере, я так думал. На моём процессе экспертные заключения стали ещё одним препятствием, которое каким-то образом нужно было отодвинуть в сторону. Я покажу вам лишь несколько примеров. И намеренно не стану сейчас объяснять всё, что в конечном счёте означали эти выводы. Есть вещи о 24 октября 2019 года, которых я вам пока не рассказал и на это есть причина.

Позже в этой книге мы вернёмся к тому утру и разберём произошедшее как следует, шаг за шагом. А пока я хочу только, чтобы вы поняли, с чем Бакирбаев уже столкнулся, решая, отправлять ли меня в тюрьму на двадцать лет. Начнём с номера 801. Прежде чем кто-либо мог уверенно рассказать суду, что произошло внутри номера 801, разве не нужно было сначала должным образом исследовать сам номер? Светлана Рехсон изучила материалы осмотра места происшествия. В её заключении указано, что она кандидат юридических наук и доцент университета, имеет двадцать лет практического опыта судебно-экспертной работы и двадцать четыре года научно-педагогического стажа в областях, включая уголовный процесс, криминалистику и судебную экспертизу.

Она находила одну проблему за другой. Осмотр номера начался лишь спустя некоторое время после того, как власти уже взяли ситуацию под контроль. Из-за этой задержки Рехсон пришла к выводу, что невозможно утверждать, будто к моменту фактического осмотра следователями обстановка оставалась в первоначальном состоянии. Затем она изучила изъятие и фиксацию доказательств.

В основном протоколе предметы описывались как упакованные одним способом, а в приложении — другим.

Упаковка фотографировалась не всегда.

Важные характеристики предполагаемых следов крови не были должным образом зафиксированы.

Отпечатки пальцев снимались без достаточной фотодокументации точного места их обнаружения.

Микрочастицы собирались без надлежащей фиксации методов, с помощью которых их обнаружили.

Даже одеяло Софии присутствовало в материалах места происшествия, но отсутствовало в приложенном перечне изъятых предметов.

Это может показаться технической мелочью, но это не так. Представьте: кто-то забирает предмет из комнаты, а позже хочет использовать его, чтобы отправить вас в тюрьму. Очевидные вопросы:

Где именно его нашли?

Кто его изъял?

Как его изъяли?

Как его упаковали?

Можем ли мы быть уверены, что позже исследуется именно тот же предмет?

Именно для этого и существуют процедуры осмотра места происшествия. Рехсон выявляла проблемы именно с этими гарантиями. А затем она обнаружила доказательства, по которым работа попросту не была доведена до конца. На нескольких предметах были обнаружены отпечатки пальцев, пригодные для идентификации, однако она не нашла соответствующих исследований, устанавливающих, кому принадлежала часть этих отпечатков. Другие потенциально важные предметы и поверхности не подвергались таким исследованиям отпечатков, ДНК и биологических следов, которые могли бы помочь восстановить события. Она пришла к выводу, что принципы всесторонности и полноты при собирании доказательств были нарушены.

Здесь я намеренно кое-что опущу. Почему это важно? Вы узнаете позже. Потому что некоторые вещи, которые не были должным образом собраны или исследованы, станут чрезвычайно важными, когда мы наконец вернёмся к тому, что произошло тем утром.

Пока нужно понять только одно: Опытный казахстанский специалист изучил расследование в номере 801 и обнаружил серьёзные проблемы и на этом она не закончила.

Документы, которые не могли согласоваться даже друг с другом

Рехсон обнаружила примечательное расхождение во времени в следственных документах. Согласно одному комплекту документов, осмотр номера 801 продолжался до 11:50. В другом протоколе зафиксировано исследование в другом месте с 11:40 до 11:45, причём в нём участвовали сотрудники, чьи задокументированные действия, таким образом, накладывались друг на друга по времени. Рехсон прямо поставила вопрос, как это вообще возможно. Она также спросила, не свидетельствует ли чрезвычайно короткая указанная продолжительность второго исследования либо о неправильной фиксации времени, либо о поверхностном характере самого исследования. Затем последовал ещё более серьёзный юридический вывод. Рехсон не обнаружила ни документированного согласия Мадины и моего на осмотр гостиничного номера, ни постановления следственного судьи, санкционировавшего принудительный осмотр.

На этом основании она пришла к выводу, что осмотр был незаконным, а изъятые во время него предметы не могут быть признаны допустимыми доказательствами. Прочитайте это ещё раз. Мы пока даже не спорим о том, что доказывает тот или иной конкретный предмет. Речь о более фундаментальном вопросе.

Было ли само место происшествия осмотрено законно и надлежащим образом? В итоговых выводах Рехсон указала на организационные, правовые, тактические и криминалистические нарушения при осмотре и собирании доказательств. Это был один эксперт. Теперь перейдём к другому.

Судебно-медицинские доказательства

Н.А. Нусупбаев работал в судебной медицине с 1972 года. Он изучил материалы дела, экспертные заключения, медицинскую документацию, фотографии и другие доказательства. Я пока не хочу подробно объяснять его выводы. Если сделаю это сейчас, я слишком многое расскажу о главе, которую сознательно оставляю на потом. Здесь важно очень простое обстоятельство. Обвинение представило конкретный механизм возникновения смертельных травм Софии. Судебно-медицинские данные достоверно не устанавливали этот механизм. Нусупбаев выявил важные неразрешённые вопросы относительно механизма травмы и того, насколько реконструкция обвинения вообще подтверждалась судебно-медицинскими данными. Некоторые ответы экспертов, лежавшие в основе дела, сами были сформулированы в категориях возможности и вероятности, а не как надёжно восстановленная последовательность событий.

Это различие чрезвычайно важно.

«Возможно» не означает «доказано».

«Вероятно» не превращается волшебным образом в «достоверно» лишь потому, что прокурор повторяет это в суде.

А «мы не можем установить» не означает, что судья получает право сам вписать недостающий ответ.

Существовали и другие возможные механизмы, которые требовали исследования. Я не стану сейчас говорить вам, какие именно, пока нет. Просто запомните это: У обвинения была история. Судебно-медицинские доказательства эту историю надёжно не установили. Позже мы вернёмся к тому, почему это имеет значение.

Затем появилась психиатрия

Обвинению также было необходимо, чтобы суд принял его трактовку моего состояния. И снова опытный специалист создал проблемы. Н.Н. Логачёва была психиатром высшей категории и судебно-психиатрическим экспертом с более чем сорокалетним стажем в психиатрии и более чем двадцатилетним опытом экспертной работы. Изучив материалы дела, она пришла к выводу с высокой степенью вероятности, что в соответствующий период я страдал временным психическим расстройством в форме сумеречного расстройства сознания. Она также нашла основания для новой комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Вам не обязательно разбираться в психиатрической терминологии. Сначала и я в ней не разбирался. Важно то, что крайне опытный судебный психиатр говорил суду о серьёзном неразрешённом вопросе, касавшемся моего психического состояния. Уже одного этого должно было быть достаточно, чтобы любой судья захотел узнать больше. Затем появился специалист, которого было ещё труднее просто отмахнуть в сторону. Министерство юстиции Алтынай Бабыкпаева изучила проведённую ранее стационарную психиатрическую экспертизу.

Её должность имеет значение. В документе она указана как главный судебно-психиатрический эксперт Министерства юстиции Республики Казахстан, с двадцатитрёхлетним экспертным стажем, степенью PhD и магистра права. Это уже был не просто Мохамед Баракат, жалующийся на расследование. Это был высокопоставленный специалист внутри самой казахстанской системы, изучавший работу других экспертов. И она обнаружила серьёзные недостатки.

Важные материалы не были должным образом учтены.

Существенная информация от свидетелей не была предоставлена экспертам стационара.

Медицинская информация не была исследована в достаточной степени.

Не были получены заключения специалистов по интерпретации медицинских исследований.

Возможные неврологические проблемы не были должным образом исследованы.

Она также поставила под сомнение основание, на котором было установлено тяжёлое алкогольное опьянение. Её мысль была удивительно простой. Нельзя научно установить опьянение только потому, что свидетели говорят, будто человек выглядел пьяным. Она написала, что необходимо лабораторное подтверждение с помощью анализов крови и мочи. А затем последовала её общая оценка психиатрического заключения- отрицательная. Не моя характеристика, не характеристика моего адвоката, а её. Главный судебно-психиатрический эксперт Министерства юстиции Казахстана пришла к выводу, что методологические недостатки повлияли на обоснованность выводов. Представьте себя на месте Бакирбаева.

Перед вашим судом лежит экспертное заключение. Затем один из ведущих специалистов страны именно в этой области изучает его и выявляет отсутствующую информацию, методологические проблемы и недостаточное исследование, после чего даёт заключению общую отрицательную оценку. Что должно произойти дальше?

Мне казалось, ответ очевиден. Вызвать экспертов в суд, дать им объяснить, дать обвинению задать им вопросы, дать моим адвокатам задать им вопросы и дать самому Бакирбаеву задать им вопросы. И в конце концов, по скольку процесс должен был быть открытым, позволить журналистам сидеть там и слышать ответы. И это подводит нас к другой проблеме.

Кому разрешали слушать? К этому моменту происходящее в зале суда имело огромное значение. На это жаловалась даже сама Мадина. В ходатайстве об отводе Бакирбаева она жаловалась, что журналистов и членов моей семьи отключали от судебных заседаний, и спрашивала, почему судья может удалять одних людей и оставлять других.

Это должен был быть открытый суд, но Бакирбаев выбирал, каким представителям СМИ позволено присутствовать. И конкретный день имел значение. Потому что то, что слышит журналист, определяет, что он сможет

сообщить. Если позволить выбранным СМИ слышать одну часть процесса, а независимых журналистов исключить из другой, общество получает совершенно иную картину происходящего в зале суда.

С моего места эффект был очевиден: Бакирбаев мог контролировать, какие части процесса доходили до общества. А что было одним из самых опасных для публичного услышания?- Эксперты.

Мне не нужно было, чтобы журналисты верили мне.

Мне не нужно было, чтобы они объявляли меня невиновным.

Мне нужно было, чтобы они слушали.

Послушайте Рехсон.

Послушайте Нусупбаева.

Послушайте Логачёву.

Послушайте Бабыкпаеву.

Послушайте других специалистов.

А потом сообщите, что они сказали.

Если дело обвинения было настолько сильным, как утверждалось, почему это должно было стать проблемой? Откройте двери и пусть все услышат.

Наркотики, которых не было

Вокруг наркотиков сформировалась ещё одна версия. И снова доказательства создавали проблемы. Химико-токсикологическое заключение эксперта № 176 не обнаружило в моей крови наркотических или психотропных веществ, а наркологическая экспертиза пришла к выводу, что я не страдал психическими или поведенческими расстройствами, вызванными употреблением наркотиков или алкоголя, и не нуждался в принудительном лечении. Рехсон также указала на вопросы, связанные с другими токсикологическими данными в материалах дела, включая результат, который она сочла сомнительным, поскольку ожидаемые сопутствующие вещества выявлены не были. Кроме того, она зафиксировала, что исследованные шприцы, иглы и лекарственные препараты не содержали следов наркотических или психотропных веществ. И здесь я тоже пока не стану заходить дальше, это будет, но чуть позже.

Для этой главы важна закономерность. Каждый раз, когда версия обвинения начинала выглядеть простой, очередной эксперт открывал дело и снова делал её сложной. Затем кто-то исследовал свидетельские показания. Наверное, это экспертное заключение мне было понять проще всего. Я сам читал свидетельские показания.

Что-то было не так. Разные люди звучали одинаково. Не просто отдалённо похоже. Не просто вспоминали одни и те же события, даже формулировки повторялись. В конце концов наши адвокаты передали эти заявления на профессиональное исследование. Специалист по судебному автороведению Гульнара Мухатаева имела государственную лицензию и с 2004 года работала в экспертной деятельности, в том числе в органах судебной экспертизы. Она отделила стандартные юридические формулировки полицейских протоколов

от тех частей, где свидетели якобы описывали события свободной речью собственными словами. Именно в этих частях естественным образом должны проявляться индивидуальные лингвистические особенности говорящего. Вместо этого она обнаружила дословные совпадения в описательных частях пяти заявлений. В трёх протоколах допросов экспертов также содержались дословные совпадения. Другое исследование сравнило показания двух свидетелей из отеля.

Специалист пришёл к выводу, что язык этих показаний содержит больше признаков, характерных для автора или составителя — следователя, чем для людей, которые якобы давали показания. В материале отсутствовали признаки, ожидаемые от свободной речи, и присутствовали буквальные и смысловые совпадения. И чьё имя снова и снова фигурировало как имя следователя, проводившего эти допросы?- Н.Ж. Болатов.

Чтобы понять это, медицинское образование не требовалось. Разные люди, разные допросы, разные показания, якобы изложенные своими словами, но почему то эксперт находил одинаковые формулировки. А затем эти свидетели начали появляться в суде. Некоторые признались, что подписали показания, которые толком не прочитали. Некоторые признались, что формулировки были не их. Внезапно то, что я видел в этих огромных стопках документов, перестало быть просто тем, что Мохамед Баракат считал подозрительным.

Ту же проблему выявил эксперт. Вопрос стал мучительно простым: Чьи слова мы вообще читали?

Мадина становилась самой маленькой проблемой

Теперь соедините только эти несколько частей. Не всё. Только то, что я показал вам в этой главе.

Мадина отказалась от своих обвинений. Специалист-криминалист выявил серьёзные правовые и криминалистические проблемы при осмотре места происшествия. Судебно-медицинский специалист выявил неразрешённые проблемы с механизмом травмы, предложенным обвинением. Очень опытный психиатр выявил вероятное сумеречное расстройство сознания и призвал провести ещё одну экспертизу. Главный судебно-психиатрический эксперт Министерства юстиции дала важному психиатрическому заключению общую отрицательную оценку и выявила методологические проблемы, влияющие на обоснованность его выводов. Токсикология не давала обвинению той чистой и простой версии, которая ему была нужна. Эксперт-авторовед находил дословные совпадения в показаниях, которые якобы независимо друг от друга давали разные люди. Свидетели начинали рассыпаться, когда их допрашивали в суде.

Так что же именно мы вообще продолжали делать? Этот вопрос снова и снова крутился у меня в голове. Разве не для этого и существует судебный процесс?

Если эксперты не согласны — вызовите их.

Если доказательства противоречат друг другу — исследуйте их.

Если свидетель меняет историю — задайте ему вопросы.

Если эксперт говорит, что исследование проведено с недостатками, дайте ей объяснить почему.

Если обвинение считает, что она ошибается, пусть докажет это.

И пусть общество наблюдает. Вместо этого мы боролись за то, чтобы экспертов вообще услышали, пока доступ к якобы открытому процессу контролировался. Чем больше появлялось вопросов, тем меньше суд, казалось, хотел слышать ответы.

Тридцать пять минут

То, что произошло позже, лишь укрепило это ощущение. Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности наблюдало за моей апелляцией и рассматривало обязательство Казахстана обеспечить справедливое и публичное судебное разбирательство, за исключением лишь ограниченных случаев. В его отчёте зафиксировано, что рассмотрение моей апелляции заняло не более тридцати пяти минут.

Всего тридцать пять минут и это после приговора к двадцати годам за убийство. В отчёте также отмечалось предусмотренное законом право суда вызывать и допрашивать дополнительных свидетелей, экспертов и специалистов, а также исследовать дополнительные доказательства. Подумайте о документах, которые я описал в этой главе. А теперь представьте рассмотрение апелляции на двадцатилетний срок за тридцать пять минут. Это говорит больше, чем могли бы сказать ещё двадцать страниц юридических доводов.

Настоящая проблема Бакирбаева

Мадина никогда не была самой большой проблемой Бакирбаева. Мадину можно было атаковать за то, что она меняла свою версию. Её можно было назвать эмоциональной. Её можно было представить женой, отчаянно пытающейся спасти мужа.

Но что делать с Рехсон?

С Нусупбаевым?

С Логачёвой?

С Мухатаевой?

С главным судебно-психиатрическим экспертом Министерства юстиции?

Нельзя назвать их всех убитыми горем жёнами. Нельзя сказать, что они все просто эмоциональны. А поскольку они представляли разные дисциплины, нельзя было заставить всю проблему исчезнуть фразой о том, что два эксперта просто не согласились по одному и тому же научному вопросу. Они находили проблемы в разных частях одного и того же дела. Номер, сбор доказательств, судебная медицина, психиатрия, токсикология и свидетельские показания. Один эксперт может ошибаться. Два эксперта могут не соглашаться. Такое происходит в судах повсюду.

Но когда опытные специалисты из совершенно разных областей независимо друг от друга начинают находить серьёзные проблемы, разве судья не должен становиться более любопытным, а не менее? Разве он не должен начать задавать вопросы? Почему доказательства не были собраны должным образом? Почему документы противоречили друг другу? Почему механизм, предложенный обвинением, не был надёжно установлен? Почему крайне опытный психиатр считал необходимой ещё одну экспертизу? Почему главный судебно-психиатрический эксперт самого Министерства юстиции дала психиатрической работе отрицательную оценку? Почему разные свидетели, якобы излагавшие события своими словами, каким-то образом использовали одинаковые формулировки? И почему на открытом судебном процессе, где рассматривалось всё это, шла борьба за то, каким журналистам позволено это слышать?

Вот какими были вопросы. Часть ответов я намеренно пока не даю. Потому что гораздо позже в этой книге будет ещё одна глава. В ней мы вернёмся в номер 801.

Возьмём доказательства, которые накапливали на протяжении всей этой истории, и наконец сложим их вместе. Фотографии, экспертные заключения, отпечатки пальцев, ДНК, медицинские доказательства, показания и то, что следователи исследовали.

И, возможно, ещё важнее — то, чего они не исследовали. А затем я расскажу вам, что, по моему убеждению, произошло 24 октября 2019 года. А пока нет, сейчас я хочу, чтобы вы запомнили только одно:

Бакирбаеву нужно было не просто проигнорировать Мохамеда Бараката, который из-за экрана кричал, что происходит что-то ужасно неправильное. Ему нужно было не просто перешагнуть через Мадину, отказавшуюся от обвинений, с которых началось дело. Ему нужно было перешагнуть через собственных экспертов Казахстана. И чем больше экспертов открывали материалы дела, тем больше появлялось вопросов. И всё же каким-то образом каждый вопрос без ответа по-прежнему приводил в одно и то же место-двадцать лет.

Я всегда считал, что эксперты существуют для того, чтобы помогать судьям понимать то, чего они сами понимать не могут. Мой процесс научил меня другому. Лучший эксперт в мире бесполезен, если человек, решающий твою судьбу, уже решил, что не хочет слышать то, что эксперт скажет. И, возможно, именно поэтому двери имели такое значение.

Почему журналисты имели значение. Почему камеры имели значение. Почему имело значение допустить экспертов в тот зал суда. Потому что у всех этих споров было одно очень простое решение:

Откройте двери. Вызовите экспертов. Дайте им говорить. Пусть все слушают.

А потом пусть Казахстан сам решит, что он только что услышал.

Глава 89: Извинения от имени нашей системы

Со временем в СИ18 вокруг меня что-то начало меняться. Люди проживали это дело вместе со мной. Сокамерники приходили и уходили. Кто-то оставался на недели, кто-то — на месяцы. Они видели, как приносили сумки с материалами дела. Некоторые сами читали отдельные части. Они слушали бесконечные разговоры об экспертах, свидетелях, доказательствах, адвокатах и судебных заседаниях. Они видели, как Мадина приходила и уходила, приносила еду в тех самых узнаваемых синих пластиковых пакетах, которые здесь, в Казахстане, знает каждый, часто оставляя на них маленькие записки. Они больше не читали газетные заголовки. Они жили рядом с человеком из этих заголовков. После суда первой инстанции Мадине разрешили начать навещать меня. Как обычно, даже такую базовую вещь, как свидание, можно было улучшить, если кто-то был готов заплатить. Она давала охранникам деньги, чтобы нас пускали в одну из открытых камер, где мы могли провести свидание с чуть большей приватностью.

К тому времени Мадина уже придумала то, что, по-видимому, считала идеальным решением для нашего будущего. У меня было двадцать лет срока, ну и ладно. Она снимет дом рядом с тем лагерем, куда меня отправят, будет регулярно приезжать на свидания, забеременеет и у нас будут ещё дети. Эти дети вырастут, навещая отца в тюрьме. И, естественно, в том будущем, которое она уже построила у себя в голове, мои сёстры продолжат содержать её и воображаемых детей, которых она уже начала планировать. Она говорила об этом почти так, будто мы обсуждали, где купить наш следующий семейный дом. Чего Мадина не знала, так это того, что моя семья наняла частного детектива. Пока она планировала со мной это будущее, детектив наблюдал за её жизнью снаружи. У нас были фотографии, на которых она встречалась с другими мужчинами. У нас также были фотографии, на которых в первые месяцы расследования она ездила вместе с Нурланом Болатовым. Есть ещё кое-что, о чём я до сих пор не хотел говорить, потому что даже сегодня я не до конца понимаю, что об этом думать.

Но тогда это меня тревожило. И тревожит до сих пор. Через несколько недель после смерти Софии Мадина пошла делать причёску и ногти. Начала покупать бесконечное количество новой одежды. Когда я увидел её в полицейском участке, я сказал об этом.

«Мадина, как мусульмане мы должны соблюдать траур по умершему сорок дней».

Она сказала, что это просто её способ справляться с горем. Возможно, так и было, люди переживают горе совершенно по-разному. Но тогда, на фоне всего остального происходившего вокруг меня, это лишь усиливало ужасное ощущение внутри, что с ней что-то очень серьёзно не так. А в заключении от этих мыслей некуда убежать. Как некуда убежать и от наблюдений всех остальных. В тюрьме люди замечают всё, так как им больше нечего делать. Кто тебя навещает, кто присылает еду, кто присылает деньги и кто что пишет

на твоём пакете. Как ведёт себя твоя жена, когда приходит, плачет ли она, улыбается ли и продолжает ли возвращаться. Тюрьма превращает всех в любителей-сыщиков. И потому один и тот же вопрос снова и снова преследовал меня.

«Это твоя вторая жена?»

«Нет».

«Твоя девушка?»

«Нет».

«Это Мадина».

Они смотрели на меня.

«Мать Софии»

«Да».

И на их лицах появлялось одно и то же озадаченное выражение. Их сознание просто не могло совместить то, что им рассказывали, с тем, что они видели. Если Мохамед убил собственную дочь, почему биологическая мать ребёнка отчаянно хотела остаться с ним?

Почему она приносила ему еду?

Почему писала записки на его пакетах?

Почему платила охранникам за лучшие свидания?

Почему собиралась переехать поближе к его тюрьме?

Почему говорила о том, что хочет ещё детей от него?

Это были не адвокаты, не судебные эксперты, не психиатры и не наблюдатели по правам человека. Это были обычные заключённые. Некоторые были образованными, а некоторые едва умели читать. Одни были бизнесменами, другие — бандитами. Кто-то был наркоманом. Кто-то сам утверждал, что невиновен. Некоторые провели половину жизни в учреждениях вроде этого. Но почти каждый в конце концов приходил к одному и тому же простому вопросу: Как вообще всё это может иметь смысл?

Для меня их замешательство было обычным здравым смыслом. Если, конечно, тебя не звали Бакирбаев. К последним месяцам в СИ18 атмосфера вокруг меня полностью изменилась. Когда я только приехал, я был иностранцем из телевизора и монстром из новостей.

Британским пилотом арабского происхождения, обвинённым в убийстве своей маленькой дочери. Люди пялились на меня. Охранники были агрессивны. Угрозы, удары кулаками, пощёчины и унижения. Предположение о моей виновности прибыло раньше меня.

Но теперь эти люди прожили рядом со мной больше года. Они наблюдали, как развивалось дело. Наблюдали за Мадиной, видели документы и некоторые даже полностью перечитали их. Слушали, что происходило в суде и постепенно их взгляд на меня изменился. В те последние месяцы я начал слышать почти повсюду одно и то же.

Иногда от людей, которых едва знал.

«Прости, брат».

«Прости, Мохамед».

А потом фразу, которую ещё много лет буду слышать в разных вариантах:

«Это Казахстан».

«Справедливости нет».

Изменились даже многие охранники. Жёсткие лица смягчились. Удары и пощёчины сменились взглядами сочувствия. Вместо грубого хватания иногда был лёгкий хлопок по плечу или спине, когда я проходил мимо.

Никаких больших речей. Никто не собирался стоять там в государственной форме и объявлять, что система провалилась. Но людям не всегда нужны слова. Иногда человек просто смотрит на тебя, и ты точно понимаешь, что он пытается сказать. Прости, мы знаем, но мы ничего не можем сделать. Возникало ощущение, будто люди, работавшие внутри машины, извинялись от имени самой машины.

А потом Бакирбаев зачитал приговор. Двадцать лет. Что бы люди внутри СИ18 ни начали обо мне думать, юридически я теперь был осуждённым убийцей. Похоже, администрация ожидала, что я сломаюсь. После приговора они заходили в мою комнату каждый час.

Бах! Дверь открывается, свет, кто-то заглядывает внутрь, затем дверь закрывается.

Через час: Бах! Снова. Они проверяли, не покончил ли я с собой.

Тюремная медсестра даже принесла мне успокоительные. Они мне не были нужны. Как ни странно, о самоубийстве я не думал. Моя непосредственная проблема была гораздо более физической- колено.

Один год и восемь месяцев внутри коробки

После одного года и восьми месяцев в крошечных камерах почти без нормального движения моё колено стало огромным. Оно распухло примерно в шесть раз по сравнению с обычным размером. В суставе скопилась жидкость, и меня снова нужно было везти в больницу, чтобы её откачать. В конце концов даже в следственном изоляторе поняли, что просто отправить меня дальше в тюрьму в таком состоянии нельзя. Поэтому перед этапом жидкость из колена откачали. Врач написал специальное предписание: мне нельзя подвергаться тяжёлым или стрессовым физическим нагрузкам, потому что это может ухудшить состояние колена.

Справка от врача, медицинское ограничение. Маленький лист бумаги, который должен был защищать меня там, куда я отправлялся дальше. К этому времени я уже достаточно прожил внутри казахстанской системы, чтобы точно понимать, сколько защиты способен дать лист бумаги. И всё же колено вылечили.

А это означало ещё кое-что- моё время в СИ18 закончилось и я ехал в тюрьму. В настоящую тюрьму, во взрослую тюрьму- лагерь. И внезапно у каждого появилась история, у каждого был совет и каждый кого-то знал.

«Будь осторожен, брат».

«У меня там друзья».

«Скажу им, что ты едешь».

«Они за тобой присмотрят».

«Я знаю людей в 99-й».

У каждого вдруг появились связи, которые якобы ждали меня по ту сторону. К тому времени я уже не верил ни одному слову. Я слышал слишком много обещаний.

Слишком многие адвокаты знали судью.

Слишком многие заключённые знали прокуроров.

Слишком многие охранники могли что-то «организовать».

Слишком многие люди знали кого-то влиятельного.

Слишком многие решения начинались с денег.

СИ18 научил меня одному полезному правилу:

Верить нужно в то, что люди делают, а не в то, что они говорят, будто могут сделать. Но я смотрел на их лица. За один год и восемь месяцев я видел, как приходило и уходило огромное количество мужчин. Крупных мужчин, которые ходили по камерам и изображали из себя бандитов. Мужчин, которые объясняли тюремную иерархию так, будто лично контролировали половину преступного мира Казахстана. Мужчин, которые хвастались тем, что будут делать, когда попадут в лагерь. Потом наступал день приговора.

И я смотрел, как они рассыпались. Видел, как исчезали суровые лица. Видел, как мужчины плакали, услышав свой срок. Видел, как другие молча сидели на кроватях, опустив глаза.

Вдруг пятнадцать лет переставали быть числом. Десять лет переставали быть числом, пять лет переставали быть числом, это была их жизнь.

Некоторые вообще не могли принять мысль о лагере. Они умоляли оставить их в СИЗО. Пытались устроиться уборщиками, поварами, да кем угодно. Что угодно, лишь бы остаться в СИ18, а не ехать в лагерь. Я видел мужчин, которые месяцами убеждали всех вокруг, насколько они опасны, а когда приходило время уезжать, превращались в испуганных детей. И теперь некоторые из тех же людей смотрели на меня опустив глаза.

«Будь осторожен, брат».

«Попробуем тебе помочь».

«У меня там друзья».

Кто-то пожимает мне руку. Кто-то хлопает по плечу. Кто-то даёт ещё одно имя, которое я должен запомнить по прибытии. Я киваю, благодарю их, но внутри думаю: Я больше никому из вас не верю. Казалось, все вокруг боялись того, что ждало меня впереди.

Как ни странно, я не боялся. Наверное, должен был. Возможно, я просто совершенно не представлял, что меня ждёт. Но сильнее страха я чувствовал то, чего не ожидал- облегчение. Я наконец покидал эту камеру. После одного года и восьми месяцев я, возможно, снова смогу нормально ходить снаружи и увижу небо.

Представьте себе, мне только что дали двадцать лет тюрьмы, а мои мысли занимали не двадцать лет, не бандиты, не тюремная иерархия, не насилие и даже не бесконечные истории, которые все рассказывали мне о лагере.

Я хотел увидеть небо.

Хотел свежего воздуха.

Хотел нормально дышать.

Хотел развести руки так широко, как только возможно, не касаясь другого человека или стены.

Хотел вытянуть ноги.

Хотел пройти больше нескольких метров.

Хотел почувствовать ветер на лице.

Солнечный свет, облака, да что угодно, только не потолок. Подумайте, насколько низко должна опуститься ваша планка счастья, чтобы увидеть небо стало тем, чего вы ждёте с нетерпением при переводе в тюрьму максимальной безопасности. Один год и восемь месяцев мой мир был сведен к коробкам. Камера, коридор, камера ожидания и ещё одна камера. Психиатрическое отделение, ещё один коридор, зал суда на экране компьютера, бетон, металл., двери, замки и эти лица, появляющиеся в глазках. Поэтому, пока все вокруг говорили о том, что ждёт меня в тюрьме 99, я думал только об одном: Снаружи, там будет снаружи.

СИ18 свёл мои желания к самым базовым вещам, которые может просить человек. Двигаться, дышать, тянуться и смотреть вверх. Наконец пришло время. Мои вещи упаковали во всё, что я мог унести- одежда, документы и еда. Остатки человеческой жизни, сведённые к нескольким сумкам. Я в последний раз оглядел эти стены.

Все эти лица.

Мужчины, которые приходили и уходили.

Мужчины, разговаривавшие ночами.

Мужчины, которые молились.

Мужчины, которые дрались.

Мужчины, которые воровали.

Мужчины, которые делились последней сигаретой.

Мужчины, которые утверждали, что контролируют тюрьму.

Мужчины, которые плакали, когда узнавали свой срок.

Мужчины, которые подозрительно смотрели на меня, когда я только приехал, а позже извинялись от имени системы, которую никто из нас не контролировал.

Один год и восемь месяцев это жалкое место было почти всем моим миром. А теперь я его покидал. Я пережил СИ18, но это не ощущалось концом чего-либо. Скорее будто я только что закончил вступление к книге, которую не хотел читать.

Предупреждения продолжались до самого конца.

«Не высовывайся».

«Никому не доверяй».

«Не показывай страх».

«Найди правильных людей».

«Скажи им, что тебя прислал я».

Я просто кивал. К чему вообще теперь кто-то мог меня подготовить? Меня обвинили в убийстве дочери, меня избивали, били током, делали уколы, вымогали деньги и унижали.

Я видел, как менялись доказательства. Видел, как эксперты находили одну проблему за другой. Видел, как рассыпались свидетели. И видел, как судья всё равно дал мне двадцать лет.

Чего именно я теперь должен был бояться? Скоро я узнаю. Когда я готовился покинуть СИ18, внутри моей головы стало странно тихо. Никакой драматической речи, никаких слёз и никакого великого откровения. Только одна мысль- ну, была не была.

А затем другая- теперь на кону всё. Моё время в следственном изоляторе закончилось. Я ехал на лагерь под номером 99, во взрослую тюрьму. Казалось, все вокруг понимали, что означают эти слова. А я к сожалению нет, пока нет.

У меня было повреждённое колено, справка врача с указанием не подвергать меня тяжёлой физической нагрузке, двадцать лет над головой и почти никакого понимания того, что ждёт меня по ту сторону. И, как ни странно, ни одна из этих вещей не занимала мои мысли. Я просто хотел, чтобы двери открылись. Хотел свежего воздуха. Хотел пространства.

Хотел посмотреть вверх. Хотел увидеть небо.

Глава 90: Этап

Дверь камеры 224 в СИ18 открылась в последний раз.

«Собирай вещи. Идёшь на этап».

Перевод, я знал, что этот момент придёт, но когда слова наконец прозвучали, мне всё равно нужно было услышать куда.

«Куда меня везут? Тюрьма уже подтверждена?»

«В девяносто девятую».

Значит, всё решено, лагерь 99, взрослая тюрьма. Я в последний раз потянулся к миниатюрному Nokia и позвонил сёстрам.

«Всё, ребята. Меня переводят».

Они сразу начали плакать.

«Мы сделаем всё возможное, чтобы с тобой всё было хорошо. Мы на связи с посольством. Девяносто девятая, да? Девяносто девятая?»

«Да. Девяносто девятая».

«Я всех вас люблю. Позвоню, как только смогу».

И я положил трубку. В тюрьме бывают странные моменты, когда ценность вещи вообще не имеет отношения к её цене. Я оставлял много вещей, но самыми ценными были этот крошечный телефон и зарядное устройство. Этот

маленький Nokia был моей связью с внешним миром. Мои сёстры, моя семья, информация и надежда. На какое бы время ни затянулись поиски другого телефона, эта связь теперь обрывалась. Мой сокамерник обнял меня, когда я отдал ему телефон и зарядку, он был благодарен.

Я поднял всё, что мог унести. Затем вышел из камеры 224. Дверь закрылась за мной и СИ18 закончился. Нас в последний раз отвели в подвал для оформления. Я никого не узнавал. Все делали то, что заключённые автоматически делают, когда их собирают вместе перед этапом: изучали друг друга.

Кто есть кто?

Кто выглядит опытным?

Кто выглядит опасным?

Кто выглядит напуганным?

У кого есть деньги?

У кого есть связи?

К кому лучше держаться поближе?

Никто не хочет приезжать в неизвестное место совершенно один. Я огляделся и заметил высокого русского, который спокойно стоял в углу.

В нём было что-то необычное. Он не ходил туда-сюда, не говорил громко и не пытался убедить кого-либо, что он важный человек. Он просто стоял там, совершенно спокойно. Я решил встать рядом с ним. Он посмотрел на меня.

«Мохамед?»

Я посмотрел прямо на него. По моему лицу он видел, что я понятия не имею, кто он такой. Откуда мне было знать? Мы никогда раньше не встречались.

«Слон», — сказал он.

Позже я узнаю, что «слон» по-русски означает elephant. На своём ломаном английском он дал мне один совет.

«Друг. Нет друзей. Понимаешь?»

Примерно так это прозвучало. Я сразу понял смысл. Будь дружелюбен со всеми. Не доверяй никому. Позже я узнаю, что Слон уже провёл в заключении больше восьми лет.

Он видел всё. Режим, избиения и пытки. Тюрьма закалила его, и у него была репутация человека, который никому не позволяет садиться себе на шею. До тюрьмы, судя по всему, он был мультимиллионером, затем у него забрали всё. Но пока мы стояли в подвале, я ничего этого не знал. Для меня он был просто странным спокойным русским, который каким-то образом знал моё имя и только что дал мне, возможно, самый полезный совет, который я мог взять с собой в тюрьму.

Друг. Нет друзей. Наш разговор прервали.

«Баракат!»

Назвали мою фамилию. Старые охранники СИ18 начали передавать мои документы новой конвойной группе. Один из них специально объяснил моё медицинское состояние.

«Не заставляйте его выполнять тяжёлую работу. У него серьёзная проблема с коленом. Вот документы из больницы».

Из колена совсем недавно откачали жидкость. После одного года и восьми месяцев почти без нормального движения оно распухло в несколько раз по сравнению с обычным размером. В суставе скопилась жидкость, и врач специально написал, что меня нельзя подвергать тяжёлой или стрессовой физической нагрузке, которая могла бы ухудшить состояние. Старые охранники действительно пытались убедиться, что новые поняли. Новых охранников гораздо больше интересовали мои сумки.

«Этот кофе запрещён».

«У тебя слишком много сигарет».

«Эти футболки запрещены».

Руки перебирали всё подряд. Другая форма, другое здание, совершенно другая трактовка того, что мне разрешено иметь. И тут сзади прозвучал голос.

«Возьмите две пачки сигарет, остальное положите обратно в его сумки».

К этому времени я уже начал понимать базовый русский. Охранники обернулись.

«Ты, блядь, кто такой?»

Вперёд вышел молодой русский парень.

«Китта знаете?»

Настоящее имя Китта я использовать не буду. Но реакция была мгновенной. Глаза охранников расширились. Это имя явно что-то значило.

Вдруг мои якобы запрещённые вещи перестали быть настолько важными. Они практически всё затолкали обратно в мои сумки, кроме пакета семечек и двух пачек Marlboro. Я посмотрел на молодого русского.

«Спасибо».

«Я боксёр», — сказал он.

Потом протянул руку.

«Держись со мной. Сергей».

Друг. Нет друзей. Слова Слона уже повторялись у меня в голове. Я пожал Сергею руку.

«Мохамед».

Мы ещё даже не покинули СИ18, а отношения уже начинали формироваться. Каждому был кто-то нужен. Потом нас загрузили в автозак-мясной фургон. Внутри был отдельный металлический отсек для изоляции заключённых, которых считали особо жестокими или опасными. Металлическая коробка внутри металлической коробки. Крошечная и для вентиляции в ней были лишь маленькие отверстия. По какой-то причине охранники затолкали туда меня.

Дверь захлопнулась и почти сразу я почувствовал, как нарастает клаустрофобия. Я пытался контролировать мысли. Была середина июня, стояла жара. Металл вокруг меня раскалился. Воздух поступал через маленькие отверстия, но его было недостаточно, чтобы я перестал думать о том, как мало его на самом деле внутри.

Не думай о стенах, не думай о двери и не думай о том, что снова заперт внутри коробки. Просто дыши очень медленно. К счастью, ехали всего около сорока пяти минут, но казалось намного дольше.

Наконец мы остановились. Внешние двери открылись, внутрь хлынул свет, а затем пришёл шум. Военные, полуавтоматическое оружие, направленное на нас, немецкие овчарки лаяли и рвались вперёд на поводках. Крики приказов:

«Выходи!»

«На корточки!»

«Двигайся!»

Пока мы выбирались из машины, нас хлопали и били по затылкам. Добро пожаловать в тюрьму 99. Нас заставили сесть на корточки. Вот это для меня было очень больно.

Само оформление было неприятным, но, как ни странно, не таким страшным, как я представлял. А вот сидеть на корточках — другое дело. Моё колено просто не могло этого выдержать, но я попытался. Я оставался внизу столько, сколько мог. Жидкость из сустава откачали совсем недавно, а в больнице отдельно предупреждали именно против такой физической нагрузки. В конце концов боль стала слишком сильной и я встал. Сразу же что-то тупое с силой врезалось мне в область почки. Боль прострелила бок и я инстинктивно повернулся.

Слон уже пожимал руки охранникам. Я всё ещё не знал, что раньше он уже сидел здесь. Я видел, как он показывает в мою сторону и что-то говорит, но был слишком далеко, чтобы я мог услышать. Я решил, что он объясняет про моё колено. Он стоял неподалёку, когда сотрудники СИ18 передавали мои медицинские документы и предупреждали конвой о моём состоянии. Что бы он ни сказал, это сработало.

Мне разрешили стоять. Все остальные продолжали сидеть на корточках. И сам того не понимая, я уже усвоил один из первых уроков тюрьмы 99. Документ врача мог исчезнуть в бумагах, но правильный человек, сказавший правильные слова, мог мгновенно заставить кого-то прислушаться. В конце концов нас провели через боковую дверь. Это был наш первый настоящий взгляд на лагерь. Заключённые, уже находившиеся внутри, сразу нас заметили.

«Эй! Карантин!»

Голоса раздавались с разных сторон. Агрессивные и насмешливые голоса. Новых прибывших пытались запугать ещё до того, как мы толком вошли. Я не понимал всего, что говорили, но это и не требовалось. Я видел

всё по лицам других новых заключённых. Они понимали всё, но Сергея это, похоже, не беспокоило и Слона тоже. Я пошёл внутрь вместе со всеми и тут не поверил своим глазам. Карантин недавно отремонтировали и всё выглядело новым. Свежая краска, новая плитка, новый туалет, новая раковина и чистые поверхности.

После одного года и восьми месяцев историй о лагере я представлял себе что-то из самых тёмных уголков советской тюремной системы. А моё первое впечатление оказалось другим: Не так плохо, как я ожидал. Там был молодой худой турок. Почти сразу стало видно, что для него всё складывается плохо. За ним наблюдали, его проверяли и на него охотились. Его жизнь уже начинала превращаться в ад.

А у меня? Пока всё хорошо. Мы пообедали. Обычная тюремная баланда. Ничего, чего бы я раньше не видел. Потом нас повели получать тюремную форму. Ту самую пластиковую одежду, о которой я уже рассказывал. Серую, даже не просто серую, а самого унылого оттенка серого, который только можно представить. Дешёвый материал с одной флуоресцентной полосой на груди и другой на спине. Нам приказали переодеться.

Теперь это была наша одежда. В этот момент я посмотрел на себя. Не так давно форма означала для меня совершенно другое, теперь формой была эта. Дешёвый серый полиэстер, флуоресцентные полосы- заключённый.

Ещё один кусок личности отняли. А потом наступил момент, которого я ждал один год и восемь месяцев. Нас вывели в закрытый прогулочный двор, чтобы пройтись и покурить. Я вышел наружу, посмотрел вверх и остановился. Чистое небо, ничто его не закрывало. Никакого потолка, никакой бетонной крыши и никаких решёток прямо над головой. Ничего, только бесконечный вид вверх.

Я смотрел на небо и увидел облака. Потом увидел птиц, настоящих птиц, летящих над нами. Свободных двигаться в любом направлении. Я почувствовал, как за глазами что-то поднимается. Пытался сдержаться, но одна слеза всё равно вырвалась и медленно скатилась по лицу. Я не стал её вытирать, просто продолжал смотреть вверх.

Один год и восемь месяцев я хотел этого. Чего-то настолько обычного, что большинство людей его почти не замечает. Люди снаружи каждый день ходят под небом, не глядя на него. Смотрят в телефоны. Жалуются, что слишком жарко, слишком холодно или слишком облачно. Спешат из одного здания в другое. Никто даже и не думает: посмотри, надо мной ничего нет. А я думал. Потому что один год и восемь месяцев надо мной всегда что-то было. Бетон, металл, потолок и решётки. Ещё один этаж, ещё одна камера и ещё что-то. А теперь — ничего, только пространство.

Я вдохнул так глубоко, как только мог. Какой приятный свежий воздух. Затем расправил плечи, пошевелил руками и снова посмотрел вверх. Колено болело и болела область почки после того, как меня чем то ударили ранее. Я стоял в тюрьме максимальной безопасности в ужасной серой пластиковой

форме, с двадцатью годами над головой и я был счастлив. По-настоящему счастлив, потому что видел небо.

Потом я заметил остальных и они делали то же самое. Мужчины, которые утром пытались выглядеть суровыми, теперь молча стояли и смотрели вверх. Объяснения никому не требовались. Мы все приехали из следственного изолятора. Разные камеры, разные дела, разные преступления, разные сроки и разные жизни.

Но это мы понимали одинаково. Нас держали запертыми в коробках. И вдруг появилось небо. Эти несколько минут блаженства никто не мог у нас их отнять.

Запугивание могло подождать.

Иерархия могла подождать.

Бандиты могли подождать.

Охранники могли подождать.

Тюрьма 99 могла подождать.

В эти несколько минут у нас были сигареты в руках, воздух в лёгких и бесконечное открытое пространство над головой. Я смотрел, как птица пролетела из одного края моего поля зрения в другой. Для неё не было стен, никаких постов, никаких документов и никаких разрешений не требовалось. Она просто летела куда хотела.

Я следил за ней глазами, пока она не исчезла. Думаю, все мы, стоявшие там, чувствовали примерно одно и то же. Мы прошли через ад и мы выжили. Это был наш момент и наша маленькая награда. Несколько минут, чтобы вспомнить: где-то за всем этим бетоном мир по-прежнему существует. Больше всего я хотел увидеть небо.

Теперь я мог. Я просто ещё не понимал, чего потребует от меня тюрьма 99, когда нас снова заведут внутрь. Это не была свобода, это даже не было началом свободы, а это был антракт. Сигарета, глоток свежего воздуха и несколько облаков, проплывающих над головой. Наш перерыв перед тем, как наказание продолжится. В ту первую ночь в карантине я начал слышать, как на самом деле звучит тюрьма 99. Где-то по блоку открывались двери, злые голоса и крики. Потом безошибочно узнаваемый звук кулаков и ног, бьющих по чьему-то телу.

Тупой удар.

Ещё один.

Крик.

Стон.

Кто-то умоляет остановиться.

Потом тишина.

И смех.

Охранники продолжали идти по коридору так, будто ничего не произошло. В конце концов они дошли до нашей двери. Заглянули в глазок, рассмеялись и пошли дальше. Даже их голоса звучали тяжело. Это были

крупные, хорошо сложенные мужчины. В тюрьме тренируются почти все — и охранники, и заключённые. В месте, где запугивание является частью языка, физический размер имеет значение. Я ждал, что наша дверь откроется.

Не открылась. Сергей вскочил и подошёл к двери. Несколько мгновений разговаривал с кем-то через неё. Потом вернулся, улыбаясь.

«Мои братаны», — сказал он.

И всё, он сказал лишь мои братаны. Ещё один урок. Тот же коридор, те же охранники и та же тюрьма. Но, видимо, правила были не одинаковыми для всех. Так продолжалось все пятнадцать дней, которые мы провели в карантине. К тому времени нам уже показали душевую. Мы получали тюремный паёк. Охранники столько раз перебрали наши вещи, что почти всё ценное исчезло. Брать уже практически было нечего. Люди из самой тюрьмы присылали нам сигареты и чай.

Здесь это что-то значило. Сигареты, чай, еда и телефоны. Это мелочи снаружи, но валюта внутри. Слон исчез в первый же день. Я не понимал, куда он делся. Позже узнал, что он просто вернулся к своей прежней тюремной семье и в свою старую камеру. Он вообще не приезжал в новое место. Он возвращался домой. Потом закончились наши пятнадцать дней.

Пришло время войти в тюрьму по-настоящему.

«Иди за мной», — сказал Сергей.

Все остальные пошли в другую сторону. Только мы с Сергеем продолжили к третьему блоку на четвёртый этаж. Пока мы шли, люди здоровались с ним снова и снова. Его здесь знали, а меня — нет. Люди смотрели на меня и смеялись.

Не откровенно агрессивно, а скорее так, будто знали что-то, чего не знал я. Они знали, что меня ждёт. Я был иностранцем, британским пилотом из телевизора и самое главное: богатым иностранцем. По крайней мере, они так считали.

Мы дошли до камеры 16. Дверь открылась и внутри стоял человек, которого я могу сравнить только с Халком из старых фильмов.

Лысый.

Огромный.

Сложенный как стена.

Он посмотрел на меня, а затем приказал худому заключённому рядом переводить.

«Я Китта».

Повторюсь: Китта — не его настоящее имя. Потом последовало его представление:

«Я убил трёх полицейских».

Я подошёл и пожал ему руку. А затем, не слишком задумываясь о том, что делаю, показал большой палец вверх. Три полицейских. К тому моменту моей жизни, после всего произошедшего, у меня мелькнула одна мысль: Жаль, что

Нурлан Болатов не был одним из них. Китта слегка озадаченно посмотрел на меня и показал на кровать.

«Ты спишь здесь».

Видимо, вопрос был решён. Потом он приказал нескольким более мелким заключённым пойти и принести нам еду. И еда начала появляться. Бургеры, самса, курица и шашлык. Я не мог понять ничего, потому что по дороге к камере 16 я увидел совершенно другую картину. Тюрьма была отвратительной, засранной и грязной.

Мужчины бродили вокруг как зомби. Лица, из которых будто высосали жизнь. Старая одежда и разваленное окружение. Люди, выглядевшие так, будто тюрьма годами медленно пожирала их. А потом ты входишь в комнату Китта и внезапно оказываешься где-то в другом месте. Всё отремонтировано, удобно и еда повсюду. Совершенно другой уровень существования. Китта заметил, как я оглядываюсь.

«Хорошо, хорошо», — сказал он, гордо показывая на комнату. Потом потёр пальцы друг о друга.

«Деньги, деньги».

И засмеялся, вот оно объяснение- деньги. Та же тюрьма, но абсолютно разные миры. В комнату начали заходить другие крупные заключённые. Один за другим и пространство будто уменьшалось с каждой секундой. Это были внушительные мужчины. Большие, уверенные и чувствовавшие себя здесь как дома. Почти каждая пара глаз в конце концов останавливалась на мне. Я точно знал, о чём они думают- богатый иностранец.

Я сосредоточился на еде. Потом вошёл ещё один мужчина. Я узнал его сразу, это был казахско-китайский бизнесмен из камеры 212 в СИ18. Его осудили за контрабанду, но теперь он выглядел иначе. У него был синяк под глазом. Он бросился к еде и начал есть так, будто нормально не ел год. Я наблюдал за ним, и что-то было не так, уж очень странно он себя вёл. Было очевидно, что его выбрали мишенью и столь же очевидно было почему-деньги. Потому что он был богат. И внезапно я начал задумываться, откуда вообще взялась вся эта еда в комнате Китта. В конце концов бизнесмен позвал меня выйти покурить. Как только мы отошли от остальных, он спросил:

«Сколько у тебя попросили?»

«Пока ничего».

Он почти улыбнулся.

«Попросят, обязательно попросят».

Потом рассказал, что произошло с ним.

«Я заплатил двадцать тысяч долларов».

Двадцать тысяч долларов США. Потом он посмотрел на меня.

«Конечно, ты заплатишь больше. Ты иностранец».

Я посмотрел обратно в сторону камеры. Отремонтированная комната, бургеры, курица, шашлык, влиятельные мужчины, мелкие заключённые, которые бегали вокруг и обслуживали их и внезапно экономика этого места

становилась намного понятнее- всегда кто-то платит. Китта был религиозным, он молился и когда наступило время молитвы, он попросил меня молиться рядом.

После смерти Софии я не пропустил ни одной молитвы. После её потери молитва стала для меня чем-то другим. Через молитвы я разговаривал с ней и просил её простить меня.

Прости, что я не смог спасти тебя от твоей судьбы. Я должен был сделать больше. Должен был лучше защитить тебя, пока ты была жива. Отец должен защищать свою дочь. Я должен был умереть раньше тебя. И где-то глубоко внутри меня сидела мысль, от которой я не мог избавиться: То, что я жив, означает, что я тебя подвёл. Разумом я понимал, что жизнь и смерть не подчиняются желаниям отца. Но горю нет дела до логики и поэтому я молился и разговаривал с Софией.

Вокруг меня были мужчины, осуждённые за убийства, контрабанду, мошенничество и преступления, о которых я даже ничего не знал. Мужчины обсуждали деньги. Высчитывали, у кого что есть. Решали, кто к кому относится. А я стоял рядом с Киттом и молился. Молча разговаривая с моей умершей дочерью. Около десяти вечера двери камер готовились закрыть на ночь.

Я как следует огляделся и внезапно стало очевидно кое-что. Китта и трое богатых заключённых вокруг него. Вот кто жил в комнате, теперь я понял. Это была не просто камера, это была система договорённостей.

Потом Китта протянул мне смартфон.

«Не давай никому пользоваться».

Он показал на меня.

«Это твой».

Смартфон, мой собственный телефон и в первую же ночь в тюрьме, о которой меня месяцами предупреждали. Я секунду смотрел на него и потом позвонил семье. Гудок пошёл, кто-то ответил и я сразу услышал облегчение в их голосах.

«Мохамед!»

«Со мной всё нормально».

Им полегчало услышав меня, а мне их. Пятнадцать дней они гадали, что со мной происходит внутри. Теперь наконец знали, что я добрался до тюрьмы и жив.

Но сидя там со смартфоном в руке, окружённый едой, отремонтированными стенами и мужчинами, которые, казалось, контролировали всё вокруг, я начинал понимать то, чего моя семья никак не могла увидеть снаружи. Меня не просто перевели из следственного изолятора в тюрьму 99. Я вошёл в новую экономику.

Были заключённые, у которых ничего не было.

Были заключённые, работавшие на других.

Были заключённые-жертвы.

Были заключённые со связями.

Были заключённые с репутацией.

И были заключённые с деньгами.

Эти группы могли жить в нескольких метрах друг от друга и переживать совершенно разные версии одного и того же срока. В настоящей тюрьме я находился всего несколько часов. Мне уже выделили кровать, появилась еда и мне в руку положили смартфон. Вокруг меня собрались влиятельные мужчины, но никто не попросил у меня денег. Пока не просили, но бизнесмен с синяком под глазом уже предупредил меня что попросят. Конечно попросят ведь я иностранец. И разговаривая с семьёй в ту первую ночь из камеры 16, окружённый удобствами, которые казались невозможными по сравнению с тем, что я только что видел за дверью, я начал понимать ещё кое-что.

Ничего из этого не было бесплатным. Я просто пока не знал цену.

Глава 91: Цена защиты

Было кое-что, чего я не понимал, когда Слон назвал меня по имени в подвале СИ18. В тюрьме информация это всё. Люди не ждут вашего прибытия, чтобы выяснить, кто вы такой. Информация приходит раньше вас.

У кого есть деньги?

У кого есть семья снаружи?

У кого есть связи?

Кто известен?

Кто уязвим?

Кто, скорее всего, заплатит?

Слон никогда раньше меня не встречал, но уже собрал обо мне сведения. Он узнал, кто я, раньше, чем я узнал, кто он. В итоге меня не отправили в его блок. Если бы отправили, возможно, я увидел бы совершенно другую сторону Слона, но я уже никогда этого не узнаю. В тюрьме 99 я начал понимать, что представляющих интерес новичков выявляли ещё во время карантина. Люди вроде Китта получали информацию о том, кто прибывает, и фактически шло соревнование за то, чтобы самые ценные новички попали в определённые камеры или блоки. Как я понял эту схему, чем «ценнее» считался новичок, тем больше можно было пообещать людям внутри администрации, чтобы гарантировать, что он окажется в нужном месте. А когда ты прибывал, послание было простым: Плати — и сможешь жить по нашему стандарту. Не хочешь платить — твоя жизнь может превратиться в настоящий ад.

И мы платили, в первые недели моя семья заплатила десятки тысяч долларов. С едой проблемы точно не было. Еда поступала из нескольких лучших ресторанов Алматы. Моя семья прислала трёх целых жареных баранов, шесть индеек со всеми гарнирами, сотни порций курицы KFC и сотни бургеров из Salam Bro и Burger King. Еды, поступавшей в эту тюрьму, хватило бы накормить армию. И всё же каким-то образом меня по-прежнему морили голодом. Но ещё до того, как эта проблема полностью проявилась,

моё колено снова начало ухудшаться. Во время карантина, несмотря на медицинские документы, которые приехали со мной из СИ18, меня заставляли пахать поле. И когда я говорю «пахать», я имею в виду буквально. Тебя впрягали в металлический плуг и заставляли тянуть его по земле, как буйвола.

Задумайтесь об этом на мгновение. Я провёл один год и восемь месяцев почти без нормального движения, колено чудовищно распухло, жидкость из сустава откачали непосредственно перед переводом, а врач специально написал, что я не должен подвергаться тяжёлой физической нагрузке. А потом я приехал в тюрьму 99, и меня впрягли в плуг. Разумеется, колено снова ухудшилось. К моменту, когда я жил в камере 16, проблемы вернулись.

Меня также жёстко контролировали. Мне не разрешали свободно ходить по тюрьме. Если честно, я этого и не хотел. За той дверью не было ничего, что мне отчаянно хотелось исследовать. Вместо этого люди приходили ко мне. В течение дня в камеру 16 заходили крепко сложенные мужчины и обычно рядом был худой заключённый, который переводил. Его история была невероятной.

И чтобы более ясно обозначить источник этой истории: он сам рассказал её мне. Это была его собственная версия того, что с ним произошло. Он сказал мне, что входил в президентский протокол, связанный с Посольством Казахстана в Мексике. По его собственным словам, живя в Мексике, он приобрёл серьёзную зависимость от кокаина. Он также попал в тяжёлую аварию на супербайке BMW и в конце концов был отправлен обратно в Казахстан. Но, как он объяснял, вернулся не с пустыми руками. Он рассказал, что использовал предоставленные посольством средства на перевозку имущества, чтобы отправить мебель обратно в Казахстан, и спрятал внутри несколько килограммов кокаина.

Представьте себе несколько килограммов. По его словам, в то время грамм кокаина в Казахстане мог стоить около 700 долларов. Он не утверждал, что наркотики ему подбросили. Не рассказывал, будто при его аресте существовал какой-то грандиозный заговор против него. Он прямо сказал мне, что килограммы действительно были там. Сказал, что когда его поймали, он был под кокаином. Он сказал, что сразу подписал признание и получил пятнадцать лет.

Но теперь, оказавшись в тюрьме он утверждал, что невиновен. Это стало одной из постоянных шуток в тюрьме: В тюрьме все невиновны.

Ирония от меня не ускользнула. Он также прошёл через финансовое давление, которое теперь переживал я. У него самого были серьёзные связи, но он сказал, что даже он заплатил около 35 000 долларов. И теперь именно этот человек переводил требования, которые предъявляли мне. Они хотели ещё денег, потом ещё и ещё. В конце концов мне надоело и я сказал семье:

«Да пошли они. Больше ни копейки».

Все и так уже получили огромные суммы.

«Они забирают наши деньги и становятся богатыми за пределами этих стен. Перестаньте платить».

Моя семья постоянно информировала британское посольство в Астане о происходящем. У меня складывалось впечатление, что они лишь наблюдают за происходящим. Потом пришли последствия. Меня отвели вниз и бандиты начали меня избивать. Поначалу, как ни странно, я помню, что подумал: вообще-то не так уж и плохо. Я спрятал голову под руками и защищался настолько, насколько мог. Я и сам крупный мужчина, всегда умел выдержать побои. Удары кулаками попадали, удары ногами попадали, но особой боли я почти не чувствовал. Потом один из них сильно ударил меня в правые рёбра. Этот удар был другим. Пронзительный удар и несколько секунд я не мог дышать. Я поднялся, схватил мужчину перед собой и швырнул его к стене. Потом бросился к двери, но они схватили меня сзади.

Моя тюремная куртка порвалась, потом футболка. Они пытались затащить меня обратно внутрь. Я продолжал рваться вперёд. Мне удалось вернуться наверх, в камеру 16. Они последовали за мной. Китта встал и сделал вид, что удивлён. Я не поверил этой игре ни на секунду. Я был уверен, что он был в курсе. Мужчины вошли в комнату.

«Он убил свою дочь».

«Он сейчас признается».

Теперь я понял, им были нужны не только деньги, им нужно было ещё и признание. Я посмотрел на них.

«Вы можете меня убить, но я никогда не признаюсь в том, чего не делал».

Я взял Коран и поклялся всем священным для меня, что никогда не причинял Софии вреда.

Бейте меня.

Убивайте меня.

Делайте что хотите.

Но я не собирался признаваться в убийстве своей дочери, никогда. В конце концов Китта взял ситуацию под контроль. Позже я узнал, что он говорил людям: в моей реакции было что-то, что заставило его мне поверить. За эти годы я видел, как люди признавались меньше чем за минуту после начала серьёзного избиения. Я это понимаю, боль меняет людей и страх меняет людей.

Но когда речь шла о Софии, они ничего не могли со мной сделать. Мне было всё равно, убьют ли они меня. Я предпочёл бы умереть, чем признаться в том, чего не делал своей дочери. И снова время начало делать то, чего не сделали суды. Люди наблюдали, заключённые всегда наблюдают. Они видели, как Мадина приходит на свидания. Видели, как она ведёт себя рядом со мной. Они видели женщину, чью дочь я якобы убил, и эта женщина вела себя так, будто отчаянно меня любит. Потом материалы моего дела пришли на диске. У меня был портативный проигрыватель дисков, поэтому я мог читать документы и смотреть материалы дела.

Другим заключённым стало интересно. Они тоже читали, смотрели и задавали вопросы. Некоторые из этих мужчин удивительно хорошо разбирались в уголовных делах. Годы внутри означали годы изучения собственных дел, чужих дел, судебных решений, экспертных заключений и уголовного процесса. И я обнаружил одно из самых странных противоречий всего своего опыта: Иногда внутри тюрьмы, казалось, было больше справедливости, чем в правовой системе, которая нас туда отправила. Возможность того, что кого-то подставили, этих мужчин не шокировала.

Они видели такое раньше. Снова и снова. Постепенно моя идентичность внутри тюрьмы 99 изменилась. Я был уже не просто иностранцем, который убил свою дочь. Я стал человеком, которого подставили. Но у этой странной формы справедливости, действовавшей внутри тюрьмы, была гораздо более тёмная сторона и её я тоже увидел. Помните русского мужчину, связанного с финансовой пирамидой? Того, который оплатил VIP-камеру в СИ18, когда я сидел там с турком? В конце концов он приехал в тюрьму 99.

Мне сказали, что одной из его жертв была пожилая казахская женщина, связанная с Киттом. По рассказам, во время суда он смеялся над ней. Китта не забыл этого и в ту ночь, когда в десять закрылись двери, началась её месть. Мужчину били всю ночь.

Примерно с десяти вечера до тех пор, пока в шесть утра двери снова не открылись. Кровь была повсюду. Что бы кто ни думал о том, что он сделал снаружи, я видел, как внутри назначалось ещё одно наказание — полностью за пределами срока, который вынес суд. Я невольно задавался вопросом, куда в итоге делись деньги, которые он украл. Спустя годы я услышал, что он умер от сердечного приступа. Но к тому времени у меня были свои непосредственные проблемы.

Меня морили голодом.

Я едва мог ходить.

Колено снова распухло.

Однажды, разговаривая с сёстрами, я включил камеру и показал им, как выгляжу. Они записали этот звонок. Они видели моё состояние, увидели мою ногу и на этот раз посольство вмешалось. Меня наконец снова отвезли в больницу на лечение. И в тот день произошло кое-что почти смешное. Охранники оставили меня сидеть в фургоне. Двери были открыты и на мне не было наручников. Потом они ушли в туалет. На мгновение никто меня не останавливал. Я посмотрел на открытые двери.

Я мог бежать. Я действительно подумал об этом- Беги! Но куда? У меня не было денег, не было семьи в Казахстане, на мне была тюремная форма и моё лицо было во всех СМИ.

Наверное, меня поймали бы почти сразу. И даже если бы каким-то образом не поймали, зимой в Казахстане бывает около минус тридцати. Без укрытия, одежды и связей я мог бы не пережить даже одну ночь. Поэтому я сидел, хотя двери были открыты, никто меня не удерживал, свобода была

всего в нескольких шагах, а я не двинулся. С тех пор я много раз вспоминал этот момент.

Ту открытую дверь.

Ту упущенную возможность.

Была ли это вообще возможность?

Наверное, нет.

Но тюрьма странно действует на сознание. Спустя годы ты всё ещё прокручиваешь в голове двери, которые когда-то оставались открытыми. А потом мы вернулись в ад. К этому времени за всё в основном платили трое из нас:

Я, казахско-китайский бизнесмен и русский Наумов. Наши семьи присылали деньги. Еда поступала в огромных количествах, её ели другие и всё же каким-то образом люди, которые фактически за всё платили, могли выживать на чём-то настолько абсурдном, как одна пачка лапши быстрого приготовления раз в два дня. В конце концов нашим семьям это надоело. Они начали искать в Казахстане людей, которые действительно могли помочь. Мой отец много лет работал в дипломатической среде в Лондоне и знал людей, которые знали других людей. Через эти связи он в конце концов нашёл контакты, ведущие в министерства Казахстана. На тот момент мне всё ещё казалось, что я понимаю, что происходит.

Внутри тюрьмы были бандиты. Были охранники и полиция, контролировавшие тюрьму. Две стороны- преступники с одной стороны и власти с другой. Я думал, моя проблема в том, что власти не контролируют бандитов. Мне предстояло обнаружить, что, по моему опыту в тюрьме 99, отношения между этими двумя сторонами были гораздо сложнее. Потому что я собирался увидеть то, что полностью изменило моё понимание того, как работает это место. Я собирался увидеть, как полиция контролировала бандитов.

Глава 92: Когда Китта ушёл

Китта получил пятнадцать лет за убийство трёх полицейских. Он сам рассказал мне эту историю и повторял её несколько раз. По словам Китта, родственники позвонили ему и попросили приехать в ресторан, потому что у них шла драка с тремя полицейскими. Китта приехал с ружьём, сделал три выстрела и трое полицейских мертвы. К моменту нашей встречи он уже отсидел около трёх лет. Казалось, его боялись все, заключённые — точно.

Даже охранники относились к нему иначе. Но власть Китта не заканчивалась у тюремных ворот. На свободе у него были чрезвычайно влиятельные связи. В Казахстане связи имеют значение. Но к этому времени я уже понял ещё кое-что: Связи могут открыть дверь. Деньги заставляют людей через неё пройти. У Китта были деньги или, по крайней мере, его семья их нашла. Они продали землю и дома. У него было несколько детей, включая

новорождённого сына, которого он так и не успел толком узнать. И, судя по тому, что я слышал вокруг него, огромная сумма уже перешла из рук в руки.

Пятьсот тысяч долларов США. Именно эту цифру я слышал снова и снова. Деньги якобы передали ещё несколько месяцев назад, и Китта начинал нервничать так как ничего не происходило. Он начал думать, не обманули ли его. Потом наступило утро его кассационного заседания. Около четырёх утра Китта разбудил нас на фаджр и мы помолились вместе.

После этого он попросил меня прочитать дуа. Он считал, что раз я араб, то моя дуа каким-то образом будет лучше. Мне почти хотелось объяснить, что Аллах не предоставляет арабам приоритетную линию обслуживания, но момент был неподходящий. Гигант, которого боялась половина тюрьмы, волновался. В тот день была его кассация.

К тому времени мы жили вместе меньше десяти дней. К нам в комнату также подселили ещё одного человека: крошечного китайца по имени Джон Ю. Джон принял ислам. К религии он пришёл в тюрьме. Ему дали шесть лет за торговлю людьми, связанную с помещением людей в условия рабского труда. И вот мы сидели перед рассветом в тюрьме 99. Китта, Джон, казахско-китайский бизнесмен и я. Я поднял руки и попросил Аллаха помочь Китту в суде. Когда я посмотрел в сторону, два китайца молились с такой интенсивностью, какой я, наверное, никогда раньше не видел. Они выглядели так, будто от этой дуа зависел исход всей вселенной. Я чуть не рассмеялся, постарался сдержаться, но улыбку на лице точно скрыть не смог. Потом мы ждали, позже в тот день я вдруг услышал, как Китта кричит в телефон:

«Аллаху Акбар!» Снова.

«Аллаху Акбар!» И в третий раз.

«Аллаху Акбар!»

Он вскочил, прежде чем я понял, что происходит, этот огромный человек схватил меня и буквально поднял с пола в громадных объятиях.

«Я знал, что ты хороший человек!»

Он был вне себя от счастья.

«Когда выйду, я помогу тебе».

Его кассация прошла успешно. Как нам объяснили, суд признал, что он действовал в порядке самообороны. Он выходил на свободу как невиновный человек. Внутри тюрьмы 99 такой результат казался почти неслыханным. Люди вокруг Китта воспринимали это как доказательство того, что его связи сработали. Что именно в конечном счёте привело к такому решению — деньги, влияние, юридические аргументы или какая-то их комбинация — я из тюремной камеры независимо установить не мог. Я знал одно: Китта ожидал, что что-то произойдёт и теперь это произошло. Как ни странно, Китта оказался для меня своего рода благословением под маской. Намеренно или просто потому, что я жил под его крышей, он меня защищал.

Само его присутствие было защитой. Люди его боялись. Перед уходом он позвал Сергея. Сергей — молодой боксёр, которого я встретил в первый день был его братишкой ещё с воли.

Китт обвёл рукой комнату.

«Всё здесь твоё».

А потом очень чётко сказал одно:

«Араба никто не трогает».

И вот так, на следующее утро, Китта не стало. Один из самых влиятельных людей в моём ближайшем мире просто исчез за тюремными воротами. Сергей остался, но Сергей не мог заменить Китта, никто не мог. И всё же легенда Китта осталась. Какое-то время этого хватало. Никто не вмешивался в жизнь нашей комнаты. Никто не хотел стать тем человеком, который проигнорировал последнее указание Китта. Но была проблема, я всё ещё оставался центром внимания.

Всё ещё иностранцем.

Всё ещё британским пилотом.

Всё ещё человеком, у семьи которого есть деньги.

Всё ещё человеком, из которого, по мнению окружающих, можно выжать ещё.

А вокруг меня хватало по-настоящему больных ублюдков. Пока Китта был здесь, они оставались под контролем. После его ухода границы начали сдвигаться, потом вернулось насилие.

Иногда меня привязывали к батарее и били тонкими металлическими прутьями. За мной постоянно наблюдали, постоянно давили и постоянно требовали одно и то же. Деньги, деньги и ещё деньги.

Ещё. Ещё. Ещё.

Я начинал сходить с ума. Дело было не только в боли. Дело было в ожидании:

Ждать шагов.

Ждать двери.

Ждать, когда кто-то войдёт в комнату.

Ждать очередного требования.

Ждать очередного избиения.

Ждать ножа.

Ты никогда полностью не расслаблялся, потому что не знал, когда начнётся следующая атака. Моя семья уже заплатила огромные суммы. Но этого им никогда не было достаточно. Однако снаружи происходило ещё кое-что.

Связи моего отца начинали показывать, что они действительно могут сделать. И однажды: БАХ! Двери распахнулись и что-то изменилось. Людей вокруг меня внезапно начали переселять. Не одного, не двух, а всех. Эти мужчины потратили тысячи, превращая свои комнаты во что-то похожее на комфортное жильё. Ремонт, мебель, еда. Это их маленькие королевства

внутри тюрьмы и вдруг им приказали выйти. Их отправляли на дерьмовую сторону тюрьмы.

Меня — нет. Я оставался и смотрел, как они уходят. Впервые с момента прибытия в тюрьму 99 давление вокруг меня внезапно исчезло, но эта ситуация не продлилась вечно. В конце концов они вернулись. Конечно вернулись, но примерно десять дней у меня был покой.

Десять дней снаружи звучат ничтожным сроком, но внутри такого места это было много. Я мог спать, не ожидая, что кто-то войдёт в дверь, мог думать и мог спокойно дышать. Но произошло нечто ещё более важное. Они кое-что узнали обо мне и о моей семье.

Мы не собирались тихо исчезать. Не собирались платить бесконечно только потому, что кто-то нам угрожает и не собирались прекращать борьбу. Я не хочу изображать так, будто контакты моего отца просто сделали несколько телефонных звонков, и все внезапно подчинились. К тому времени я уже понимал систему лучше.

Помните урок: Деньги. Деньги. Деньги. Кто-то достаточно высоко, по-видимому, вмешался. Какие разговоры происходили за пределами этих стен, я не слышал. Какие договорённости заключались, я не видел. Переходили ли деньги из рук в руки и между кем именно, я лично знать не мог. Но внутри тюрьмы я видел результат. В один день люди, которые терроризировали меня, контролировали всё пространство вокруг, потом открылись двери и их убрали. На десять дней меня оставили в покое. Именно тогда я начал понимать, что моё прежнее представление о тюрьме было слишком простым.

Я думал, что существуют две стороны. Преступники и власти, которые контролируют преступников. Но если кто-то снаружи мог дотянуться достаточно высоко в систему и внезапно заставить мужчин вокруг меня исчезнуть, возникал неизбежный вопрос:

Кто на самом деле контролировал кого? Мне предстояло это узнать.

Глава 93: Как столько любви превращается в такую ненависть

Как столько любви превращается в такую ненависть? Конвертер валют продолжал отсчитывать. Не доллары в тенге, а любовь в ненависть.

Я любил Мадину так, что когда-то казалось почти невозможным уничтожить эту любовь. Она была моей женой, матерью Софии, женщиной, вокруг которой я строил планы на всю жизнь. Но где-то на этом пути внутри меня началось превращение одного чувства в другое. Каждая ложь меняла курс, каждое противоречие, каждое требование и каждое полупризнание. Каждый раз, когда я видел, через что вынуждены проходить мои сёстры. Каждый раз, когда я оглядывался вокруг в тюрьме 99 и думал о цепочке событий, приведшей меня туда. Конвертер продолжал отсчитывать.

Любовь в разочарование.

Разочарование в подозрение.

Подозрение в обиду.

Обида в ярость.

А со временем ярость — в то, чего я никогда не мог представить по отношению к женщине, которую когда-то любил- ненависть. Самым тяжёлым было то, что любовь не исчезла в одно мгновение. Если бы исчезла, возможно, всё было бы проще. Вместо этого оба чувства существовали одновременно.

Я мог ненавидеть то, что она сделала, и всё равно беспокоиться о ней. Я мог мечтать о том, как наконец разоблачу её, а затем отвечать на её звонок словами:

«Не волнуйся, hayatim. Всё будет хорошо».

Я мог всю ночь представлять, как она наконец сталкивается с последствиями своих поступков, а потом инстинктивно утешать её, когда она звонила и плакала. Это противоречие разрушало меня. И всё это мне приходилось скрывать. Научиться держать эмоции под контролем оказалось одной из самых трудных задач в моей жизни. До всего этого в таком отношении я был простым человеком. Если мне что-то не нравилось, я говорил об этом. Если кто-то меня расстраивал, он об этом знал. Я никогда не понимал смысла улыбаться человеку, тайно думая совсем другое.

Честность — лучшая политика, так я и жил. Теперь я учился смотреть в глаза человеку, которого начинал ненавидеть, и говорить ей, что всё будет хорошо. Потому что почти с самого первого дня адвокаты вбивали моим сёстрам в голову одну мысль: Нам нужна Мадина.

Только Мадина могла простить Мохамеда. Согласно тому, что адвокаты снова и снова говорили нам о законодательстве Казахстана, моя судьба во многом зависела от её позиции как потерпевшей. Эта мысль настолько глубоко засела в головах моих сестёр, что мы ужасно из-за неё спорили. Я хотел получить свой шанс- честный шанс. Шанс побороться, но мои сёстры не были готовы рисковать. Они не были готовы играть жизнью своего брата, поэтому они терпели её ради меня. Они позволяли Мадине помыкать ими, потому что каждый раз, глядя на неё, они видели не просто Мадину, а они видели своего брата, сидящего в тюрьме. Список её требований рос, как и её расходы.

Она могла позвонить мне по видео в новом летнем платье-рубашке, которое только что купила. Причёска сделана, брови сделаны, ногти сделаны, коктейль в руке и друзья вокруг. А платили за это всё мои сёстры. И однажды она сказала что-то одной из своих подруг по-русски.

Она думала, что я не понимаю.

«Мне даже Мохамед больше не нужен. У меня есть его сёстры».

Они засмеялись, какая уморительная шутка, а внутри я горел, но ничего не сказал.

Тик, конвертер снова сдвинулся. По ночам мой список «Игры престолов» продолжал расти. Мадина, Нурлан Болатов, Бахытжан Бакирбаев, Жанил

Болатов, бандиты и охранники. Имя за именем, лицо за лицом, все, кого я в своём сознании связывал с тем, во что превратилась моя жизнь. Когда мне требовалось счастливое воспоминание, когда мне нужно было снова почувствовать любовь, я закрывал глаза и думал о Софии.

Её лицо, её улыбка и те маленькие вещи, которые она делала. В месте, наполненном стольким гневом, мысли о ней были тем местом, куда я уходил, чтобы вспомнить: когда-то в моей жизни было нечто совершенно чистое. Но однажды, в полном отчаянии, я посмотрел в небо и закричал ей:

«Почему ты защищаешь её?»

«Ты знаешь, что она сделала».

«Посмотри теперь на своего отца, София».

«Посмотри, что она с нами сделала».

Затем я упал на пол в суджуде перед Аллахом. Пожалуйста, позволь мне разоблачить её и показать, кто она на самом деле, пожалуйста! Ночь за ночью я представлял одно и то же. Мадина наконец проговорится, пока я её записываю. Наконец скажет это чётко и внятно. Что-то, что никто не сможет объяснить иначе. Что-то, что никто не сможет отрицать. На самом деле раньше она проговаривалась множество раз. Мне удавалось кое-что записывать, но изменения в смартфонах и приложениях со временем сделали запись её разговоров намного сложнее. Я слышал эти вещи собственными ушами, но кто мне поверит? Иногда, когда я рассказывал сёстрам, что сказала Мадина, даже в их голосах я слышал сомнение. Поэтому в голове я сам придумал финал.

Я наконец получу запись.

Передам её прессе.

Разразится медийная буря.

Все это услышат.

У властей не останется выбора — им придётся действовать.

Её наконец то арестуют.

А в самой тёмной версии этой фантазии я представлял, как сижу напротив Мадины и смотрю, как она переживает всё то, что пережил я. Страх, допрос, камера, беспомощность и осознание того, что кто-то другой решает, что с тобой будет дальше. Только в моём разъярённом воображении существовало одно огромное отличие. Она действительно это сделала. Ей не пришлось бы отчаянно пытаться доказать свою невиновность. Она была бы виновна. И, зная её семью, я представлял, что им было бы всё равно и она осталась бы одна.

Так же, как она была одна в первые ночи после смерти Софии. Только тогда она не осталась одна надолго, потому что я этого не позволил. Из-под стражи я позвонил сёстрам.

«Идите к ней».

«Не оставляйте её одну».

И они пошли. Они спали рядом с Мадиной — одна сестра с одной стороны, другая с другой — и утешали её. Позже я узнал то, чего тогда не знал. На самом деле они боялись за собственную безопасность. Они увидели в Мадине нечто гораздо раньше, чем я. Но всё равно оставались рядом с ней ради меня. Затем произошёл ещё один момент, изменивший моё отношение к ней.

Когда мне снова разрешили покинуть тюрьму 99 для поездки в больницу, Мадина приехала меня навестить. Она приехала в абсолютной ярости, прыгала на месте и кричала.

Что-то произошло с её таксистом. Проблема была в Kaspi — любимом в Казахстане способе электронных платежей. Его машина не принимала оплату через него. Он хотел наличные. Они поспорили и Мадина попыталась уйти. По её словам, когда она выходила, он удерживал её сумку. На её руке был красный след. И тут она сказала:

«Я позвоню в полицию и скажу, что он пытался меня изнасиловать».

Я уставился на неё.

«Что?»

«Скажу, что он пытался меня изнасиловать».

«Мадина, ему могут дать пятнадцать лет».

«Мне всё равно. Не надо было хватать мою сумку».

Я был потрясён. Тик, конвертер снова сдвинулся. Этот момент остался со мной, потому что я понял, во что, на мой взгляд, превратилась Мадина. Из всего, что произошло после смерти Софии, она усвоила нечто чрезвычайно опасное. Она поняла, что обвинение может быть оружием.

Она видела, как обвинение против меня превратилось в уголовное дело.

Она видела, как действовала полиция.

Она видела, как действовали прокуроры.

Она видела, как действовали суды.

Она видела, как моя семья тратила огромные суммы денег.

И теперь после спора с таксистом из-за оплаты и того, что он удержал её сумку, она могла совершенно буднично говорить о том, чтобы обвинить другого мужчину в попытке изнасилования. Невиновный человек мог потерять годы жизни.

«Мадина, ему могут дать пятнадцать лет».

«Мне всё равно».

На мой взгляд, она стала вести себя как человек, уверенный, что обычные правила на неё больше не распространяются. Подставить невиновного человека, манипулировать законом, брать деньги у семьи Мохамеда, наркотики и алкоголь. Что бы ни произошло, кто-нибудь другой разберётся с последствиями. В моих глазах она стала неприкасаемой, невидимой для закона и опасной. К тому времени мне уже давно снился один и тот же повторяющийся кошмар. Я стою в тёмной комнате.

София у меня на руках и она напугана. Она крепко прижимается к моей груди, пряча своё маленькое лицо. Она боится чего-то, стоящего в углу-женщины, Мадины. Она кричит и это тот самый крик. Ужасный крик, который я услышал, когда впервые говорил с ней по телефону из СИ18. Но во сне она выглядит не совсем человеком. Её длинные тёмные волосы свисают на лицо, как у существа из японского фильма ужасов. Она кружится, исчезает в тени на полу, а затем появляется ближе.

София прижимается ко мне ещё крепче. Мадина снова кричит, исчезает и потом появляется ещё ближе. И я просыпаюсь весь в поту. Я никогда не рассказывал Мадине об этом сне, но у неё были свои сны. Однажды она позвонила мне в слезах.

«Мохамед, мне приснилась София».

«Что произошло?»

«Она гналась за мной».

Я ждал продолжения.

«С ножом».

Я не мог понять, что слышу.

«Что?»

«София гналась за мной с ножом».

Наша София? Наш ангел? Самое чистое маленькое существо, которое я когда-либо знал? Что бы ни означали эти сны, казалось, что-то разъедает Мадину изнутри. Сны, алкоголь, наркотики, бесконечная новая одежда, причёски, ногти и ночные гулянки. Что бы она ни покупала и что бы ни принимала, ничто, казалось, не могло смыть то, что происходило внутри неё.

«Я разрушаю себя, hayatim», — сказала она мне.

И вот он снова, человек, которого создало всё это. Мужчина, которым я ненавидел становиться.

«Не волнуйся, Мадина».

«Всё будет хорошо».

«Обещаю».

Всё будет хорошо. Хотя я знал, что хорошо не было абсолютно ничего. Со временем всё больше её звонков поступало из баров. Пьяная Мадина, иногда под наркотиками и всегда одни и те же обрывки- полупризнания.

«Я не хотела этого делать, Мохамед».

«София теперь ненавидит меня, Мохамед».

«Я изменяла тебе, Мохамед».

Кусочки, никогда не вся история. Ровно столько, чтобы я продолжал слушать. Ровно столько, чтобы я гадал, не станет ли следующий звонок тем самым.

Я постоянно спорил с сёстрами.

«Она нам больше не нужна».

К тому времени была одна причина, важнее всех остальных, по которой я поддерживал эти отношения. Я хотел знать, что произошло с Софией, мне

нужна была правда. Мои сёстры постепенно перестали верить, что я когда-нибудь её получу.

«Ты никогда не узнаешь, Мохамед».

«Она никогда не признается полностью».

«Будет только ещё больше лжи».

В конце концов я рассказал им о том дне, когда она смеялась со своей подругой. Мне даже Мохамед больше не нужен, у меня есть его сёстры. Этого оказалось достаточно и мы наконец согласились. Хватит!

Больше никаких денег.

Больше никакой поддержки.

Больше не позволять ей использовать моих сестёр.

Больше не терпеть всё только потому, что адвокаты запугали нас мыслью, будто всё моё будущее зависит от того, останется ли Мадина довольна.

А вместе с этим решением пришло нечто гораздо более тяжёлое, что мне пришлось принять- возможно, я никогда не узнаю. Возможно, я никогда не выясню точно, что произошло с Софией. Возможно, Мадина никогда мне не расскажет. Я смирился со своей судьбой.

А затем состоялся наш последний звонок. Мадина появилась на экране нарядная, с самым тяжёлым макияжем, какой я когда-либо на ней видел. На мой взгляд, она была похожа на ведьму. Она уже злилась.

«Я не получила денег».

«И больше не получишь».

«Твои сёстры не дуры, Мохамед. Я нужна им, чтобы помочь тебе. Я сама с ними поговорю».

Я посмотрел на неё.

«Они уже тебя заблокировали».

Она мне не поверила.

«Попробуй им написать».

Она попробовала. Заблокирована. Её ярость взорвалась.

«Ты останешься в тюрьме до самой смерти, Мохамед».

Я посмотрел ей прямо в глаза.

«Я хочу развода, Мадина».

Ответ последовал мгновенно.

«Думаешь, я позволю другой женщине приблизиться к тебе, Мохамед?»

А затем прозвучали слова, которые для меня лучше всего подытожили то, во что превратились наши отношения.

«Ты мой».

«Ты принадлежишь мне».

«Я тебя контролирую».

Я смотрел на женщину на экране и конвертер валют остановился. Обменивать почти больше было нечего. Я посмотрел ей в глаза.

«Ты умерла в тот день, когда умерла София, Мадина».

«Человек, на которого я сейчас смотрю, — не мать Софии, не та женщина, которую я когда-то любил».

«Прощай, Мадина».

От Мадины пришло последнее сообщение- пошёл ты. И всё, после всего что у нас было: брак, путешествия, смех, планы, любовь, наша дочь, расследование, суды, тюремные свидания и деньги. Бесконечная надежда, что однажды она наконец расскажет мне вс закончились двумя словами - пошёл ты. Я убрал телефон. Годами я ждал Мадину.

Ждал объяснения.

Ждал правды.

Ждал, когда она проговорится.

Ждал признания, которое, как считали мои сёстры, никогда не прозвучит.

Теперь я перестал ждать. Я обжился в тюрьме 99. Вступил в клуб и начал добровольно преподавать английский. Начал тренироваться.

Что угодно, лишь бы занять голову, пока я ждал кассации. Деньги моей семьи были выкачаны. Новые адвокаты означали новое финансовое давление, новые счета, новый стресс. Бесконечного запаса денег не существовало. Пока мне оставалось только ждать. В клубе я подружился с человеком, который говорил по-английски. Его прозвище было Shark. Shark начал учить меня тому, чему не мог научить ни один адвокат, сотрудник посольства или родственник снаружи: Как на самом деле жить в тюрьме. Как двигаться, с кем разговаривать, с кем не разговаривать и каковы неписаные правила. Как распознать неприятности до того, как они придут.

Мне всё ещё приходилось платить практически за всё. В конце концов, это была тюрьма 99. Но теперь я платил гораздо меньше. Постепенно что-то изменилось. Тюрьма не стала нормальным местом. Люди вокруг меня не стали внезапно безопасными. Моё дело никуда не исчезло. Софии по-прежнему не было. Мой брак закончился. Деньги моей семьи были выкачаны. И впереди у меня всё ещё были годы за этими стенами. Но впервые с момента прибытия я не просто выживал от одной угрозы до следующей.

Я изучал эту среду, изучал её язык, изучал её правила и изучал её людей.

Я так долго сопротивлялся самой мысли, что это место может стать моей жизнью, что не заметил происходящего. Я адаптировался. Тюрьма 99 не становилась легче. Это я становился лучше в роли заключённого.

Глава 94: Растворяясь в системе

Шло время, и я постепенно становился частью этой системы. В тюрьме необыкновенное постепенно становилось обычным. Подъём в шесть, идти в клуб, тренироваться, есть тюремную кашу и может быть, договориться в столовой о яйцах и твороге в обмен на сигареты. Я начал много читать. К тому времени — в основном литературу по саморазвитию и психологии. Я пытался понять людей, пытался понять себя, возможно, пытался понять, как человек приспосабливается к местам, в которых ему вообще не полагалось выживать.

Уроки английского в десять. Потом ждать, когда за границей проснётся моя семья. Есть новости? Есть успехи? Нашли ли они нормального адвоката? Можем ли мы его себе позволить? Потом снова к делу. Я снова и снова перечитывал материалы. Чем больше я читал, тем больше понимал. То, чего раньше не замечал, вдруг бросалось в глаза. Одни фразы связывались с другими. Даты — с событиями. То, что я видел или слышал за несколько месяцев до этого, внезапно приобретало смысл.

А затем приходили флэшбэки. Маленькие обрывки тех моментов, возвращавшиеся без предупреждения. Лицо, фраза, комната, что-то, что сказала Мадина и что-то, что сделал следователь. Я сидел и снова и снова складывал кусочки в голове, пытаясь восстановить жизнь, разбитую на тысячи фрагментов. А вокруг меня тюрьма продолжала жить своей жизнью.

Люди приходили, некоторые уходили, их воспоминания вплетались во мрак этих стен. Сегодня здесь, а завтра исчез. Серёга ушёл, как и большинство ребят, с которыми я попал в карантин. Эго Сергея в тюрьме 99 выросло до таких размеров, что, думаю, в конце концов он сам поверил, будто его репутация делает его неприкасаемым везде. Внутри этих стен его имя что-то значило. Люди знали, с кем он связан, знали Китта и знали иерархию. А потом Серёга вернулся на свободу и через несколько месяцев я услышал, что его зарезали на улице.

По всей видимости, турок, который его убил, не слышал о его тюремной репутации. Вот вам и тюрьма. Внутри этих стен мужчина может убедить себя, что он король. Снаружи он всего лишь ещё один человек. Время там вело себя странно. Оно как будто полностью останавливалось, а месяцы каким-то образом исчезали. В конце концов ты переставал считать дни. Потом переставал считать недели.

Начинал считать времена года.

Зима, весна, лето, а затем ещё одна зима.

И сны продолжались, как и ночи с моим списком перед сном. И фантазия о том, что однажды Мадину наконец разоблачат за всё, что она сделала. Я закрывал глаза и иногда снова попадал в один и тот же повторяющийся сон. Мадина была со мной в тюрьме, но она пряталась иногда в шкафу, а иногда под одной из металлических двухъярусных кроватей. Она была совершенно голой и отчаянно пыталась спрятаться.

В этих снах с её лицом было что-то странное. Она всегда была старой, морщинистой и все её видели. Все видели, что она голая, как бы отчаянно она ни пыталась скрыться. Я просыпался и звонил матери.

«Её лицо всегда старое и в морщинах. Все видят, что она голая».

Мама всегда отвечала одинаково.

«Аллах разоблачит её, валлахи, сын мой. Аллах разоблачит её».

И иногда я почти кричал в отчаянии:

«Когда?»

Когда? Этот вопрос преследовал меня повсюду. Был и другой повторяющийся сон. Совсем другой.

Я шёл по дороге к какому-то дому. Я не узнавал этот дом, но почему-то знал, куда иду. Я стучал в дверь. Её открывали двое незнакомых людей. Родители и они держали ребёнка на руках. Я смотрел на малыша.

«Это София».

Я не мог понять, что происходит.

«Почему у вас мой ребёнок?»

И вдруг всё менялось. София оказывалась на руках у моей старшей сестры и была такой счастливой. София любила моих сестёр. Даже во сне эта любовь всегда была там — любовь в глазах Софии к ним и любовь в их глазах к ней. Эти сны ощущались совершенно иначе, чем сны о Мадине. Один был о разоблачении, а другой — о доме. К тому времени я уже начал говорить по-русски. Не идеально, но достаточно. Достаточно, чтобы понимать, достаточно, чтобы общаться и достаточно, чтобы уже не быть тем совершенно потерянным иностранцем, который когда-то сюда приехал.

И к тому времени все знали ещё кое-что. Я здесь надолго. Это знание делало меня всё более незаметным. Новизна богатого британского араба-пилота начала сходить на нет.

Друзья? Нет друзей. Этот урок остался со мной с самого начала. В тюрьме человек мог даже не поздороваться с тобой, если именно сегодня ему от тебя ничего не было нужно и я к этому привык. Привык к такому мышлению. Привык к тому, что люди появлялись, когда им нужны были сигареты, еда, услуга, телефон, перевод, связь — а потом снова исчезали. Поэтому я научился меньше говорить, намного меньше. Научился держать своё мнение при себе. Не каждый вопрос требовал ответа. Не каждый спор требовал моего участия. Не всё, что я знал, нужно было произносить вслух. В тюрьме молчание могло стоить намного дороже, чем правота. И однажды мне позвонил друг со свободы, я знал его ещё по СИ18.

Болат, тренер по футзалу и очень огромный казах — около 165 килограммов. Настоящий добрый великан, который храпел громче всего, что я когда-либо слышал в жизни. Он говорил на нескольких языках и несколько лет жил во Франции. Болат отсидел восемь лет за покушение на убийство. По его рассказу, он был пьян. Болат был тяжёлым алкоголиком; даже в СИЗО я видел, как он пил спиртовой антисептик для рук. Человек, участвовавший в конфликте, Терпила, был не его другом, а сыном судьи. Во время инцидента Болат первый выстрел сделал в воздух. Затем Терпила пнул хаски Болата. Вторым выстрелом Болат попал Терпиле в голову и восемь лет дали. Когда он позвонил мне со свободы, я хотел знать только одно.

«Как ты это сделал?»

Он ответил своим тяжёлым казахским акцентом:

«У меня был очень смелый адвокат».

Это сразу привлекло моё внимание. Он дал мне контакты адвоката, его звали Дин-Мухамед. Мои сёстры позвонили ему неохотно, так как к тому времени мы потратили на адвокатов столько денег и услышали столько обещаний, что каждое новое имя звучало как очередной счёт. Потом мне позвонила сестра.

«Мохамед, это действительно очень удачная находка».

Я слушал.

«Он говорит по-английски».

Хорошее начало.

«И по-арабски».

Ещё лучше.

«Он раньше жил в Египте».

И тут она сказала слова, которых я ждал:

«Мы его наймём».

Впервые за долгое время я почувствовал настоящее облегчение. Наконец-то, мы снова могли начать работать над моим делом. К тому времени я находился в тюрьме 99 уже примерно полтора года. Я сменил телефон четыре раза. Номера менялись, телефоны исчезали, телефоны конфисковывали, затем появлялись новые. Это было нормально. И однажды телефон зазвонил-видеозвонок.

Странно, большую часть дня мой телефон был спрятан, и почти никто не знал этого номера. Я посмотрел на экран. Это должен был быть новый адвокат Дин-Мухамед. Я ответил на видеозвонок и замер. Это был не Дин-Мухамед, это была Мадина.

«Пожалуйста, прости меня, hayatim».

Я смотрел на экран.

«Я сделаю всё что угодно».

«Пожалуйста, не тычь мне телефоном в лицо».

«Мне нужно, чтобы ты меня простил».

«Вся моя жизнь без тебя — тьма».

«Моё сердце не может любить другого мужчину».

«Без тебя я мертва внутри, hayatim».

После всего.

После последней ссоры.

После того, как деньги перестали поступать.

После слов, что я останусь в тюрьме до самой смерти.

После слов, что я принадлежу ей.

После того, как я попросил развод.

После того последнего сообщения- пошёл ты.

И вот она снова была здесь.

«Пожалуйста, прости меня, hayatim».

И не колеблясь, я услышал собственный ответ:

«Я тебя прощаю».

Ещё одна ложь и ещё один идеально контролируемый ответ мужчины, которого она создала. Потому что где-то между СИ18, залом суда, двадцатилетним приговором, тюрьмой 99, избиениями, вымогательством, снами, материалами дела и всеми теми ночами, когда я лежал без сна наедине со своими мыслями, капитана Мохамеда Бараката разобрали на части и собрали во что-то другое. Мужчина, который мог улыбаться, когда хотелось кричать. Мужчина, который мог говорить «всё будет хорошо», зная, что ничего не хорошо. Мужчина, который мог сказать «я тебя прощаю», отчаянно ожидая правды. Мужчина, который понял, что иногда то, что ты говоришь, и то, что чувствуешь, вообще не имеют друг к другу отношения.

Версия меня, созданная для выживания. Тюремная версия. Франкенштейн-версия человека, которого когда-то звали капитан Мохамед Баракат.

Глава 95: Преступник всегда возвращается на место преступления

Преступник всегда возвращается на место своего преступления. А я был местом преступления Мадины.

«Как ты достала мой номер?» — спросил я.

«Это было так, так трудно, hayatim. Мне пришлось звонить очень многим людям в тюрьме. Я нашла твою зимнюю одежду и хотела передать её тебе. Эта зима такая холодная. Я не могла перестать думать о тебе».

Было холодно, морозно и правда заключалась в том, что эта зимняя одежда мне действительно была нужна.

«Хочешь, я включу камеру?» — спросила она.

«Хорошо».

Камера включилась и сразу же что-то показалось неправильным. Фиолетовая подсветка, красное изголовье кровати и комната довольно сомнительного вида. Я смотрел на экран.

«Вот чем ты теперь занимаешься?»

«Ой, нет, нет, нет! Это не то, что ты думаешь. Клянусь!»

Я не стал давить, не было смысла, я уже знал, как всё это работает.

«Как ты, babes?»

Это слово что-то с ней сделало- Babes. Так я раньше её называл. Я почти сразу увидел, как облегчение разливается по её лицу. Она начала хлопать ресницами и перешла на тот милый тон, который я так хорошо помнил.

«Без тебя я не чувствую вкуса жизни. Без твоего прощения. Мадина и Мохамед навсегда. M&M. Помнишь?»

Конечно, я это всё помнил. Мальдивы, наша арендованная вилла над водой, Мадина всё ещё была беременна Софией и мы вместе написали это на песке- M&M. Мадина и Мохамед навсегда. На мгновение я снова оказался там. И почувствовал резкую боль в сердце, словно кто-то вонзил в него крошечный кинжал. Не метафорически, сердце болело физически.

«Помню, babes».

Всего на секунду воспоминания побеждали. Но сразу следом пришла другая мысль. Я также не забыл всё, что ты со мной сделала и боль снова стала тупой. Мальдивы исчезли, а тюрьма вернулась. Мадина начала задавать вопросы. Много вопросов. Как я? Чем занимался? Что происходит с моим делом? Насколько больше я уже узнал? Какие ещё детали понял? Постепенно разговор всё меньше походил на беседу двух людей, которые когда-то любили друг друга, и всё больше — на перекрёстный допрос. Она хотела понять, сколько я знаю. Я отвечал просто.

«Я был сосредоточен на том, чтобы выжить».

Это, во всяком случае, было чистой правдой. Потом она начала комментировать мою внешность.

«Ты выглядишь таким сильным».

К тому времени я постоянно тренировался.

«Может, мне приехать на длительное свидание?»

Каждые три месяца заключённому могли разрешить сорокавосьмичасовое длительное свидание с законным супругом. Затем она напомнила мне о том, что я и без того прекрасно знал.

«Мы всё ещё женаты, между прочим. Я не подписала документы на развод, которые присылали твои адвокаты».

Конечно, я знал, я пытался добиться развода через суд, но туда она не явилась.

«Знаю, babes».

Я сделал паузу.

«Может, встретимся?»

И вот так Мадина снова появилась онлайн со мной. Снова в моей жизни и снова со своими старыми приёмами. Преступник всегда возвращается на место преступления. Я прекрасно понимал, что делаю, позволяя ей вернуться. Это был мой последний шанс. Возможно, самый последний шанс узнать, что произошло с Софией. Поэтому я продолжал игру.

«С деньгами у тебя всё нормально?» — спросил я.

Её ответ прозвучал почти идеально.

«Hayatim, ты единственный мужчина, который по-настоящему меня понимает. Ты всегда меня поддерживаешь. Всегда помогаешь».

Вот оно.

«Ты можешь помочь мне, пожалуйста? Мне очень нужны деньги. Меня скоро выселят из квартиры».

Я почти мог предсказать это слово в слово.

«Дай мне поговорить с семьёй».

«Я люблю тебя, hayatim».

Я сделал паузу намеренно.

Достаточно долго, чтобы она заметила.

Достаточно долго, чтобы молчание стало неловким.

Достаточно долго, чтобы она задумалась, скажу ли я это в ответ.

«Я тоже тебя люблю, babes», — сказал мужчина, укравший моё лицо.

Потом я позвонил сёстрам. Реакция была мгновенной.

«Нет!»

В телефоне раздались почти истеричные голоса.

«Она снова пролезет в нашу жизнь!»

«Нет, Мохамед».

«Она забеременеет, и тогда мы навсегда с ней связаны».

«Мы помогать не будем».

Я попытался объяснить.

«Но это может быть мой последний шанс узнать, что произошло с Софией».

«Ты никогда не узнаешь, Мохамед».

«Она опять обведёт тебя вокруг пальца».

Они знали этот цикл, ведь они прожили его вместе со мной. Они видели, как Мадина уходила, потом возвращалась когда ей что-то нужно было. Потом вновь исчезала и снова возвращалась. И больше не хотели иметь к этому никакого отношения.

Но я не мог отпустить причину, по которой вообще ответил на тот звонок-София. Если существовал хотя бы малейший шанс, что возвращение Мадины в мою жизнь наконец приведёт меня к правде, я должен был рискнуть. Мои сёстры провели черту, больше никаких денег и больше никакой Мадины. Я это понимал, но обращаться мне было больше не к кому. Мохамед мёртв, подумал я.

«Хорошо», — сказал я.

Я положил трубку. Оставался только один человек, которому я мог позвонить это Мама. Пожилая пенсионерка, живущая на свою пенсию.

После всего, что моя семья уже потратила. После всего, чем они уже пожертвовали. Теперь я собирался попросить помощи у матери, чтобы передать деньги той самой женщине, которая, как я считал, помогла разрушить мою жизнь. Но мама была мамой. Она была моей самой большой поддержкой всегда. Я объяснил, что происходит. Объяснил, почему хочу продолжать разговоры с Мадиной. Объяснил, что считаю это, возможно, последней возможностью узнать, что произошло с Софией. Мама ответила без малейшей паузы.

«Только не сделай так, чтобы она забеременела, хорошо?»

Впервые за, казалось, целую вечность что-то внутри меня смягчилось.

«Я люблю тебя, мам».

И вдруг я кое-что понял, Мохамед не умер.

Следующие пару месяцев звонки продолжались. Я играл свою роль. На день рождения я отправил ей цветы. На День святого Валентина снова отправил цветы, еду и торты. Всё то, что я посылал когда-то, когда наша жизнь была совсем другой. Она была впечатлена.

Даже больше — она этим гордилась. Она говорила подругам:

«Видите? Даже из тюрьмы он может присылать мне цветы, еду и торты!»

Некоторые утренние разговоры мы проводили, вспоминая нашу прежнюю жизнь. Мадина любила вспоминать меня и её. Странно, но в её воспоминаниях о тех днях Софии чаще всего будто не было.

«Я не забываю, как ты приехал и просто забрал меня у семьи, как настоящий мужчина. Сразу никах, потом к тебе домой. Казахский мужчина так не может!»

Она любила это вспоминать. Иностранный пилот, который приехал и увёз её. Никах, путешествия, жизнь, деньги, я и она. Мадина всегда была небрежной. Оглядываясь назад, я считал, что ей удалось избежать серьёзного внимания лишь потому, что полиция и прокуратура хотели именно меня. Сам Нурлан Болатов однажды прекрасно выразил, как они воспринимали нас двоих:

«Кто она? Она никто. Какая-то деревенская девчонка из Шелека. А он пилот авиакомпании из богатой арабской семьи и британец!»

Да, лучшие умы Казахстана, конечно, знали, как раскрывать дела. Для этих ребят не существовало слишком сложных загадок. И Мадина по-прежнему была небрежна.

Во время наших видеозвонков я иногда видел за её спиной экран компьютера. Однажды я заметил две вещи. ms_akame. Chaturbate.

Я никогда раньше не слышал о Chaturbate. Я начал узнавать, что теперь существует целый онлайн-мир — OnlyFans, Chaturbate, Stripchat, — где люди сексуально выступают перед платящими зрителями. Мадина сразу заметила, куда именно направлен мой взгляд. Она мысленно провела линию от моих глаз к компьютеру за своей спиной.

«Ты видел меня?»

«Видел где?»

Мужчина, укравший моё лицо, ответил ледяным тоном. Я не собирался ничего ей выдавать. В другой день она сказала:

«Моя мама говорит, если я приеду к тебе, ты убьёшь меня за всё, что я тебе сделала!»

«Правда?»

Я посмотрел на неё.

«И что ты ответила маме?»

«Я сказала: сердце Мохамеда слишком мягкое. Он слишком сильно меня любит. Только я знаю Мохамеда!»

Мужчина, укравший моё лицо, улыбнулся ей в ответ.

«Да», — сказал я.

«Только ты знаешь Мохамеда».

Около двух месяцев Мадина допрашивала меня снова и снова. Сколько я уже узнал? Что обнаружил в деле? Что теперь понял из того, чего раньше не понимал? Какие ещё детали выяснил? Я говорил, что был сосредоточен на

выживании. Тем временем она обещала одно за другим. Когда мы наконец окажемся лицом к лицу, она расскажет мне всё. Без телефона, без камеры и без расстояния между нами.

Лицом к лицу она наконец расскажет правду о Софии. Вот чего я ждал и примерно через два месяца Мадина приехала на длительное свидание. Я вошёл в комнату свиданий и увидел, как она стоит на кровати и смотрит в окно.

Она обернулась и она выглядела потрясающе. Было очевидно, что на отправленные мной деньги она сходила в салон. Волосы, лицо — всё сделано. А потом она увидела меня и прыгнула мне в объятия. Точно так же, как в первый раз, когда я встретил её в аэропорту Гонконга. И со мной произошло что-то странное, я начал плакать.

Не потому, что все эти годы отчаянно скучал по Мадине. Я много лет никого так не обнимал. У меня в руках была женщина. Человек, который обнимал меня с нежностью.

После стольких лет охранников, бандитов, обысков, наручников, избиений, тюремной формы, металлических дверей и мужчин повсюду, куда ни посмотри, вдруг я держал в объятиях женщину, которая когда-то была моей женой во всех смыслах этого слова. И где-то в этих объятиях я понял: Мохамед всё ещё жив внутри. Все те разы, когда я стоял перед тюремным зеркалом и повторял одно и то же:

Ты здесь себя не потеряешь. Ты здесь себя не потеряешь. Даже я боялся того, что может произойти, когда наконец окажусь перед Мадиной. Внутри было столько ненависти, столько гнева, столько ночей я представлял её разоблачение. Что, если я не смогу сдержать себя, когда она действительно будет стоять передо мной? И вот я здесь, большой мягкий дурак, который и мухи не обидит. Она целовала меня по всему лицу.

«Давай займёмся любовью, чтобы расслабиться», — сказала она.

И в конце концов, ближе к завершению, она спросила:

«Куда ты кончишь?»

«Не сейчас, Мадина. Я не готов».

«Хорошо, hayatim».

Этот короткий обмен был для меня чрезвычайно важен. Потому что я знал, что может означать беременность. Я помнил предупреждение сестёр. Она забеременеет, и тогда мы навсегда с ней связаны, я этого не забыл. Мадина принесла с собой колонку и флешку. После быстрого душа мы включили музыку и поели. Потом заиграла песня Рианны.

«Man Down».

Мадина выучила слова. Её английский улучшился и она начала подпевать. Некоторые строки сразу ударили меня: песня начинается с признания певицы, что она не хотела лишать человека жизни и не может уйти от того, что сделала; затем появляется страх оказаться за решёткой. Мадина пела эти слова, глядя на меня. А в своей голове я уже не слышал Рианну, я

слышал Мадину. Каждое слово я воспринимал через призму того, что произошло с нами.

Я не хотела этого делать, я не могу спать, я не могу выбросить это из головы и я боюсь оказаться в тюрьме.

Произошло что-то, что зашло слишком далеко. Вот что я слышал. Я смотрел на её лицо, пока она пела. Из всех песен, которые она могла выбрать. Из всех песен, которые могла выучить по-английски. Из всех песен, которые могла петь, сидя со мной после двух месяцев обещаний наконец рассказать, что произошло с Софией. Мои мысли неслись с бешеной скоростью. Она мне говорит?

Это её способ сказать, не произнося прямо? Она смотрит, понял ли я? Я не знал, но в той комнате эти слова значили для меня невероятно много из-за всего, что произошло до них.

Потом она посмотрела мне прямо в глаза.

«Я не хочу портить наше первое свидание после такого долгого времени».

Я точно знал, о чём она говорит- София.

«Можно я расскажу тебе на следующем свидании, пожалуйста?»

И снова то же самое. Правда, которую я ждал годами отодвинута ещё чуть дальше. Ещё одно свидание, ещё одно обещание и ещё одна причина держать Мадину рядом.

«Хорошо, babes».

Но оглядываясь назад, я не верю, что Мадина вообще собиралась что-либо рассказывать на этом свидании. Её план, похоже, был намного проще. Вернуться, восстановить отношения и забеременеть. А когда появится ещё один ребёнок, она снова окажется связана с моей жизнью и жизнью моей семьи так, что разорвать эту связь будет почти невозможно. Но Мадина не полностью учла одну вещь. Тюрьма научила меня терпению, огромному терпению. А пережитое испытание научило меня контролировать эмоции, которые раньше я выразил бы немедленно. Два дня она снова и снова смотрела мне в глаза.

«Я буду любить тебя до последнего вздоха, hayatim».

«Я так сильно тебя люблю».

Снова и снова. Она была хороша, очень хороша. Потому что со временем я начал путаться. Не относительно всего того, что она сделала. Я ничего не забыл. Но люди — не выключатели. Нельзя годами любить человека, строить с ним жизнь, иметь общего ребёнка, а затем просто стереть каждое воспоминание только потому, что разум говорит, что теперь ты должен его ненавидеть. В ту ночь Мадина спала у меня на руках как ребёнок. Я не сомкнул глаз ни на секунду. Я просто смотрел на неё. Её лицо было совершенно расслабленным, глаза закрыты ив внезапно она снова была таммать Софии. На мгновение я посмотрел на пустое место по другую сторону от неё и почти ожидал, что София попытается поднять свою маленькую голову.

Я видел её, эта крошечная головка склоняется набок. Огромная улыбка уже сияет, когда её маленькие глазки встречаются с моими. Её маленькое тело двигается вперёд-назад, словно она делает отжимания Майка Тайсона. Я поймал себя на улыбке от этого воспоминания. В течение нескольких секунд в той тюремной комнате свиданий существовало нечто, чего уже много лет не существовало нигде в мире- мы втроём, хотя бы у меня в голове. Я наклонился и вдохнул запах лба Мадины. Меня накрыл её знакомый аромат. Всё в такой физической близости к ней было знакомым, почти опьяняющим — тепло, запах, гормоны, воспоминания, связанные с её телом. На мгновение моя нервная система будто вспомнила жизнь, которой разум отчаянно старался не доверять.

Гонконг, Мальдивы, наш дом, беременность и София.

До Нурлана Болатова.

До Бакирбаева.

До СИ18.

До тюрьмы 99.

До всего.

И всё же я не спал ни секунды. Через несколько часов Мадина открыла глаза. Она зевнула, повернулась ко мне и снова забралась в мои объятия.

«Я спала так, как не спала много лет».

Она устроилась рядом со мной.

«Когда я с тобой, я снова маленькая девочка, Мохамед. Вся эта жизненная чушь исчезает».

Затем её голос изменился.

«Я разрушила себя без тебя и Софии».

Вот и София, наконец-то. Я посмотрел на неё.

«Я знаю».

Я ещё немного держал её рядом.

«А теперь тебе снова нужно, чтобы я тебя спас».

«Да», — сказала она.

Без колебаний.

«Пожалуйста, спаси меня».

Она прижалась ко мне.

«Спаси меня».

Глава 96: Когда возвращается тьма

После того первого свидания звонки продолжились. Постепенно Мадина снова начала показывать своё истинное лицо. Сладость не исчезла полностью, она просто становилась всё более условной.

«Мне нужно больше денег, Мохамед. Ты знаешь, чем я занимаюсь. Ябольше не хочу так жить!»

«Это моя вина, что ты разрушила нас?»

Её глаза потемнели. Она резко дёрнула головой в сторону, словно физически отмахиваясь от замечания.

«Я больше не приеду к тебе, если ты не хочешь снова создать семью. Ты просто используешь меня!»

Вот оно, свидание, новая семья, деньги и где-то среди всего этого находилось единственное, чего на самом деле хотел я. Чтобы понять Мадину, нужно понимать, откуда она пришла. Мадина выросла практически ни с чем. Только после свадьбы я по-настоящему начал понимать среду, в которой она росла. Её родители были деревенскими алкоголиками. Помню, как однажды около девяти утра зашёл к ним домой и увидел обоих на диване с бутылкой казахстанского коньяка — самого дешёвого пойла. Мадина переводила, о чём они говорили. Они жаловались, что работы нет. Я посмотрел в сторону кухни.

На столешнице уже стояли три пустые бутылки. Они крепко начали с самого утра. И я помню свою мысль: конечно, работы нет. Если ты пьян в девять утра, как вообще можно рассчитывать зарабатывать деньги? Вот в какой среде выросла Мадина. Алкоголь, домашнее насилие, измены и полностью разрушенный брак её матери и отца.

По рассказам, которые Мадина позже мне поведала, её отец однажды вошёл в собственную спальню и застал жену, Тахмину, занимающейся сексом с мужчиной вдвое моложе её. Позже, пьяный, он избил её до полусмерти. Через несколько дней они снова были вместе. Такими были их отношения. Ломать друг друга, причинять друг другу боль, возвращаться друг к другу и повторять. Разумеется, большинство этих историй я по-настоящему услышал только уже в заключении. До этого значительная часть семейной жизни представлялась мне как один большой спектакль. Единственное, что они никогда не могли скрыть полностью, это алкоголизм. Поэтому, когда я думаю о Мадине теперь, я понимаю, что для неё должно было значить внезапно вырваться из всего этого. Это была детская фантазия- рыцарь в сияющих доспехах. А потом появился я и внезапно деревенская девушка из Шелека увидела мир. Полёты бизнес-классом, пятизвёздочные гостиницы и рестораны, где перед заказом никому не нужно смотреть на цены. Не нужно гадать, чем оплатить электричество. Не нужно беспокоиться об аренде. Горничная трижды в неделю. Идёшь по торговому центру, видишь что-то понравившееся — берёшь. Для неё борьба исчезла, а потом меня арестовали и мужчина, обеспечивавший весь этот мир, внезапно исчез. Мадине пришлось приспосабливаться. Но, как мне кажется, она считала, что раз уже испытала такой образ жизни, то каким-то образом имеет на него постоянное право. Поэтому она пошла искать замену.

Другого пилота, бизнесмена, кого-то богатого, кого-то, кто вернёт всё точно туда, где оно было. Но молния редко бьёт дважды в одно место. И она пошла вниз, вниз и ещё ниже. Пока в конце концов снова не достигла самого дна. К тому времени, в моих глазах, она уже продала душу дьяволу, а теперь продавала и тело. И я снова подумал о свече.

Раньше в жизни я размышлял о том, как люди выбрасывают то, что им помогало, когда больше в этом не нуждаются. Когда приходит дневной свет, ты гасишь свечу, которая провела тебя сквозь тьму, так как она тебе больше не нужна. Ты видишь все и без свечи. Но что происходит, когда тьма возвращается?

Ты снова тянешься за свечой. Я был той свечой для Мадины и она хотела вернуть прежнюю жизнь. И верила, что если сможет вернуть Мохамеда, то со временем вернётся и всё, что шло вместе с Мохамедом. Деньги, путешествия, безопасность, образ жизни, семья, которая её поддерживалаи мужчина, который всё решал. Только была одна проблема, я не забыл, зачем позволил ей вернуться в мою жизнь.

«Ты всё ещё не рассказала мне, что произошло с Софией, Мадина».

Её выражение изменилось.

«Как ты вообще ожидаешь, что я буду думать о новой семье с тобой, если ты до сих пор не сказала, что произошло с моей дочерью?»

Будто она забыла, что этот вопрос вообще существует. Мадина помнила, что нужно Мадине. Мне было нужно завершение. Мне была нужна правда.

«Ты обещала рассказать, когда мы увидимся лицом к лицу».

Ничего.

«Ты сказала, что не хочешь портить первое свидание и расскажешь на следующем».

А теперь мы говорили о другой семье. О другом ребёнке. Словно могилу между нами можно просто обойти стороной- нет.

«Когда выполнишь обещание, тогда и обсудим семью».

Она посмотрела на меня.

«Как я могу тебе доверять?»

Я почти не верил своим ушам. Как она может доверять мне? Каким-то образом мы дошли до точки, где информация о том, как умерла моя дочь, превратилась в предмет торга. Ей что-то было нужно от меня. Мне была нужна правда о Софии. И теперь, по моему ощущению, она фактически торговала одним в обмен на другое. Дай мне то, что хочу я, и, возможно, я дам тебе то, что хочешь ты. Деньги, семья и ещё один ребёнок в обмен на ответы о ребёнке, которого я уже потерял.

«Как я могу тебе доверять?» — повторила она.

Я смотрел на неё через экран. И вновь вместо меня ответил мужчина, укравший моё лицо.

«Когда я хоть раз нарушал обещание?»

Она несколько мгновений смотрела на меня и вот так спор исчез.

«Увидимся на следующей неделе на свидании», — сказала она.

«Хорошо, babes».

Звонок закончился. Я сидел и смотрел на телефон. Ей снова была нужна её свеча. Ладно, но на этот раз, прежде чем дать ей хоть немного света, я хотел узнать правду о том, что произошло во тьме.

Глава 97: Правда наконец приходит

Наступило следующее свидание, и на этот раз давление было серьёзным. Большинство заключённых ждали свиданий. Они считали дни до приезда жён, матерей, отцов или детей. На короткое время можно было притвориться, что внешний мир всё ещё принадлежит им. Я своего свидания не ждал. Потому что точно знал, чего хочет Мадина- ребёнка.

Она всё сильнее давила, чтобы мы создали новую семью, а я всё ещё ждал, когда она расскажет, что произошло с семьёй, которая у нас уже была. Мы сидели и смотрели друг на друга.

«Ты всё ещё находишь меня привлекательной?» — спросила она.

Конечно, посади мужчину на годы в тюрьму — и ответ становится ещё очевиднее.

«Ты знаешь ответ, Мадина».

Я не поддержал эту тему. Я понимал, что она делает. Мы были здесь не для обсуждения того, считаю ли я её привлекательной. Между нами годами лежал другой вопрос.

Наконец она заговорила.

«Я не могу сделать это лицом к лицу, Мохамед».

Я ждал.

«Я думала, когда приду сюда, смогу тебе рассказать. Потом мы сядем и вместе поплачем».

Её голос смягчился.

«После того, как Софии не стало, у нас никогда не было возможности вместе поплакать».

Вот оно, на мгновение она коснулась той единственной раны, которая никогда не заживала.

«Можно я просто расскажу тебе по телефону, пожалуйста?»

Ещё один неожиданный поворот. Сначала она расскажет, когда увидит меня лицом к лицу. Теперь, когда мы были лицом к лицу, она не могла. Позже, по телефону и правда снова отодвинулась ровно настолько, чтобы остаться вне моей досягаемости. Я встал и пошёл в душ. Взрываться не было смысла, давить на неё не было смысла и кричать «Скажи мне сейчас» — тоже. Я вернулся, мы поели, а остальная часть свидания прошла почти так, будто мы были давно потерявшими друг друга любовниками, встретившимися через годы. В этом и заключалось безумие. Я верил, что она близка. Близка к тому, чтобы сломаться, близка к тому, чтобы наконец рассказать и я знал: если нажму слишком сильно, могу потерять всё. Поэтому я ждал. Этому тюрьма меня научила- терпению. Мадина уехала, а когда я вернулся к обычной тюремной жизни, произошло нечто неожиданное. У Мадины накопилось немало собственных врагов. По всей видимости, её соседка по квартире в Алматы взяла мой номер из телефона Мадины и передала старой подруге, с которой Мадина недавно сильно поссорилась. Её звали Сабина.

Начали приходить сообщения. Ты знаешь, чем занимается Мадина? Не доверяй ей, она тебя использует. Потом: Она отвратительная проститутка. Сабине было что рассказать. Она рассказывала о врагах, которых Мадина нажила в Шелеке, о ссорах и о её репутации. Казалось, она решила сделать всё, чтобы все узнали, кем она считала Мадину на самом деле.

Мне было совершенно всё равно. В моей голове Мадина умерла в тот день, когда умерла София. То, чем она занималась снаружи, не было причиной, по которой я продолжал с ней общаться. Осталась только одна причина- София. Однажды я вышел наружу и посмотрел на небо. Над тюрьмой проходили воздушные трассы — невидимые небесные магистрали, по которым следуют самолёты. Над головой пролетел самолёт- Hong Kong Air Cargo. Когда-то я был командиром этого самолёта, подумал я. Несколько мгновений я смотрел не на самолёт. Я смотрел, как моя прежняя жизнь пролетает над новой.

Капитан Мохамед Баракат, кабина пилотов, форма, рейсы, экипаж и свобода. После начала этого кошмара компания ничего не сделала, чтобы помочь мне. В InterContinental я находился при исполнении служебных обязанностей. Проживание в гостинице было частью моего рабочего периода. Я помню мысль: если когда-нибудь выйду отсюда, надо будет выяснить, есть ли у меня основания для какого-либо судебного иска. Я вообще никогда не оказался бы в Казахстане, если бы не эта компания. Как авиакомпания может направлять экипажи в страны, где они рискуют столкнуться с незнакомыми правовыми системами, а затем не предоставлять никакой существенной юридической помощи, когда происходит катастрофа?

И я думал о людях, с которыми работал. Как быстро они поверили газетным заголовкам? Моё имя, должно быть, месяцами было одной из главных тем разговоров в кабинах пилотов, а возможно, годами. Домыслы, слухи и сплетни. Все пытались понять, как капитан Мохамед Баракат вообще мог сделать то, о чём писали газеты, но практически никто не пришёл помочь. В людях есть что-то странное. Расскажите им обычную историю о знакомом человеке — они подвергнут сомнению каждую деталь. Дайте им что-то достаточно ужасное, драматичное и шокирующее — и внезапно они готовы поверить почти чему угодно. Самолёт исчез вдали, а я всё ещё стоял внутри тюрьмы 99. Звонки с Мадиной продолжались, как и ссоры, но что-то менялось.

Каждый раз, когда мы разговаривали, казалось, она теряла ещё немного контроля. А за пределами тюрьмы её собственная жизнь, похоже, сжималась вокруг неё. Друзья и родственники начинали всё больше узнавать о том, чем она занималась. Сабина определённо внесла свой вклад. Потом произошёл звонок, который изменил всё. Мадина ответила по видео, вставая с кровати. Там был другой мужчина и я его увидел. Как она могла думать, что я не замечу? А может, ей просто уже было всё равно.

Затем последовал ультиматум.

«Если ты не сделаешь так, чтобы я забеременела, мы просто зря тратим время».

Что-то внутри меня сломалось. Не гнев, а что-то намного старше гнева. Голос боли, годами запертый внутри, наконец вырвался наружу. Даже меня самого испугал звук собственного голоса.

«Как ты можешь ждать, что я захочу ещё одну семью с тобой, когда ты даже не говоришь мне, что произошло с Софией?»

Я изо всех сил пытался держать себя в руках.

«Она была моей дочерью, Мадина».

На последних словах голос сорвался- моя дочь! Я начал дрожать, продолжать не мог, я положил телефон и заплакал. Не из-за Мадины, не из-за тюрьмы, не из-за двадцатилетнего срока и не из-за потерянной жизни. Я плакал по Софии, по моей маленькой девочке.

После стольких лет самоконтроля, анализа доказательств, борьбы с адвокатами и прокурорами, выживания в камерах среди бандитов, притворства перед Мадиной, слов «babes», «я люблю тебя», «я тебя прощаю», ожидания, ожидания и ещё раз ожидания — я больше не мог это удерживать. Она была моей дочерью и Мадина это услышала. Она услышала в моём голосе то, чего, возможно, никогда по-настоящему раньше не слышала- боль. Потом на мой телефон начали приходить голосовые сообщения WhatsApp. Сообщения и ещё голосовые сообщения. Я смотрел на экран и впервые с момента смерти Софии в тот момент я почувствовал, что снова слышу в Мадине человека. Я слушал, читал и снова слушал. Сердце начало бешено колотиться. После всех этих лет, после всех обещаний, после всей лжи, после СИ18, после суда, после Бакирбаева, после двадцатилетнего приговора, после тюрьмы 99, после всех ночей, когда я смотрел в потолок, после молитв Аллаху и после звонков матери с одним вопросом: Когда? Вот оно:

Письменные сообщения.

Голосовые сообщения.

Признание.

Я не мог усидеть на месте.

Я начал бегать и показывать людям рядом.

«Смотрите!»

«Послушайте это!»

«Вот оно!»

Я сделал резервную копию чата. Сделал скриншоты. Переслал голосовые сообщения. Записал экран со всем содержимым.

Я не собирался это терять, только не в этот раз.

Не ещё одно пропавшее видео.

Не ещё один исчезнувший фрагмент доказательств.

Не ещё одна возможность, существование которой кто-то потом сможет отрицать.

Я скопировал всё, что мог. После всех этих лет оно было у меня. И почти сразу же пришла реальность, ко мне пришли бандиты.

«Ты не можешь обнародовать этот разговор».

«Что?»

«Не можешь. Они перевернут всю тюрьму вверх дном в поисках этого телефона».

«Но это доказывает, что я невиновен!»

Для них это не было новостью. Они читали моё дело. Видели, как Мадина приезжала ко мне. Они давно уже составили своё мнение обо мне. Для них признание означало не свободу. Оно означало проблемы. Обыски, охранников, конфискацию телефонов и разгромленные камеры. Наказание всех из-за чего-то, связанного со мной. Годами я представлял этот момент так просто.

Мадина признаётся, я получаю доказательство, передаю его властям и правда выходит наружу. А вместо этого даже теперь я оставался в ловушке. Я сидел в тюрьме с тем, что считал самым важным доказательством, добытым за многие годы, спрятанным на нелегальном телефоне, который я не мог просто принести администрации и отдать, не рискуя вызвать хаос вокруг себя. Я позвонил Дин-Мухамеду в отчаянии, в возбуждении и в ужасе от мысли потерять то, что наконец получил. Нам нужен был способ вывести это доказательство из моих рук и передать полиции, не переворачивая тюрьму 99 вверх дном.

После всех этих лет с одним и тем же вопросом — Когда? впервые я думал, что наконец знаю ответ. Сейчас.

Глава 98: Правда сделала меня мишенью

Я позвонил Дин-Мухамеду. Сначала ни он, ни моя семья не могли до конца поверить тому, что читали и слушали. Даже мой собственный адвокат спросил:

«Это настоящее?»

Я не мог поверить своим ушам.

«Ты серьёзно думаешь, что я найду человека с голосом, идентичным голосу Мадины, и заставлю его записать для меня всё это?»

«Это может быть ИИ», — сказал он.

Вот это меня действительно взбесило.

«Знаешь, для адвоката — особенно моего адвоката — тебе пора уже прийти в себя. Ты вообще на чьей стороне? Ты хоть что-нибудь знаешь об ИИ? Есть проверки, которые можно провести. Если настолько во мне сомневаешься, отправь на экспертизу. Сделай фоноскопическое исследование».

Он понял, что перегнул палку.

«Нам нужен оригинальный телефон, — сказал он. — Ты можешь его вывести?»

Я посмотрел на телефон в руке.

«Думаю, да».

Потом мне пришла другая мысль.

«Почему они не могут изъять телефон Мадины? Там всё есть».

«Им нужно основание».

Основание? У меня оно было.

«Она незаконно работает в Казахстане на секс-камеру, — сказал я. — И хранит дома большое количество каннабиса. Её дядя этим торгует. Он просит её хранить и говорит, что она может курить сколько хочет».

«Мне нужны доказательства», — сказал Дин-Мухамед.

Я чуть не рассмеялся.

«Ну, тебе повезло».

Потому что в предыдущие месяцы, пока Мадина думала, что допрашивает меня, я тоже наблюдал и сохранял. Я начал отправлять всё, что у меня было. Ссылки, видео, сайты, её никнейм и видео, которые я сохранил, где она курила через бонги то, что я считал наркотиками. Всё, что было у меня, получил Дин-Мухамед.

Он подготовил жалобу, она пришла в тюрьму, я её подписал и её отправили. И сразу после этого угрозы начали доходить до тюрьмы 99. Мать Мадины, Тахиина, обратилась за помощью к Ахи. По всей видимости, она представила им Мадину как ухти. В том смысле, в котором они употребляли это слово, ухти была не просто мусульманкой. Оно означало, что они считали её женщиной с крепкой исламской верой — той, которая молится, покрывает волосы и живёт согласно религии. А теперь какой-то мужчина публично уничтожал репутацию ухти обвинениями в наркотиках и секс-работе.

Для них это были не сплетни, это была честь. А честь могла означать кровь. Мне сказали, что на меня заказ. И это была не просто тюремная молва. У меня до сих пор есть запись голоса матери Мадины, которую она отправила мужчине в тюрьме 103. Оттуда связались с Ахи в тюрьме 99. Информация пришла снаружи, попала в одну тюрьму, а затем — в мою. И теперь я ждал, когда меня ударят ножом. Я перестал нормально спать. День за днём ждал нападения.

Каждое движение за спиной.

Каждое незнакомое лицо.

Каждый мужчина, внезапно подошедший слишком близко.

Я знал, что это приближается. И потом они поймали меня, когда я шёл в клуб на урок английского. Пятеро, сразу начались крики, споры и обвинения.

Пять мужчин вокруг меня.

«Она убила мою дочь!» — закричал я.

На столе лежало лезвие, которым в швейной комнате резали ткань. Я схватил его и полоснул себя по левой руке глубоко.

Я держал лезвие у окровавленной руки. Это не была попытка самоубийства. Это было послание- я готов.

Если это происходит — значит, происходит сейчас. Я несколько дней ждал, что кто-то на меня нападёт. Я не собирался стоять и умолять пятерых мужчин о пощаде. Кровь текла по руке и тогда вмешались Блатные. Бандиты, которые хорошо ко мне относились, вступились.

«Сначала мы с ним поговорим».

Ахи спорили.

«Он на нашей стороне, не на вашей, сказали им Блатные. Если это правда, мы его вам отдадим».

Таков был тюремный закон. У Ахи и Блатных были границы. Как бы безумно это ни звучало для человека снаружи, внутри этих стен существовали правила: кто кого контролирует, кто где может вмешиваться и кто имеет право разбираться с конкретным заключённым. Нельзя было просто переступить через другую сторону. Возможно, эта граница спасла мне жизнь. К тому времени я уже поговорил с сёстрами.

Британское посольство было полностью вовлечено. Внезапно сотрудники тюрьмы и полиция бегали вокруг, пытаясь понять, что происходит и действительно ли мне угрожает непосредственная опасность. Блатных фактически поставили следить, чтобы со мной ничего не случилось. Потом они сами пришли меня допрашивать и были недовольны.

«Что это за херню ты, блядь, распространяешь?»

Они были в ярости.

«Менты? Официальные жалобы? Мы так не живём».

С их точки зрения, я втянул власти в историю, которая могла вызвать обыски, расследования и проблемы по всей тюрьме. Я объяснил всё, рассказал о признании, о телефоне, о проблеме с передачей доказательств наружу и об необходимости изъять телефон самой Мадины. Я не хотел, чтобы администрация переворачивала тюрьму 99 вверх дном в поисках моего нелегального телефона. Мне нужен был другой способ передать доказательства в официальные руки. И тогда прозвучал вопрос, который был важен для них.

«А вся эта херня в жалобе? Она ухти. Ты же понимаешь, мы не сможем тебя защищать, если это неправда».

Ладно, я достал то, что у меня было и показал им. Сайты, никнейм, видео, бонги и материалы, где было видно, что, по моему мнению, она курит. Они смотрели, а потом начали смеяться от души.

«Позовите сюда этих грёбаных Ахи».

Ещё больше смеха.

«Теперь они нам должны».

Атмосфера полностью изменилась. Меня хлопали по спине. Появились сигарет и кто-то спросил:

«Брат, виски хочешь?»

«Нет, брат. Я молюсь».

Потом пришли Ахи. Блатные всё ещё смеялись.

«Ваша ухти оказалась грёбаной проституткой. А теперь садитесь. Нам надо поговорить».

Потом они посмотрели на меня.

«Мохамед, можешь идти».

И затем прозвучали слова, которых я ждал:

«Тебя здесь, блядь, никто не тронет».

Из пореза на руке всё ещё капала кровь. Шрам у меня остался до сих пор. Он достаточно глубокий, и если увидеть его, не зная истории, можно подумать, что это след попытки самоубийства, но это не так.

Я вернулся в камеру и после нескольких дней почти без сна, постоянно ожидая ножа — я уснул. Посольство получило полный отчёт о произошедшем и о том, как тюрьма вмешалась ради моей безопасности. На мгновение казалось, что одна проблема локализована. И тут же появилась другая- этап, перевод. Всех заключённых, которые не были рецидивистами, переводили в тюрьму 71.

Моё имя было в списке. Сердце упало, только не снова. Я уже понял, что означает перевод. Это не просто смена здания. Это потеря всего, что ты месяцами или годами учился понимать. В тюрьме 99 я знал систему, знал лица, знал, какие охранники опасны, знал Блатных, знал Ахи, знал Козлов, знал, с кем можно говорить, а с кем нельзя. Знал, кому нужны деньги, кому нужна информация, кто может помочь, а кто может причинить вред. Самое главное: после всего, что только что произошло, люди знали мою ситуацию. Знали о Мадине, знали об угрозах и знали, что было признание. И, какими бы ни были их причины, люди только что вмешались и не позволили на меня напасть. Теперь я всё это потеряю.

Новая тюрьма.

Новые правила.

Новые бандиты.

Новые Ахи.

Новые Козлы.

Новые охранники.

Новая администрация.

Новые союзы.

Новые враги.

Всё новое.

И была ещё более серьёзная проблема- телефон.

Дин-Мухамед уже сказал мне:

«Нам нужен оригинальный телефон».

Но я никак не мог пронести этот телефон через этап в другую тюрьму. Я мог сохранить резервные копии, скриншоты, записи экрана, сообщения и голосовые сообщения. Мог убедиться, что копии есть снаружи. Но сам оригинальный аппарат, взять с собой не мог. После всех лет ожидания доказательства теперь меня разлучали с тем самым телефоном, на который

оно пришло. И тюрьма 71 была не похожа на 99. Я уже слышал о её репутации.

Это была тюрьма барачного типа. Камеры ночью не запирали, потому что обычных камер в том виде, к которому я привык, там вообще не было. Около 120 мужчин спали рядом на двухъярусных кроватях. Один огромный барак, потом другой и ещё один. Всего двенадцать бараков. Ночью между мной и людьми, которые могли захотеть до меня добраться, не будет стальной двери. Никакого замка, никакой камеры, только мужчины и их были сотни. Туалеты находились снаружи и, как мне их описывали, буквально представляли собой ямы в земле.

Никаких нормальных перегородок и никакой приватности. Мужчины справляли нужду рядом друг с другом у всех на виду, вот куда я ехал.

Тюрьма 71 уже имела ужасную репутацию среди заключённых. Я видел и слышал о распространявшихся в интернете видео, на которых, как утверждалось, показывали пытки там. И теперь моё имя было в списке на перевод. Момент хуже придумать было невозможно.

Мадина наконец прислала то, чего я ждал годами.

Мой адвокат пытался понять, как превратить это в доказательство.

Жалоба была подана.

Её мать протянула руку в тюремный мир.

Мне угрожали и меня окружили пятеро Ахи.

Я порезал собственную руку, лишь бы не стоять беспомощно в ожидании нападения.

Блатные вмешались.

Посольство было вовлечено.

Администрация тюрьмы знала, что я в опасности.

И именно в тот момент, когда все вокруг наконец поняли, что происходит — меня переводили туда, где никто ничего не знал. Я посмотрел на формирующийся шрам на руке, потом на телефон. Ну вот, опять, тюрьма 71.

Сто двадцать мужчин, спящих рядом со мной.

Ночью нет запертой двери.

Нет знакомых лиц.

Нет защиты, на которую можно рассчитывать.

А где-то за этими стенами находился оригинальный телефон со словами, которых я ждал годами. Я годами пытался заставить Мадину рассказать правду. Наконец она это сделала. И каким-то образом даже правда сумела сделать тюрьму ещё опаснее.

Глава 99: Чему не научили дома, тому научит мир

Как почти во всём, что я видел в Казахстане, стоило людям услышать о предстоящем переводе, как начались торги. Деньги, связи, услугии внезапно каждый кого-то знал. Некоторым заключённым повезло. Их имена исчезли из списка на перевод, и они остались, а моё — нет. Пока всё это происходило, за

тысячи километров оттуда, в Египте, развивалась другая история. Через общего знакомого, которому она доверяла, мою сестру познакомили с человеком, который якобы был очень, очень влиятельным в Казахстане.

Его звали Болат. Ещё один Болат. В Казахстане это чрезвычайно распространённое имя. Этот Болат якобы имел очень хорошие связи в министерстве. Богатый, успешный, влиятельный — человек, которому, казалось, незачем красть деньги у отчаявшейся семьи. И последняя часть была важна. За эти годы нам встречалось множество тех, кого я стал называть «решалами по делам». Люди приезжали ко мне в тюрьму и утверждали, что могут решить всё.

Они знали нужного прокурора, нужного судью, нужного полицейского начальника, ннужного человека в министерстве или нужного человека где-нибудь. Всегда кто-то находился и всегда была цена, обычно вымогательская. Предложение почти всегда было одинаковым: Дайте нам деньги и ждите. Вот и всё, просто доверьтесь нам.

Позже я узнал, что подобное уже произошло с моими сёстрами на раннем этапе моего дела. В отчаянии они передали большие суммы денег и были обмануты. Но отчаяние не учит переставать надеяться. Иногда оно заставляет надеяться ещё сильнее. Моя сестра дала родителям обещание:

«Что бы ни случилось, мы вернём Мохамеда домой».

Она носила это обещание с собой повсюду. И теперь думала, что наконец нашла кого-то другого. Его представил человек, которому она доверяла. Он был важным человеком, успешным и самое главное — уже богатым. Зачем богатому человеку её обманывать? Болат выслушал мою историю и посочувствовал.

Потом объяснил, как всё работает.

«Полиция Казахстана ничего не делает, если ей не заплатить. Печально, но так устроено». Затем он сказал ей не беспокоиться о моём переводе, он всё уладит. Он попросил крупную сумму денег. Поговорит с начальником полиции Алматы И поговорит с начальником тюрьмы.

И под словом «поговорит» подразумевалось совсем не просто поговорить. Он их посетит, деньги перейдут из рук в руки и обо всём позаботятся.

Мадина наконец предстанет перед правосудием. Мохамед будет в безопасности. Моя сестра ему поверила. К его чести или, возможно, просто потому, что для правдоподобия это было необходимо, часть обещанного он действительно выполнил.

Он связался с начальником тюрьмы. Затем сам приехал навестить меня. Я сидел напротив него и слушал, наблюдал и оценивал. Что-то было не так, ещё один мошенник, подумал я. Как только смог, я позвонил сестре.

«Не доверяй ему».

Пауза.

«Уже поздно, Мохамед».

У меня всё внутри упало.

«Я уже отдала ему большую сумму».

Она всё ещё в него верила.

«Просто будь терпелив и жди».

Будь терпелив и жди. Два слова, которые я слышал слишком много раз. Она отчаянно хотела, чтобы он оказался настоящим. Хотела верить, что наконец, после всех людей с обещаниями решений, появился человек с реальной властью. Почти три года спустя, когда я пишу эти строки, из тех обещаний не вышло ничего, абсолютно ничего. Деньги исчезли вместе с ним. Время от времени приходило сообщение о том, как ему неловко из-за ситуации.

Вот, в общем, и всё. Но тогда я ещё не знал, чем закончится эта история. В тот момент у меня была другая проблема. Моё имя всё ещё оставалось в списке на перевод.

30 сентября 2023 года. Внезапно я услышал своё имя по громкоговорителю. Обычно о переводе мы знали за несколько дней, но не в этот раз.

Это происходило прямо сейчас. Я поспешно собрал всё, что смог из вещей. У ворот были быстрые прощания. Потом я оглядел группу, которую переводили вместе со мной.

Около двадцати мужчин, среди них были и Ахи. Ну конечно, та самая группа, с которой у меня только что были проблемы. Прекрасно, ну вот, опять.

Сама дорога была почти смешной, всего пять минут и всё. Тюрьма 71 находилась практически по соседству с тюрьмой 99, рядом со 103-й. Пять минут — и ты в другом мире. Я считал тюрьму 99 старой и отвратительной пока не увидел 71. Она выглядела древней и разваливающейся. А карантин был залит канализацией из туалетов. Не грязной водой, не просто плохим запахом где-то в коридоре, а канализацией. От нас буквально ожидали, что мы будем завтракать, пока обувь мокнет в туалетной воде с человеческими отходами.

Я перестал есть. Логика была простой. Если не есть, возможно, не придётся пользоваться туалетом. Жаль только, что остальные не выбрали ту же стратегию.

Кровати были сломаны. В конце концов я снял матрас с одной из них, нашёл сухой угол пола и бросил его туда. Это стало моей кроватью. Два дня я спал на матрасе на полу в сухом углу карантинного блока, залитого канализацией, ожидая, когда нас наконец пустят в саму тюрьму. В конце концов некоторым мужчинам это надоело. Они начали зашивать себе рты-протест. Выпустите нас из карантина и пустите нас в тюрьму!

Я прибыл в тюрьму 71, ожидая нового противостояния с Ахи. Вместо этого произошло неожиданное. Они хорошо ко мне относились. На самом деле очень хорошо. За эти два дня мы начали разговаривать. Столкновение в

тюрьме 99 что-то изменило. Они увидели материалы и поняли, что то, что им изначально рассказывали обо мне и Мадине, было не всей историей и похоже, понимали, что ошиблись.

Один из них в конце концов спросил:

«Как ты вообще связался с такой женщиной?»

Я посмотрел на него. Умного ответа не было тогда и до сих пор нету. Даже сегодня я не знаю, как правильно ответить на этот вопрос. Я совершил самую большую ошибку в оценке человека за всю жизнь и всё ещё за это платил. Не смущением, не плохим разводом, не потерянными деньгами и полученным уроком, а годами своей жизни. У моего отца всегда была поговорка:

«Чему не научили дома у мамы и папы, завтра научит мир».

В детстве я слышал её бесчисленное количество раз. Как и большинство вещей, которые повторяют родители, слова слышишь, но не понимаешь их веса. Теперь я понял. Мир решил меня научить.

И какой же, блядь, урок он мне преподал.

Глава 100: Kaspi Express

Тюрьмы 99 и 71 были двумя совершенно разными мирами. В 99-й из-за камерной системы заключённым сходило с рук гораздо больше. Каждая камера становилась отдельной маленькой территорией. Обычно мужчины выбирали свою компанию, вместе заселялись в камеру и затем держались друг друга. Некоторые заключённые почти вообще не выходили из камер. Если камера оставалась без присмотра, кто-то из другой мог забежать и украсть всё, что попадалось под руку — несколько пачек сигарет, бритву, шампунь, вообще что угодно. Но настоящая жизнь в тюрьме 99 начиналась ночью.

В десять часов двери закрывались. Тогда появлялись телефоны, курили наркотики и пили алкоголь. Ссоры, начавшиеся днём, продолжались через стальные двери: мужчины кричали из камеры в камеру через коридоры. Странным образом к утру большая часть всего словно забывалась. В шесть утра двери открывались, все выходили, и жизнь продолжалась. Иногда можно было увидеть следы того, что происходило ночью.

Например, министр, я не могу назвать его, но внутри казахстанской тюрьмы этот человек был настолько близок к неприкасаемому, насколько вообще возможно. Чрезвычайно образованный, почти во всём, чем занимался, достигал выдающихся результатов. Золотые медали для Казахстана. Он жил среди элиты страны и видел жизнь на самом верху. И даже в тюрьме все понимали, что власть у него осталась. Охранники знали, заключённые знали что одним звонком нужному человеку он мог влиять на чью-то судьбу даже из-за тюремных стен. Иногда в шесть утра он выбегал из камеры в одних трусах, всё ещё пьяный после ночи.

Увидит охранника в коридоре и кричит:

«Я ВАС ВСЕХ ВЫЕБУ!»

А потом разворачивался и замечал меня у окна с сигаретой. Вся его личность мгновенно менялась. Появлялась улыбка и самым нелепо аристократичным акцентом:

«О, здравствуйте».

Вот такой была 99-я. Абсолютный хаос, смешанный с абсолютной иерархией. Заключённые даже сами установили внутренние засовы на многих дверях камер. Когда засов закрывался изнутри, даже охранники не могли просто открыть дверь. Задумайтесь на секунду, вы в тюрьме, государство заперло вас внутри, а затем заключённые устанавливают ещё один замок, чтобы не впускать государство. Это называется- добро пожаловать в Казахстан.

Но чтобы понять, как всё это работало, на минуту забудьте об официальных классификациях, записанных в законах Казахстана. Я говорю о том, кто на самом деле контролирует жизнь внутри стен. В тюрьме мы в основном понимали три разных мира.

Режим, самотёк (смешанный) и ход. Это не были официальные юридические названия учреждений, так мы понимали, как внутри них устроена власть. На одном краю был режим- красная система.

Администрация господствует над всем. Козлы — заключённые, сотрудничающие с администрацией, — обладают огромной властью над остальными. Такие названия, как Караганда и тюрьма 11, пугали людей. Мужчины, прошедшие через эти места, рассказывали истории, которые было тяжело слушать. По их словам, процесс ломки мог начинаться ещё в карантине. Избиения, голову окунают в вёдра с водой и постоянное унижение. Подъём в шесть, умыться, построиться, строем на завтрак, быстро поесть, затем строем обратно. Маршировать по двору, пока не распределят обязанности и потом работа. Убирать, ремонтировать и таскать. Летняя жара или Казахстанская зима это неважно. Цель, как её понимали заключённые, — постоянный контроль.

Никакого лежания на койке с книгой по психологии, никакого дневного сна и никакого сидения с друзьями за готовкой еды. Если поймают спящим не тогда, когда положено, по рассказам мужчин, вернувшихся из таких учреждений, последствия могли быть жестокими.

Выбитые зубы.

Сломанные носы.

Сломанные рёбра.

Сломанные лодыжки.

Я встречал мужчин, которые возвращались с того, что мы называли режимом. Некоторые выглядели как живые зомби. Тела вернулись, а разум, казалось, остался там.

А на противоположном краю был Ход. Такое слово мы тут использовали. В другой постсоветской тюремной терминологии эту концепцию часто называют чёрной системой. Ход означал, что почти всё внутри контролируют

заключённые. Охрана контролирует периметр, а внутри периметра повседневную жизнь определяют тюремная иерархия и правила заключённых. И если ты бывший Козёл, то Ход для тебя был кошмаром. Потому что вся власть, которой ты обладал, стоя за спиной администрации, исчезает, когда ты попадаешь туда, где контролируют именно те заключённые, которых ты годами надзирал.

А посередине находился третий вариант- смешанный. Это был некий баланс, у администрации была власть, у Козлов была власть и у Блатных была власть. У разных групп были свои отношения с властями, своя территория, договорённости и границы. Все примерно понимали, насколько далеко можно зайти, прежде чем кто-то даст отпор. И внезапно вся тюремная система стала для меня понятной.

Бандит становится слишком влиятельным? Хорошо, тогда режим. Отправьте его туда, где Козлы и администрация смогут ломать его каждый день годами.

Козёл слишком расслабился? Перестаёт слушать хозяев? Хорошо, отправьте его туда, где всё контролируют бандиты, и посмотрим, насколько хватит уверенности.

Умеешь балансировать где-то между? Отлично, остаёшься в смешанных условиях. А у конкретной разновидности смешанных условий, которую пережил я, было ещё одно прозвище- Kaspi Лагерь.

Потому что деньги могли изменить почти всё. Kaspi — электронная платёжная система Казахстана, и в тюрьме она стала частью шутки.

Хочешь условия получше? Kaspi.

Хочешь, чтобы на что-то закрыли глаза? Kaspi.

Хочешь, чтобы кто-то что-то принёс? Kaspi.

У разных групп были свои отношения с ментами. У разных камер — свои договорённости. Разные люди платили разным людям. Пополни Kaspi — и добро пожаловать на Kaspi Express. И это не всегда были наличные, спрятанные в матрасах. Даже прокуроры обнаруживали заключённых, которые использовали Kaspi-счета на собственное имя, входили через Face ID и делали мгновенные переводы. Цифровая эпоха добралась до казахстанских тюрем. Каждый раз, когда я менял камеру в тюрьме 99, в итоге мне приходилось покупать что-нибудь для ремонта. Новые раковины, унитазы, шкафы, краску, шпаклёвку и деревянную отделку. На четвёртом этаже мы даже оплатили установку водяных насосов вдоль главных коридоров, чтобы вода наконец нормально доходила до нас. Мы покупали холодильники, микроволновки, конвекционные печи и индукционные плиты. Мы были заключёнными, которые за собственные деньги ремонтировали государственное имущество, чтобы в нём стало возможно жить. А когда заканчивали, тюремная жизнь иногда становилась почти сюрреалистичной. Бывали моменты, когда она напоминала мне «Славных парней». Те тюремные сцены, где они готовят обед. Кто-то каким-то образом раздобыл

зубчик чеснока, у другого были макароны и сырое мясо каким-то образом протащили через блок свиданий. Кто-то резал, кто-то жарил, а кто-то спорил, как правильно приготовить мясо. Полчаса грязная казахстанская тюремная камера пахла чьей-то семейной кухней. Значительную часть еды мы готовили сами. По разговорам заключённых, если бы каждый заключённый действительно приходил на завтрак, обед и ужин каждый день, тюремная система обанкротилась бы за неделю. И заключённые это знали. Иногда, когда они боролись за лучшие условия или больше прав, они не отказывались от тюремной еды, а они делали наоборот. Все договаривались:

Ходить на каждый приём пищи. Завтрак, обед и ужин. Каждый заключённый, каждый день, будьте добры кормите нас. В конце концов давление нарастало, и администрация шла на переговоры. Только в тюрьме завтрак мог превратиться в форму забастовки. Тюрьма 71 была другой. Барачная система меняла всё.

Не было маленьких запертых королевств, где пять или десять мужчин могли исчезнуть за стальной дверью в десять вечера и делать что угодно. Здесь ты жил постоянно окружённый людьми. Десятками и десятками и все видели всё. После двух дней в карантине, залитом канализацией, меня наконец должны были пустить внутрь.

И кто-то меня ждал. Это был Данияр, Дани, мы уже знали друг друга по тюрьме 99. Он был богат и имел очень хорошие связи. Он рассказывал, что был осуждён за контрабанду в Казахстан грузовиков, полных золота. Семья очень хорошо обеспечивала его в тюрьме. В 99-й он даже открыл собственную куриную ферму в промышленной зоне. Умно, так он мог большую часть дня проводить вдали от жилой части тюрьмы. Но Дани также видел, что произошло со мной, когда я впервые попал в 99-ю. Он видел давление, требования денег, людей, которые мной управляли и пытался помочь. Он не предлагал никакого героического спасения, просто дал дружеский совет.

«Если станет совсем тяжело, можешь попросить изоляцию».

Вот и всё, одно предложение. Люди, контролировавшие меня, узнали. Они жестоко его избили и сломали ему нос. Вот сколько могло стоить желание кому-то помочь. И теперь он снова был здесь. Ждал меня в тюрьме 71.

Меня должны были отправить в барак 8. В Восьмой помещали многих VIP-заключённых. На бумаге для меня это звучало идеально. Дани сразу сказал обратное. Он уже там был и уже испытал на себе, что именно может означать быть богатым заключённым в Восьмом. Его избивали ради денег.

«Не ходи туда», — сказал он.

«Иди в Одиннадцатый. У нас там друзья».

У нас? Тогда я не понял, что он имеет в виду. О Дани было кое-что, чего я не знал в тюрьме 99. Дани был Ахи. А бараки 10 и 11 находились вместе, один над другим, за одними воротами. Это были бараки Ахи. Я почти должен был

оценить иронию. Меня только что перевели вместе примерно с двадцатью Ахи.

Всего несколькими днями раньше мужчины из той же группы угрожали мне. Пятеро из них меня окружили. Я ждал, когда меня ударят ножом. Я порезал собственную руку, чтобы показать: если они придут за мной, я готов.

Потом они увидели доказательства. Поняли, что произошло на самом деле. И теперь, уже в следующей тюрьме, Ахи, которого я знал несколько лет, стоял передо мной и предлагал защитить от VIP-барака, куда меня изначально определили. Тюремные союзы менялись быстро. Иногда вчерашний враг завтра становился тем, кто тебя защищает. Иногда человек, улыбающийся, пока защищает тебя, уже подсчитывал, сколько ты стоишь. Друзья, не друзья. Слова Слона снова вернулись ко мне.

Я посмотрел в сторону восьмого барака, потом на Дани.

«Идём», — сказал он.

Я поднял вещи. Новая тюрьма. Новые правила. Новая иерархия.

Я всё ещё не знал, что именно ждёт меня за этими воротами. Но к этому времени узнал достаточно, чтобы понимать одно. В казахстанских тюрьмах табличка над дверью не говорит, кто контролирует то, что находится за ней. Нужно войти внутрь и узнать.

И я последовал за Данияром в Одиннадцатый.

Глава 101: Большой брат здесь

Когда я вошёл в барак 11, меня встретил крепко сложенный мужчина и сразу обнял. Это был Си. Разумеется, его настоящее имя я использовать не буду. Данияр перехватил меня до того, как меня успели отправить в барак 8, и по выражению его лица было видно, что он довольно горд собой, доставив свою находку прямо Си. Прежде чем продолжить, нужно понять, как вообще выглядел один из таких бараков, потому что он совсем не походил на камерную систему тюрьмы 99, оставшуюся позади. Главный зал был заполнен металлическими двухъярусными кроватями, стоявшими рядом. Примерно через каждые четыре койки была небольшая перегородка — ровно настолько, чтобы создать иллюзию собственного уголка. В маленьких тумбочках лежало то, что заключённый считал важным: зубная щётка, книга, маленькая банка кофе или креатина, носки — всё, что удалось накопить и что хотелось держать рядом. В конце спального зала был короткий коридор.

Там находилась маленькая кухня, хотя кухней её можно было назвать лишь условно. Готовить там по-настоящему не полагалось. Это было место, где можно выпить чай и разогреть еду из холодильников или морозильников. Обычно стояло четыре-пять холодильников и морозильников, пара микроволновок, большой бойлер, постоянно выдававший горячую воду для чая и кофе, и четыре-пять столов с табуретками. Дальше шла телевизионная комната.

Один телевизор и скамейки перед ним, как в миниатюрном кинотеатре. Потом умывальная: несколько раковин, маленькие зеркала и один душ. И был небольшой внутренний туалет. Для большинства из нас он был только для того, чтобы пописать, если, конечно, ты не смотрящий.

Смотрящий был человеком на вершине неформальной иерархии конкретного барака- главным. Тем, через кого проходило всё важное. Споры, решения, дисциплина, отношения с другими группами — всё происходившее на его территории рано или поздно доходило до него. В бараке 11 это был Си. Иерархию можно было увидеть даже по расположению кроватей. Смотрящий спал в левом дальнем углу барака. Над ним никто не спал. Его люди размещались вокруг, их называют уделом или же приделованными. У него ещё была и отдельная комната или как тут называют, будан, ещё одна необычная привилегия. Он был единственным, кому разрешалось пользоваться внутренним туалетом по-большому. Все остальные должны были идти вниз и на улицу, даже посреди казахстанской зимы. Уличные туалеты практически не давали никакой приватности. Ты сидел на корточках рядом с другими мужчинами у всех на виду, это прям кинотеатр под открытым небом. Можно было сидеть там, замерзая, и наблюдать, как остальные животные зоопарка испражняются в естественной среде. Похоже, даже поход в туалет имел своё место в тюремной иерархии.

Си провёл нас в свою отдельную комнату, будан. Естественно, она была отремонтирована. Чай, кофе, соки, еда и сладости уже ждало нас там. Обычные признаки того, что ты попал в ту часть тюрьмы, где живёт кто-то важный. Дани представил меня почти так, будто привёл домой ценное приобретение. Человека, как он объяснил, который может принести их сообществу много пользы. Я слушал, к тому времени я давно тренировался и физически я уже не был тем робким человеком, который впервые вошёл в эту систему. Голова была выбрита наголо, на лбу оставались шрамы и порез на руке после случившегося в 99-й ещё даже не зажил. Ведь всего неделю назад я готовился к тому, что меня ударят ножом. Я проявлял к Си уважение, но страха он не почувствовал, так как его у меня почти не осталось. Потом начали проявляться связи. Си знал банду, которая держала меня фактически в плену, когда я впервые прибыл в тюрьму 99 и знал их очень хорошо, потому что, по его словам, когда-то сам был одним из них. Более того, по его рассказу, фактически был их лидером до того, как пришёл к религии. Теперь он был одним из лидеров Ахи. Я внимательно слушал его.

Я объяснил, что совершенно не против жить вместе с братьями-мусульманами, так как и я сам мусульманин. Я молюсь, держу пост и вера стала одной из вещей, которые удерживали меня целым после всего произошедшего. Но присягать кому-либо я не собирался. Они использовали религиозную терминологию, обсуждая веру и лояльность, и слово «таухид» я слышал постоянно, но для меня всё было намного проще. Я поклонялся Аллаху и не вступал в тюремную банду. Я также сказал Си то, что уже

заметил. Бандиты тоже молились, они постились и некоторые прекрасно знали религию. Поэтому, сравнивая поведение некоторых Ахи и Блатных, я иногда с трудом видел большую разницу.

Избить кого-то.

Унизить кого-то.

Вымогать деньги.

Контролировать людей.

А затем добавить в разговор несколько лишних «альхамдулиллях» и «машаллах». От этого поведение внезапно не становилось исламским. По тому, что я видел в этих тюрьмах, Ахи также могли давать чувство принадлежности заключённым, которым некуда было идти в традиционной криминальной иерархии. Это насильникам, педофилам и наркоторговцам — барыгам, как их называли в тюремном сленге. Определённые приговоры означали, что человека никогда не примут в традиционной бандитской иерархии. Но среди Ахи я видел, как мужчины находили другой путь. Раскайся, учись, молись и следуй за нами. Это дьявол сбил тебя с пути, прежняя жизнь осталась позади. И внезапно человек, находившийся на самом дне тюремного общества, снова получал сообщество. Некоторые действительно менялись. Я встречал в тюрьме искренних мусульман и никогда не стал бы ставить каждого религиозного заключённого в одну категорию. Но я также видел, как религию использовали как инструмент контроля. Найди слабого, дай ему место, где он будет своим, научи его, повлияй на него и постепенно можно убедить его делать то, о чём в одиночку он, возможно, никогда бы не подумал. Поэтому встреченных мной Ахи я не воспринимал просто как религиозную группу. Для меня они действовали гораздо больше как тюремная банда, овладевшая религией как языком организации и это могло стать чрезвычайно опасным.

Казахстан уже переживал насильственные побеги из тюрем с участием заключённых, которых власти называли религиозными экстремистами. Существует даже казахстанский фильм «Шестой пост», основанный на печально известном побеге из тюрьмы Актау в 2010 году. Возможность радикализации не была теорией. КНБ это знал и они внимательно следили за этим миром. Однако пока, казалось, сохранялся баланс. Ахи взаимодействовали с администрацией в пределах, приемлемых для обеих сторон.

Но тюремный баланс хрупок и кто-то только что изменил уравнение. Большое количество заключённых переводили. Новые тюрьмы, новые бараки, а старые лояльности переносились в среду, где уже существовали совершенно другие иерархии. Что происходит, когда большие группы заключённых переводят в новую тюрьму, они приносят с собой прежние союзы, а от всех просто ждут, что они уживутся? Мы вот-вот должны были узнать. Начиная с сентября напряжение продолжало расти.

Ахи пытались превратить тюрьму 71 в лагерь, который контролировали бы они. Блатные мириться с этим не собирались. Начались драки, одно столкновение и потом другое. Сентябрь стал октябрём, октябрь — ноябрём и к тому времени я понял кое-что важное. Тюрьма 71 была намного серьёзнее 99-й. Казалось, почти каждый был вооружён. Небольшие топорики, ножи и короткие металлические прутья. Оружие прятали под одеждой, возле кроватей — везде, где удавалось спрятать. Люди уже не просто готовились к тому, что что-то может произойти. Все будто знали: рано или поздно произойдёт. И наступила та холодная туманная ноябрьская ночь. Я как обычно спал и примерно в одиннадцать или полночь Дани внезапно оказался перед моим лицом.

«Просыпайся!» Я открыл глаза.

«Всё началось».

Я встал и услышал как снаружи донёсся мощный скандирующий крик. Не один мужчина, а целая толпа кричали:

Аллаху Акбар! Снова. Аллаху Акбар!

Ахи двигались так, словно вступали в какую-то религиозную войну против других мусульман. До сих пор я не могу понять абсурдность такого мышления. Мусульмане объявляют религиозную войну мусульманам. Мужчины обмотали лица футболками, капюшоны натянуты и все одеты в чёрное. Через несколько минут началась резня ножами. Потом стали исчезать камеры. Заключённые обнаружили, что пластиковые стаканчики от йогурта или сметаны идеально надеваются на камеры видеонаблюдения. Одну за другой камеры закрывали и как результат завыли сирены.

Казалось, вся тюрьма взорвалась одновременно. Но Национальная гвардия ещё не прибыла. До её прибытия там были только обычные сотрудники тюрьмы, дежурившие этой ночью. Может быть, пятьдесят человек. Против тюремной толпы примерно в тысячу. И здесь я должен отдать должное там, где оно заслужено. Это были те же охранники, с которыми мы имели дело каждый день. Те же мерзкие мужики, постоянно выпрашивавшие у заключённых сигареты, напитки и услуги. Та же форма, которую я привык связывать с коррупцией, требованиями и повседневной тюремной хернёй. Я не любил этих людей и к большинству испытывал очень мало уважения, но той ночью увидел другую их сторону. Они не просто заперлись в безопасном месте, ожидая, пока заключённые закончат убивать друг друга, а они пошли прям в центр этой мясорубки.

Я видел, как мужчины, которых месяцами считал не более чем коррумпированными чиновниками, рисковали собственной безопасностью, бежали к столкновениям вооружённых заключённых и пытались максимально удержать ситуацию под тем контролем, который вообще могли обеспечить пятьдесят человек в тюрьме с тысячей заключённых. Остановить всё они не могли и никто не мог этого от них ожидать. Но они сдерживали ситуацию как могли, пока ждали подкрепления.

Что бы эти мужчины ни делали до той ночи, чего бы ни требовали от заключённых и что бы ни делали потом, я обязан признать то, что видел собственными глазами. Той ночью они выполняли свою работу. А затем раздался звук, который я никогда не забуду. Огонь из полуавтоматических винтовок.

Не один выстрел, даже не несколько отдельных выстрелов. Они шли один за другим — быстро, резко — где-то за стенами тюрьмы.

Тр-ах. Тр-ах. Тр-ах. Тр-ах. Тр-ах.

Звук напоминал тяжёлые капли дождя, падающие одна за другой, только каждая капля была безошибочно узнаваемым треском винтовки. Казалось, выстрелы рассыпались в холодном туманном ночном воздухе и исчезали где-то за пределами видимости. Почему-то этот звук остался в памяти яснее почти всего остального той ночи. Туман, сирены, мужчины, бегущие по тюрьме с закрытыми лицами и винтовки, стреляющие в темноту как капли дождя. Это были предупредительные выстрелы со стороны расположенных рядом военных казарм. Национальную гвардию развернули и все понимали, что это значит- они идут.

И они пришли, национальная гвардия ворвалась через ворота. В масках и шлемах с полным снаряжением для подавления беспорядков. Они двигались очень быстро. Примерно через тридцать минут после их прибытия всё закончилось.

Тридцать минут и 71-ый лагерь был под контролем. Все знали, что будет дальше. Мужчины вернулись к койкам, оружие исчезло, лица открылись, военные религиозные крики прекратились и люди внезапно вспомнили, что они снова заключённые.

Когда Национальная гвардия вошла в бараки, все легли лицом в пол и руками за спиной. Местные тюремные охранники шли вместе с ними и эти охранники точно знали, кого искать. Они были там, они всё видели и знали главных провокаторов.

Одного за другим:

Ты, вставай! Ты, вставай!

Ещё один и ещё один.

Их выводили и отправляли в СУС.

Полная изоляция.

На следующие несколько недель тюрьма 71 полностью изменилась, режим и свобода исчезла. Тюрьма показала администрации, что может произойти, если баланс слишком сильно сместится. Теперь администрация напоминала всем, кому в конечном счёте принадлежат стены. Но почти сразу по тюрьме начала распространяться другая история. Сначала тихо, прям шёпотом- кто-то идёт.

Не просто очередной заключённый. Человек, чья репутация уже была известна по всей тюремной системе Казахстана. Ростом почти два метра десять и сплошные мышцы. По историям среди заключённых, он прошёл

через всё. Режим, изоляцию и худшие условия, которым тюремная система могла подвергнуть человека. Мне даже говорили, что несколько лет он провёл в подземной тюрьме. Правдивы ли были все истории о нём, я никак не мог знать, да мне и не требовалось. Реакция заключённых говорила о его репутации сама за себя. Его боялись и теперь ходили слухи, что его возвращают в тюрьму 71.

Зачем? По словам всех вокруг, ответ был прост. Чтобы взять тюрьму под контроль. Около одиннадцати часов следующей ночью, внезапно люди начали двигаться к окнам.

«Он здесь».

Другой голос.

«Он здесь».

И ещё один.

«Он здесь».

Я встал и присоединился к ним. Главный двор был покрыт туманом. Несколько мгновений — ничего. А потом из тумана появилась фигура. Даже из окна его размеры невозможно было не заметить. Почти два метра десять, огромный, мощно сложенный мужчина шёл через главный двор сквозь туман. Все смотрели.

Теперь никто не кричал. Никто не скандировал. Никаких угроз между Блатными и Ахи. Только все заключённые молча смотрели из окон. Он пересёк двор и исчез в направлении пятого локального участка, где находились бараки Восемь и Девять.

Накануне тюрьма 71 взорвалась, мужчины резали друг друга, камеры закрывали и сирены выли. Обычные тюремные охранники — те же, кого мы каждый день проклинали, — рисковали собой, пытаясь удержать ситуацию, пока не прибыло подкрепление. Затем раздался тот незабываемый звук полуавтоматических винтовок, рассыпающийся в туманной ночи словно дождевые капли. Национальная гвардия ворвалась через ворота, через тридцать минут тюрьма была под контролем, а главные провокаторы теперь сидели в изоляции. Тюрьма 71 находилась на режиме. А теперь через тот же туман через двор прошло ещё одно послание. Кто-то рядом тихо сказал:

«Большой брат здесь».

Я продолжал смотреть в окно ещё долго после того, как он исчез. Послание уже расходилось по баракам. Драка закончилась. По крайней мере пока.

Большой брат пришёл править.

Глава 102: Человек с кнутом для лошадей

После бунта администрация тюрьмы всё яснее показывала свою позицию. Им не нравилось иметь дело с Ахи. По всему, что я видел, они считали их непредсказуемыми, идеологизированными и трудными для контроля. Блатные были другими, администрация понимала их, а они

понимали администрацию. Все понимали валюту. Стабильная тюрьма означала деньги. Тихая тюрьма означала, что никому не надо слишком много работать. И если к тому времени я и усвоил что-то о тюремной системе, то вот что: администрация любила деньги почти так же сильно, как любила не работать.

Поэтому баланс сил начал меняться. Самых сильных бойцов Ахи разделили. Мужчин переводили в другие тюрьмы. Их силовую базу разбирали по частям.

А на вершине нового порядка сидел тот огромный мужчина, которого я видел идущим сквозь туман- Большой брат. Я начал замечать его по тюрьме. Иногда видел, как он входил или выходил из Номера 12.

Номер 12 был блоком тюремных сотрудников. Уже одно это кое-что говорило. И однажды его огромная голова появилась в окне барака 8. Он позвал Джаффу.

Джаффа фактически стал оставшимся лидером Ахи. Он был сильным и хорошо сложенным, но невысоким. Рядом с Большим братом сравнивать их было бы бессмысленно.

Большой брат передал ему сообщение.

«Передай всему бараку: до вечера они переезжают в Третий».

Вот и всё, никаких переговоров, никакого заседания комитета и никаких обсуждений, где кто хочет жить.

К вечеру произошло нечто ещё более интересное. Охранники исчезли, ворота были открыты и оставшиеся Ахи, теперь менее уверенные, чем до бунта, начали переносить вещи в барак 3. Пришёл крупный бандит контролировать процесс.

Я знал его по 99-й. Он увидел меня.

«Эй, pilotos!»

Потом улыбнулся.

«Брат, ты можешь остаться».

Я мог остаться, но Дани посмотрел на меня.

«Не оставляй меня одного в этом бардаке».

Он сказал это тихо. Я был обязан Дани. Это был человек, который попытался помочь мне в 99-й и получил за это сломанный нос. Не все долги измеряются деньгами.

«Не переживай, — сказал я. — Я перееду с тобой».

И мы отправились в Третий. Как только вошёл, я понял, куда нас отправили. Третий был помойкой. Здесь жили мужчины без поддержки семьи, без денег и без Kaspi. Разница была видна сразу. И вот мы снова начали ремонтировать казахстанскую тюрьму на деньги наших семей. Совсем недавно мы с Дани потратили около 700 000 тенге, чтобы залить свежим цементом шестой локальный участок, где находились 10 и 11 бараки. Мы организовали въезд грузовика, который всё залил. И теперь мы снова здесь.

Новый барак и та же история: почини это, купи то, исправь это и замени то. В этой системе было что-то прекрасно абсурдное.

Заприте нас, а затем заставьте наши семьи платить, чтобы тюрьма стала пригодна для человеческой жизни. Снова добро пожаловать на Kaspi Express. Но физическое состояние Третьего было не главной проблемой. Иерархия Ахи была разбита. Самые сильные мужчины исчезли, а оставшиеся были членами более низкого уровня и дрались между собой за статус и власть.

Каждый хотел уважения, но на самом деле его не было почти ни у кого. И постепенно всё превратилось в каждый сам за себя. Именно здесь я начал слышать самые абсурдные религиозные споры за всё время в тюрьме. Некоторые из более радикальных мужчин хотели запретить телевизор. Не порнографию, не жестокие фильмы, а просто смотреть телевизор уже нельзя. Даже новости или прогноз погоды. Почему? Потому что, по их мнению, прогнозирование погоды — харам, оно предсказывает будущее.

Я не смог удержаться и попытался объяснить метеорологию. Возможно, это и было моей ошибкой. Как пилот, я не считал погоду мистикой. Поколениями люди учились наблюдать закономерности: направление ветра, температуру, влажность, точку росы, давление и бесчисленное множество других факторов. Соберите эти наблюдения вместе — и сможете рассчитать вероятность развития определённых погодных условий.

Ты не заявляешь знание сокрытого. Ты оцениваешь вероятность на основании информации. Я попробовал ещё более простой пример.

«Если ты ребёнок и выпьешь кипяток, обожжёшь рот, что произойдёт в следующий раз, когда тебе дадут такой же горячий чай?»

Ты уже знаешь, что с очень высокой вероятностью снова обожжёшь губы и язык. Это не предсказание сокрытого, а это обучение на опыте. Похоже, это объяснение моему делу не помогло.

«Шайтан, дьявол!»

Теперь я шёл против воли Аллаха. Для меня это показывало опасность того, что психически нестабильных, плохо образованных заключённых подвергают тяжёлой идеологической обработке. Проблема была не в религии, а проблема была в невежестве, соединённом с абсолютной уверенностью. И мне это надоело. Потом появилось ещё одно знакомое лицо- Эрик.

Увидев его, я сразу приободрился. Эрик руководил швейным отделением возле клуба, где я преподавал английский. Он был моложе меня, и я стал относиться к нему почти как к младшему брату. Спортсмен, отличный боксёр, сухой, быстрый и ловкий. Он попал в тюремную систему всего в девятнадцать лет. К моменту встречи с Большим братом ему было около двадцати восьми.

Девять лет внутри системы и он понимал этот мир. Эрик также раньше сидел в одной тюрьме с Большим братом, и они сблизились. Было ещё кое-что, что Эрик принёс в тюрьму- моду. Тюремная форма должна была

выглядеть уныло. Эрик, похоже, воспринял это как личный вызов. Он находил отличные материалы и шил одежду, которая выглядела почти дизайнерской — хороший крой, правильная посадка, серая или чёрная ткань и, конечно, обязательная светоотражающая полоса, превращавшая вашу дизайнерскую тюремную коллекцию обратно в официально допустимую одежду осуждённого. У Большого брата, вероятно, был лучший тюремный гардероб благодаря Эрику. Эрик пришёл ко мне в Третий. Огляделся и потом посмотрел на меня.

«Что ты здесь делаешь, Ахи?»

Он засмеялся.

«Не называй меня так, брат. Эти люди сумасшедшие».

Эрик точно понял, о чём я. Когда-то он сам был частью этого мира. Эрик принял ислам и оставался практикующим мусульманином, но больше не действовал как часть их тюремной банды. Теперь он сидел с Блатными.

«Переходи в нашу семью».

Потом он сообщил ещё одну новость. Наш друг-министр скоро приедет из 99-й. Да, тот самый министр. Тот самый человек, который в шесть утра выходил из камеры в трусах, пьяный, орал на охранников, а потом поворачивался ко мне и своим великолепно образованным акцентом говорил:

«О, здравствуйте».

Он ехал в 71-ю и присоединится к семье Большого брата. Я всегда искренне хорошо к нему относился. Я мог часами слушать его истории. На мой взгляд, они были настоящими, потому что он действительно жил на тех уровнях общества, о которых большинство только читает.

Он видел всё, он также был отличным боксёром и находился в удивительной форме для своего возраста. Эрик тренировал его три раза в неделю. А я тем временем сидел в бараке 3 и спорил с психопатами о том, делает ли меня плохим мусульманином чтение английской книги вместо непрерывного чтения Корана.

С меня хватит, пора было переезжать. Я пошёл познакомиться с Большим братом как следует и он оказался не таким, как я ожидал.

Огромный монстр, которого я видел идущим через туман, оказался удивительно спокойным. Он был образован, учился в Пекине и больше всего меня поразило его дипломатическое чутьё.

Он умел слушать. Ему не нужно было кричать и не нужно было каждые пять минут доказывать, насколько он опасен. Все и так это знали.

Физически он был боевой машиной, но меня больше интересовал его ум. Он был чрезвычайно расчётлив. Годы внутри тюремной системы, похоже, научили его одному особенно ценному навыку: никогда не показывать людям, о чём ты думаешь.

Эмоции были под контролем. Лицо почти ничего не выдавало. Это сочетание делало его намного страшнее человека, который постоянно кричит

и всем угрожает. Я решил переехать, но когда я выходил из барака 3, вслед раздавались голоса.

«Не прибегай назад, когда они тебя изобьют!»

Я продолжал идти. Когда вошёл в Девятый, меня приняли удивительно хорошо. Даже слишком хорошо и мои тюремные инстинкты сразу заговорили.

Это ловушка? Я уже знал, что происходит, когда люди чрезмерно дружелюбны. Но пока всё было хорошо. И на самом деле переезд туда оказался одним из лучших решений, которые я принял в тюрьме. Большой брат был удивительно цивилизованным. Да, он требовал стандартов. Безусловно, но была проблема, мне нравились его стандарты.

Чистота, порядок, дисциплина и никакого лишнего хаоса. Место было удивительно чистым, и начинался серьёзный ремонт. Под его влиянием я видел, как части тюрьмы 71 преображались. По сравнению с тем, что я видел в других местах, они вытаскивали её к чему-то, напоминающему 2024 год. И стало происходить кое-что ещё. Начали прибывать высокопоставленные заключённые.

Министры, акимы и чрезвычайно богатые бизнесмены. По моим наблюдениям, у администрации теперь был человек, способный поддерживать порядок вокруг мужчин, чьё присутствие иначе могло создать огромные сложности. И Большой брат понимал то, чего многие в тюрьме не понимали- не со всеми нужно обращаться одинаково. Он умел говорить с разными людьми на их уровне. Министр был министром. Бизнесмен — бизнесменом. Бандит — бандитом. Напуганный молодой заключённый — совсем другое. Казалось, он мгновенно считывал людей. Постепенно я начал понимать, откуда взялась его репутация.

Дело было не только в размере, не только в способности драться, а дело было в контроле. Никто из встреченных мной не умел контролировать среду так, как этот человек. Но не будем его романтизировать. Потому что когда кто-то серьёзно нарушал его правила, появлялась другая сторона. Большому брату обычно не требовалось бить людей кулаками. Он разработал свою систему. Когда я впервые увидел, что он использовал, то сразу узнал этот предмет.

Кнут для лошади. Короткий стек, которым жокей подгоняет скаковую лошадь. Вот это и было инструментом Большого брата. И, возможно, худшим была даже не боль, а унижение. Взрослому мужчине приказывают лечь иными словами заставляют лежать.

А потом — Хлёст. Тело напрягается.

Снова. Хлёст.

Снова. Пока не начинаются крики.

Потом вопли.

Мужчины, считавшие себя крутыми, узнавали, сколько ударов способны выдержать, прежде чем гордость исчезнет и они начнут умолять прекратить.

Я раньше жил среди бандитов. Видел кулаки, ноги, металлические прутья и видел мужчин, избитых до крови. Но Большой брат понимал нечто другое. Для страха не всегда нужна больница. Иногда унижение распространяется по тюрьме быстрее насилия.

Ты слышал крики, знаешь, что они означают и утром никому уже не надо было снова объяснять правила. Ахи попытались взять тюрьму 71 под контроль численностью, идеологией и силой. Это у них не получилось. Их самых сильных бойцов рассеяли, а остальных вытеснили в Третий.

Администрация получила нужную ей стабильность. Блатные получили понятный им тюремный порядок. А на вершине всего сидел огромный мужчина, которого я впервые увидел молча появившимся из ноябрьского тумана. К тому времени уже никто не должен был шептать:

«Большой брат здесь».

Все знали. И все стояли в строю.

Глава 103: Kaspi Express — полный ход вперёд

У Большого брата была ещё одна сторона, которой я не ожидал, когда впервые увидел ту огромную фигуру, идущую сквозь туман. Большой брат был справедлив. Не путайте с мягкостью, это большая разница. У него был удивительный талант смотреть на людей и понимать, где им естественно быть. Если ты подходил к нему и просил должность или ответственность, он оценивал тебя. Если считал способным, чаще всего давал шанс.

Была только одна проблема. Запорешь — твоя задница под ударом, буквально. Одна серьёзная ошибка — и время кнута. Слухи о системе, которую Большой брат создавал в 71-й, начали расходиться по другим тюрьмам. У бандитов в других местах были серьёзные вопросы к некоторым его правилам, но внутри этих стен никто не вмешивался в установленные им законы. Наша собственная тюремная семья тоже действовала довольно справедливо.

Все вносили вклад, мы тренировались вместе, все были в форме и все хорошо ели. Мы складывали деньги и покупали огромные объёмы сырого мяса и свежих продуктов, и благодаря загадочному влиянию Большого брата всё это каким-то образом попадало в большие морозильные камеры тюремной столовой. Но с этой столовой у меня была проблема, причем очень серьёзная. В казахстанских тюрьмах, которые я видел, работа на кухне обычно ассоциировалась с заключёнными самого нижнего уровня неформальной иерархии, в том числе осуждёнными за педофилию. И, откровенно говоря, некоторые мужчины, которых я там видел, обладали худшей личной гигиеной, какую можно представить.

От них элементарно воняло и они были грязными. И именно эти люди готовили еду, которую от нас ожидали есть. Некоторое время именно так и происходило. Потом я решил что с меня хватит. До тюрьмы я любил готовить, это меня расслабляло и у меня хорошо получалось.

Я смотрел все кулинарные программы, какие мог найти. Гордон Рамзи, Марко Пьер Уайт, Вольфганг Пак и смотрел их постоянно. Во время путешествий даже ходил на кулинарные занятия. Дома кухня принадлежала мне. Мадина и София обожали мою еду. Когда я приезжал к семье, они ждали, что я приготовлю. Даже Рождество становилось поводом готовить. Мы никогда официально не отмечали Рождество как религиозный праздник, но жизнь в Британии означала, что каждый супермаркет внезапно наполнялся индейкой, начинкой, брюссельской капустой, морковью, репой, подливкой и всем необходимым для огромного жаркого. И я был абсолютным хозяином этого блюда. Моя младшая сестра сходила с ума в Marks & Spencer, покупая всё подряд. Мы с её мужем надевали красные футболки Санта-Клауса, а остальные — зелёные футболки помощников Санты.

Потом я захватывал кухню. Эти воспоминания принадлежали другой жизни. Семья вокруг меня. София наслаждается едой, которую я приготовил. Все ждут, что следующим выйдет из кухни. А теперь я стоял в казахстанской тюрьме и смотрел, как грязные мужчины готовят еду. Нужно было что-то менять и я пошёл к Большому брату.

«Мне не нравится, как эти ребята следят за гигиеной. Мы едим эту еду. Такое небрежное отношение к работе на кухне должно закончиться».

Он слушал.

«Посмотри на внешний мир. Многие величайшие повара мира — мужчины. Они получают огромные зарплаты. Телевидение полно кулинарных программ, которые смотрят миллионы. Готовка — не какая-то унизительная работа».

Потом я сделал предложение.

«Пусти меня туда. Дай мне перестроить кухню столовой и научить их, как должна готовиться наша еда».

В этом было одно из преимуществ работы с Большим братом. Никакого комитета, никаких бесконечных собраний и никаких месяцев бумажной волокиты. Он принимал решение и всё делалось. По всей тюрьме сделали объявление. Работа на кухне больше не считалась грязной и позорной. Если действительно любишь готовить и знаешь, что делаешь — выходи вперёд.

Был и другой стимул. Зарплата по тюремным меркам была чрезвычайно привлекательной. Около 200 долларов в месяц. И внезапно мы кое-что обнаружили, тюрьма была полна мужчин, которые любили готовить. Люди начали добровольно приходить. Хорошие повара, мужчины, которые действительно гордились едой.

И почти сразу всё начало меняться. Не только наши частные блюда. Даже обычная тюремная еда, которую ежедневно подавали заключённым, стала улучшаться. Через месяц кухня была безупречно чистой. Установили душ, чтобы люди, готовившие еду, могли нормально соблюдать гигиену. Полы мыли как следует и рабочие поверхности были чистыми. Посуду мыли с моющим средством. И как результат, ни одной мухи, никакой грязи вокруг и

никакого отвратительного запаха. А когда я оказался у руля, начало меняться и меню. Запечённая курица с печёным картофелем, курица с копчёной паприкой, том-ям, жареная говядина с устричным соусом и утка терияки. Настоящая вкусная еда.

Блюда, которые приходили в наш барак, стали знамениты на всю тюрьму. Люди обсуждали, что мы едим. Семьям постепенно нужно было передавать всё меньше еды. Даже администрация тюрьмы была довольна.

А почему бы нет? Кухня блестела, жалобы исчезли, людей кормили лучше и никому из администрации не пришлось делать никакой работы- просто идеально. Тем временем остальная тюрьма менялась вокруг нас. Системы вентиляции в бараках ремонтировали. Устанавливали потолочные вентиляторы. В кинозалах начали появляться огромные телевизоры — около ста дюймов. Делали новые скамейки с поверхностями, которые можно было нормально протирать и мыть. Старое здание превратили в настоящий спортзал с современным оборудованием. Потом начала улучшаться промышленная зона. И тогда мне пришла ещё одна идея. Я снова подошёл к Большому брату.

«Можешь дать мне кухню в промышленной зоне? Я хочу открыть ресторан».

Он посмотрел на меня.

«Что будешь готовить?»

«Что угодно».

Он немного подумал.

«А донер-кебабы?»

«Легко».

Решение принято и теперь у меня был ресторан. На следующий день я начал покупать оборудование. Тостеры, грили для донера, печи, фритюрницы, электрические ножи для нарезки, большие холодильники и морозильники. Потом начал связываться с поставщиками. И решение у меня уже было.

Если мы это делаем, будем покупать лучшие ингредиенты, какие смогу найти. С меня хватило тюремного мышления: Они заключённые и пусть едят дерьмо. Почему?

У этих мужчин были деньги. Их семьи и так ходили по магазинам снаружи, покупали продукты, а потом мучились, организуя доставку в тюрьму. Почему не упростить всё? Свежие продукты доставляются сюда. Горячая еда готовится на месте. И если уж готовим — готовим качественные и вкусные донеры и бургеры. Хорошее мясо, хорошие булочки, хорошие ингредиенты, а главное свежие. Горячие, приготовленные прямо здесь. Потом пришла первая дегустация Большого брата. Он откусил, я внимательно наблюдал и вдруг эта гора человека бросилась ко мне. На лице огромная улыбка, как у Чеширского кота.

Он сграбастал меня в свои огромные объятия, пожал руку и не переставал улыбаться. Чёрт, вся тюрьма была в восторге. И снова я понял один из величайших талантов Большого брата. Он умел дать правильную возможность правильному человеку.

Вскоре полноценно работающие кулинарии, как их все называли по-русски, обеспечивали значительную часть пищевых потребностей тюрьмы. И тут всё стало смешным. Курица по-южному во фритюре, пицца, самса в тандыре, целый запечённый барашек, плов, лагман с лапшой ручной работы, запечённая курица, донеры и бургеры. Назовите что угодно — кто-нибудь это готовил.

И часть этой еды была не хуже, а иногда и лучше, чем то, что можно купить на свободе. Kaspi Express шёл на полном ходу. Семьи отправляли меньше еды, а заключённые ели лучше. Охрана и администрация были в раю, так как и они получали эту вкусную еду и днём и ночью, при чём бесплатно. И годы спустя, когда я прочитал, что следователи и журналисты раскрыли об учреждении 57, часть того, что казалось странным внутренним тюремным миром, внезапно появилась чёрным по белому за стенами. Позже Orda.kz сообщала о денежных переводах, заключённых с доступом к огромным суммам, дорогой еде, поступавшей в учреждения, и сотрудниках тюрьмы, обвинённых в содействии привилегиям и получении платежей. В конечном итоге расследование передали Департаменту КНБ по Алматинской области. Но пока мы готовили, ремонтировали и наблюдали, как тюрьма 71 меняется вокруг нас, за кулисами начиналось нечто намного более серьёзное. Саму администрацию вскоре должно было потрясти. Начальником тюрьмы в то время был Пётр Писарев. И здесь мне уже не нужно опираться только на воспоминания изнутри тюрьмы.

Теперь существует судебный приговор. 7 марта 2024 года Писарева задержали по подозрению в получении взятки. Позже Orda подробно изучила приговор. По её данным, Писарев проработал в учреждении 57 чуть больше двух лет: сначала заместителем начальника по режимной и оперативной работе, затем начальником учреждения. Уголовное дело касалось взяток, которые, как утверждалось, получались в 2022 и 2023 годах. И в этих публикациях есть одна деталь, которая теперь сразу бросается мне в глаза-кулинарный цех. Orda сообщала, что один из эпизодов уголовного дела Писарева касался заключённого, работавшего в кулинарном цехе промышленной зоны тюрьмы. Согласно описанному Orda приговору, Писарев и его заместитель по режимной и оперативной работе Нурлан Бидайбеков требовали деньги у этого заключённого. Подумайте о том, что вы только что читали в этих мемуарах. Кухни, еда, промышленная зона, переводы Kaspi и отношения между заключёнными и администрацией. Тогда я проживал этот мир изнутри.

Позже части той же тюремной экономики появились в судебных документах и журналистских расследованиях. В конечном итоге Писарева

признали виновным в неоднократном получении взяток путём вымогательства. Его наказание? Девять лет лишения свободы. Алматинский областной суд оставил этот приговор в силе 2 апреля 2025 года. Его заместитель Нурлан Бидайбеков позднее тоже был осуждён по отдельному делу о взяточничестве и получил три года и шесть месяцев.

Ирония была невероятной. Мы были заключёнными, а они — администрацией. Ключи были у них и форму носили они. Они решали, кого обыскивать, кого наказывать, что запрещено, а что нет. И в конце концов некоторые мужчины, управлявшие тюрьмой, сами стояли перед судьями по обвинению в коррупции. Но в расследовании Писарева есть ещё одна деталь, важная для моей истории. Кто арестовал начальника тюрьмы?

Не обычная тюремная администрация. Не другая группа заключённых. КНБ участвовал в расследовании, которое поставило руководство тюрьмы под пристальное внимание. Orda сообщала, что оперативные мероприятия в отношении сотрудников учреждения 57 и руководства региональной уголовно-исполнительной системы были начаты в 2023 году, а дело передали Департаменту КНБ по Алматинской области. До этого момента в моей истории вы уже встречались с полицейскими, прокурорами, судьями, тюремными охранниками, блатными, Ахи и смотрящими. Вы видели, как двигались деньги. Как двигалось влияние. Как двигался Kaspi. И как власть внутри казахстанской тюрьмы не всегда принадлежала человеку, чьё имя было написано на двери кабинета. Но за всем этим наблюдала ещё одна организация. И очень скоро мои отношения с этой организацией станут личными. Здесь я представляю КНБ.

Глава 104: Запись, которая исчезла

Пока всё это происходило вокруг меня — переводы, бандиты, Ахи, ноябрьские события, меняющийся баланс сил внутри тюрем, — на заднем плане тихо и медленно ползла другая битва. Моё дело шло, но Дин-Мухамед работал чрезвычайно медленно, очень медленно.

К тому времени я понял, что в тюрьме существуют два совершенно разных времени. Есть часы внутри стен, где твоя жизнь может измениться за тридцать секунд, и есть юридические часы, где можно год ждать, пока кто-то переложит бумагу с одного стола на другой. Ещё в 99-й серия событий наконец привлекла серьёзное внимание Британского посольства. Послом Великобритании в то время была Кэти Лич. После всего, о чём сообщали моя семья и я, она связалась с Уполномоченным по правам человека Казахстана Эльвирой Азимовой. В конце концов Азимова организовала со мной видеовстречу. На этот раз я подумал: супер, наконец-то человек такого уровня услышит всё непосредственно от меня. Я сел перед камерой и рассказал, что происходило со мной все эти годы.

Дело, тюрьма, обращение со мной, избиения и как устроена система. В какой-то момент я снял рубашку и показал ей. Дипломатический язык меня больше не интересовал.

«Ваша система чрезвычайно коррумпирована», — сказал я ей.

Её реакция меня удивила.

«Коррумпирована?» — переспросила она, почти возмущённая обвинением. —

«Покажите мне коррупцию!»

Я помню, как смотрел на неё и думал: Вот оно. В тот момент — справедливо это было или нет — моё отношение к ней изменилось. Я сидел внутри системы, рассказывал Уполномоченному по правам человека о пережитом, показывал, что произошло с моим телом, и каким-то образом слово «коррупция» обидело её сильнее, чем то, что я описывал. Вскоре Эльвира Азимова станет председателем Конституционного суда Казахстана. Боже, помоги Казахстану, подумал я.

Но во время той Zoom-встречи произошло ещё кое-что. Я заметил индикатор записи. В правом верхнем углу экрана. Они меня записывали и я сразу указал на это.

«Во-первых, вы записываете этот разговор, не спросив моего разрешения. Во-вторых, раз вы его записываете, я хочу копию».

Я хотел, чтобы осталось точное свидетельство того, что я сказал. Хотел, чтобы мои жалобы сохранились именно в том виде, в каком я их изложил. Сразу после этого я связался с Дин-Мухамедом.

«Подай запрос на эту запись».

Он подал как я и просил. В конце концов официальная переписка подтвердила, что встреча состоялась. Мои жалобы направили дальше. Власти знали, что я поднял. А запись? По какому-то загадочному стечению обстоятельств произошла ещё одна техническая проблема. Предоставить её они не могли по техническим причинам. Ну конечно, я собственными глазами видел индикатор записи. Во время разговора я прямо указал им, что они меня записывают. Попросил копию ещё во время самой встречи. И когда впоследствии официально запросил её, запись каким-то образом уже нельзя было предоставить. Ещё одна техническая ошибка.

Ещё одно доказательство, которое существовало до тех пор, пока кто-то не попросил его показать. В конце концов в тюрьму приехал специальный прокурор. После всех моих жалоб, всего, что поднимала семья, и всего давления Британского посольства я ожидал серьёзного разговора. Он сказал мне одну фразу.

«Вы имеете право обратиться в кассационный суд».

Вот и всё, но его разговор с заместителем начальника тюрьмы был гораздо оживлённее. С того места, где я стоял, я не слышал слов, но видел множество указующих жестов и размахивания руками. Я не претендую на звание эксперта по переводу казахских жестов, но с моего места это

выглядело примерно так: Если я получу ещё одну жалобу от Британского посольства, я лично вернусь сюда и сам тебя выебу. Что бы он ни сказал на самом деле, послание, похоже, дошло. Есть ещё кое-что о моём времени в 99-й, что я не объяснил как следует- это клуб. Я не просто однажды утром зашёл в клуб и решил преподавать английский. Меня туда поместила администрация тюрьмы. Это было их решение держать Мохамеда в контролируемом месте. Занять его чем-то , держать под наблюдением и что важно, держать в относительной безопасности. В то время клубом заведовал Нуржан Акылбаевич. Когда я пришёл, он встретил меня улыбкой, а Shark переводил.

«Здесь ты будешь в безопасности. Сможешь проводить уроки английского и встречаться с другими заключёнными в безопасных условиях».

Потом была другая часть.

«Можешь иметь телефон. Только не попадись с ним».

Мы пожали руки, и я спустился вниз. Через несколько минут Shark подошёл поговорить.

«Тебе понадобится тысяча долларов на телефон и всё остальное».

Он передал мне Vivo, китайский телефон, ничего особенного, но для меня это было именно то, что нужно. Он показал интернет, на ней была высокая скорость. Для заключённого маленький экран был окном сквозь стены.

«Можно заплатить пятьсот в этом месяце и пятьсот в следующем?»

«Подожди».

Shark исчез наверху. Через пять минут вернулся.

«Хорошо. Акылбаевич согласился».

Сделка заключена- Kaspi Express. В том клубе я стал по-настоящему счастлив. Преподавал английский, тренировался, а самое главное, у меня было место, где можно общаться с людьми, не думая постоянно, кто сейчас потащит меня в комнату. Впервые за долгое время кто-то в тюремной администрации создал условия, которые действительно улучшали мою жизнь. Я был настолько благодарен, что связался с Британским посольством и попросил написать благодарственное письмо заместителю начальника тюрьмы и Акылбаевичу. Я искренне этого хотел ведь в тот момент они мне помогли.

Я не понимал, что произойдёт с этим письмом дальше. Его опубликовали во внутреннем журнале тюремной администрации. Письмо Британского посольства с похвалой чиновникам, видимо, неплохо смотрелось в карьерном досье и оба пошли вверх. Заместитель со временем стал начальником. А Акылбаевич перешёл в структуру ДУИС и начал курировать несколько тюрем. Годы спустя наши пути снова пересекутся. Тюрьма в этом смысле странное место. Люди исчезают из твоей истории, а потом внезапно возвращаются в другой форме и с другим званием. Тем временем Дин-Мухамед продолжал работать со скоростью, по сравнению с которой даже движение континентов казалось стремительным. Когда Генеральная

прокуратура узнала, что он принял моё дело, документы изъяли и отправили в Астану. Одновременно после моего контакта с Уполномоченным по правам человека поднятые мной нарушения направили в Генеральную прокуратуру для проверки.

Я подумал: Наконец-то, теперь кто-то сядет и нормально всё изучит.

Проблемы экспертиз.

Доказательства.

Свидетели.

Процедуры.

Нарушения.

Всё.

Вместо этого Генеральная прокуратура держала документы больше года. Мы снова ждали и ждали. В конце концов я сделал то, чему научился всякий раз, когда казахстанская система переставала двигаться. Снова связался с Британским посольством. Посольство связалось с Генеральной прокуратурой и наконец — спустя всё это время — они нашли нарушение.

Я помню, как услышал, что именно они обнаружили, и почти не поверил. Из всего моего дела они выбрали вот это. Суд назначил пятилетний запрет, связанный с моим возвращением в Казахстан после отбытия наказания. Это дополнительное наказание было незаконным. Поэтому в Астане созвали судебное заседание, чтобы его отменить. Я не мог осознать абсурдность ситуации. Они изучили моё дело и обнаружили, что часть моего наказания незаконна. Вот она, настоящая незаконность и что произошло? Эту часть отменили.

Хорошо, эта проблема решена. А что насчёт всего остального? А нарушения, которые могли повлиять на сам обвинительный приговор?Полная тишина, похоже, великой несправедливостью, требующей исправления, было то, что могло случиться со мной после того, как я отбуду огромный срок, который они уже мне назначили. Я сидел внутри и думал: Слава Аллаху, что вы это исправили. Я так переживал, что же будет после моего освобождения. Всё это происходило на заднем плане, пока мой физический мир полностью менялся. 99-ый лагерь, перевод в 71, Ахи, ноябрьский бунт, большой брат, кухни и промышленная зона.

Разные драмы происходили одновременно, но все были частями одной жизни. Затем начало меняться само руководство 71-й. После того как предыдущего начальника сняли и позднее осудили, снова появилось знакомое лицо- Акылбаевич. На этот раз он приехал заместителем начальника тюрьмы. Помню, как увидел его и подумал: Отлично, знакомое лицо. Поначалу именно так и было. Мы знали друг друга, ведь между нами была история. Он помнил клуб и я помнил, что он сделал для меня в 99-й. Всё было дружелюбно, но это лишь пока.

Работа в промышленной зоне познакомила меня ещё с одним человеком. Все называли его Рус. Полное имя — Руслан Ерденаев, бывший председатель

Единого накопительного пенсионного фонда Казахстана. Он прекрасно говорил по-английски и отбывал двенадцатилетний срок. Рус близко дружил с невысоким русским парнем по имени Эндрю. Эндрю занимал клуб в 71-й, но он был не просто очередным заключённым, проводившим время в клубе. Он был глазами и ушами КНБ внутри 71-й. По крайней мере именно так его роль понимали в тюрьме. До этого КНБ существовал в моём сознании главным образом в историях и эти истории были неприятными. О них шептали и их боялись. Ты слышал рассказы о том, что они могут сделать, насколько далеко тянется их рука и что происходит, когда они кем-то заинтересуются. Я никогда не представлял, что мой собственный опыт общения с ними будет развиваться так, как развился.

Рус и Эндрю услышали о моём деле и в конце концов пригласили меня на обед. Мы сидели и разговаривали. Я объяснил, что произошло. Потом они услышали записи Мадины. Реакция была мгновенной- они пришли в ярость. Годами я видел, как люди получали доказательства из моего дела и отвечали стандартной процедурой. Заявления, задержки, перенаправления, технические проблемы, приходите позже, не наша юрисдикция, отправьте в другое место и ждите ответа. Эндрю отреагировал иначе, он отреагировал как человек, услышавший то, что считал серьёзной несправедливостью.

«Что это за херня?»

Он взял телефон и сразу начал разговаривать со своими контактами в КНБ. Объяснил, что услышал. Записи, дело, ситуацию и всю несправедливость, которую он увидел в моём деле. А я молча сидел и наблюдал. Это был мой первый настоящий взгляд изнутри на то, как работает КНБ. Они вернулись с простой позицией. Это моя запись и я имею право её обнародовать.

Впервые организация, которую раньше я связывал со страшными тюремными историями, предстала передо мной с совершенно другой стороны. И моё собственное мнение начало меняться. За последующие годы мой опыт привёл меня к выводу, которого я никогда не ожидал, впервые попав в тюрьму: какие бы ужасные истории я ни слышал о КНБ, я также видел обстоятельства, когда их присутствие не давало тюремному миру вокруг меня скатиться в полный хаос.

Таков был мой опыт и для меня они всё больше становились той частью казахстанской системы, которая, как мне казалось, действительно способна противостоять вещам, к которым все остальные боялись прикасаться, не хотели или были слишком скомпрометированы. Наконец внутри системы появились люди, которые слышали то, что я говорил. Они услышали записи и поняли их значение.

У Эндрю была прямая связь с КНБ и они говорили, что я могу их обнародовать. После стольких лет ожидания впервые казалось, что что-то может сдвинуться. Была только одна проблема.

Та же проблема, которая тихо следовала за мной через всё остальное. Дин-Мухамед работал чрезвычайно медленно.

Глава 105: Дверь открывается

Сидя с Эндрю и Русом, я многому научился. Иногда больше, чем когда-либо сидя с адвокатами. Однажды я снова жаловался на Дин-Мухамеда. Слишком медленно, всё было слишком медленно. Ходатайство- ждать, жалоба- ждать, телефонный звонок- ждать, ещё одно обещание- ждать. У Руса совершенно не было терпения к адвокатам. Что было иронично, учитывая, что его собственная жена Елена зашла в борьбе за его дело настолько далеко, что в итоге сама стала полностью лицензированным адвокатом. Но опыт Руса с адвокатами оставил в нём горечь. Во время его уголовного дела семья заплатила адвокатам огромные суммы, которые, по словам Руса, обещали использовать деньги для решения его вопроса. Ничего они не решили и в конце концов семья подала жалобу. Те адвокаты — Александр Блок и Гульнара Смагул — позднее сами были осуждены за мошенничество и подстрекательство к даче взятки и получили по одиннадцать лет лишения свободы. Их версия событий отличалась, и они оспаривали обвинения, но для Руса этот опыт уничтожил ту веру в адвокатов, которая у него когда-то была. И вот я сидел и жаловался на своего адвоката, когда один из них посмотрел на меня так, словно я идиот. «Почему твоя семья не подаёт ходатайства за тебя через eGov?» «Что такое eGov?» Они оба посмотрели на меня. Я уже годами находился в заключении в Казахстане, и никто никогда мне этого не объяснял. eGov был электронной системой правительства Казахстана- дверью, напрямую соединяющей обычных людей с государственными учреждениями. И вдруг что-то щёлкнуло у меня в голове. «Подождите, все в казахстанских тюрьмах могут жаловаться онлайн, кроме меня?» Я был гражданином Великобритании. У меня не было доступа к системе. Я не мог ничего подавать электронно. Не мог напрямую обращаться в ведомства, принимавшие решения о моей жизни. «Я здесь единственный человек, которого заставляют молчать». Я связался с Дин-Мухамедом и затем с Британским посольством. Обоим изложил один и тот же аргумент- это несправедливо. Если Казахстан предоставляет заключённым электронный механизм для реализации их прав, то иностранное гражданство не должно означать полное исключение из этого механизма. Они занялись этим и в конце концов я получил то, что изменило сам способ борьбы моей семьи за моё дело. Сначала Казахстанский ИИН и потом аккаунт eGov. Моя мать могла заходить в него снаружи и внезапно дверь открылась. Мама могла от моего имени напрямую подавать заявления и жалобы через государственную систему Казахстана. Полиция, прокуратура, ведомства, генеральная прокуратура и вплоть до Администрации Президента. Никакого адвоката между нами. Никакого ожидания, когда Дин-Мухамед наконец соизволит нажать «отправить». Мама могла делать это сама. И если есть человек,

которому вы меньше всего захотите дать неограниченный доступ к государственному порталу жалоб, пока её сын сидит в тюрьме, — это моя мать. Она взялась за работу. Но у меня оставалась ещё одна проблема. Через контакты Эндрю в КНБ я уже получил сообщение, что имею право обнародовать записи Мадины. Но разрешение КНБ было не единственным разрешением, имевшим значение внутри тюрьмы. Оставался Большой брат и я был абсолютно уверен, что Большой брат не позволит мне устроить медийный взрыв изнутри его тюрьмы. А затем Аллах прислал решение оттуда, откуда я никогда не мог его ожидать- Акылбаевич. По причинам, которые тогда я не понимал, Акылбаевич начал нападать на Большого брата, он просто его не любил. Напряжение между ними росло, пока однажды Большой брат не позвал меня. «Акылбаевич — грёбаная проблема». Потом он спросил то, чего я не ожидал. «Расскажи мне про тот телефон, который он продал тебе в 99-й». И я рассказал всё: клуб, Shark, Vivo, тысяча долларов, пятьсот один месяц и пятьсот следующий. Потом рассказал о других вещах, которые сохранил. Записи, доказательства и всё, на чём я сидел. Молодой парень рядом переводил мои слова. Большой брат смотрел на меня.

«Охренеть. Ты все эти годы сидел на всём этом?»

«А у меня был другой выбор?»

Я посмотрел на него.

«Тюремные правила, брат».

Он точно понял, что я имел в виду. Годами у меня были материалы, которые потенциально могли помочь раскрыть произошедшее в моём деле, и одновременно я жил в мире, где их публикация могла обрушить на всех вокруг обыски, наказания и насилие. Выражение Большого брата изменилось. Теперь в лице была решимость.

«Да пошёл Акылбаевич ко всем чертям».

И затем прозвучали слова, которых я ждал годами.

«Публикуй всё. Расскажи всю историю».

Вот так я получил разрешение от всех, кто в моём мире действительно имел значение. А Эндрю уже действовал. У него были отличные связи в СМИ. Он сидел и изучал материалы моего дела. Страница за страницей, документ за документом и Эндрю ничего не пропускал. Каждые несколько минут останавливался, смотрел ещё раз и возвращался на страницу назад. Потом смотрел на Руса.

«Руса, посмотри, сколько дерьма в материалах этого парня».

Ещё документ. Ещё противоречие. Ещё вопрос. Потом Эндрю взял телефон и позвонил журналистке. Не просто любой журналистке. Человеку, который писал о моём деле ещё много лет назад. Тогда, как и почти все СМИ, она в основном работала с информацией, которую распространяли прокуратура и следственные органы. Теперь Эндрю показывал ей то, что находилось с другой стороны этой истории. Он что-то объяснил. Тишина. Потом я услышал её реакцию.

«Не может быть».

Пауза.

«Ты можешь это доказать?»

Эндрю сфотографировал документ. Отправить.

Ещё страница. Отправить.

Ещё одна. Отправить.

И ещё.

Процесс продолжался.

Годами прокуратура контролировала информацию обо мне, которая доходила до публики. Теперь человек из СМИ смотрел прямо на материалы, стоявшие за заголовками. Вскоре журналистку познакомили с моей матерью. Моей мамой, моим настоящим героем во всей этой истории. И теперь они обе говорили о моём деле днём и ночью. Журналистка хотела записи, хотела первой опубликовать историю и время не могло быть лучше. Потому что мама уже обстреливала систему заявлениями через eGov.

Одно за другим.

Разные ведомства.

Разные органы.

Правовая система.

Генеральная прокуратура.

Администрация Президента.

Она продолжала отправлять, а они продолжали закрывать. Отклонено, закрыто, передано куда-то ещё и никакого содержательного объяснения. Ещё ходатайство- закрыто. Ещё жалоба- закрыто. Но теперь мы считали, что у нас появился другой путь- СМИ. Мы понимали, что публикация потенциально может заставить власти столкнуться с материалами, которые они игнорировали, когда те приходили просто как очередная жалоба. И внезапно ко мне вернулись все те ночи, когда я представлял именно этот момент. Заголовки, записи становятся публичными, медийная буря, люди наконец задают вопросы и властям наконец приходится отвечать. Годами я представлял это перед сном. Представлял, как Мадина наконец совершает ошибку, которую нельзя вернуть назад. Представлял, как вывожу доказательство наружу. Представлял, как люди его слышат. Представлял, как история взрывается. И каждый раз снова открывал глаза — тюремный потолок. Ничего не изменилось. Но в этот раз я не спал. На другом конце телефона была журналистка. Перед Эндрю лежали материалы моего дела. Рядом сидел Рус. Моя мать снаружи забрасывала государственную систему обращениями через eGov. Контакты КНБ, с которыми говорил Эндрю, не возражали против публикации моих записей. Большой брат посмотрел мне в глаза и сказал:

«Публикуй всё. Расскажи всю историю».

После всех этих лет казалось, что все закрытые двери открываются одновременно. И я начал задавать себе вопросы, которые почти боялся

задавать. Это оно? Неужели это действительно сейчас произойдёт? Неужели Аллах наконец ответил на мои молитвы? А потом пришла мысль, важнее всех остальных. Я посмотрел в небо. София, ты видишь, что сейчас произойдёт?

Глава 106: История, которую никто не хотел

Всё редко происходит так, как ты себе представляешь. Годами я представлял этот момент. Записи выйдут наружу и газеты взорвутся. Люди услышат собственные слова Мадины и сразу зададут очевидный вопрос: Если эта женщина говорит такие вещи, почему Мохамед Баракат сидит в тюрьме за убийство своей дочери?

Казалось просто, по крайней мере так это работало в моём воображении. Реальность оказалась совершенно другой. Первоначальную историю люди поглощали с ненасытным аппетитом.

Безумный британский мусульманин-пилот, который в приступе ярости жестоко избил жену и убил собственную дочь. Капитан авиакомпании, иностранец, пятизвёздочный отель, красивая молодая жена и мёртвый ребёнок. Вот это новости. Человеческий разум — странный орган. Дай людям что-то достаточно ужасное, и они не смогут отвести взгляд. Но когда годы спустя начинает выходить правда, почему-то она уже не настолько интересна. Скажите людям, что первоначальная история могла быть неправильной. Скажите, что доказательства могли проигнорировать. Скажите, что невиновный человек мог годами сидеть в тюрьме. И внезапно история уже не так захватывает. Ещё больше меня тревожило, насколько легко первоначальная версия разошлась по миру. Непроверенная и на мой взгляд, сфабрикованная информация, опубликованная в Казахстане, могла повторяться международными СМИ так, будто это установленный факт. Прокуратура и следственные органы могли вывести свою версию в публичное пространство, пока я сидел под стражей и не мог ответить. А потом международные газеты просто подхватили её.

Копировать, вставить и опубликовать. Постоянно перечитывая материалы дела, я снова и снова замечал одно имя. Русская журналистка, работавшая с крупными британскими газетами. Её имя действительно находилось в материалах дела, как и контактные данные. Она официально запрашивала информацию, чтобы освещать мою историю.

Я был на неё зол, очень. Потому что она помогла унести первоначальную историю далеко за пределы Казахстана. Нью-Йорк, Албания, Испания, Италия, Индонезия, Йемен, Нигерия и Филиппины. Моё имя облетело планету, пока я сидел в камере.

Теперь Orda опубликовала почти три статьи, изучавшие то, что появлялось с другой стороны дела. И всё равно остальные казахстанские СМИ не клевали, никто не хотел рисковать. Публиковать то, что прямо бросало вызов прокуратуре или Министерству внутренних дел, — совсем

другое дело, чем повторять информацию, которую эти же учреждения изначально сами распространили. Я позвонил маме.

«Может, отправим всё той журналистке в Москве?»

Пауза. Маме она не нравилась и мне тоже, поэтому она колебалась.

«Мам, стоит попробовать всё и вся».

В конце концов она согласилась. Я дал ей имя и номер телефона, записанные в материалах моего дела. Прошло несколько лет с тех пор, как журналистка впервые писала обо мне. Шанс был небольшим. Мама отправила ей сообщение и произошло нечто замечательное- она ответила. Она прекрасно помнила моё дело, а потом сказала то, чего никто из нас не ожидал:

«Меня всегда что-то беспокоило в этом деле».

Эта фраза изменила всё. Она была журналисткой-расследователем, и как только начала смотреть на наши материалы, сразу глубоко погрузилась. Записи, документы, экспертные материалы, противоречия и доказательства, которых она не видела, когда много лет назад впервые писала версию прокуратуры. Впервые она смотрела на моё дело с другой стороны. Потом вышла первая крупная статья в британской прессе и это вызвало цепную реакцию. История пробила стену и теперь казахстанские СМИ могли писать о том, о чём уже писали международные. Подхватило одно издание, потом другое, история начала двигаться и наконец — мы получили внимание прокуроров. К тому времени полиция уже допросила Мадину о записях. Её позиция была ясна- голос не её. В показаниях полиции она официально это отрицала. Я должен был восхититься уверенностью. Вот оно снова- отрицай, отрицай, отрицай. Но на этот раз была проблема.

На вопрос можно было ответить научным способом, просто проверить голос. Я считал, что полиция и прокуратура решили: наконец нашли выход из этой истории. Отправить записи на фоноскопическую экспертизу. Доказать, что голос не Мадины, а затем публично уничтожить всё, что я говорил.

Мохамед Баракат сфабриковал записи.

Мохамед Баракат солгал.

Мохамед Баракат пытался манипулировать своим делом.

И, как я боялся, возможно, они даже найдут способ добавить ещё годы к уже имеющимся двадцати. Поэтому, узнав, что записи отправляют на экспертизу, я не праздновал. Я был в ужасе, потому что это Казахстан. К тому времени я видел слишком многое.

Я видел, что может случиться с документами. Что может случиться с доказательствами. Как меняются заключения экспертов. Я точно знал, чей голос на этих записях, я был женат на этой женщине и годами слушал этот голос. Счастливый, злой, пьяный, плачущий, смеющийся, шепчущий и лгущий. Мне не нужен был эксперт, чтобы сказать, чей это голос. Но миру был нужен и я ждал.

Тем временем Мадина каким-то образом снова меня нашла. Другая тюрьма, другой телефон и другой номер. Однажды пришло сообщение с незнакомого номера.

«Нам нужно поговорить. Мадина.»

«О чём?»

Она попросила видеозвонок. Ладно, я ответил и камера включилась. Она сидела за столом, над которым висела вывеска- Wildberries. Казахстанский аналог Amazon. Она хотела показать мне, как хорошо у неё всё идёт. Она вышла с телефоном на улицу и показала купленный подержанный Mercedes E-Class. Во время работы на Stripchat — или какой платформой она там пользовалась — она, по её словам, познакомилась с японским бизнесменом, который отправлял ей то несколько тысяч долларов, то ещё несколько. Наверное, для него это были мелочи. Аллах знает, чего он ожидал взамен. Я дал ей закончить демонстрацию.

«Отлично, — сказал я. — Значит, теперь мы наконец можем развестись?»

«Нееееет».

Долго. Растянуто. Снисходительно. Потом она улыбнулась.

«Я сказала отцу, что буду держать тебя в тюрьме на крючке без женщины».

Я посмотрел на неё.

«Что ответил твой отец?»

«Он сказал, что мне надо быть осторожнее с тобой. Сказал: «Как мужчина, Мохамед не будет спокойно сидеть после всего, что ты с ним сделала»».

Я почти улыбнулся.

«Мудрые слова твоего отца».

Она смотрела на меня через экран.

«Посмотри на себя, Мохамед. С тобой покончено».

Правда? — подумал я. Стоит ли говорить, что когда я снова отправил через адвоката заявление о разводе, она не ответила. Потом началось ожидание результатов фоноскопической экспертизы. Я думал об этом каждый день. Что они сделают?

Я знал, что голос её. Но знать что-то и доказать что-то внутри правовой системы Казахстана стали для меня двумя совершенно разными вещами. Часть меня даже думала: Мадина отрицала это с такой уверенностью, что, возможно, убедила и их. Может быть, они действительно ожидали, что экспертиза докажет ложь Мохамеда. А потом упала бомба. Заключение эксперта № 10980.

Эксперты проанализировали записи.

Старые методы.

Новые методы.

Сравнительные образцы.

Результат был однозначным.

Отсканируйте QR-код
чтобы открыть статью

Женский голос на записях принадлежит Мадине Абдуллаевой. Я прочитал ещё раз. Мадина официально сказала полиции: Это не мой голос. Теперь экспертиза говорила: Это её голос. И экспертиза не обнаружила признаков монтажа записей.

Вот оно, чёрным по белому, не слова Мохамеда, не моей матери, не сестёр, не Эндрю, не Руса и не журналиста. Собственная государственная экспертиза подтвердила что голос принадлежал Мадине Абдуллаевой. И началась вторая медийная буря. На этот раз подключились казахстанские СМИ. История начала распространяться. Записи, признание, экспертиза и вопросы вокруг моего приговора. Теперь люди читали не просто утверждение заключённого, что его бывшая жена призналась. Было заявление в полицию, где Мадина отрицала, что голос её. И было заключение судебной экспертизы, которое идентифицировало этот голос как её. Внезапно похоронить историю стало гораздо сложнее. Годами я мечтал о медийной буре. Теперь смотрел, как она происходит.

Затем Дин-Мухамед получил телефонный звонок. Мадина хотела подписать документы о разводе. Услышав это, я чуть не рассмеялся.

После всех этих лет.

После отказов.

После игнорирования документов.

После слов мне: Ты мой. Ты принадлежишь мне. Я буду держать тебя в тюрьме на крючке без другой женщины. Внезапно Мадина захотела развод, но взамен она кое-чего хотела.

«Пожалуйста, попросите Мохамеда прекратить публиковать наши личные разговоры».

Я сидел и думал о том последнем видеозвонке. Она сидит за столом Wildberries. Mercedes, улыбка, уверенность и те слова: Посмотри на себя, Мохамед. С тобой покончено. Правда со мной покончено, Мадина? Или я только начал?

Вскоре после этого она уехала из Казахстана и некоторое время находилась в России, а я остался ровно там же за тюремными стенами всё ещё отбывая двадцать лет.

Всё ещё официально осуждённый за убийство собственной дочери. Но что-то фундаментально изменилось. Годами я умолял людей меня услышать. Теперь им не нужно было верить мне на слово.

Мадина официально отрицала полиции, что голос принадлежит ей. Эксперты ответили на этот вопрос. Записи вышли наружу. СМИ наконец слушали.

И на этот раз — они знали, что это её голос.

Глава 107: Вторая бомба

Вторая бомба для прокуратуры пришла оттуда, откуда никто из нас не мог её ожидать. Она не имела никакого отношения к моему делу. Никакого

отношения к Мадине. Никакого отношения к Нурлану Болатову. Никакого отношения к Софии или кому-либо, участвовавшему в расследовании против меня. Она пришла из совершенно другого дела об убийстве.

Куандык Бишимбаев.

Бишимбаев был бывшим министром Казахстана, и его суд за убийство жены Салтанат Нукеновой стал одним из самых громких уголовных процессов в истории страны. Дело вызвало огромный общественный резонанс. Домашнее насилие стало национальной темой, а власти оказались под сильнейшим давлением, чтобы показать обществу: это дело будет рассмотрено правильно. Суд транслировался в прямом эфире и вся страна могла смотреть. Заседания, свидетели, адвокаты, эксперты и доказательства. Всё происходило перед публикой. Не только я сидел в тюрьме и смотрел весь процесс, но и Дин-Мухамед тоже внимательно следил за этим делом.

И пока мой адвокат смотрел, он начал замечать кое-что, не имевшее отношения к самому Бишимбаеву. Он видел, как выглядит суд по убийству в Казахстане, когда наблюдает вся страна. И различия между тем делом и моим были разительными. Доказательства представлялись открыто, видео показывали и исследовали, экспертов оспаривали и адвокаты спорили. Судья выносила решения и объясняла их правовое основание. Одного количества видеодоказательств было достаточно, чтобы невозможно было игнорировать сравнение. Моё предполагаемое преступление якобы произошло внутри гостиницы InterContinental в Алматы.

Это пятизвёздочный международный отель и там камеры повсюду. Но в моём деле нужные записи исчезли не потому, что кто-то забыл их сохранить. По показаниям начальника службы безопасности гостиницы на моём суде, следователь Нурлан Болатов лично приехал в отель, сел рядом с ним и удалил видеозаписи. Подумайте об этом.

Расследование убийства.

Отель, весь в камерах.

Потенциальные доказательства.

И следователь по делу приезжает и удаляет их.

А теперь сравните это с тем, что Дин-Мухамед видел на процессе Бишимбаева. Видео, видео и ещё видео. Сохранено, представлено, исследовано и использовано как доказательство.

Но даже это не было бомбой. Бомба появилась, когда защита Бишимбаева попыталась представить собственное экспертное заключение о смерти Салтанат Нукеновой. Судья Айжан Кульбаева его отклонила и Дин-Мухамед сразу насторожился, потому что суд указал на две отдельные проблемы в действиях защиты. Первая была процессуальной. Защита получила экспертное заключение, не уведомив и не вовлекая надлежащим образом сторону обвинения и расследования. Дин-Мухамед сразу увидел параллель-именно на это мы жалуемся. В моём деле защита жаловалась, что критически важная повторная судебная экспертиза была проведена без надлежащего

уведомления нас и без процессуального участия защиты, которое должно было быть обеспечено. Мы поднимали этот вопрос снова и снова. Но затем судья Кульбаева перешла ко второй причине и здесь всё изменилось. Правила № 400. Эксперты, чьё заключение хотела приобщить защита Бишимбаева, пришли к выводам о смерти Салтанат, не исследовав физически её тело. Суд это не допустил и принцип был ясным. Эксперт не мог установить причину смерти только по медицинским документам и другим материалам без требуемого физического исследования трупа. Дин-Мухамед сразу понял, что слышит. Потому что для нас это не было чем-то новым.

Мы годами говорили ровно то же самое. Софию уже похоронили, когда власти решили, что им нужно ещё одно экспертное заключение. Её тело не эксгумировали. Нового физического исследования трупа не было и всё же каким-то образом появилось заключение № 28. И это повторное заключение стало чрезвычайно важным для обвинения против меня. Мы его оспаривали снова, снова и снова. И мы не просто говорили: Мохамед считает это незаконным.

К тому времени у нас уже были доказательства из нескольких источников, указывавшие на одну и ту же проблему. Некоторые из ведущих судебно-медицинских специалистов Казахстана оспаривали заключение № 28. Не один и не два, а у нас было как минимум пять ведущих судебно-медицинских экспертов Казахстана, которые оспаривали второе заключение и его экспертную основу, включая фундаментальную проблему попытки сделать такие выводы без физического исследования тела Софии.

Это были эксперты.

Люди, понимающие вскрытия.

Люди, понимающие судебную медицину.

Люди, понимающие, что научно можно и чего нельзя заключить из имеющихся материалов.

И всё равно ничего не изменилось. Потом появилось то, что властям было ещё труднее объяснить- само Министерство юстиции. У нас было письменное подтверждение.

Ответ министерства поддерживал тот самый нормативный аргумент, который мы выдвигали: такие выводы о причине смерти и соответствующих повреждениях нельзя просто делать по документам и фотографиям без требуемого исследования трупа. Вот оно, письменно и от самого Министерства юстиции Казахстана.

Поэтому поймите, где мы находились к моменту, когда Дин-Мухамед смотрел суд Бишимбаева.

У нас уже было правило.

У нас уже были эксперты.

У нас уже было письменное подтверждение Министерства юстиции.

Мы жаловались на заключение № 28 на всех уровнях, куда могли добраться. Прокурорам, судам, генеральной прокуратуре, государственным

органам и в конце концов даже Администрации Президента. Снова и снова мы задавали один базовый вопрос: Как заключение № 28 может законно и научно оставаться в силе, если тело Софии физически не исследовалось для этой повторной экспертизы? И каким-то образом никто не хотел отвечать на этот вопрос.

Приходил ответ. Ещё одно ведомство, ещё одна бумага, ещё одно объяснение, ещё одно перенаправление и ещё один отказ. Но никогда не было очевидного ответа, а потом появился Бишимбаев. Дело, не имевшее абсолютно никакого отношения к Мохамеду Баракату. И собственная правовая система Казахстана продемонстрировала ответ за нас. Именно это сделало открытие Дин-Мухамеда таким сильным. Судья Кульбаева не помогала мне, она не рассматривала моё дело, не говорила о Софии и не изучала заключение № 28. Скорее всего, она понятия не имела, что где-то в казахстанской тюрьме сидит британский пилот, чей адвокат смотрит её решение и узнаёт каждое слово. Она просто применяла закон в деле перед собой. Защита Бишимбаева представила экспертное заключение. Суд изучил, как оно было получено.

Другая сторона не была должным образом вовлечена- проблема.

Тело не было физически исследовано- проблема.

Правила № 400- доказательство отклонено.

Вот и всё, очень просто и эта простота была сокрушительной. Потому что теперь у нас было два безошибочных, совершенно независимых подтверждения внутри собственной государственной и правовой системы Казахстана. Сначала Министерство юстиции письменно подтвердило нам нормативную проблему. Затем независимо от этого судья Кульбаева применила тот же принцип в другом процессе по убийству. А вокруг обоих находились судебно-медицинские специалисты, уже оспорившие заключение № 28.

Сколько раз нужно доказать одно и то же?

Сколько экспертов?

Сколько писем?

Сколько жалоб?

Сколько государственных ведомств?

Нужно Министерство юстиции? Оно у нас было.

Нужны судебные эксперты? Они у нас были.

Нужен пример того, как суды действительно применяют правило? Теперь был и он.

Но заключение № 28 оставалось в моём деле. Именно здесь я уже не мог игнорировать двойной стандарт. Поставьте два дела рядом. В деле Бишимбаева защита хотела представить экспертное доказательство, полученное без должного участия другой стороны- отклонено. Защита хотела опереться на заключение, сделанное без физического исследования трупа-

отклонено. Ссылка на правила № 400. Теперь посмотрите на моё дело. Обвинение получило повторное экспертное заключение № 28.

Моя защита жаловалась на процедуру. Софию не эксгумировали и её тело не исследовали физически для этой повторной экспертизы. Ведущие судебные специалисты его оспаривали и Министерство юстиции письменно подтвердило нам нормативное возражение, но всё же — принято. Не просто принято, а использовано против меня.

Та же страна.

Та же правовая система.

Те же правила судебной экспертизы.

Так что было другим?

Какая сторона нуждалась в доказательстве.

От этого вывода я не мог уйти. Когда закон защищал обвинение в деле Бишимбаева, закон был ясным.

Процедура имела значение.

Уведомление имело значение.

Правила экспертизы имели значение.

Физическое исследование трупа имело значение.

Всё должно было быть сделано правильно. Хорошо, именно так и должна работать система уголовного правосудия.

Но где была та же защита, когда обвиняемым был я?

Где была эта забота о процессуальной справедливости, когда жаловалась моя защита?

Где были Правила № 400, когда тело Софии не было физически исследовано?

Где была забота о сохранности доказательств, когда начальник службы безопасности отеля дал показания, что Нурлан Болатов лично сидел рядом с ним и удалял записи?

Почему правила вдруг становились настолько точными, когда защита Бишимбаева хотела приобщить доказательство, но оказывались гибкими, когда обвинению было нужно заключение № 28 против меня?

Мне казалось, в Казахстане обвинение всегда получало то, что хотело, независимо от того, что на самом деле говорит закон. Когда правило помогало обвинению, внезапно имело значение каждое слово. Когда то же правило угрожало делу обвинения, почему-то всегда находилось другое толкование.

Ещё одна техническая формальность.

Ещё один ответ.

Ещё одно ведомство.

Ещё один отказ.

Или просто тишина.

Было что-то почти поэтичное в том, как пришли эти две бомбы. Первая пришла из самого центра моего дела. Мадина официально отрицала полиции, что голос на записях принадлежит ей. Затем фоноскопическая экспертиза

установила, что голос её. Вторая бомба пришла из дела, совершенно не связанного с моим. Бывшего министра обвинили в убийстве жены. Казахстан показал его суд всей стране, чтобы продемонстрировать, как должно работать правосудие. И, делая это, правовая система невольно продемонстрировала одну из центральных проблем, о которой мы говорили в моём деле. Мы не узнали о Правилах № 400 благодаря Бишимбаеву, это важно. Мы уже знали, эксперты нам говорили, Министерство юстиции письменно подтвердило проблему и мы кричали об этом через все доступные правовые каналы. Бишимбаев дал нам другое- применение этого всего на практике. Дин-Мухамед увидел, как казахстанский судья берёт этот принцип и реально применяет его.

Без споров, без оправданий и без бесконечной переписки. Правило говорит, что так нельзя, значит, она не допустила. И внезапно мы могли поставить два дела рядом и сказать: Объясните это.

Не наше толкование.

Не толкование Мохамеда.

Не его матери.

Не просто мнение одного эксперта.

Ваше министерство.

Ваши правила.

Ваш судья.

Ваш суд.

Ваше собственное применение вашего собственного закона.

Почему он действует там — но не здесь? В деле Бишимбаева осталась ещё одна вещь, которая не выходила у меня из головы. Многие называли судью Айжан Кульбаеву национальным героем. Люди восхищались ею, её силой, профессионализмом, контролем над залом суда, её требовательностью к процедуре и готовностью применять закон независимо от того, кто стоит перед ней. И я понимал, почему люди её уважали. Я тоже это уважал, но в этом было что-то невероятно печальное.

Судья стала национальным героем просто за то, что правильно выполняла свою работу. Подумайте об этом: Она не совершила чудо, не изобрела новую правовую систему, не переписала Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана и не создала Правила № 400. Она просто посмотрела на доказательства, посмотрела на процедуру, посмотрела на закон и применила его. Ровно то, что и должен делать судья. Но реакция на неё показала мне нечто гораздо большее.

Для меня это демонстрировало, насколько отчаянно люди Казахстана хотят видеть судей, которые просто выполняют свою работу по закону. Когда обычное правосудие становится необыкновенным — что-то серьёзно не так. Когда применение закона делает человека национальным героем, что это говорит об ожиданиях людей от системы? Я не испытывал к судье Кульбаевой

никакой обиды из-за похвалы. Наоборот, я хотел, чтобы таких было ещё тысяча.

Но сидя в тюрьме, я не мог избавиться от одного вопроса. Где была моя судья Кульбаева? Где судья, который возьмёт Правила № 400, прочитает и просто применит? Где судья, который посмотрит на заключение № 28 и задаст очевидный вопрос? Где судья, который посмотрит на письменное подтверждение Министерства юстиции? Где судья, который выслушает пять судебно-медицинских экспертов? Где судья, который спросит, почему повторное экспертное заключение о смерти моей дочери оставалось в силе, когда тот самый принцип, который суды Казахстана применяли в других делах, говорил, что этого не должно быть? Я не просил никого искривлять закон ради Мохамеда Бараката.

В этом и был весь смысл, я просил их не искривлять его. Дело Бишимбаева не обнаружило проблему заключения № 28. У нас уже были эксперты. У нас уже было министерство. У нас уже было правило. То, что сделало дело Бишимбаева, возможно, было даже важнее. Оно разоблачило двойной стандарт.

И Казахстан транслировал его в прямом эфире всей стране.

Глава 108: Расследуя самих себя

Я переживал настоящие эмоциональные качели. Каждое новое развитие событий подводило меня к грани веры в то, что наконец — наконец-то — что-то произойдёт. Я всё ждал, когда они арестуют Мадину. Она несколько раз покидала Казахстан. Сначала уехала в Россию, и полиция вызвала её обратно. Потом — во Вьетнам, и её снова вызвали обратно. Для нас её поведение выглядело крайне подозрительно, и к тому времени все причастные уже понимали, что происходит.

Но я продолжал ждать. Ну теперь-то уж точно. После всего, что вышло наружу, они ведь обязаны что-то сделать. Записи уже были опубликованы. Мадина официально заявила полиции, что голос на них ей не принадлежит. Фоноскопическая экспертиза установила, что принадлежит. Средства массовой информации начали рассказывать об этой истории. Проблемы, связанные с заключением № 28, уже нельзя было просто отмахнуть как очередные жалобы Мохамеда Бараката из тюремной камеры. Его оспаривали сразу несколько ведущих судебно-медицинских экспертов. У нас было письменное подтверждение Министерства юстиции, поддерживавшее именно ту проблему с нормативными требованиями, на которую мы указывали. А затем дело Бишимбаева независимо показало, как Правила № 400 на самом деле применяются судом Казахстана, когда за процессом наблюдает вся страна.

Моя семья продолжала жаловаться. Всё выше, выше и ещё выше. В конце концов из Генеральной прокуратуры поступило распоряжение. Обстоятельства, на которые мы указывали, должны были быть расследованы.

Записанные признания Мадины. Её предполагаемая незаконная деятельность в интернете. Обстоятельства, связанные с судебно-медицинским заключением № 28. На мгновение показалось, что нам наконец удалось пробиться. Люди вокруг меня не могли поверить, что нам удалось зайти так далеко. После долгих лет, когда перед нами захлопывали одну дверь за другой, теперь сама Генеральная прокуратура распорядилась принять меры.

И я стал ждать. И ждал, а потом мы поняли нечто почти невероятное. Меня вообще никто не допросил. Я был тем человеком, который сидел в тюрьме. Именно я получил эти записи. Именно я общался с Мадиной. Я знал обстоятельства, при которых происходили эти разговоры. Я сохранил этот материал. Я был человеком, отбывающим двадцатилетний срок за преступление, которого эти записи касались напрямую. И всё же полиция даже не допросила меня. В конце концов нам пришлось жаловаться даже на это. Как можно утверждать, что вы должным образом расследуете этот материал, если вы даже не допросили осуждённого, который находится в самом центре этих событий? По моему мнению, к тому моменту то, что я наблюдал, уже было откровенным препятствованием расследованию. Но существовала проблема куда серьёзнее. И вот она уже не была просто моим мнением. Мы её уже документально зафиксировали.

Парадокс самопроверки

Задолго до этого последнего расследования мы выявили структурную проблему, проходившую через весь механизм рассмотрения жалоб. Мы назвали её парадоксом самопроверки.

Или, возможно, точнее — замкнутым кругом ответственности. Мы снова и снова видели его в документальном следе, который создавали наши собственные жалобы. Вы жалуетесь, что какое-то учреждение или его должностные лица нарушили закон. Учреждение отклоняет вашу жалобу и тогда вы обращаетесь выше. Вышестоящий орган получает её и что происходит? Жалоба отправляется прямиком обратно вниз по той же институциональной цепочке, действия которой вы оспариваете. И затем эта же структура фактически становится частью процесса, который должен определить, произошло ли вообще что-то неправомерное. Кто расследует действия следователей?

Мы задавали этот вопрос столько раз, что в конце концов написали об этой проблеме публично. Остановитесь на секунду и представьте, что это означало бы в обычной жизни. Представьте, что вы намеренно превышаете скорость на трассе. Вы едете 150 километров в час. Вас ловят. Но вместо того чтобы полицейский выписал вам штраф, кто-то вручает вам книжку штрафных квитанций.

«Вот, пожалуйста. Расследуйте сами себя. Решите, превышали ли вы скорость. А если придёте к выводу, что превышали, сами назначьте себе наказание».

Сколько из вас выписали бы себе этот штраф? Серьёзно, да никто, а теперь замените штраф за превышение скорости чем-то бесконечно более серьёзным. Расследованием убийства, отправился уничтожением доказательств, судебно-медицинскими процедурами, решениями прокуратуры, судебным разбирательством и двадцатилетним тюремным сроком. Потенциальной уголовной ответственностью, если серьёзные нарушения когда-нибудь будут установлены. И теперь попросите учреждения, чьи действия оспариваются, самим определить, были ли эти действия законными. Мы снова и снова наблюдали один и тот же порядок.

Жалоба.

Пересылка вниз.

Проверка внутри того же институционального круга.

Нарушений не обнаружено.

Дело закрыто.

Жалуешься выше.

И всё снова уходит вниз.

Очередная проверка, очередной отказ и очередная бумажка.

И всё по кругу снова.

Вот что такое замкнутый круг ответственности. Жалоба может выглядеть так, будто её проверяли снова и снова, хотя на самом деле она так и не вышла за пределы той институциональной структуры, действия которой и оспариваются. И теперь, после, пожалуй, самого большого прорыва за многие годы, мы снова наблюдали работу того же механизма. К тому времени я провёл в Казахстане уже очень много лет. Я больше не был тем иностранным капитаном авиакомпании, который когда-то приехал в InterContinental. Я увидел Казахстан из таких мест, которые большинство иностранцев никогда не видели.

Полицейские камеры, следственные изолятор, залы суда и тюрьмы. Я видел, как устроены отношения между людьми. Как работают деньги. Как работает влияние. Как заключённые взаимодействуют с охранниками. Как охранники взаимодействуют с администрацией. Как администрация взаимодействует с теми, кто стоит над ней. И как жалобы путешествуют по правовой системе. Лично я пришёл к гораздо более мрачному выводу.

Я твёрдо верил, что люди, причастные к тому, что произошло в моём деле, имели все возможные причины использовать любое доступное влияние, чтобы не позволить полностью разобрать эту историю по частям. Потому что представьте последствия, если бы мой приговор отменили именно по тем основаниям, на которые мы ссылались. Речь шла бы уже не просто о том, чтобы открыть тюремные ворота и позволить Мохамеду Баракату выйти на свободу.

Возник бы другой вопрос.

Кто посадил его туда?

Что происходит, если доказательства были незаконно уничтожены?

Что происходит, если судебно-медицинские процедуры были проведены незаконно?

Что происходит, если доказательствами манипулировали?

Что происходит, если серьёзные процессуальные нарушения сознательно игнорировались?

Что происходит, если невиновного человека осудили, а затем продолжали держать в тюрьме, несмотря на доказательства, способные раскрыть, что произошло?

Что тогда будет со следователями? С прокурорами? С чиновниками, которые утверждали решения? С людьми, которые ставили свои подписи на документах по ходу дела? Законы Казахстана предусматривают серьёзные последствия за должностные правонарушения. Поэтому задайте себе ещё один простой вопрос. Если полноценное возобновление моего дела потенциально могло бы привести к последствиям для людей, участвовавших в первоначальном расследовании и обвинении, насколько охотно те же самые учреждения стали бы расследовать собственные действия?

У меня был свой ответ. Генеральная прокуратура распорядилась провести расследование и мы ждали, но ожидание затягивалось.

Недели. Месяцы. Запросы. Жалобы.

Ещё больше ожидания. Тем временем происходило кое-что ещё. Медийная буря начала стихать. Так работают новости. Что-то взрывается, об этом говорят все, а потом появляется другая история. Потом ещё одна и вчерашний заголовок становится новостью прошлой недели. А новость прошлой недели превращается в нечто, что люди смутно припоминают и давление исчезает. Как обычно, прокуратура тянула с ответом достаточно долго, чтобы медийный ажиотаж вокруг моего дела успел остыть.

А затем, тихо, они снова всё закрыли. Примерно в тот же период начали происходить и другие тревожные вещи. CentralMedia сообщила нам, что подверглась кибератаке. Моя статья исчезла с её сайта. Затем мне заблокировали доступ к eGov. Та самая система, через которую моя мать отправляла жалобы и заявления по всей государственной структуре Казахстана, внезапно стала для нас недоступна. А затем пришёл один из самых тревожных ответов, которые мы когда-либо получали от Генеральной прокуратуры. После всего, что мы обнаружили, после записанных заявлений Мадины; после её официального отрицания того, что голос принадлежит ей; после того, как экспертиза установила, что это её голос; после вопросов вокруг заключения № 28; после того, как его оспорили несколько судебно-медицинских экспертов; после письменного подтверждения Министерства юстиции; после того, как дело Бишимбаева публично продемонстрировало применение Правил №400; после жалобы за жалобой; после публикаций в СМИ; после того, как сама Генеральная прокуратура распорядилась провести следственные действия, пришёл ответ,

Отсканируйте QR-код
чтобы открыть статью

согласно которому у меня не было возможности по этому пути обжаловать свой приговор. Ещё одна дверь закрылась.

Снова, но я уже проходил через это раньше. Много лет назад я сказал Нурлану Болатову одну вещь и я верю в неё до сих пор. Невиновного невозможно заставить замолчать. Его можно посадить в тюрьму. Можно отнять у него телефон. Можно блокировать его жалобы. Можно закрыть очередную проверку. Можно заблокировать его eGov. Можно ждать, пока журналисты потеряют интерес. Можно пересылать его жалобу из одного государственного учреждения в другое, пока в конце концов она снова не окажется в руках той самой институциональной структуры, на которую он жаловался. Можно похоронить его под официальными ответами. Можно запереть его за бетонными стенами. Но нельзя заставить человека принять на себя ответственность за то, чего, как он знает, он не совершал. И нельзя навсегда запретить ему рассказывать свою историю.

Поэтому вот я здесь. Пишу её, всю целиком. InterContinental, номер 801, расследование, Нурлан Болатов, удалённые видеозаписи, судебно-медицинские доказательства, заключение № 28, эксперты, Министерство юстиции, суд, апелляции, Мадина, записи, тюрьмы, избиения и вымогательства. Люди, которые мне помогли. Люди, которые меня подвели. Документы, жалобы и замкнутый круг ответственности.

Правовая система Казахстана такой, какой я увидел её изнутри — из полицейских камер, судов и тюрем. И реакция британского правительства такой, какой я испытал её как один из его граждан, заключённый в тюрьму за тысячи километров от дома. Я никогда не представлял, что именно эту историю мне придётся писать всю жизнь. Я был капитаном авиакомпании. Я хотел летать на самолётах. Я хотел растить свою дочь. Я хотел ходить на работу и возвращаться домой. София должна была расти, пока взрослел я. Вместо этого София умерла. Я оказался в тюрьме.

И где-то на протяжении всех этих лет документирование произошедшего стало частью моего выживания. Годами историю Мохамеда Бараката рассказывали другие люди. Следователи, прокуроры, суды, журналисты и чиновники. Казалось, каждый считал себя вправе написать собственную версию того, кем я был и что произошло в том гостиничном номере. Тогда я был заперт и почти лишён голоса, а их версия тем временем разошлась по всему миру. Но, как я когда-то сказал Нурлану Болатову: Невиновного невозможно заставить замолчать. И после всех этих лет есть одно фундаментальное отличие между человеком, сказавшим эти слова тогда, и человеком, который пишет их сейчас.

Тогда у меня был только мой голос. Теперь у меня есть доказательства.

Глава 109: Помощь уже в пути

Один из главных уроков, которым научило меня это испытание, касается людей. Людей, которых ты знаешь. Людей, которых, как тебе кажется, ты

знаешь. Людей, от которых ты ожидаешь, что они останутся рядом, когда всё рухнет. И людей, от которых ты никогда этого не ожидал. Тюрьма странным образом обнажает отношения до самого фундамента. Когда в твоей жизни всё хорошо, другом может быть каждый. Ужины, отпуска, телефонные звонки, смех, фотографии, дни рождения. Ты никогда по-настоящему не знаешь, какие отношения способны пережить что угодно, потому что им ещё никогда не приходилось проходить такую проверку.

А потом твой мир рушится. Появляются заголовки и твоё имя становится токсичным. Люди шепчутся, люди строят догадки, кто-то исчезает, не сказав ни слова, а кто-то удивляет тебя так, что ты будешь помнить это до конца жизни. И когда новости о том, что было обнаружено в моём деле, наконец начали появляться в Великобритании, произошло нечто удивительное. Помощь уже была в пути.

Прежде всего мне нужно поблагодарить двух людей. Доктора V и Жанару. Они знают, кто они для меня. По очевидным причинам мне не нужно объяснять всё, что они сделали, или всё, что нас связывает, главное что они это знают. Важно другое: я никогда не мог представить, что именно эти два человека станут героями в этом долгом испытании.

Но они ими стали. Без них почти никто не услышал бы о повороте событий, который начал раскрывать, что произошло в моём деле. Жизнь учит не быть слишком уверенным в людях. Иногда человек, от которого ты ожидаешь, что он будет за тебя бороться, исчезает. А иногда кто-то, от кого ты совершенно не ожидал шага вперёд, идёт прямо навстречу буре. Доктор V и Жанара так и сделали. И за это я никогда их не забуду.

Но они были не одни. Были и другие герои. Некоторые из них никогда не появлялись в газетах. У них никто не брал интервью. Их никто не фотографировал. Большинство людей никогда не узнает, сколько часов они провели за кулисами, но я знаю. Они создавали аккаунты в социальных сетях, чтобы распространять мою историю. Они оказывали финансовую поддержку. Они связывались с государственными ведомствами и общественными организациями. Они писали электронные письма. Они звонили по телефону. Они ходили на встречи с членами парламента от моего имени. Они разговаривали с людьми, до которых я не мог дотянуться из казахстанской тюрьмы. Они отдавали своё время, хотя у них были собственные семьи, карьеры и проблемы. И, пожалуй, самое главное: когда поддерживать меня стало неудобно, они не убежали. В некоторых кругах мусульманского сообщества моё дело стало чувствительной темой. Люди могли указывать на то, что я делал в личной жизни, и говорить: Но Мохамед пил алкоголь. Другие могли смотреть на Мадину и всё, что окружало её жизнь, и каким-то образом использовать её поступки как ещё один повод судить меня. Мои друзья отказались принимать такую логику. Их позиция была простой. Какими бы ни были недостатки Мохамеда, невиновный человек не должен сидеть в

тюрьме за убийство, которого он не совершал. Если он пил алкоголь — значит, пил алкоголь.

Это не делает его убийцей. Что бы его бывшая жена ни делала со своей жизнью, это было её ответственностью. И это тоже не делало его убийцей. Необязательно одобрять каждое решение, которое человек когда-либо принимал, чтобы встать на его защиту, если ты веришь, что с ним поступили несправедливо.

И эти мужчины это понимали. Шехаб, Кэш, Али, Адам Абдул Басир, Аир, Хиляль, Азиз, Зи, Эмилио и друзья детства. Мужчины, которые знали меня ещё до всего этого. До Казахстана, до номера 801, до залов суда и тюрем и до того, как моё имя появилось в газетах по всему миру. Жизнь шла дальше для всех нас. Мы все стали старше. Карьеры, бизнес, жёны, дети, обязанности, собственные проблемы и собственная жизнь. Любой из них мог бы очень легко сказать: С Мохамедом происходит ужасное, но что я могу сделать? Или: Это не моя проблема. Или, пожалуй, самую простую фразу из всех: Кто-нибудь другой ему поможет. Но они этого не сделали. Они объединились, организовались и давали то, что могли. Один мог сделать звонок. Другой знал кого-то, кто, возможно, выслушает. Кто-то мог помочь деньгами. Кто-то мог связаться с чиновником. Кто-то мог заниматься социальными сетями. Кто-то мог пойти на встречу. Кто-то мог говорить тогда, когда я не мог. Шаг за шагом они создали сеть поддержки вокруг старого друга, сидевшего в тюрьме за тысячи километров от них. Они отказались просто сидеть и смотреть. Они отказались отвернуться и сделать вид, что это их не касается лишь потому, что это была не их борьба. Они сделали её своей борьбой.

И, возможно, именно это и есть настоящая дружба. Не люди, стоящие рядом с тобой на фотографии, когда всё хорошо. А те, кто всё ещё стоит рядом после того, как остальные ушли. Тюрьма показала мне ужасные стороны человеческой природы.

Я видел жадность, предательство и трусость. Людей, использующих чужое отчаяние. Людей, требующих у семей деньги, потому что они знают: семья заплатит что угодно, лишь бы спасти того, кого любит. Я видел, как люди полностью меняются, когда думают, что тебе больше нечего им дать. Но тюрьма показала мне и противоположное. Верность, щедрость, мужество и дружбу. Людей, которые делают что-то для другого человека, хотя лично им от этого нет абсолютно никакой выгоды. И именно таких людей ты помнишь. Не потому, что они обещали быть рядом, а потому, что они были рядом.

Когда мне нужны были голоса за пределами этих стен, они стали этими голосами.

Когда мне нужно было стучаться в двери, они стучали.

Когда мне нужно было, чтобы кто-то сидел за столом напротив члена парламента, кто-то шёл и садился туда.

Когда мне нужно было вынести мою историю за пределы этих стен, они её вынесли.

И они продолжают делать это до сих пор. Годы спустя всё ещё звонят, всё ещё ходят на встречи, всё ещё давят и всё ещё отказываются принять мысль, что старый друг должен просто исчезнуть в тюремной системе за тысячи километров, пока все остальные продолжают жить своей жизнью. Есть долги, которые невозможно вернуть деньгами и это один из них. Поэтому я хочу, чтобы их имена были записаны здесь. Не спрятаны где-то на странице благодарностей, которую большинство людей пропустит. Здесь, внутри самой истории. Потому что они стали частью этой истории.

Доктор V.

Жанара.

Шехаб.

Кэш.

Али.

Адам Абдул Басир.

Амр.

Хиляль.

Азиз.

Зи.

Эмилио.

Вы знаете, что сделали для меня. Вы знаете, чем пожертвовали ваши семьи, пока вы тратили своё время, помогая моей. И я тоже это знаю.

Аллах йебарек фикум ва фи ахликум. Пусть Аллах благословит каждого из вас и ваши семьи. Я буду благодарен вам вечно. Это испытание научило меня никогда не считать, будто я заранее знаю, кто будет стоять рядом со мной, когда наступит самый страшный день. Некоторые люди, которых я ожидал увидеть рядом, исчезли. Другие пришли оттуда, откуда я никогда не ожидал. И когда почти каждая дверь казалась закрытой, когда правовая система словно была полна решимости поглотить всё, что мы обнаружили, когда внимание СМИ начало угасать, а очередное расследование тихо закрывали, снаружи всё ещё оставались люди, не готовые позволить этой истории умереть.

Годами я боролся изнутри. Теперь другие начинали бороться снаружи. И впервые за очень долгое время что-то менялось. Помощь уже была в пути.

Глава 110: Когда Британия решит помочь?

На протяжении многих лет через всё это дело меня преследует одна фраза британского правительства:

«Мы не можем вмешиваться в судебную систему другой страны».

Я слышал разные варианты этой фразы столько раз, что уже устал от неё. Я понимаю принцип. Конечно, Британия не может просто приказать иностранному судье освободить британского гражданина. Она не может войти в зал суда в Казахстане, отменить мой приговор и забрать меня домой, но я не об этом прошу. Моя проблема в том, что значение слова

«вмешиваться», похоже, расширяется или сужается в зависимости от обстоятельств. Потому что чем больше я узнавал об отношениях Великобритании с Казахстаном, тем больше у меня возникало вопросов. Британское правительство и без меня знает, что здесь существуют серьёзные проблемы и оно само об этом говорит. В опубликованных британским правительством рекомендациях по ведению бизнеса в Казахстане прямо признаётся, что Казахстан продолжает не соответствовать международным стандартам в ряде областей прав человека. В материалах британского правительства выражались опасения по поводу верховенства права, независимости судебной системы, политического плюрализма, свободы выражения мнений и коррупции. Это не Мохамед Баракат сердито пишет из тюремной камеры. Это собственная оценка британского правительства страны, в которой одного из его граждан приговорили к двадцати годам за убийство. И всё же Британия была вполне готова глубоко участвовать в создании доверия к другой части правового ландшафта Казахстана. Посмотрите на Международный финансовый центр «Астана».

Суд МФЦА был создан как отдельная коммерческая юрисдикция, действующая на принципах общего права. На самых высоких уровнях этого суда работали некоторые из наиболее выдающихся британских судей, включая лорда Вульфа, лорда Мэнса и лорда Бернетта. Почему? Потому что международному бизнесу и инвесторам нужна уверенность. Им нужны независимые судьи. Им нужен предсказуемый закон. Они хотят знать: если в Казахстан инвестированы сотни миллионов фунтов и возникает спор, существует правовая среда, которой можно доверять. Я это понимаю, но чего я не понимаю — так это противоречия.

Британия может с энтузиазмом поддерживать британскую юридическую экспертизу и институты общего права, создающие доверие для международной торговли в Казахстане, но британский гражданин, осуждённый в обычной уголовной системе Казахстана, может снова и снова заявлять о проблемах с доказательствами, судебно-медицинскими процедурами и нарушениями права на справедливое судебное разбирательство и в ответ постоянно слышать:

Мы не можем вмешиваться. Я не утверждаю, что суд МФЦА и уголовные суды Казахстана — одна и та же правовая система. Это не так и я не утверждаю, что британское правительство назначает судей МФЦА, оно этого не делает. Моя мысль гораздо проще. Когда международным инвестициям нужна уверенность в Казахстане, Британия готова предоставлять некоторые из самых авторитетных имён британского правосудия юридическому институту, созданному именно для того, чтобы эту уверенность обеспечить.

А что насчёт британских граждан? Что происходит, когда уверенность в правосудии нужна нам? Мне ещё труднее понять это противоречие потому, что собственная консульская политика Великобритании вовсе не говорит, что чиновники обязаны молчать всякий раз, когда дело касается иностранного

суда. В собственных рекомендациях правительства Великобритании для британских заключённых в Казахстане сказано, что если обращение не соответствует международно признанным стандартам, Британия может рассмотреть вопрос об обращении к властям. Это может включать опасения по поводу того, соответствовал ли судебный процесс международно признанным стандартам.

Поэтому годами я задавал себе вопрос:

Где именно проходит граница?

Когда выражение обеспокоенности превращается во «вмешательство»?

Когда дипломатические представления становятся оправданными?

Насколько серьёзными должны стать доказательства?

Сколько предполагаемых нарушений должно накопиться?

Сколько экспертов должны выразить обеспокоенность?

Сколько жалоб нужно подать?

Сколько лет британский гражданин должен провести за решёткой?

Потому что к тому времени Британия уже знала, о чём мы заявляли, посольство знало и МИД знал. Они знали о том, как со мной обращались в заключении. Они знали о судебно-медицинских разногласиях. Они знали о проблемах вокруг заключения № 28. Они знали о записях. Они знали о жалобах. Они знали о годах, которые моя семья потратила, пытаясь добиться надлежащего пересмотра дела. И само британское правительство публично признавало более широкие проблемы в стране, где всё это произошло. Так чего же ещё не хватало? Я начал изучать дела других британских граждан, заключённых за рубежом.

И вопросов у меня стало ещё больше. Возьмём Джима Фиттона. Он был британским геологом, которого арестовали в Ираке после того, как он взял фрагменты керамики с археологического объекта. Его признали виновным и приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. Британское правительство не могло вмешиваться и в судебную систему Ирака. Но это не означало, что Британия ничего не делала. Британское посольство неоднократно посещало его. Британские чиновники взаимодействовали с иракскими властями. Была направлена официальная дипломатическая нота. Дело дошло до парламента. Джеймс Клеверли публично объяснял, что британское правительство взаимодействует с Ираком на высоком уровне и будет продолжать это делать. Пятнадцатилетний приговор Фиттона в конце концов отменили.

Были также Эйден Аслин и Шон Пиннер — британские граждане, захваченные в плен во время боёв на стороне Украины и приговорённые к смертной казни судом, поддерживаемым Россией, на оккупированной территории Украины. Их обстоятельства совершенно отличались от моих, и я не пытаюсь утверждать обратное. Но Британия не ответила: иностранная правовая система, ничего не можем сделать. Британское правительство активно включилось в дело. Последовала международная дипломатия и в конце концов они вернулись домой.

Моё внимание привлекали и другие дела. Британские граждане, обвинённые за рубежом в преступлениях, связанных с наркотиками. Молодая беременная британка, арестованная в Грузии. Британцы, которым грозили серьёзные сроки на Ближнем Востоке. Некоторые были виновны. Некоторые признали, что сделали. Некоторые дела разворачивались в совершенно иных политических и правовых обстоятельствах. Я не говорю, что им не следовало помогать. Конечно, им следовало помогать. Они британские граждане. Мой вопрос — обратный.

Почему мне не должны помогать? Я не хочу, чтобы другому британскому заключённому оказывали меньше помощи только для того, чтобы моё обращение выглядело равным. Я хочу понять, почему иногда правительство может считать принцип «мы не можем вмешиваться» полностью совместимым с интенсивной дипломатической работой, обращениями министров, официальной перепиской с иностранными правительствами и публичным давлением, а в другом деле тот же принцип словно превращается в стену.

Какова политика? Где порог? Кто принимает это решение? И самое главное:

Может ли британский гражданин, сидящий в иностранной тюрьме, вообще узнать ответ? Чем глубже я разбирался, тем страннее всё выглядело. Британия вовсе не была не осведомлена о проблемах Казахстана в области прав человека. Британские министры публично обсуждали их. После насилия января 2022 года лорд Ахмад напрямую поднял перед Казахстаном вопросы прав человека. Ситуация в Казахстане обсуждалась в парламенте. Обсуждались и возможные антикоррупционные санкции против лиц, связанных с Казахстаном; Джеймс Клеверли объяснял возможность Великобритании вводить санкции против лиц, причастных к серьёзной коррупции. То есть Британия понимала, что здесь далеко не всё в порядке. Одновременно отношения между двумя странами продолжали развиваться.

Торговля, инвестиции, нефть, газ и критически важные полезные ископаемые. Образование, Британские университеты, бизнес и стратегическое сотрудничество. Я понимаю дипломатию, у стран есть интересы. Правительства вынуждены поддерживать отношения даже с государствами, чьи системы они критикуют. Британия не может прекратить торговлю с каждой страной, чья система правосудия не соответствует британским стандартам. Но разве это не делает защиту граждан ещё более важной, а не менее? Если ваше собственное правительство предупреждает британский бизнес о рисках в сфере управления, коррупции и верховенства права в какой-то стране, что происходит, когда британский гражданин попадает прямо в уголовную систему той же страны?

Именно этот вопрос не давал мне покоя. Моя семья также пыталась идти политическим путём дома. Нашим местным членом парламента был Джеймс

Мюррей. Моя семья впервые связалась с его офисом примерно в конце 2024 года.

Мы ждали и ждали. Шли месяцы и моя семья уже боролась на всех возможных фронтах и верила, что их член парламента хотя бы изучит, что произошло с одним из его избирателей. Но реального продвижения не было. В конце концов Адам начал настойчиво добиваться ответа. Ближе к концу 2025 года Адам вместе с моей матерью присутствовал на собрании в общественном центре, где офису Джеймса Мюррея задали очень простой вопрос: Что на самом деле было сделано по делу Мохамеда? После более чем года ожидания объяснение, которое нам дали, было поразительным. Из-за изменений внутри МИДа мои документы, возможно, были потеряны.

Помню, как я думал об этом из тюрьмы- потеряны? Я спрашивал не о штрафе за парковку. Я отбывал двадцать лет за убийство в Казахстане. Моя семья говорила людям, что, по нашему убеждению, существуют доказательства, способные показать серьёзнейшую судебную ошибку. И после более чем года ожидания оказалось, что документы, возможно, просто потерялись где-то во время изменений в МИДе. В бюрократии есть нечто особенно жестокое, когда ты сидишь в тюрьме. Для человека за письменным столом пропавший документ — административная проблема. Для человека за решёткой этот пропавший документ означает месяцы его жизни.

Бумаги можно заменить, но мне никто не вернёт этот год. Я всё чаще задумывался о том, что вообще означает посольство. В детстве моё понимание было простым. Если ты британец и за границей с тобой происходит что-то ужасное, британское посольство существует, чтобы помочь. Разумеется, взрослая жизнь учит, что реальность сложнее. Посольство — не ваш адвокат. Оно не может отменить ваш приговор. Оно не может оплатить ваши судебные расходы. Оно не может требовать для вас особого обращения только потому, что у вас британский паспорт. Я всё это понимаю, но между отменой иностранного приговора и бездействием при заслуживающих доверия заявлениях о серьёзной несправедливости существует огромное пространство. Собственная политика Британии признаёт существование этого пространства. Посольства могут делать дипломатические представления. Они могут поднимать вопросы благополучия и условий содержания. В соответствующих обстоятельствах они могут присутствовать на судебных процессах или наблюдать за ними. Министры могут поднимать отдельные дела перед своими иностранными коллегами.

Можно направлять дипломатические ноты.

Можно задавать вопросы.

Можно выражать обеспокоенность соблюдением международных стандартов.

Можно требовать от иностранных правительств ответов, не диктуя их судам, какой приговор выносить.

Это не то же самое, что вмешиваться в независимость судебной системы. Иногда это просто дипломатия и это не уникально для Британии. Я посмотрел, как другие крупные западные страны защищают своих граждан за рубежом. Соединённые Штаты прямо говорят, что их консульские сотрудники не могут вытащить американцев из тюрьмы просто потому, что они американцы, но их чиновники могут посещать задержанных, взаимодействовать с властями и наблюдать за отдельными аспектами судебного процесса. Австралия аналогично заявляет, что не может вмешиваться в судебный процесс другой страны, но при этом описывает значительный объём консульской помощи, касающейся благополучия задержанных, доступа к адвокатам и обращения с ними. Канада пошла ещё дальше на международном уровне, ведя кампанию против произвольных задержаний и развивая международное сотрудничество вокруг этой проблемы. Ни одна из этих стран не может волшебным образом спасать каждого гражданина, которого арестовали за рубежом.

И не должна, но они признают одну фундаментальную вещь. Паспорт должен что-то значить тогда, когда его владелец наиболее уязвим. И это приводит меня к британской общественности. Потому что в конечном счёте эти посольства принадлежат и вам. Вы за них платите. Ваши налоги финансируют офисы МИД. Ваши налоги финансируют британские дипломатические представительства по всему миру. Ваше правительство говорит вам, что консульская помощь — жизненно важная государственная услуга. Поэтому я хочу задать вам вопрос. Не как Мохамед Баракат, осуждённый заключённый. Не как человек, чьё лицо появлялось под ужасными заголовками. А просто как ещё один британский гражданин. Вас это устраивает? Вас устраивает, что консульская помощь остаётся дискреционной, а общественности не объяснён понятный порог, после которого должны предприниматься серьёзные дипломатические шаги? Вас устраивает, что одна семья может годами пытаться понять, почему другой британский заключённый, похоже, получает интенсивную поддержку правительства, тогда как их родственник снова и снова слышит, что Британия не может вмешиваться? И комфортно ли вам от мысли, что этот вопрос может стать важным для вас только в самый страшный день вашей жизни? Потому что никто не ожидает, что ему понадобится посольство.

Я уж точно не ожидал. Я был пилотом авиакомпании и я постоянно путешествовал. Посольства были зданиями, мимо которых я проходил, флагами за воротами и чем-то, что может понадобиться, если потеряешь паспорт. А потом однажды меня арестовали и внезапно этот флаг стал означать всё.

Я не прошу Британию объявить меня невиновным, это важное различие. Я прошу Британию серьёзно посмотреть на то, что произошло с одним из её граждан, и использовать уже имеющиеся дипломатические механизмы, когда

возникают обоснованные опасения, что международные стандарты могли быть нарушены.

Задайте вопросы.

Поднимите доказательства.

Потребуйте надлежащих ответов.

При необходимости сделайте дипломатические представления.

Посмотрите, что произойдёт дальше и не позволяйте словам «мы не можем вмешиваться» становиться оправданием для ухода от гораздо более трудного вопроса:

«Что мы можем сделать?»

Потому что после всего, что документально изложено в этой истории, именно этот вопрос, на мой взгляд, британское правительство должно было задавать себе. И если сама Британия говорит, что Казахстан продолжает не соответствовать международным стандартам в важных областях, если Британия признаёт проблемы с верховенством права и независимостью судебной системы, если британские министры поднимали вопросы прав человека перед Казахстаном и если британская юридическая экспертиза может через МФЦА помогать международным инвесторам чувствовать уверенность, то, безусловно, британский гражданин, отбывающий двадцатилетний срок, заслуживает большего, чем сочувственное наблюдение со стороны. Я не хочу особого правосудия потому, что я британец. Я не хочу, чтобы Казахстану приказали освободить меня только потому, что у меня британский паспорт.

Я хочу обратного. Я хочу того же, что Британия обещает продвигать по всему миру. Независимого правосудия, надлежащей правовой процедуры, международных стандартов, подотчётности и справедливого рассмотрения доказательств. Возможно, я задаю неправильный вопрос, когда спрашиваю, почему Британия не вмешалась.

Тогда задам другой. И обращён он не к Казахстану, а к моему собственному правительству: Насколько плохим должно стать обращение с британским гражданином за рубежом, прежде чем Британия решит, что тихо наблюдать со стороны уже недостаточно?

Глава 111: Кто-то будет смеяться, кто-то — плакать

Проведя достаточно лет в тюрьме, начинаешь слышать истории, которые звучат как анекдоты. Не смешные истории. А настолько абсурдные, что мозг с первого раза просто отказывается их принимать. Человек рассказывает тебе, что произошло в его деле, а ты смотришь на него.

«Нет, такого просто не может быть».

Он объясняет ещё раз. Кто-то ещё за столом подтверждает его слова. Ты смеёшься, он смеётся, смеются все, а потом кто-то приносит документы. Появляются судебные решения, апелляции, экспертные заключения и

последующие решения судов. Ты начинаешь читать и постепенно смех прекращается.

На протяжении всей этой книги я говорил: если бы кто-то взял отдельные части моего дела и поместил их в художественный роман, читатели, вероятно, пожаловались бы, что сюжет нереалистичен. Но тюрьма научила меня одной неприятной вещи. Моё дело было не единственным невероятным. Вокруг меня были мужчины, чьи истории порождали тот же самый вопрос: Как обе эти вещи могут одновременно быть правдой?

Пять миллиардов тенге.

Одним из таких людей был мой друг Рус. Руслан Ерденаев когда-то занимал одну из важнейших должностей в финансовой системе Казахстана. Он возглавлял Единый накопительный пенсионный фонд — ЕНПФ. Когда я познакомился с ним в тюрьме, он прекрасно говорил по-английски. Он был умён, отлично образован и понимал Казахстан на совершенно ином уровне, чем большинство заключённых, которых я встречал. Как я уже писал, разговоры с Русом и Эндрю многому научили меня о том, как устроена эта страна. Рус к тому же страстно ненавидел адвокатов. Его жена фактически получила полноценную адвокатскую лицензию, чтобы защищать его в собственном деле. После пережитого у него почти не осталось веры в эту профессию. Но больше всего меня поразило его собственное уголовное дело. Рус получил двенадцать лет тюрьмы по делу о пяти миллиардах тенге, принадлежавших пенсионному фонду Казахстана.

Пять миллиардов. Такая цифра сама создаёт газетные заголовки. Бывший глава пенсионного фонда, пропали миллиарды, коррупция и тюрьма. Человеку, листающему новости в телефоне, этого, вероятно, достаточно. Ещё один коррумпированный чиновник. Отлично, посадить его, смахнул и следующая статья. Но история Руса не закончилась уголовным приговором. Спустя годы история этих пяти миллиардов тенге стала гораздо сложнее. Уголовное дело касалось пяти миллиардов тенге, которые ЕНПФ инвестировал в облигации Buzgul Aurum. Компания разместила пять миллиардов тенге в Asia Credit Bank, а затем заняла в том же банке примерно 4,9 миллиарда. Когда этот кредит не был погашен, банк списал в счёт него пятимиллиардный депозит. А затем в этой истории появился ещё один суд Казахстана. 15 декабря 2020 года Специализированный межрайонный экономический суд Алматы установил, что списание Asia Credit Bank этих пяти миллиардов тенге со счёта Buzgul Aurum было незаконным. Впоследствии, в марте 2021 года, это решение было оставлено в силе апелляцией.

Остановитесь здесь и прочитайте ещё раз. Рус сидел в тюрьме после уголовного дела, в котором пять миллиардов тенге считались убытком, связанным с действиями подсудимых. Затем другой казахстанский суд рассмотрел судьбу тех же пяти миллиардов тенге и установил, что банк незаконно списал их со счёта компании, а Рус продолжал сидеть в тюрьме.

Дальше ещё интереснее или хуже. В зависимости от того, смеётесь вы или плачете. Осуждённые мужчины по-прежнему были обязаны возмещать ущерб. По более поздним сообщениям Orda.kz, находясь в тюрьме, они вместе выплатили примерно 1,1 миллиарда тенге. Вдумайтесь в эту ситуацию. Вы сидите в тюрьме. Государство говорит: миллиарды потеряны, и вы должны их вернуть.

Тем временем гражданский суд установил, что банк незаконно списал депозит в пять миллиардов тенге. А вы всё равно продолжаете платить. Рус и остальные при этом не просто сидели и жаловались. Они пытались указывать на активы, за счёт которых государство могло бы вернуть деньги. Другой осуждённый, Дабыр Медетбеков, обратился в административный суд, добиваясь действий в отношении активов Buzgul Aurum. В феврале 2025 года в удовлетворении этого требования было отказано. А теперь попробуйте объяснить эту ситуацию кому-нибудь и не улыбнуться от абсурда.

Заключённые фактически говорили: Вот актив, взыщите его и верните деньги. А ответ был: нет. Тем временем: Вы всё ещё должны нам деньги. В какой-то момент всё начинает звучать как комедийная сценка. Только Рус рассказывал мне эту историю не в комедийном клубе. Он рассказывал её из тюрьмы.

Двенадцать лет- вот чего газетный заголовок передать не способен. Двенадцать дней рождения, двенадцать летних сезонов и двенадцать зим. Родные становятся старше, дети взрослеют и родители умирают.

Жизнь снаружи продолжается, пока твоя остаётся запертой за стеной. И была ещё одна примечательная деталь: по меньшей мере один из других обвиняемых в более широком деле уже вышел на свободу. То есть даже внутри одной истории разные подсудимые могли получить совершенно разные результаты. Я сидел, слушал, как Рус всё это объясняет, и думал: Как правовая система может одновременно производить две реальности?

А потом вспоминал собственное дело. Возможно, поэтому мы с Русом так хорошо понимали друг друга.

«Но она говорит, что её не насиловали»

А были дела, которые объяснить было ещё труднее. Изнасилование — одно из самых серьёзных обвинений, которые можно предъявить другому человеку. Его необходимо расследовать со всей серьёзностью. Пострадавшие заслуживают защиты. Настоящие виновные заслуживают наказания.

И именно потому, что обвинение настолько серьёзно, к доказательствам необходимо относиться с такой же серьёзностью. Я узнал о деле, в котором подростков признали виновными в изнасиловании четырнадцатилетней девочки. А затем произошло нечто чрезвычайное. Девочка, названная потерпевшей, публично появилась вместе с матерью и заявила, что её не насиловали. Не анонимный аккаунт в социальной сети, не слух, ходивший по тюрьме, а сама девочка и её мать заявляли публично.

Они выступили на пресс-конференции Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности. В публикациях по этому делу также сообщалось о свидетелях, утверждавших, что изнасилования не было. И всё же подростков признали виновными. Попробуйте объяснить это одним предложением: Мальчиков осудили за изнасилование девочки, которая публично заявила, что её не насиловали.

Ваша первая реакция должна быть такой: Чего я не знаю? Должно быть что-то ещё. Должны быть доказательства, о которых нам неизвестно. Должно быть объяснение. И это совершенно разумная реакция. Уголовные дела нельзя бездумно сводить к одному предложению. Но именно поэтому такое чрезвычайное противоречие должно вызывать вопросы, а не равнодушие. Если человек, названный потерпевшим, публично говорит, что ключевого преступления не было, кто-то, безусловно, должен остановиться и очень внимательно изучить, каким образом вообще был вынесен обвинительный приговор.

И это было не единственное такое дело. В другом деле в Актау мужчине дали десять лет тюрьмы за изнасилование. Позже женщина написала в суд, что никакого изнасилования не было, что она пришла к нему добровольно и что их сексуальные отношения были по взаимному согласию. Но приговор остался в силе. И снова:

Что? Прочитайте ещё раз. Мужчина получает десять лет за изнасилование. Женщина говорит, что изнасилования не было. Мужчина остаётся осуждённым. Разумеется, могут существовать законные причины, по которым суд не принимает отказ от прежних показаний автоматически. На потерпевших могут давить, им могут угрожать или они могут испугаться. Приговор не может просто исчезать каждый раз, когда кто-то меняет свои показания. Я это понимаю, но и само противоречие тоже не может просто исчезнуть.

Если предполагаемая потерпевшая говорит, что преступления, за которое человек отбывает десять лет, не было, система правосудия должна быть способна независимо и убедительно объяснить, почему приговор, несмотря на это, остаётся надёжным. Потому что за этим приговором сидит живой человек. Десять лет — не юридическая абстракция, когда ты проживаешь их сам.

Кого же он подкупил?

Было ещё одно дело, с которым я столкнулся в тюрьме и которое я всё ещё хочу полностью задокументировать, прежде чем называть людей полными именами. Бизнесмена мы знали как Серёгу. Как мне объясняли, его признали виновным в даче взятки полицейскому. Полицейского тоже осудили.

Всё достаточно просто. Один человек даёт взятку, другой её получает и оба осуждены. А затем, спустя годы, предполагаемого получателя признали невиновным в получении взятки. А Серёга продолжил сидеть в тюрьме за то, что её дал. Помню, как я подумал об очевидном вопросе:

Кого именно он тогда подкупил? Возможно, когда я в конце концов получу оба судебных решения, там окажется сложное юридическое объяснение, способное примирить эти результаты. Если оно есть, я об этом напишу.

Я не хочу жаловаться на несправедливость, одновременно поступая несправедливо по отношению к другому человеку и выдавая за установленный факт то, чего пока не могу документально подтвердить. Но в том виде, в каком это дело знали мы внутри тюрьмы, противоречие было ошеломляющим. Для взятки обычно нужны две стороны. Кто-то даёт и кто-то получает, но если правовая система в конечном итоге устанавливает, что предполагаемый получатель ничего не получал, что происходит с приговором предполагаемому взяткодателю? Это именно та история, от которой все за тюремным столом начинают смеяться. Так куда же делась взятка? Исчезла на полпути через стол? Кто её получил?

Все смеются, а потом ты вспоминаешь, что один из этих мужчин всё ещё отбывает срок. И внезапно шутка перестаёт быть смешной.

Невозможные истории

Чем дольше я находился внутри тюремной системы Казахстана, тем больше подобных историй слышал.

Но я узнал и кое-что ещё. Тюрьма полна невиновных мужчин. Просто спросите их. Объяснение есть почти у каждого. Некоторые заключённые лгут. Некоторые преуменьшают то, что сделали. Некоторые удобно умалчивают тот единственный факт, который полностью меняет их историю. Некоторые повторяли свою версию столько лет, что, возможно, уже сами в неё поверили. Я очень быстро научился не верить чему-то только потому, что другой заключённый убедительно мне это рассказал. Вот почему важны документы.

Вот почему важны судебные решения. Вот почему важны экспертные заключения. Вот почему важны независимые публикации. Вот почему в собственном деле я стал одержим доказательствами.

Не верьте Мохамеду только потому, что Мохамед говорит вам, что он невиновен. Посмотрите на доказательства. И тот же стандарт я применяю ко всем остальным. Именно поэтому такие дела, как дело Руса, так тревожили меня.

Были документы, были судебные решения, были даты, были суммы и были последующие разбирательства. То, что нельзя было просто списать на очередного заключённого, хорошо рассказывающего свою историю. Постепенно я понял, что важный вопрос заключается не в том, невиновен ли каждый заключённый, заявляющий о несправедливости. Разумеется, нет. Вопрос в том, способна ли система распознавать и исправлять серьёзные противоречия, когда их действительно можно доказать.

Ошибается любая система правосудия. Британия ошибается, Америка ошибается, да любая страна ошибается. Преступления расследуют люди,

обвинение поддерживают люди и судят тоже люди. Людям свойственно совершать ошибки.

Настоящая проверка системы правосудия — не в том, ошибается ли она когда-нибудь. Настоящая проверка наступает потом. Что происходит, когда появляются доказательства, указывающие на то, что что-то могло пойти ужасающе неправильно? Система проявляет любопытство? Или занимает оборонительную позицию? Кто-то независимо изучает доказательства? Или учреждение защищает своё прежнее решение?

Может ли суд сказать: Мы ошиблись?

Может ли прокурор сказать: Этот приговор больше нельзя считать надёжным?

Может ли следователь признать: Я совершил ошибку?

Может ли система исправить саму себя?

Эти вопросы имели для меня огромное значение. Потому что это были и мои вопросы. Но затем я начал замечать ещё кое-что. И вот здесь история становится ещё более неприятной. Что происходит, когда обвиняемый — не обычный гражданин? Что происходит, когда обвиняемый сам работает на систему?

Когда обвиняемые носят форму

Посмотрите на дело Атбасарской колонии. В 2023 году появилась видеозапись, на которой заключённых внутри колонии жестоко избивали и подвергали плохому обращению. Одним из заключённых был активист Тимур Данебаев. Это был уже не просто очередной заключённый за закрытой дверью, говорящий: Охранники пытали меня.

Было видео, настоящая видеозапись и власти Казахстана подтвердили подлинность записи из колонии, и в итоге двенадцать сотрудников уголовно-исполнительной системы были обвинены в пытках. А теперь сравните то, что произошло дальше, с некоторыми делами, о которых вы только что прочитали. В феврале 2025 года всех двенадцать оправдали. Затем прокуратура подала апелляцию и оправдательный приговор отменили. Они снова предстали перед судом. В декабре 2025 года всех двенадцать снова оправдали. Прокуратура снова подала апелляцию.

Затем, в марте 2026 года, второй оправдательный приговор тоже был отменён, и назначили ещё одно новое судебное разбирательство. Просто посмотрите на эту последовательность. Видеозапись избиения заключённых. Двенадцать сотрудников колонии привлечены к уголовной ответственности. Оправданы, оправдательный приговор отменён. Судят снова, снова оправданы, а затем оправдательный приговор снова отменён и ещё один суд. А теперь вернитесь к делам, о которых только что прочитали. Подумайте о подростках, осуждённых за изнасилование, когда девочка, названная потерпевшей, и её мать публично сказали, что изнасилования не было. Подумайте о мужчине, получившем десять лет, чья предполагаемая потерпевшая впоследствии сообщила суду, что их сексуальные отношения

были по обоюдному согласию. Подумайте о Русе и пяти миллиардах тенге, а также о том, что другой суд Казахстана впоследствии установил относительно списания этих денег банком.

А теперь посмотрите на Атбасар. Видите разницу? Потому что я вижу. Когда обвиняют обычного человека, чрезвычайные противоречия, похоже, могут прекрасно сосуществовать с годами лишения свободы. Но посадите на скамью подсудимых государственных служащих — даже по делу, где есть видеозапись жестокого обращения внутри тюрьмы, — и внезапно добиться обвинительного приговора и удержать его в силе становится чрезвычайно трудно.

Это совпадение? Я так не думаю. Я провёл слишком много лет в тюрьмах Казахстана, чтобы делать вид, будто не видел, как могут рассматриваться жалобы на должностных лиц.

Заключённый говорит, что его избили. Где доказательства?

Он говорит, что его пытали. Где доказательства?

Он жалуется на администрацию колонии. Нарушений не установлено.

Я сам подавал жалобы. Я видел, как их подавали другие заключённые. Снова и снова вопрос возвращается:

Где ваши доказательства? Хорошо, тогда что происходит, когда доказательства у кого-то действительно есть? Что происходит, когда есть камера? Что происходит, когда появляется видеозапись того, что происходило внутри тюрьмы? Атбасар даёт мне глубоко тревожный ответ. Даже видеозапись не привела к прямому и простому пути к окончательному обвинительному приговору сотрудникам, которых привлекли к ответственности. И я должен смотреть на всё это и верить, что тот факт, что подсудимые работали в уголовно-исполнительной системе, совершенно никак не связан с тем, насколько сложным оказался процесс?

Возможно, некоторые читатели поверят. Я — нет. Это не означает, что двенадцать человек должны автоматически быть признаны виновными только потому, что они носят форму, конечно нет.

Каждый подсудимый заслуживает справедливого судебного разбирательства. Каждое конкретное обвинение должно быть доказано в отношении конкретного обвиняемого. Обвинение обязано установить уголовную ответственность. Презумпция невиновности должна что-то значить. Я горячо верю в эти принципы. Именно поэтому контраст так беспокоит меня.

Где эта чрезвычайная осторожность, когда обвиняемый — обычный человек?

Где эта решимость абсолютно убедиться, что доказательства поддерживают приговор, когда в тюрьме сидит кто-то вроде Руса?

Где она, когда спустя годы после приговора появляются противоречащие ему доказательства?

Где она, когда предполагаемая потерпевшая сама говорит, что преступления не было?

Где тогда эта бесконечная институциональная нерешительность?

Я видел, как заключённые и их семьи годами боролись лишь за то, чтобы убедить кого-нибудь ещё раз посмотреть на доказательства. Я видел, как жалобы возвращались в те самые учреждения, на которые жаловались. Я видел, как мужчины объясняли противоречия между официальными решениями, пока за решёткой проходил очередной день рождения.

Но когда на скамье подсудимых оказываются сами представители системы, путь к окончательному обвинительному приговору внезапно может стать поразительно сложным. Возможно, это совпадение. Возможно, каждый этап можно объяснить по отдельности. Возможно, юристы смогут указать мне процессуальные причины каждого оправдания, каждой отмены и каждого нового судебного разбирательства. Но после всего, что я увидел внутри этой системы, я не считаю, что этот контраст можно просто игнорировать. И я предлагаю читателю самому составить мнение.

Не верьте мне на слово. Читайте дела, смотрите судебные решения, смотрите видеозаписи и смотрите, что происходило потом. А затем спросите себя: Кажется ли, что сомнения трактуются в пользу всех одинаково?

Семьям не до смеха

Снаружи тюрьмы абсурдные дела могут казаться занимательными. Люди любят странные истории. Читаешь такую в телефоне и отправляешь кому-нибудь. Посмотри на это, ты можешь в это поверить? Может быть, вы смеётесь. Иногда смеялись даже мы. Тюремный юмор другой.

Иногда смех — просто ещё один механизм выживания. Я видел, как мужчины рассказывали о худших моментах своей жизни и смеялись так сильно, что едва могли закончить предложение. А позднее той же ночью видишь того же человека сидящим в одиночестве. Без зрителей, без шуток, просто смотрящим в пустоту и тогда понимаешь. Кто-то снаружи тоже отбывает этот срок.

Мать просыпается посреди ночи и проверяет телефон.

Отец стареет, пытаясь найти очередного адвоката.

Жена часами едет на тюремное свидание.

Дети не понимают, почему папа не возвращается домой.

Семьи продают вещи.

Занимают деньги.

Платят адвокатам.

Пишут жалобы.

Ждут апелляций.

Они изучают слова «кассация», «экспертиза», «процессуальное нарушение» и «вновь открывшиеся обстоятельства», которых никогда не хотели знать. Один год превращается в два. Два — в пять. Пять — в десять.

Фотографии меняются, дети становятся подростками и родители становятся старыми. Некоторые умирают раньше, чем заключённый возвращается домой.

В этом нет ничего смешного. И, возможно, именно в этом главное различие между читателем и заключённым. Вы можете прочитать историю Руса и сказать:

«Это абсурд».

А потом перевернуть страницу. Рус не мог перевернуть страницу. Каждое утро он просыпался внутри неё. Подростки, осуждённые за изнасилование, не могли закрыть газету и заставить свою историю исчезнуть, также как их матери тоже не могли. Мужчина, отбывавший десять лет, не мог, Серёга не мог и я не мог.

Наши семьи не могли и заключённые, которых на записи избивали в Атбасаре, тоже не могли просто выключить видео и вернуться к нормальной жизни. Когда я впервые оказался в тюрьме, мне казалось, что моя история уникальна своей невозможностью. Отпечатки пальцев, ДНК, камеры видеонаблюдения, судебно-медицинские противоречия, свидетели, удалённые доказательства и заключение № 28. Всё, что мне предстояло обнаружить в последующие годы. Я постоянно думал: Наверняка больше ни у кого нет настолько безумного дела.

А потом я начал знакомиться с людьми. Читать их документы. Слушать их семьи. Наблюдать, как разворачиваются другие дела и постепенно мой вопрос изменился. Он больше не звучал так: Как это могло произойти со мной? Он стал другим:

Сколько раз такое уже происходило? Я до сих пор не знаю ответа. Возможно, его не знает никто. Но теперь я знаю достаточно, чтобы понимать: когда кто-то из тюрьмы рассказывает вам невозможную историю, вы можете совершить две одинаково опасные ошибки.

Первая — верить всему. Вторая — не верить ничему. Поэтому не верьте нам только потому, что мы говорим вам, что невиновны. Расследуйте, читайте, проверяйте доказательства, сравнивайте судебные решения, задавайте неудобные вопросы, а когда два официальных вывода кажутся несовместимыми, не смейтесь и не идите дальше, просто спросите почему. А если обвиняемый работает в учреждении, которое отвечает за заключение всех остальных, смотрите ещё внимательнее. Спросите, применяются ли одинаковые стандарты. Спросите, существует ли одинаковая решимость довести обвинение до конца. Спросите, получает ли обычный обвиняемый такую же возможность толковать сомнения в свою пользу. Спросите, почему кажущиеся подавляющими доказательства иногда приводят к годам процессуальной неопределённости, когда на скамье подсудимых сидят должностные лица, тогда как обычные обвиняемые могут проводить те же годы, отчаянно пытаясь хотя бы убедить систему пересмотреть доказательства, указывающие в противоположную сторону. Некоторые

читатели этих историй будут смеяться и я понимаю почему. Иногда смеялись даже мы.

Кто-то будет смеяться, а кто-то будет плакать.

Но где-то сегодня ночью мать лежит без сна и думает, вернётся ли её сын когда-нибудь домой. Где-то жена смотрит на фотографии из жизни, которая существовала до тюрьмы. Где-то дети растут без отца. Где-то заключённый, говорящий, что его пытали, думает, поверит ли ему когда-нибудь кто-нибудь. А где-то за бетонной стеной другой мужчина лежит на металлической койке, смотрит в потолок и в тысячный раз прокручивает один и тот же вопрос:

Как такое вообще может происходить? Для читателя это невероятная история. Для семьи — трагедия. Для заключённого здесь нет финальной шутки.

Утром свет снова включат. Двери откроются. Назовут очередной номер. Из его срока исчезнет ещё один день.

Вы можете закрыть эту книгу. Но он не может закрыть тюремную дверь со своей стороны. Кто-то будет смеяться. Кто-то будет плакать.

Тем, кто через это проходит, остаётся только выжить.

Глава 112: Вы страус?

Когда я только начал писать эту книгу, я сознательно решил по возможности держаться подальше от политики. Оглядываясь назад, понимаю, что, вероятно, это было невозможно с самого начала. Моя история произошла не в вакууме. Она произошла в Казахстане. Она произошла в определённый момент истории Казахстана.

В ней были задействованы полиция, прокуратура, суды, тюрьмы и высшие государственные учреждения страны. В ней был задействован британский гражданин, а значит, в конце концов и британское правительство. И пока моя собственная жизнь рушилась внутри номера 801, за тысячи километров от меня уже разворачивались гораздо более крупные политические и финансовые конфликты, связанные с Казахстаном. Поначалу я совершенно ничего о них не знал. А потом люди начали следить за тем, чтобы я узнал.

В Лондоне происходило кое-что ещё В 2019 году, когда моё собственное дело только начиналось в Казахстане, британское Национальное агентство по борьбе с преступностью использовало один из своих относительно новых инструментов против подозрительных незаконных богатств — приказы о необъяснимом происхождении имущества. В мае 2019 года NCA добилось таких приказов в отношении трёх элитных объектов недвижимости в Лондоне, первоначально приобретённых более чем за 80 миллионов фунтов и оформленных через офшорные компании. Сначала NCA описывало эти объекты как связанные с политически значимым лицом. Позже стало известно, что недвижимость была связана с Даригой Назарбаевой и её сыном Нурали Алиевым — дочерью и внуком недавно ушедшего к тому времени

президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Я хочу очень чётко объяснить, что произошло потом, потому что не намерен поступать с другими так, как, по моим словам, поступили со мной.

Впоследствии дело Национального агентства по борьбе с преступностью было проиграно. В 2020 году верховный суд отменил эти приказы, отвергнув ключевые предположения, лежавшие в основе позиции NCA. Поэтому я не утверждаю, что разбирательство по приказам о необъяснимом происхождении имущества доказало преступную деятельность семьи Назарбаева. Оно этого не доказало. Моя мысль касается времени. Потому что всё это происходило почти точно в тот же период, когда развивалось моё собственное дело в Казахстане, а я понятия об этом не имел. Но пока я находился под стражей, эту тему при мне поднимали снова и снова. Люди связывали то, что я британец, с тем, что Британия делала в отношении богатых казахстанских людей в Лондоне. Помню, я думал: Какого чёрта всё это имеет ко мне отношение?

Я пилот авиакомпании. Я сижу под стражей потому, что умерла моя дочь. Я не работаю в Национальном агентстве по борьбе с преступностью. Я не выдаю приказы о необъяснимом происхождении имущества. Я не решаю, что делают британские суды. Я вообще не знал о существовании этих расследований. Но, по-видимому, одного моего британского паспорта оказалось достаточно, чтобы чужие политические и финансовые споры с Британией вошли в атмосферу вокруг меня. Спустя годы, когда я начал читать гораздо шире, я понял, насколько значимой стала эта тема. Бывшая правящая элита Казахстана и перемещение казахстанских богатств в Британию стали вопросом и в Вестминстере. В 2022 году парламент обсуждал возможные антикоррупционные санкции против лиц, связанных с Казахстаном, и прямо говорил о богатствах, связанных с окружением Назарбаева. И снова: всё это не доказывает, что моё уголовное преследование было политически заказано. Я не могу создать документ, которого у меня нет. Но было бы нечестно делать вид, что этого политического фона не существовало.

Особенно потому, что позже, изучая материалы собственного дела, я обнаружил документы, подписанные или изданные на высоком уровне Генеральной прокуратуры уже на самых ранних этапах расследования. Моё дело поразительно быстро привлекло внимание значительно выше уровня обычного районного расследования. В конце концов моя семья подняла эти опасения перед британским посольством и МИДом. Поэтому, когда люди снова и снова упоминали действия Британии против казахстанских элит в разговорах вокруг меня, в то время как высшие органы уже внимательно следили за моим делом, я это запомнил.

Я помню это до сих пор. И было бы глупо не включить это в книгу лишь потому, что политика вызывает у людей дискомфорт. Сегодня никто не существует вне политики. Правда в том, что я хотел, чтобы эта книга была о доказательствах, о моей дочери, о расследовании и о том, что произошло со

мной. Но посмотрите на мир вокруг нас. Украина, Газа, Иран, санкции, тарифы, Дональд Трамп, Биньямин Нетаньяху, Илон Маск, Томми Робинсон и Эпштейн. Массовые демонстрации по всей Великобритании, Европе, Соединённым Штатам, Австралии и в других местах. Войны, выборы, миллиардеры, правительства, алгоритмы, пропаганда, социальные сети и политические движения входят в нашу жизнь независимо от того, приглашали мы их или нет. Вы можете ненавидеть политику, но политика вовсе не обязана ненавидеть вас, она может просто всё равно вас найти.

Я это знаю, потому что большую часть прежней жизни считал, что всё это ко мне не имеет никакого отношения. Я летал на самолётах, путешествовал, жил в гостиницах, ел в ресторанах, возвращался домой и заботился о семье. Политика была чем-то, о чём люди спорили по телевизору.

А потом однажды моя дочь умерла в гостиничном номере в Казахстане, и внезапно прокуроры, посольства, министры, парламентарии, международные организации и правительства стали частью моего повседневного словаря. Поэтому я хочу, чтобы читатель задал себе вопрос, о котором до всего этого я сам никогда не задумывался достаточно серьёзно: Насколько вы на самом деле защищены, когда покидаете свою страну?

В какой-то момент обсуждение моего дела появилось на PPRuNe — вероятно, крупнейшем в мире профессиональном форуме пилотов. Оно началось с вопроса, который показался мне важным: какую защиту на самом деле имеют пилоты авиакомпаний, когда работа отправляет их в страны, где верховенство права нельзя воспринимать как данность? Пилоты всю карьеру пересекают границы потому, что авиакомпании направляют их туда. Что происходит, если за рубежом что-то идёт катастрофически не так? Но где-то по ходу обсуждения произошло нечто странное. Разговор перестал быть о защите пилотов и превратился в спор о том, могу ли я вообще быть британцем.

«Британец по имени Мохамед Баракат? Можете это подтвердить?» — спросил один из участников. Словно имя Мохамед требовало объяснения прежде, чем рядом с ним можно было поставить слово «британец». Я прочитал это и подумал: до чего докатился мир? Вот британский капитан авиакомпании сидит в иностранной тюрьме двадцать лет при крайне сомнительных обстоятельствах, а для некоторых людей трудный вопрос состоял не в том, на какую защиту пилот должен рассчитывать от своей страны, оказавшись за рубежом в коррумпированной стране. Вопрос был в том, может ли британца вообще звали Мохамед.

Может ли это случиться с вами? Возможно, вы читаете это в Британии. Может быть, вы путешествуете два раза в год. Может быть, вы профессиональный пилот авиакомпании. Дубай, Турция, Таиланд, Казахстан, Египет или Грузия. Куда-нибудь недорого. Куда-нибудь в тепло. Куда-нибудь красиво. Куда-нибудь, куда вас отправили работать или в командировку. Вы бронируете гостиницу, покупаете страховку и проверяете, что до окончания

срока действия паспорта осталось шесть месяцев. Проверяете погоду или может быть, даже смотрите уровень преступности, а потом едете.

Я делал это годами. Но сколько из нас действительно изучают уголовную систему страны, в которую въезжают? Насколько независимы суды? Может ли полиция получить доступ к вашему телефону? Что произойдёт, если доказательства исчезнут? Можно ли записывать допрос? Придёт ли ваше посольство в суд? Разрешает ли страна немедленно получить надлежащий доступ к независимому адвокату? Что произойдёт, если местная пресса опубликует полицейскую версию событий ещё до суда над вами? Что произойдёт, если они распространят недостоверную информацию так, будто это установленный факт? Что произойдёт, когда эту статью найдут британские газеты? Проверят ли они её независимо? Или ваше имя, фотография и самое сенсационное обвинение будут копироваться с одного сайта на другой, пока люди в странах, где вы никогда не бывали, не поверят, будто точно знают, что, по словам газет, вы сделали? Ответ на этот последний вопрос я знаю, потому что видел, как это происходит.

Первоначальная история о Мохамеде Баракате с поразительной скоростью разошлась по всему миру. Годы спустя, когда появились доказательства, ставящие эту историю под сомнение, заинтересовать журналистов оказалось крайне трудно. Это должно беспокоить вас, даже если до открытия этой книги вы никогда не слышали моего имени. Потому что следующим может оказаться ваше имя. Я не говорю, что вам следует перестать путешествовать. Я уж точно не говорю, что каждый иностранный полицейский коррумпирован или каждый иностранный суд небезопасен.

Я говорю гораздо более простую вещь. Знайте, куда вы едете. И понимайте, что ваш паспорт — не волшебный щит.

Синдром страуса

За время этого испытания я встречал внутри правовой системы Казахстана людей, которые понимали, что что-то не так. Я хочу сказать это ясно. Не все меня игнорировали. Не все были коррумпированы. Не каждый человек в форме был плохим. Я видел, как чиновники смотрели на документы и выражение их лица менялось. Я видел, как люди тихо говорили:

«Это неправильно».

Я видел искреннее удивление. Я видел сочувствие. Я даже видел гнев, но затем снова и снова происходило одно и то же- ничего. Человек видит проблему, понимает проблему и возможно, даже соглашается, что нужно что-то сделать.

А затем его голова внезапно исчезает. Я начал называть это синдромом страуса. Люди часто используют образ страуса, который от страха прячет голову в песок. Настоящий страус буквально так на опасность не реагирует, но метафора идеально описывает то, о чём я говорю.

Я этого не видел.

Это выше моего уровня.

Кто-нибудь другой этим займётся.

Не втягивайте меня.

Может быть, всё само исчезнет.

Голову в песок.

Ждать и надеяться, что опасность пройдёт.

Я видел синдром страуса в тюрьмах.

Я видел его в государственных ведомствах.

Я видел его в судебных процессах.

Я видел его на международном уровне.

И однажды заметив его, начинаешь видеть его повсюду. Проблема в том, что игнорирование чего-либо не заставляет это исчезнуть. Обычно это означает лишь, что цену заплатит кто-то другой. А вы ведёте себя как страус? Вот почему я хочу вывести этот разговор за рамки истории Мохамеда Бараката. В следующий раз, когда увидите, как происходит что-то плохое, и первой мыслью будет: Это ужасно, но меня это не касается.

Хорошенько спросите себя, действительно ли это так. Разрушение справедливого судебного разбирательства касается не только заключённых. Свобода прессы касается не только журналистов. Коррупция в государстве касается не только политиков. Война касается не только людей, чьи дома прямо сейчас бомбят. Консульская защита касается не только тех, кто уже сидит в иностранных тюрьмах. У прав есть странное свойство. Большинство людей не замечают, насколько они ценны, пока они работают. Замечаешь это тогда, когда одно из них исчезает. Вы мало думаете о надлежащей правовой процедуре, пока вас в чём-нибудь не обвинят. Вы не думаете о точности прессы, пока ваше лицо не окажется под ложным заголовком. Вы не думаете о консульской защите, пока не сидите за стенами иностранной тюрьмы. Вы не думаете о независимости судебной системы, пока судья перед вами не выглядит так, будто уже решил исход дела. К тому моменту начинать заботиться уже поздновато.

Поэтому иногда спрашивайте себя: Не веду ли я себя как страус? Не игнорирую ли я что-то лишь потому, что столкнуться с этим неудобно? Не предполагаю ли я, что этим займётся кто-то другой? Не защищаю ли я себя сегодня ценой того, что завтра создаю худший мир для собственных детей? Потому что в конце концов кто-то всегда платит. Как мудро сказал мой адвокат Дин-Мухамед: «Люди просят справедливости только тогда, когда несправедливость происходит с ними!»

Дети

Есть одна тема, на которую я не способен смотреть со стороны- это дети. Изображения из Газы, Судана и Украины действуют на меня так, что мне трудно подобрать слова. Международные организации, правительства и суды продолжают спорить об ответственности, международном праве и обвинениях, включая геноцид. Я не собираюсь делать вид, будто несколько страниц в моих мемуарах способны разрешить один из самых политически

острых споров на Земле. Но есть кое-что, для чего не нужна политическая экспертиза.

Мёртвый ребёнок — это мёртвый ребёнок.

Испуганный ребёнок — это испуганный ребёнок.

Младенец не знает геополитики.

Двухлетний ребёнок не понимает границ.

Ребёнок, роющийся в завалах, не знает, какую резолюцию приняли в Организации Объединённых Наций.

Он знает одно слово- Мама. Я видел фотографии детей из Газы, Судана и Украины, которые снова и снова что-то ломали внутри меня. Крошечный ребёнок, раненый на руках у родителя. Дети, бродящие среди разрушений в поисках своих семей. Маленькие лица, покрытые пылью. Дети, зовущие матерей, которые, возможно, уже никогда не ответят. Я не могу смотреть на них просто как на очередную статистику.

Я потерял Софию.

В этом мире есть много вещей, на которые теперь я могу смотреть с определённой эмоциональной дистанцией, которой у меня не было до тюрьмы, но не на детей. На детей — никогда. Когда я вижу отца, держащего мёртвую дочь, я кое-что знаю о той дыре, которая только что открылась в груди этого мужчины. Когда я вижу мать, кричащую над своим ребёнком, я не думаю прежде всего о политике. Я вижу родителя.

И когда я вижу маленького ребёнка, одинокого, испуганного и ищущего среди разрушений мать или отца, больше всего мне хочется протянуть руки сквозь экран, поднять его, обнять и сказать ему, что он в безопасности.

Защитить его, потому что после потери дочери каждый испуганный ребёнок способен напомнить мне о ней. Каждый из этих детей на мгновение становится Софией. Какое всё это имеет отношение к вам? Может быть, самое прямое, а может быть, никакого. Отчасти это ваше решение. Вы можете прочитать эту книгу как странный кошмар одного человека в Казахстане. Британский пилот, мёртвая дочь, оспариваемый приговор за убийство, коррумпированные чиновники и тюрьмы.

Что-то далёкое, что-то несчастное, то, что с вами никогда не случится. Именно так раньше я думал о чужих катастрофах.

А потом пришла моя. Вот почему я не хочу, чтобы окончательный урок моей истории звучал так: Бедный Мохамед. Это никому не поможет.

Гораздо лучший вопрос: Чему история Мохамеда может научить меня до того, как мне придётся усвоить тот же урок самому? Возможно, это означает внимательнее проверять страну, в которую вы собираетесь ехать. Возможно, это означает понимать, что ваше правительство будет и чего не будет делать, если вас арестуют за рубежом. Возможно, это означает относиться скептичнее, когда появляется сенсационный заголовок о человеке, которого вы никогда не встречали. Возможно, это означает не считать, будто каждое слово уже доказано только потому, что полиция выпустила заявление.

Возможно, это означает обращать внимание, когда правительства ослабляют суды, запугивают журналистов или усложняют привлечение к ответственности. Возможно, это просто означает говорить, когда все вокруг решили, что молчать безопаснее.

Мелочи имеют значение, потому что институты не рушатся внезапно за одну ночь. Стандарты размываются, один компромисс, одно проигнорированное нарушение, один напуганный чиновник, один журналист, решивший не публиковать и один гражданин, который говорит:

Не моя проблема. Снова, снова и снова.

Пока однажды это не становится вашей проблемой. Тогда вы отчаянно оглядываетесь вокруг и не понимаете, почему никто не говорит. А возможно, все они делают ровно то же, что когда-то делали вы- отворачиваются. Поэтому если после всего пережитого я могу дать вам один урок, он будет таким: Не ждите, пока окажетесь за стеной, чтобы решить, что эта стена имеет значение. Не ждите, пока именно ваш ребёнок станет фотографией по телевизору, чтобы решить, что чужие дети тоже важны. Не ждите, пока ваше имя окажется под заголовком, чтобы задуматься, проверяют ли журналисты то, что публикуют. Не ждите, пока окажетесь в иностранной тюрьме, чтобы спросить, что ваше правительство действительно сделает для вас. И когда вы видите нечто неправильное и убеждаете себя, что безопаснее всего не высовываться, вспомните страуса. Задайте себе один вопрос: Не прячу ли я голову в песок, надеясь, что чужая проблема исчезнет раньше, чем доберётся до меня? Потому что иногда она действительно исчезает, иногда заголовки сменяются другими, а иногда все забывают. Но где-то кто-то всё ещё живёт с последствиями. Я знаю, так как я живу со своими уже много лет.

И когда я смотрю на испуганные лица детей, оказавшихся в войнах, которых они не создавали, когда думаю о Софии и обо всём, что она должна была успеть увидеть, моя политика становится очень простой. Я не хочу, чтобы ещё один отец узнал это чувство. Я не хочу, чтобы ещё одна мать узнала его. Мне всё равно, какой паспорт у ребёнка. Мне всё равно, на каком языке он говорит. Мне всё равно, по какую сторону границы он родился.

Я просто хочу, чтобы кто-то поднял этого ребёнка. Обнял его и защитил его. Потому что для его отца, для его матери, этот ребёнок — весь мир. А для меня, хотя бы на мгновение, все они — София.

Глава 113: КНБ и я

До тюрьмы 71 всё, что я знал о КНБ, я знал лишь по рассказам других. Комитет национальной безопасности Казахстана — КНБ, как его называют все. Для человека вне этой части мира представьте нечто среднее между разведывательной службой и мощным федеральным правоохранительным органом. Из-за советской истории Казахстана люди естественно проводят параллели с КГБ. Американцы могли бы подумать о ФБР. Ни одно из этих сравнений не вполне точно, но общее представление они дают.

В тюрьме само это название имеет вес. Вы слышите истории. КНБ сделал это, КНБ забрал его, КНБ следит за ними и не говори об этом, КНБ слушает. У меня не было личного опыта общения с ними, поэтому большую часть таких рассказов я пропускал мимо ушей. Тюрьма полна историй. Если бы я верил всему, что слышал за эти годы, я бы окончательно сошёл с ума. Мой собственный опыт с ними начался с одного простого предложения. Эндрю слышал записи Мадины. Он видел части моего дела. Он взял телефон и поговорил со своими контактами в КНБ о том, могу ли я публично опубликовать эти голосовые сообщения.

Ответ был таким:

«Он имеет право опубликовать эти голосовые сообщения».

Вот и всё, ничего драматичного, никто не выбивал дверь и никто не вызывал меня в тёмную комнату для допросов. Просто несколько слов, сказанных моему другу. Но именно эти слова заставили меня начать присматриваться. Кто вообще эти люди? Кто следит за Антикором?

На мой взгляд, одним из важнейших ведомств в любом обществе должна быть антикоррупционная служба. Если полиция коррумпирована, кто ловит полицейских? Если прокуроры коррумпированы, кто ловит прокуроров? Если судьи коррумпированы, кто ловит судей? И самое главное: Кто ловит Антикор, когда сам Антикор становится коррумпированным? Мы с семьёй уже писали в Агентство Казахстана по противодействию коррупции о тревоживших нас обстоятельствах моего дела.

Ничего, абсолютно ничего содержательного в ответ не пришло. Тогда я начал читать о людях, которые сами работали на высоких должностях в Антикоре. Максат Кожабаев был не каким-то рядовым сотрудником внизу организации. Он занимал должность заместителя председателя Агентства Казахстана по противодействию коррупции. И кто его задержал? Конечно же КНБ. Его задержали в 2023 году, а затем осудили по делу о 120 000 долларов и обещаниях, связанных с решением уголовного дела другого человека. Он получил пять лет и шесть месяцев тюрьмы. Затем посмотрите на его брата Дауренбека Кожабаева, который тоже занимал высокую должность в антикоррупционной системе. Позже его осудили по крупному делу о взяточничестве и приговорили к одиннадцати годам. Если заглянуть ещё дальше назад, можно найти и других сотрудников антикоррупционной службы, которых самих ловили по коррупционным делам.

Я не мог не замечать иронию. Мы писали в Антикор с просьбой разобраться с коррупцией, пока КНБ тем временем арестовывал людей из самого Антикора, такое не придумаешь. И чем больше я смотрел, тем чаще видел одни и те же три буквы за делами, связанными с должностными лицами- КНБ. А потом Антикор отдали КНБ и вот здесь история становится ещё интереснее. 30 июня 2025 года президент Токаев реорганизовал Агентство Казахстана по противодействию коррупции. Его следственные антикоррупционные функции были переданы Комитету национальной

безопасности, и была создана Антикоррупционная служба КНБ. То есть в конце концов сам Казахстан, похоже, пришёл к выводу, что КНБ следует дать гораздо более значимую роль в наведении порядка во всём этом беспорядке.

К этому моменту я уже не удивлялся. Я начал замечать, кто стоял за многими такими операциями- КНБ.

Ловят коррумпированного чиновника- КНБ.

Расследуют высокопоставленного человека- КНБ.

Берут тюремного чиновника. И снова я слышу о КНБ.

А потом начальника тюрьмы, о котором я писал раньше, посадили, и я узнал, что за этим расследованием снова стояли структуры безопасности. Внезапно я начал понимать, что эти люди действовали вокруг нас гораздо больше, чем я прежде осознавал.

Они уже внутри тюрем

У тюрьмы есть собственное правительство. Я объяснял это на протяжении всей книги. Есть официальная администрация, есть Козлы, есть Блатные, есть Ахи и есть смотрящий. Движутся деньги, телефоны, наркотики и вымогательство. Сделки между заключёнными и сотрудниками. Информация, все следят за всеми и где-то за всем этим следит и КНБ. Я начал понимать, что они постоянно контролируют эту среду. Очевидно, их интересует экстремизм и это не секрет. Ахи знают, что за ними наблюдают. Люди, осуждённые за терроризм и экстремизм, знают, что за ними наблюдают. Но, судя по тому, что я начал видеть и узнавать внутри, дело этим не ограничивалось. Полицейские, вымогающие деньги у заключённых. Заключённые, вымогающие деньги у других заключённых. Организованные группы, становящиеся слишком влиятельными. Серьёзные обвинения в злоупотреблениях. Информация о том, что на самом деле происходит внутри тюрем. Информация движется и у КНБ повсюду есть свои люди и источники.

Когда я понял, на что смотреть, я начал это замечать. Годами я считал, что половина безумия, происходящего внутри этих стен, невидима для внешнего мира, но это было не так, кто-то наблюдал.

Судьи, прокуроры, чиновники — один за другим

А теперь посмотрите за пределы тюрем. Поищите новости Казахстана. Судьи, прокуроры, полицейские и высокопоставленные чиновники один за другим.

В июне 2026 года даже председателя уголовной судебной коллегии Восточно-Казахстанского областного суда задержали в ходе операции с участием КНБ и внутренней безопасности судебной системы по подозрению в получении особо крупной взятки за благоприятное судебное решение. На секунду вдумайтесь в эту должность. Председатель уголовной судебной коллегии. Человек, находящийся на чрезвычайно высоком уровне той самой системы, которая решает, отправлять ли других людей в тюрьму. И кто-то готов расследовать его действия. Ранее в том же году прокурора в Актюбинской области задержали в рамках антикоррупционной операции с

участием Антикоррупционной службы КНБ и внутренней безопасности Генеральной прокуратуры. Это не люди, продававшие сигареты без лицензии, а это люди внутри самой правовой системы. Именно это и нужно Казахстану. Потому что какова альтернатива? Позволить каждому человеку с должностью стать неприкасаемым?

Позволить полицейскому расследовать действия общества, но никому не расследовать действия полицейского? Позволить прокурорам расследовать всех, пока никто не расследует прокуроров? Позволить судьям отправлять людей в тюрьму, будучи уверенными, что за ними самими никто никогда не придёт? Нет, приходите за ними.

Если они нарушают закон — расследуйте.

Если берут деньги — ловите.

Если злоупотребляют должностью — снимайте их.

Именно так очищают систему.

А потом я действительно с ними познакомился. Но я стал таким поклонником КНБ не из-за газетных статей. Я лично общался с этими людьми и они оказались совсем не такими, как я ожидал. На протяжении книги я описывал некоторые свои контакты с полицией и прокуратурой. Иногда я сидел и искренне недоумевал, как человек напротив меня вообще оказался на той должности, которую занимал. Объясняешь что-то- ничего. Объясняешь ещё раз- пустое лицо. Прямо показываешь на противоречие- всё равно ничего. А потом я начал общаться с людьми из КНБ. Совершенно другой опыт: сообразительные, врезвычайно сообразительные. Не нужно объяснять одно и то же шесть раз. Они слушают, они анализируют тебя, пока ты анализируешь их. Они замечают мелкие детали. Они понимают, как разные части связаны между собой. Они задают правильные вопросы.

И было ещё кое-что, что мне в них понравилось. Похоже, им неинтересно делать вид, будто проблем не существует. Они знают, что происходит. Не нужно сидеть перед ними и объяснять:

Ребята, в Казахстане есть коррупция. Они знают.

Не нужно объяснять, что полицейские могут брать деньги. Они знают.

Что сотрудники тюрем могут зарабатывать на заключённых. Они знают.

Что люди при власти могут злоупотреблять этой властью. Они знают.

И, судя по тому, что я видел, они идут за такими людьми. Вот что произвело на меня впечатление- результаты. За эти годы я устал слушать, как ведомства рассказывают мне, что они должны делать. Мне интересно, что вы действительно делаете.

Я получил достаточно писем. Достаточно официальных ответов. Достаточно вот этого: Ваша жалоба направлена в компетентный орган. Направлена. Направлена снова. Направлена обратно тем людям, на которых вы жалуетесь. Большое спасибо. Закрыть файл. Следующий. Теперь я сужу по результатам и КНБ показывает результаты.

Их видно, так как чиновников ловят, судей расследуют и прокуроров расследуют. Людей внутри самого Антикора ловили. Тюремных чиновников ловили. А теперь следственная антикоррупционная функция вообще передана КНБ. Перед ними огромная работа, нереально огромная. Я провёл достаточно лет внутри правовой и тюремной систем Казахстана, чтобы понимать масштаб того, с чем им приходится иметь дело. Но по крайней мере кто-то, похоже, готов этим заниматься и для меня именно это имеет значение.

Я поклонник

А теперь то, чего я никогда не думал, что напишу, когда меня впервые арестовали в Казахстане. Я, Мохамед Баракат, огромный поклонник казахстанского КНБ. Вот так, я это сказал и я знаю, что некоторые люди, читающие эту книгу, сочтут это странным. Как человек, который главу за главой жестоко критиковал части полиции, прокуратуры, судов и тюремной системы Казахстана, может внезапно хвалить одно из самых могущественных государственных учреждений страны?

Легко, потому что именно это я испытал на собственном опыте. Если кто-то делает плохо, я скажу, что он делает плохо. Если кто-то делает хорошо, я скажу, что он делает хорошо. Я пишу эту книгу не для того, чтобы нападать на Казахстан. Я пишу о том, что произошло со мной в Казахстане. Это разные вещи. И мой опыт общения с КНБ был положительным.

По моему мнению, эти люди представляют новое поколение в правоохранительной среде Казахстана. Образованные, умные, сообразительные, наблюдательные и что для меня важнее всего, они, похоже, готовы признавать уродливые вещи, происходящие внутри системы, и действительно идти за людьми, которые за это отвечают. Я это уважаю. На самом деле жаль, что я не встретил больше людей с таким мышлением в самом начале моего дела. Возможно, сегодня моя жизнь выглядела бы совсем иначе.

Спасибо

Здесь всё просто, я хочу выразить благодарность Комитету национальной безопасности Казахстана- Спасибо.

Спасибо тем сотрудникам, которые действительно идут за коррупцией.

Спасибо тем, кто расследует действия чиновников, считавших, что должность защищает их.

Спасибо тем, кто следит за тем, что происходит за тюремными стенами.

Спасибо тем, кто готов расследовать действия людей, которые сами расследуют всех остальных.

Продолжайте, потому что Казахстану вы нужны. Впереди ещё гора работы, но с того места, где я сижу, я вижу результаты. А важны именно результаты. Как ни странно, все мои отношения с КНБ начались с одной фразы, которая, вероятно, почти ничего не значила для человека, первоначально её сказавшего:

«Он имеет право опубликовать эти голосовые сообщения».

Для меня она значила многое. Она заставила меня начать присматриваться. Чем больше я смотрел, тем больше узнавал. Чем больше узнавал, тем сильнее менялось моё мнение.

Но эти слова были лишь началом истории. Потому что в конце концов я уже не просто наблюдал за КНБ издалека и не только получал через Эндрю переданные сообщения. Они войдут непосредственно в мою жизнь. И вот там по-настоящему начинается история КНБ и меня.

Глава 114: Голоса отчаяния

Годами я кричал о своём деле. Моя мать кричала, мои сёстры кричали, адвокаты писали, жалобы подавались, с посольствами связывались, с государственными ведомствами связывались и с международными организациями связывались. Администрация Президента, генеральная прокуратура, омбудсмен, Британское посольство, МИД, органы ООН и правозащитные организации. У всех было письмо и у всех был документ. Все что-то знали, но один и тот же ответ снова и снова возвращался в разных формулировках: Мы не вмешиваемся в индивидуальные дела.

Индивидуальные дела, я начал ненавидеть эти слова. Но что вообще такое «индивидуальное дело»? Сколько индивидуальных дел нужно, прежде чем кто-нибудь наконец оторвётся от бумаг и скажет: Подождите. Возможно, это уже не отдельные проблемы. Чем дольше я находился внутри казахстанской системы, тем важнее становился для меня этот вопрос. Потому что я больше не был один. Я начал слышать другие голоса, другие люди, другие дела, другие профессии, другие годы, но удивительно похожие жалобы. И в конце концов я кое-что понял.

Возможно, мы совершали ошибку. Возможно, вместо того чтобы каждый из нас стоял в одиночку и кричал: Посмотрите на моё дело! Нам следовало встать вместе и сказать: Посмотрите на закономерность.

Голос из прошлого

Прежде чем перейти к Муратхану, Гульнаре, Мурату Адаму и мне, я хочу вернуть вас назад. К другому человеку- Евгению Жовтису. Для любого, кто связан с правами человека в Казахстане, его имя едва ли нуждается в представлении. Он был директором Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности. За много лет до того, как кто-либо услышал имя Мохамеда Бараката, уголовное дело самого Жовтиса уже дошло до Комитета ООН по правам человека. Я начал читать его дело и чем больше читал, тем страннее себя чувствовал.

Потому что вроде бы я должен был читать чужую историю. А вместо этого через каждые несколько страниц находил фрагменты собственной. Независимые эксперты, ходатайства защиты, жалобы на отсутствие равенства между обвинением и защитой и апелляция, которая, согласно его юридическому обращению, не рассмотрела должным образом суть доводов защиты. Его адвокаты жаловались, что и суд первой инстанции, и

апелляционный суд отказались должным образом учитывать независимых экспертов, оспаривавших экспертные доказательства обвинения. Они жаловались на предвзятость и отсутствие равенства сторон. Они утверждали, что апелляция превратилась во что-то больше похожее на формальную процедуру, чем на настоящий пересмотр доказательств.

А затем я дошёл до части об апелляции. В обращении говорилось, что апелляционный суд не рассмотрел должным образом независимых экспертов, не разобрал доказательства со стороны семьи потерпевшего, оставил ходатайства защиты без ответа и не провёл полноценного содержательного пересмотра приговора. Я перестал читать.

Подождите минуту, сколько лет разделяло его дело и моё? Другое преступление, другой обвиняемый, другие обстоятельства и всё же я читал жалобы, которые звучали болезненно знакомо. В собственном деле я годами просил суды разбираться с доказательствами, а не просто фиксировать, что мой адвокат подал очередную бумагу. Эксперты, судебная экспертиза, свидетели, ходатайства и апелляции. Снова и снова одно и то же разочарование:

Кто-нибудь вообще посмотрит на суть? Моё собственное обращение в Комитет ООН по правам человека теперь содержит серьёзные заявления о нарушениях статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах — гарантий справедливого и публичного слушания, независимого и беспристрастного суда, презумпции невиновности, достаточных возможностей для защиты, права допрашивать свидетелей и надлежащего перевода. А затем в материалах Жовтиса я нашёл нечто ещё более тревожное. Уже тогда международные наблюдатели выражали обеспокоенность чрезвычайно низким уровнем оправдательных приговоров в Казахстане и огромным дисбалансом между возможностями прокуратуры и защиты. Это было написано не после жалоб Мохамеда Бараката. Это появилось не потому, что моя мать подняла слишком много шума. Всё это существовало за годы до моего приезда.

Механизм уже был описан

Была ещё и академическая литература. Я прочитал статью Алексея Трочева, опубликованную в Cornell International Law Journal, под названием «Между обвинительными приговорами и примирениями: рассмотрение уголовных дел в судах Казахстана». И снова — никакого отношения к Мохамеду Баракату, никакого отношения к Софии и никакого отношения к номеру 801. Это было академическое исследование того, как на самом деле работает уголовная система Казахстана. И вот оно снова. Трочев писал о том, что он называл сохраняющимся обвинительным уклоном, унаследованным от советского периода, а также о связях и стимулах, объединяющих следователей, прокуроров и судей. Он утверждал, что реформы, призванные укрепить подлинно состязательное судопроизводство и независимость судей, сталкивались с трудностями, потому что нарушали существующие властные

отношения внутри уголовной системы. Позже он описывал судей как фактически остающихся младшими партнёрами правоохранительных органов в важных областях уголовного правосудия.

Прочитайте эту фразу ещё раз- младшие партнёры. Он писал о почти автоматическом удовлетворении ходатайств о заключении под стражу, об избегании оправдательных приговоров и реабилитации, а также об апелляционной среде, в которой прокуратура имела значительные преимущества. Он также описывал старое советское отношение, согласно которому оправдательный приговор считался провалом для прокуроров и судей первой инстанции.

Внезапно я читал уже не просто теории. Я читал описание механизма, внутри которого, как мне казалось, оказался заперт. За годы до того, как кто-либо узнал имя Мохамеда Бараката, учёные уже описывали его шестерёнки. Там обсуждалось даже то, что исторически называли «телефонным правом» — неформальным влиянием на судей и исход дел, — а также культура, в которой судьи могли не решаться идти против прокуроров из-за возможных профессиональных последствий. А теперь посмотрите на международные отчёты периода вокруг моего собственного суда. В докладе Государственного департамента США о правах человека в Казахстане за 2020 год среди серьёзных проблем назывались независимость судебной системы, пытки, ограничения свободы прессы и коррупция. В нём также говорилось о продолжающейся безнаказанности людей, занимающих властные должности и связанных с правоохранительными органами.

В том же докладе говорилось о пытках и жестоком обращении в местах содержания под стражей и тюрьмах и отмечалось, что случаи привлечения сотрудников тюрем к ответственности за пытки были редкими. И снова: Сколько индивидуальных дел нужно? Потому что в какой-то момент слово «индивидуальное» становится очень удобным.

Муратхан

А затем я встретил одно из таких индивидуальных дел. Муратхана Токмади. Человека, сидящего в тюрьме с настолько странной историей, что первой реакцией было остановиться и спросить, правильно ли ты вообще всё понял. Смерть, находившаяся в центре дела Муратхана, произошла в 2004 году. Банкир Ержан Татишев был застрелен и погиб во время охоты. Муратхана привлекли к ответственности в связи с этой смертью и был обвинительный приговор. Прошли годы, а затем та же смерть вернулась. На этот раз в деле утверждалось, что прежняя версия событий была неправильной.

Это было умышленное убийство и в 2018 году Муратхан получил десять с половиной лет за убийство Татишева. Поэтому, когда Муратхан говорит о своём деле, вопрос звучит до смешного просто: Сколько раз одного человека можно осудить в связи со смертью одного и того же человека? Юридические аргументы, разумеется, гораздо сложнее. Но тюрьма иногда учит прорезать

юридический язык насквозь. Один погибший, один обвиняемый и один первый обвинительный приговор, связанный с этой смертью. Но спустя годы — ещё одно уголовное преследование в связи с той же смертью, но уже по совершенно другой версии. Ещё один обвинительный приговор и Муратхан не просто говорил, что вторая версия была неправильной. Позже он заявил, что признание, положенное в основу этого дела, было получено под физическим и психологическим давлением. Orda.kz подробно расследовала эти заявления. В публикациях описывалось скрытое наблюдение за ним в заключении и расследование его заявлений о давлении и пытках. В декабре 2022 года расследование по факту пыток было прекращено за отсутствием состава преступления. И вот это создаёт интересную проблему лично для меня. Вы только что прочитали предыдущую главу. Вы знаете, каким стал мой собственный опыт общения с КНБ.

Я их похвалил и я от своих слов не отказываюсь. Муратхан описывает совершенно иной опыт из более раннего периода. Я не собираюсь вычёркивать его голос только потому, что он не совпадает с моим. Каким лицемером я тогда был бы?

Годами я просил людей слушать меня, когда я говорю: Это произошло со мной. Поэтому, когда другой заключённый говорит: Это произошло со мной, и вот обстоятельства, жалобы и материалы вокруг этого, я слушаю. Необязательно соглашаться с каждым выводом, чтобы услышать человека. В этом и весь смысл этой главы- слушайте голоса.

А потом голос пришёл из редакции

В конце концов речь шла уже не только о заключённых, это важно. Потому что заключённых легко списать со счетов. Конечно, он говорит, что невиновен или конечно, он жалуется. У каждого в тюрьме есть своя история. Хорошо, тогда выйдем из тюрьмы и пойдём в редакцию Orda.kz. Orda стала важна для меня потому, что они были готовы публиковать то, к чему другие боялись прикоснуться.

Они писали о коррупции, они писали о злоупотреблениях в тюрьмах, они писали о судьях, прокурорах и влиятельных людях. Они писали о Муратхане и в конце концов они написали мою историю. А затем внезапно главным сюжетом стала сама главный редактор, Гульнара Бажкенова. 1 декабря 2025 года прошли обыски в офисах Orda в Алматы и Астане и дома у Гульнары. Сотрудников допрашивали, телефоны изымали, а Гульнару поместили под домашний арест. Представьте, каково наблюдать за этим из тюрьмы. Одна из организаций, готовых рассказывать об обвинениях в том, что происходит внутри правовой системы Казахстана, внезапно сама начинает бороться с этой правовой системой. А затем дело расширяется, проходят месяцы, а журналистка, которая освещала проблемы всех остальных, теперь заперта дома и вынуждена разбираться со своими собственными. И пока я пишу эту книгу, история снова изменилась. 18 августа 2026 года Гульнару Бажкенову признали виновной и суд назначил семь лет лишения свободы с отсрочкой

исполнения наказания на два года. Это не древняя история, это произошло за четыре дня до того, как я пишу эти слова.

Поэтому, когда международные организации говорят нам, что изучают исторические закономерности или следят за развитием событий, поймите одну вещь: события развиваются прямо в тот момент, когда я печатаю эти строки.

А потом пришли за адвокатом

И вот здесь историю уже почти невозможно не заметить. Гульнаре нужен был адвокат.

Одним из адвокатов, пришедших защищать её интересы, был Мурат Адам. Когда проходили обыски, он попытался выступить её защитником. Он обжаловал домашний арест. Он подавал жалобы. Он публично говорил о том, что считал нарушениями, связанными с расследованием. А затем внезапно собственная проблема появилась у Мурата Адама. Министерство юстиции обратилось в суд с требованием лишить его лицензии на адвокатскую деятельность. Дело возникло на основании представления Министерства внутренних дел, утверждавшего, что, представляя Гульнару, он распространял ложную информацию о расследовании. В ходе разбирательства о лицензии были представлены шестнадцать материалов из СМИ и социальных сетей, причём, согласно сообщениям из суда, некоторые из них вообще не были его публикациями. Двадцать восемь адвокатов пришли в суд поддержать его, но 16 января 2026 года суд лишил его лицензии. Просто посмотрите на последовательность.

Журналистке нужен адвокат. Адвокат приходит защищать журналистку. Теперь самому адвокату нужны адвокаты, чтобы защищать его право оставаться адвокатом. Что ещё мне добавить?

Иногда факты сами пишут абзац за тебя. И была ещё одна причина, почему дело Мурата имело для меня значение. Среди материалов, которые я накопил о справедливом суде, были международные принципы, согласно которым адвокаты должны иметь возможность консультировать и представлять клиентов без неправомерных ограничений, влияния, давления или вмешательства. Это не какая-то революционная идея. Если адвокат боится, что активная защита спорного клиента может стоить ему карьеры, что тогда происходит с клиентом Что происходит со всеми, кто наблюдает? Какой сигнал они получают?

А потом был я

И где-то между всеми этими историями сидел Мохамед Баракат. Британский гражданин, капитан авиакомпании, двадцать лет и мёртвая дочь. Материалы дела, которые я перечитал столько раз, что практически видел страницы, закрывая глаза. Отпечатки пальцев, ДНК, камеры видеонаблюдения, удалённые записи, свидетели, экспертизы, заключение № 28, записи, жалобы, эксперты, апелляции и годы. И теперь моё дело вышло на другой уровень. Потому что к этому этапу уже не только Мохамед и его мать

говорили, что что-то серьёзно не так. Дело изучила высокоуважаемая британская барристер, специализирующаяся на уголовном правосудии, публичном и международном праве. Я намеренно не буду воспроизводить её конфиденциальную юридическую консультацию в этой книге. Я не собираюсь рассказывать вам каждый аргумент, который она выдвинула. Я не собираюсь раскрывать стратегию моего международного дела.

Но вот что я могу сказать. Изучив материалы, она сочла опасения по поводу справедливости суда достаточно серьёзными для подготовки официальной жалобы в Комитет ООН по правам человека с заявлениями о нарушении Международного пакта о гражданских и политических правах. Мой пакет документов для ООН начинается именно с этого: юридического представления о предполагаемых нарушениях статьи 14 в судебном процессе над Мохамедом Баракатом.

Для меня это имеет огромное значение. Потому что годами самым простым ответом моей матери было: Она его мать и конечно, она ему верит. Самым простым ответом мне было: Он заключённый, конечно, он говорит, что невиновен. Хорошо, тогда уберите меня, уберите мою мать, уберите моих сестёр и положите материалы дела перед человеком, чья профессиональная жизнь посвящена серьёзным вопросам уголовного правосудия и прав человека и спросите: Вы видите проблему? Я знаю ответ, который мы получили. Мне не нужно раскрывать здесь каждое его слово.

Сколько голосов?

А потом я снова начал думать о Жовтисе, о Муратхане, о Гульнаре, о Мурате и обо мне. Разные люди, разные десятилетия, разные обвинения и разные юридические проблемы.

Один — один из самых известных правозащитников Казахстана.

Один — заключённый, который говорит, что его дважды привлекли в связи с одной и той же смертью и что его позднее признание было получено принуждением.

Одна — руководитель независимой новостной организации.

Один — адвокат, который пришёл её защищать и потерял лицензию.

Один — британский пилот авиакомпании, отбывающий двадцать лет за убийство своей дочери.

На первый взгляд, что нас связывает? Почти ничего, но прислушайтесь внимательнее. Независимые эксперты, которых игнорировали или оспаривали. Вопросы о том, была ли апелляция содержательной. Заявления о принуждении и жестоком обращении. Давление вокруг журналистики. Давление вокруг адвокатов. Жалобы на власть прокуратуры. Вопросы о независимости судебной системы. Внутренние механизмы, которые, по словам людей, не смогли должным образом исправить произошедшее. И в конечном итоге: обращения к внешнему миру. Литература передо мной говорила о похожих вещах. В обращении Жовтиса за годы до этого содержались схожие предупреждения. Учёные описывали структурные

стимулы в пользу обвинения и против оправдательных приговоров. Международные отчёты снова и снова поднимали вопросы независимости судов, пыток, коррупции и свободы прессы. И всё же каждый раз, когда приходит ещё один человек с очередной папкой документов, все начинают сначала:

Индивидуальное дело. В какой-то момент мне это надоело. Хорошо, тогда мы не будем стоять поодиночке. У международных организаций есть ограничения, теперь я понимаю это лучше. ООН — не мировая полиция. ОБСЕ не может просто постучать в ворота тюрьмы и приказать кого-то освободить. Правозащитные организации имеют тысячи дел, конкурирующих за внимание. У всех есть мандат, юрисдикция, порог, процедура, форма, отдел и адрес электронной почты. Бог свидетель, я выучил их все. Но один ответ раздражал меня сильнее большинства:

Мы не расследуем индивидуальные дела. Хорошо, тогда, возможно, мы неправильно представляли проблему. Но что происходит, когда индивидуальные дела складываются в общую картину?

Что происходит, когда заключённый встаёт рядом с журналистом?

Что происходит, когда журналист встаёт рядом с адвокатом?

Что происходит, когда британский гражданин встаёт рядом с казахстанским заключённым?

Что происходит, когда дело 2009 года начинает звучать странно знакомо человеку, осуждённому в 2020-м?

Что происходит, когда академическая литература, опубликованная за годы до этого, описывает черты того же механизма? При каком количестве «индивидуальное» превращается в «системное»?

Два? Пять? Двадцать? Сто?

Назовите нам число — и мы продолжим собирать имена.

Совместное заявление

Вот тогда и начала формироваться идея перестать кричать по отдельности. Объединить голоса: Муратхан Токмади, Гульнара Бажкенова, Мурат Адам и Мохамед Баракат. Разные дела, разные люди и разные места внутри системы, но вместе мы могли сказать нечто, что гораздо труднее отмахнуть: Не смотрите на один приговор. Посмотрите, что эти дела вместе говорят об учреждениях, которые их производят. Муратхан привнёс вопросы об уголовном процессе, признательных показаниях, предполагаемых пытках и том, что он считает повторным привлечением к ответственности за одну и ту же смерть. Гульнара привнесла вопрос свободы прессы и последствий, с которыми сталкивается медиаорганизация, готовая расследовать деятельность влиятельных институтов. Мурат привнёс вопрос независимости адвокатской профессии и того, что происходит, когда адвокат активно защищает человека, которого преследует государство.

Я привнёс собственное дело. Судебную экспертизу, доказательства, жалобы на несправедливый суд, тюремный опыт и взгляд иностранного

гражданина, который узнаёт, что происходит, когда он попадает внутрь этой системы. Мы не просили ООН просто взять четыре дела и объявить: Эти четыре человека правы. Мы просили о большем.

Посмотрите на закономерность.

Посмотрите на повторяющиеся проблемы.

Посмотрите на механизмы.

Посмотрите, что происходит с обвиняемыми.

Посмотрите, что происходит с журналистами.

Посмотрите, что происходит с адвокатами.

Посмотрите, что происходит, когда обвинения касаются тех самых учреждений, которые должны расследовать собственные действия.

А затем скажите нам, что всё это — совершенно не связанные между собой индивидуальные дела.

Голоса отчаяния

Почему эта глава называется «Голоса отчаяния»? Потому что именно это происходит до того, как люди объединяются. Они кричат поодиночке. Мать пишет очередную жалобу. Заключённый подаёт очередное ходатайство. Журналист публикует очередное расследование. Адвокат подаёт очередную апелляцию. Приходит очередной конверт, очередной отказ, очередная дверь закрывается и постепенно голос меняется. Он становится отчаянным, не потому, что человеку нечего сказать. А потому, что он уже сказал это слишком много раз. Это очень особый вид отчаяния. Когда ты знаешь слова, ты знаешь доказательства, ты знаешь даты, ты знаешь статью закона, ты написал это двадцать раз, ты приложил документ, ты выделил предложение, иы отправил всё на следующий уровень и уже знаешь, что придёт в ответ.

Вот это отчаяние. Я слышал этот голос у своей матери. Я слышал его у заключённых. Я слышал его у адвокатов. Я слышал его у людей за пределами тюрьмы, пытавшихся понять, как закрылась ещё одна дверь. И уверен, люди слышали его и в моём голосе. Но когда эти голоса находят друг друга, что-то меняется. Один отчаянный голос легко проигнорировать. Четыре звучат громче. Сорок — ещё громче. В конце концов кто-то должен спросить, почему кричит столько не связанных друг с другом людей. И вот что я хочу, чтобы международные организации поняли.

Не ждите идеальную жертву. Не ждите одно дело, содержащее все возможные нарушения. Не продолжайте складывать каждый файл в отдельный ящик только потому, что имена наверху разные. Отойдите назад и посмотрите на все ящики, посмотрите на годы.

Читайте Жовтиса.

Читайте академические исследования.

Читайте международные отчёты.

Читайте Токмади.

Читайте, что произошло с Orda.

Читайте, что произошло с Муратом Адамом.

Читайте моё дело.

А потом ответьте на один вопрос: Сколько индивидуальных дел нужно, прежде чем вы будете готовы назвать это закономерностью? Жовтис обратился со своими жалобами в Организацию Объединённых Наций более пятнадцати лет назад. Теперь я готовлюсь сделать то же самое. Уже одно это должно кого-то беспокоить. В его обращении говорилось, что апелляция не рассмотрела должным образом независимые экспертные доказательства и содержательные доводы защиты. Годы спустя я сижу в казахстанской тюрьме и читаю эти слова, пока мои адвокаты готовят очередную жалобу по той же статье 14. Можно назвать это совпадением. Может быть, так и есть.

Тогда добавьте Муратхана.

Добавьте Гульнару.

Добавьте Мурата.

Добавьте литературу.

Добавьте отчёты о правах человека. Продолжайте добавлять, в конце концов совпадению становится слишком тесно. И поэтому мы подписали вместе.

Не потому, что наши дела одинаковы, это не так. Мы подписали потому, что по отдельности наши голоса исчезали в бюрократии. Вместе они говорили нечто другое.

Мы всё ещё здесь. Заключённый, журналист, адвокат и иностранный гражданин. Разные голоса, одна страна и один вопрос, отправленный за её границы:

Кто-нибудь наконец услышит?

Глава 115: Знает ли Президент Токаев?

Знает ли Президент Касым-Жомарт Токаев о деле Мохамеда и Софии Баракат? Честно говоря, я не знаю. Я не собираюсь преувеличивать собственную значимость или значимость моего дела, делая вид, будто где-то на столе Президента лежит папка с надписью «МОХАМЕД БАРАКАТ». Может быть, он слышал моё имя, может быть, нет. Возможно, что-то из жалоб, направленных в Администрацию Президента, в конце концов было доведено до его личного сведения. Я просто не знаю, но мне хотелось бы верить, что Президенту небезразлично, как в Казахстане обращаются с иностранцами. Мне хотелось бы верить, что когда иностранного гражданина приговаривают к двадцати годам за смерть его ребёнка, а спустя годы остаются серьёзные вопросы к расследованию, судебной экспертизе и судебному процессу, кто-то на самом высоком уровне государства захочет узнать, не ошибся ли Казахстан. Но я не могу сказать вам, что Президент Токаев лично знает о Мохамеде и Софии Баракат.

Поэтому позвольте задать другой вопрос. Знает ли Президент Токаев, что происходит внутри правовой системы Казахстана? Если говорить прямо: ДА.

Мне не нужно обвинять его в том, что он знает. Мне не нужно строить догадки. Я могу использовать его собственные слова.

«Полицейский произвол, некомпетентные прокуроры и предвзятые судьи» 6 июня 2022 года Президент Токаев обратился к народу Казахстана, говоря о построении Нового и Справедливого Казахстана.

Его слова были примечательны:

«В Новом и Справедливом Казахстане нет места полицейскому произволу, некомпетентным прокурорам и предвзятым судьям».

Прочитайте эти слова ещё раз- полицейский произвол, некомпетентные прокуроры и предвзятые судьи.

Это не слова Мохамеда Бараката, сидящего в тюремной камере и жалующегося на Казахстан. Это слова Президента Казахстана и для меня это заявление затрагивает самую суть проблемы. Президент знает, что эти проблемы существуют, потому что он сам публично их назвал. И это не было чем-то, что он упомянул один раз и забыл. В Послании народу страны от 1 сентября 2022 года Токаев снова вернулся к судебной реформе. Он сказал, что верховенство права должно прочно утвердиться, и говорил о необходимости высококвалифицированных, честных и свободных от коррупции судей.

И снова — примечательные слова. И совершенно правильные слова. Здесь я не спорю с Президентом Токаевым. Я полностью с ним согласен. Но теперь прошло уже несколько лет, и важный вопрос звучит так: Соответствует ли реальность этим словам? Потому что распознать болезнь — одно. Удалить её из системы — совсем другое.

Когда индивидуальное дело становится системной проблемой? Есть одна фраза, которую за эти годы я устал слышать. Индивидуальное дело.

Моё дело — индивидуальное.

Муратхан Токмади — индивидуальное дело.

Лиза Пылаева — индивидуальное дело.

Заключённый, которого пытали, — индивидуальное дело.

Журналист под давлением — индивидуальное дело.

Адвокат, борющийся за сохранение лицензии, — индивидуальное дело.

Хорошо, но в какой-то момент индивидуальные дела превращаются во что-то другое- в доказательства. Если один полицейский жестоко обращается с человеком, это можно назвать индивидуальным случаем. Если другой делает то же самое — это ещё один индивидуальный случай. Если прокуроры допускают нарушения в одном деле — это индивидуальный случай. Если судья неправомерно ведёт себя в другом — это ещё один индивидуальный случай. Но когда сам Президент публично называет полицейский произвол, некомпетентных прокуроров и предвзятых судей, разве мы не вышли уже за пределы попыток притворяться, будто эти проблемы существуют только в воображении отдельных заявителей?

Президент сам назвал эти категории. А индивидуальные дела показывают нам, продолжают ли эти категории существовать.

Новый Казахстан

Я искренне хочу, чтобы Новый Казахстан Токаева добился успеха. Почему бы мне этого не хотеть? Я уже много лет заперт внутри уголовной системы этой страны. Почти всё, что я знаю о Казахстане из длительного личного опыта, я узнал через полицейские участки, следственные изоляторы, залы суда и тюрьмы. И даже там я встречал выдающихся людей. Я встречал умных и порядочных людей, работающих в государственных учреждениях. В других главах этой книги я писал о своём более позднем опыте общения с КНБ и о том, почему этот опыт изменил многие из моих первоначальных представлений о них.

У Казахстана огромный потенциал, но нельзя построить Новый Казахстан, просто закрасив Старый Казахстан сверху. Нужно убрать то, что сгнило под краской. Закон можно изменить за одну ночь, но институциональную культуру изменить гораздо труднее.

И нигде это не важнее, чем в уголовной системе. Какой смысл в самом лучшем законе мира, если следователь его не соблюдает? Какой смысл в независимости судей, записанной в Конституции, если обвиняемый не видит перед собой независимого судью? Какой смысл в гарантиях против пыток, если человека всё ещё можно избить за закрытой дверью? Какой смысл в праве на адвоката, если адвокат боится, что слишком активная защита может стоить ему карьеры? И это приводит меня к тому, что я наблюдал на протяжении всего своего дела.

Почему адвокаты боятся? Во время моего суда и в последующие годы адвокаты выражали опасения за свои лицензии. Вдумайтесь, насколько это тревожно. Адвокат защиты должен бороться, оспаривать действия следователя, оспаривать позицию прокурора, оспаривать экспертизу, оспаривать доказательства и при необходимости спорить с судьёй. Это не нарушение, это работа, но как только адвокаты начинают спрашивать себя:

Насколько далеко я могу зайти, прежде чем кто-нибудь придёт за моей лицензией? Баланс всей уголовной системы меняется. Прокуратуре даже не нужно становиться сильнее. Защита сама становится слабее.

И запугивать каждого адвоката не требуется, страх работает не так. Достаточно сделать пример из нескольких человек — и все остальные смотрят. Послание распространяется само: будь осторожен, не заходи слишком далеко, не бери не то дело, не ставь в неловкое положение не то учреждение и не становись проблемой. Если адвокаты начинают так думать, обвиняемый уже не получает бесстрашной защиты, которую закон якобы ему гарантирует. Почему боятся правозащитники? Годами я также пытался понять некоторые свои отношения с правозащитными организациями Казахстана.

Обращаешься к ним и думаешь: Наверняка именно эти люди будут кричать. Если есть заявления о пытках, нарушениях в экспертизе, исчезнувших доказательствах, несправедливом процессе и злоупотреблении

властью, правозащитная организация наверняка захочет знать. Но иногда ответы, которые я получал, были осторожными, оборонительными, а порой почти агрессивными. Долгое время это невероятно раздражало меня. А затем я начал спрашивать себя, не задавал ли я неправильный вопрос.

Вместо: Почему они не хотят помогать?

Возможно, вопрос должен быть таким: Что они видели происходящим с людьми, которые помогали?

И собственная история Казахстана даёт им достаточно причин помнить.

Евгений Жовтис

Посмотрите на Евгения Жовтиса, одного из самых известных правозащитников Казахстана. В 2009 году он попал в трагическое дорожно-транспортное происшествие, в котором погиб человек. Жовтиса привлекли к уголовной ответственности и приговорили к четырём годам лишения свободы. Спор был не просто о том, произошло ли ДТП- оно произошло. Спор касался того, что случилось после того, как один из самых известных правозащитников Казахстана сам попал внутрь уголовной системы. Международные правозащитные и юридические организации выражали серьёзную обеспокоенность справедливостью процесса, в том числе тем, как его процессуальный статус изменился со свидетеля на подозреваемого и насколько он мог оспаривать важные аспекты расследования. Все, кто работал в правозащитном сообществе Казахстана, видели, что произошло.

Вы думаете, они не запомнили?

Наталья Соколова

А теперь посмотрите на Наталью Соколову. Юристку и профсоюзную активистку, работавшую с нефтяниками на западе Казахстана во время трудового конфликта на «Каражанбасмунай». Она помогала защищать интересы работников. А затем сама оказалась арестована, привлечена к уголовной ответственности и заключена в тюрьму. Эксперты ООН по правам человека выражали обеспокоенность тем, что действия против неё могли быть связаны с её законной работой по защите этих работников. И снова: на минуту забудьте о Мохамеде Баракате.

Представьте, что вы молодой юрист или активист или руководите правозащитной организацией. Вы знаете историю, вы знаете, что произошло с Жовтисом, вы знаете, что произошло с Соколовой и вы знаете, что произошло вокруг конфликтов нефтяников и Жанаозена. Вы видели, как журналисты попадали в неприятности. Вы видели, как адвокаты попадали в неприятности. Вы видели, как активисты попадали в неприятности. А затем Мохамед Баракат пишет вам из тюрьмы. Чего я фактически прошу от них?

Выступить против полиции.

Выступить против прокуратуры.

Выступить против судебно-экспертных учреждений.

Оспорить действия судьи.

Расследовать заявления о пытках.

Публично поставить имя своей организации за этим делом.

Возможно, то, что я воспринимал как нежелание, не всегда было нежеланием. Возможно, частью этого был страх. Я не могу заглянуть в голову другого человека и сказать вам, почему конкретная организация отказалась мне помочь. Но я могу посмотреть на среду, в которой работают эти люди, и задать законный вопрос: Создал ли Казахстан среду, в которой правозащитники действительно верят, что могут бросать вызов влиятельным государственным учреждениям, не опасаясь того, что случится с ними потом? Потому что для страха не всегда нужно, чтобы кто-то позвонил и сказал:

Замолчи, иначе мы тебя арестуем.

Иногда всю работу делает история. Вы видите, что происходит с одним человеком. Потом с другим. Потом ещё с одним. В конце концов никому уже не нужно объяснять вам, где проходят невидимые линии. Вы уже знаете и возможно, это самая эффективная форма страха из всех. Люди начинают цензурировать сами себя.

Как выглядит настоящая реформа

И это возвращает меня прямо к Токаеву. Настоящая реформа — не просто очередной закон. Не очередное ведомство, не очередная речь и не очередная конференция. Настоящая реформа — это когда адвокат может активно защищать клиента, не думая, не исчезнет ли его лицензия. Это когда журналистка может расследовать деятельность влиятельных людей, не подсчитывая сначала, чего ей будет стоить публикация.

Это когда правозащитная организация получает жалобу на полицию или прокуратуру и первой думает: С этим человеком плохо обращаются?

А не: Что будет с нами, если мы возьмём это дело?

Вот тогда вы знаете, что страна изменилась.

Уполномоченный по правам человека

А теперь посмотрите на учреждение, которое должно защищать людей, когда другие части государства их подводят. Уполномоченный по правам человека в Казахстане. Нынешний Уполномоченный Артур Ластаев много лет работал в системе Генеральной прокуратуры, прежде чем стать Уполномоченным по правам человека. Для меня это порождает очевидный структурный вопрос. Если жалобы снова и снова касаются прокуроров и правоохранительных органов, что происходит с доверием общества, когда учреждение, от которого ожидают независимого контроля за правами человека, возглавляет человек, чья профессиональная карьера глубоко укоренена в системе прокуратуры? А когда и другие люди вокруг этого учреждения имеют похожий профессиональный опыт, вопрос становится ещё важнее. Кто защищает гражданина от прокуратуры, если люди, которые должны осуществлять надзор, сами пришли из прокуратуры?

Мой собственный опыт взаимодействия со структурами Омбудсмена был смешанным. Были люди, которые включались. Были люди, которые пытались. Но структурный вопрос остаётся. Можно написать над дверью

«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА». Важно другое: верит ли человек, входящий в эту дверь, что учреждение действительно выступит против другого влиятельного государственного органа, когда это потребуется. Меняется ли Казахстан на самом деле? Токаев проводил реформы. Конституционный Суд был восстановлен. Были объявлены судебные реформы. Антикоррупционные структуры изменились. Расширились меры по предотвращению пыток и видеонаблюдению. Учреждения были реорганизованы. Законы изменились. Но теперь посмотрите на то, что мы обсуждали на протяжении всей книги. Посмотрите на начальников тюрем, которых привлекают к ответственности. Посмотрите на судей, которых расследуют. Посмотрите на прокуроров, которых ловят. Посмотрите на заявления о пытках. Посмотрите на адвокатов, борющихся за свои профессиональные лицензии. Посмотрите на журналистов под давлением. Посмотрите на чрезвычайные дела, которые я описал. А затем спросите: Становится ли система действительно здоровее? Или мы просто яснее видим, насколько глубокой уже была болезнь?

Возможно, оба процесса идут одновременно. Но законы могут меняться гораздо быстрее, чем институциональная культура. А институциональная культура — это то, с чем заключённый сталкивается в два часа ночи, когда никто больше не смотрит.

Казахстан снаружи

Казахстану чрезвычайно важно, как он выглядит на международной арене. И это понятно, он хочет иностранных инвестиций, международных компаний, туристов, университетов, международных конференций, современной инфраструктуры и партнёрств с Британией, Америкой, Европой, Китаем и остальным миром.

Астана выглядит впечатляюще. Алматы может захватывать дух. Новые здания, роскошные гостиницы, торговые центры, рестораны, международные школы и иностранные университеты.

Образ страны — современный, стабильный и всё сильнее связанный с миром. И до моего ареста этот внешний образ был практически всем, что я знал. До ареста я никогда не жил в Казахстане. Я приезжал сюда как гость. Я останавливался в InterContinental. Я видел Алматы, видел горы и видел рестораны, дорогие машины и современную застройку. Как любой иностранный посетитель, я видел Казахстан, который показывают миру. А затем, 24 октября 2019 года, всё изменилось. Первый раз, когда Казахстан стал для меня чем-то похожим на постоянный дом, был тогда, когда государство меня арестовало. Полицейский участок, следственный изолятор, зал суда, СИЗО и тюрьма.

Годами именно таким был мой Казахстан. До тюрьмы у меня здесь не было обычной жизни. Не было многих лет комфортной жизни в Алматы, после которых я внезапно открыл другую сторону страны. Фактически я превратился из иностранного гостя прямо в заключённого. И, возможно, это даёт мне странную перспективу. Я приехал, глядя на Казахстан глазами

человека, который просто проезжает мимо. А затем узнал страну изнутри той части государства, которую, надеюсь, большинство иностранных гостей никогда не увидят. Вот почему меня тревожит, когда я вижу огромные усилия, направленные на улучшение международного имиджа Казахстана, пока рак внутри его системы правосудия остаётся. Можно потратить миллиарды, полируя фасад здания. Но эти годы я провёл, глядя не на фасад, я был заперт внутри.

Рак внутри

Неважно, насколько красивы ваши аэропорты, если иностранный гражданин не верит, что сможет получить справедливый суд. Неважно, сколько международных компаний вы приглашаете, если инвесторы не доверяют судам. Неважно, сколько конференций по правам человека вы проводите, если адвокаты боятся защищать сложных клиентов. Неважно, сколько существует правозащитных учреждений, если люди не верят, что эти учреждения способны бросить вызов прокуратуре. Неважно, сколько раз вы объявляете реформу, если те же проблемы продолжают появляться под другими названиями.

Полицейский произвол.

Некомпетентные прокуроры.

Предвзятые судьи.

Это не мои слова, это слова Токаева. Президент сам назвал болезнь. Вопрос в том, достаточно ли решительно Казахстан с ней борется. Потому что рак не исчезает, если перестать о нём говорить. Рак не лечат, пряча снимок и уж точно его не лечат, тратя миллиарды на то, чтобы убедить всех за пределами больницы, будто пациент выглядит прекрасно. Болезнь нужно лечить.

Знает ли он о Мохамеде и Софии?

Поэтому вернусь к вопросу, с которого начал. Знает ли Президент Касым-Жомарт Токаев о Мохамеде и Софии Баракат? Я не знаю, но возможно, однажды узнаю. Но я уже не думаю, что это самый важный вопрос.

Знает ли Токаев, что существуют проблемы с полицейским произволом? Да.

Знает ли он, что существуют проблемы с прокурорами? Да.

Знает ли он, что существуют проблемы с судьями? Да. Он сам сказал об этом стране.

Поэтому, если моё дело когда-нибудь окажется непосредственно перед ним, я не хочу особого обращения. Я не хочу, чтобы Президент Токаев позвонил судье и сказал: Освободите Мохамеда. Это просто заменило бы одно злоупотребление системой другим. Я хотел бы гораздо более простой вещи.

Расследуйте всё должным образом.

Возьмите первое вскрытие.

Возьмите заключение № 28.

Возьмите письменное подтверждение Министерства юстиции.

Возьмите противоречащие друг другу экспертные заключения.

Возьмите отпечатки пальцев.

Возьмите ДНК.

Возьмите записи камер видеонаблюдения.

Возьмите показания об удалённых видеозаписях.

Возьмите записи Мадины.

Возьмите её показания полиции.

Возьмите показания свидетелей.

Возьмите заявления о пытках.

Возьмите всё.

Передайте это людям, которые абсолютно не заинтересованы институционально защищать то, что произошло раньше. А затем следуйте за доказательствами, куда бы они ни привели, вот и всё. Но кое-что другое уже произошло И это, возможно, один из самых важных моментов всей этой главы.

На протяжении процесса подачи наших жалоб, Администрация Президента проявляла интерес к вопросам, которые мы поднимали и это важно. Наши жалобы не всегда просто исчезали, когда доходили до самого верха. Вниз направлялись поручения.

И каждый раз, когда это происходило, на мгновение мы думали: Наконец-то, кто-то наверху это прочитал, кто-то увидел проблему, кто-то хочет ответов, а затем я наблюдал, что происходило дальше. Поручения шли вниз по системе Казахстана. Вниз и ещё ниже, пока в конце концов каким-то образом не оказывались снова в учреждениях, находившихся в самом центре тех жалоб, которые мы подавали. Бостандыкский РОВД, назад в полицию, назад к прокурорам и назад в ту же институциональную среду, действия которой мы просили государство проверить. И там времени не теряли. Жалобы рассматривались, закрывались и убирались в сторону. И мы начинали снова. Очередная жалоба, очередной документ, очередное противоречие, очередное путешествие наверх. Иногда вниз приходило очередное поручение и в конце концов: Бостандыкский РОВД снова.

Кто следит за исполнением поручения?

Вот где, на мой взгляд, реформы Токаева проходят настоящую проверку. Возможно, недостаточно просто отдать поручение сверху. Кто-то должен проследить за ним до самого низа. Если Администрация Президента считает вопрос достаточно серьёзным, чтобы направить по нему поручения, что происходит, когда эти поручения доходят до местной полиции и прокуратуры?

Кто проверяет, что они на самом деле сделали?

Кто читает итоговый ответ?

Кто проверяет, изучили ли они доказательства?

Кто спрашивает, ответили ли они на саму суть жалобы?

Кто устанавливает, не нашли ли они просто очередной процессуальный механизм, чтобы её закрыть?

И самое главное: Что происходит, когда цель поручения игнорируется? Потому что если поручение может пройти от самых высоких уровней государственного механизма Казахстана до местного учреждения лишь для того, чтобы там его размыли, проигнорировали или тихо закрыли, возникает ещё один неудобный вопрос: Кто на самом деле контролирует ситуацию? Нельзя реформировать систему, не изучая конкретные дела. Вот почему я отвергаю мысль, что системная реформа может каким-то образом существовать отдельно от индивидуальных дел.

Как? Система правосудия не существует где-то в теории, паря над Казахстаном. Она существует в полицейских участках. Она существует в комнатах для допросов. Она существует в судебно-экспертных лабораториях. Она существует в кабинетах прокуроров. Она существует в залах суда. Она существует в тюрьмах.

И каждое нарушение, происходящее внутри этих мест, происходит с конкретным живым человеком. Если хотите понять, работает ли реформа, возьмите материалы дела. Проследите его от начала до конца.

Кто его расследовал?

Что они сделали?

Какие доказательства собрали?

Что проигнорировали?

Соблюдали ли закон?

Соблюдали ли нормативные правила?

Выполняли ли поручения сверху?

Рассматривались ли жалобы независимо?

Не предлагали ли чиновникам фактически расследовать собственные действия?

Подтверждалось ли итоговое решение доказательствами?

И когда что-то пошло не так: Что произошло потом? Вот как измеряют реформу. Не количеством речей. Не количеством новых законов. Не количеством конференций. А тем, что на самом деле происходило с людьми.

Ошибки и нарушения

Не каждое нарушение обязательно начинается с какого-то огромного заговора. Люди ошибаются, следователи ошибаются, прокуроры ошибаются, эксперты ошибаются и судьи ошибаются. Некоторые нарушения будут непреднамеренными, а другие нет.

Работающую систему правосудия определяет то, что происходит после обнаружения ошибки или нарушения. Исправьте это.

Если следователь совершил честную ошибку — исправьте её.

Если прокурор неправильно понял или применил закон — исправьте.

Если экспертиза проведена вопреки применимым правилам — исправьте.

Если суд неправильно применил закон — исправьте.

Это и есть система, делающая то, что должна. Но умышленные нарушения — другое дело. Если кто-то намеренно уничтожает доказательства, скрывает доказательства, фабрикует доказательства, пытает человека, злоупотребляет полномочиями, сознательно игнорирует закон или намеренно не исполняет законные поручения, одной правки в бумагах недостаточно. Уберите их, иначе вы оставляете того же человека на той же должности, с той же властью сделать ровно то же самое с кем-нибудь другим. И что именно вы тогда реформировали? Можно написать лучшие законы в мире.

Но законы не расследуют дела. Это делают люди.

Законы не поддерживают обвинение. Это делают люди.

Законы не проводят судебные экспертизы. Это делают люди.

Законы не выносят приговоры. Это делают люди.

И если люди, которым доверено обеспечивать исполнение закона, могут намеренно нарушать его без последствий, в конце концов слова, написанные в законе, теряют смысл.

От Акорды до Бостандыкского РОВД

Возможно, именно этот урок я вынес из всего происходящего. Президент Токаев может стоять наверху и говорить:

Никакого полицейского произвола. Никаких некомпетентных прокуроров. Никаких предвзятых судей. И я с ним полностью согласен, но этим словам предстоит пройти огромное расстояние. От Акорды, через министерства, через Генеральную прокуратуру, через областные ведомства, через районных прокуроров, через отделы полиции и до самого следователя, сидящего за столом с чьей-то жизнью в руках. Именно там Новый Казахстан либо существует, либо нет. Потому что поручение сверху бессмысленно, если никто не проверяет, что произошло, когда оно пришло вниз. Если должны произойти реальные изменения, конкретные дела необходимо проверять и сопровождать. Умышленные и неумышленные нарушения закона необходимо выявлять. Ошибки необходимо исправлять. Умышленные злоупотребления должны иметь последствия. А должностные лица, намеренно нарушающие закон, должны быть удалены с должностей, позволяющих им продолжать это делать. Иначе те же жалобы будут снова и снова идти наверх. Те же поручения будут снова и снова идти вниз. А где-то внизу кто-то будет снова закрывать дело.

Вверх. Вниз. Закрыто.

Вверх. Вниз. Закрыто.

Это не реформа, а это замкнутый круг. Президент Токаев уже описал Казахстан, который хочет построить. Теперь задача не в очередном обещании. Она в том, чтобы это обещание дошло до людей, которые на самом деле сталкиваются с системой правосудия. Потому что Новый Казахстан не может существовать только в Акорде.

Он должен существовать в полицейском участке.

Он должен существовать в прокуратуре.

Он должен существовать в зале суда.

Он должен существовать в тюрьме.

И да, он должен дойти и до Бостандыкского РОВД.

Снаружи Казахстан выглядит замечательно. Я знаю, потому что именно таким впервые его увидел. Но до ареста я никогда здесь не жил. Был Казахстан, который я ненадолго узнал как иностранный гость. А затем был Казахстан, который я открыл после ареста.

Годами я смотрел на Казахстан не снаружи. Я был заперт внутри его системы. Можно строить башни. Можно привлекать миллиарды. Можно принимать весь мир. Можно объявлять реформы. Можно называть это Новым Казахстаном. Но в конце концов страну оценивают не по тому, насколько красиво она обращается с гостями, когда всё идёт хорошо. Её оценивают по тому, что происходит с ними, когда всё идёт плохо.

Глава 116: 24 октября 2019 года

Когда один мой друг предложил оставить эту главу до самого конца книги, его объяснение было простым- интрига. Он считал, что после всего, что читатель уже узнал — расследование, суд, эксперты, тюрьмы, прокуроры, записи, исчезнувшие доказательства и всё, что последовало дальше, — я должен заставить его ждать до самого конца, прежде чем вернуть к утру, когда всё это началось. Мне было очень легко сразу согласиться, но совсем по другой причине. Я не хотел туда возвращаться. Писать о следователях — одно. Писать о прокурорах и судьях — одно. Писать о заключении, унижении и о том, как исчезали годы моей жизни, — одно. Но вернуться к дням до смерти Софии означает вернуться в мир, где она ещё была жива. Это означает вспомнить её живым ребёнком, а не именем, тысячи раз написанным в уголовном деле. Это означает вернуться к последним часам до того, как вся моя жизнь разделилась на «до» и «после». И есть одно время, которое навсегда застыло в моей памяти. 07:10 утра, 24 октября 2019 года.

София была жива.

Она лежала в дальнем правом углу кровати.

От шума в комнате она проснулась и начала плакать.

Живая.

Плачущая.

Моя дочь.

Но прежде чем мы дойдём до 07:10, мне нужно вернуться ещё дальше назад. Потому что невозможно понять то утро, не поняв жизнь, которой мы жили до него.

Может ли ад быть другой реальностью?

Однажды Мадина сказала мне, что мне повезло никогда не видеть Софию мёртвой. Она говорит, что те моменты живут у неё в голове. Она видит их каждый день перед сном. Я много раз думал об этих словах. Вы когда-нибудь

задумывались о том, что ад может быть какой-то альтернативной реальностью? Что где-то существуют другой Мохамед, другая Мадина и другая София, живущие на другой временной линии? Что где-то счастливая семья, которую я помню, продолжила жить своей обычной жизнью, а эта реальность каким-то образом откололась от неё и превратилась в кошмар, в котором я живу сейчас?

Я понимаю, как это звучит. Но именно так работает разум человека, когда шок от происходящего вокруг становится слишком сильным. Мозг снова и снова говорит тебе: Это не может быть правдой.

Должно быть другое объяснение.

Должна быть другая версия.

Где-то должно существовать место, где ничего этого не произошло.

Где-то София выросла.

Где-то я не пишу эту книгу из тюрьмы.

Где-то 24 октября было просто очередным четвергом.

Но у меня есть только эта реальность. Поэтому вернёмся назад.

Измученный и невероятно счастливый

Предыдущий год был одним из самых напряжённых в моей жизни. Я привыкал к семейной жизни, новая жена и беременность, которая на одном этапе пугающе приблизилась к преждевременным родам. Помню, я находился рядом с Мадиной каждую секунду, когда только мог. Мы дважды переезжали. Я сам занимался переездами. Всё устраивал, а затем звонил Мадине, когда новое место было готово. Мы постоянно путешествовали. Я не мог ожидать, что жена будет сидеть дома, пока я летаю по миру по работе. Но путешествия с казахстанским паспортом осложняли почти всё. Поначалу Гонконг не хотел выдавать Мадине визу иждивенца. Это означало, что примерно каждые три недели мне приходилось вывозить её из Гонконга и затем ввозить обратно. Устал я или нет — это нужно было делать. А потом, Альхамдулиллях, родилась София. И, как знает каждый родитель, ребёнок меняет всё, даже мелочи. Например, больше никакого кондиционера. Кажется пустяком, но когда ты и так не высыпаешься, всё копится. А ещё была манера Софии спать.

Иногда она лежала рядом с Мадиной, всё ещё приложенная к груди во время кормления. Мадина спала очень крепко. Я переживал очень сильно, а вдруг она перевернётся? Поэтому я периодически просыпался проверить. Смотрел на Софию, потом проверял, дышит ли она. Родители меня поймут. Ты знаешь, что с ребёнком всё хорошо. Знаешь, что она спит, но всё равно проверяешь, просто чтобы убедиться.

Я был измотан, но невероятно счастлив. И да, можно быть и тем и другим одновременно.

Люди за спиной Мохамеда

Когда берёшь на себя ответственность за жену-иностранку, нужно быть готовым нести эту ответственность. Именно так я видел брак. В финансовом

отношении у нас всё было нормально. Семье Мадины регулярно требовались деньги, и я понимал, насколько для неё важно поддерживать их, поэтому мы помогали. Я понимал это, потому что точно так же относился к собственным родителям, я поддерживал их годами. Мои родители ни в чём не нуждались. Практически всё, чего они хотели, обеспечивал я, и я этим гордился. Семья была на первом месте. Это, как мне кажется, здешние власти ни разу не остановились и не осмыслили, когда обрушились на меня так, как они это сделали. Они никогда не думали о людях за спиной Мохамеда. Человек не исчезает из жизни других только потому, что на него надели наручники. За ним стоят люди. Люди, которые от него зависят: жена, ребёнок, родители и семья. По иронии, был один момент, когда то, чем владела моя семья, внезапно стало очень важным. Когда им предложили продать всё, что у них есть, чтобы спасти меня. Тогда люди за спиной Мохамеда стали важны.

A350 или Алматы?

Одновременно всё менялось и на работе. Hong Kong Airlines и Hong Kong Air Cargo разделяли операции. Больше нельзя было переходить между пассажирскими и грузовыми рейсами. Мне нужно было принять решение- пассажирские или грузовые перевозки.

Если я останусь в пассажирском подразделении, потенциально смогу перейти на Airbus A350. Это была серьёзная карьерная возможность. Но грузовые перевозки предлагали кое-что другое- Алматы. Туда летала только Hong Kong Air Cargo и ещё был трёхнедельный график ротации.

Это означало, что София сможет проводить больше времени с бабушкой, дедушкой и тётями. Мадина сможет получать больше помощи от своей сестры Алины. София обожала Алину, у них была своя особая связь. Я даже направил в Hong Kong Cargo просьбу разрешить мне постоянно базироваться в Алматы. Я также рассматривал возможность взять контракт с Air Astana, пока София была маленькой. Я хотел, чтобы София знала семью своей матери. Я не хотел, чтобы она росла в той полузамкнутой семейной изоляции, которую помнил сам, когда формально у тебя есть тёти и дяди, но ты почти их не знаешь.

Я хотел для неё другого, поэтому решение было не просто о том, хочу ли я летать на A350. Оно было о том, какое детство я хотел дать своей дочери.

Документы, документы и ещё документы

Тем временем я тонул в бумагах. Британскую визу Мадине отклонили дважды. Расходы были значительными, но я не собирался сдаваться. Софию нужно было зарегистрировать в Гонконге, у британских властей и у казахстанских властей. Было наше свидетельство о браке, ИИН Софии и её паспорт.

Для одного документа требовался другой документ. Потом что-то нотариально заверенное. Потом судебные печати. Потом ещё что-нибудь. Проходили месяцы, исчезали тысячи долларов. Я приземлялся после дежурства, которое могло длиться около двадцати часов, и сразу ехал в город

разбираться с документами. Я постоянно был уставшим, но, если честно, я был счастлив. Я строил жизнь.

Наш дом в Алматы

Уже некоторое время я всерьёз думал о покупке квартиры в Алматы. Место, которое мы могли бы назвать своим. Где можно было бы оставлять вещи вместо бесконечной жизни в гостиницах и временном жилье. И не только для нас. Семья Мадины жила в Шелеке и работы там было мало. Если им когда-нибудь понадобится переехать в Алматы, наш дом будет открыт для них. Мы с Мадиной несколько раз смотрели недвижимость. В конце концов мне показалось, что я нашёл идеальный вариант. Пентхаус в Almaty Towers напротив Dostyk Plaza.

Три этажа с видом на Алматы и горы. Почти вокруг всей башни тянулся балкон. Владелец сказал, что он относится к пентхаусу. Две двери внутри квартиры выходили прямо на него. Он также сказал, что вместе с квартирой продаются два парковочных места под башней. А потом во время одного из просмотров вышла пожилая соседка и начала жаловаться. Я её не понимал, но Мадина перевела. Она жаловалась на доступ к крыше. Что-то показалось неправильным и я нанял адвоката, чтобы провести полноценную юридическую проверку.

Он стоил дорого, но это того стоило. Юридические документы рассказывали другую историю. Балкон не являлся исключительно частью пентхауса, как нам сказали. Это была общая территория, к которой имели право доступа другие жильцы. И мой адвокат не смог найти обещанные два парковочных места, специально закреплённые за этим пентхаусом. Я предъявил это владельцу, он попытался отмахнуться, но мне этого было достаточно и я отказался от сделки. Это был дом нашей мечты, но я уже видел будущие проблемы.

А напротив InterContinental тем временем поднимался другой комплекс-Orion. Зеркальное стекло и вершины, по форме почти напоминавшие горы за Алматы, просто потрясающие здание. Я начал задумываться, сколько стоят квартиры.

Квартира Софии

Однажды мы с Мадиной обсуждали возможность покупки квартиры в Orion. Она говорила, как замечательно будет ей и её семье жить в её квартире.

Я поправил её.

«Ты имеешь в виду квартиру Софии».

Она посмотрела на меня. Я объяснил, что хочу оформить квартиру на имя Софии. В конце концов всё, что мы делали, было ради неё. Я ожидал, что Мадина улыбнётся и согласится. Вместо этого я увидел в её глазах выражение, которого раньше не замечал.

«В смысле София? София младенец, Мохамед. Как ты можешь дать ей квартиру?»

Я объяснил, что это одна из причин, почему я оформляю все документы Софии в Казахстане. Отчасти я понимал беспокойство Мадины. Поэтому усадил её и объяснил ещё кое-что- нашу страховку. Я достал документы и все ей показал.

С учётом нашей личной страховки и страхования от компании, если что-то случится с одним из нас, второй получит примерно 2,5 миллиона долларов. Я объяснил и медицинскую страховку. Она и София смогут лечиться в разных странах в больницах, принимающих наши медицинские карты, не оплачивая лечение самостоятельно. Я хотел, чтобы она понимала: моя семья защищена. Мадина рассмеялась.

«Ты хочешь сказать, если у тебя будет сердечный приступ, мы станем богатыми?»

Потом она снова рассмеялась.

«Есть лекарство, чтобы это сделать».

Я посмотрел на неё.

«Не смешно».

Тогда, возможно, это была просто странная шутка между мужем и женой. Я и представить не мог, какое значение эти слова приобретут позже в моей жизни.

Три недели

А затем вдруг все хорошие новости словно пришли одновременно. Письмо от моей компании.

Ежегодный отпуск одобрен на 11 ноября. Три недели, целых три недели. Вскоре после этого консьерж позвонил в квартиру по внутренней связи.

«Мистер Баракат, заказное отправление. Мне расписаться или пропустить курьера к вам?»

«Пусть поднимется, пожалуйста».

Пришёл конверт и я его узнал сразу- паспорт Мадины. Этот паспорт возвращался с письмом об отказе из британского визового отдела дважды. Я открыл его, письма об отказе не было. Вместо этого внутри была белая наклейка. Я полностью раскрыл паспорт- виза. Думаю, я радовался больше всех. Крепкие объятия и поцелуи для Мадины. София была у меня на руках и получала бесконечные поцелуи в щёчки, улыбаясь своему сумасшедшему папе и, вероятно, думая:

Что с этим дурачком сегодня? Я сфотографировал визу и сразу отправил снимок в семейную группу WhatsApp. София ехала домой и она наконец впервые увидит дом Гидду и Теты.

Гидду и Тета — арабские слова, которыми мы называем дедушку и бабушку, моего отца и мать. После двух отказов, месяцев бумажной волокиты, поездок в посольство, тысяч долларов и бесконечной беготни моя дочь наконец ехала домой знакомиться с моей семьёй. Я сразу начал смотреть рейсы. У Lufthansa были места в бизнес-классе. Идеально, отличная

авиакомпания. Всё было готово. Оставалось только закончить работу, а потом — три недели отпуска.

Три дня рождения

Была одна сложность. 6 октября 2019 года, в первый день рождения Софии, я должен был быть в Турции. Поэтому у меня был план, точнее, три плана. Мы заранее отметим в Гонконге — я, Мадина и София. Потом она отпразднует с семьёй матери в Казахстане. А затем, даже если уже будет ноябрь, я устрою ей ещё один день рождения в Британии. Три дня рождения для моей маленькой девочки.

Почему бы и нет? Для Гонконга я заказал торт принцессы. Магазин меня подвёл, и вместо него пришлось взять готовый торт из холодильника. Даже сейчас это воспоминание разбивает мне сердце.

Её маленькая шапочка.

Она сидит в своём стульчике.

Тянется к свечам.

Ничего особенного.

Но мы были вместе.

Я, Мадина и София вместе.

Назад в Алматы

Мадина прилетела в Алматы с Софией. Я снял для них квартиру через Airbnb недалеко от InterContinental. Тем временем я спешил всё закончить.

Анализы крови, медицинские проверки, включая обязательное обследование на лепру, документы и получить казахстанское удостоверение Софии в посольстве. В спешке в аэропорт я забыл свои лекарства. Мне был нужен Celebrex для спины. Часы сидения в вертикальном положении в самолёте оставили у меня бесконечные проблемы с мышцами спины. Мне также нужны были антигистаминные — и вызывающие сонливость, и не вызывающие. На то была причина. Кабины самолётов могли быть невероятно пыльными. Их редко как следует пылесосили или тщательно убирали. Большую часть времени мы, пилоты, просто сами протирали всё влажными салфетками. Эта накопившаяся пыль всегда вызывала у меня сильную аллергию, поэтому антигистаминные были нужны мне регулярно. Ещё был аллопуринол, чтобы снижать уровень мочевой кислоты, потому что я почти постоянно придерживался высокобелковой диеты, чтобы не набирать вес.

Я позвонил Мадине и продиктовал список и потом спросил:

«Ты знаешь, какие именно?»

Возмущение в голосе я услышал сразу.

«Хаятим, я училась на фармацевта».

Этот русский акцент и этот тон: как ты вообще мог усомниться в моих способностях?

«Ладно, бэйбс. Увидимся через пару дней. Люблю тебя».

«Я тоже тебя люблю, мой хаятун-тун».

После появления в нашей жизни Софитушки слово «хаятим» каким-то образом стало ещё более детским. Даже наш язык друг с другом изменился вокруг дочери.

Алматинская бюрократия

Я встретился с Мадиной в квартире и привёз её и Софию в InterContinental. Расслабляться было некогда. Мы сразу занялись завершением документов для супружеской визы. Государственные учреждения Алматы были старыми, неорганизованными и не слишком желали работать. Я видел, как Мадина клала денежные купюры между документами, которые подавала, типичная коррупция. Мы подали всё, что могли, потом учреждение закрылось на обед. Мы ждали неподалёку в столовой. София кормилась грудью, смотрела вокруг, спала и просыпалась. Она устала, но ни разу не капризничала. Даже в таком возрасте София была командиршей, настоящая маленькая мадам. Если ей что-то было нужно, этот крошечный пальчик появлялся с абсолютной решимостью. Она указывала, потом смотрела на собственный палец и решала его погрызть. Вот такая была София. Нас продолжали отправлять из одного ведомства в другое. Документы не отклоняли потому, что они были неполными. У меня был полный перечень требований, опубликованный на собственном сайте правительства. Проблема была в том, что человек за одним столом не знал, что с ними делать. Поэтому вместо того, чтобы разобраться, нас отправляли куда-то ещё, потом ещё куда-то и ещё куда-то. В конце концов мы дошли до кого-то более высокого по должности. К этому моменту София была полностью измучена.

«Пожалуйста, — сказал я. — Наша дочь устала».

Он просмотрел всё.

«Документы примут, но за официальной визой вам придётся ехать в Талдыкорган».

Хорошо, по крайней мере, мы наконец получили ответ. Мы поблагодарили его и ушли.

Ильяс

Я вспомнил об Ильясе. Он был женат на двоюродной сестре Мадины. Я познакомился с ним на нашей свадьбе и помнил, насколько он был полезен. Когда моя семья уезжала из Казахстана, он помогал отправлять их в аэропорт одного за другим. Он также говорил, что работает на государство. Может быть, он сможет помочь.

Мы встретились с ним за ужином, и я всё объяснил.

«Брат, без проблем. Я помогу».

А потом добавил:

«Ты должен приехать ко мне домой в Жаркент».

Ильяс оказался невероятно полезным. Он организовал приём в Талдыкоргане. Ещё одна проблема решена или так мне казалось.

Ну конечно, мне снова пришлось возвращаться к работе. Я полетел в Стамбул по службе. В Алматы я почти не отдохнул, но ничего страшного,

посплю в Стамбуле. Мы остановились в Radisson Blu. Идеально, номер в гостинице, кровать и табличка «Не беспокоить». Сон, по крайней мере, таков был план. Мой номер, похоже, находился прямо рядом с начальной школой. Дети снаружи, шум, постоянный шум, но в конце концов мне удалось уснуть. А затем, судя по всему, табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ» оказалась просто декоративной рекомендацией. Дверь распахнулась, горничные вошли в номер и начали убирать пока я всё ещё лежал в кровати. Я был в ярости не от недосыпа, а у меня буквально раскалывалась голова. Это ужасное состояние, когда ты уже за пределами обычной усталости, но ничего сделать я не мог. В тот же вечер мне нужно было лететь обратно в Алматы.

Синие здания

Мы прилетели в Алматы примерно в четыре утра. Я вернулся в гостиницу. Времени рухнуть в кровать не было. Теперь нужно было подготовить Мадину и Софию к поездке в Талдыкорган. Ильяс организовал водителя на шесть утра И мы снова поехали. Опять документы, дорога, семья и ответственность. В голове только одно- продолжай двигаться. А потом я понял, что Ильяс едет с нами, он сидел в машине. Я вообще этого не ожидал. Он действительно взял выходной на работе, чтобы помочь нам. Я был ему невероятно благодарен.

Когда мы проезжали Капшагай, я начал замечать казино вдоль трассы. Одно, потом другое и потом ещё одно.

Наверное, это казахстанский Вегас, подумал я. Когда я учился на пилота в Лос-Анджелесе, я много раз прилетал в Лас-Вегас, поэтому сравнение сразу пришло в голову. За казино было огромное озеро и мы ехали дальше.

Через несколько миль моё внимание привлекло кое-что ещё. Какие-то синие здания. Они словно стояли посреди пустоша прямо в степи. Насколько я помню, четыре блока примерно по четыре этажа. Я смотрел на них через окно. Кто станет строить здесь квартиры? Может быть, это жильё для людей, работающих в казино или гостиницах.

А потом мне пришла другая мысль. Может быть, это какая-то полицейская академия. В Египте такие объекты бывают за пределами городов, возможно, Казахстан делает так же. Я ещё несколько секунд смотрел на здания. Потом мы поехали дальше.

Больше я о тех синих зданиях не думал.

Жаркент

Примерно в десять утра мы приехали в Талдыкорган. Ильяс купил торт для сотрудника, который принимал наши документы. Потом мы продолжили путь в Жаркент. Там я познакомился с прекрасной семьёй Ильяса. А София нашла новую подругу. Дочь Ильяса была всего на несколько месяцев старше Софии.

Я смотрел, как моя дочь забирает игрушки новой подруги и не отдаёт их ей.

«Мадина! Посмотри, что делает София!»

Мы рассмеялись и потом какое-то время пытались научить её делиться. Вероятно, это был первый опыт Софии, когда она обнаружила, что не может абсолютно всё оставить себе. Дома она забирала что-нибудь у Мамы или Папы, и ни у кого из нас не хватало сердца попросить обратно. А теперь другой маленький человек хотел вернуть свои игрушки. София была не в восторге.

Ильяс взял меня на охоту. Мы стреляли фазанов и уток, а потом приготовили их на ужин. Позже он пригласил меня домой к своему другу, где мы выпили по случаю дня рождения его жены. Когда я вернулся, Мадина была зла. Одна из женщин, судя по всему, что-то сказала обо мне.

«Какой мужчина. Посмотрите, как сильно его любит дочь».

Пока я охотился с Ильясом, София начала плакать. Как только я вернулся, она оказалась у меня на руках, издавала свои маленькие жалобные звуки и укладывала голову мне на плечо. Мадина заметила комментарий женщины и приревновала.

«Мы больше никогда туда не пойдём. Глупые люди. Посмотри, как они живут. Эта женщина — никто!»

«Мадина, они пригласили нас в свой дом. Уверен, ты неправильно поняла».

«Агаа! Ты не знаешь казахстанских женщин, Мохамед. Я понимаю, что она имеет в виду».

Ну и головная боль из ниоткуда.

23 октября 2019 года

Я был измотан, мне удалось поспать около двух часов, прежде чем переутомлённое тело снова разбудило меня. И мозг сразу включился. Список дел. Ещё слишком многое нужно было закончить.

Я начал просматривать сайт Krisha.kz — слово krisha примерно переводится как «крыша» — казахстанскую платформу покупки и аренды недвижимости. Я нашёл квартиру в Orion. Было ещё кое-что, с чем мне нужно было разобраться. Мой паспорт всё ещё находился в Талдыкоргане, а на следующее утро у меня была работа. Я должен был лететь в Стамбул. Без паспорта это стало бы катастрофой. И была ещё одна причина, по которой я ждал поездку.

Моя старшая сестра тоже должна была быть в Стамбуле по работе. Я давно её не видел и было бы здорово встретиться.

Итак: 23 октября 2019 года, 6 утра. Примерно в шесть утра я ждал внизу водителя Ильяса. Мадина и София спали. Я поеду и вернусь один, не было смысла будить их и тащить Софию через ещё одну долгую поездку. Мужчины не говорили по-английски, но знали, что делать. Ильяс уже всё им объяснил. Мы поехали в сторону Талдыкоргана.

Около 7:30 утра, примерно на полпути, у водителя зазвонил телефон. Паспорт будет готов только после обеда. Я нервничал, мы развернулись и они

отвезли меня обратно в Алматы и высадили. Я поднялся наверх и рассказал Мадине. Потом написал Ильясу.

«Бро, я переживаю за паспорт. Мне завтра нужно лететь в Стамбул!»

В его ответе были его любимые слова.

«Не переживай, брат».

Потом он сказал, что есть одна мелочь, о которой нужно упомянуть. Человек, помогавший нам, попросил 200 000 тенге.

«Не переживай, — сказал Ильяс. — Я заплачу».

Ни в коем случае. Он и так уже слишком много для нас сделал. Я ответил ему:

«Ни за что, мужик. Ты мне столько помог. Я передам деньги твоему водителю, когда он приедет. Я правда не знаю как ещё отблагодарить тебя за всю помощь».

Квартира

Я показал Мадине квартиру в Orion, которую нашёл, ей очень понравилось. Она посмотрела в окно, здание стояло прямо перед нами.

«Это лучшее место в Алматы, чтобы жить, Мохамед!»

«Позвони агенту».

Мы договорились о просмотре примерно на десять утра. Мы прошли через парк и вниз по улице. Это было прохладное октябрьское утро в Алматы. Когда мы дошли до здания, внизу был ирландский паб. Мадина не могла найти агента.

«Возьми Софию внутрь. Холодно», — сказала она.

Поэтому я зашёл внутрь с Софией. Я заказал Guinness. Ирландский паб можно оценить только по качеству его Guinness. Я сделал глоток, понравилось, это будет мой местный паб, подумал я. Мадина вернулась, я успел сделать всего пару глотков.

«Пойдём».

Мы пошли за агентом в лифт. Здание ещё не было полностью достроено. Она показала нам просторную квартиру. То, как в Казахстане описывали квартиры, тоже отличалось от привычного мне британского подхода. В Великобритании квартира с одной спальней означает одну настоящую спальню плюс гостиную. В Казахстане «двухкомнатная квартира» могла означать одну настоящую спальню, а гостиную считать второй комнатой. Это был не трёхэтажный пентхаус нашей мечты, но нам понравилось- берём. Я договорился снова встретиться с агентом вечером и внести наличный задаток. В сейфе гостиницы вниз по дороге лежали 10 000 долларов.

Не судьба

Я оставил Мадину и Софию в гостинице. Я хотел купить подарки Ильясу и его жене в благодарность за гостеприимство и всё, что они для нас сделали. Dostyk Plaza находился примерно в десяти минутах ходьбы. Подходя к нему, я посмотрел на Almaty Towers. Пентхаус, который мы чуть не купили. Не судьба, подумал я.

Я зашёл в Mon Amie. Для Ильяса я уже точно знал, что хочу. Он несколько раз говорил, как хорошо пахнет мой парфюм Armani Mania. Значит, Armani Mania.

Для его жены мне понадобилась помощь. Я позвал одну из продавщиц и набрал в Google Translate: Мне нужен женский набор. Она улыбнулась.

«Я немного говорю по-английски», — сказала она.

Я понюхал несколько духов, прежде чем нашёл набор J'adore, парфюм и косметику. Немного дороговато, но идеально и я купил его. Потом зашёл в алкогольный магазин. Специальная серия водки Beluga для водителей и друзей, которые помогали нам, идеально.

Потом я зашёл в магазин IQOS. Мне хотелось купить электронную сигарету IQOS и стики. Две женщины за прилавком заметили мои пакеты с покупками. Потом заметили мою одежду, всё дизайнерское. Они сказали, как хорошо я пахну. Там шёл довольно серьёзный флирт. Обе написали свои номера телефонов на обратной стороне карточек магазина IQOS и сказали, что я могу звонить им в любое время, если мне понадобится помощь в Алматы. Одна из них заметила обручальное кольцо.

«Вы женаты?»

«Да. И у меня есть дочь».

Она посмотрела на меня.

«Арабский мужчина может иметь четыре жены».

И подмигнула. Помню, я подумал: Как она вообще поняла, что я араб? Я улыбнулся, вышел наружу и сразу выбросил карточки IQOS в мусорное ведро. Мадина устроила бы грандиозную сцену, если бы увидела это.

Паспорт

Я вернулся в гостиницу. Мы пообедали, а потом я тревожно ждал свой паспорт. Без него завтрашний рейс превратился бы в катастрофу. Через какое-то время после обеда наконец позвонили. Я спустился вниз и там был водитель со своим другом — человеком, который, как я теперь понял, был отставным полицейским. Они передали мне паспорт, всё было готово. Облегчение было огромным, я поблагодарил их, обнял и передал подарки, а внутри коробки с косметикой для жены Ильяса лежали 200 000 тенге. Я не собирался позволять Ильясу платить.

Он уже сделал для нас достаточно. Паспорт был у меня. Документы были готовы. Квартира ждала. На следующее утро у меня была работа. Моя сестра ждала в Стамбуле. А позднее вечером я должен был встретиться с агентом Orion и внести задаток за квартиру, которая, как я думал, могла стать нашим новым семейным домом.

Тот вечер

Мадина большую часть дня провела в гостинице. Она хотела выйти, хотела погулять по городу и поэтому примерно в пять вечера мы втроём вышли. Я, Мадина и София. Мы гуляли по Алматы от места к месту. В конце концов оказались у ресторана Dickens Pub недалеко от Rixos Hotel.

«Давай поедим здесь».

Скоро должен был позвонить агент. Тем вечером ещё многое предстояло сделать. А на следующее утро у меня был рейс в Стамбул. Поэтому мы вошли.

Это был вечер 23 октября 2019 года.

Глава 117: Dickens Pub

Когда мы вошли в Dickens, нас встретил высокий мужчина, который, казалось, ждал нас. Он провёл нас мимо бара к дальнему правому углу ресторана. Мы сели, и он принёс детский стульчик для Софии. София была счастлива. Она была целиком увлечена своим любимым YouTube-каналом Dave and Ava. A is for apple, la la la la.

Честно говоря, мне он тоже нравился. К этому времени я уже знал, чего хочу. Как обычно: Мясо, стейк рибай, прожарка medium well, салат на гарнир и холодное пиво.

Если память мне не изменяет, Мадина заказала лосося. Мы сидели и ждали еду, когда зазвонил телефон Мадины. Это был агент по недвижимости. Сделка сорвалась, по-видимому, владелец увидел, насколько большой интерес вызвала квартира, решил оставить её на рынке и поднять цену. Видимо, он понял, что выставил её слишком дёшево. И вот так наше настроение изменилось. Весь недавний восторг исчез. Мы оба сидели с унылыми лицами, уставшие и разочарованные. Всего несколько часов назад мы обсуждали эту квартиру так, будто она вот-вот станет нашим семейным домом, а теперь её не было.

Еду принесли, но к тому времени аппетит у нас уже пропал. София, как всегда, делила мою еду со мной. Немного салата и крошечный кусочек стейка, чтобы пожевать.

Она немного сопливила, октябрьский воздух Алматы заставлял её нос течь. Тут я заметил на тарелке ломтик лимона. Отлично, подумал я, немного витамина С и ещё кое-что. Мне хотелось увидеть лицо Софии, когда она впервые попробует лимон. В интернете полно таких милых видео. Малыши впервые пробуют лимон.

Глаза, выражение лица, именно в тот момент, когда они не совсем понимают, что ты только что положил им в рот. Мне хотелось одного такого момента с Софией. Я любил присутствовать при её первых открытиях. Я сменил Софии её первый подгузник ещё в больнице. Этот странный желеобразный стул новорождённого. Я впервые искупал её, пока Мадина стояла в углу ванной и практически сходила с ума, наблюдая, как я держу этого крошечного скользкого младенца. Я познакомил Софию с её первой твёрдой пищей. И София быстро решила, что всё, что лежит на тарелке у Бабы, автоматически интереснее того, что приготовили специально для неё. За всё это она наградила меня своим первым словом:

Баба. Именно так мы называли нашего отца. В арабском алфавите нет буквы Р, поэтому Papa превращается в Baba. И как только София это выучила, Мадине пришлось слушать: БА БА БА БА БА БА весь день. Конечно, София умела звать и маму. Когда ей хотелось молока, я слышал:

«Маaа… мааум».

И вот я сидел в Dickens с ломтиком лимона. Ещё одно «впервые». Я дал Софии немного попробовать. Её глаза широко раскрылись, её маленькая головка на секунду задрожала, и она повернулась к маме. И Мадина совершенно взорвалась. Не просто слегка раздражилась, она взорвалась.

Всё раздражение из-за квартиры будто вырвалось наружу разом. Ресторан был почти пуст, но высокий официант у бара повернулся посмотреть, что происходит. Пожилой мужчина, сидевший у бара с пивом, тоже на мгновение заинтересовался мужчиной, которого отчитывала жена. А я просто сидел там. София переводила взгляд с одного на другого.

Мадина была в ярости.

«Молоко свернётся у неё в желудке, Мохамед!»

Я неодобрительно посмотрел на неё. Она опустила глаза. А затем всплыла настоящая проблема.

«Эта дурацкая квартира. И почему она вообще должна быть оформлена на Софию?»

Она указала на Софию. На мгновение мне в голову пришла мысль. Она ревнует меня к нашей дочери? Я посмотрел на неё.

«Мадина».

Будущее Софии

«Мадина, ты и София одинаково важны для меня. Но если со мной что-нибудь случится, все страховые деньги будут оформлены на тебя. Квартира была бы оформлена на Софию, чтобы, если когда-нибудь она поступит в университет и ей понадобятся деньги, а по какой-либо причине больше ничего не останется, она могла продать квартиру и оплатить своё образование. Кто знает, что случится в будущем?»

Её это не впечатлило, она посмотрела на Софию и снова я уловил то, что воспринял как проблеск обиды. Вот оно опять, это напомнило мне о том, о чём сама Мадина часто говорила. Она рассказывала, что ей казалось, будто её собственная мать, Тахмина, завидует той жизни, которой Мадина теперь живёт. И на мгновение я задумался: Неужели это то, что она унаследовала?

Я не знал этого точно, но я это заметил.

Ещё один Мохамед

За время в Алматы я познакомился с другим Мохамедом. Он был египтянином и много лет жил в Алматы и работал там на катарскую компанию. Мы впервые встретились в InterContinental. Двум арабам было нетрудно узнать друг друга. Он уже был женат на казашке, хорошо ориентировался в стране и свободно говорил по-русски. В то время я также работал над собственной бизнес-идеей. В Казахстане производят очень

качественную баранину, и я изучал возможность поставлять казахстанскую баранину на арабские рынки, например в Саудовскую Аравию и Дубай. Ранее я рассказывал Мохамеду о наших поисках квартиры. Он считал, что недвижимость, которую мы смотрели, была переоценена. Он нашёл альтернативы: новостройки подальше от центра Алматы, которые, по его мнению, предлагали гораздо лучшее соотношение цены и качества. Мы договорились встретиться в ресторане Beirut. Когда мы приехали, я посадил Софию к себе на колени. После того, что произошло в Dickens, я оставил Мадину рядом курить кальян — арабскую табачную трубку — и успокоиться.

Мохамед показал ей буклеты нескольких найденных им квартир. Мадина не была впечатлена. Мы также поговорили о бизнесе с бараниной. Мохамед хотел познакомить меня и с саудовским бизнесменом, у которого были другие деловые идеи.

В конце концов пришло время уходить. Примерно в 22:00 я отвёз Мадину и Софию обратно в отель. Затем я поехал в другой ресторан рядом с Mega Park, известным торговым центром в центре Алматы.

Деловая встреча

Мы встретились, представились и начали обсуждать наши идеи. Мы говорили о возможных деловых проектах. За время встречи я выпил два стакана виски. Когда мы закончили, я вышел из ресторана и стал ждать такси.

Тут ко мне подошли две молодые женщины в хиджабах. Они несли воздушные шары. Но это были не обычные шары. Внутри больших шаров находились маленькие, в середине светились крошечные огоньки, а сами они крепились к пластиковым палочкам. Как только я их увидел, я подумал о Софии.

Ей они понравятся и я их купил, все до единого. Я сел в такси с целой охапкой светящихся шаров для Софии и поехал обратно в отель.

Конверт

Я вернулся в отель и поднялся наверх. Мадина встретила меня у двери. Она спросила, сколько денег у меня осталось. Я отдал ей конверт с оставшимися тенге. В Стамбуле они мне не понадобятся. Я уезжал всего на два дня, и ей этого хватило бы, пока меня не будет. Кроме того, теперь у Мадины был собственный счёт в Сбербанке. Это было ещё одно дело, которое мы успели сделать за предыдущие пару дней. Мы открыли счёт на её имя, внесли доллары и обменяли часть денег на тенге.

Деньги были, я собирался в Стамбул, Мадина и София оставались в отеле. А затем я вернулся бы.

Ещё одна вещь

Я лёг на кровать, так как был переутомлён. Это ужасное состояние, когда тело отчаянно нуждается во сне, а мозг отказывается отключаться.

Тут я кое-что вспомнил.- гостиничный номер. Он не был оплачен на те два дня, пока меня не будет. Мадине и Софии нужен был этот номер.

Я снова встал с кровати. Спустился к главной стойке регистрации и поговорил с женщиной и мужчиной, работавшими там. Можно ли продлить тот же номер на время моего отсутствия? Они проверили и он был свободен.

Хорошо, я оплатил дополнительное проживание своей картой. Теперь я мог перестать об этом думать. Я поднялся обратно наверх, лёг в кровать и почти сразу заснул.

1:30 НОЧИ

Я снова открыл глаза, посмотрел на время, было примерно 1:30 ночи. Я сходил в ванную и вернулся в кровать. А потом началось ворочание с боку на бок.

В комнате было жарко. Тепло тела Мадины рядом делало всё ещё более некомфортным. Я никак не мог устроиться. Я был настолько уставшим, что мог рухнуть, но сон не приходил.

В конце концов примерно в 2:30 я снова уснул.

6 УТРА

Примерно в 6 утра сработал будильник. Я сразу выключил звук телефона. Я не хотел никого будить. Я пошёл в ванную. Я был за пределами истощения. Были сообщения от Ильяса.

У него тоже было раннее начало дня. Я ответил ему и снова поблагодарил за всё, что он сделал для нас. Эти сообщения сохранились, позже их сохранили и передали судам.

Я также написал сестре.

«Не могу дождаться встречи с тобой».

Я должен был увидеть её в Стамбуле. Когда я вышел из ванной, Мадина уже не спала.

«Как ты?» — спросила она.

«Нормально».

Затем я сказал ей, что ночью у меня болела спина. Я снова плохо спал. Мадина поставила чайник и приготовила мне чай.

Затем потянулась к маленькому пакету, который принесла из аптеки в Алматы.

«Выпей лекарство», — сказала она.

Я его принял, а затем выпил приготовленный ею чай. Было уже около 6:30 утра. 24 октября 2019 года.

Что-то не так

Вскоре после того, как я принял лекарство, мне стало не по себе. Что-то было не так.

«Мне нехорошо».

Мадина посмотрела на меня молча. На ней всё ещё были только трусики и бюстгальтер. На мне всё ещё были только боксеры.

София спала в своём спальном мешке, который застёгивался у плеч.

«Может, тебе не стоит ехать на работу», — сказала Мадина.

«Я не могу. Им больше некому выполнять рейс. Мы не в Гонконге. У них нет резервного экипажа».

Я начал потеть, затем в груди появилось стеснение. Я встал и попытался походить по комнате.

«Мне совсем плохо».

Но Мадина снова начала говорить о квартире. Мне не понравился её тон. Особенно после того, что произошло накануне вечером в ресторане.

«Вчера в ресторане ты поставила меня в неловкое положение», — сказал я. Мне действительно не нравилось, как она со мной разговаривала. Но ссора становилась второстепенной. Потому что то, что происходило с моим телом, становилось всё хуже. Я схватил бутылку воды.

«Мне нехорошо, Мадина».

Я повторил это. У Мадины был номер телефона моей компании и она позвонила им.

«Мохамед не выйдет на работу. Он болен!»

Моей первой реакцией стала паника совсем по другой причине.

«Это плохо. Они меня за это уволят».

Она повысила голос.

«Ну и что ты хочешь делать? Ты думаешь, что можешь ехать на работу?»

Теперь казалось, что и она начала паниковать. Она откинула волосы назад рукой. Минуты продолжали идти.

07:10 УТРА

Затем зазвонил телефон в 07:10 утра. Консьерж, это была стандартная процедура. Я много раз слышал практически такой же звонок с побудкой и информацией о трансфере.

«Доброе утро, капитан Баракат. Сейчас 07:10 по местному времени в Алматы. Машина в аэропорт прибудет через час. Ваши документы готовы на стойке регистрации».

Но на этот раз ответил не я, а Мадина.

«Мохамед болен. Он не поедет на работу».

Я сел на край кровати. К этому моменту я уже понимал, что у меня серьёзная проблема. Это была не усталость и дело было не просто в спине. Мне требовалась медицинская помощь. София лежала позади меня на кровати. Мадина стояла на коленях на кровати передо мной, всё ещё в трусиках и бюстгальтере. И затем то, что происходило внутри моего тела, словно перекрыло всё остальное.

«Мадина! Мадина! Моё сердце!»

Я закричал. София проснулась и начала плакать. Это был один из редких случаев, когда я помню, чтобы она по-настоящему плакала.

Мадина потянулась к ней.

«Она испугалась, Мохамед».

Я тоже был напуган.

«Я тоже боюсь».

А затем всё погрузилось во тьму.

Глава 118: Сны невозможно рационализировать

Сны невозможно рационализировать. Некоторые из вас прочитают эту главу и сделают собственные выводы. Психологу, возможно, было бы интересно то, что происходило в моём сознании в те мгновения. Но когда я начал писать эту книгу, я установил для себя один принцип: Сделать её настолько честной и точной, насколько возможно. Это значит рассказывать вам то, что я помню, даже когда мои воспоминания не имеют смысла. Судья был достаточно умён, чтобы попытаться использовать это против меня. Репортёров не пускали на большинство заседаний. Он понимал мировую политику и знал, что, к сожалению, мир становится всё более исламофобским. Но я не собираюсь менять свои воспоминания из-за того, как кто-то может решить их истолковать. Во время потери сознания мне снился сон.

Честно говоря, многие люди описывают свои околосмертные переживания и то, что они видели или чувствовали. Я не знаю, что происходило со мной с медицинской точки зрения в этот период. Я помню лишь то, что тогда думал. Вот и всё, я думал, что умираю. Говорят, что когда человек умирает, вся его жизнь проносится перед глазами. У меня действительно было ощущение, будто моя жизнь проносится мимо, только я не видел её буквально.

Я прошёл мимо отца, он молился. Я прошёл мимо матери, она тоже напряжённо молилась, стоя на коленях в белой галабее и хиджабе — мусульманской женской одежде. А затем между этими напряжёнными образами в моём сознании снова и снова вспыхивало нечто совершенно нелепое. Дурацкое видео, которое Ильяс переслал мне. На видео был русский мужчина, полностью одетый в камуфляж. Он собирался на рыбалку. По крайней мере, таков был план.

По ходу дня он останавливался в нескольких маленьких деревенских магазинах и покупал алкоголь. Потом ещё алкоголь. Мы наблюдали, как он становился всё пьянее и пьянее. И он всё повторял: «А теперь едем на рыбалку». Он снова останавливался, покупал ещё алкоголь и покупал мороженое случайным детям на улице. Раздавал деньги, танцевал, напивался в стельку и всё равно повторял:

«А теперь едем на рыбалку».

Стоит ли говорить, что до озера он так и не добрался. Видео заканчивалось тем, что он просыпался в палатке с ужасным похмельем. Я отправил это видео младшей сестре в шутку и написал:

«Посмотри, какую легенду мы нашли в Казахстане».

Почему это дурацкое видео постоянно появлялось во время такого напряжённого сна, я совершенно не знаю. Сны невозможно

рационализировать. Но этот мужчина снова и снова вспыхивал в моём сознании. И я помню, как подумал:

Вот так ты растратил свою жизнь, Мохамед?

Аллах

Затем я прошёл мимо мамы. Там была башня, а на её вершине огромными золотыми арабскими буквами было написано слово, которое вращалось по кругу. Под башней находились люди. Очень много людей. Они теснились бок о бок, стоя на руках и коленях в суджуде — положении мусульманской молитвы, когда лоб опускают к земле.

Они молились, молили о прощении, их было так много и я чувствовал их энергию. Я уже чувствовал такую энергию раньше. В Мекке во время умры. Энергия людей, молящих о прощении.

Она очень сильная и там я чувствовал её снова. Все эти люди под башней молились. А над ними это огромное золотое арабское слово продолжало вращаться по кругу.

Это было слово «Аллах». Возвращение назад Затем путь словно пошёл в обратную сторону. Я выходил из сна. Появилось лицо Мадины. Было почти так, будто она тянула меня в сторону. Её глаза были широко открыты. Её глаза меня напугали.

Я снова был в гостиничном номере. А затем в углу комнаты возле торшера я увидел Софию. Она плавно опустилась к полу, словно лист. На ней было белое кукольное платье.

Вниз, к старому бежевому ковру со старомодным ромбовидным узором. Затем занавес поднялся.

«Хаятим, София умерла»

Я падаю на пол. Я в наручниках. Вокруг меня полиция. Мадина находится в углу комнаты, видно только её голову.

И тут я слышу её.

«Хаятим. София умерла».

Это сон. Это сон. Всё снова растворяется во тьме. Я снова теряю сознание.

Глава 119: 25 минут молчания, 25 минут лжи

Есть двадцать пять минут моей жизни, о которых я не могу рассказать по собственным воспоминаниям. 24 октября 2019 года примерно с 07:10 до 07:36 я не могу сказать вам, что происходило внутри номера 801, потому что я этого не помню. Последнее, что я помню, — я сижу на краю кровати, грудь сдавлена и я потею. Я понимаю, что со мной происходит что-то серьёзное.

Мадина стоит на коленях на кровати передо мной в трусиках и бюстгальтере. София позади меня, в своём спальном мешке. В 07:10 звонит телефон. Консьерж звонит по поводу машины в аэропорт. Мадина отвечает и говорит, что я болен и не поеду на работу.

Затем:

«Мадина! Мадина! Моё сердце!»

София просыпается и начинает плакать.

«Она испугалась, Мохамед», — говорит Мадина.

«Я тоже боюсь».

А затем всё погружается во тьму. Так что же произошло в следующие двадцать пять минут? Я задаю этот вопрос уже много лет.

Что рассказала мне Мадина

Позже я узнал от Мадины, что полиция жестоко меня избила. Она говорит, что видела это. По её словам, в какой-то момент Нурлан Болатов кричал мне:

«Почему ты убил Софию? Скажи нам!»

Мадина рассказывала, что мои глаза были открыты и я указал на неё, но я ничего этого не помню, абсолютно ничего. Моя осознанная память заканчивается в 07:10.

Есть сон, который я уже описал, есть последующие вспышки сознания, а затем — тьма. Но эти двадцать пять минут внутри номера 801 отсутствуют в моей памяти. К счастью, не всё, что происходило за пределами этого номера, исчезло вместе с ними. Часть видеозаписей камер отеля сохранилась. 07:36 Как я уже объяснял в этой книге, значительная часть относящихся к делу записей отеля была удалена. Начальник службы безопасности отеля давал в суде показания об удалении записей, связанных со следователем Нурланом Болатовым.

Но часть записи коридора сохранилась. И в 07:36 появляется Мадина. Прежде чем идти дальше, вспомните, какой я осознанно видел её в последний раз. Она была в трусиках и бюстгальтере.

В 07:36 Мадина появляется у двери номера 801 полностью одетой, кроме обуви. Поэтому мой первый вопрос очевиден.

Почему Мадина полностью одета?

Когда она успела одеться?

И куда она собиралась идти?

Ей не нужно было идти на работу. Это я должен был покинуть отель тем утром. За мной должна была приехать машина в аэропорт, так как мне предстояло выполнять рейс. Согласно обвинению, которое позже выдвинули против меня, я начал избивать Мадину. Так как же она физически одевалась, пока я якобы её избивал? В последний раз, когда я её видел, она была в нижнем белье. Двадцать шесть минут спустя она была полностью одета. Почему?

У дверного проёма

Мадина не сразу покидает номер 801. Она стоит в дверном проёме и смотрит внутрь. Несколькими номерами дальше по коридору находится горничная. Её внимание уже было привлечено к нашему номеру, потому что, согласно её показаниям, она слышала крик женщины.

Мадина бежит к ней. И затем кричит:

«Помогите мне! Он меня избивает! Он её убьёт! Он убьёт мою дочь! Дайте мне ключ от номера!»

Эти слова не выходят у меня из головы уже много лет. Не из-за того, что Мадина сказала потом. А из-за того, что она, по-видимому, знала заранее.

«Он убьёт мою дочь».

Как она могла это предсказать? Как она могла предсказать будущее? Согласно версии Мадины, я избивал её. Так почему же она вдруг ожидала, что я переключусь на Софию?

Какое отношение София имела к ссоре между мной и Мадиной? Софии был один год. Младенец. Моя дочь.

Человек, которого я любил больше всего на свете. Где мотив напасть на неё? Почему кто-то автоматически решил бы, что муж, якобы нападавший на жену, теперь собирается убить свою маленькую дочь? Если бы кто-то приставил к ребёнку нож, направил на неё оружие, прямо угрожал ей или делал что-то, явно ставящее ребёнка в непосредственную опасность, тогда, конечно, можно было бы закричать:

«Он убьёт мою дочь!»

Но обвинение было не таким. По версии Мадины, я избил её, и она ушла. Тогда почему София? Какая у меня могла быть причина внезапно напасть на собственную дочь?

И, что ещё важнее: Как Мадина могла знать, что это произойдёт? Ещё до того как она выходит с Софией на руках, она уже кричит:

«Он убьёт мою дочь».

Я снова и снова прокручивал эти слова в голове. И каждый раз возвращаюсь к одному вопросу. Как она могла предсказать будущее? Где был я?

Мадина получает ключ у горничной. Она бежит обратно к номеру 801, открывает дверь, заходит внутрь, выходит обратно, а затем снова возвращается внутрь. В конце концов она выходит с Софией на руках. Теперь задайте ещё один очень простой вопрос.

Где я? Если я нахожусь в том номере в состоянии неконтролируемой ярости, как это описывало обвинение, где я, пока Мадина бегает туда и обратно?

Почему я не выбегаю за ней в коридор?

Почему не мешаю ей взять ключ?

Почему не хватаю её, когда она возвращается в номер?

Почему она, по-видимому, может свободно входить и выходить?

Где этот разъярённый Мохамед?

Коридорная камера его не показывает, она показывает Мадину.

Где первая реакция?

Затем идёт ещё один фрагмент записи, который я так и не смог понять. Согласно версии обвинения, Мадина уже вернулась в номер 801 и обнаружила, что её годовалая дочь мертва. Представьте этот момент.

Мать входит в номер и якобы обнаруживает, что её маленькую дочь только что убили. Где первая реакция? Мадина не выбегает из номера 801 с криком, что София мертва.

Она не падает у дверей.

Она не валится на пол.

Она не начинает сразу кричать, чтобы вызвали скорую.

Она не бежит к ближайшему человеку, умоляя помочь её дочери.

Вместо этого она поднимает Софию и идёт. Она быстро проходит по коридору длиной примерно тридцать метров. Это тревожит меня уже много лет.

Потому что где тот первый момент?

Та секунда, когда она якобы обнаруживает невообразимое?

Где немедленный шок?

Мужчина в коридоре

И в том коридоре она не одна. Мужчина возвращается в свой номер. Мадина проходит мимо него с Софией на руках. Вот ещё один человек. Тот, кто мог помочь.

Если бы вы только что обнаружили, что на вашу маленькую дочь напали, разве вы не остановили бы его? Разве не закричали бы:

«Помогите моей дочери!»

Разве не попросили бы его вызвать скорую? Позвать охрану? Полицию? Разве не передали бы ему ребёнка, если это нужно, и не умоляли бы что-нибудь сделать?

Мадина проходит мимо него. Она не просит его о помощи. Она не останавливается и не оглядывается.

Именно это последнее всегда поражало меня. Согласно обвинению, позади неё находится разъярённый мужчина, который только что избил её и напал на её дочь. Но Мадина ни разу не оглядывается. Она словно знает, что никто за ней не идёт.

И никто не идёт.

«Он её убил»

Мадина продолжает идти по коридору. Лишь когда она доходит до лифта, она начинает кричать:

«Он её убил! Он её убил!»

И снова мой вопрос не в том, почему эти слова отличаются от тех, что она говорила ранее. Мой вопрос:

Где была эта реакция в тот момент, когда она якобы впервые обнаружила Софию?

Почему она появляется только после того, как Мадина вышла из номера 801?

После того, как она пронесла Софию примерно тридцать метров по коридору?

После того, как прошла мимо мужчины, который мог помочь?

Почему только у лифта?

Я не делаю вид, что существует учебник, описывающий, как именно должна вести себя каждая мать, обнаружив смерть своего ребёнка. Я прошу читателя посмотреть на последовательность. Номер 801, Мадина входит, а затем Мадина выходит с Софией на руках. Нет немедленного крика о том, что София мертва. Она идёт по коридору, проходит мимо мужчины, но не просит его о помощи. Не оглядываясь доходит до лифта и только тогда:

«Он её убил! Он её убил!»

Где была её первая реакция?

Где меня нашли

А пока всё это происходило, где был Мохамед? Через четырнадцать минут меня нашли сотрудники отеля.

Я не бегал по коридору.

Я не преследовал Мадину.

Я не пытался покинуть отель.

Я не нападал ни на кого другого.

Меня нашли без сознания в ванной, перегнувшимся через ванну, при этом вода продолжала течь. А рядом со мной лежал спальный мешок Софии. Тот самый тип мешка, который застёгивался у её плеч. Вспомните, какой я осознанно видел Софию в последний раз. Она была в нём. Теперь он лежал рядом с моим бессознательным телом.

Фотографии места происшествия зафиксировали место, где его нашли. А позже судебная экспертиза выявила ещё одну проблему. На этом мешке не было моей ДНК. Так как спальный мешок Софии оказался с её тела рядом со мной в ванной, если на нём не нашли мою ДНК? К этим доказательствам мы подробно вернёмся позже в книге. А пока просто запомните это.

Звонок в 07:30

Есть и ещё кое-что- телефон. В суде консьерж отеля дал показания об отдельном звонке примерно в 07:30. Это был не звонок в 07:10, а второй звонок примерно в 07:30, согласно показаниям консьержа, Мадина сказала: Мохамед не поедет на работу, он болен. Консьержа допрашивали.

Был ли на заднем плане какой-нибудь шум?

Слышали ли вы Мохамеда?

Слышали ли вы Софию?

Нет, согласно показаниям, был слышен только голос Мадины.

«Мохамед болен.»

Теперь посмотрите на время. Примерно 07:30: Мохамед болен и примерно 07:36: Мадина появляется в коридоре полностью одетой.

Затем: «Он меня избивает!»

Затем: «Он её убьёт! Он убьёт мою дочь!»

Эти шесть минут имеют значение. Потому что слова «Мохамед болен» точно соответствуют тому, что я помню. Я неоднократно говорил Мадине:

«Мне нехорошо».

Я потел, грудь сдавливало и я пытался ходить, потому что с моим телом происходило что-то странное. Мадина уже позвонила в мою компанию и сказала, что я болен. Примерно в 07:30, согласно показаниям консьержа в суде, она всё ещё говорила, что я болен. А шесть минут спустя она появляется в коридоре.

Двадцать пять минут

Итак, сложим эти двадцать пять минут вместе. В 07:10 мне серьёзно плохо. Мадина в трусиках и бюстгальтере. София жива позади меня на кровати в своём спальном мешке.

Звонит консьерж. Мадина говорит, что я болен. Я кричу:

«Мадина! Мадина! Моё сердце!»

София просыпается и плачет. Мадина говорит:

«Она испугалась, Мохамед».

Я отвечаю:

«Я тоже боюсь».

И я теряю сознание. Примерно в 07:30, согласно показаниям консьержа, Мадина снова говорит, что Мохамед болен. В 07:36 Мадина появляется в дверях полностью одетой.

Почему она одета?

Когда она успела одеться?

Куда она собиралась?

Она бежит к горничной.

«Он меня избивает!»

Где я?

«Он убьёт мою дочь!»

Как она могла это предсказать?

Почему я должен был напасть на Софию?

Какое отношение моя годовалая дочь имела к предполагаемой ссоре между мной и моей женой?

Где мотив?

Мадина получает ключ. Возвращается внутрь, выходит и снова заходит. Где я? Затем она выходит с Софией на руках. Где немедленная реакция на то, что она якобы обнаружила дочь мёртвой? Она проходит примерно тридцать метров по коридору. Проходит мимо мужчины, который мог помочь. Почему она не просит его о помощи? Почему не оглядывается? Она доходит до лифта и только тогда:

«Он её убил! Он её убил!»

Через четырнадцать минут сотрудники отеля находят меня без сознания в ванной, перегнувшимся через ванну, при работающей воде. Рядом со мной лежит спальный мешок Софии. Моей ДНК на нём нет. Вот вопросы, которые я задаю уже много лет. Не вопросы, придуманные для этой книги.

Вопросы, созданные самими доказательствами.

Что произошло внутри номера 801 между моментом, когда я потерял сознание, и моментом, когда Мадина появилась на камере в коридоре?

Почему она была полностью одета?

Что происходило в течение примерно шести минут между телефонным звонком в 07:30 и 07:36?

Где был я, пока она несколько раз входила в номер и выходила из него?

Как она могла предсказать, что я внезапно нападу на Софию?

Почему я вообще должен был напасть на Софию?

Где была её немедленная реакция, когда она якобы обнаружила дочь мёртвой?

Почему она прошла мимо человека, который мог помочь?

И как спальный мешок Софии оказался рядом с моим бессознательным телом без моей ДНК на нём?

Я не могу дать вам свои воспоминания об этих двадцати пяти минутах, у меня их попросту нет. Я могу дать вам то, что сохранилось. Телефонные звонки, свидетелей, записи камер, фотографии места происшествия, материалы судебной экспертизы и вопросы.

Двадцать пять минут молчания. Двадцать пять минут лжи.

Глава 120: 10:24

10:24- Число, которое меня преследует. 24 октября 2019 года София умерла и в 10:24 того же утра, согласно полицейскому протоколу, начался первый официальный допрос Мадины. До того как у неё приняли это заявление, её уже перевозили вместе с некоторыми из основных свидетелей. Их должным образом не разделили. В отделе полиции их также держали вместе, а позже в суде свидетели показали, что они даже давали показания в присутствии друг друга.

Подумайте, насколько это опасно. Мать только что потеряла дочь. Она сидит среди главных свидетелей и рассказывает об ужасных событиях, которые, по её словам, только что произошли. До того как эти свидетели независимо зафиксировали собственные воспоминания на бумаге, они уже слышат чужую версию. Образы уже посеяны в их сознании. В 10:24 Мадина начинает излагать версию событий, которая поможет сформировать всё дело против меня. И она начинает создавать Мохамеда, которого я не узнаю.

Пьяного Мохамеда.

Злого Мохамеда.

Жестокого мужа.

Отца-тирана.

Человека, который в конце концов способен убить того, кого любил больше всего на свете. Годами я снова и снова возвращался к этим показаниям, сравнивая слова Мадины с тем, что действительно можно проверить. Давайте сделаем это вместе. Одно заявление за другим. Одна деталь за другой.

Совершенно пьяный Мохамед

Одно из первых действий Мадины — поставить алкоголь в центр истории. И прежде чем идти дальше, я хочу сделать абсолютно ясным одну вещь. Тем вечером я пил алкоголь. Я уже вам об этом сказал.

За ужином в Dickens я выпил пиво. Позже, на деловой встрече, я выпил два стакана виски. Я не скрываю пиво. Я не скрываю виски. У этой книги одно правило: рассказывать всё настолько точно, насколько я могу, даже если какая-то деталь не обязательно выставляет меня в лучшем свете. Поэтому вопрос не в том, касался ли алкоголь моих губ.

Вопрос совершенно другой: Был ли Мохамед настолько сильно пьян и неуправляем, как пыталась представить его Мадина? По словам Мадины, я вернулся в отель примерно в 01:30 ночи пьяным. Но сохранившаяся запись отеля показывает, как я вхожу в холл вскоре после полуночи. И узнать меня очень легко. Я несу светящиеся воздушные шары, которые только что купил для Софии.

Запомните эти шары. После деловой встречи я ждал такси, когда ко мне подошли две молодые женщины и стали продавать шары, внутри которых были маленькие шары и светились крошечные огоньки. Я увидел их и сразу подумал о Софии. Поэтому купил их все.

Именно этот Мохамед попадает на камеру, возвращаясь в InterContinental. Позже эксперты, изучавшие запись, сообщили, что видимых признаков опьянения не наблюдалось. И я не просто пошатываясь прошёл через холл и исчез наверху. Уже лёжа в кровати, я вспомнил, что не оплатил номер на те два дня, когда должен был работать в Стамбуле. Мадине и Софии нужен был номер, поэтому я снова встал и спустился вниз.

Поговорил с сотрудниками стойки регистрации. Попросил продлить тот же номер. Они проверили, свободен ли он. Я оплатил картой, а затем вернулся наверх. Позже сотрудница стойки регистрации показала, что я выглядел совершенно нормально. Свидетели, допрошенные в суде, также говорили, что не чувствовали запаха алкоголя от Мохамеда.

Снова: всё это не означает, что Мохамед вообще не употреблял алкоголь. Сам Мохамед говорит вам, что употреблял. Это ставит под сомнение нечто совсем другое: образ сильно пьяного Мохамеда, полностью утратившего контроль над собой.

И есть ещё одна запись. Вернёмся на несколько часов назад. Примерно в 22:00 я отвёз Мадину и Софию обратно в InterContinental перед тем, как поехать на деловую встречу. Камера отеля фиксирует, как мы входим.

Кто несёт нашу годовалую дочь?

Я, София у меня на руках. Посмотрите на неё, она совершенно счастлива и ведёт себя нормально. Мадина находится рядом с нами. Если я уже был настолько пьян, что представлял какую-то опасность для дочери, почему именно я нёс Софию?

Почему Мадина не забирала её у меня?

Почему наша дочь совершенно спокойно чувствовала себя у меня на руках?

Эта запись была опубликована кампанией #FreeBarakat. Читателям не нужно полагаться на моё описание, они могут посмотреть её сами. Теперь сравните эти кадры с формулировками, которые Мадина начинает использовать в своих показаниях. Потому что алкоголь появляется не один раз. Он становится частью образа, который она конструирует. И это подводит нас к такой ничтожной вещи, как ломтик лимона.

Лимон

Вспомните Dickens Pub и наш последний совместный ужин. София немного сопливила. Холодный октябрьский воздух заставлял её нос течь.

На моей тарелке лежал ломтик лимона. Я подумал о витамине С, но, если быть совершенно честным, мне ещё хотелось увидеть лицо Софии, когда она впервые попробует лимон. В интернете полно смешных видео, где малыши впервые чувствуют кислый вкус. Я присутствовал при стольких первых событиях Софии. Сменил ей первый подгузник. Впервые искупал её, пока Мадина паниковала рядом. Познакомил её с твёрдой пищей. Её первым словом было «Баба». Теперь Баба хотел увидеть, какое лицо она сделает, попробовав лимон. Мадина ужасно разозлилась на меня и мы поссорились из-за этого. Тогда это было всего лишь очередной глупой семейной ссорой в конце изматывающего дня. Но посмотрите, во что этот маленький момент превратился в её показаниях:

«Находясь в состоянии алкогольного опьянения, Мохамед начал подносить к лицу Софии дольку лимона, от которой она начала отворачиваться, то есть ей это не нравилось. Затем он всё равно положил эту дольку лимона Софии в рот, от чего она начала плакать. На мои возражения, чтобы Мохамед не давал Софии лимон, поскольку ей это не нравилось и от этого она начала плакать, Мохамед бросил эту же дольку лимона в мою сторону. Я увидела, что Мохамед разозлился, и, зная, что в таком состоянии с ним лучше не спорить, я просто сидела и молчала. Мохамед начал говорить мне, чтобы я больше так с ним не разговаривала, и что он сам знает, как вести себя со своей дочерью».

Именно так сформулировано в переведённом заявлении. Прочитайте внимательно ещё раз:

«Находясь в состоянии алкогольного опьянения».

Затем София отворачивается, а я якобы всё равно кладу лимон ей в рот и она начинает плакать. Затем Мадина возражает и снова говорит, что Софии это не нравится.

Снова: Она начинает плакать. Затем я якобы бросаю лимон в Мадину.

Я злюсь, а Мадина якобы знает, что когда Мохамед «в таком состоянии», лучше с ним не спорить. Посмотрите, во что превратился незначительный семейный момент.

Пьяный Мохамед.

Злой Мохамед.

Запугивающий муж.

А теперь ещё и отец, который силой кладёт что-то в рот своему ребёнку, пока тот не заплачет. Именно эта крошечная деталь в конце концов дала мне первую возможность проверить её рассказ.

Информация начинает просачиваться

Сначала я не знал, что именно Мадина написала обо мне. Я понятия не имел, насколько ужасными были некоторые её обвинения. Мой тогдашний адвокат Хизбуллам отказался приносить мне её показания. Я сидел в СИЗО 18, а информация о том, что жена рассказала полиции, понемногу начала до меня доходить. Я понимал, что должен поговорить с ней. Но я также понимал, что действовать нужно предельно осторожно. Если бы я сразу начал спрашивать обо всём:

Почему ты сказала это?

Почему солгала об этом?

Что случилось с Софией?

Я считал, что она сразу запаникует.

А если Мадина запаникует, она может вообще перестать со мной разговаривать. Поэтому я решил не начинать с самого тяжёлого обвинения. Я начну с самого маленького. С чего-то, на первый взгляд, бессмысленного. С того, что помнили мы оба- с лимона.

Первое противоречие

В тот период в СИ18 меня на некоторое время поместили в так называемую VIP-комнату. Опер предоставил смартфон.

Это дало мне нечто невероятно важное. Я мог разговаривать с Мадиной и мог записывать разговор. Позже эта запись была опубликована кампанией #FreeBarakat.

Были опубликованы и другие доказательства: видео, где Мадина показана с разных ракурсов без, по моему мнению, единого видимого следа, соответствующего описанному ею жестокому нападению; фотографии места происшествия, показывающие, где нашли спальный мешок Софии; и судебные данные о том, что моей ДНК на этом мешке не обнаружили. Но тогда я не думал о социальных сетях. Я не думал о журналистах. Я сидел в СИ18, обвиняемый в убийстве, и пытался понять, почему моя жена написала обо мне всё это. Во время одного из разговоров я спросил Мадину, готова ли она сказать правду в суде.

Сначала она отказалась. Лжец ненавидит признавать, что солгал. Поэтому я вернул её к чему-то маленькому. Я сказал ей:

«Мадина, мне предъявили статью 99 — умышленное убийство. София не плакала».

Мадина крикнула в ответ:

«София не плакала, но ей это не понравилось!»

Вот оно, сравните её собственные слова. В полицейском заявлении:

«.она начала плакать».

А затем это утверждение повторяется:

«.она начала плакать».

Но когда я предъявляю ей это:

«София не плакала, но ей это не понравилось!»

Нравился ли Софии лимон — почти не имеет значения. Она была годовалым ребёнком, пробовавшим что-то кислое. Слова Мадины о том, что Софии это не понравилось, — её интерпретация реакции нашей дочери. Но плач — это не интерпретация. Либо София плакала, либо нет.

И теперь сама Мадина говорила мне:

«София не плакала».

Это было первое противоречие, которое я поймал в её собственных словах. И хотя речь шла всего лишь о ломтике лимона, для меня это было огромным событием. Потому что теперь я знал: нужно продолжать задавать вопросы, но очень осторожно.

Нападение

По мере того как до меня доходило всё больше показаний Мадины, обвинения становились гораздо серьёзнее. Её описание превратилось в рассказ о продолжительном и жестоком физическом нападении. Она утверждала, что я бросил её на кровать и начал бить по голове и другим частям тела. Она говорила, что уже не помнит точно, как именно я её бил. Она описывала крики, попытки уклониться от ударов, то, как каким-то образом вырвалась от меня и побежала к входной двери. Остановитесь на мгновение и представьте то, что она описывает. В то время мой рост был примерно шесть футов два дюйма, а вес — около 120 килограммов. Рост Мадины был примерно 165 сантиметров, вес — около 55 килограммов. Она была высокой и худой, с хрупким телом модельного типа и тонкими руками. В спортзал она не ходила. Если вы женщина и читаете это, вспомните сильного мужчину, которого знаете.

Представьте, что вы в шутку боретесь с ним. Представьте его грубые руки вокруг вашего запястья. Представьте огромную разницу в силе, которую можно почувствовать в его хватке, особенно если он тренируется в спортзале. Даже когда он играет, вы это чувствуете. А теперь представьте, что он не играет.

Я знал собственную силу и очень хорошо знал тело Мадины. У меня нет никаких сомнений в огромной физической разнице между нами. Если бы я действительно хотел удержать Мадину на той кровати, одного моего веса хватило бы, чтобы ей было чрезвычайно трудно вырваться. Если бы я действительно намеревался выкрутить её тонкую руку с силой, достаточной, чтобы сломать её, разница в нашей силе позволила бы мне очень быстро причинить огромный вред. И всё же по её версии эту женщину весом 55 килограммов мужчина весом 120 килограммов бросает на кровать, жестоко бьёт по голове и телу, она каким-то образом уклоняется от ударов, выбирается

из-под него и бежит к выходу. И история становится ещё более трудной, когда мы доходим до двери.

Дверь

В своём первом заявлении Мадина сказала:

«Затем Мохамед начал прижимать меня к двери номера, после чего я открыла дверь и выпала в коридор».

Запомните эти слова. Позже, в другом заявлении, описание становится более подробным. Теперь уже было жестокое нападение на кровати. Теперь она вырвалась от меня.

Добралась до входа. И:

«Между нами завязалась борьба, в ходе которой мне удалось открыть дверь, и таким образом я выпала в коридор отеля».

У этого рассказа есть физическая проблема. Дверь номера 801 открывалась внутрь. Позже в этой книге я покажу вам доказательства, и вы сами увидите дверь. Не верьте мне просто на слово, а просто посмотрите на неё, а затем реконструируйте рассказ Мадины. Если я изнутри номера прижимаю её к входной двери, она не может просто нажать ручку и выпасть вперёд через эту дверь в коридор. Дверь не открывается наружу в сторону коридора. Она открывается обратно внутрь номера 801. Чтобы она открылась, нужно освободить для неё пространство. Мадина должна отойти с траектории двери. А если я нахожусь прямо за ней, якобы прижимая её к двери или борясь с ней, дверь открывается в сторону нас обоих. Попробуйте физически воспроизвести эти движения.

Невидимый щит

Но допустим, она всё-таки выходит. Тогда возникает ещё одна проблема. Куда делся Мохамед?

Этот якобы разъярённый, жестокий мужчина весом 120 килограммов бросил Мадину на кровать, избил её, она вырвалась и он последовал за ней к входу.

У двери произошла борьба. Наконец она вырывается в коридор. И что дальше? Ничего.

Мохамед не выходит за ней.

Мохамед не хватает её.

Мохамед не появляется в коридоре.

Будто поперёк дверного проёма стоит невидимый щит, который пропускает Мадину, но каким-то образом останавливает Мохамеда.

Конечно, это абсурд. И именно поэтому вопрос имеет значение. Где был я? Позже сохранившаяся запись камер становится чрезвычайно важной, потому что нам больше не нужно полностью зависеть от слов Мадины или Мохамеда.

Мы можем все лицезреть своими глазами. Мадина появляется, а Мохамед — нет. Она идёт по коридору, а Мохамед за ней не идёт. Она может вернуться к номеру, из которого, по её словам, только что спаслась. И всё ещё никакого

разъярённого Мохамеда. А сотрудники отеля позже дадут показания о том, где на самом деле меня нашли: без сознания в ванной. Мы ещё к этому вернёмся.

Где травмы?

Теперь посмотрите на Мадину. Вспомните, что, по её словам, с ней произошло.

Её бросили на кровать.

На ней мужчина весом 120 килограммов.

Многократные удары.

Удары по голове.

Удары по другим частям тела.

Попытки уклониться.

Побег.

Бег к входу.

Ещё одна борьба.

Это не утверждение о том, что муж толкнул её во время ссоры. Это описание продолжительного физического нападения.

Так где травмы?

Где отёк?

Синяки?

Царапины?

Покраснение?

Физические следы этой борьбы?

Позже читатель сможет увидеть записанные изображения Мадины с разных ракурсов и сделать собственную оценку. Но есть нечто ещё более важное. Мадина отказалась от медицинского осмотра и полиция позволила ей отказаться. Не каждый удар обязательно сразу оставляет заметный синяк, именно поэтому осмотр имел значение. Осмотреть её голову, лицо, руки и тело. Сфотографировать всё, зафиксировать болезненность, отёк, покраснение, царапины и синяки.

Затем сравнить объективные данные с механизмом нападения, который она описала. Эта возможность была упущена. Это не должно было быть состязанием, где следователи просто решают, кому верить — Мохамеду или Мадине. Это должно было быть расследование.

Был гостиничный номер.

Была дверь, открывавшаяся внутрь.

Были камеры.

Были сотрудники отеля.

Были двое взрослых, чьё физическое состояние можно было осмотреть.

Были судебные доказательства.

Было бесчисленное множество способов проверить рассказ.

07:10

И теперь мы возвращаемся к тому утру. Примерно в 6:30 утра 24 октября Мадина приготовила мне чай. Она потянулась к маленькому аптечному пакету и дала мне лекарство.

«Выпей лекарство», — сказала она.

Я его выпил и вскоре после этого мне стало серьёзно плохо.

Пот.

Сдавливание в груди.

Нарастающий дискомфорт.

Моё состояние ухудшалось.

К 07:10, когда консьерж позвонил сообщить о машине в аэропорт, ответила Мадина. Я сидел на краю кровати. София была жива. Затем:

«Мадина, Мадина, моё сердце!»

София проснулась и заплакала. Мадина потянулась к ней.

«Она испугалась, Мохамед».

«Я тоже боюсь».

Затем я потерял сознание. Вот почему для меня так важно, что Мадина снова и снова изображала меня сильно пьяным. Потому что к тому утру с Мохамедом действительно происходило что-то серьёзное. Но был ли причиной алкоголь? Я открыто признал, что накануне вечером выпил пиво и два виски.

Записи показывали моё поведение. Свидетели описывали то, что видели. А затем, спустя несколько часов, непосредственно перед резким ухудшением моего состояния, жена дала мне лекарство. Поэтому был вопрос, который следовало расследовать самым настойчивым образом:

Что именно Мадина дала Мохамеду?

Что находилось в том аптечном пакете?

Какое лекарство?

Какая дозировка?

Была ли найдена упаковка?

Её сфотографировали?

Изъяли?

Исследовали?

Обязали ли Мадину точно назвать, что именно она дала мне?

Я не стану придумывать ответ. Но расследование смерти годовалого ребёнка и внезапной потери дееспособности её отца должно было это установить.

От лимона к признанию

Когда я впервые начал задавать Мадине вопросы, я не знал, к чему всё это приведёт.

Я не мог начать с вопроса: Кто убил Софию? Это положило бы конец всему. Мне нужно было, чтобы она чувствовала себя достаточно спокойно и продолжала говорить, именно поэтому я начал с лимона. Потом ещё одно противоречие, потом ещё одно. Каждый раз, узнавая что-то новое, я мог

продвинуться немного дальше. И в конце концов это перестало быть просто обвинением Мохамеда в том, что Мадина лжёт.

Появились написанные слова.

«Я убила её».

И появилась аудиозапись, на которой Мадина говорила о том, как она убила Софию. Позже эта запись была подвергнута судебной фоноскопической экспертизе, которая идентифицировала этот голос как голос Мадины. Материал в итоге вышел далеко за стены тюрьмы и получил публичное освещение, но до этого мы ещё не дошли. Если вы хотите понять, как я пришёл к этим словам, вам нужно пройти тот же путь, который пришлось пройти мне. Потому что я начал не с признания.

Я начал в СИЗО18, даже не получив показаний собственной жены, осторожно пытаясь понять, что она рассказала полиции. И первая ложь, с которой я её столкнул, возможно, была самой маленькой ложью во всём этом деле. Плакала ли маленькая девочка по имени София, когда отец впервые дал ей попробовать лимон. Она не плакала и в конце концов сама Мадина это сказала.

Глава 121: Раздвижные двери

Когда я был моложе, я посмотрел фильм «Раздвижные двери». Эта идея осталась со мной. Люди пересекаются, места мелькают перед глазами, но в тот момент это ничего не значит. Ты продолжаешь жить, потому что не знаешь, что где-то дальше по дороге этот человек или это место снова вернётся в твою историю. В моей жизни было несколько таких «раздвижных дверей». Одна из них была в Астане. Я пришёл в Посольство Великобритании просто оформить документ, который был нужен для наших визовых бумаг. Именно там я познакомился с Айгуль. В тот момент она была просто сотрудницей Посольства, помогавшей мне с документом, ничем больше. Выходя, я прошёл мимо Дерека в холле. Я сразу понял, что он британец, и предположил, что он работает в Посольстве. На мгновение я даже подумал представиться, но я спешил, ведь мне нужно было успеть на рейс и вернуться в аэропорт.

Поэтому я просто прошёл мимо него. А почему бы и нет? Я совершенно не представлял, что готовит мне будущее. Не представлял, что позже именно с этими людьми с Посольства Великобритании я буду делиться одними из самых серьёзных проблем в своей жизни.

А потом были те синие здания. Я помню ту поездку в машине. Мы проезжали мимо казино, когда по какой-то причине моё внимание привлекли эти синие здания посреди ничего. Просто мимолётная мысль из любопытства.

Что это такое? Почему они привлекли моё внимание? Почему они настолько выделились, что я их запомнил? Затем машина поехала дальше, и моя жизнь тоже продолжилась.

Если бы я проиграл сотни тысяч долларов в одном из тех казино по дороге, наверное, я запомнил бы казино, но этого не произошло. Я запомнил синие здания. Тогда они для меня не значили абсолютно ничего.

Годы спустя меня этапировали как заключённого в LA-155/8 Лагерь. Когда мы приблизились к воротам, я посмотрел наружу. И вот они, те самые синие здания.

Те же здания, которые когда-то привлекли мой взгляд из окна машины, когда я ещё был свободен. Те же здания, на которые я посмотрел всего несколько секунд с простой любопытной мыслью. Теперь я не проезжал мимо них и въезжал внутрь. Эти синие здания посреди ничего стали моей тюрьмой.

Они остаются моей тюрьмой последние семь лет- ирония. Скольких людей мы проходим мимо, не останавливаясь? Сколько зданий мы мельком замечаем из окна автомобиля? Сколько раз нас отделяет одно решение, одна задержка, одно знакомство от чего-то, способного изменить направление нашей жизни? Я мог остановиться и представиться Дереку, но я этого не сделал. Я мог проехать мимо тех синих зданий, вообще их не заметив, но почему-то заметил.

Айгуль, Дерек и те синие здания. Совершенно незначительные моменты, когда они происходили.

А затем жизнь пошла дальше и придала каждому из них смысл. Может быть, поэтому я до сих пор думаю о «Раздвижных дверях». Никогда не знаешь, какая дверь имеет значение, когда проходишь через неё. Иногда понимаешь это лишь годы спустя, когда оглядываешься назад и осознаёшь: Я уже был здесь раньше.

Глава 122: Зловещее

Эта глава содержит мои собственные наблюдения. Вы вправе верить моим словам или нет. Не всё, что я пишу, должно подтверждаться документами, видео, аудиозаписями или сообщениями WhatsApp. В конце концов, это книга. Это мой рассказ о том, что я пережил. И после всего, что вы уже прочитали и поняли, — после того как увидели, как обвиняющие слова Мадины были приняты вопреки фактическим доказательствам, чтобы добиться осуждения невиновного человека, меня, — я считаю, что заслужил право рассказать вам о том, что лично наблюдал и чувствовал, даже когда не мог сохранить доказательства каждого момента.

С первого дня Мадина вела себя странно. В конце концов я сказал ей прямо:

«Мадина, все знают, что ты лжёшь».

Вероятно, это была одна из самых обсуждаемых тем среди всех, кто участвовал в деле. Моих адвокатов, её адвокатов и переводчиков. Даже Нурлан Болатов это признавал, все знали, что Мадина лжёт. Но некоторые

вещи, о которых я хочу рассказать сейчас, выходили далеко за рамки противоречий в показаниях. Они показали мне другую её сторону.

Сторону, которая, по моему мнению, была зловещей.

Сердечки

Прочитав части показаний Мадины, вы можете представить, как, по идее, она должна была вести себя всякий раз, когда видела меня в отделе полиции.

Наверняка она должна была меня ненавидеть.

Наверняка женщина, рассказывавшая людям, что Мохамед избивал её и убил её дочь, должна была шарахаться, когда мимо проходило само чудовище.

Можно было бы ожидать, что она плюнет в меня.

Она делала прямо противоположное. Каждый раз, когда могла подойти достаточно близко, Мадина подбегала ко мне, обнимала за шею и снова и снова целовала в лоб и щёки. Когда она не могла до меня дотянуться, она стояла вдалеке и складывала обеими руками сердечки в мою сторону. Сердечки, это выглядело сюрреалистично.

Я уже был глубоко травмирован и постоянно боролся с ощущением, что всё происходящее вокруг просто не может быть реальностью. А теперь женщина, которая за кулисами ходила и рассказывала каждому, кто готов был слушать:

«Мохамед убил Софию».

— стояла напротив меня и складывала пальцами сердечки. Я не мог этого понять. Какая Мадина была настоящей? Женщина, рассказывавшая всем, что я убил нашу дочь? Или женщина, бежавшая к предполагаемому убийце, обнимавшая его за шею и осыпавшая лицо поцелуями?

Невиновна

Затем произошло ещё кое-что, чего я до сих пор не могу понять. Мадина получила документ, объявлявший её невиновной. Задумайтесь об этом на мгновение.

Жертве понадобился документ о том, что она невиновна. Почему? Я до сих пор не понимаю логики. И из того, что я видел в материалах дела, я никогда не находил доказательств того, какие именно следственные действия фактически провели, чтобы исключить Мадину как возможную подозреваемую до присвоения ей такого статуса. Но почти сразу после этого я заметил кое-что.

Мадина изменилась.

Она пошла по магазинам.

Сделала ногти.

Волосы.

Брови.

Когда я её увидел, я был потрясён. Я даже не мог заставить себя побриться. Я был эмоционально разбит, я был тенью человека, которым когда-то был. Моя дочь только что умерла. Я был заключён и обвинён в её

убийстве. Я едва мог осмыслить окружающий мир, а там была Мадина и она выглядела на миллион долларов.

Я смотрел на неё.

«Мадина, София только что умерла. Даже двух недель ещё не прошло».

Её ответ? Она хотела почувствовать себя лучше. Возможно, разные люди переживают горе по-разному. Возможно, кто-то, читая это, не увидит в этом ничего странного- это ваше право. Я рассказываю вам, что чувствовал, увидев жену менее чем через две недели после смерти нашей дочери. Я был потрясён.

Запах Софии

Было кое-что, чего я отчаянно хотел. Совсем маленькая вещь. Я попросил Мадину прислать мне один предмет одежды Софии, любой.

Я хотел почувствовать его запах. Я хотел что-нибудь, что всё ещё пахло моей дочерью. Даже сейчас, спустя столько лет, я скучаю по запаху Софии. Я до сих пор его помню. И Мадина дала мне ответ, который, думаю, я никогда ей не прощу:

«Я отдала все вещи Софии. Я не хотела, чтобы они были рядом и напоминали мне о ней».

Всё исчезло. Одежда, которую я хотел прижать к лицу в той камере, чтобы хотя бы несколько секунд снова почувствовать запах дочери исчезла.

Потому что Мадина не хотела, чтобы ей о ней напоминали. Возможно, вы понимаете такую реакцию, но я нет, до сих пор не понимаю этого.

Нурлан

А ещё был Нурлан Болатов. Однажды вечером, когда я разговаривал с Мадиной по телефону, она как бы между прочим сказала:

«Мне скоро надо идти. Нурлан придёт поговорить со мной».

Слова вылетели прежде, чем она, похоже, поняла, что только что сказала. Я посмотрел на время. Было почти полночь.

«Мадина, уже почти полночь!»

Вдруг Нурлан оказался сумасшедшим. Он её преследовал и она начала на него жаловаться. Но первоначальные слова уже прозвучали:

«Нурлан придёт поговорить со мной».

Почти в полночь он к ней едет и со временем я начал сам видеть всё больше проявлений этих отношений. На одну из моих экспертных оценок приехала моя семья, чтобы поддержать меня. Мадина знала, что они приедут. Она уже навещала их в отеле, чтобы получить ежемесячное содержание, которое я организовал для неё. Поэтому я ожидал, что она приедет вместе с ними. Она не приехала с ними, Мадина подъехала с Нурланом Болатовым в его полицейской машине.

После этого она уехала с ним в отдел полиции и ждала меня там. Затем произошла ещё одна сцена, которую я никогда не забуду.

Мадина сидела напротив меня за столом.

Она держала меня за руку.

Смотрела мне в глаза.

Говорила о нашей любви друг к другу.

Говорила о нашем будущем.

О том, какой будет наша жизнь, когда мы каким-то образом выберемся из этого кошмара, а затем Нурлан открыл ящик стола. Достал мой мобильный телефон и передал его Мадине. Мадина попросила меня разблокировать его для неё.

На телефоне были мои банковские приложения. Мадина уже знала мои PIN-коды. Я взял телефон и намеренно вводил неправильный пароль, пока телефон не сбросился.

Представьте эту сцену. Следователь, отвечающий за дело об убийстве, достаёт из своего стола личный телефон обвиняемого и передаёт его жене обвиняемого — главному свидетелю против него, — чтобы она попросила его разблокировать аппарат. Зачем?

Подготовка к психологам

Был ещё один случай, который я не мог игнорировать. Психологи, оценивавшие меня, направили Нурлану Болатову письменный запрос, указав, что им необходимо поговорить с Мадиной, но он почему то отказал. Но когда Мадина узнала, что ей, возможно, придётся встретиться с психологами, она пошла и купила книги.

Книги о том, как скрывать эмоции. Книги о том, как поведенческие психологи выявляют преступников. Повторю: я рассказываю вам то, что наблюдал. Вы сами решаете, какое значение этому придавать.

Возможно, вы считаете, что это ничего не значит, но я так не считал. Женщина, чей муж обвинён в убийстве её дочери, узнаёт, что специалисты по поведению могут захотеть поговорить с ней, и начинает читать о том, как выявляют эмоции и как психологи распознают преступников. Странно? Очевидно? Решать вам.

«Я должна вернуть Мохамеда»

Я мог бы описать ещё столько моментов, что в какой-то момент начинаю задумываться, не слишком ли затягиваю этот раздел. Но забавно, что иногда нужно разлюбить человека, прежде чем наконец увидишь его ясно. Поэтому я оставлю вам одну последнюю сцену. Через несколько месяцев после начала кошмара меня привезли подписывать материалы дела. И наконец я смог нормально прочитать показания Мадины.

Мадина сидела справа от меня. Нурлан — напротив за столом. Там была Айгуль, а также моя переводчица Шынар. Мадина пришла полностью нарядившейся. Волосы, макияж и ногти. Она выглядела так, будто пыталась кого-то впечатлить. Шынар это заметила и прокомментировала, а Мадина ответила:

«Я должна вернуть Мохамеда!»

Вернуть Мохамеда? Я начал читать её показания страница за страницей, всё то, что она сказала обо мне. Пьяный Мохамед, жестокий Мохамед, отец-

тиран, предполагаемое избиение и всё прочее. В конце концов я поднял на неё глаза.

«Это ты сказала обо мне?»

Мадина начала заикаться.

«Я пытаюсь всё исправить. Я всё расскажу в суде!»

Затем я посмотрел через стол на Нурлана. Я был в ярости.

«И вот эту чушь ты принял как показания? Ты называешь себя капитаном? Называешь себя следователем? Ты клоун, Нурлан. Ты хочешь сказать, что не видишь лжи и различий в показаниях?»

Выражение его лица изменилось.

«Я клоун? Я — клоун?»

Затем прозвучала угроза:

«Я тебя в тюрьму посажу!»

А затем произошло нечто, что остановило всю комнату. Лишь одно слово, Мадина посмотрела на него.

«Нурлан».

Вот и всё, но важно было то, как она это сказала. Власть в её голосе, близость и контроль. На одну сюрреалистичную секунду можно было подумать, что она его жена, а не моя. В комнате стало тихо. Есть моменты, которые остаются с тобой из-за того, что кто-то сказал. А есть моменты, которые остаются из-за того, как именно это было сказано.

Это был один из них.

«Нурлан».

Я этого не забыл. Да, со временем Мадина стала казаться мне зловещей. Она умела играть жертву. Она умела себя преподносить.

И, по моему мнению, она прекрасно понимала, как использовать свою внешность, уязвимость и тело, чтобы влиять на окружающих. Но пока оставим эту тему здесь. Потому что позже мы к ней вернёмся. И когда вернёмся, вы поймёте, почему одно-единственное слово, произнесённое через стол следователя:

«Нурлан»— никогда не выходило у меня из головы.

Глава 123: Худшее чувство в мире

Худшее чувство в мире — не просто знать, что кто-то настроен против тебя. Это чувство, будто целая группа людей решила тебя уничтожить, и куда бы ты ни повернулся, человек, который должен тебе помочь, нашёл причину, почему ему выгоднее этого не делать. Это осознание того, что человек, которого, как тебе казалось, ты любил, всё это время тебя обманывал. Это видеть, как следователь оценивает ситуацию и решает, что преследование иностранного капитана авиакомпании сулит больше выгоды — больше денег, больше возможностей, — чем преследование какой-то деревенской девушки из Шелека. Это узнать, что адвокат, которого ты нанял для своей защиты, встречается с твоей женой и её родителями, строя планы, как гарантировать,

что она останется невиновной, и одновременно выжать из тебя максимум возможного.

Это видеть, как прокуроры заново исследуют всё по делу не потому, что беспристрастно ищут истину, а потому, что всё толкают только в одном направлении: К обвинительному приговору. Это сидеть перед судьёй, чья предвзятость не могла быть очевиднее. Судьёй, который задолго до окончания процесса уже решил, куда всё идёт. Затем ты нанимаешь новых адвокатов.

Они видят, что происходит. Они знают, что ты идёшь ко дну. Но вместо того чтобы сказать, что думают на самом деле, они продолжают давать тебе надежду, потому что она помогает сохранять договоры и поток гонораров. Вокруг — тюремные охранники, которым совершенно всё равно. Для них это честная игра, это время кормления.

Ты иностранец в тюрьме.

Ты не понимаешь систему.

У тебя нет связей.

У тебя нет семейных связей.

Ты становишься уязвимым.

Лёгкой мишенью для вымогательства.

А у уязвимости есть цена.

Кажется, каждому нужна своя доля.

2025

А затем, спустя годы, тебе наконец начинает казаться, что что-то может измениться. В 2025 году мы снова пошли вперёд.

Мы представили доказательства, мы оспорили то, что произошло и снова все наши усилия были остановлены прокуратурой. К тому времени с Мадиной произошло нечто необычное.

Появилась аудиозапись, Мадина заявила, что голос не её и поэтому голос исследовали. Судебная фоноскопическая экспертиза подтвердила, что голос принадлежит ей, затем объяснение изменилось. Мадину допросили, и она заявила, что я манипулировал ею и оказывал давление, заставляя признаться. Манипулировал ею и давил на неё.

И именно здесь мне трудно совместить образ Мадины как моей напуганной жертвы с Мадиной, которую я продолжал видеть собственными глазами. У меня до сих пор хранится видео, которое Мадина записала сама. Она идёт по улице, в её глазах слёзы и она говорит о своей вечной любви ко мне. Она говорит, что может родить ещё одного ребёнка только от меня. Никто не стоит у неё за спиной и не заставляет это говорить. Она сама себя записывает. И в то же самое время она жила другой жизнью.

Она выполняла сексуальные действия на секс-камерах.

Она спала с другими мужчинами.

Она представляет себя законопослушной гражданкой, которая платит налоги, хотя Министерство внутренних дел Казахстана признало

деятельность секс-камов незаконной и арестовывало участвовавших в ней людей.

Я серьёзно сомневаюсь, что с этих доходов она платила налоги. Затем были наркотики, каннабис в Казахстане незаконен. У меня есть несколько видео, где Мадина его курит, и на этих видео она даже собственным голосом подтверждает, что это такое. Но, как я уже говорил:

Мадина любит играть жертву. И всё же эта глава уже не совсем о Мадине. Она о том, что происходит с тобой, когда куда бы ты ни повернулся, тебя ждёт очередное предательство.

Что остаётся после

Когда у тебя никогда не было ни одной плохой мысли о человеке, которого ты любил больше всего на свете, когда всё, что ты к ней чувствовал, было чистой безусловной любовью, а затем её за долю секунды у тебя отнимают, ты остаёшься параноидальным и оцепеневшим. Именно это произошло со мной. София была рядом, живая, затем я потерял сознание, а когда вернулся в этот мир, моей жизни уже не было. Моей дочери не было, свободы не было и карьеры не было. Моя семья находилась за тысячи километров. А люди, которые должны были установить, что произошло, строили дело так, чтобы я больше никогда не вышел из тюрьмы. Люди говорят о доказательствах.

О законе.

Об апелляциях.

Об экспертных исследованиях.

О судебных решениях.

О статьях уголовного кодекса.

Но ни одно из этих слов не описывает, что происходит у тебя в голове, когда всё это продолжается год за годом.

Ты становишься параноиком.

Ты немеешь внутри.

Ты начинаешь сомневаться во всех.

Когда кто-то предлагает помощь, ты думаешь, что ему нужно.

Когда кто-то тебе улыбается, ты думаешь, что происходит у тебя за спиной.

Когда наконец приходит хорошая новость, ты почти боишься в неё верить, потому что уже научился: надежда может исчезнуть так же быстро, как появилась.

И под всем этим — София.

София, вот та часть, которую никто не сможет исправить. Эта система не просто подвела меня. Она сознательно уничтожила меня за то, чего я не делал и после всего пережитого я знаю, насколько многое здесь было связано с деньгами.

Деньги, чтобы проблемы исчезали.

Деньги, чтобы менять исходы.

Деньги с иностранца.

Деньги с его семьи.

Деньги с его отчаяния.

Деньги с его надежды.

Каждый берёт что-то, пока в конце концов почти нечего больше брать, кроме тебя самого.

Вопрос, который я не могу перестать задавать

В конце концов ты достигаешь точки, когда уже даже не понимаешь, какую эмоцию должен чувствовать. Гнев? Горе? Страх? Ненависть? Истощение?

Ты чувствуешь всё это так долго, что в конце концов эмоции будто взаимно уничтожают друг друга и остаётся лишь оцепенение. И слишком часто я слышу в собственной голове песню, которую слушал подростком. DMX- Somebody's Knockin'. В песне он разговаривает с Богом. Он говорит:

«И вот я здесь, растерянный и полный вопросов: я рождён проигрывать или это просто урок?»

Когда я был подростком, это была просто песня. Я слушал эти слова и не мог представить, что однажды пойму их смысл. Я никогда не мог представить, что годы спустя буду сидеть в тюрьме в Казахстане, отбывая двадцатилетний срок за убийство собственной дочери, и задавать Богу тот же вопрос.

Я рождён проигрывать? Или это просто урок? Я до сих пор не знаю. Может быть, именно это и есть худшее чувство в мире.

Не ненависть, не гнев и даже не страх. Это потерять всё, что любил, знать, что ты не делал того, в чём тебя обвиняют, и остаться в живых достаточно долго, чтобы продолжать спрашивать: почему?

Глава 124: Годы, потерянные в борьбе

Люди измеряют тюремный срок годами. Десять лет, двадцать лет или пожизненно.

Но они не измеряют годы, которые ты теряешь, борясь. Со дня моего ареста Нурлану Болатову и прокурорам Бостандыкского района понадобился один год и восемь месяцев, чтобы закончить то, что они начали. Один год и восемь месяцев вмешательства в экспертные заключения, подготовки свидетелей, перестройки доказательств, изменения выводов и построения дела, которое в итоге приведёт к моему осуждению и отправит меня в тюрьму на двадцать лет. Можно подумать, что после обвинительного приговора борьба просто перешла на следующий этап. Апелляция, новые доказательства, новые адвокаты и новые заявления.

Так правовая система выглядит снаружи, но изнутри всё совсем иначе. Прошло ещё два года, прежде чем я наконец получил голосовые сообщения Мадины и сообщения WhatsApp, содержащие её признания. Подумайте об этом, целых два года. Когда ты на свободе, два года могут исчезнуть удивительно быстро. Ты работаешь, путешествуешь, отмечаешь дни

рождения, смотришь, как растут твои дети, меняешь работу и едешь в отпуск. Приходит очередной Рамадан, а за ней очередной Ид.

Для меня Рамадан никогда не был просто месяцем в календаре, а это была моя семья. Мы сидели вместе за столом, терпеливо ожидая момента, когда сможем разговеться. Смотрели друг на друга и понимали, не говоря почти ничего, за что именно мы благодарны. Это был месяц, когда семейное единство и любовь ощущались сильнее, чем в любое другое время года. Терпение, ожидание и еда перед нами, к которой никто не прикасался. Взгляды друг друга и тихое понимание, что какие бы проблемы ни существовали за пределами этой комнаты, мы вместе.

Затем приходил Ид. Проходил ещё один год. Когда ты свободен, редко задумываешься, насколько драгоценны эти моменты, пока живёшь ими. В тюрьме ты помнишь каждый из них и знаешь, что где-то снаружи твоя семья снова сидит за тем столом, только теперь один стул пуст. В тюрьме два года ощущаются иначе. Ты их считаешь и ты проживаешь каждый их день. А когда эти записи и сообщения наконец дошли до меня, я не мог просто нажать кнопку и выпустить их в мир. Они были у меня, я знал, что в них и я знал, что они означают. Но мне пришлось сидеть с ними до 2025 года, когда я наконец получил разрешение их опубликовать. Ещё годы, ещё ожидание, а вместе с ней ещё одна часть моей жизни уходит. Тем из вас, кому никогда не приходилось бороться с уголовным делом изнутри тюрьмы, нужно понять одну вещь о том, как правовая система может победить человека, даже не доказав, что он неправ.

Она истощает тебя.

Она истощает твои деньги.

Она истощает твою энергию.

И, эффективнее всего, она истощает твоё время.

Тебя арестовывают и изолируют. Внезапно почти всё, что раньше ты мог делать сам, теперь должен делать кто-то другой. Если снаружи у тебя нет людей, которые борются за тебя, это становится почти невозможным. И даже когда такие люди есть, ты становишься от них зависим.

Есть ли у них сегодня время?

Понимают ли они, что именно ты просишь их сделать?

Согласны ли они с тобой в том, что важно?

Не считают ли они, что для тебя лучше было бы что-то другое?

Действительно ли они передадут документ?

Подаст ли его адвокат?

Зарегистрирует ли его орган?

Ответит ли вообще кто-нибудь?

Ты можешь точно знать, что хочешь сделать, и при этом почти не иметь возможности добиться, чтобы это произошло. Адвокат говорит твоей семье:

«Нам нужна Мадина».

И внезапно это становится стратегией. Потом кто-то другой решает:

«Нужно подчеркнуть, что у него были эпилептические приступы».

А где-то, в камере за сотни километров, ты можешь кричать во всё горло: Я никогда не страдал эпилепсией. Я был капитаном авиакомпании и инструктором. Если бы я страдал эпилепсией, я не смог бы иметь медицинский сертификат, необходимый для профессиональных полётов. Я пытался объяснить совсем другое.

У меня случился приступ после того, как мне дали пару таблеток, когда я уже находился в состоянии крайнего истощения и недосыпания. Это не то же самое, что страдать эпилепсией. Ни с медицинской точки зрения, ни с профессиональной и ни с юридической.

Но как только используются неправильные слова, начинается ущерб. Адвокат говорит одно, переводчик переводит это плохо и как результат, плохой перевод превращается в дезинформацию.

Дезинформация попадает в документ. Документ попадает в дело, а затем там сидит следователь и ждёт любой возможности выставить твои аргументы нелепыми. Они увидели ошибку, они увидели, что адвокат описал меня как человека с эпилептическими приступами, они увидели, что перевод сделал положение ещё хуже и вместо того чтобы спросить, что я на самом деле имел в виду, они сразу за это ухватились. Конечно, ухватились, потому что теперь у них было то, на что можно указать и сказать: Посмотрите, даже его собственная защита не знает, что говорит.

Внезапно вместо обсуждения того, мог ли приступ быть вызван таблетками, истощением и всем остальным, что со мной произошло, разговор превращается в: У Мохамеда эпилепсия.

Только у Мохамеда нет эпилепсии, у меня никогда не было эпилепсии. И снова я нахожусь внутри тюремной камеры, пока другие люди снаружи решают, как описывать моё собственное тело, мою медицинскую историю и моё дело. Ты можешь кричать правду из камеры, но одно неудачно выбранное слово снаружи способно разойтись дальше, чем когда-либо дойдёт твой голос. И когда эта ошибка попадает к следователю или прокурору, они не станут исправлять её за тебя. Они её используют против тебя. Вот чего люди не понимают, когда говорят: Но у тебя же был адвокат.

Наличие адвоката не означает, что адвокат понимает всё. Оно не означает, что переводчик переводит всё правильно. Оно не означает, что дезинформация будет исправлена до того, как попадёт в материалы дела. И уж точно оно не означает, что обвинение даст тебе право на сомнение, когда ошибку совершила твоя собственная сторона.

Иногда происходит наоборот, твоя ошибка становится их возможностью и к тому времени, когда ты понимаешь, насколько плохо всё было представлено, это уже могли процитировать, повторить и использовать, чтобы подорвать твою позицию. Вот эту беспомощность я и пытаюсь объяснить. Ты борешься не только с обвинением.

Иногда ты борешься с плохим переводом.

Иногда — с дезинформацией.

Иногда — со стратегией собственного адвоката.

А иногда — со следователем, который просто ждёт одной ошибки с твоей стороны, чтобы использовать её и выставить всё остальное, что ты говоришь, нелепым.

А ты тем временем всё ещё в камере когда ущерб наносится снаружи.

Но что с этой жалобой?

Что с этим доказательством?

Что с этим свидетелем?

Что с этим противоречием?

Что с документом, который я ночами писал в тюремной камере?

Ты отдаёшь его кому-то, но часто он просто не попадает в материалы дела. На подготовку этого листка бумаги у тебя могли уйти дни. Задержка может стоить тебе месяцев. Адвокат, который боится потерять лицензию, не обязательно скажет тебе: Мохамед, мне страшно.

Он тянет время и уклоняется.

Говорит, что сейчас неподходящий момент.

Говорит, что, возможно, стоит подождать.

Говорит твоей семье, что есть другая стратегия.

А тем временем в тюрьме сидишь именно ты.

Ещё неделя, ещё месяц, ещё год и каждая задержка стоит денег. Адвокаты, переводы, экспертные заключения, документы, поездки, нотариусы, заявления и новые адвокаты, чтобы исправлять то, чего не сделали предыдущие. Иногда люди спрашивают, почему заключённые просто не продолжают жаловаться, пока кто-нибудь не услышит. Потому что тюрьма устроена не так, как внешний мир. Как только ты попадаешь в тюрьму, ты больше не просто отдельный человек. Всё, что ты делаешь, может повлиять на людей вокруг тебя.

С кем ты разговариваешь.

Кто разговаривает с тобой.

Что ты пишешь.

Что отправляешь наружу.

Что записываешь.

Что рассказываешь журналистам.

Что рассказываешь своему посольству.

Одна ошибка — и ты можешь сделать себя мишенью. Поэтому даже говорить правду приходится с расчётом.

Кому я могу доверять?

Кто вынесет это наружу?

Кто опубликует?

Что случится со мной после этого?

Что случится с человеком, который мне помог?

Вот ещё одна вещь, которую люди редко понимают. Ты можешь владеть правдой и при этом годами искать человека, достаточно бесстрашного, чтобы её опубликовать. Потому что каждому есть что терять.

У адвокатов есть лицензии.

У журналистов есть редакторы.

У редакторов есть владельцы.

У медиакомпаний есть юристы.

У политиков есть дипломатические отношения.

У правительств есть интересы.

Даже в Британии крупные СМИ боятся судебных исков. Они думают о правительствах и думают о том, что могут доказать, что могут напечатать и какие последствия могут последовать.

И ты снова ждёшь. А пока все остальные оценивают риск для себя, заключённый продолжает платить единственной валютой, которую он никогда не сможет заработать обратно- временем.

Есть ещё одна проблема, правительства не любят признавать, что они неправы. Чем дальше дело проходит по системе, тем труднее становится такое признание. Вначале, возможно, должен оказаться неправ один следователь.

Потом прокурор.

Потом судебные эксперты.

Потом ещё один прокурор.

Потом судья.

Потом апелляционный суд.

Потом старшие прокуроры.

Потом учреждения, которые рассмотрели жалобы и сказали, что ничего заслуживающего внимания нет.

В конце концов исправление одной несправедливости может потребовать от целой цепочки людей и учреждений признать, что они либо не увидели произошедшего, либо отказались его видеть. К тому времени ты уже борешься не с одним решением. Ты борешься со всеми, кто связал с этим решением своё имя, репутацию или власть. А некоторые из этих людей чрезвычайно влиятельны.

Ты не всегда их видишь. Ты не всегда знаешь, кто сделал телефонный звонок, кто с кем поговорил, кто решил, что дальше дело идти не должно, или почему дверь, которая будто начала открываться, вдруг снова захлопнулась. Ты ощущаешь только результат. Тишина, задержка и отказ. Ещё одна дверь, ещё одно заявление и ещё один год. Вот так исчезают годы. Не потому, что ты перестал бороться, а потому, что ты боролся.

Я потратил годы, пытаясь добиться исследования доказательств, которые должны были исследовать с самого начала.

Годы, пытаясь заставить людей посмотреть на противоречия, уже лежавшие внутри дела.

Годы, пытаясь добиться регистрации жалоб.

Годы, пытаясь найти адвокатов, готовых действовать.

Годы, пытаясь убедить журналистов опубликовать материал.

Годы, пытаясь заставить чиновников задавать вопросы.

Годы, пытаясь заставить людей понять, что двадцать лет чужой жизни — это не административное неудобство.

И всё это время часы продолжают идти. Есть нечто особенно жестокое в том, чтобы доказать свою правоту пять лет спустя. Люди поздравляют тебя. Это прекрасно, Мохамед, ты наконец-то добился этого, это всё меняет.

Может быть это что-то и меняет, но кто вернёт мне эти пять лет?

Кто вернёт дни рождения?

Кто вернёт Рамадан?

Кто вернёт Ид?

Кто вернёт вечера, когда мы сидели всей семьёй за столом и вместе ждали, чтобы разговеться?

Кто вернёт разговоры с моими родителями?

Кто вернёт годы, когда моя семья старела, а я наблюдал за этим через тюремные свидания и телефонные звонки?

Кто вернёт жизнь, которой я должен был жить, пока все решали, стоит ли прочитать ещё одну жалобу?

Никто, вот почему задержка может быть настолько мощным оружием.

Если не можешь победить человека доказательствами — измотай его.

Если не можешь ответить на его жалобу — затяни её.

Если он найдёт другого адвоката — пусть тратит ещё больше денег.

Если он найдёт новые доказательства — заставь его бороться, чтобы их признали.

Если он доберётся до другого учреждения — отправь его ещё куда-нибудь.

В конце концов, возможно, у него закончатся деньги. Возможно, его семья выдохнется, возможно, журналисты потеряют интерес, а возможно, адвокаты испугаются. А пока всё это происходит, его родители стареют, ведь годы стресса начинают сказываться на их здоровье. Сын, который когда-то взял на себя ответственность помогать им по жизни, внезапно исчез.

Его доход исчез и его присутствие исчезло. Вместо того чтобы проводить последние годы, зная, что сын рядом, они проводят эти годы, переживая за него, борясь за него, ожидая телефонных звонков и гадая, увидят ли когда-нибудь его снова свободным. И с каждым годом эта мысль пугает меня всё сильнее. Умрут ли мои родители печальными и обременёнными тем, что произошло со мной? Будет ли одной из их последних мыслей: Где Мохамед? Я хотел увидеть его в последний раз.

Какая правовая система возвращает эти годы? Какой суд компенсирует матери или отцу смерть в то время, когда их сын всё ещё заключён, ожидая, что кто-то исправит то, чего вообще не должно было произойти? Это годы,

отнятые не только у заключённого. Это годы, отнятые у целой семьи. И, возможно, это одна из самых жестоких частей всего происходящего.

Приговор распространяется.

Он выходит за стены.

Он входит в дом твоих родителей.

Садится с ними за обеденный стол.

Ложится вместе с ними спать ночью.

Становится телефонным звонком, которого они ждут.

Письмом, которое они надеются получить.

Новостью, которую они боятся услышать.

Вопросом, который они снова и снова задают себе:

Когда Мохамед вернётся домой?

Возможно, именно этого учреждения никогда не учитывают, когда откладывают дело ещё на месяц или ещё на год. Они видят дела, заявления, регистрационные номера, процедуры и сроки.

Человек за решёткой видит, как уходит его жизнь. Его родители видят, как уходят и их годы.

А если он не сдаётся?

Всегда есть ещё один год.

Это та часть моего приговора, которую ни один судья никогда не произносил- годы, потерянные в борьбе. Я потерял эти годы не потому, что перестал бороться. Я потерял их потому, что сама борьба заняла годы.

И, возможно, именно поэтому после всего произошедшего название этой книги значит для меня больше, чем когда-либо.

Они могут забрать твои деньги.

Они могут забрать твою карьеру.

Они могут забрать твою репутацию.

Они могут забрать твою свободу.

Они могут забрать годы, которые ты должен был провести с любимыми людьми.

И год за годом они могут забирать твоё время. Но есть одна вещь, которую ты никогда не должен отдавать добровольно- Надежду. Потому что надежда умирает последней.

Глава 125: Его Величество Король

Его Величество Карл Третий, Божией милостью Король Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии и других Его Королевств и Территорий, Глава Содружества, Защитник Веры. Пока я писал эту книгу, один мой друг, который поддерживал эту идею и подталкивал меня продолжать и закончить её, сделал предложение.

«Может быть, мы могли бы попросить адвоката отправить твою книгу королю Карлу».

Я улыбнулся, потому что он не знал о моей давней детской мечте. Я всегда мечтал, что однажды член Королевской семьи прочитает что-нибудь из написанного мной. Конечно, тогда речь шла о матери Его Величества, покойной Её Величестве королеве Елизавете II. Поэтому эта последняя глава здесь — на случай, если моя детская мечта когда-нибудь сбудется. На случай, если каким-то образом эта книга попадёт в руки Его Величества короля Карла III. И если это произойдёт, есть кое-что, что я хотел бы, чтобы он знал о человеке, написавшем её.

Вспышка воспоминаний

Как я упоминал в начале книги, я родился напротив Биг-Бена, в больнице Святого Томаса, 30 августа 1978 года. Первый воздух, которым я дышал, был лондонским, первая вода, которую я когда-либо пил, была водой Темзы, впервые я открыл глаза в Hutchings House. Мои первые слова были на английском, и первым алфавитом, который я выучил, был английский. Моё детство наполнено воспоминаниями. Knock Down Ginger, BMX с трюковыми пегами, Top of the Pops и EastEnders, Coronation Street и Only Fools and Horses. Last of the Summer Wine, Spitting Image и News at Ten как один из последних образов перед тем, как экран телевизора начинал рябить BBC и ITV.

Угловой магазин, забитый Hula Hoops и Skips, Lucozade Original и Um Bongo, фруктовым льдом Calypso и Cornetto, Yorkie и After Eight.

Школьные обеды — картошка фри с фасолью, ревень с заварным кремом на десерт.

Остановка автобуса 137 прямо внизу, двухэтажные автобусы и чёрные кэбы, соль и уксус в fish-and-chips.

Ford Cortina и Granada, позже в жизни RS Turbo и Cosworth, журнал Fast Car, верхние полки, забитые «взрослой» продукцией.

The Sun, Page 3, Samantha Fox.

Коллекционирование марок означало Penny Black — ещё во времена однопундовой банкноты.

Carry On, смех, «Rodney, you plonker!», десять B&H или пачка Silk Cut.

Мюзикл Annie или Fiddler on the Roof.

Креветки butterfly на Queensway в Khan's, потом в Uxbridge за fish and chips в Jack's.

RAF Northolt или Battersea Power Station.

Лето в Hyde Park или часы под дождём у Buckingham Palace в ожидании, что кто-нибудь помашет рукой.

Наркоманы у King's Cross или мечеть Regent's Park.

Одно воспоминание за другим. Вспышка воспоминаний. Хорошее, плохое, прекрасное, глупое — вещи, которые могут ничего не значить для человека, которого там не было, но значат для меня всё. Вспышки жизни, которые делают меня не просто британцем. Я лондонец и я этим горжусь.

Горжусь всем этим.

Своей юностью.

Своей жизнью.

Своим наследием.

Своим домом.

Паспорт

У меня есть паспорт столько, сколько я себя помню. Моим первым британским паспортом был большой чёрный паспорт с белыми вкладышами. Затем появился бордово-красный британский паспорт. Иногда у меня одновременно было два действующих паспорта. Как пилоту авиакомпании, нам разрешалось иметь второй британский паспорт, который можно было оставить дома на случай, если другой потеряется или будет отправлен для оформления специальной визы. Паспорта стали частью моей жизни. Иммиграционные стойки, коридоры для экипажей, визы, штампы о въезд и штампы о выезде.

Страны, о посещении которых большинство людей мечтает, стали местами, куда я летал по работе. Теперь британский паспорт тёмно-синий. Цвета изменились, Монарх изменился, но внутри этого паспорта всегда было нечто, значившее для меня гораздо больше, чем его цвет. Слова, которые я перечитывал снова и снова. Слова, в которых я всегда находил утешение. Сегодня, при Его Величестве короле Карле III, они гласят:

«Государственный секретарь Его Британского Величества от имени Его Величества просит и требует от всех, кого это может касаться, позволить предъявителю свободно проходить без препятствий и задержек и оказывать предъявителю такую помощь и защиту, какие могут быть необходимы».

Я читал эти слова столько раз. Возможно, большинство людей открывают паспорт, проверяют фотографию, срок действия и больше никогда об этих словах не думают. Я думал, может быть, потому что так много путешествовал.

Может быть, потому что эта маленькая книжка сопровождала меня по всему миру. И если Home Office не совершает одну и ту же ошибку последние сорок восемь лет, то в графе Nationality моего паспорта написано: BRITISH CITIZEN. И если всё моё детство и юность не были всего лишь сном, то эти два слова — не просто надпись внутри паспорта. Они часть того, кто я есть.

Без препятствий и задержек

Сегодня эти слова значат для меня совсем другое.

«.позволить предъявителю свободно проходить без препятствий и задержек».

Препятствия: Я провёл годы в заключении в Казахстане. Меня приговорили к двадцати годам за убийство собственной дочери, за преступление, которого я не совершал.

На протяжении этой книги я показывал вам, как оказался здесь. Я рассказал вам о Софии, о Мадине, о расследовании, о свидетелях, о судебных доказательствах, о противоречиях, об экспертах, об адвокатах, о прокурорах, о судье, о тюрьме, о деньгах, о коррупции, о записях, о признаниях и о годах,

которые последовали. Я рассказал вам, что произошло с Мохамедом Баракатом после того, как утром 24 октября 2019 года он потерял сознание в гостиничном номере в Алматы. В один момент я был капитаном авиакомпании, готовившимся ехать на работу, мужем, отцом, сыном, братом и Лондонцем. А потом я проснулся внутри кошмара, но он так и не закончился.

Помощь и защита

Но в словах внутри моего паспорта есть ещё одна часть:

«.и оказывать предъявителю такую помощь и защиту, какие могут быть необходимы».

Помощь и защита это очень сильные слова, когда держишь британский паспорт в аэропорту. Ещё более сильные слова, когда ты британский гражданин, сидящий в иностранной тюрьме. Я вырос с убеждением, что эти слова что-то значат. Я всё ещё хочу верить, что они что-то значат. Нынешнее лейбористское правительство возглавляет партия, за которую я когда-то голосовал. Но с того места, где я сижу сегодня, я не считаю, что просьбу о свободном проходе, помощи и защите они восприняли настолько серьёзно, насколько серьёзно звучат эти слова.

Они наблюдали, как Казахстан не просто препятствовал мне, но делал прямо противоположное помощи и защите.

Они наблюдали, как проходят годы.

Наблюдали, как я оспариваю этот приговор.

Им рассказали о доказательствах.

Им рассказали о том, что происходило во время расследования и суда.

Им рассказали об обращении, которое мне пришлось пережить.

Они знают, что я здесь и я всё ещё здесь.

Я не прошу Его Величество Короля решать уголовное дело.

Я не прошу его выступать в роли судьи.

Я не прошу Короля объявить меня невиновным просто потому, что я написал книгу, в которой утверждаю это.

Всю эту книгу я рассказывал вам, почему я невиновен. Я показал вам, что произошло. Рассказал, где существуют доказательства. Рассказал, что было проигнорировано.

Прочитайте и задавайте вопросы. Не соглашайтесь со мной, если не хотите, но посмотрите.

Потому что за каждым номером дела, каждым дипломатическим письмом и каждым тюремным идентификационным номером находится человек. А за этим человеком — семья. Моя семья усвоила этот урок самым жестоким способом.

Если эта книга когда-нибудь дойдёт до Вас

Итак, если эта детская мечта когда-нибудь действительно сбудется — если кто-то действительно положит эту книгу перед Его Величеством королём Карлом III — то, возможно, я могу обратиться с одной просьбой. Не как капитан авиакомпании. Не как человек, просящий особого отношения. Не

потому, что когда-то моя жизнь была комфортной. Не потому, что я объездил весь мир. Просто как один из Ваших подданных. Британский гражданин. Человек, родившийся в больнице Святого Томаса напротив Биг-Бена.

Мальчик, чьи воспоминания — Knock Down Ginger и BMX, двухэтажные автобусы и чёрные кэбы, картошка с солью и уксусом, Top of the Pops и Only Fools and Horses, лето в Hyde Park и часы под дождём возле Buckingham Palace в ожидании взмаха руки. Мальчик, который вырос, стал пилотом авиакомпании и носил этот британский паспорт по всему миру. Отец, потерявший дочь, а теперь — уставший лондонец, столкнувшийся с коррумпированной правовой системой за границей. Ваше Величество, если позволите, у меня одна просьба. Паспорт, выданный мне от Вашего имени, просит всех, кого это может касаться, позволить его предъявителю свободно проходить без препятствий и задержек и оказывать ему такую помощь и защиту, какие могут быть необходимы. Казахстан не позволил мне свободно пройти. Он препятствовал мне всеми возможными способами. И я не считаю, что оказанная мне помощь и защита соответствовали серьёзности произошедшего.

Поэтому я прошу о чём-то очень простом: Пожалуйста, поинтересуйтесь, почему Казахстан так обращался с одним из Ваших подданных. Это всё, о чём я прошу. Кто-нибудь, где-нибудь, обладающий властью заставит людей отвечать на вопросы:

Пожалуйста, посмотрите, что со мной произошло.

Посмотрите на доказательства.

Посмотрите, что было проигнорировано.

Посмотрите, что было изменено.

Посмотрите, что исследовали повторно.

Посмотрите, что сказали свидетели.

Посмотрите, что сказала Мадина.

Посмотрите, что она записала позднее.

Посмотрите, что говорят судебные доказательства.

Посмотрите, как проводилось расследование.

Посмотрите, как проходил суд.

А затем задайте Казахстану один вопрос: Почему?

Я задаю его уже много лет. Моя семья задаёт его уже много лет. Может быть, однажды его задаст и тот, кого они не смогут проигнорировать. А до тех пор я остаюсь тем, кем был всегда. Британским гражданином. Лондонцем. Отцом Софии. И всё ещё ждущим возвращения домой.

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ.

Вместо послесловия

Если вы читаете эти строки, значит, вы прошли со мной весь путь этой книги. Я не знаю, какое мнение сложилось у вас обо мне. Возможно, вы поверили моим словам, а возможно, у вас остались сомнения. Возможно, после прочитанного у вас появилось ещё больше вопросов. Я не прошу вас безоговорочно становиться на мою сторону. Я прошу только одного — не позволяйте вопросам оставаться без ответов. За этими страницами стоит не литературный сюжет. Это моя жизнь. Это смерть моей дочери. Это годы заключения. Это люди, которых я встретил за решёткой. Это то, что я увидел своими глазами и пережил сам. Семь лет я веду борьбу за правду и справедливость и эта борьба не заканчивается последней страницей этой книги. Я буду продолжать её столько, сколько потребуется.

Я не прошу забыть вынесенный мне приговор. Я прошу проверить обстоятельства, которые привели к нему. Если я неправ — пусть это будет доказано фактами. Но если была совершена ошибка, какой бы тяжёлой и неудобной ни была правда, она должна быть признана. Я по-прежнему хочу одного: чтобы обстоятельства смерти моей дочери и моего уголовного дела были исследованы полно, объективно и беспристрастно. Возможно, один человек не способен изменить систему. Но один человек способен отказаться молчать. Этой книгой я сделал всё, что мог, чтобы мой голос вышел за стены заключения. Теперь моя история находится в ваших руках. Говорите о ней, задавайте вопросы, проверяйте факты и делайте собственные выводы. Потому что справедливость начинается не с веры в чьи-то слова. Она начинается с желания узнать правду.

И пока существует хотя бы один человек, готовый её искать, остаётся надежда. А надежда умирает последней.

Источники

Отсканируйте QR-код, чтобы открыть материал

Instagram

Orda.kz

YouTube

NewTimes

Instagram

The Sun

Academia.edu

The Mirror

Dazzling Dawn

Al-Arab In UK

Beirut Times

Aldiplomasy